

Министерство внутренних дел Российской Федерации
The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

Юридическая наука и практика:

Вестник Нижегородской академии МВД России

**Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год**

№ 1 (57)

Legal science and practice:

Journal of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

**Founded in 2001
Published 4 times a year**

Нижний Новгород 2022

Юридическая наука и практика

**Вестник
Нижегородской академии МВД России
№ 1 (57)**

2022

Адрес редакции и издателя:
603144, Нижегородская область,
Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
Нижегородская академия МВД России
Редакционно-издательский отдел
Тел.: (831) 421-73-21

E-mail: rio_na@mvd.gov.ru

**Включен ВАК при Минобрнауки России
в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук**

**Включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)**

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-38354
от 11 декабря 2009 года

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 80785

Главный редактор *В. М. Баранов*
Редактор *А. С. Коробова*
Компьютерная верстка *Г. А. Федуловой, А. Е. Горячковой*
Дизайн обложки *К. А. Быкова*

Тираж 1000 экз. Заказ № 33.
Свободная цена.
Дата выхода в свет 31.03.2022

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной
печати Нижегородской академии МВД России.

603144, Нижегородская область, Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

© Нижегородская академия МВД России, 2022

Legal science and practice

16+

**Journal of Nizhny Novgorod academy
of the Ministry of internal affairs of Russia
№ 1 (57)**

2022

Address of the editorial and publishing office:
Editorial and publishing department, Nizhny Novgorod
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia
Tel.: (7-831) 421-73-21

E-mail: rio_na@mvd.gov.ru

**The journal is included in the list of peer-reviewed
scientific journals and publications,
where main research results of doctoral dissertations
should be published**

**The journal is included in the system
of the Russian Science Citation Index**

Published 4 times a year

The Journal is registered at the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate number PI no. FS77-38354
as of December 11, 2009

Subscription index
at the General catalogue
“The Press of Russia”: 80785

Editor-in-chief *V. M. Baranov*
Editor *A. S. Korobova*
DTP *G. A. Fedulova, A. E. Goryachkova*
Cover design *K. A. Bykov*

1000 copies. Order no. 33.
Free price.
Release date 31.03.2022

Printed at the printing section of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia

Редакционный совет

Председатель:

Архипов Дмитрий Николаевич — начальник Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент, член Российской академии юридических наук

Члены редакционного совета:

Баранова Марина Владимировна — профессор кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Баулин Олег Владимирович — профессор кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Бондарь Николай Семенович — судья Конституционного Суда Российской Федерации (в отставке), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Белоусов Сергей Александрович — проректор по научной работе Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Власенко Николай Александрович — главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Головкин Роман Борисович — профессор кафедры теории и истории государства и права Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Грибунов Олег Павлович — проректор по научной работе Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Ершова Елена Александровна — заведующая кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Исаков Владимир Борисович — профессор-исследователь Департамента теории права и межотраслевых юридических дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Союза писателей Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Капустин Анатолий Яковлевич — научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заведующий отделом международного права, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Карагодин Валерий Николаевич — заведующий кафедрой криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Лазарев Валерий Васильевич — главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Мацкевич Игорь Михайлович — профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, руководитель лаборатории антикриминальных исследований в сфере энергетической безопасности Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина, президент Союза криминалистов и криминологов, президент Международного фонда правовых инициатив, главный ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Москалькова Татьяна Николаевна — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Поляков Михаил Петрович — профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Попондопуло Владимир Федорович — заведующий кафедрой коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Саннинский Роман Александрович — председатель Арбитражного суда Нижегородской области, кандидат юридических наук (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Стариков Юрий Николаевич — декан юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Супрунов Александр Германович — первый заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по учебной работе), кандидат юридических наук

Тарасов Николай Николаевич — профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Терещенко Людмила Константиновна — заместитель заведующего отделом административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Тихомиров Юрий Александрович — главный научный сотрудник — руководитель фундаментальных исследований Центра публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Alfonso Serrano-Maillo (Альфонсо Серрано-Майло) — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (Мадрид, Испания), доктор права, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Editorial council

Chairman:

Arkhipov Dmitry N. — Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Member of the Russian Academy of Legal Sciences

Members of editorial board:

Baranova Marina V. — Professor of the Department of labor and environmental law National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Doctor of Law, Candidate of Sciences (Cultural Studies), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Baulin Oleg V. — Professor, Department of Civil Law and Procedure, Voronezh State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Bondar Nikolay S. — Justice of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Belousov Sergey A. — Vice-rector for Research, Saratov State Academy of Law, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Vlasenko Nikolay A. — Chief Scientific Officer of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation, Professor of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Golovkin Roman B. — Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Vladimir state university named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Gribunov Oleg P. — Vice-rector for scientific work of the Baikal State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Yershova Yelena A. — Head of Department of Labor and Social Security Law, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Isakov Vladimir B. — Research Professor at the Department of Legal Theory and Cross-industry Legal Disciplines, National Research University "The Higher School of Economics", Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Writers' Union of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kapustin Anatoly Ya. — Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Head of the International Law Department, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Karagodin Valery N. — Head of the Department of Criminalistics of the Yekaterinburg Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law,

Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Lazarev Valery V. — Chief Researcher at the Center for Basic Legal Research, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Matskevich Igor M. — Head of Department of Criminology and Penal Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor of The Department of Criminal Law and Criminology, Lomonosov Moscow State University, President of the Union of Criminologists and Criminologists Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Moskalkova Tatyana N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Polyakov Mikhail P. — Professor of the Department of Criminal Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Popondopulo Vladimir F. — Head of the Department of Commercial Law, St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Saninsky Roman A. — Chairman of Arbitration Court of Nizhny Novgorod Region, Candidate of Legal Sciences (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Starilov Yuri N. — Dean of the Law Faculty of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Suprunov Alexander G. — The First Deputy Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic work), Candidate of Legal Sciences (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tarasov Nikolay N. — Professor of the Department of Theory of State and Law, Ural State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tereshchenko Lyudmila K. — Deputy Head of Department of Administrative Legislation and Procedure, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Tikhomirov Yuriy A. — Senior Researcher — Head of Fundamental Research, Center for Public Law Research, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Alfonso Serrano-Maillo — Head of the Department of Criminal Law and Criminology, National University of Distance Education (Madrid, Spain), Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Баранов Владимир Михайлович — помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Заместитель главного редактора:

Смолин Алексей Юрьевич — начальник редакционно-издательского отдела Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук

Члены редакционной коллегии:

Анисимов Алексей Павлович — профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Бирюков Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Болтанова Елена Сергеевна — заведующий кафедрой гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Булатов Борис Борисович — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Бут Надежда Дмитриевна — заведующая отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в социально-экономической сфере Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Вавилин Евгений Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, член Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Валеев Дамир Хамитович — заместитель декана юридического факультета Казанского федерального университета по научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Горшенков Геннадий Николаевич — профессор кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Гусев Алексей Васильевич — профессор кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Демин Александр Васильевич — профессор кафедры коммерческого, предпринимательского, конкурентного и финансового права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юридических наук (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Демичев Алексей Андреевич — профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Кириллов Михаил Андреевич — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Кодан Сергей Владимирович — профессор кафедры теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Корнев Аркадий Владимирович — заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Крохина Юлия Александровна — заведующая кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Крусс Владимир Иванович — заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Кузнецов Александр Павлович — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Кучеров Илья Ильич — первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Лушников Андрей Михайлович — заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Мартынов Алексей Владимирович — заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Милюков Сергей Федорович — профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Миронов Анатолий Николаевич — профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Моисеев Алексей Александрович — член Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, доктор права Австралии (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Овчинников Алексей Игоревич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного Федерального университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Орлова Александра — вице-декан факультета по науке и аспирантуре, профессор Департамента криминологии Университета Райерсона (Торонто, Канада), доктор права, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Павлов Вадим Иванович — начальник кафедры теории и истории государства и права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, до-

цент (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Ромашов Роман Анатольевич — профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Сафин Завдат Файзрахманович — заведующий кафедрой экологического, трудового права и гражданского процесса Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Сергевнин Владимир Анатольевич — директор Центра прикладного уголовного правосудия, профессор Западного Иллинойского университета (США) (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Сизимова Ольга Борисовна — проректор по правовой и кадровой работе, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Соловьева Татьяна Владимировна — профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, член экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Тарасов Анатолий Михайлович — главный советник генерального директора по юридическим вопросам АО «Лаборато-

рия Касперского», главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Терехин Владимир Вячеславович — заместитель директора по научной работе Приволжского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки).

Тимофеев Лев Александрович — профессор кафедры земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Толстик Владимир Алексеевич — начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Фатьянов Алексей Александрович — заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Шестерякова Ирина Владимировна — профессор кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Editorial board

Editor-in-chief:

Baranov Vladimir M. — Assistant to Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Research Development, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Deputy editor-in-chief:

Smolin Aleksey Yu. — Head of the Editorial and Publishing Department, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law)

Members of editorial board:

Anisimov Aleksey P. — Professor of Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Institute of Management — a Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Biryukov Pavel N. — Head of Department of International and Eurasian Law School of Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Boltanova Yelena S. — Head of Department of Civil Law, National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Bulatov Boris B. — Professor of the Department of Criminal Procedure, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

But Nadezhda D. — Head of Department of scientific support of prosecutorial supervision and strengthening the rule of law in the socio-economic sphere Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Vavilin Evgeniy V. — Head of the Department of Civil Law, Saratov State Academy of Law, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Valeyev Damir Kh. — Deputy Dean for Research, School of Law of Kazan Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Gorshenkov Gennady N. — Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 - criminal law)

Gusev Aleksey V. — Professor of the Department of Criminalistics, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Demin Aleksandr V. — Professor, Department of Commercial, Entrepreneurial, Competitive and Financial Law of the Law Institute of Siberian Federal University, Doctor of Law (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Demichev Alexey A. — Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Candidate of Sciences (History), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kirillov Mikhail A. — Professor, Department of Criminal and Penal Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Kodan Sergey V. — Head of the Department of Theory and History of State and Law, Ural Academy of Public Administration, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kornev Arkady V. — Head of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Krokhina Yulia A. — Professor, Head of the Department of Legal Disciplines, Supreme State Audit School (Faculty) of Moscow

State University named after M. V. Lomonosov, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Kruss Vladimir I. — Head of Department of Theory of Law, Tver State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kuznetsov Alexander P. — Professor of the Department of Criminal and Penal Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Kucherov Ilya I. — The first Deputy Director, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Lushnikov Andrey M. — Head of Department of Labor and Financial Law, Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Martynov Alexey V. — Head of Department of Administrative and Financial Law, Law School, National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Milukov Sergey F. — Professor of the Department of Criminal Law, the Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Mironov Anatoly N. — Professor at the Department of Public Protection Bodies Management (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Moiseyev Alexey A. — The Member Russian Association of International Law, Doctor of Law, J. D. (Australia) (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Ovchinnikov Aleksey I. — Deputy Director of the Department of Theory and History of State and Law of the Southern Federal University, Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Rostov branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Orlova Alexandra — Associate Dean-research and Graduate Studies, Associate Professor in the Department of Criminology at Ryerson University (Toronto, Canada), Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Pavlov Vadim I. — Head of the Department of Theory and History of State and Law, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Sciences (law), Associate Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Romashov Roman A. — Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement Activity of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Safin Zavdat F. — Head Department of Environmental Law, Labor Law and Civil Procedure, School of Law, Kazan (Privolzhsky) Federal University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Sergevnin Vladimir A. — Director of the Center for Applied Criminal Justice, Professor, Western Illinois University (USA) (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Sizemova Olga B. — Vice-rector for legal and personnel work, Head of the Department of Civil Law and Procedure of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Solovyeva Tatyana V. — Professor, Department of Civil Procedure, Saratov State Academy of Law, a member of the Advisory Board under the Committee of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation on Constitutional Legislation and State-Building, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Tarasov Anatoly M. — Chief Advisor of the General Director of the Kaspersky Lab JSC for the Juridical Questions, Chief Scientist, Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Employee of the Internal Affairs of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Terekhin Vladimir V. — Deputy Director for Research of the Volga Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State University of Justice”, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Timofeyev Lev A. — Professor, Department of Land and Environmental Law, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education

of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Tolstik Vladimir A. — Head of the Department of Theory and History of State and Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Fatyanov Aleksey A. — Head of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines, Plekhanov Russian Economic University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Shesteryakova Irina V. — Professor, Department of Labor Law, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Вступительное слово

Люлин Е. Б. Два десятилетия эффективной работы. Ассоциация законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации Приволжского федерального округа отмечает 20-летие своей деятельности

13

Общетеоретические и исторические проблемы юридической науки и практики

Баранов В. М., Лаврентьев А. Р., Лаврентьева Н. А. Институт координатора Ассоциации законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации федерального округа в системе публичного управления (на примере Приволжского федерального округа): содержательные и технико-юридические проблемы, перспективы развития

15

Лушин А. Н., Чудецкая К. А. Преобразование России в государственных воззрениях В. И. Гурко (1862—1927): проект (опыт программы) из русской эмиграции

28

Отраслевые проблемы юридической науки и практики

Вершинина Е. С., Щербаклова М. П. Коммерческая тайна: понятие, условия обработки

33

Галковская В. Е. Государственная экологическая экспертиза проектов технической документации на новые технику, технологию и вещества: пробелы в нормах действующего законодательства

37

Илюхина В. А. Классификация принципов семейного права России

44

Кострова О. В. Особенности правового статуса индивидуального предпринимателя при привлечении к административной ответственности в случаях признания его несостоятельным (банкротом)

52

Ламтева А. В. Конвергентные начала современного уголовного процесса

58

Макарейко Н. В. Правовые риски цифровизации оказания медицинской помощи

67

Морозов О. Л., Корелов О. А., Маркушин А. Г. О возможности применения искусственного интеллекта в управленческой деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации

75

Ольшевский А. В. Цифровизация кадровой работы в органах внутренних дел Российской Федерации

81

Поздышев Р. С. Об эффективности правовой экспертизы уголовно-процессуального законодательства

87

Репьев А. Г., Репьева А. М. Безопасность несовершеннолетних: угрозы и приоритеты обеспечения

92

Русаков М. И., Цветков В. В. Концепции конституционно-правового регулирования организации и функционирования муниципальной милиции в современной России

98

Welcome speech

Lyulin E. B. Two decades of effective work. The Association of Legislative Authorities of the Subjects of the Russian Federation of the Volga Federal District celebrates its 20th anniversary

The problems of general theory and history of legal science and practice

Baranov V. M., Lavrentev A. R., Lavrenteva N. A. Institute of coordinator of the Association of legislative public authorities of the subjects of the Russian Federation of the federal district in the system of public authority (on the example of the Privolgzkiy federal district): substantive and technical-legal problems, prospects for its development

Lushin A. N., Chudetskaya K. A. Transformation of Russia in the State Views of V. I. Gurko (1862—1927): a project (program experience) from Russian emigration

Branch problems of legal science and practice

Vershinina E. S., Shcherbakova M. P. Trade secret: concept, processing conditions

Galkovskaya V. Ye. State environmental expertise of draft technical documentation for new equipment, technology and substances: gaps in the norms of the current legislation

Ilyukhina V. A. Classification of the principles of family law of Russia

Kostrova O. V. The peculiarity of the legal status of an individual entrepreneur when brought to administrative responsibility in cases of recognition as insolvent (bankrupt)

Lamteva A. V. The convergent fundamentals of the modern criminal procedure

Makareyko N. V. Legal risks of digitalization of medical care

Morozov O. L., Korelov O. A., Markushin A. G. On the possibility of using artificial intelligence in management activities in the internal affairs bodies of the Russian Federation

Olshevsky A. V. Digitalization of personnel work in internal affairs bodies of the Russian Federation

Pozdyshev R. S. On the effectiveness of legal expertise of criminal procedure legislation

Repev A. G., Repeva A. M. Juvenile safety: threats and priorities provision

Rusakov M. I., Tsvetkov V. V. Concepts of constitutional and legal regulation of the organization and functioning of municipal police in modern Russia

**СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT**

Ситникова А. И. Посягательство на жизнь мнимо беременной женщины	104	Sitnikova A. I. Encroachment on the life of an allegedly pregnant woman
Станкин А. Н. Военная безопасность: проблемы правового регулирования	109	Stankin A. N. Military security: problems of legal regulation
Ульянов М. В. Современные тенденции зарубежных исследований терроризма	113	Ulyanov M. V. Modern trends in foreign studies of terrorism
Шарипова А. Р. К вопросу о возможности законодательного разделения досудебного и судебного производства по уголовным делам	120	Sharipova A. R. On the issue of the possibility of legislative separation of pre-trial and trial proceedings in criminal cases

Трибуна молодого ученого

Абросимов И. И. К вопросу о форме нормативной регламентации следственных действий, планируемых к проведению в дистанционном режиме	128
Виссаров В. А. Крупный и особо крупный размеры как конструктивные признаки состава преступления, предусмотренного статьей 171 ³ Уголовного кодекса Российской Федерации	134
Елисеева В. С. Технологии совершенствования антикоррупционного законодательства в Российской Федерации	140
Кобленков А. Ю. О перспективах использования цифровизации и искусственного интеллекта в качестве технологий обеспечения личной безопасности граждан и сотрудников полиции	147
Кравец К. В. Соотношение права и нравственности в концепции Л. И. Петражицкого	153
Леонтенкова Е. А. Права коренных малочисленных народов России: теоретико-правовой аспект	160
Магнутов Ю. С. Особенности правовой оценки субъективных элементов составов преступлений, содержащих признаки специальных организованных форм экстремистской деятельности	168
Огорелков Д. А. Наказание в виде штрафа по уголовному законодательству России и Монголии: истоки и современность	178
Тангриева В. Н. К вопросу о дифференциации предварительного расследования	184
Телевицкая Ю. А. Особенности изъятия и осмотра средства мобильной связи	189
Фомин В. Ю. О понятии обеспечительных мер в праве	195
Хабибуллин Л. Р. Перспективы развития уголовной политики в области противодействия массовым беспорядкам: теория, техника, практика	201
Шишев В. С. Понятие унификации предварительного расследования в свете многомерности идеи унификации	208
Элизбарян А. С. Подготовка кадров системы Министерства внутренних дел Российской Федерации: задачи и перспективы развития	213

Конференции, семинары, круглые столы

Всемирный день философии	
Дахин А. В. Россия как правовое государство: проблема конституционной идентичности и роль коллективной памяти	218

A young scientist's forum

Abrosimov I. I. On the question of the form of regulatory regulation of investigative actions planned to be carried out remotely
Vissarov V. A. Large and especially large sizes as construction signs of the crime under article 171 ³ of the Criminal Code of the Russian Federation
Eliseeva V. S. Technologies of anti-corruption legislation improving in the Russian Federation
Koblenkov A. Yu. On the prospects of using digitalization and artificial intelligence as a positive vector for the development of security technologies of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Kravets K. V. Relationship of law and morals in the concept L. I. Petrazhitzky
Leontenkova E. A. Rights of Indigenous Peoples of Russia: theoretical and legal aspect
Magnutov Yu. S. Peculiarities of legal assessment of subjective elements of offenses containing signs of special organized forms of extremist activity
Ogorelkov D. A. Penalty in the form of a fine under the criminal legislation of Russia and Mongolia: origins and modernity
Tangrieva V. N. To the question of differentiation of the preliminary investigation
Televitskaya Yu. A. Features of withdrawal and inspection of mobile communication equipment
Fomin V. Yu. On the concept of interim measures in law
Khabibullin L. R. Prospects for the development of criminal policy in the field of combating riots: theory, technique, practice
Shishev V. S. The concept of unification of the preliminary investigation in the light of multidimensionality unification ideas
Elizbaryan A. S. Training of Personnel for the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: problems and development prospects

Conferences, round tables, seminars

World philosophy day	
Dakhin A. V. Russia as the law state: aspects of constitutional identity and factor of collective memory	

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

Фатенков А. Н. Право на прошлое: вечное возвращение и лабиринты памяти	223	Fatenkov A. N. The Right to the Past: Eternal Return and the Labyrinths of Memory
Треушников И. А. Рефлексия правосознания сквозь призму религиозной философии	225	Treushnikov I. A. Reflection of legal consciousness through the prism of religious philosophy
Анисин А. Л. Правотворчество как память и как продуктивное воображение	228	Anisin A. L. Law-making as a memory and as a productive imagination
Зубкевич Л. А. Субъект общественного развития и переходные состояния исторического процесса в контексте социально-исторической памяти	232	Zubkevich L. A. The subject of social development and transitional states of the historical process in the context of socio-historical memory
Синченко Г. Ч. Закон и память	234	Sinchenko G. Ch. Law and memory
Ивашевский С. Л. Память о социальном порядке и порядок социальной памяти	236	Ivashovsky S. L. The memory of social order and the order of social memory
Супрунов А. Г., Васильев В. В. Развитие исторической памяти в образовательном пространстве вуза МВД России: методические и аксиологические аспекты	239	Suprunov A. G., Vasiliev V. V. Development of historical memory in the educational space of the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia: methodological and axiological aspects
Сулима И. И. Коллективная память в современных философских исследованиях	241	Sulima I. I. Collective memory in modern philosophical research
Закунов Ю. А. Ценность правосознания в наследовании культурных традиций российской цивилизации	243	Zakunov Yu. A. Value of legal consciousness in inheritance of cultural traditions of Russian civilization
Парилов О. В. О соотношении традиционного и общечеловеческого в праве	245	Parilov O. V. On relationship of traditional and common to all mankind in law
Денисова Л. В. Науки о праве в системе гуманитарного знания	247	Denisova L. V. Sciences of law in the system of humanitarian knowledge
Поляков М. П. Уголовно-процессуальное право: вечный потенциал забытых концепций	249	Polyakov M. P. Criminal procedure law: the eternal potential of forgotten concepts
Марченя П. П., Стрелкова Н. В. Право и смута: массовое правосознание в контексте формирования и преодоления системных кризисов в России	251	Marchenya P. P., Strelkova N. V. Law and Turmoil: Mass Legal Awareness in the context of the formation and overcoming of systemic crises in Russia
Матвиенко Е. А. Права человека в XXI столетии: новые вызовы и угрозы	253	Matvienko E. A. Human rights in the 21st century: new challenges and threats
Зуева О. В., Демидов Н. Н. Мониторинг общественного мнения о деятельности полиции: история развития системы исследования	256	Zueva O. V., Demidov N. N. Public opinion monitoring on police activity: the history of the development of the research system
Сальников Е. В. Трансформация этических и методических принципов юридического образования: от философского многообразия к дистанционной монополии	259	Salnikov E. W. Transformation of ethical and methodological principles of legal education: from philosophical diversity to online monopoly
Горбачева С. В. Правовые проблемы развития института общественных инициатив в России и пути их решения в контексте реализации политики памяти	262	Gorbacheva S. V. Legal problems of the development of the Institute of Public Initiatives in Russia and ways to solve them in the context of the implementation of the memory policy
Зернов Д. В. Медиатизация исторической памяти молодежи и проблемы регулирования фейковой информации	265	Zernov D. V. Mediatization of the historical memory of youth and the problems of regulation of fake information
Федосеева О. И. Идеи права и справедливости как культурные архетипы коллективной социально-исторической памяти русского народа	267	Fedoseeva O. I. The Ideas of law and justice as cultural Archetypes of the Collective Socio-historical Memory of the Russian People
Фролова Т. Н. Механизмы социальной памяти	270	Frolova T. N. Mechanisms of social memory
Галанина Н. В. Российская консервативная традиция XIX века о сущности права	271	Galanina N. V. The Russian conservative tradition of the XIX century on the essence of law
Горбачев В. В. Ценностные и правовые основания социально-исторической памяти	272	Gorbachev V. V. Value and legal foundations of socio-historical memory
Базурина Е. Н. Правовое сознание русских как проявление коллективной социально-исторической памяти	275	Bazurina E. N. Legal consciousness of Russians as a manifestation of collective socio-historical memory

**СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT**

<p>Кобылкин Р. А. Разумный опыт соотношения норм и ценностей культуры 276</p> <p>Собко Р. В. Нижегородские масоны: хранители или разрушители исторической памяти? 278</p> <p>Капитанова Н. В. Коллективная память в системе адаптационных ресурсов педагогических работников 280</p> <p>Строков А. А. Роль искусственного интеллекта в сохранении исторической памяти: философско-правовые аспекты 282</p>	<p>Kobylikin R. A. A reasonable experience of the correlation of norms and values of culture</p> <p>Sobko R. V. Nizhny Novgorod freemasons: guardians or destroyers of historical memory?</p> <p>Kapitanova N. V. Collective memory in the system of adaptive resources of teaching staff</p> <p>Strokov A. A. The role of artificial intelligence in preserving historical memory: philosophical and legal aspects</p>
--	---

Рецензии

Баранова М. В., Блинкова Е. В. Качество научных исследований по юриспруденции и эффективность руководства ими. Рецензия на 2-е издание учебника И. В. Понкина и А. И. Лаптевой «Методология научных исследований и прикладной аналитики» (М.: Консорциум «Аналитика. Право. Цифра», Буки Веди, 2021, 567 с.) **285**

Reviews

Baranova M. V., Blinkova E. V. The quality of scientific research on jurisprudence and the effectiveness of their management. Review of the 2nd edition of the textbook by I. V. Ponkin and A. I. Lapteva "Methodology of scientific research and applied analytics" (Moscow: Consortium "Analytics. Law. Digit", Buki Vedi Publ., 2021, 567 p.)

Персоналии

Профессор А. И. Рарог — ученый, воплотивший свою мечту в реальность, (к 85-летию со дня рождения) **289**

Юбилей профессора Д. А. Липинского (к 50-летию со дня рождения) **295**

Personalia

Professor A. I. Rarog — a scientist turned his dream into reality (to the 85th birthday)

Anniversary of Professor D. A. Lipinsky (to the 50th anniversary)

**Два десятилетия эффективной работы.
Ассоциация законодательных органов государственной власти субъектов
Российской Федерации Приволжского федерального округа отмечает
20-летие своей деятельности**

Евгений Борисович Люлин,

координатор Ассоциации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации Приволжского федерального округа, Председатель Законодательного Собрания Нижегородской области

На рубеже 2001—2002 годов Законодательное Собрание Нижегородской области и законодательные органы других субъектов Приволжского федерального округа поддержали инициативу полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе Сергея Владиленича Кириенко о создании окружной Ассоциации законодателей.

Уже в мае 2002 года в Нижнем Новгороде председатели законодательных органов субъектов Приволжского федерального округа подписали Соглашение о создании Ассоциации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации Приволжского федерального округа.

Стороны определили главные задачи Ассоциации: координацию законотворческой

деятельности, формирование консолидированной позиции по вопросам совершенствования федерального законодательства и продвижение инициатив на федеральном уровне, совместную работу над единой правовой системой для эффективной реализации государственной политики в субъектах Приволжского федерального округа.

Мне посчастливилось быть непосредственным участником этих событий. Мы вместе с председателями из других субъектов работали над текстом Соглашения, спорили, каждый в своем парламенте убеждал депутатов одобрить это соглашение. Ведь без официального одобрения парламентов Приволжского федерального округа мы не могли подписать его.

Через год, в мае 2003 года коллеги доверили мне обязанности координатора Ассоциации. Заседание проходило в Оренбурге. Спустя 18 лет в Пензе я вновь возглавил Ассоциацию.

С момента создания Ассоциации прошло 20 лет, но главные и важнейшие принципы совместной работы остаются неизменными: всегда заинтересованное участие, предметная проработка вопросов повесток заседаний, атмосфера взаимного уважения и конструктивно-го сотрудничества.

Перечислять вопросы, которые Ассоциация обсудила за 20 лет, не вижу смысла. Проще сказать так — нет такой сферы, которой бы мы не касались.

Яркими моментами были и инициативы по противодействию радикальным религиозным течениям и проявлению экстремизма, и по внесению изменений в федеральное законодательство в сфере взаимодействия органов местного самоуправления с контрольно-надзорными и правоохранительными органами, прокуратурой, и обмен опытом по сохранению народных художественных промыслов, поддержке

© Люлин Е. Б., 2022

предприятий НХП и ее работников (на примере Нижегородской области, а у нас есть чему поучиться!), по развитию перевозок внутренним водным транспортом. Тогда мы воспользовались моментом и презентовали в Нижнем Новгороде коллегам гордость нашего кораблестроения — судно на подводных крыльях «Валдай». Такой «речной» округ, как ПФО, очень нуждается в подобной технике. Поверьте, коллеги не остались равнодушными, и сейчас сотрудничество ЦКБ по СПК имени Р. Е. Алексеева со многими регионами Приволжья набирает обороты.

Однако время не стоит на месте, и мы тоже должны двигаться. Более того, должны растить новое поколение политиков, законодателей, делиться опытом и показывать пример. Сейчас большое внимание уделяется молодежной политике. Молодежь в Приволжском федеральном округе очень активна, очень хочет быть услышанной, привлечь внимание к своим проблемам. Недавно они выступили с инициативой о создании Ассоциации молодежных парламентов Приволжского федерального округа. Сейчас вместе работают над уставными документами. В самое ближайшее время обсудим этот вопрос с коллегами.

Словом, сделано много, но предстоит сделать еще больше!

Отдельно хочу сказать о роли Администрации Президента, отметить личное участие в работе Ассоциации полномочных представителей Президента России в ПФО. Для нас — региональных парламентариев — это очевидный показатель важности нашей работы, важности именно совместной работы. Несмотря на занятость, полпред лично участвует в работе Ассоциации. Согласитесь, это колоссальная поддержка! Мы тесно сотрудничаем и при подготовке заседаний, формировании повесток, и при реализации итогов их рассмотрения. Все это вселяет уверенность, что мы на правильном пути!

И, безусловно, Ассоциации еще есть куда расти. Планируем расширить географию сотрудничества и наладить контакты с парламентскими ассоциациями других федеральных округов. Будем вместе выходить с инициативами в федеральные органы власти. Планируем начать работу по мониторингу исполнения решений Ассоциации. При необходимости будем возвращаться к обсуждению вопросов, реализация которых «буксует». Могу с уверенностью сказать, что, имея такую базу, как наша Ассоциация, чувствуешь, что нет нерешаемых проблем. Поэтому продолжаем работать! Только вперед!

Научная статья

УДК 342.552

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-15-27>

**Институт координатора Ассоциации законодательных органов
государственной власти субъектов Российской Федерации
федерального округа в системе публичного управления
(на примере Приволжского федерального округа): содержательные
и технико-юридические проблемы, перспективы развития**

**Баранов Владимир Михайлович¹, Лаврентьев Александр Рудольфович²,
Лаврентьева Наталья Александровна³**

^{1,2}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,

^{2,3}Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия, Нижний Новгород, Россия

³Законодательное Собрание Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия

¹baranov_prof@bk.ru

²rap_pf_gospravo@mail.ru

³gna.argo@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена 20-летнему опыту «горизонтального» взаимодействия законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации на примере функционирования Ассоциации законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации Приволжского федерального округа, роли института координатора Ассоциации законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации федерального округа в системе публичного управления, доктринальному осмыслению содержательных и технико-юридических проблем названного института, определению перспектив его развития в условиях реформирования системы публичной власти в современной России.

Ключевые слова: организация публичной власти в субъектах Российской Федерации, законотворчество на региональном уровне, законодательные органы власти субъектов Российской Федерации, координатор Ассоциации законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, Нижегородская область, Приволжский федеральный округ

Для цитирования: Баранов В. М., Лаврентьев А. Р., Лаврентьева Н. А. Институт координатора Ассоциации законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации федерального округа в системе публичного управления (на примере Приволжского федерального округа): содержательные и технико-юридические проблемы, перспективы развития // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 15—27. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-15-27>.

Original article

**Institute of coordinator of the Association of legislative public authorities
of the subjects of the Russian Federation of the federal district in the system
of public authority (on the example of the Privolgzkiy federal district):
substantive and technical-legal problems, prospects for its development**

Vladimir M. Baranov¹, Aleksander R. Lavrentev², Natalia A. Lavrenteva³

^{1,2}Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

^{2,3}Privolgzkiy branch of Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russian Federation

³Legislative Assembly of the Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Russian Federation

© Баранов В. М., Лаврентьев А. Р., Лаврентьева Н. А., 2022

¹baranov_prof@bk.ru

²rap_pf_gospravo@mail.ru

³gna.argo@mail.ru

Abstract. The article deals with the 20-year experience of “horizontal” interaction of the legislative public authorities of the subjects of the Russian Federation on the example of the functioning of the Association of legislative public authorities of the subjects of the Russian Federation of the Privolgzkiy federal district, the role of the coordinator of the Association of legislative public authorities of the subjects of the Russian Federation in the system of public authority, doctrinal understanding of the substantive and technical-legal problems of this institution, the definition of the prospects for its development in terms of reforming the system of public authority in modern Russia.

Keywords: organization of public authority in the subjects of the Russian Federation, legislative at the regional level, legislative public authorities of the subjects of the Russian Federation, the coordinator of the Association of legislative public authorities of the subjects of the Russian Federation, the Nizhny Novgorod region, the Privolgzkiy federal district

For citation: Baranov V. M., Lavrentev A. R., Lavrenteva N. A. Institute of coordinator of the Association of legislative public authorities of the subjects of the Russian Federation of the federal district in the system of public authority (on the example of the Privolgzkiy federal district): substantive and technical-legal problems, prospects for its development. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 15—27. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-15-27>.

Для государств с федеративным административно-территориальным устройством характерны различные особенности «двухурвневой» организации публичной власти, в частности в России Конституцией [1, ч. 2 ст. 5] установлено, что субъекты Российской Федерации (республики, края, области, города федерального значения, автономная область,

автономные округа) имеют свое законодательство. Этим предопределена особая роль в системе публичного управления на региональном уровне законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, даже в условиях модернизации правового регулирования [2; 3] их статус существенно не изменился (см. табл. 1).

Таблица 1

**Статус законодательных органов власти субъектов Российской Федерации
в условиях модернизации правового регулирования**

Элементы статуса	прежнее (по Федеральному закону 1999 года № 184-ФЗ)	модернизированное (по Федеральному закону 2021 года № 414-ФЗ)
Основные характеристики	постоянно действующий	
	высший	—
	единственный законодательный представительный	
Наименование и структура	устанавливаются конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации с учетом исторических, национальных и иных традиций субъекта Российской Федерации. При этом такое наименование не может содержать словосочетаний, составляющих основу наименований федеральных органов государственной власти	
Число депутатов	определяется в зависимости от численности избирателей, зарегистрированных на территории субъекта Российской Федерации:	
	менее 500 тыс.	не менее 15 и не более 50 депутатов
	от 500 тыс. до 1 млн	не менее 25 и не более 70 депутатов
	от 1 млн до 2 млн	не менее 35 и не более 90 депутатов
	свыше 2 млн	не менее 45 и не более 110 депутатов
Срок полномочий	не может превышать пять лет	составляет пять лет

Продолжение таблицы 1

Условия правомочия:	
при избрании	если избрано не менее двух третей от установленного числа депутатов
при проведении заседаний	если присутствует не менее 50 % от числа избранных депутатов
Периодичность заседаний	не реже одного раза в три месяца
Основные полномочия	принимает конституцию (устав) субъекта Российской Федерации и поправки к ней
	обладает правом законодательной инициативы в Федеральном Собрании России
	осуществляет законодательное регулирование по предметам ведения субъекта Российской Федерации и предметам совместного ведения России и субъектов Российской Федерации в пределах полномочий субъекта Российской Федерации
	заслушивает ежегодный отчет о результатах деятельности высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации, в том числе по вопросам, поставленным законодательным органом субъекта Российской Федерации, представленным высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации или председателем высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации
Принимаемые акты	конституция (устав) субъекта Российской Федерации
	законы
	постановления
Обеспечение деятельности	самостоятельно решает вопросы организационного, правового, информационного, материально-технического и финансового обеспечения своей деятельности

Сегодня законодательство субъектов Российской Федерации (*Нормативные правовые акты в Российской Федерации / Нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации / Законы*. URL: pravo.minjust.ru (дата обращения:

01.03.2022)) представляет собой массив в почти четверть миллиона законов (248 926), из которых действует более 170 тыс. законов, оно весьма неоднородно по количественным (см. табл. 2) и тем более качественным характеристикам.

Таблица 2

**Законы субъектов Российской Федерации (на 1 марта 2022 года):
наименьшее и наибольшее количество**

Наименование субъекта Российской Федерации	общее количество законов			
	наименьшее		наибольшее	
	принято	действует	принято	действует
Севастополь	684	587		
Чеченская Республика	988	801		
Республика Ингушетия	1 384	944		
Республика Крым	981	951		
Республика Северная Осетия — Алания	1 310	976		
Краснодарский край			4 496	3 345
Вологодская область			4 893	3 516
Ростовская область			4 509	3 520
Московская область			5 381	4 165

Объективно неоднородное региональное построение Российской Федерации предопределяет процессы, направленные на унификацию организации публичного управления в субъектах Российской Федерации:

— «сверху», посредством законодательно закрепления основ (общих принципов) организации публичного управления (см. табл. 3) и

создания полисубъектных формирований — федеральных округов, макрорегионов (см. табл. 4);
— по «горизонтали» — по инициативе самих субъектов Российской Федерации в рамках двух- и многосторонних соглашений (договоров) о сотрудничестве;

— путем сочетания названных принципов унификации.

Таблица 3

**Основы организации публичного управления в субъектах Российской Федерации:
современное законодательное регулирование**

№ п/п	Элемент публичного управления	законодательное регулирование		
		дата, номер закона	наименование	структурная единица
1.	Построение единой системы публичной власти в субъектах Российской Федерации	21 декабря 2021 года № 414-ФЗ	Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации [3]	
		6 октября 1999 года № 184-ФЗ	Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации [2]	
2.	Местное самоуправление в единой системе публичной власти	6 октября 2003 года № 131-ФЗ	Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [4]	
		проект № 40361-8	Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти [5]	
3.	Законодательный орган субъекта Российской Федерации	21 декабря 2021 года № 414-ФЗ	Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации [3]	Глава 2
4.	Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации	21 декабря 2021 года № 414-ФЗ	Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации [3]	Глава 3
5.	Система исполнительных органов субъекта Российской Федерации	21 декабря 2021 года № 414-ФЗ	Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации [3]	Глава 4
6.	Уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации	18 марта 2020 года № 48-ФЗ	Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации [6]	
7.	Уполномоченный по защите прав детей в субъекте Российской Федерации	27 декабря 2018 года № 501-ФЗ	Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации [7]	статьи 13—14
8.	Уполномоченный по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации	7 мая 2013 года № 78-ФЗ	Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации [8]	статьи 9—10
9.	Контрольно-счетный орган субъекта Российской Федерации	7 февраля 2011 года № 6-ФЗ	Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований [9]	
10.	Избирательная комиссия субъекта Российской Федерации	12 июня 2002 года № 67-ФЗ	Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации	Глава IV
11.	Субъекты общественного контроля	21 июля 2014 года № 212-ФЗ	Об основах общественного контроля в Российской Федерации [11]	
12.	Общественная палата субъекта Российской Федерации	23 июня 2016 года № 183-ФЗ	Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации [12]	

В соответствии со статьей 64 Федерального закона от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» поэтапно (с 21 декабря 2021 г., с 1 июля 2022 г. и 1 января 2023 г.) утрачивает силу Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов

государственной власти субъектов Российской Федерации».

Президент Российской Федерации назначает и освобождает полномочных представителей Президента Российской Федерации [1, п. «к» ст. 83], в том числе — с 2000 года в федеральных округах, в настоящее время — в 8, объединяющих от 6 до 18 субъектов Российской Федерации [13, приложение], в перспективе,

вероятно, в 12, соответствующих макрорегионам [14, приложение 2], субъектный состав которых, представляется, может быть в ряде федеральных округов существенно пересмотрен (см. табл. 4).

Таблица 4

Соотношение состава федеральных округов в современной России и состава макрорегионов в Стратегии пространственного развития

Федеральные округа (приложение к Указу Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 года № 849)		Макрорегионы (приложение 2 к Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года)
наименование	состав	наименование
Центральный	Брянская, Владимирская, Ивановская, Калужская, Костромская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская и Ярославская области, Москва	Центральный
	Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая и Тамбовская области	Центрально-Черноземный
Северо-Западный	Республика Карелия; Калининградская, Вологодская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская и Псковская области, Санкт-Петербург	Северо-Западный
	Республика Коми, Архангельская область, Ненецкий автономный округ	Северный
Южный	Республики Адыгея, Калмыкия и Крым, Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская и Ростовская области, Севастополь	Южный
Северо-Кавказский	Республики: Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия-Алания, Чеченская; Ставропольский край	Северо-Кавказский
Приволжский	Республики: Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртская, Чувашская; Пермский край; Кировская и Нижегородская области	Волго-Камский
	Республика Башкортостан; Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская и Ульяновская области	Волго-Уральский
Уральский	Курганская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области; Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа	Уральско-Сибирский
Сибирский	Республика Алтай; Алтайский край; Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области	Южно-Сибирский
	Республики Тыва и Хакасия; Красноярский край; Иркутская область	Ангаро-Енисейский
Дальневосточный	Республики: Бурятия, Саха (Якутия); Забайкальский, Камчатский, Приморский, Хабаровский края; Амурская, Магаданская, Сахалинская области; Еврейская автономная область; Чукотский автономный округ	Дальневосточный

Вполне успешным примером унификации публичного управления в регионах при сочетании инициатив «сверху» и «по горизонтали» выступают ассоциации законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации в федеральных округах. Первой, 20 лет назад (14 мая 2002 г.), по инициативе полномочного представителя Президента

Российской Федерации в Приволжском федеральном округе (далее — ПФО), была создана Ассоциация законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации ПФО (далее — Ассоциация) [15; 16]. В состав Ассоциации вошли все законодательные органы власти субъектов Российской Федерации в ПФО (см. табл. 5).

Таблица 5

Наименования законодательных органов власти субъектов Российской Федерации в ПФО

№ п/п	Варианты наименований	Субъекты Российской Федерации
1.	Государственное Собрание	Республики: Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия
2.	Законодательное Собрание	Пермского края; Кировской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Ульяновской областей
3.	Дума	Саратовская и Самарская области

Правовое регулирование деятельности Ассоциации основано на Соглашении о создании Ассоциации [15] и принятого три года спустя Положении об Ассоциации [16]. Представляется небезынтересным, что содержания

Соглашения и Положения существенно расходятся по ряду важных параметров (см. табл. 6) и к 20-летию не согласовано, притом что субъекты Ассоциации — законодательные органы.

Таблица 6

**Правовое регулирование организации и деятельности
 Ассоциации законодательных органов власти субъектов Российской Федерации в ПФО**

Элементы сравнения	Соглашение о создании Ассоциации [15]	Положение об Ассоциации [16]
Структура	Преамбула; цели и задачи; 16 статей	5 разделов, включающих 19 пунктов
Дефиниция	консультативный институт для обсуждения вопросов и рассмотрения проектов документов, представляющих особый интерес	совещательный и консультативный орган
Принципы	-	добровольность вхождения в состав и равноправие членов
Правовые основы	-	Конституция России, федеральные конституционные законы, федеральные законы, конституции (уставы) и законы субъектов Российской Федерации в ПФО, настоящее Положение и Соглашение о создании Ассоциации
Символика	-	Ассоциация имеет свою символику
Цели	координация законотворческой деятельности субъектов Российской Федерации в ПФО	выработка предложений по проектам федеральных законов и совершенствованию федерального и регионального законодательства
Задачи	создание единой правовой основы для реализации политики государства во всех сферах и обеспечения безопасности в Поволжье	
	завершить процесс приведения в соответствие Конституции Российской Федерации и федерального законодательства субъектов Российской Федерации в ПФО	
	выработать и закрепить законодательно общие подходы в области информационного сотрудничества	содействие укреплению взаимодействия между законодательными органами власти субъектов Российской Федерации — членами Ассоциации и их аппаратами
	разработать пакет согласованных законопроектов в сфере реализации федеральных отношений, местного самоуправления, экономического взаимодействия и межрегионального сотрудничества	содействие распространению положительного опыта законотворческой деятельности, а также правоприменительной практики
		укрепление взаимодействия и обмен правовой информацией с законодательными органами власти других федеральных округов
	проработать возможные законодательные механизмы разрешения территориальных споров на территории ПФО	рассмотрение иных вопросов, соответствующих задачам и полномочиям Ассоциации
	завершить формирование регионального законодательства в области местного самоуправления	
	разработать пакет законопроектов по обеспечению экологической безопасности Приволжья	
	добиваться осуществления согласованной позиции по разработке рекомендательных нормативных правовых актов по вопросам предоставления законодательной инициативы территориальным органам Минюста России	
добиваться осуществления согласованной законодательной инициативы в Федеральном Собрании Российской Федерации		

Продолжение таблицы 6

Полномочия	обсуждать политические и социально-экономические вопросы, требующие согласования Сторонами	рассмотрение наиболее значимых проектов федеральных законов и выработка по ним консолидированных предложений
	рассматривать вопросы парламентского сотрудничества	
	разрабатывать и направлять предложения законодательным органам субъектов Российской Федерации в ПФО	
	направлять обращения полномочному представителю Президента России в ПФО	
	разрабатывать и направлять рекомендации для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в ПФО, по вопросам, находящимся в сфере общих интересов	заслушивание информации представителей органов государственной власти субъектов РФ, должностных лиц федеральных органов государственной власти, действующих на территории ПФО
		утверждение порядка награждения и награждение граждан РФ, организаций благодарственным письмом Ассоциации
Организация деятельности	основной орган — Координационный совет Ассоциации, состоящий из руководителей делегаций	основной орган — координатор Ассоциации, избираемый на заседании Ассоциации открытым голосованием из числа руководителей законодательных органов субъектов Российской Федерации — членов Ассоциации сроком на два года
	делегации состоят из числа депутатов, руководители делегаций определяют законодательные органы самостоятельно	
	председательствуют поочередно руководители делегаций	председательствует координатор Ассоциации либо по его поручению один из руководителей законодательных органов субъектов РФ — членов Ассоциации
	действует Консультационное совещание председателей законодательных органов субъектов Российской Федерации в ПФО	
	могут быть созданы рабочие органы	
	Ассоциация принимает свой Регламент	заседания проводятся согласно плану работы на год
Присутствующие	с согласия Координационного совета Ассоциации — наблюдатели	приглашаются: полномочный представитель Президента России в ПФО, руководители иных органов власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, общественный координатор Молодежного совета ПФО, эксперты
Место проведения заседаний	Города — центры субъектов Российской Федерации в ПФО — членов Ассоциации	
Периодичность заседаний	не реже одного раза в полугодие	не реже одного раза в квартал
	предусмотрена возможность проведения внеочередных заседаний	
Решения	принимаются на основе общего согласия (консенсуса) (2/3)	принимаются большинством от присутствующих на заседании
	в форме заявлений, обращений, рекомендаций и предложений	

Положением об Ассоциации [16] предусмотрен специфический институт — координатор Ассоциации. Координатором Ассоциации может быть только один из председателей законодательных органов субъектов Российской Федерации в ПФО — членов Ассоциации, избирается он на два года. Процедура избрания координатора Ассоциации предусматривает три условия:

- 1) участие в голосовании только руководителей законодательных органов власти субъектов РФ в ПФО;
- 2) открытое голосование;
- 3) большинством голосов от общего числа членов Ассоциации.

За 20-летие Ассоциации выборы координатора проводились 12 раз и эти полномочия выполняли 10 человек (см. табл. 7).

**Институт координатора Ассоциации законодательных органов власти субъектов
Российской Федерации в ПФО в лицах**

№ п/п	Срок полномочий	координатор Ассоциации	основная должность
1.	15 мая 2002 года — 30 мая 2003 года	Девяткин Николай Андреевич	Председатель Законодательного Собрания Пермского края
2.	30 мая 2003 года — 10 марта 2005 года	Люлин Евгений Борисович	Председатель Законодательного Собрания Нижегородской области
3.	10 марта 2005 года — 1 марта 2007 года	Мухаметшин Фарид Хайруллович	Председатель Государственного Совета Республики Татарстан
4.	1 марта 2007 года — 9 июня 2009 года	Сазонов Виктор Федорович	Председатель Самарской Губернской Думы
5.	9 июня 2009 года — 2 марта 2010 года	Кечкин Валерий Алексеевич	Председатель Государственного Собрания Республики Мордовия
6.	2 марта 2010 года — 30 марта 2012 года	Зотов Борис Иванович	Председатель Законодательного Собрания Ульяновской области
7.	30 марта 2012 года — 27 марта 2014 года	Грачев Сергей Иванович	Председатель Законодательного Собрания Оренбургской области
8.	27 марта 2014 года — 25 мая 2015 года	Белозерцев Иван Александрович	Председатель Законодательного Собрания Пензенской области
9.	25 мая 2015 года — 2 июня 2017 года	Мухаметшин Фарид Хайруллович	Председатель Государственного Совета Республики Татарстан
10.	2 июня 2017 года — 8 июня 2021 года (два срока подряд)	Лидин Валерий Кузьмич	Председатель Законодательного Собрания Пензенской области
11.	8 июня 2021 года — наст. время	Люлин Евгений Борисович	Председатель Законодательного Собрания Нижегородской области

Статус координатора Ассоциации устанавливается Положением об Ассоциации [16, п. 3.1, 3.2, 3.9, раздел 4] включает несколько полномочий, выполнение которых в ряде случаев возложено исключительно на координатора Ассоциации, в частности только он:

- составляет план работы Ассоциации на соответствующий год;
- формирует проект повестки дня заседания Ассоциации;
- председательствует на заседании Ассоциации либо делегирует эти полномочия одному из руководителей законодательных органов власти субъектов Российской Федерации в ПФО — членов Ассоциации;
- подписывает решения Ассоциации;
- анализирует и обобщает ход выполнения решений, принятых на заседаниях Ассоциации и информирует об этом членов Ассоциации;
- представляет Ассоциацию во взаимоотношениях с органами государственной власти и органами местного самоуправления, общественными организациями и гражданами;
- заключает от имени и по поручению Ассоциации соглашения;

— осуществляет рабочие контакты с парламентскими структурами других федеральных округов по вопросам, представляющим взаимный интерес;

— осуществляет общее руководство материально-техническим и организационным обеспечением проведения заседания Ассоциации, а также издание документов по его итогам;

— по истечении срока своих полномочий направляет на хранение в Архив Ассоциации документы за отчетный период: оригиналы решений Ассоциации; стенограммы; аудио / видеозаписи заседаний; информацию об объектах, посещенных в рамках проведения заседаний; фотоматериалы; брошюры, изданные по итогам состоявшихся заседаний.

Помимо исключительных полномочий координатор Ассоциации обладает правом инициировать проведение внеочередных заседаний Ассоциации (такое право имеют также полномочный представитель Президента России в ПФО и любой из законодательных органов власти субъектов Российской Федерации в ПФО — членов Ассоциации).

За 20-летие Ассоциация провела 62 заседания, на которых было рассмотрено 167 вопросов

(от 1 до 5 вопросов в повестке дня): внутренней организации работы Ассоциации и самого широкого спектра полномочий, непосредственно связанных с законодательным обеспечением регионального уровня публичного управления, а также рассмотрением законодательных

инициатив федерального уровня и выполнении мероприятий по реализации федеральной политики — посланий Президента России и национальных проектов, направленных на достижение национальных целей развития [17; 18] (см. диаграмму).

Диаграмма. Содержание вопросов, рассмотренных на заседаниях Ассоциации законодательных органов субъектов Российской Федерации в ПФО (2002—2022)

Очевидно, что в повестке заседаний Ассоциации чаще всего «звучали» вопросы социальной сферы (42), экономики, инвестиционной и инновационной деятельности (14), ЖКХ, жилищного строительства, энергетика (9), напротив, наименее популярными оказались как раз те темы, для обсуждения которых, на наш взгляд, и была создана Ассоциация: рассмотрение законодательных инициатив федерального уровня, рассмотрение опыта субъектов Российской Федерации, не входящих в ПФО. Практически вне внимания Ассоциации остались такие важнейшие вопросы, как реформа государственного и муниципального контроля [19] и градостроительство (в т. ч. планирование территорий, развития агломераций). Уверены, что потенциал Ассоциации в современных условиях следует использовать для обсуждения оптимальных форматов реализации очередного этапа перераспределения полномочий в публичном управлении [3].

К числу наиболее актуальных теоретических и технико-юридических проблем деятельности Ассоциации, на наш взгляд, следует отнести следующие.

1. В сложившейся практике организации работы Ассоциации основной объем полномочий, как видим, сосредоточен «в руках» координатора Ассоциации, что неизбежно сказывается на деятельности Ассоциации в зависимости не только от объективных обстоятельств, но, допустим, и субъективных качеств координатора Ассоциации. Вероятно, пора поставить вопрос об изменении структуры управления Ассоциацией. Так, например, в Парламентской Ассоциации Северо-Запада России созданы: Конференция (высший орган Ассоциации), Президиум, постоянные комитеты (комиссии), обеспечение деятельности каждого из них возложено на законодательный орган одного из субъектов Северо-Западного региона в качестве координатора.

2. Ассоциация [15, ст. 5; 16, подп. «д» п. 2.2] может создавать рабочие органы, однако в настоящее время такие органы не созданы. Рабочие органы Ассоциации могли бы «разгрузить» координатора Ассоциации и взять на себя решение ряда организационных вопросов, подготовку материалов и документов Ассоциации, предварительное рассмотрение и детальную

проработку вопросов, выносимых на пленарное заседание, контроль за выполнением решений Ассоциации.

3. Согласно статье 11 Соглашения о создании Ассоциации [15] она принимает свой Регламент, но, во-первых, наличие которого не предусмотрено Положением об Ассоциации [16], во-вторых, в настоящий момент он не принят. Уверены, документ, устанавливающий процедурные вопросы деятельности Ассоциации остро необходим, для чего следует включить его в Положением об Ассоциации [16] и в ближайшем будущем разработать, согласовать с членами Ассоциации и утвердить.

4. Обеспечение доступа к информации о деятельности Ассоциации осуществляется исключительно «событийно», поскольку не создано единого сайта Ассоциации в сети «Интернет» и не определен сайт законодательного органа власти субъекта Российской Федерации в ПФО, который мог бы быть «представителем» Ассоциации в сети «Интернет». Очевидно, что в условиях цифровизации следует безотлагательно разрешить эту проблему, а также связанные с ней вопросы порядка и периодичности размещения информации о деятельности Ассоциации в сети «Интернет», включая формирование единого пресс-релиза для размещения на сайтах всех органов — членов Ассоциации.

5. В настоящее время в Ассоциации не выработаны единые правила ведения делопроизводства и архива, есть только общая норма [16, п. 3.8] о том, что «местом хранения документов Ассоциации является Законодательное Собрание Нижегородской области. В Архиве Ассоциации документы хранятся не менее пяти лет со дня их передачи, а затем в установленном порядке передаются в архивные учреждения Нижегородской области».

В год 20-летия представляется необходимым объединить и оцифровать архив Ассоциации, и впредь оцифровывать оригиналы решений Ассоциации, стенограммы заседаний, аудио / видеозаписи заседаний и иные материалы.

6. Выяснилось, что итоги состоявшихся заседаний Ассоциации оформляются только в виде решений Ассоциации. Потенциал иных средств информирования (брошюры, методические рекомендации, инфографика, таблицы, диаграммы, графики и т. д.) о материалах, подготовленных по рассматриваемым Ассоциацией вопросам, принимаемым решениям, к сожалению, не используется. Считаю, что важно популяризировать и распространять информацию

об Ассоциации и ее деятельности, тем более в год юбилея.

7. При сопоставлении Соглашения о создании Ассоциации [15] и Положения об Ассоциации [16] (табл. 6) был выявлен ряд несогласованностей, часть из которых можно объяснить технико-юридическими особенностями документов, но есть досадные противоречия, требующие устранения, например: Положение об Ассоциации [16, п. 3] устанавливает, что заседания Ассоциации проводятся не реже одного раза в квартал, а Соглашение о создании Ассоциации [15, ст. 9] гласит «не реже одного раза в полугодие» и в том числе вводит требование о месте проведения «в городах-центрах субъектов РФ, законодательные органы которых являются Сторонами Соглашения»;

Положение об Ассоциации [16, п. 3.3] определяет, что председательствует на заседании координатор Ассоциации либо по его поручению один из руководителей законодательных органов власти субъектов Российской Федерации — членов Ассоциации, а Соглашение о создании Ассоциации [15, ст. 10] эти же функции (председательствующего на заседании Ассоциации) возлагает «поочередно на руководителей делегаций Сторон». При этом важно, что, если Положение об Ассоциации [16, п. 3.5] предполагает участие в заседаниях Ассоциации исключительно руководителей законодательных органов власти субъектов РФ в ПФО — членов Ассоциации, то требования Соглашения о создании Ассоциации [15, ст. 2] более демократичны — «состав делегации и их руководителей законодательные органы определяют самостоятельно».

Помимо предложенных нами выше путей разрешения выявленных содержательных и технико-юридических проблем организации и деятельности Ассоциации, к числу перспективных векторов развития Ассоциации отнесем следующие.

Ассоциации следует активизировать деятельность по подготовке модельных законов по вопросам, находящимся в сфере общих интересов субъектов Российской Федерации в ПФО — членов Ассоциации (например, сверхактуальна тема проекта Социального кодекса субъекта Российской Федерации и иных кодифицированных актов).

Эффективность деятельности Ассоциации зависит от поиска креативных форм конструктивного взаимодействия со всеми субъектами современной системы публичного управления, включая институты гражданского общества.

Именно по «линии» Ассоциации необходимо развить взаимодействие и обмен правовой информацией с законодательными органами власти других федеральных округов, с аналогичными ассоциациями. Усиление рабочих контактов с парламентами других федеральных округов по вопросам, представляющим взаимный интерес, может способствовать выработке консолидированных решений, достойных представления на федеральном уровне, «выход» на который позволит поднять авторитет Ассоциации — уверены, что он в значительной мере зависит от количества и качества инициатив, реализованных в федеральном законодательном процессе, в деятельности федеральных, включая федеральные территориальные, органов власти.

Важно расширить круг участников заседаний Ассоциации, приглашать не только полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе, представителей Федерального Собрания Российской Федерации, руководителей иных органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, общественного координатора Молодежного совета Приволжского федерального округа, экспертов по обсуждаемым вопросам [16, п. 3.4], но и депутатов, работников аппаратов по рассматриваемым на заседании Ассоциации вопросам комитетов законодательных органов власти субъектов Российской Федерации в ПФО, членов молодежных парламентов субъектов Российской Федерации в ПФО, представителей институтов гражданского общества, СМИ.

Надлежит наладить мониторинг выполнения решений, принятых на заседаниях Ассоциации, назначив ответственного за эту работу, который будет информировать о ней членов Ассоциации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: www.pravo.gov.ru/0001202007040001 (дата обращения: 01.03.2022).

2. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 21 декабря 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42, ст. 5005.

3. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52. Ч. I, ст. 8973.

4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40, ст. 3822.

5. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: проект № 40361-8 федерального закона. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 01.03.2022).

6. Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации: федеральный закон от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ (ред. от 30 апреля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12, ст. 1640.

7. Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации: федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ (ред. от 30 апреля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53. Ч. I, ст. 8427.

8. Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации: федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ (ред. от 30 апреля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19, ст. 2305.

9. Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 903.

10. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24, ст. 2253.

11. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30. Ч. I, ст. 4213.

12. Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ (ред. от 15 октября 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26. Ч. I, ст. 3852.

13. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 20, ст. 2112.

14. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р // Собрание законодательства РФ. 2019. № 7. Ч. II, ст. 702.

15. Соглашение о создании Ассоциации законодательных органов государственной власти субъек-

тов Российской Федерации Приволжского федерального округа от 14 мая 2002 г.

16. Положение об Ассоциации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации Приволжского федерального округа: приложение к Решению № 4/44 Ассоциации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации Приволжского федерального округа от 2 октября 2015 г.

17. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 (ред. от 21 июля 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20, ст. 2817.

18. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30, ст. 4884.

19. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ч. I, ст. 5007.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020). URL: www.pravo.gov.ru/0001202007040001 (accessed 01.03.2022). (In Russ.)

2. On the general principles of organizing the legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation: federal law no. 184-FZ of October 6, 1999 (as amended on December 21, 2021). *Collection of legislative acts of the RF*, 1999, no. 42, art. 5005. (In Russ.)

3. On the general principles of organizing public authority in the constituent entities of the Russian Federation: federal law no. 414-FZ of December 21, 2021. *Collection of legislative acts of the RF*, 2021, no. 52, part I, art. 8973. (In Russ.)

4. On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation: federal law no. 131-FZ of October 6, 2003 (as amended on December 30, 2021). *Collection of legislative acts of the RF*, 2003, no. 40, art. 3822. (In Russ.)

5. On the general principles of organizing local self-government in a unified system of public authority: draft of the federal law no. 40361-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (accessed 01.03.2022). (In Russ.)

6. On human rights commissioners in the constituent entities of the Russian Federation: federal law no. 48-FZ of March 18, 2020 (as amended on April 30, 2021). *Collection of legislative acts of the RF*, 2020, no. 12, art. 1640. (In Russ.)

7. On the commissioners for the rights of the child in the Russian Federation: federal law no. 501-FZ of December 27, 2018 (as amended on April 30, 2021). *Collection of legislative acts of the RF*, 2018, no. 53, part I, art. 8427. (In Russ.)

8. On the Commissioners for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Russian Federation: federal law no. 78-FZ of May 7, 2013 (as amended on April 30, 2021). *Collection of legislative acts of the RF*, 2013, no. 19, art. 2305. (In Russ.)

9. On the general principles of organization and activities of the control and accounting bodies of the constituent entities of the Russian Federation and municipalities: federal law no. 6-FZ of February 7, 2011 (as amended on July 1, 2021). *Collection of legislative acts of the RF*, 2011, no. 7, art. 903. (In Russ.)

10. On the basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation: federal law no. 67-FZ of June 12, 2002 (as amended on July 2, 2021). *Collection of legislative acts of the RF*, 2002, no. 24, art. 2253. (In Russ.)

11. On the basics of public control in the Russian Federation: federal law no. 212-FZ of July 21, 2014 (as amended on December 27, 2018). *Collection of legislative acts of the RF*, 2014, no. 30, part I, art. 4213. (In Russ.)

12. On the general principles of the organization and activities of the public chambers of the subjects of the Russian Federation: federal law no. 183-FZ of June 23, 2016 (as amended on October 15, 2020). *Collection of legislative acts of the RF*, 2016, no. 26, part I, art. 3852. (In Russ.)

13. On the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Federal District: decree of the President of the Russian Federation no. 849 of May 13, 2000. *Collection of legislative acts of the RF*, 2000, no. 20, art. 2112. (In Russ.)

14. Strategy for the Spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2025: decree of the Government of the Russian Federation no. 207-r of February 13, 2019. *Collection of legislative acts of the RF*, 2019, no. 7, part II, art. 702. (In Russ.)

15. Agreement on the establishment of the Association of Legislative Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation of the Volga Federal District of May 14, 2002. (In Russ.)

16. Regulations on the Association of Legislative (Representative) Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation of the Volga Federal District: Appendix to Decision no. 4/44 of the Association of Legislative (Representative) Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation of the Volga Federal District dated October 2, 2015. (In Russ.)

17. On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024: decree of the President of the Rus-

sian Federation no. 204 of May 7, 2018 (as amended on July 21, 2020). *Collection of legislative acts of the RF*, 2018, no. 20, art. 2817. (In Russ.)

18. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030: decree of the President of the Russian Federation no. 474 of July 21,

2020. *Collection of legislative acts of the RF*, 2020, no. 30, art. 4884. (In Russ.)

19. On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation: federal law no. 248-FZ of July 31, 2020. *Collection of legislative acts of the RF*, 2020, no. 31, part I, art. 5007. (In Russ.)

Информация об авторах

В. М. Баранов — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

А. Р. Лаврентьев — кандидат юридических наук, доцент;

Н. А. Лаврентьева — без ученой степени.

Information about the authors

V. M. Baranov — Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

A. R. Lavrentev — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

N. A. Lavrenteva — no academic degree.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 01.03.2022; approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья

УДК 34.096

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-28-32>

**Преобразование России
в государственных воззрениях В. И. Гурко (1862—1927):
проект (опыт программы) из русской эмиграции**

Лушин Александр Николаевич¹, Чудецкая Ксения Александровна²

^{1,2}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹aleksr.lushin@mail.ru

²lushina_ksen@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются воззрения одного из видных деятелей русской политической эмиграции 1920-х годов В. И. Гурко на возможное преобразование государственного и общественного устройства России после ликвидации большевистского режима. Как политик В. И. Гурко полагал необходимость установления диктатуры на переходный период, но при этом идеалистически воспринимал готовность части населения к преобразованиям политического режима и государственной власти в СССР.

Ключевые слова: проект государственного преобразования России, русская политическая эмиграция, обновление общественной жизни, ликвидация большевистского режима, реформа органов власти, решение аграрного вопроса, установление диктатуры, проблема управленческих кадров

Для цитирования: Лушин А. Н., Чудецкая К. А. Преобразование России в государственных воззрениях В. И. Гурко (1862—1927): проект (опыт программы) из русской эмиграции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 28—32. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-28-32>.

Original article

**Transformation of Russia in the State Views of V. I. Gurko (1862—1927):
a project (program experience) from Russian emigration**

Alexandr N. Lushin¹, Ksenia A. Chudetskaya²

^{1,2}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹aleksr.lushin@mail.ru

²lushina_ksen@mail.ru

Abstract. The article examines the views of one of the prominent figures of the Russian political emigration of the 1920s V. I. Gurko on the possible transformation of the state and social structure of Russia after the liquidation of the Bolshevik regime. As a politician, V. I. Gurko believed in the need to establish a dictatorship for a transitional period, but at the same time idealistically perceived the readiness of part of the population to transform the political regime and state power in the USSR.

Keywords: the project of state transformation of Russia, Russian political emigration, renewal of public life, liquidation of the Bolshevik regime, reform of authorities, solution of the agrarian question, the establishment of a dictatorship, the problem of managerial personnel

For citation: Lushin A. N., Chudetskaya K. A. Transformation of Russia in the State Views of V. I. Gurko (1862—1927): a project (program experience) from Russian emigration. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 28—32. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-28-32>.

© Лушин А. Н., Чудецкая К. А., 2022

Интерес авторов данной статьи к государственным воззрениям известного общественно-го деятеля Российской империи начала XX века и одного из лидеров русской эмиграции действительного статского советника и камергера Владимира Иосифовича Гурко (1862—1927) вызван тем, что, находясь в политической эмиграции, он постоянно творчески работал над проектом государственного устройства будущей России. В 1906—1907 годах как опытный юрист он занимал должность товарища министра внутренних дел и совместно с председателем Совета министров П. А. Столыпиным пытался реализовать необходимую стране аграрную реформу. В 1906—1909 годах он опубликовал либеральные по содержанию «Отрывочные мысли по аграрному вопросу» и работу «Наше государственное и народное хозяйство», в которых проявил себя как выразитель современных по тому времени государственных интересов. Он являлся убежденным противником большевизма. После разгрома Белого движения на Юге России В. И. Гурко обосновался в Париже, где занял видное место в среде политической эмиграции и входил в круг великого князя Николая Николаевича Романова. В первой половине 1920-х годов В. И. Гурко включился в инициативную группу по объединению русских общественных организаций, активно участвовал в подготовке и проведении Российского зарубежного съезда в Париже в апреле 1926 года, на котором выступил с докладом «О земле», вызвавшим оживленную дискуссию.

В своих выступлениях на данном съезде он высказывал мнение о том, что после освобождения России от большевистского режима земля должна остаться у крестьян, так как те, кто владеет землей, являются наиболее «крепкими элементами». В Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» (г. Москва) хранятся материалы В. И. Гурко в папке «Крестьянское землевладение». К сожалению, государственные воззрения этого оригинального российского правоведа до настоящего времени в основном не привлекали внимания исследователей в историко-правовом аспекте, хотя авторы данной статьи обращались ранее к некоторым взглядам В. И. Гурко в 1920-е годы [1, с. 95—98]. Общая характеристика воззрений В. И. Гурко как эмигранта-монархиста на государственное устройство России после возможного падения в ней большевистского режима приведена в статье М. Л. Галас [2, с. 20—22].

В 1924 году В. И. Гурко излагал суждения о том, что в грядущем переустройстве России Красная армия может сыграть значимую роль, которая, по его мнению, «далеко не в полном

составе предана большевистской власти», и недовольство в армейской среде «всем насильно навязанным порядком усиливается — во всем этом едва ли можно сомневаться» [3, с. 158—159]. Он полагал, что многие представители Красной армии могут «превратиться в полезных слуг государства. Их, следовательно, необходимо будет использовать как строителей воссоздаваемой русской государственности» и направить «на восстановление родины и создание русской национальной власти» [3, с. 159]. Естественно, армия должна быть переименована и возвращена к лучшим традициям российского воинства. В отношении государственной власти В. И. Гурко определенно полагал, что «на первое время в России нельзя обойтись без диктатуры. Быть может, полезно идти в Россию, провозглашая те или иные лозунги, а в действительности диктатура неизбежна» [3, с. 189].

Доклад «О земле», сделанный В. И. Гурко 9 апреля 1926 года на Российском зарубежном съезде, был направлен на решение аграрного вопроса после освобождения России от большевиков. Докладчик был убежден в том, что восстановить прежнее поместное землевладение не удастся, так как в крестьян советская власть внедрила иное убеждение, но для установления «земского мира» в стране необходимо «закрепление земель в собственность». В тезисах В. И. Гурко было представлено, что «земельный вопрос должен быть разрешен в соответствии с государственными интересами... на твердых основаниях общего гражданского права — принципа частной собственности» [4, с. 593, 594]. Примечательным является тезис о том, что в обновленной России государственной властью «никакого уголовного преследования за совершенные в период революции имущественные захваты и разрушения не должно быть допущено» [4, с. 594].

Наблюдения В. И. Гурко в отношении внутренней политики в СССР привели его к убеждению, что «среди коммунистов началась борьба на почве личностей» [3, с. 126]. Подобные события при охранительной политике советского руководства приводят к тому, что государственная власть переходит к людям беспринципным, которые будут верными защитниками установленного большевистского режима, а это сделает намного более затруднительным восстановление в СССР «нормальных порядков». Примечательно то, что в эмигрантской среде, в которой В. И. Гурко играл заметную роль, высказывалась мысль о том, что будущее государственное и политическое устройство России будет определять само ее население.

В 1925—1926 годах В. И. Гурко постоянно работал над собственным проектом коренного преобразования советской страны, который озаглавил «Государственный строй и гражданское управление России после падения советской власти (опыт программы)». Данный уникальный машинописный документ в настоящее время хранится в обширном собрании архива Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (г. Москва), где авторы статьи несколько лет тому назад и получили возможность ознакомиться с содержанием программы. Написанию названного сочинения предшествовало глубокое изучение В. И. Гурко внутренней политики Советского Союза и политических настроений советского общества на основе доступных ему материалов. Он полагал, что «падение советской власти в России, когда ему суждено произойти, будет следствием вмешательства извне или переворота изнутри» [5, л. 2]. Однако новое российское правительство, сменившее правление большевиков, будет долгое время нуждаться в надежных и хорошо подготовленных к управлению страной людях, не будет располагать необходимыми денежными средствами, поэтому следует иметь готовую программу, учитывающую все стороны процесса и появление новых условий для удержания власти. Программа должна предусматривать практическое состояние политических сил, привлеченных к управлению Россией, иметь конкретный план действий, точно сформулированные задачи внутренней и внешней политики с перечнем реальных способов их разрешения.

Принимая во внимание то, что после Гражданской войны страна была фактически разорена, ее промышленность и сельское хозяйство разрушены, источники государственных доходов приведены в расстройство, В. И. Гурко отмечал, что «рассчитывать на успешное поступление прямых налогов в ближайшее время после падения большевиков время нельзя, так как население страны в результате военного коммунизма экономически ослаблено» [5, л. 4]. На финансовую помощь со стороны западных стран он не рассчитывал, поскольку хорошо понимал, что они могут ее оказать только тогда, когда убедятся в прочности положения новой власти. Использовать большевистские жестокие методы как «приемы податного принуждения» он полагал не подходящими по отношению к людям, только что освободившимся от непосильного гнета. Хотя территория советской России по сравнению с Российской империей значительно сократилась, найти необходимые денежные средства для восстановления экономики страны

будет сложно. Другой не менее важной проблемой В. И. Гурко считал отсутствие необходимых управленческих кадров, потому что «старый служилый класс в значительной части погиб во время смуты; те, которые уцелели, частью подверглись человеческой убыли, частью потеряли трудоспособность с возрастом» [5, л. 5]. В отношении советских управленческих кадров он убежденно полагал, что они совершенно не могут быть использованы, «как по деловым, так и нравственным качествам», а эмигрантская молодежь не готова к управленческим функциям.

Еще одной важной проблемой, которую было необходимо успешно разрешить после принятия государственной власти, автору программы представлялось то, что существовавшая в Российской империи «система гражданского управления являлась во многих отношениях несовершенной и устарелой» [5, л. 5]. Это, кстати, признавалось и самой имперской властью в начале XX века, которая предполагала направить определенные усилия на окончательное решение крестьянского вопроса, на совершенствование системы губернского и уездного управления, на реформирование органов полиции. Кроме всего, новой власти следовало всемерно учитывать произошедшие с октября 1917 года глубокие изменения в отечественном общественном строе, например, были упразднены сословия, прикреплявшие каждую категорию населения империи к определенному образу жизни, законодательно уравниены в правах мужчины и женщины. Исходя из этого, В. И. Гурко формулирует мысль о том, что «принципиальное равенство в гражданских и политических правах, в одинаковом подчинении одинаковыми для всех законами должно лечь в основу общественного строя России, каков бы ни был образ ее правления» [5, л. 7].

Одной из важнейших проблем В. И. Гурко считал религиозное устройство обновленной России, прежде всего положение Русской Православной церкви, которая соответствующим декретом СНК РСФСР 1918 года была отделена от государства и школы. Он обоснованно полагал, что повернуть обратно к слиянию церковного управления с государственным управлением невозможно, так как сама церковь не согласится на такое. Функции, в имперский период делегированные церкви и после октября 1917 года у нее изъятые, такие, как «установление гражданской регистрации актов рождения, брака и погребения», должны остаться у государства [5, л. 7—8].

Изучая общественную жизнь в советской России, В. И. Гурко отметил одну особенность, которая для большевиков оказалась естественной:

они массово стремились к государственным постам и различным должностям, не имея при этом достаточного опыта и понимания о механизмах управления государством. Однако это не смущало из них даже самых малограмотных, что совершенно точно отразил писатель М. А. Булгаков в повести «Собачье сердце». Продолжая размышлять о власти в большевистской России в 1920-е годы, В. И. Гурко отмечает, что «сознание это льстит, и низкий уровень образования и воспитания нынешних представителей власти, особенно в местном управлении, делает их близкими народным массам, от них меньше требуют и им больше прощают» [5, л. 8—9]. Для В. И. Гурко возникает по данному факту ситуация сложного выбора: сложившийся в стране после 1917 года строй необходимо преобразовывать полностью либо сохранять, внося необходимые существенные изменения. Дилемма для него являлась очень важной, так как реально сломать строй, уже сложившийся за 9 минувших лет, было бы трудно, так как политические противники развернули бы агитацию о том, что «упразднение советских учреждений знаменует собою тайное намерение новой власти вернуться к прежним земельным и общественным отношениям» [5, л. 10].

Для того, чтобы окончательно разобраться в поставленной проблеме, В. И. Гурко внимательно проанализировал содержание Конституции РСФСР 1918 года, а также работы видных советских юристов Г. С. Гурвича «Основы советской Конституции» и П. И. Стучки «Учение о государстве и Конституция РСФСР». Рассматривая реальную деятельность советов, он пришел к выводу, что «никакого самоуправления, выражающего народную волю, в советской России не существует. Правящей элитой и в центре, и на местах является отнюдь не русский народ в его целом, не советы и комитеты, им выбираемые, а захватившая государственную власть небольшая по численности Российская коммунистическая партия, ядро которой, в высшей степени сплоченное, состоит из бывших политических эмигрантов и ссыльных, с сильной примесью иностранных коммунистов и общеуголовных элементов» [5, л. 13]. Подобная оценка некоторым образом совпала с взглядом историка-эмигранта П. Н. Милюкова, полагавшего руководство ВКП(б) новым русским дворянством, далеким от народа.

По мнению В. И. Гурко, государственная власть в советской России осуществляется непосредственным насилием над волей избирателей, когда сверху навязываются официальные кандидатуры, а в случаях неповиновения следуют жесточайшие репрессии, а также рядом

установленных Конституцией РСФСР особых правил, устраняющих интеллигенцию и крестьянство от действительного влияния на выборах депутатов в советы. Обратил внимание он на то, что городское население искусственно сортируется к выборам по степени благонадежности таким образом, что на долю пролетариата приходится пропорционально больше депутатских мест, чем на другие категории населения. Кроме всего, он отмечал, что в СССР отсутствует тайна голосования. Таким образом, советы всех уровней являются только служебными органами ВКП(б), обеспечивающими ее господство в стране. В проекте программы В. И. Гурко о государственном устройстве обновленной России частичное сохранение советской системы управления было возможным только на уровне местных советов [5, л. 19—21].

Восстановление России после ее освобождения от большевизма В. И. Гурко усматривал на традиционных исторических началах, прежде всего как государство национальное и правовое, которое будет выражать «единство всего народа в его совокупности и отвергающее возможность предоставления какому-либо классу преимущественного перед другими положения, а тем более господства» [5, л. 29]. В то же самое время он полагал, что порядок владения и пользования землей, установленный в советской России, следует сохранить, чтобы не отторгнуть крестьянство от нового курса реформ.

С позиций сегодняшнего времени можно представить В. И. Гурко как политика-идеалиста, полагавшего, что в условиях новой экономической политики, проводимой в 1920-е годы в советском государстве, эмигрантским силам можно осуществить радикальные преобразования при определенной поддержке части населения, недовольного большевистским режимом.

Государственные воззрения В. И. Гурко в отношении преобразования России в XX веке нашли отражение в работах ряда политических деятелей русской эмиграции. Например, один из лидеров Народно-трудового союза В. Д. Поремский утверждал в 1930-е годы, что советскую власть столкнет, скорее всего, какая-то хорошо организованная сила, возможно, внутренняя российская, которая возьмет в свои руки строительство нового государства. Определяя большевистский режим как «замкнутую систему», в которой царят страх населения перед властью и страх власти перед населением, он подобно В. И. Гурко писал, что в советской России «факт отрицательного отношения к власти подавляющего большинства населения не подлежит

никакому сомнению» [6, с. 64; 92—94; 163]. По представлению В. Д. Поремского, следовало готовить профессиональные кадры для проведения государственных реформ «на основах некоей программы-минимум, общей не только для эмиграции, но и для всей России».

Отголоски воззрений В. И. Гурко на возможное преобразование России прослеживаются в написанном в июле 1990 года известном сочинении общественного и политического деятеля А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию? Посильные соображения» [7]. Примечательно, что в архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (г. Москва) проект реформаторской программы В. И. Гурко был передан именно А. И. Солженицыным, который, естественно, был хорошо знаком с государственными воззрениями такого видного общественного деятеля русской эмиграции, каким являлся В. И. Гурко.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лушин А. Н., Лушина К. А. Государственно-правовые воззрения В. И. Гурко: парижский период русской эмиграции // Ученые записки Волго-Вятского отделения Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Н. Новгород: Администрация Н. Новгорода, 2008. Вып. 22.
2. Галас М. Л. Монархические идеологемы Русского зарубежного съезда 1926 г. // История государства и права. 2008. № 18.
3. Журналы № 10, 16, 25 заседаний инициативной группы по объединению русских общественных организаций 19 января 1924 г. // Российский Зарубежный съезд. 1926. Париж. Документы и материалы. М.: Русский путь, 2006. 848 с.
4. Гурко В. И. Доклад «О земле» // Российский Зарубежный съезд. 1926. Париж. Документы и материалы. М.: Русский путь, 2006. 848 с.

5. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Ф. 2. Архив Н. Л. Оболенского, начальника общей канцелярии великого князя Николая Николаевича. 1923—1929. Оп. 1. К. 4. ед. хр. 50.

6. Поремский В. Д. Стратегия антибольшевицкой эмиграции: избранные статьи 1934—1997 гг. М.: Посев, 1998. 288 с.

7. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Комсомольская правда. 1990. 18 сентября. Специальный выпуск.

References

1. Lushin A. N., Lushina K. A. State and legal views of V. I. Gurko: the Paris period of Russian emigration. *Scientific notes of the Volga-Vyatka Branch of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture*. N. Novgorod: Administration of N. Novgorod, 2008. Issue 22. (In Russ.)
2. Galas M. L. Monarchical ideologems of the Russian Foreign Congress of 1926. *History of the state and law*, 2008, no. 18. (In Russ.)
3. Journals no. 10, 16, 25 meetings of the initiative group for the unification of Russian public organizations on January 19, 1924. *Russian Foreign Congress. 1926. Paris. Documents and materials*. Moscow: Russian Way Publ., 2006. 848 p. (In Russ.)
4. Gurko V. I. Report "On the earth". *Russian Foreign Congress. 1926. Paris. Documents and materials*. Moscow: Russian Way Publ., 2006. 848 p. (In Russ.)
5. Archive-Fund "Russian Abroad". F. 2. Archive of N. L. Obolensky, head of the General Chancellery of Grand Duke Nikolai Nikolaevich. 1923—1929. Op. 1. K. 4. ed. hr. 50.
6. Poremsky V. D. Strategy of anti-Bolshevik emigration: Selected articles 1934—1997. Moscow: Sowing Publ., 1998. 288 p. (In Russ.)
7. Solzhenitsyn A. I. How can we equip Russia? Feasible considerations. *Komsomolskaya Pravda*, 1990, September 18, Special issue. (In Russ.)

Информация об авторах

А. Н. Лушин — кандидат юридических наук, доцент;
К. А. Чудецкая — кандидат исторических наук.

Information about the authors

A. N. Lushin — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;
K. A. Chudetskaya — Candidate of Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 347.775
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-33-36>

Коммерческая тайна: понятие, условия обработки

Вершинина Екатерина Сергеевна¹, Щербакова Мария Павловна²

^{1,2}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹Ver_es@mail.ru

²lasko79@rambler.ru

Аннотация. В статье дается понятие и раскрывается содержание коммерческой тайны, освещаются порядок и условия обеспечения охраны такой информации, анализируются условия и критерии правомерности ее получения правоохранительными органами, а также механизм привлечения к ответственности за нарушение режима конфиденциальности сведений, относящихся к коммерческой тайне.

Ключевые слова: конфиденциальная информация, коммерческая тайна, экономическая выгода, ноу-хау, режим конфиденциальности

Для цитирования: Вершинина Е. С., Щербакова М. П. Коммерческая тайна: понятие, условия обработки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 33—36. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-33-36>.

Original article

Trade secret: concept, processing conditions

Ekaterina S. Vershinina¹, Maria P. Shcherbakova²

^{1,2}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹Ver_es@mail.ru

²lasko79@rambler.ru

Abstract. The article gives the concept and reveals the content of a trade secret, highlights the procedure and conditions for ensuring the protection of such information, analyzes the conditions and criteria for the legality of its receipt by law enforcement agencies, as well as the mechanism for bringing to responsibility for violation of the confidentiality regime of information related to trade secrets.

Keywords: confidential information, trade secret, economic benefit, know-how, confidentiality regime

For citation: Vershinina E. S., Shcherbakova M. P. Trade secret: concept, processing conditions. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 33—36. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-33-36>.

Информация пронизывает все сферы жизнедеятельности людей, общества, государства. Довольно часто в сфере предпринимательства именно соблюдение режима конфиденциальности коммерческой тайны позволяет субъектам коммерческой деятельности обеспечивать получение прибыли.

Раскрытие и расследование преступлений экономической направленности часто требует от сотрудников правоохранительных органов получение сведений, относящихся к коммерческой

тайне. И здесь необходимо соблюдать условия и критерии правомерности ее получения.

В соответствии с федеральным законодательством коммерческая тайна — это такой режим конфиденциальности информации, который позволяет ее обладателю получить экономическую выгоду, сохранить свое положение на рынке, увеличить собственные доходы и избежать неоправданных расходов при имеющихся или возможных обстоятельствах [1].

© Вершинина Е. С., Щербакова М. П., 2022

К коммерческой тайне можно отнести любую информацию, имеющую коммерческую ценность (действительную или потенциальную) в силу неизвестности ее третьим лицам [1].

Правом отнесения информации к коммерческой тайне обладает лицо, которое по праву владеет такой информацией. К ней могут быть отнесены любые сведения производственного, технического, экономического, организационного характера, а также секреты производства (ноу-хау) [2].

Для обеспечения возможности получения коммерческой тайны государственными органами, а также в целях предупреждения злоупотреблений составлен перечень сведений, которые не могут быть отнесены к коммерческой тайне [1, 3], содержащийся как в Федеральном законе от 29 июля 2004 года № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», так и в постановлении Правительства РСФСР от 5 декабря 1991 года № 35 [3].

В случае необходимости заинтересованные органы могут получить коммерческую тайну по мотивированному запросу, который должен четко описывать цель, срок и юридико-правовое обоснование предоставления информации. Об этом говорится в части 1 статьи 6 Федерального закона «О коммерческой тайне».

Во 2 части этой же статьи приводится, что в случае отказа предоставления коммерческой тайны по мотивированному запросу, следует обратиться в суд и получить ее в судебном порядке.

В случае, если обладатель коммерческой тайны отказывается ее предоставить, имеется возможность привлечения коммерческой организации к административной ответственности по статье 19.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [4]. Правда, для юридических лиц там предусмотрен незначительный штраф от трех до пяти тысяч рублей. Представляется, что для коммерческой организации это будут несущественные потери. А вот время, необходимое для приведения всей необходимой документации в порядок во время судебных разбирательств, обладатель коммерческой тайны, безусловно, получит. В связи с этим правоохранительные органы могут упустить возможность получения достоверных доказательственных данных.

Получив коммерческую тайну, органы, ставшие ее обладателями, а также сам обладатель обязаны предоставить эту информацию по запросу судов, органов предварительного следствия, органов дознания по делам, находящимся в их производстве. Необходимо сделать

акцент на том, что в этом перечне отсутствуют органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, ввиду чего у обладателей коммерческой тайны появляется хорошая возможность не предоставлять оперуполномоченным органов внутренних дел необходимую им информацию.

Проблемой соотношения органов дознания и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, занимались многие выдающиеся ученые. Так, данному вопросу посвящены труды доктора юридических наук, профессора А. Г. Маркушина; доктора юридических наук, профессора Н. С. Железняк [5] и многих других.

В пользу разграничения этих двух органов говорят пункт 1.1. части 3 статьи 41 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в соответствии с которым дознаватель имеет право давать письменные поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий; часть 2 этой же статьи, где указано недопустимости возложения полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-разыскные мероприятия. Кроме того, в приказе МВД России от 30 апреля 2011 года № 333 «О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России» орган дознания и подразделения по оперативной работе схематично представлены отдельно. К оперативным подразделениям органов внутренних дел, правомочным осуществлять оперативно-разыскную деятельность в полном объеме относятся: подразделения уголовного розыска; экономической безопасности и противодействия коррупции; по противодействию экстремизму; подразделения по контролю за оборотом наркотиков; собственной безопасности; по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите; специальных технических мероприятий; оперативно-поисковые; по борьбе с преступными посягательствами на грузы органов внутренних дел на транспорте и другие [6].

В этой связи во избежание некорректного толкования норм права и конкретизации правоприменительной деятельности считаем необходимым внести изменения в пункт 3 статьи 6 Федерального закона от 29 июля 2004 года № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» и после органов дознания добавить органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность.

Рассматриваемым Федеральным законом также установлены меры, необходимые для

обеспечения охраны коммерческой тайны. В первую очередь к ним относятся составление перечня сведений, отнесенных к государственной тайне. Во-вторых, подготовка списка лиц, имеющих доступ к коммерческой тайне. Важными мерами охраны являются нанесение пометки «Коммерческая тайна», обеспечение особого режима хранения и обращения с подобной информацией, а также контроль и установление ответственности за нарушение режима конфиденциальности коммерческой тайны. Обеспечение указанных мер охраны не представляется достаточно сложным, однако довольно часто в коммерческих организациях можно увидеть их несоблюдение. Как показывает судебная практика, именно это не позволяет привлечь к ответственности лиц, не законно получивших коммерческую тайну. В соответствии с пунктом 7 части 2 статьи 29, а также части 3 статьи 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации осуществление выемки предметов и документов, отнесенных к государственной и иной охраняемой законом тайне, возможно только на основании судебного решения [7]. Однако в практической деятельности довольно часто возникает ситуация, когда сотрудники органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, изымают все интересующие их предметы и документы в ходе гласного обследования, не имея на это судебного решения. В этом случае по заявлению представителей коммерческих организаций может быть возбуждено уголовное дело по статье 183 Уголовного кодекса Российской Федерации [8]. Судебная практика привлечения к уголовной ответственности по данной категории дел незначительная. Это связано с тем, что самим собственником коммерческой тайны не соблюдаются необходимые меры ее охраны. Например, на материальных носителях сведений, составляющих коммерческую тайну, отсутствуют соответствующие пометки, что встречается в большинстве случаев.

Органы, получившие сведения, составляющие коммерческую тайну, обязаны обеспечить их охрану, не вправе разглашать или передавать другим органам или третьим лицам за исключением случаев, которые мы приводили выше, то есть по запросу судов, органов следствия и дознания. Во всех остальных случаях полученные сведения, относящиеся к коммерческой тайне, правоохранительные органы не имеют право предоставлять другим государственным органам.

В случае нарушения конфиденциальности коммерческой тайны могут наступить различные виды ответственности.

Например, дисциплинарная в соответствии с подпунктом «в» пункта 6 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации в случае разглашения коммерческой тайны, что является грубым нарушением трудовых обязанностей, работодатель может расторгнуть договор с работником [9].

Также может наступить гражданско-правовая ответственность. В соответствии со статьей 15 Гражданского кодекса Российской Федерации обладатель коммерческой тайны может требовать полного возмещения убытков в случае разглашения, передачи или иной утечки секрета (ст. 1472 Гражданского кодекса Российской Федерации) производства или иных сведений, в отношении которых установлен режим конфиденциальности [2].

В случае, если разглашение ограниченной информации не влечет наступление уголовной ответственности, наступает административная в соответствии со статьей 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [4]. В рамках данной статьи для должностных лиц предусмотрен штраф от 4 до 5 тыс. рублей.

Уголовная ответственность предусмотрена по статье 183 Уголовного кодекса Российской Федерации за незаконное получение или разглашение коммерческой тайны [8].

Список источников

1. О коммерческой тайне: федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2021).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2021).
3. О Перечне сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну: постановление Правительства РСФСР от 5 декабря 1991 г. № 35 // Собрание постановлений Правительства РСФСР. 1992. № 1—2, ст. 7.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2021).
5. Железняк Н. С. О соотношении понятий «орган дознания» и «орган, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность» // Вестник Сибирского юридического института МВД России — научно-практический журнал. № 2 (31), 2018. С. 28—32.
6. Правовые основы организации оперативно-разыскной деятельности: курс лекций / А. В. Парфенов,

В. М. Аتماжитов, Ю. А. Лапунова, Р. Р. Ханнанов Москва: Академия управления МВД России, 2021. 104 с.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2021).

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2021).

9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2021).

References

1. On Trade Secrets: federal law no. 98-FZ of July 29, 2004. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.12.2021). (In Russ.)

2. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) no. 51-FZ of November 30, 1994. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.12.2021). (In Russ.)

3. On the List of information, which cannot constitute a trade secret: the resolution of the Government of the Russian Federation no. 35 of December 5, 1991. *Meeting of the government of the RSFSR*, 1992, no. 1—2, article 7. (In Russ.)

4. The code of the Russian Federation on administrative offenses no. 195-FZ of December 30, 2001. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.12.2021). (In Russ.)

5. Zheleznyak N. S. On the relationship between the concept of “body of inquiry” and “body carrying out operational investigative activities”. *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia — scientific and practical journal*, 2018, no. 2 (31), pp. 28—32. (In Russ.)

6. Legal foundations of the organization of operational investigative activities: a course of lectures / A. V. Parfenov, V. M. Atmazhitov, Yu. A. Lapunova, R. R. Hannanov. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 104 p. (In Russ.)

7. Criminal Procedure Code of the Russian Federation no. 174-FZ of December 18, 2001. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.12.2021). (In Russ.)

8. Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.12.2021). (In Russ.)

9. Labor Code of the Russian Federation no. 197-FZ of December 30, 2001. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.12.2021). (In Russ.)

Информация об авторах

Е. С. Вершинина — кандидат юридических наук, доцент;

М. П. Щербакова — кандидат социологических наук.

Information about the authors

E. S. Vershinina — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

M. P. Shcherbakova — Candidate of Sciences (Sociology).

Статья поступила в редакцию 20.12.2021; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 20.12.2021; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 346.9
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-37-43>

**Государственная экологическая экспертиза проектов
технической документации на новые технику, технологию и вещества:
пробелы в нормах действующего законодательства**

Галковская Виктория Евгеньевна

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, galvika@mail.ru

Аннотация. Рубеж 19—20 веков был богат на нововведения в области охраны окружающей среды, в том числе на ужесточение требований к реализации проектов, которые могут оказать негативное воздействие на окружающую среду. Данные требования, закрепляемые на законодательном уровне и направленные на реализацию прав граждан на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью и имуществу экологическим правонарушением, в соответствии со статьей 42 Конституции Российской Федерации зачастую имеют неоднозначное трактование, что приводит к возникновению спорных ситуаций при реализации функций контрольно-надзорных органов. Одним из проблемных моментов в российском экологическом законодательстве является Федеральный закон от 23 ноября 1995 года № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» в части включения в статью 11 в качестве объектов государственной экологической экспертизы проекты технической документации на новые технику, технологию, использование которых может оказать воздействие на окружающую среду. Как показывает практика, нормы экологического законодательства не раскрывают терминов «новая техника» и «новая технология», что приводит к возникновению судебных прецедентов при прохождении государственной экологической экспертизы, связанных с неоднозначной трактовкой этих понятий. Целью данной статьи является попытка оценить последствия пробелов в экологическом законодательстве для субъектов экологического права и предложить пути их разрешения.

Ключевые слова: государственная экологическая экспертиза, объекты государственной экологической экспертизы, экологическая экспертиза новой техники и технологии

Для цитирования: Галковская В. Е. Государственная экологическая экспертиза проектов технической документации на новые технику, технологию и вещества: пробелы в нормах действующего законодательства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 37—43. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-37-43>.

Original article

**State environmental expertise of draft technical documentation
for new equipment, technology and substances:
gaps in the norms of the current legislation**

Victoria Ye. Galkovskaya

Southwest State University, Kursk, Russian Federation, galvika@mail.ru

Abstract. The period between 19th—20th centuries was rich in innovations in the field of environmental protection, including the tightening of requirements for the implementation of projects that can have a negative impact on the environment. These requirements, imposed at the legislative level and aimed at the realization of citizens' rights to a favorable environment, reliable information about it and on compensation for damage caused to health and property by an environmental offense, according to Art. 42 of the Constitution of the Russian Federation, often have an ambiguous interpretation, which leads to the emergence of controversial situations in the implementation of the functions

© Галковская В. Е., 2022

of control and supervisory bodies. One of these bottlenecks of Russian environmental legislation is federal law no. 174-FZ “On Environmental Expertise” of October 23, 1995 regarding the inclusion in Art. 11 objects of state environmental expertise of draft technical documentation for new equipment, technology, the use of which can have an impact on the environment. As practice shows, the norms of environmental legislation do not disclose the terms “new technology” and “new technology”, which leads to the emergence of judicial precedents in the passage of state environmental expertise related to the ambiguous interpretation of these concepts. The aim of this study is to make an attempt to assess the impact of gaps in environmental legislation on environmental law actors and suggest ways to resolve them.

Keywords: state environmental expertise, objects of state environmental expertise, environmental expertise of new technology and technology

For citation: Galkovskaya V. Ye. State environmental expertise of draft technical documentation for new equipment, technology and substances: gaps in the norms of the current legislation. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 37—43. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-37-43>.

История вопроса. Анализ законодательства в сфере экологической экспертизы в Российской Федерации свидетельствует о том, что становление института государственной экологической экспертизы в Российской Федерации началось в 1988 году с создания экспертного подразделения Главной государственной экологической экспертизы (Главгосэкоэкспертиза) в структуре Госкомприроды СССР [1]. С этого момента государственная экологическая экспертиза (далее — ГЭЭ) стала единственным инструментом экологического контроля за подготовкой и реализацией хозяйственных проектов, оказывающих воздействие на окружающую среду, в нашей стране. Вместе с тем отношения между правовыми субъектами экологической экспертизы на законодательном уровне были закреплены только с принятием Закона РСФСР от 19 декабря 1991 года № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» [2]. В пятом разделе названного Закона были введены цели и принципы ГЭЭ, в том числе принцип обязательности. В этом законодательном документе были определены:

- понятие «экологическая экспертиза»;
- ответственность за невыполнение требований ГЭЭ;
- ответственность экспертов ГЭЭ;
- проведение общественной экологической экспертизы [2];
- экологические обоснования лицензий и сертификатов.

Этот же раздел ГЭЭ закрепил положение в статье 37 о том, что экспертизе должны подвергаться все без исключения материалы (независимо от их сметной стоимости и принадлежности), внесенные в планы, проекты, а также непосредственно проектные материалы

по объектам и мероприятиям, которые будут осуществлены в Российской Федерации.

Следующая эволюция объектов ГЭЭ произошла в 1995 году с принятием Федерального закона от 23 октября 1995 года № 174 «Об экологической экспертизе» (далее — ФЗ № 174). В нем было конкретизировано понятие «экологическая экспертиза», а также значительно расширен перечень объектов прохождения обязательной ГЭЭ [3]. Согласно статье 11 ФЗ № 174 под обязательное прохождение ГЭЭ попадают нижеперечисленные проекты:

- нормативно-технических и инструктивно-методических документов в области охраны окружающей среды, ратифицируемых госорганами Российской Федерации;
- техдокументации на новую технику, если при введении ее в эксплуатацию возможно вредное воздействие на окружающую среду;
- техдокументации на вновь применяемые технологии, при использовании которых возможно оказание экологически вредного воздействия;
- техдокументации на новые вещества, которые могут загрязнять экологию;
- проекты соглашений о разделе продукции.

Начиная с 1 марта 2022 года пункт 5 статьи 11 будет изложен в новой редакции: проекты технической документации на новую технику, технологию, использование которых может оказать воздействие на окружающую среду, новые вещества, которые могут поступать в окружающую среду, пестициды и агрохимикаты (Федеральный закон от 28 июня 2021 г. № 221-ФЗ).

Помимо проектов, в Законе упоминаются следующие объекты, подлежащие обязательной ГЭЭ:

- федеральные целевые программы, связанные со строительством, размещением и

эксплуатацией объектов хозяйственности, которые влияют на состояние окружающей среды, при размещении подобных объектов указана необходимость принимать во внимание режим охраны окружающих их природных объектов;

— объекты ГЭЭ, указанные в Федеральном законе от 30 ноября 1995 года № 187 «О континентальном шельфе Российской Федерации», в Федеральном законе от 17 декабря 1998 года № 191 «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации», в Федеральном законе от 31 июля 1998 года № 155 «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации»;

— материалы обоснования лицензий на осуществление отдельных видов деятельности, связанных с применением атомной энергии, оказывающих негативное экологическое воздействие;

— материалы комплексного экологического обследования участков территорий, обосновывающие придание этим территориям правового статуса зоны экологического бедствия или зоны чрезвычайной экологической ситуации.

Следует отметить, что официальные термины «новая техника», «новая технология» и «новые вещества» в нормативных документах природоохранного и природоресурсного законодательства не присутствуют, поэтому самыми обсуждаемыми и спорными объектами прохождения ГЭЭ являются вышеперечисленные проекты техдокументации на новую технику и новые технологии, использование которых может оказать экологически негативное воздействие на окружающую среду. Из контекста норм экологического права также нет возможности четко установить юридическое содержание перечисленных определений.

Несмотря на видимую конкретику, данное исследование ставит перед собой задачу разобраться в проблемах, возникающих в связи с пробелами в ФЗ № 174 в части отсутствия единой трактовки терминов «новая техника» и «новая технология», оценить последствия такой неоднозначности посредством анализа судебной практики, а также предложить пути разрешения существующих противоречий.

Постановка проблемы. Согласно статье 1 ФЗ № 174 экологическая экспертиза — это установление соответствия документов и (или) документации, обосновывающих намечаемую в связи с реализацией объекта экологической

экспертизы хозяйственную и иную деятельность экологическим требованиям, установленным техническими регламентами и законодательством в области охраны окружающей среды, в целях предотвращения негативного воздействия такой деятельности на окружающую среду [3].

В соответствии с требованиями пункта 5 статьи 11 Закона к объектам ГЭЭ федерального уровня в том числе относятся проекты технической документации на новые технику, технологию, использование которых может оказать воздействие на окружающую среду. Вместе с тем термины «новая техника», «новая технология» в законе не раскрываются. Анализ действующих нормативных правовых актов свидетельствует о том, что данные понятия не раскрываются ни в одном из относящихся к законодательству об охране окружающей среды документе. Исключением является краткая формулировка в письме Минприроды России от 13 мая 2011 года № 05-12-44/7250 «О проведении государственной экологической экспертизы проектов технической документации на новые технику, технологию». Как считают в Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации, к новым технологиям следует причислять те, которые впервые предлагаются к использованию на территории Российской Федерации с обязательным прохождением апробации [4].

Анализ нормативных актов различных отраслей права и технической документации позволил автору систематизировать понятия «новая техника» и «новая технология» с возможностью их применения в качестве критериев отнесения техники и технологии к объектам ГЭЭ в соответствии со статьей 11 пункта 5 ФЗ № 174. Полученные результаты анализа представлены в таблице 1.

Таким образом, можно выделить два основных критерия, по которым может быть установлена новизна техники и технологии для рассматриваемой статьи ФЗ № 174. Во-первых, разрабатывается / используется в стране впервые, во-вторых, отсутствует нормативно-техническая документация (отечественные регламенты, свидетельства, стандарты, технические условия (ТУ) или ГОСТ).

В общем случае при проверках предприятий по вопросу нарушения пункта 5 статьи 11 ФЗ № 174 контрольно-надзорные органы руководствуются именно этими двумя критериями.

Результаты систематизации понятий «новая техника» и «новая технология»

Нормативный правовой документ	Термины
Письмо Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 13 мая 2011 года № 05-12-44/7250 «О проведении государственной экологической экспертизы проектов технической документации на новые технику, технологию» [4].	«...По мнению Минприроды, к новым технологиям относятся впервые предлагаемые к использованию на территории Российской Федерации и прошедшие апробацию технологии».
Рекомендации. Система разработки и постановки продукции на производство. Термины и определения. Р 50-605-80-93, утвержденные приказом ВНИИ стандарта от 9 июля 1993 года № 18 [5].	Пункт 1.2.11: «Новая продукция — продукция, впервые изготовленная в стране, отличающаяся от выпускаемой улучшенными свойствами или характеристиками и получающая новое обозначение».
Федеральный закон от 30 марта 1999 года № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [6].	Пункт 2 статья 13: «Производство, применение (использование) и реализация населению новых видов продукции (впервые разрабатываемых или внедряемых) осуществляются при условии их соответствия санитарно-эпидемиологическим требованиям».
Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 1997 года № 1636 «О Правилах подтверждения пригодности новых материалов, изделий, конструкций и технология для применения в строительстве» [7].	<p>Пункт 1: «...новых материалов, изделий, конструкций и технологий (далее именуется — новая продукция), применение которых в строительстве не регламентировано действующими строительными нормами и правилами, государственными стандартами и другими нормативными документами».</p> <p>Пункт 5: «Проверке и подтверждению пригодности подлежит новая продукция, от которой зависят эксплуатационные свойства зданий и сооружений, их надежность и долговечность, безопасность для жизни и здоровья людей, их имущества, а также окружающей среды, в том числе:</p> <ul style="list-style-type: none"> — вновь разработанная на территории Российской Федерации и передаваемая в массовое (серийное) производство; — требования к свойствам и условиям применения которой полностью или частично отсутствуют в действующих строительных нормах и правилах, государственных стандартах, технических условиях и других нормативных документах; — впервые осваиваемая производством по зарубежным технологиям, если она отличается (по материалам, составу, конструкции и т. д.) от продукции аналогичного назначения, отвечающей требованиям действующей нормативно-технической документации; — изготавливаемая по зарубежным нормам и стандартам и поставляемая в соответствии с требованиями этих норм и стандартов на территорию Российской Федерации. <p>Не требует проверки и подтверждения пригодности новая продукция, запроектированная в полном соответствии с действующими строительными нормами и правилами, а также разработанная и поставляемая в соответствии с государственными стандартами или техническими условиями, утвержденными в установленном порядке».</p>

Источник: составлено по материалам нормативных правовых актов Российской Федерации.

В частном случае при проверках предприятий и организаций на предмет соответствия наличия положительного заключения государственной экологической экспертизы на осуществление деятельности по утилизации отходов контрольно-надзорные органы, в частности Росприроднадзор, руководствуются банком данных об отходах и о технологиях использования и обезвреживания отходов, который ведется Росприроднадзором на основании приказа Минприроды Российской Федерации от 30 сентября 2011 года № 792 «Об утверждении порядка ведения государственного кадастра отходов» (далее — Порядок) [8]. В соответствии с указанным Порядком в банке данных об отходах и технологиях их использования / обезвреживания содержатся следующие сведения:

- виды отходов, включенные в Федеральный классификационный каталог отходов;
- характеристика отходов;
- сведения о технологиях, которые применяются для их обезвреживания или дальнейшего использования.

Банк данных в части последнего пункта формируется, базируясь на полученной от собственников / разработчиков новых технологий информации. Источником информации также служит ГЭЭ проектов техдокументации на рассматриваемые технологии. В соответствии с Порядком государственный кадастр отходов ведется в соответствии с единой системой, действующей на территории Российской Федерации, и определяется уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти [8]. Таким образом, исходя из вышеуказанного порядка, указанный Банк данных содержит информацию не обо всех технологиях использования и обезвреживания отходов, поскольку информация в него поступает на основании данных юридических лиц, в том числе информации о проведенных в этой части государственных экологических экспертизах. Росприроднадзор не осуществляет самостоятельных действий по поиску используемых в Российской Федерации технологий. Указанный Банк не используется в качестве единственного источника, на основании которого можно делать вывод о новизне технологий.

Автором проанализированы судебные решения, выносимые арбитражными судами по вопросу нарушения пункта 5 статьи 11 ФЗ № 174 в 2018—2021 годы. Проведенный анализ позволил выявить основные критерии признания технологии новой, которые использует Росприроднадзор для вынесения

предписания о нарушении и которыми руководствуется суд [9].

Исходя из правил распределения процессуальных обязанностей, предусмотренных главой 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), бремя доказывания новизны технологии возлагается на административный орган (в данном случае Росприроднадзор) [10]. Анализ показал, что единственным доказательством новизны, на который ссылается административный орган при вынесении предписаний о необходимости получения положительного заключения ГЭЭ переработчикам отходов, выступает утверждение об отсутствии информации о новом продукте и технологии в Банке данных «Об отходах и о технологиях утилизации и обезвреживания отходов различных видов». Вместе с тем, как было показано в таблице 1, такой критерий определения новизны технологий, как их отсутствие в Банке данных, Минприроды не называется. В остальных случаях каких-либо оснований причисления технологии к категории новой Росприроднадзор не указывает.

В качестве критериев подтверждения отсутствия новизны применяемых предприятиями технологий судами признаются отечественные регламенты, свидетельства, стандарты, ТУ, ГОСТы и СНИПы.

Заключение. Неполучение положительного заключения на проекты технической документации на новую технику, технологию, использование которых может оказать воздействие на окружающую среду, приводит к нарушению законодательства Российской Федерации об экологической экспертизе в соответствии со статьей 30 ФЗ № 174. Частью 1 статьи 8.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрено, что невыполнение требований законодательства об обязательности проведения ГЭЭ, финансирование или реализация проектов, программ и иной документации, подлежащих ГЭЭ и не получивших положительного заключения ГЭЭ, влечет предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от 1 500 до 2 000 рублей, должностных лиц — от 5 000 до 10 000 рублей, юридических лиц — от 50 000 до 100 000 рублей [11].

Вместе с тем в действующем российском экологическом законодательстве отсутствует четкое определение новой техники и технологии. Такие пробелы приводят к неоднозначности решений, принимаемых контрольно-надзорными органами по результатам проведения

проверок, увеличивается число обращений в суды с целью обжалования предписаний.

В частности, несмотря на обязанности Росприроднадзора, предусмотренные главой 24 АПК РФ, доказывать, что технология, которую предприятие использует в своей деятельности, является новой, это бремя ложится на предприятия. При этом какого-либо единого критерия отнесения технологии к новой, на которую может ссылаться предприятие, на законодательном уровне не закреплено. Анализ судебных решений, выносимых на предмет соответствия технологии пункту 5 статьи 11 ФЗ № 174, позволяет сделать вывод, что суды принимают решение о новизне технологии, исходя из наличия на технологию / технику нормативно-технической документации, разработанной до принятия вышеуказанного Федерального закона. В данном случае решением проблемы может стать внесение поправок в пункт 5 данной статьи в части уточнения, что под проектами технической документации на новые технику, технологию, использование которых может оказать воздействие на окружающую среду, подразумеваются технические проекты на новые технику, технологию, использование которых может оказать воздействие на окружающую среду, разрабатываемые без ссылок на нормативно-технические документы, действующие до вступления в силу Федерального закона от 23 ноября 1995 года № ФЗ-174 «О проведении государственной экологической экспертизы».

Институт государственной экологической экспертизы в нашей стране является гибкой структурой, открытой для внесения изменений, о чем свидетельствуют поправки, вносимые в ФЗ № 174 с момента его принятия. Рассмотрение данной темы вносит практический вклад в формирование института государственной экологической экспертизы в соответствии с требованиями современных условий и результатами применения закона в российской экологической практике.

Список источников

1. Становление и развитие экоэкспертизы. URL: <http://www.priroda.ru/reviews/detail.php?ID=12266> (дата обращения: 16.08.2021).
2. Об охране окружающей природной среды: закон РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12125350/paragraph/625/doclist/27013/showentries/0/highlight/Закона РСФСР от 19 декабря 1991 г. N2060-1 Об %D:0> (дата обращения: 16.08.2021).
3. О проведении государственной экологической экспертизы: федеральный закон от 23 ноя-

бря 1995 г. № ФЗ-174. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10108595/paragraph/58065/doclist/26895/showentries/0/highlight/экологической экспертизе> (дата обращения: 16.08.2021).

4. О проведении государственной экологической экспертизы проектов технической документации на новые технику, технологию: письмо Минприроды России от 13 мая 2011 г. № 05-12-44/7250. URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minprirody-rf-ot-13052011-n-05-12-447250/> (дата обращения: 16.08.2021).

5. Рекомендации. Система разработки и постановки продукции на производство. Термины и определения. Р 50-605-80-93: утв. приказом ВНИИ стандарта от 9 июля 1993 г. № 18. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 16.08.2021).

6. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=395268> (дата обращения: 16.08.2021).

7. О Правилах подтверждения пригодности новых материалов, изделий, конструкций и технология для применения в строительстве: постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 1997 г. № 1636. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9055606> (дата обращения: 16.08.2021).

8. Об утверждении порядка ведения государственного кадастра отходов: приказ Минприроды Российской Федерации от 30 сентября 2011 г. № 792. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=189838> (дата обращения: 16.08.2021).

9. База данных судебных и нормативных актов Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.08.2021).

10. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.08.2021).

References

1. Formation and development of eco-expertise. URL: <http://www.priroda.ru/reviews/detail.php?ID=12266> (accessed 16.08.2021). (In Russ.)
2. On Environmental Protection: law of the RSFSR no. 2060-I of December 19, 1991. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12125350/paragraph/625/doclist/27013/showentries/0/highlight/> (accessed 16.08.2021). (In Russ.)
3. On the Conduct of State Environmental Expertise: federal law no. FZ-174 of November 23, 1995. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10108595/paragraph/58065/doclist/26895/showentries/0/highlight/экологической экспертизе> (accessed 16.08.2021). (In Russ.)

4. On the state environmental examination of technical documentation projects for new equipment, technology: letter of the Ministry of Natural Resources of Russia no. 05-12-44/7250 of May 13, 2011. URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minprirody-rf-ot-13052011-n-05-12-447250/> (accessed 16.08.2021). (In Russ.)

5. Recommendations. System of product development and putting into production. Terms and definitions. P 50-605-80-93: by order of VNIИ standard no. 18 of July 9, 1993. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 16.08.2021). (In Russ.)

6. On Sanitary and Epidemiological Well-Being of the Population: federal law no. 52-FZ of March 30, 1999. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=395268> (accessed 16.08.2021). (In Russ.)

7. On the Rules for Confirming the Suitability of New Materials, Products, Structures and Technology for Use in Construction: decree of the Government of the Russian Federation no. 1636 of December 27, 1997. URL:

<https://docs.cntd.ru/document/9055606> (accessed 16.08.2021). (In Russ.)

8. On approval of the procedure for maintaining the state waste cadaster: order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation no. 792 of September 30, 2011. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=189838> (accessed 16.08.2021). (In Russ.)

9. Database of judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/> (accessed 16.08.2021). (In Russ.)

10. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation no. 95-FZ of July 24, 2002. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 16.08.2021). (In Russ.)

11. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses no. 195-FZ of December 30, 2001. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 16.08.2021). (In Russ.)

Информация об авторе

В. Е. Галковская — кандидат экономических наук.

Information about the author

V. Ye. Galkovskaya — Candidate of Sciences (Economy).

Статья поступила в редакцию 26.11.2021; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 26.11.2021; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 347.61/.64
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-44-51>

Классификация принципов семейного права России

Илюхина Вера Александровна^{1, 2}

¹Академии ФСИН России, eva3011@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>

²Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС

Аннотация. Исходя из позитивистского правопонимания, анализируются классификации принципов семейного права: 1) по источнику нормативного закрепления принципов семейного права; 2) по сфере правового регулирования. В рамках первой классификации выделяются и характеризуются три группы принципов семейного права: 1) конституционные принципы семейного права, продублированные и (или) конкретизированные в Семейном кодексе Российской Федерации (три принципа); 2) конституционные принципы семейного права, не продублированные в Семейном кодексе Российской Федерации (тринадцать принципов); 3) отраслевые принципы семейного права, нашедшие отражение только в Семейном кодексе Российской Федерации (семь принципов). В рамках второй классификации выделяются и характеризуются общеправовые принципы, действующие и в сфере семейного права (одиннадцать принципов), межотраслевые принципы семейного права (два принципа) и специфические отраслевые принципы семейного права (десять принципов). Обосновывается, что некоторые положения части 1 статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации (построение семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов) являются не принципами права, а представляют собой особый способ закрепления определенных ориентиров в семейных отношениях, семейных ценностей, которые, в свою очередь, опираются на нормы морали и нравственности.

Ключевые слова: принципы семейного права, позитивизм, классификация, конституционные принципы права

Для цитирования: Илюхина В. А. Классификация принципов семейного права России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 44—51. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-44-51>.

Original article

Classification of the principles of family law of Russia

Vera A. Ilyukhina^{1, 2}

¹Academy of the Federal Service Execution of Punishment of Russia, eva3011@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>

²Nizhny Novgorod Institute of Management — Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Abstract. Based on the positivist legal thinking, the classification of the principles of family law is analyzed: 1) according to the source of the normative consolidation of the principles of family law; 2) in the field of legal regulation. Within the framework of the first classification, three groups of principles of family law are distinguished and characterized: 1) constitutional principles of family law, duplicated and (or) specified in the Family Code of the Russian Federation (three principles); 2) constitutional principles of family law, not duplicated in the Family Code of the Russian Federation (thirteen principles); 3) sectoral principles of family law, reflected only in the Family Code of the Russian Federation (seven principles). Within the framework of the second classification, general legal principles that are valid in the field of family law (eleven principles), intersectoral principles of family law (two principles) and specific sectoral principles of family law (ten principles) are distinguished and characterized. It is substantiated that some provisions of Part 1 of Article 1 of the Family Code of the Russian Federation (building family relations

© Илюхина В. А., 2022

based on feelings of mutual love and respect, mutual assistance and responsibility to the family of all its members) are not principles of law, but represent a special way of fixing certain guidelines in family relations, family values, which in turn are based on the norms of morality and ethics.

Keywords: principles of family law, positivism, classification, constitutional principles of law

For citation: Ilyukhina V. A. Classification of the principles of family law of Russia. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 44—51. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-44-51>.

Исходя из позитивистского правопонимания в целом и в отношении принципов права в частности [1, с. 5—13; 2, с. 609—616], применительно к российской правовой системе можно сформулировать следующее определение принципов права. Не вдаваясь в дискуссии, в качестве рабочего определения укажем, что в позитивистском понимании принципы семейного права России — это базовые, исходные положения семейного права, нашедшие нормативное закрепление в Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) и (или) Семейном кодексе Российской Федерации (далее — СК РФ).

Как любое сложное и многоаспектное явление объективной реальности принципы российского семейного права могут исследоваться с помощью применения метода классификации. В данной работе мы рассмотрим две классификации принципов семейного права: 1) по источнику закрепления принципов права; 2) по сфере правового регулирования.

Учитывая, что принципы семейного права закрепляются в Конституции РФ (как Основном законе, содержащем наиболее важные идеи для всей правовой системы России) и СК РФ (как кодифицированном нормативном правовом акте, регулирующем семейные отношения), их можно разделить на три группы: 1) конституционные принципы семейного права, продублированные и (или) конкретизированные в СК РФ; 2) конституционные принципы семейного права, не продублированные в СК РФ; 3) отраслевые принципы семейного права, нашедшие отражение только в СК РФ.

При выделении конституционных принципов права, в том числе и семейного, возникает проблема, обусловленная самим характером и юридической техникой Конституции РФ, не всегда понятно, какие конституционные нормы являются принципами права, а какие — нормами иного вида. В Конституции РФ закреплено несколько специфических принципов семейного права. А. В. Парамонов выделяет всего пять конституционных принципов семейного права [3, с. 200—206]. К сожалению, при этом названный исследователь не учитывает, что наряду с

собственно принципами семейного права, закрепленными в тексте Конституции РФ, в этом же нормативном правовом акте содержатся и общеправовые принципы, свойственные уже в силу самого их характера всем отраслям российского права, включая семейное.

I. Конституционные принципы семейного права, продублированные и (или) конкретизированные в СК РФ.

1. *Принцип государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства* (ч. 1 ст. 38, а также ч. 2 ст. 7, п. ж. 1 ч. 1 ст. 72 Конституции РФ; ч. 1 ст. 1 СК РФ).

2. *Принцип гарантированности судебной защиты прав и свобод* (ст. 46 Конституции РФ, ч. 1 ст. 1 СК РФ). Часть 1 статьи 1 СК РФ гласит: «Семейное законодательство исходит из... возможности судебной защиты этих (прав членов семьи. — В. И.) прав». Являясь общеправовым принципом российского права, носящим универсальный характер, рассматриваемый конституционный принцип был конкретизирован в отраслевом кодексе. В качестве примера можно привести часть 3 статьи 11 СК РФ, в соответствии с которой в случае отказа органа записи актов гражданского состояния в регистрации брака лица, желающие вступить в брак, вправе обратиться в суд. Другим примером является часть 3 статьи 15 СК РФ, предоставляющая право обратиться в суд с требованием о признании брака недействительным лицу, вступившему в брак, от которого другое лицо скрыло наличие венерической болезни или ВИЧ-инфекции. Также обратим внимание, что статья 20 и часть 3 статьи 38 СК РФ предполагают рассмотрение в судебном порядке споров о разделе имущества после расторжения брака.

3. *Принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины* (п. ж. 1 ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, ч. 3 ст. 1 СК РФ). До недавнего времени этот принцип закреплялся только в отраслевом законодательстве — на конституционном уровне соответствующая норма отсутствовала. В основе принципа добровольности брачного союза мужчины и женщины лежат традиционные российские семейные ценности, которые в последнее время стали объектом пристального

внимания исследователей [4]. Если о добровольности вступления в брак применительно к периоду Российской империи говорить можно далеко не всегда (браки между крепостными крестьянами по воле помещика, значительная роль родителей в выборе пары своему ребенку и т. д.), то в советский период это положение обрело не только формальное, но и реальное воплощение. Кстати, статьями 2040—2044 Уложения уголовных и исправительных 1845 года устанавливалась уголовная ответственность за вступление с женщиной в брак против ее воли.

Конкретизацию указанного принцип нашел в части 1 статьи 12 СК РФ, в соответствии с которой одним из условий заключения брака является взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак. Если это условие нарушено, то брак в судебном порядке может быть признан недействительным (ч. 1 ст. 27 СК РФ).

II. Конституционные принципы семейного права, не продублированные в СК РФ.

1. *Принцип дуализма прав и обязанностей родителей по заботе и воспитанию детей* (ч. 2 ст. 38 Конституции РФ). К сожалению, в качестве четко сформулированного принципа права в тексте СК РФ данное положение отсутствует.

2. *Принцип обязанности трудоспособных совершеннолетних детей заботиться о своих нетрудоспособных родителях* (ч. 3 ст. 38, п. ж. 1 ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Часть 3 статьи 38 Конституции РФ устанавливает, что трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях. Обратим внимание, что это положение в СК РФ прямо не продублировано. Тем не менее в части 1 статьи 87 СК закреплена норма: «Трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них». По нашему мнению, понятие «забота о родителях» шире, чем «содержание родителей», первое включает в себя второе.

3. *Принцип защиты института брака как союза мужчины и женщины* (п. ж. 1 ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Данный принцип стал новым конституционным принципом российского семейного права, который не продублирован в СК РФ, однако эта основополагающая идея соответствует российским традициям и менталитету, пронизывает все российское законодательство в качестве одной из основ института российского брака.

Приведенные выше три конституционных принципа являются специфическими

принципами семейного права. Далее мы только перечислим общеправовые конституционные принципы, присущие в том числе и семейному праву и пронизывающие его. Анализировать мы их не будем в силу достаточной изученности в современной научной литературе.

4. *Принцип законности*, являясь одним из основополагающих принципов российского права, получил закрепление в частях 1—3 статьи 15 Конституции РФ.

5. *Принцип гарантированности охраны прав и свобод человека и гражданина*, как и ряд других конституционных принципов права, изложен не в одной, а в нескольких статьях Конституции РФ (в частности в статьях 17, 18 и ч. 1 ст. 45).

6. *Принцип равенства перед законом и судом* закреплён в части 1 статьи 19 Конституции РФ. По большому счету дискуссионным является вопрос, правильно ли говорить об одном принципе — принципе равенства перед законом и судом, или же мы имеем дело с двумя самостоятельными конституционными принципами: принципом равенства всех перед законом и принципом равенства всех перед судом.

7. *Принцип уважения чести и достоинства личности* устанавливается статьями 21 и 22 Конституции РФ.

8. *Принцип неприкосновенности частной жизни* закреплён в части 1 статьи 23 Конституции РФ.

9. *Принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений*, несмотря на то, что имеет определенную связь с принципом неприкосновенности частной жизни, все же, по нашему мнению, имеет самостоятельный характер. Он закреплён в части 2 статьи 23 Конституции РФ.

10. *Принцип неприкосновенности жилища* провозглашается в статье 25 Конституции РФ.

11. *Принцип защиты прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом*, установлен частью 2 статьи 45 Конституции РФ.

12. *Принцип гарантированности права на получение квалифицированной юридической помощи* закреплён в статье 48 Конституции РФ.

13. *Принцип признания и защиты различных форм собственности* нашел выражение в двух статьях Конституции РФ, а именно в части 2 статьи 8 и в статье 35.

III. Отраслевые принципы семейного права, нашедшие отражение только в СК РФ.

1. *Принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления*

членами семьи своих прав (ч. 1 ст. 1 СК РФ). Предполагается, что речь идет о недопустимости только произвольного вмешательства (например, со стороны родственников, соседей, работодателя). При этом в ряде случаев в целях защиты интересов субъектов семейных правоотношений допускается вмешательство в дела семьи и иных субъектов: в одних случаях это может быть суд, в других — прокурор, в третьих — органы опеки и попечительства, в четвертых — администрация образовательных и воспитательных учреждений и др.

2. *Принцип признания брака, заключенного только в органах записи актов гражданского состояния* (ч. 2 ст. 1 СК РФ). С точки зрения российского законодательства (причем не только семейного, но и гражданского, уголовно-процессуального и пр.) не заменяет государственной регистрации брака наличие общих детей, совместное длительное проживание и ведение общего хозяйства, различные религиозные процедуры (венчание, никах, ниссуин и т. п.).

3. *Принцип равенства прав супругов в семье* (ч. 3 ст. 1 СК РФ). На первый взгляд может показаться, что этот принцип представляет собой частный случай, конкретизацию упоминавшегося ранее конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. На самом деле эти принципы, хотя частично и перекрываются, но у каждого из них имеется собственная сфера действия. Так, принцип равенства прав супругов действительно предполагает их равенство перед законом и судом, но при этом речь идет не только о равенстве в правоотношениях, но и равенстве в отношениях, не регулируемых нормами права (распределение домашних обязанностей, интимная сфера, решение вопросов о совместном или раздельном времяпрепровождении и др.). Следовательно, в данном аспекте можно утверждать, что принцип равенства прав супругов в семье шире, чем принцип равенства всех перед законом.

В то же время принцип равенства всех перед законом и судом реализуется в сфере семейных правоотношений более широко, чем принцип равенства прав супругов в семье, так как охватывает правоотношения не только супругов, но и иных субъектов семейных правоотношений, а также отношения с другими субъектами права, не являющимися членами семьи.

4. *Принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию* (ч. 3 ст. 1 СК РФ). Б. М. Гонгало рассматривает это положение только в качестве пожелания законодателя и отмечает, что «следует констатировать, что

речь идет об идеале, к которому надо стремиться, понимая его недостижимость. А с точки зрения правовой обеспечить торжество «взаимного согласия» попросту невозможно» [5, с. 11]. Позволим себе не согласиться с мнением уважаемого ученого. Дело в том, что данный принцип не только декларируется, но и в СК РФ содержатся вполне конкретные нормы, направленные на его практическую реализацию. Это касается как имущественных вопросов (например, в соответствии с ч. 1 ст. 35 СК РФ «владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляются по обоюдному согласию супругов», а на основании ч. 4 ст. 60 СК РФ «дети и родители, проживающие совместно, могут владеть и пользоваться имуществом друг друга по взаимному согласию»), так и неимущественных вопросов (например, в соответствии с ч. 2 ст. 65 «все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, решаются родителями по их взаимному согласию, исходя из интересов детей и с учетом мнения детей»). При этом следует отметить, что различные бытовые вопросы, распределение домашних обязанностей, порядок пользования общим имуществом, споры, носящие межличностный характер, не регламентируются, не могут и не должны регулироваться нормами права.

5. *Принцип приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии* (ч. 3 ст. 1 СК РФ).

6. *Принцип обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи* (ч. 3 ст. 1 СК РФ).

7. *Принцип запрещения любых форм ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности* (ч. 4 ст. 1 СК РФ).

В части 1 статьи 1 СК РФ закреплены такие положения, как построение семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов. Некоторые авторы рассматривают их в качестве специфических принципов отрасли семейного права Российской Федерации [6, с. 95—104; 7, с. 16—20]. По нашему мнению, несмотря на их включение законодателем в статью СК РФ, посвященную основам семейного законодательства, все же мы имеем дело не с принципами права, а материей иного рода. По сути, наряду с принципами семейного права, в статье 1 СК РФ нашли нормативное закрепление некие ориентиры в семейных отношениях,

семейные ценности, которые, в свою очередь, опираются на нормы морали и нравственности. Естественно, эти ориентиры носят характер пожеланий законодателя и рекомендаций участникам семейных правоотношений, на каких началах должны строиться межличностные отношения между членами семьи.

Следует согласиться с Б. М. Гонгалом, что «включение в закон рассматриваемых положений, наверное, нельзя оценивать отрицательно. Быть может, следует приветствовать. Но при этом надо отдавать себе отчет в том, что «перевести на юридический язык» такие категории, как любовь и уважение (в семье), еще никогда не удавалось и вряд ли когда-нибудь удастся» [5, с. 11]. Конечно, ни в каких нормативных актах нет, и не может быть прописано механизма реализации этих пожеланий. Следовательно, отсутствуют и меры юридической ответственности за их нарушение (да это и невозможно в силу их неправового характера). Таким образом, рассматриваемые положения части 1 статьи 1 СК РФ, хотя и имеют важное морально-нравственное, ценностно-ориентационное значение, но не являются принципами семейного права.

Н. С. Шерстнева, пытаясь систематизировать принципы российского семейного права, предлагает собственную их классификацию. Все принципы права она делит на две группы: 1) общесемейные принципы и 2) принципы внутри институтов, которые подразделяются на приоритетные, взаимные и ценностные [8, с. 12—13]. Сама по себе данная классификационная идея представляется интересной и имеющей научный потенциал, однако ее реализация вызывает возражения.

Во-первых, Н. С. Шерстнева к первой группе принципов относит исключительно положения, закрепленные в части 1 статьи 1 СК РФ. Однако, как мы уже отмечали ранее, большая их часть не является принципами права, а имеет иной характер.

Во-вторых, хотя под принципами права понимаются исключительно нормативно закрепленные положения (что, несомненно, может только приветствоваться), автор придерживается позиции, что «принципы внутри институтов закреплены: а) в виде общих положений; б) в виде косвенного выражения в общей части семейного права; в) в специально посвященных им институтах; г) в конкретных нормах других институтов» [8, с. 13]. Такой подход нам представляется неудачным. Он ведет к субъективизму и дискусионности в выделении принципов

права, их наименовании и определении содержания, а также в ряде случаев не соответствует прямому указанию законодателя на то, что он считает основами семейного законодательства, прямо закрепленными в статье 1 СК РФ.

В-третьих, в данной классификации не определено место и значение общеправовых принципов, закрепленных в Конституции РФ.

Традиционной для отечественного права является классификация принципов права по сфере правового регулирования [9, с. 105—106; 10, с. 24—26; 11, с. 228—230]. В ее рамках принято выделять общеправовые (или общие), межотраслевые, отраслевые принципы права (также иногда выделяют принципы правовых институтов — институциональные принципы). В Российской Федерации уже длительное время идет процесс формирования новых отраслей права и различного рода комплексных образований, природа которых и место в системе российского права вызывают бурные дискуссии в научном сообществе [12, 13]. По этой причине сложным является отграничение отраслевых принципов права от межотраслевых, так как это напрямую обуславливается позицией исследователя по поводу признания или непризнания определенной совокупности правовых норм в качестве отрасли российского права.

Традиционно в качестве отраслевых понимаются принципы права, характерные только для одной отрасли. Что касается семейного права, то можно назвать следующие его специфические отраслевые принципы:

1) принцип равенства прав супругов в семье. А. Я. Рыженков безосновательно и без какой-либо аргументации относит данный принцип к межотраслевому; единственным доводом в пользу того, что принцип равенства супругов является межотраслевым, выступает то, что он является конкретизацией конституционных норм о равенстве прав всех граждан [6, с. 49—54]. Полагаем, что заблуждение названного автора стало следствием непонимания того, что конституционные принципы права (принципы различных отраслей права, закрепленные в Конституции) и принципы конституционного права (принципы самостоятельной отрасли права) — явления разного рода;

2) принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины;

3) принцип защиты института брака как союза мужчины и женщины;

4) принцип признания брака, заключенного только в органах записи актов гражданского состояния;

5) принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию;

6) принцип запрещения любых форм ограничений прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности;

7) принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав;

8) принцип дуализма прав и обязанностей родителей по заботе и воспитанию детей;

9) принцип обязанности трудоспособных совершеннолетних детей заботиться о своих нетрудоспособных родителях;

10) принцип приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии.

Если отраслевыми принципами права являются принципы, характерные только для одной отрасли, то межотраслевые принципы — это основные нормативно закрепленные идеи, характерные сразу для нескольких отраслей права. Анализ российского законодательства и доктрины семейного права приводит нас к выводам, что примерами межотраслевых принципов семейного права являются принцип государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства (данный принцип присущ также праву социального обеспечения [14] и жилищному праву [6, с. 65]) и принцип обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи, который действует в праве социального обеспечения.

Под общими или общеправовыми принципами, как правило, понимают принципы, действующие во всех отраслях права. Если какой-либо принцип присутствует в подавляющем большинстве отраслей права, но отсутствует хотя бы в одной из них, то он не может быть отнесен к общеправовым, а является межотраслевым. Общеправовыми принципами, в том числе и лежащими в основе регулирования семейных отношений, являются: 1) принцип законности; 2) принцип гарантированности охраны прав и свобод человека и гражданина; 3) принцип равенства перед законом и судом; 4) принцип уважения чести и достоинства личности; 5) принцип неприкосновенности частной жизни; 6) принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; 7) принцип неприкосновенности жилища; 8) принцип защиты прав и свобод

всеми способами, не запрещенными законом; 9) принцип гарантированности судебной защиты прав и свобод; 10) принцип гарантированности права на получение квалифицированной юридической помощи; 11) принцип признания и защиты различных форм собственности.

В России все общеправовые принципы являются конституционными. Полагаем, что в условиях современного правового государства законодатель не может не заметить какую-либо существенно важную идею, лежащую в основе всех отраслей права, поэтому все общеправовые принципы закреплены в Конституции РФ. Однако не все общеправовые принципы нашли прямое нормативное выражение в отраслевом законодательстве. Тем не менее учитывая их конституционный уровень, они и без этого действуют во всех отраслях права.

Следует отметить, что не все конституционные принципы являются общеправовыми. Причиной этого является то, что в России на конституционном уровне закреплены не только общеправовые принципы, но и специфические отраслевые принципы, характерные только для одной отрасли, а также межотраслевые принципы, присущие нескольким отраслям. Так, конституционным межотраслевым принципом семейного права является принцип государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства, а конституционными отраслевыми принципами — принцип защиты института брака как союза мужчины и женщины и то, что трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях.

Завершая статью, сделаем следующие выводы.

Во-первых, классифицируя принципы семейного права по такому основанию как источник нормативного закрепления принципов семейного права, можно выделить три группы принципов семейного права: 1) конституционные принципы семейного права, продублированные и (или) конкретизированные в СК РФ (три принципа); 2) конституционные принципы семейного права, не продублированные в СК РФ (тринадцать принципов); 3) отраслевые принципы семейного права, нашедшие отражение только в СК РФ (семь принципов).

Во-вторых, классифицируя принципы семейного права по сфере правового регулирования можно выделить общеправовые принципы, действующие и в сфере семейного права (одиннадцать принципов), межотраслевые принципы семейного права (два принципа) и специфические

отраслевые принципы семейного права (десять принципов).

В-третьих, принципы семейного права играют важнейшую роль в системе правового регулирования семейных отношений, занимают значимое место в российской правовой системе. С одной стороны, они представляют собой специфический вид норм права (нормы-принципы), которые, как и любые нормы права, обязательны для субъектов, которым они адресованы, а также для правоприменителя и законодателя, при этом являются морально-нравственным ориентиром в семейных отношениях. С другой стороны, принципы права являются одним из способов устранения пробелов в праве.

Список источников

1. Демичев А. А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5—13.

2. Demichev A., Iliukhina V., Demichev K., Paramonov A. Principles of law in the continental legal family (problematic aspects of determining the essence and classification) // *Laplage em Revista*. 2021. Vol. 7. № 1. Pp. 609—616.

3. Парамонов А. В. Конституционные принципы российского семейного права // Второй конгресс цивилистов правоохранительных органов: сборник материалов. М.: РУСАЙНС, 2020. С. 200—206.

4. Якушев П. А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 527 с.

5. Гонгало Б. Основные начала семейного законодательства // Семейное и жилищное право. 2006. № 2. С. 9—13.

6. Рыженков А. Я. Принципы семейного права. М.: Юрлитинформ, 2021. 192 с.

7. Кулаков В. В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 16—20.

8. Шерстнева Н. С. Принципы российского семейного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 60 с.

9. Алексеев С. С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций: в 2 т. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1972. Т. 1. 396 с.

10. Общая теория государства и права: академический курс в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М.: Зерцало, 1998. 622 с.

11. Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. М.: Юристъ, 2001. 592 с.

12. Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, меж-

отраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2017. 582 с.

13. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12-ти т. Т. 1. Теоретико-методологические аспекты образования отраслей российского права: монография / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2020. 376 с.

14. Корсаненкова Ю. Б. Право социального обеспечения и семейное право: межотраслевые связи // Социальное и пенсионное право. 2020. № 4. С. 22—27.

References

1. Demichev A. A. Positivist classification of the principles of modern Russian law. *State and Law*, 2014, no. 5, pp. 5—13. (In Russ.)

2. Demichev A., Iliukhina V., Demichev K., Paramonov A. Principles of law in the continental legal family (problematic aspects of determining the essence and classification). *Laplage em Revista*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 609—616. (In Engl.)

3. Paramonov A. V. Constitutional principles of Russian family law. *Second Congress of Civil Law Enforcement Agencies: collection of materials*. Moscow: RUSAYNS Publ., 2020, pp. 200—206. (In Russ.)

4. Yakushev P. A. Traditional values in the mechanism of legal regulation of family relations in Russia and European countries. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 2021. 527 p. (In Russ.)

5. Gongalo B. Basic principles of family law. *Family and housing law*, 2006, no. 2, pp. 9—13. (In Russ.)

6. Ryzhenkov A. Ya. Family law principles. Moscow: Yurлитinform Publ., 2021. 192 p. (In Russ.)

7. Kulakov V. V. Principles of family law. *Actual problems of Russian law*, 2017, no. 5, pp. 16—20. (In Russ.)

8. Sherstneva N. S. Principles of Russian family law. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 2007. 60 p. (In Russ.)

9. Alekseev S. S. Problems of the theory of law: Basic questions of the general theory of socialist law: course of lectures: in 2 volumes. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute Publ., 1972. Vol. 1. 396 p. (In Russ.)

10. General theory of state and law: academic course in 2 volumes / ed. by M. N. Marchenko. Vol. 2. Theory of law. Moscow: Zertsalo Publ., 1998. 622 p. (In Russ.)

11. Theory of state and law: textbook / ed. by V. C. Ba-baev. Moscow: Yurist Publ., 2001. 592 p. (In Russ.)

12. Branches of legislation and branches of law of the Russian Federation: general theoretical, intersectoral, branch and historical and legal aspects / gen. ed. by R. L. Khachaturov. Moscow: Yurлитinform Publ., 2017. 582 p. (In Russ.)

13. Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia: in 12 volumes. Vol. 1. Theoretical and methodological

aspects of the formation of branches of Russian law:
monograph / gen. ed. by R. L. Khachaturov. Moscow:
Yurlitinform Publ., 2020. 376 p. (In Russ.)

14. Korsanenkov Yu. B. Social security law and
family law: interbranch relations. *Social and pension law*,
2020, no. 4, pp. 22—27. (In Russ.)

Информация об авторе

В. А. Илюхина — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. A. Ilyukhina — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 25.01.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 342.95
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-52-57>

Особенность правового статуса индивидуального предпринимателя при привлечении к административной ответственности в случаях признания его несостоятельным (банкротом)

Кострова Ольга Владимировна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, okostrova2007@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена дискуссионным вопросам правосубъектности индивидуального предпринимателя в административно-деликтных правоотношениях и проблемам привлечения индивидуального предпринимателя к административной ответственности при прекращении деятельности на основании решения арбитражного суда о признании индивидуального предпринимателя банкротом.

Ключевые слова: статус, индивидуальный предприниматель, физическое лицо, банкрот, административная ответственность, норма права

Для цитирования: Кострова О. В. Особенность правового статуса индивидуального предпринимателя при привлечении к административной ответственности в случаях признания его несостоятельным (банкротом) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 52—57. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-52-57>.

Original article

The peculiarity of the legal status of an individual entrepreneur when brought to administrative responsibility in cases of recognition as insolvent (bankrupt)

Olga V. Kostrova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, okostrova2007@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the debatable issues of the legal personality of an individual entrepreneur in administrative and tort legal relations and the problems of bringing an individual entrepreneur to administrative responsibility upon termination of activity on the basis of an arbitration court decision declaring an individual entrepreneur bankrupt.

Keywords: status, individual entrepreneur, natural person, bankrupt, administrative responsibility, legal norm

For citation: Kostrova O. V. The peculiarity of the legal status of an individual entrepreneur when brought to administrative responsibility in cases of recognition as insolvent (bankrupt). *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 52—57. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-52-57>.

Юридические и физические лица, надежные закрепленной юридической нормой, правосубъектностью, являются участниками многообразных правоотношений, в том числе отношений, складывающихся в сфере государственного управления. Среди граждан как центрального субъекта административно-правовых отношений выделяют большую группу лиц, обладающих специальным правовым статусом.

К данным субъектам можно отнести индивидуальных предпринимателей, чья правоспособность носит универсальный характер [1, с. 118]. Интерес к данному институту обусловлен тем, что, несмотря на обилие всевозможных предложений по модернизации Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) и поправок, внесенных в него, теоретические и практические аспекты

© Кострова О. В., 2022

остаются малоисследованным сегментом административно-деликтного законодательства.

С учетом этих обстоятельств автор решил рассмотреть проблемы правосубъектности индивидуального предпринимателя с двух ракурсов: определить статус названных субъектов права в законодательстве об административных правонарушениях и исследовать вопросы их привлечения к административной ответственности. Решение обозначенных задач должно способствовать активизации правотворческой и правоприменительной деятельности по вопросам эффективности правового статуса индивидуальных предпринимателей в административно-деликтных отношениях.

Для понимания правового статуса индивидуального предпринимателя необходимо сначала рассмотреть его соотношение со статусом юридического лица и физического лица в гражданском законодательстве Российской Федерации, нормативно устанавливающим понятия правоспособности и дееспособности. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) определяет юридическое лицо как организацию, имеющую гражданские обязанности и права, обособленное имущество и отвечающую им по своим обязательствам (ст. 48 ГК РФ). Правоспособность и дееспособность юридического лица возникают одновременно, в момент государственной регистрации, и прекращаются также одновременно.

Дефиниция «физическое лицо» отсутствует в гражданском законодательстве, однако как участник правоотношений оно должно обладать гражданской правоспособностью, в содержание которой входит, помимо прочего, право заниматься предпринимательской и любой иной разрешенной законом деятельностью. В соответствии со статьей 23 ГК РФ индивидуальным предпринимателем является физическое лицо, которое прошло регистрацию в установленном порядке для занятия предпринимательской деятельностью без образования юридического лица. Определенные виды предпринимательской деятельности, прибыль от которых облагается налогом на профессиональный доход, осуществляются без государственной регистрации. Таким образом, правоспособность индивидуального предпринимателя расширяет права физического лица. Однако на содержание дееспособности физического лица в отличие от юридического лица, оказывают влияние интеллектуальные и психические возможности, а также другие факторы. При этом осуществление предпринимательской деятельности не меняет

объема его гражданской дееспособности, но в то же время предполагает повышенную ответственность ввиду одновременного применения норм законодательства, распространяющегося на физических лиц и на субъекты предпринимательской деятельности.

Так как субъекты малого предпринимательства находятся в сфере и административно-деликтных правоотношений, далее необходимо обратить внимание на правовое положение индивидуального предпринимателя в административно-процессуальном законодательстве.

В отношении индивидуального предпринимателя в КоАП РФ нет единства категориального аппарата. В зависимости от вида правоотношений и конкретной санкции статус индивидуального предпринимателя отличается. В редких случаях КоАП РФ содержит специальную санкцию для индивидуального предпринимателя, как например в части 3 статьи 6.25, части 2 статьи 7.23.3 КоАП РФ; в отдельных статьях предусмотрено наказание для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (ст. 5.27, ч. 6 ст. 8.2 КоАП РФ); а в примечаниях к некоторым статьям (ст. 18.1; ст. 13.19.1 КоАП РФ) уравнивает лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица с юридическими лицами.

Также примечательно, что нормы главы 14 КоАП РФ, регламентирующей непосредственно правонарушения, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности, в качестве субъектов административно-деликтных отношений предусматривают в основном должностных и юридических лиц, реже граждан и индивидуальных предпринимателей. Данный подход отчасти можно объяснить существованием примечания к статье 2.4 КоАП РФ, в соответствии с которым лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несут административную ответственность как должностные лица.

Таким образом, следует отметить, что в КоАП РФ встречаются нормы, отождествляющие индивидуальных предпринимателей с физическими и юридическими лицами, что, на наш взгляд, является не верным. При этом отметим, что авторы проекта КоАП РФ (подготовленного Минюстом России 30 января 2020 г.) [2] учли многочисленные предложения юристов и наряду с физическими, юридическими и должностными лицами отнесли лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, к

самостоятельному субъекту административного правонарушения. Однако это нововведение в отношении индивидуальных предпринимателей вызвало шквал биполярных мнений. Так, юрист юридической группы «Гречкин и Партнеры» Яна Любимова заметила, что отделение индивидуальных предпринимателей от других субъектов административной ответственности может существенно ухудшить их положение [3].

Особенность правового статуса индивидуального предпринимателя весьма наглядно проявляется и в ситуации привлечения его к административной ответственности при проведении процедур несостоятельности и признании индивидуального предпринимателя банкротом.

Независимо от того, кто являлся инициатором возбуждения дела о банкротстве (сам гражданин, конкурсные кредиторы по гражданско-правовым обязательствам или контролирующие органы по обязательным платежам от имени Российской Федерации) и в каком порядке — судебном или внесудебном — целью данной процедуры является соблюдение баланса интересов самого должника и его кредиторов в ситуации недостаточности средств и имущества для удовлетворения всех требований.

В интересах должника могут проводиться процедуры восстановления его платежеспособности (для юридических лиц это внешнее управление, реже финансовое оздоровление, для индивидуального предпринимателя — реструктуризация долгов). Если их применение невозможно либо не привело к желаемому результату, то для пропорционального удовлетворения притязаний кредиторов вводится процедура конкурсного производства юридического лица (реализация имущества гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя). Выявленное имущество образует конкурсную массу, из стоимости которой и удовлетворяются требования в порядке очередности, установленной статьей 213.27 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве).

Основным экономическим последствием завершения расчетов с кредиторами является то, что в неисполненной части требования считаются погашенными, а лицо, признанное банкротом, освобождается от исполнения. Для самого должника — юридического лица это означает ликвидацию, а для индивидуального предпринимателя — утрату правового статуса индивидуального предпринимателя и аннулирование ранее выданных лицензий.

Прекращение самого субъекта — юридического лица — влечет реальную невозможность дальнейшего исполнения каких-либо обязательств. Исключением являются только неисполненные повременные платежи, имеющие социальное значение, в частности возмещение вреда жизни, здоровью граждан, но и они путем капитализации в составе требований первой очереди передаются в Фонд социального страхования Российской Федерации.

Утрата статуса индивидуального предпринимателя означает, что более заниматься бизнесом он не может, но как гражданин — физическое лицо он, разумеется, продолжает свое существование, то есть может продолжать работать, приобретать имущество и т. д. А значит, по мнению законодателя, и продолжать нести ответственность, в том числе административную за все правонарушения, которые совершил, еще будучи индивидуальным предпринимателем.

При этом ключевое значение имеет то, когда совершено административное правонарушение и когда лицо привлечено к административной ответственности, то есть, если административное правонарушение совершено и к ответственности лицо привлечено еще до подачи заявления о признании банкротом, требование об уплате административного штрафа включается в реестр кредиторов в составе обязательных платежей и подлежит удовлетворению в составе кредиторов третьей очереди.

Если же требование об уплате штрафа возникло после подачи заявления о признании банкротом, то оно в составе текущих платежей подлежит удовлетворению преимущественно перед требованиями кредиторов, включенных в реестр (ст. 134, 213.27 Закона о банкротстве).

И самое главное — неисполненные требования по текущим платежам к юридическому лицу после его ликвидации прекращаются, а в отношении индивидуального предпринимателя сохраняют свою силу и вместе с требованиями по алиментам, возмещению вреда, выплате заработной платы и тому подобное могут быть предъявлены после вынесения решения о признании индивидуального предпринимателя банкротом. Если в отношении социально значимых требований данное правило о недопустимости погашения (списания долга) оправдано, то в отношении обязательных платежей (налоги, административные штрафы и т. п.), включенных в текущие, логика законодателя не до конца ясна. Ведь процедура банкротства имеет целью списать, закрыть всю историю неудачного

предпринимательства, почему тогда денежные обязательства прекращаются, а обязательные платежи сохраняют свою силу, причем только в отношении индивидуального предпринимателя?

Анализ и обобщение судебной практики показали, что суды при рассмотрении дел в отношении индивидуальных предпринимателей не учитывают то обстоятельство, что индивидуальный предприниматель прекратил деятельность в соответствии с признанием его неплатежеспособности.

Так, в постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 сентября 2017 года № 13АП-21016/2017 по делу № А56-32940/2016 прямо указано: «При прекращении гражданином деятельности в качестве индивидуального предпринимателя его права и обязанности, возникшие при осуществлении им предпринимательской деятельности, не прекращаются; к иному лицу не переходят» [4].

Подобным образом разрешена ситуация в постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 марта 2015 года № 13АП-1106/2015 по делу № А26-8386/2014. По результатам проверки должностными лицами Территориального органа Росздравнадзора по Республике К. составлены акт проверки № 119 и протокол № 45 об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 14.43 КоАП РФ. Суд не принял во внимание доводы лица о том, что <ФИО> прекратила деятельность в качестве индивидуального предпринимателя, отметив, что на момент совершения правонарушения и обращения заявителя в суд ответчик являлся индивидуальным предпринимателем, и назначил наказание, предусмотренное санкцией для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица [5].

В постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 февраля 2015 года № 17АП-15563/2014-АК по делу № А60-30371/2014 суд пришел к аналогичным выводам: «Тот факт, что с <дата> <ФИО> прекратил деятельность в качестве индивидуального предпринимателя, не является основанием для привлечения его к ответственности как физического лица, так как если на момент совершения правонарушения <ФИО> являлся предпринимателем, то независимо от того, сохранен или утрачен им этот статус в последующем, он должен привлекаться к ответственности как индивидуальный предприниматель» [6].

Несомненно, такая практика отвечает требованиям административно-процессуального

законодательства в части, касающейся защиты законных экономических интересов юридических и физических лиц, однако его применение приводит к неограниченной ответственности отдельных субъектов, в частности индивидуальных предпринимателей ввиду необособленности их имущества от личного и семейного. По нашему мнению, привлечение индивидуальных предпринимателей к административной ответственности, прекративших свою деятельность в качестве таковых, должно иметь дифференцированный характер, что послужит основанием для вынесения законного и справедливого решения со стороны юрисдикционного органа. Поэтому, применяя по аналогии правовую позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 6/8 от 1 июля 1996 года «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [7], что дела с участием граждан в момент прекращения действия государственной регистрации гражданина в качестве индивидуального предпринимателя, в том числе связанные с осуществлявшейся им ранее предпринимательской деятельностью, подведомственны судам общей юрисдикции, за исключением случаев, когда такие дела были приняты к производству арбитражным судом с соблюдением правил о подведомственности до наступления указанных выше обстоятельств (п. 13), при осуществлении производства по делу об административном правонарушении в отношении индивидуального предпринимателя, признанного решением арбитражного суда банкротом, должна применяться санкция КоАП РФ, установленная для физических лиц. Однако здесь возникает еще одна проблема, ведь большинство составов КоАП РФ, предполагающих совершение противоправных действий индивидуальным предпринимателем, не предусматривают наказание для физических лиц, а правоприменитель назначает его в пределах, установленных для должностных лиц, с существенной разницей в тяжести административной ответственности. Такой подход нарушает принцип справедливости при назначении административного наказания и ставит индивидуального предпринимателя в худшее положение по сравнению с другими субъектами, осуществляющими самостоятельную деятельность, приносящую доход, признаваемыми несостоятельными (банкротами). Следует согласиться с Р. Д. Авиловым о необходимости предусмотреть законодательный механизм, гарантирующий

защиту от привлечения к ответственности в качестве индивидуального предпринимателя гражданина [8], который утратил данный статус.

Исходя из изложенного, мы придерживаемся следующей правовой позиции в отношении статуса индивидуального предпринимателя в административно-деликтных правоотношениях: если административное правонарушение совершено до утраты статуса индивидуального предпринимателя, а рассмотрение дела об административном правонарушении осуществляется после признания его банкротом, то к ответственности должен быть привлечен гражданин как физическое лицо, как бы правопреемник индивидуального предпринимателя. Соответственно, в целях совершенствования законодательства об административных правонарушениях в части административной ответственности индивидуальных предпринимателей нам близка позиция П. В. Ремизова о целесообразности включения в главу 2 КоАП РФ специальной статьи «Административная ответственность индивидуальных предпринимателей» [9, 553], содержащей следующие нормы.

1. «Под индивидуальным предпринимателем в КоАП РФ следует понимать физическое лицо, осуществляющее на свой риск предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, направленную на регулярное получение дохода от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг».

2. «При прекращении деятельности индивидуального предпринимателя на основании решения арбитражного суда о признании индивидуального предпринимателя банкротом размер административного наказания определяется санкциями, предусмотренными для физических лиц».

3. «При отсутствии в норме санкции, предусмотренной для физических лиц, в случаях назначения наказания индивидуальному предпринимателю, прекратившему свою деятельность на основании решения арбитражного суда о признании его банкротом производство по делу об административном правонарушении подлежит прекращению».

4. «Индивидуальные предприниматели привлекаются к административной ответственности только в случаях, предусмотренных статьями Особенной части КоАП РФ или законами субъектов Российской Федерации».

Список источников

1. Шварц Л. В. Правоспособность индивидуального предпринимателя в Российской Федерации //

Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 5 (94). С. 117—122.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: проект Федерального закона (подготовлен Минюстом России 30 января 2020 г.). URL: <https://base.garant.ru/56821718/> (дата обращения: 21.11.2021).

3. Адвокаты и юристы проанализировали проект нового КоАП. URL: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/advokaty-i-yuristy-proanalizirovali-proekt-novogo-koap/> (дата обращения: 21.11.2021).

4. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 сентября 2017 г. № 13АП-21016/2017 по делу № А56-32940/2016. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/HR2OuBC217L1/> (дата обращения: 07.12.2021).

5. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 марта 2015 г. № 13АП-1106/2015 по делу № А26-8386/2014. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/JvZuFrCLuHl/> (дата обращения: 07.12.2021).

6. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 февраля 2015 г. № 17АП-15563/2014-АК по делу № А60-30371/2014 URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/khODdS0lwVbC/> (дата обращения: 07.12.2021).

7. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 6/8 от 1 июля 1996 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/10035675/> (дата обращения: 11.01.2022).

8. Авилов Р. Д. Правовая квалификация субъектов административной ответственности в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Молодой ученый. 2021. № 19 (361). С. 171—174. URL: <https://moluch.ru/archive/361/80701/> (дата обращения: 28.11.2021).

9. Ремизов П. В. Административная ответственность индивидуальных предпринимателей: юридические коллизии и ошибки // Юридическая техника. 2017. № 1. С. 551—553.

References

1. Shvarts L. V. The legal capacity of an individual entrepreneur in the Russian Federation. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2013, no. 5 (94), pp. 117—122. (In Russ.)

2. Code of Administrative Offences of the Russian Federation: draft federal law (prepared by the Ministry of Justice of Russia of January 30, 2020). URL: <https://base.garant.ru/56821718/> (accessed 21.11.2021). (In Russ.)

3. Lawyers and lawyers analyzed the draft of the new Administrative Code. URL: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/advokaty-i-yuristy-proanalizirovali-proekt-novogo-koap/> (accessed 21.11.2021). (In Russ.)

4. Decision of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal no. 13AP-21016/2017 of September 21, 2017 in case no. A56-32940/2016. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/HR2OuBC2I7L1/> (accessed 07.12.2021). (In Russ.)

5. Decision of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal no. 13AP-1106/2015 of March 17, 2015 in case no. A26-8386/2014. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/JvZuFrCLuHI/> (accessed 07.12.2021). (In Russ.)

6. Decision of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal of February 3, 2015 no. 17AP-15563/2014-AK in case no. A60-30371/2014. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/khODdS0lwVbC/> (accessed 07.12.2021). (In Russ.)

7. On some issues related to the application of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation no. 6/8 of July 1, 1996. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/10035675/> (accessed 11.01.2022). (In Russ.)

8. Avilov R. D. Legal qualification of subjects of administrative responsibility in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Young scientist*, 2021, no. 19 (361), pp. 171—174. URL: <https://moluch.ru/archive/361/80701/> (accessed 28.11.2021). (In Russ.)

9. Remizov P. V. Administrative responsibility of individual entrepreneurs: legal collisions and errors. *Legal technique*, no. 1, 2017, pp. 551—553. (In Russ.)

Информация об авторе

О. В. Кострова — кандидат юридических наук.

Information about the author

O. V. Kostrova — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 02.03.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 02.03.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 343.10
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-58-66>

Конвергентные начала современного уголовного процесса

Ламтева Анна Вячеславовна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, oannes2007@mail.ru

Аннотация. В статье проанализировано несколько классификаций различных типов уголовного процесса, насчитывающих от двух до пяти разновидностей, приведены их наиболее яркие признаки. Современный конвергентный (смешанный) тип уголовного процесса рассмотрен с позиции исторической преемственности процессуальных признаков и новейших разработок уголовно-процессуальной доктрины и практики. Выдвигается гипотеза о том, что на смену существующему типу процесса придет техноцентрическая модель уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: конвергенция, тип уголовного процесса, техноцентрическая модель, суд, следствие, розыск

Для цитирования: Ламтева А. В. Конвергентные начала современного уголовного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 58—66. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-58-66>.

Original article

The convergent fundamentals of the modern criminal procedure

Anna V. Lamteva

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, oannes2007@mail.ru

Abstract. Several classifications of different types of criminal proceedings numbering from two to five varieties were analyzed in the article, the most striking signs of them were given. The modern convergent (mixed) type of criminal procedure is considered from the position of historical continuity about procedural features and the newest developments of criminal procedure doctrine and practice. The hypothesis that the existing type of process will be replaced by a technocentric model of criminal proceedings was put forward.

Keywords: convergence, type of criminal procedure, technocentric model, court, investigation, search

For citation: Lamteva A. V. The convergent fundamentals of the modern criminal procedure. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 58—66. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-58-66>.

Самые красивые вещи во вселенной получаются путем смешения разных красок для создания необыкновенной палитры художником, генов людей различных национальностей, в результате чего рождаются здоровые и сильные личности, это эклектика в интерьере и многое другое. На наш взгляд, конвергентный (смешанный) уголовный процесс XXI века — наиболее прогрессивная и гармоничная технология раскрытия и расследования преступлений, нацеленная на достижение объективной истины по уголовному делу, имеющая в своем арсенале совокупность

разноплановых следственных и иных процессуальных действий, результаты каждого из которых не имеют заранее установленной силы, это прагматично раздробленная на две основные части — досудебную и судебную система уголовного судопроизводства с целью рациональной подготовки следователем (дознавателем) уголовного дела для рассмотрения в последующем профессиональным судьей. Конвергентная модель соединила в себе наилучшие грани трех идеальных типов уголовного процесса — обвинительно-составительного, инквизиционного (разыскного или

© Ламтева А. В., 2022

следственного) и состязательного с множественностью их морфологических проявлений и подвидов.

Смещение различных процессуальных стилей, исковой и поисковой технологий и методологий обуславливает несколько завуалированное название — конвергентный тип уголовного судопроизводства. Центральным вопросом нашего исследования выступает следующий: смешанный тип уголовного процесса — это сумма достижений нескольких диаметрально противоположных процессуальных типов либо же он, помимо устойчивого процессуального фундамента, обладает рядом новых прогрессивных юридико-правовых наслоений, актуальных для настоящего момента развития юридической мысли.

Прежде всего определимся с категорией «конвергенция». С. И. Ожегов определяет ее как «сближение, слияние каких-либо признаков и элементов в независимых друг от друга явлениях» [6, с. 442]. Данная категория как нельзя лучше отражает существующее слияние исковой и поисковой технологий в современной интерпретации смешанного типа уголовного процесса.

В уголовно-процессуальной науке принято говорить об идеально сконструированном типе уголовного судопроизводства (архетипе) и о его морфологическом, то есть реальном воплощении в правовую и общественную действительность. Профессор А. В. Смирнов в докторской диссертации отмечает, что «...в качестве идеальных типов фигурируют понятия состязательного и розыскного процессов. Ни одна реальная уголовно-процессуальная система ныне не знает состязательных или розыскных процедур в их абсолютно чистом виде...» [10, с. 38]. Александр Витальевич аргументированно доказывает, что «построить идеальную модель смешанного судопроизводства практически невозможно» [10, с. 41]. Определение пропорций процессуальных компонентов, взятых из обвинительно-состязательного, розыскного и состязательного типов зависят от конкретной действительности и потребностей общества. В этой связи современный смешанный тип следует именовать морфологическим, то есть абсолютно реальным рабочим механизмом, чутко реагирующим на все социальные изменения в государстве и в обществе.

Приведем несколько классификаций относительно существующего доктринального многообразия типов уголовного судопроизводства:

1. Авторская. Вся историю развития уголовного судопроизводства мы изобразим в форме

простой и взаимосвязанной цепочки: архаичный обвинительно-состязательный тип — розыскной (следственный или инквизиционный) — современный состязательный — смешанный (конвергентный) — техноцентрический.

Таким образом, нами приведено пять эволюционно-процессуальных форм развития уголовного процесса, которые мы предлагаем именовать основными. Из этой основы проектировались морфологические их версии. Текущий момент развития уголовного судопроизводства мы предлагаем именовать конвергентным. А за техноцентрическим типом процесса нам видится ближайшее будущее в деле отыскания истины и принятия правосудных решений по всем уголовным делам.

2. Второй по счету, но не по значению, приведем точку зрения профессора А. В. Смирнова, отраженную в его докторском исследовании на тему «Типология уголовного судопроизводства» [10]. Ученый выделяет два идеальных типа уголовного процесса. Один из них — состязательный, который в своем развитии проходит три стадии — обвинительно-состязательную, частно-исковую и публично-исковую. Современная состязательная модель судопроизводства аккумулирует элементы трех данных подвидов, однако при этом стремится к созданию новой более высокоинформативной и менее энергозатратной модели расследования уголовных дел. Второй идеальный тип — розыскной, в котором различаются такие его исторически сменяющиеся и прогрессивно совершенствуемые подвиды, как уголовная расправа (общинное дознание, вотчинный суд, уголовно-административная расправа, военно-полевой суд), ассиза, инквизиционный процесс, следственный процесс и судебный приказ как яркий пример розыскного типа процесса применительно к уголовным проступкам, когда судья, рассматривая дело об уголовном правонарушении, не вызывает стороны и не проводит судебное разбирательство, однако с его итоговым решением должен согласиться обвиняемый. Таким образом, это не высшая форма развития розыскного процесса, но его яркий пример в процессе насущном. Для нас наиболее значимы два постулата в данной концепции.

А. В. Смирнов разграничивает инквизиционную, следственную и розыскную модели уголовного судопроизводства. В нашей стратегии развития все три данных термина синонимичны. По мнению Александра Витальевича, розыскная модель выступает как общее понятие, которое логически подлежит делению на пять

элементов, в числе которых инквизиционный и пришедший ему на смену подвид — следственный. У него весьма интересный с позиции широты подхода взгляд на состязательность. Ученый убедительно доказывает, что она в качестве фундамента и отправной точки имела и в обвинительном типе процесса, и в рамках частно-исковой и публично-исковой процедуры разрешения спора между сторонами. Таким образом, можно сделать вывод о том, что она имела место во всех морфологических проявлениях уголовного судопроизводства (и даже в отдельных морфологических разновидностях розыскного процесса).

Австрийский юрист-процессуалист Ю. Глазер выделяет два основных уголовно-процессуальных начала — обвинительное и розыскное [2, с. 23]. Ученый отмечает, что в основе обвинительного процесса лежит состязательность. Применительно к розыску приводятся следующие обязанности судьи: «...одному, самостоятельно, расследовать истину, не стесняясь ни активным, ни пассивным противодействием заинтересованных лиц, ни процессуальными обрядностями в тех случаях, когда они мешают достижению конечной цели процесса...» [2, с. 25].

Профессор Л. В. Головкин отмечает, что «западные авторы, как правило, выделяют только две модели уголовного процесса...: обвинительную и инквизиционную», сам же ученый, руководствуясь историческим критерием, различает архаичную обвинительную и современную обвинительную модели уголовного процесса, говорит об архаичной инквизиционности и о современном инквизиционном типе уголовного судопроизводства, который отождествляет со смешанным [4, с. 127]. Итоговая классификация, которой придерживается Леонид Витальевич, состоит из трех ключевых типов уголовного процесса: а) обвинительно-состязательный; б) смешанный; в) инквизиционный [4, с. 128].

Доцент Е. Г. Васильева в своей монографии делает вывод о том, что «в различное время под разными именами фактически скрывались всего две разновидности процесса: одна, носившая названия «суд», процесс «аккумуляционный», «обвинительный», «состязательный»; и другая, известная под именами «сыск», «розыск», «инквизиционный», «следственный», «розыскной» процесс [1, с. 210]. Первой свойственна исковая технология, для второй характерна поисковая технология.

Перейдем к рассмотрению обвинительно-состязательного, инквизиционного (розыскного,

следственного) и состязательного типов уголовного процесса для отыскания наиболее ярких мировоззренческих начал в действующем конвергентном типе уголовного процесса.

Обвинительно-состязательный (accusation — от лат. «обвинение») **тип уголовного процесса.** «Слово “обвинительный” с юридической, а не филологической точки зрения исторически образовано не от обвинительной доминанты в процессе, а от наличия обвинения как необходимого для начатия судебного разбирательства и лишения, таким образом, суда каких бы то ни было обвинительных функций» [1, с. 187]. Иногда самый первый тип уголовного процесса именуют аккумуляционным, дословно переводя его латинский термин — «accusatio» (обвинение).

По «Русской Правде» уголовный процесс складывается из трех основных частей — заклич, свод и гонение следа:

— заклич («Это публичное извещение на городской торговой площади о бежавшем холопе... исследователи экстраполировали заклич и на свод по поиску других пропавших вещей, хотя в тексте Правды в силу казуистичности ее норм указаний на то не присутствует» [5]). Прочитаем статью 26 Пространной Русской Правды: «А челядинъ скрыйтсся, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познаеть и третии день, то свои челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи» [7].

— свод (то есть последовательный поиск пропавшей вещи: лицо, владеющее пропавшей вещью, указывало на другого гражданина, у которого она была приобретена. Тот, кто был не способен объяснить, откуда у него появилась похищенная вещь, признавался ответчиком). Приведем несколько выдержек из Пространной редакции «Русской Правды»: а) «Если будет <свод> в одном городе, то идти истцу до конца этого свода; если будет свод по <разным> землям, то идти ему до третьего свода...» (ст. 36) [8]; б) «А из своего города в чужую землю свода нет...» (ст. 39) [8]; — гонение следа (данный этап позволял проследить, куда скрылся заподозренный по оставленным им следам. Если след приводил на территорию другой общины, то она считалась виновной и должна была возместить ущерб, если не имела возможности доказать свою невиновность).

Наиболее яркие черты обвинительно-состязательной модели уголовного судопроизводства:

1) при отсутствии прямых доказательств допускалось проведение ордалий, то есть испытаний огнем, железом и водой для отыскания

истины по делу при помощи содействия высших сил:

— «если ищут свидетеля и не найдут, а истец обвиняет в убийстве, то рассудить их испытанием железом» (ст. 21) [8]. Испытание железом производилось судом на платной основе (40 кун — ст. 86) и проводилось по наиболее общественно опасным деяниям. Более щадящим считалось испытание водой;

2) существовавшее классовое неравенство оказывало прямое влияние на показания отдельных лиц. Непосредственное свидетельство холопа доказательственной ценностью не обладало: «... Все тяжбы судят при свободных свидетелях; если будет свидетель холопом, то холопу на суд не являться...» (ст. 85) [8];

3) наличие прототипа формальной системы доказательств в усеченной форме: согласно статье 18 «Русской Правды» для опровержения недоказанных обвинений в убийстве необходимо было заручиться показаниями семерых свидетелей, для иностранца достаточно было свидетельства двух человек;

4) уголовный процесс начинается с момента выдвигания обвинения определенным лицом в отношении конкретного лица. Это обуславливает наличие сторон, которые обладали равными правами и именовались истцами. Последние сами собирали доказательства, которые впоследствии устно и гласно исследовались судьей и сторонами;

5) суд по всем мирским делам сосредоточивался в руках князя как верховного законодателя, правителя и судьи. Местом суда в столице и провинции был княжеский двор. В период существования Древнерусского государства судебные функции исполнялись органами власти «По правилу, в чьих руках находилась власть, тот и творил суд» [11].

Аналогия с УПК РФ, действующим в орбите смешанного уголовного судопроизводства: современное законодательство выделяет три вида уголовного преследования — частное, частно-публичное и публичное. Первые два вида, как и при обвинительно-согласительной модели уголовного судопроизводства, предполагают необходимость сформулированного заявления от конкретного лица, которому преступлением был причинен имущественный ущерб, физический или моральный вред. Сам факт противозаконного деяния, не подкрепленный соответствующим поводом в соответствии со статьей 140 УПК РФ, необходимым для возбуждения уголовного дела, не влечет никаких правовых последствий.

Дела частного обвинения на сегодняшний день — это всего три состава из Особенной части Уголовного кодекса. При наличии заявления потерпевшего или его законного представителя производство по уголовному делу может быть прекращено в связи с примирением сторон в любой момент до удаления мирового (ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 128¹ УК РФ) или районного судьи (ст. 116¹ УК РФ) в совещательную комнату для постановления приговора.

Дела частно-публичного уголовного преследования возбуждаются также при наличии заявления потерпевшего (законного представителя), однако по общему правилу не подлежат прекращению в связи с примирением сторон. Исключение из этого шаблона процессуальной деятельности — преступление относится к категории небольшой или средней тяжести, совершено впервые, подозреваемый (обвиняемый) примирился с потерпевшим и загладил причиненный ему вред, имеется заявление потерпевшего о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон. Прекратить уголовное дело по основаниям статьи 25 УПК РФ и 76 УК РФ вправе судья, следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора.

Кроме того, принятие действующего УПК РФ способствовало повышению уровня гуманизации уголовного судопроизводства и защиты различных категорий населения от преступлений. Это выразилось в том числе в конструировании части 4 статьи 20 УПК РФ. По делам частного и частно-публичного обвинения, если потерпевший не в состоянии подать заявление о совершенном в отношении него преступлении в связи с тем, что не может сам защищать свои права и законные интересы, это обязаны сделать государственные органы — следователь, руководитель следственного органа, дознаватель с согласия прокурора.

Современными примерами стран с обвинительно-согласительными моделями расследования уголовных дел можно назвать Великобританию, США, Канаду, Австралию и др. Ключевыми изменениями за прошедшие столетия считаются: 1) теперь функцию обвинения в суде поддерживают профессионалы; 2) отсутствие единого уголовного дела: доказательства собирают сами стороны, аккумулируя их в папки-файлы обвинения и защиты, при необходимости получая разрешение суда на производство действий, ограничивающих конституционные права и свободы других граждан; 3) отсутствует концепция предварительного

расследования и лица, ведущего производство; 4) само состязание по существу дела начинается в суде с участием профессионального государственного обвинителя и квалифицированно-го защитника (например, барристера).

Инквизиционный (разыскной или следственный) тип уголовного процесса. Слово «inquisitio» традиционно переводится как «разыскной», «следственный» или «инквизиционный». По мнению Е. Г. Васильевой, «первое слово точнее отражало русскую терминологию, второе — смысл, третье — звучание» [1, с. 169].

Приведем его наиболее интересные черты и постараемся разглядеть их отголоски в современном уголовном процессе:

— по уголовному делу отсутствуют стороны в классическом их понимании. Подозреваемый является предметом исследования, а должностное лицо, ведущее процесс, выполняет весь спектр основных функций, включающих в себя обвинение, защиту и разрешение дела по существу;

— главенствует формальная система доказательств. Ее создание — это стремление государственной власти ограничить абсолютную власть судьи над судьбой уголовного дела и личности подсудимого. Следствием этого является пассивная роль судьи в ходе судебного разбирательства, ограничивающегося процессуальным взвешиванием доказательств. Все доказательства оцениваются с позиции целостности и половинчатости, по половому, интеллектуальному и социально-привилегированному признаку, превращая судебную процедуру в своеобразную математическую функцию, где в главных ролях вместо чисел выступают люди. Показания мужчины считались достовернее показаний женщин по одному и тому же спорному вопросу, показания образованного человека доверяли больше, чем неграмотным гражданам; признание обвиняемым своей вины — «царица доказательств», к обретению которого стремились должностные лица по каждому уголовному делу. Приведем цитату: «так как самъ заподозренный лучше кого-либо зналъ истину о совершившемся, то поэтому все судебныя действия, которыя могли извлечь изъ него, путемъ сознанія, эту истину, признавались вполне целесообразными и соответствовавшими интересамъ правосудія» [9, с. 41];

— уголовное судопроизводство носит сакральный оттенок. Сохраняющаяся пытка как пережиток ордалий различных видов из обвинительно-состязательной модели уголовного судопроизводства предполагает, что любой здравомыслящий человек не будет свидетельствовать

против самого себя. Если гражданин виновен, под пыткой он неизбежно сознается в содеянном, если к совершенному общественно опасному деянию он не причастен, то ему удастся претерпеть боль, потому как уголовное судопроизводство условно находится под покровительством высших сил: «заподозренный могъ очиститься отъ подозреній только терпеливымъ перенесеніемъ пытки» [41];

— отсутствие процессуальных сроков расследования;

— при наличии сомнений в виновности гражданина вместо вынесения обвинительного приговора, как это имело место ранее, принимается решение об оставлении лица в подозрении;

— тайна производства (канцелярская тайна) и письменность. Имела место необходимость скрывать от обвиняемого все результаты процессуальных действий, видимо, для того, чтобы объективно оценить данные им признательные показания. Письменные доказательства являлись способом ознакомления судьи с уголовным делом с учетом отсутствия непосредственности в оценке доказательств.

Из этого вытекает закономерный вопрос: «Кто все же производил расследование и принимал итоговое решение по уголовному делу?» Большинство ученых пишет о судье-следователе, который собирал все доказательства и на их основе принимал итоговое решение по уголовному делу. Тогда для чего нужен такой признак розыскного типа процесса, как письменность? И указание на то, что судья оценивал все доказательства уже не устно и непосредственно, а руководствуясь письменными данными, представленными розыском.

Например, В. К. Случевский говорит о том, что «существовало особое должностное лицо государственного обвинителя, возбуждавшее преследование и руководившее розыском... чрезъ это, однако, и судъ не лишался инициативы преследования и самостоятельной деятельности по изследованію доказательствъ» [9, с. 43]. Суд производил неформальное дознание. Именно судья принимал решение относительно пытки. Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках розыскного процесса вся полнота власти судьи-следователя была рассредоточена между несколькими должностными лицами, выполняющими процессуально-вспомогательные функции. Государственный обвинитель мог возбудить уголовное дело и собрать необходимую доказательственную базу, которую уже посредством изучения судьей-следователем корректировалась по собственному усмотрению.

К вопросу о письменности: если исходить из того, что все уголовное судопроизводство велось одним лицом (то есть судьей-следователем) и могло длиться годами, письменная фиксация всех собранных доказательств представляется надежным инструментом сохранения доказательственной базы. Тем более что стороны при такой форме процесса отсутствовали и были только судья-следователь и заподозренный (обвиняемый), не было необходимости в проведении открытого и гласного судебного заседания с повторным вызовом всех свидетелей. То есть судья как с книгой повторно ознакамливался со всеми письменными материалами уголовного дела и на основе этого интеллектуального анализа по процессуальному взвешиванию обвинительных и оправдательных доказательств, рассмотрению последних с позиции целого и части самостоятельно принимал одно из трех итоговых решений.

«Сущность розыскного процесса заключается в противопоставлении, сь формальной стороны судьи-следователя и лица, служащего предметом розыска, а с материальной стороны — в отношении подчиненности» [2, с. 26], кроме того, среди характерных черт розыскного процесса Ю. Глазер приводит следующие: а) государство производит розыск, даже если потерпевший его не требует; б) следствие не связано ни обрядностями, ни сроками, его производство совершенно свободно; в) судебное решение постановляется на основе постулата о том, что все собранные во время розыска данные являются истинными.

Приведем еще один оригинальный неклассический взгляд на сущность розыскного (инквизиционного) уголовного процесса и главное — проясним роль судьи при расследовании уголовного дела. Доцент Е. Г. Васильева убедительно доказывает, что «**поиск есть вне-судебная процедура**» [1, с. 342]: розыскной (следственный) уголовный процесс «охватывается понятием следствие в значении исследования, отыскания, разыскания. Здесь... нет суждения... в поисковой технологии некому действовать совместно: в нем нет сторон, нет арбитра, а есть один лишь действующий субъект» [1, с. 343]. Также высказывается мысль о том, что единственное лицо, осуществляющее весь комплекс процессуальных действий в рамках розыскного (поискового) уголовного процесса — **инквирент**. Его цель — выяснить, исследовать все обстоятельства преступного деяния посредством эвристического поиска и арсенала из следственных и иных процессуальных

действий, он определяет выбор линии следствия и принимает итоговое решение по уголовному делу. Ему оппозиционирует **инквизит**, то есть то лицо, в отношении которого осуществляется уголовный процесс.

Таким образом, сформулируем следующее видение сущности розыскного типа уголовного процесса — расследованием уголовного дела и разрешением его по существу единолично занимается следователь-судья. В своем процессуальном поиске он не связан процессуальными сроками, нацелен на получение новых и сопоставление имеющихся доказательств. В момент сбора достаточной доказательственной базы он в том же рабочем кабинете на основе итогового анализа всех собранных материалов выносит одно из трех решений — «виновен», «не виновен» или «оставлен в подозрении». В своей деятельности, будучи следователем, он обладает широкими процессуальными возможностями, исходя из идеи о том, что на первом месте стоит достижение истины, а на втором — права и свободы граждан. Переходя к заключительному этапу в своей исследовательской деятельности, условно перевоплощаясь в судью, он ограничивается жесткими рамками формальной системы доказательств, которая лишает его былой процессуальной свободы и дает указания относительно истинности и ложности, обязывает, не прислушиваясь к внутреннему убеждению и к доводам совести, постановить гипотетически идеальное решение.

Приведем несколько выдержек из «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» 1715 года: «Процесс разделяется на три части: (1) Начинается от повещения и продолжается до ответчика ответу. (2) Часть продолжается до сентенции или приговору. (3) От приговору даже до совершенного окончания процессу».

Повещение — гражданину объясняется причина, по которой он подозревается в совершении преступления, ему разъясняются права к процессуальной обороне с целью своего оправдания. Судья объявляет ответчику, кто является челобитчиком, по какому делу и по какой причине требуется участие данного лица, а также указывает на место и время, когда состоится судебное разбирательство.

Во второй части процесса в суде исследуются различные доказательства, при этом судья не вправе никого подвергать пытке при отсутствии к тому совершенного подозрения. Все доказательства группируются на четыре группы — своевольное признание, показания свидетелей, письменные доводы и присяга. При этом «сие

слово лутчие свидетели, разумеется, что свидетель мужеска полу паче женска, и знатный паче худаго, ученый неученаго и духовный светскаго человека почтен бывает» [3].

Состязательный тип уголовного процесса. По авторскому мнению, точкой отсчета для него является издание Устава уголовного судопроизводства 1864 года. Обозначим отдельные обобщенные характеристики данной модели, которые в большей мере выступают антиподом разыскной (инквизиционной) модели:

— стороны обвинения и защиты равноправны между собой, обвиняемый из предмета исследования трансформируется в субъекта, активно собирающего доказательства своей невиновности;

— на первом месте находятся права граждан в отличие от приоритетов разыскной модели: для проведения отдельных следственных действий требуется получение судебного решения. Тайность в рамках расследования имеется относительная — по итогам каждого следственного действия всех участников ознакомляют с его результатами. Обвиняемый с защитником после сбора следователем всей совокупности доказательственной базы имеют доступ ко всем материалам уголовного дела, за исключением редких случаев засекречивания данных свидетелей из соображений их безопасности;

— все собранные доказательства не имеют заранее установленной силы и оцениваются судьей в совокупности на основе внутреннего убеждения и совести;

— производство в целом и отдельные его этапы подчинены прописанным в законе процессуальным срокам;

— следствие в раннем состязательном процессе в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства ведется судебным следователем. Он ответственен за формирование доказательственной базы надлежащего качества для последующего проведения судебного разбирательства с оперированием достоверной доказательственной базой. В отдельных случаях он при нехватке судей может войти в судебную коллегию для коллегиального разрешения уголовного дела наряду с профессиональным судьей. Следствие в соответствии с УПК РФ 2001 года ведет следователь.

Расширился перечень следственных действий, появился широкий спектр примирительных процедур и сокращенных производств. Отдельные ученые критикуют отсутствие действительной состязательности между сторонами обвинения и защиты ввиду разнокалиберных

процессуальных возможностей. Полагаем, за этим стоит новый виток в развитии и понимании идеи состязательности для современного общества. И если на раннем этапе ее развития имело место три разновидности следствия — формальное, предварительное и судебное, то на сегодняшний день без изменения сути поменялись лишь доктринальные взгляды — следствие сократилось до предварительного и судебного.

Наличие двух досудебных стадий уголовного процесса — это большое благо, так как стороны до суда имеют возможность подготовиться к судебному заседанию, собрать качественный фактический материал, прошедший проверку следователем, призванным объективно оценивать все имеющиеся по делу сведения. Ранее при обвинительно-состязательном типе уголовного процесса стороны сами собирали доказательства, и последние зачастую были неполными и неточными. Это приводило к тому, что позиция суда в целом и судей в частности была пассивной — не они собирали доказательства, и им не хотелось брать на себя ответственность по оценке качественной составляющей этих данных. Итоговое решение основывалось на формальной истине, то есть на тех фактах, что были представлены сторонами в зале суда. К судебному заседанию необходимо готовиться, активно собирать доказательства, производить судебные экспертизы и следственные эксперименты, чтобы в решающий момент судья мог постановить правосудный приговор.

На основе анализа трех базовых типологий уголовного судопроизводства выскажем несколько соображений относительно наличествующего конвергентного типа уголовного процесса:

— он является суммой методов и технологий разыскного и состязательного процессов (либо же их отдельных усовершенствованных элементов-антиподов). Но при этом имеет место индивидуальный онтогенез — на основе апробированного веками фундамента конвергентный тип процесса развивается самостоятельно и независимо — появляются новые участники (ст. 56¹ УПК РФ); дробится сама форма предварительного расследования на следствие и дознание в общем и сокращенном порядке, увеличивается количество стадий, позволяющих пересмотреть решение, уже вступившее в законную силу, создаются кассационные и апелляционные суды общей юрисдикции, совершенствуются примирительные процедуры и активно разрабатываются концепции сокращенных судебных разбирательств и др. Это говорит о том,

что юридико-информационная система активно развивается, находится на передовых позициях, но с неизменной положительной оглядкой на историческое прошлое;

— он базируется на совокупности идеальных элементов различных архетипов, представляет собой юридический проект общества по борьбе с преступностью, далекий от совершенства именно в виду того, что имеет место не с абстрактными идеализированными идеями, а с подвижной действительностью. Современный смешанный тип процесса на данном этапе своего развития быстро реагирует на все изменения в обществе, а потому находится в вечном состоянии реконструкции и огранки. Его идеальный базис является залогом борьбы с преступностью, которая, словно вирус, постоянно совершенствуется, создавая новые матрицы. И также современный тип уголовного процесса вынужден подстраиваться, обновляться, совершенствоваться, чтобы оставаться эффективным. В этой связи трудно высчитать идеальные пропорции смешения обвинительно-состязательного, разыскного и состязательного архетипов для получения идеальной формулы борьбы с преступностью на все времена.

В археологии есть такое ходовое сочетание, как «культурный слой», определяемое как слой земли на месте поселения человека, сохраняющий следы жизнедеятельности людей (сооружения, артефакты, экофакты, неорганические остатки и др.). Каждый земляной слой отражает определенную культуру и особенности развития цивилизации. Полагаем, что схожую аналогию можно провести с морфологическими типами уголовного судопроизводства. Каждый из них имел место, функционировал, затем постепенно полностью трансформировался в новую процессуальную версию, тем самым отражая культурный срез правового восприятия и развития общества. Все имевшие место процессуально-исторические типы столетиями наслаивались друг на друга, а благодаря стараниям ученых, выполняющих роль научных археологов, особенности всех типов остаются на слуху и плавно вплетаются в узор современного конвергентного типа уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование: монография. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2013.

2. Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу. Т. 1. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1881.

3. Краткое изображение процессов или судебных тяжб от 1715 г. URL: <http://www.adjudant.ru/regulations/1716-03.htm> (дата обращения: 15.01.2022).

4. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017.

5. Матиенко Т. В. Генезис сыска в России (IX—XII вв.): заклич, свод, гонение следа. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/36779-genezis-syska-rossii-zaklich-svod-gonenie-sleda> (дата обращения: 14.01.2022).

6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование, 2016.

7. Пространная Русская Правда (по Троицкому списку второй половины XIV в.). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm> (дата обращения: 15.01.2022).

8. Русская Правда (Пространная редакция). URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (дата обращения: 15.01.2022).

9. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. 4 изд., доп. и испр. С.-Петербург. Типография М. М. Стасюлевича, 1918.

10. Смирнов А. В. Типология уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.

11. Судебный процесс по Русской Правде. URL: https://studbooks.net/1067184/pravo/sudebnyy_protssess_russkoy_pravde (дата обращения: 15.01.2022).

References

1. Vasilyeva E. G. Criminal process: dogmatic and axiological research: monograph. Moscow: YurLitinform Publ., 2013. (In Russ.)

2. Glazer Yu. Guide to the criminal process. Vol. 1. St. Petersburg: Printing House of the Governing Senate, 1881. (In Russ.)

3. Brief description of trials or litigation from 1715. URL: <http://www.adjudant.ru/regulations/1716-03.htm> (accessed 15.01.2022). (In Russ.)

4. The course of the criminal process / ed. by prof. L. V. Golovko. 2nd edition, revised. Moscow: Statute Publ., 2017. (In Russ.)

5. Matienko T. V. The genesis of the detective in Russia (IX — XII centuries): cry, code, persecution of the trace. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/36779-genezis-syska-rossii-zaklich-svod-gonenie-sleda> (accessed 14.01.2022). (In Russ.)

6. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 100,000 words, terms and phraseological expressions / ed. by prof. L. I. Skvortsova. 28th edition, revised. Moscow: Mir i Obrazovanie Publ., 2016. (In Russ.)

7. The lengthy Russian Truth (according to the Trinity list of the second half of the 14th century). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm> (accessed 15.01.2022). (In Russ.)

8. Russian Truth (Various edition). URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (accessed 15.01.2022). (In Russ.)
9. Sluchevsky V. Textbook of the Russian criminal process. 4th edition, revised and expanded. St. Petersburg. Printing house of M. M. Stasyulevich, 1918. (In Russ.)
10. Smirnov A. V. Typology of criminal proceedings. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 2001. (In Russ.)
11. Litigation on Russian Truth. URL: https://studbooks.net/1067184/pravo/sudebnyy_protsess_russkoy_pravde (accessed 15.01.2022). (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Ламтева — кандидат юридических наук.

Information about the author

A. V. Lamteva — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 20.01.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 20.01.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 34.06
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-67-74>

Правовые риски цифровизации оказания медицинской помощи

Макарейко Николай Владимирович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, makareiko_nik@mail.ru

Аннотация. Здравоохранение выступает зоной повышенного риска, в том числе правового, который представляет реальную угрозу для здоровья и жизни пациентов. Традиционно исследовательское внимание фокусируется на рисках экспериментальной медицины, медицинского вмешательства, бездействия медицинского работника. Они не утрачивают своей актуальности и в настоящее время. Наряду с этим необходимо учитывать процесс всемерной цифровизации социума, который приобретает особую остроту в области здравоохранения. В этой связи требуется дополнительное комплексное теоретическое осмысление рисков в данной области как медиками, так и юристами, экономистами, социологами, психологами и другими специалистами. Они должны дать дифференцированную характеристику рисков, возникающих при оказании медицинской помощи в условиях осуществления цифровизации, предложить наиболее действенные пути по их диагностике, предупреждению, минимизации негативных последствий. Особую остроту представляют правовые риски, которые возникают в ходе цифровизации оказания медицинской помощи. Действующее российское законодательство запаздывает в правовом опосредовании отношений в области цифровизации в данной области, что существенно осложняет ситуацию. В статье названы наиболее опасные правовые риски, показана их специфика, определены пути предупреждения и устранения негативных последствий.

Ключевые слова: правовой риск, здравоохранение, медицинская помощь, цифровизация

Для цитирования: Макарейко Н. В. Правовые риски цифровизации оказания медицинской помощи // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 67—74. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-67-74>.

Original article

Legal risks of digitalization of medical care

Nikolay V. Makareyko

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, makareiko_nik@mail.ru

Abstract. Healthcare is a high-risk area, which pose a real threat to the health and life of patients. Traditionally, research attention focuses on the risks of experimental medicine, medical intervention, and inaction of a medical professional. This does not lose its relevance at the present time. Along with this, it is necessary to take into account the process of all-round digitalization of society, which is becoming particularly acute in the field of healthcare. In this regard, an additional comprehensive theoretical understanding of the risks in this area is required by both physicians and lawyers, economists, sociologists, psychologists and other specialists. They should give a differentiated characterization of the risks arising from the provision of medical care in the context of digitalization, suggest the most effective ways to diagnose them, prevent, minimize negative consequences. digitalization of medical care are particularly acute. The current Russian legislation is late in the legal mediation of relations in the field of digitalization in this area, which significantly complicates the situation. The article names the most dangerous legal risks, shows their specifics, identifies ways to prevent and eliminate negative consequences.

Keywords: legal risk, healthcare, medical care, digitalization

For citation: Makareyko N. V. Legal risks of digitalization of medical care. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 67—74. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-67-74>.

© Макарейко Н. В., 2022

Сегодня предложенный У. Беком штамп о признании настоящего этапа общественного развития в качестве «общества рисков» [1] не вызывает сомнения. Число рисков, их интенсивность, сфера распространения свидетельствуют о необходимости безотлагательного принятия соответствующих методов противодействия. При этом важно наряду с общими подходами выработать и применять адресные пути для конкретных областей деятельности. Неслучайно, проблема правовых рисков является предметом острых научных дискуссий [2].

Областью, которая традиционно отличается наивысочайшей степенью риска, выступает здравоохранение. Специфика охраны здоровья требует, чтобы врачи и другие работники здравоохранения шли на риск, когда речь идет о противодействии различного рода заболеваниям, принимая необходимые меры по минимизации возможных негативных последствий. При этом следует учитывать всемерную коммерциализацию данной деятельности, когда во главу угла ставится извлечение прибыли, а ценой выступает здоровье и даже жизнь пациентов. В этой связи в литературе отмечается, что «платное оказание медицинских услуг сопровождается повышенным вниманием со стороны государственных надзорных органов, равно как и повышенными административно-правовыми рисками, даже в сравнении с другими подлежащими лицензированию видами деятельности» [3, с. 79].

Закономерно, что в специальной литературе отмечается высокая возможность возникновения рисков при оказании медицинской помощи. В этой связи обращается внимание на то, что «проблема рисков медицинского вмешательства и бездействия медицинского работника, а также их связи с вероятностью развития вредоносного воздействия на организм пациента при прогрессировании основного заболевания — сложная проблема и в медико-организационном, и в правовом смыслах» [4, с. 43].

Высокий потенциал риска в рассматриваемой сфере обусловило то, что неоднократно предпринимались и предпринимаются правовые меры по контролю за деятельностью в области охраны здоровья, в том числе и при осуществлении медицинских экспериментов. Об этом свидетельствует принятие десяти принципов Нюрнбергского кодекса 1947 года. Речь идет о добровольном согласии испытуемого, общественно полезном результате, обоснованности, недопущении физических или психических страданий и увечий подопытному, отсутствии возможности причинения смерти или увечья

испытуемому, приоритете важности проблемы над степенью риска, наличии соответствующей подготовки и оборудования, проведении эксперимента только лицами, имеющими научную квалификацию, праве подопытного остановить эксперимент, обязанности исследователя прекратить эксперимент при определенных обстоятельствах [5, с. 56].

В дальнейшем указанные принципы были положены в основу таких международных правовых актов, как Хельсинская декларация «Этические принципы медицинских исследований с участием человека в качестве испытуемого» 1964 года [6], Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины [7], а также соответствующими дополнительными протоколами к ней (о запрете клонирования человека; о трансплантации органов и тканей человека; биомедицинских исследованиях). К указанной Конвенции Российская Федерация в настоящее время не присоединилась.

Высокими рисками отличается не только экспериментальная медицина, но и каждодневная медицинская деятельность. Неслучайно в основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [8] термин «риск» и производные от него упоминаются более пятнадцати раз.

Правомерность риска в медицинской деятельности обоснована рядом факторов: во-первых, наличие цели, которая не может быть достигнута нерискованным путем; во-вторых, риск должен быть обоснованным по отношению к ожидаемому полезному результату; в-третьих, деятельность должна отвечать уровню современных научно-технических знаний и опыту; в-четвертых, отсутствует заведомая угроза жизни для многих людей, наступление экологической катастрофы, общественного бедствия; в-пятых, наличие соответствующего согласия пациента. Показательным является статья 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в которой закреплён порядок информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство или отказ от такового.

Минимизация рисков при осуществлении медицинской деятельности должна основываться на прочной правовой основе. В этой связи разработана соответствующая нормативная правовая база, где учтена специфика осуществления государственного контроля (надзора) за качеством и безопасностью осуществления медицинской деятельности [9].

Признавая существенный «градус» риска рассматриваемого вида деятельности, необходимо отметить его усиление в связи с цифровизацией здравоохранения. Данный процесс осуществляется в рамках развития информационного общества в Российской Федерации [10]. При этом всемерно актуализировалась необходимость принятия соответствующих нормативных правовых актов [11]. Определенные шаги в данном направлении предпринимаются, о чем свидетельствует распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения» [12]. Признавая необходимость такого решения, нельзя не отметить специфичность его наименования. Традиционно к числу актов стратегического планирования относят стратегии, доктрины, концепции, планы, программы [13]. В данном случае распоряжением Правительства Российской Федерации утвержден такой новый вид документа стратегического планирования, как «стратегическое направление». Данная форма была введена в официальный оборот совсем недавно [14].

В стратегических направлениях цифровой трансформации здравоохранения в Российской Федерации наряду с приоритетами, целями, задачами цифровой трансформации были определены и возникающие при этом проблемы и вызовы. Общие вызовы позволили определить возникающие при этом риски. К их числу разработчиками отнесены: недостаточная цифровая компетенция граждан; отсутствие у населения доверия к медицинским сервисам; двойной (электронный и бумажный) документооборот; увеличение нагрузки на медицинских работников при ведении электронной документации; низкие темпы при переходе от бумажного к электронному документообороту; различие в уровне готовности, финансового потенциала субъектов Российской Федерации; внесение корректив в силу чрезвычайных обстоятельств (новая коронавирусная инфекция COVID-19).

Признавая реальность перечисленных угроз, необходимо оценить и их неполноту. Более того, основные угрозы цифровизации здравоохранения не были отражены в стратегических направлениях цифровой трансформации в рассматриваемой области деятельности. Объем научной статьи не позволяет дать им детальную характеристику и, самое главное, определить путь их (рисков) устранения. Следует отметить, что они носят комплексный характер и в этой связи, наряду с работниками здравоохранения,

должны быть оценены юристами, экономистами, социологами, психологами, специалистами в области информатизации и др. В качестве одного из очевидных рисков является отсутствие необходимого отечественного программного обеспечения (Software) и компьютерной техники (Hardware), а также привлечения зарубежных ресурсов.

Особую, но недостаточно исследованную составляющую рисков цифровизации здравоохранения составляют правовые риски. Речь идет прежде всего об отсутствии должной нормативной правовой базы в данной области. Так, программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [15], которой было предусмотрено адресное нормативное и методическое обеспечение отдельных отраслей экономики, включая здравоохранение, утратила силу менее чем через два года с момента вступления в силу [16].

Сложность соединения медицинской деятельности, которая обладает своей спецификой, требует детальной нормативной правовой регламентации. Возникает закономерный вопрос о достаточности принятия отдельных подзаконных нормативных правовых актов для решения такой многосложной задачи, как цифровизация здравоохранения. В этой связи естественно возникает вопрос о необходимости дополнения Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» отдельной главой или принятия отдельного федерального закона по данному вопросу. Считаем, что сложность и глубина проблемы ставит на повестку дня принятие Медицинского кодекса Российской Федерации как отдельного кодифицированного акта, регулирующего отношения в сфере охраны здоровья. Такое решение должно сократить подзаконное нормативное правовое регулирование, уменьшить использование бланкетного способа правового регулирования.

При осуществлении цифровизации здравоохранения важно обеспечить оптимальный баланс норм права и других социальных регуляторов. Очевидно, что нормы морали, обычаи, традиции, корпоративные, религиозные нормы являются не иллюзорными, а реальными средствами упорядочения рассматриваемых отношений. Учитывая национальную, конфессиональную неоднородность российского населения, их роль при регулировании цифровизации оказания медицинской помощи будет неодинаковой. Наряду с этим следует учитывать специфику технических норм, которые непосредственно регулируют информационные

процессы, а также сложность их правового опосредования.

Неслучайно клятву Гиппократов связывают с реализацией современных технологий в медицине. «Самой ранней субдисциплиной биоэтики является медицинская этика (биоэтика в узком значении), которая восходит к внедрению клятвы Гиппократов (500 г. до н. э.), включающая некоторые обязательные этические правила поведения между врачом и пациентом, имеющие чрезвычайно важное значение, такие хорошо известные принципы, как “не навреди” (**primum non nocere**) и “благо больного — высший закон врачей” (**salus aegroti suprema lex**)» [17, 66]. Закономерным видится использование положений клятвы Гиппократов в Кодексе профессиональной этики врача Российской Федерации [18].

В ходе правового опосредования цифровизации здравоохранения важно учитывать специфику отношений, затрагивающих охрану здоровья, а также этические нормы, которые связаны с использованием робототехники и других составных элементов искусственного интеллекта. При этом такой учет необходим не только при непосредственном использовании цифровых технологий, но и на этапах их проектирования и разработки.

Следует выработать конкретные нравственные ориентиры использования искусственного интеллекта в сфере здравоохранения. Учитывая специфику предмета правового регулирования, необходимо отметить усиление роли религиозных норм, так как во всех религиях существенное внимание уделяется нравственному и физическому здоровью их защиты.

При этом следует учитывать, что для подавляющего большинства неправовых социальных регуляторов требуется достаточно длительное время для выработки и закрепления соответствующих норм. В этой связи следует иметь в виду, что существует возможность опережающего правового регулирования, когда нормативные правовые акты содержат правовые предписания, ориентированные на отношения, возникающие в будущем [19]. Вместе с тем мощное развитие цифровых технологий ставит под сомнение заблаговременное создание необходимой нормативной правовой базы регулирования отношений в области цифровизации здравоохранения.

Еще одним из рисков использования искусственного интеллекта является определение его границ. В стратегическом направлении в области цифровой трансформации здравоохранения

основной акцент делается на работу с большими массивами данных, электронную обработку информации о пациентах и оказании медицинской помощи. Вместе с тем будущее за непосредственным использованием цифровых технологий при оказании медицинской помощи, когда из этого процесса будут исключены конкретные медицинские работники. Очевидно, что и использование телемедицины в полной мере нельзя назвать использованием искусственного интеллекта. Наряду с этим экспертным сообществом высказываются существенные замечания по вопросу нормативного правового регулирования телемедицины в России [20].

Следующим очевидным риском является обеспечение приватности информации при оказании медицинской помощи. Здесь уместно провести параллели, которые возникают в сфере национальной безопасности. Речь идет о противопоставлении безопасности и свободы. История со всей очевидностью доказала, что при реальности угрозы безопасности личности она готова жертвовать, отказываться от свободы. Такое положение вполне очевидно, так как на чашу весов положена жизнь человека. В этой связи следует признать, что при оказании медицинской помощи прежде всего при распространении опасных или массовых заболеваний, будет корректироваться режим охраны информации (медицинская тайна, персональные данные и др.).

Реальное использование искусственного интеллекта при оказании медицинской помощи, когда предлагаются новые решения при диагностике и лечении, обеспечении сохранности конфиденциальности при хранении информации о пациентах (облачное хранилище медицинской информации), использовании телемедицины и другое, актуализирует проблему медицинских ошибок. Они могут возникать в силу различных причин, например, сбоев в функционировании информационно-коммуникационных систем, вредоносного вмешательства с целью внесения недостоверных данных, недостаточной квалификации персонала, ошибок при соединении цифровых и биологических технологий.

Одним из рисков является отсутствие детально отработанной системы юридической ответственности при использовании цифровых технологий в области здравоохранения. Существенные сложности связаны с функционированием механизма реализации юридической ответственности на локальном уровне. Речь идет об ответственности за конкретную медицинскую ошибку [21], а также за нарушение режима

врачебной тайны. Так, частью 5 статьи 36.2 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определено, что в случае применения телемедицинских технологий в медицинской деятельности необходимо соблюдать требования, установленные законодательством в области персональных данных, и врачебную тайну.

Ситуация в значительной степени усложняется тем, что Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [22] определено, что экспериментальные правовые режимы, связанные с разработкой, апробацией и внедрением цифровых инноваций вводятся прежде всего в области медицинской деятельности, говоря о применении телемедицинских технологий, технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан, фармацевтической деятельности.

Признавая сложности применения юридической ответственности при совершении врачебной ошибки, остаются вопросы, связанные с ответственностью реализации программы цифровизации здравоохранения. Отрадным является тот факт, что в стратегических направлениях в области цифровой трансформации здравоохранения определено, что за ее реализацию наряду с Минздравом России отвечают Минцифры России, ФОМС, Росздравнадзор, ФМБА России, высшие органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы управления здравоохранением субъектов Российской Федерации, а также иные федеральные органы исполнительной власти, которые имеют подведомственные медицинские организации.

Приветствуя тот факт, что в документе стратегического планирования уделено внимание юридической ответственности, необходимо отметить, что отсутствует реальный механизм реализации названной формы государственного принуждения. В данном случае речь идет о частном проявлении юридической ответственности государства. В рамках реформирования российского законодательства необходимо обеспечить использование потенциала различных видов публичной и частной юридической ответственности.

Особенно остро стоит вопрос юридической ответственности коллективных субъектов государственного управления. В настоящее время сложившееся положение не позволяет реализовать неотвратимость юридической

ответственности. Другой крайностью выступает необоснованное применение юридической ответственности в отношении конкретных должностных лиц в области здравоохранения.

Мы ни в коей степени не даем необоснованно завышенное значение юридической ответственности вообще и при осуществлении цифровизации здравоохранения, но следует незамедлительно осуществить его реформирование [23]. Мы считаем, что следует выработать систему мер публично-правовой и частно-правовой ответственности за нарушения при осуществлении различных действий, связанных с цифровизацией отношений в области здравоохранения. При этом следует идти по пути дифференциации ответственности разработчиков и операторов. В свою очередь, среди разработчиков следует учитывать специфику деяния и вину постановщиков задач, алгоритмистов, программистов, тестировщиков как программного продукта, так и компьютерной техники.

Еще сложнее проблема стоит при разработке и эксплуатации технических систем с элементами искусственного интеллекта, в том числе с элементами самообучающихся нейронных сетей. В этом случае они используют не только заранее заложенный разработчиками алгоритм действий, но и сами формируют новые по мере накопления опыта. Какие необходимо при этом создать защитные механизмы? Другими словами, речь идет о мерах предупреждения. Они должны носить комплексный (правовой, технический, интеллектуальный) характер и включаться на различных этапах сбоя в работе робототехнических средств. Наряду с этим необходимо предусмотреть простейшие защитные механизмы, например, связанные с «выключением рубильника», то есть меры по надежному функционированию системы обеспечения бесперебойного энергоснабжения, передачи сигналов (Интернет, телемедицина) и другое, а также применение сложных защитных механизмов.

Учитывая специфику отношений в области здравоохранения, существует риск использования потенциала саморегулирования. Допустимо ли в данной области использование саморегулирования, что обусловлено опасностью причинения вреда здоровью пациентов? Мы отметили возможность «самообучения» нейронных систем, но этот процесс должен быть детально юридически регламентирован.

Одним из правовых рисков является определение приоритетных направлений цифровизации в области здравоохранения. К их числу следует отнести: создание цифрового профиля

пациента; защиту личных данных пациентов; медицинскую диагностику (скрининговые исследования); мониторинг пациентов, страдающих хроническими заболеваниями; разработку вакцин; медицинскую статистику; телемедицину; логистику; фармакологию; контроль медицинского персонала; медицинское образование. Очевидно, что степень использования искусственного интеллекта по указанным направлениям будет различной.

Одной из очевидных угроз цифровизации здравоохранения является угроза безопасности отдельного пациента, медицинского работника, медицинских организаций, отрасли в целом. В этой связи необходимо «настроить» правовые механизмы защиты отношений в области здравоохранения. Важно, чтобы они были интегрированы в систему обеспечения национальной безопасности. В этой связи важное значение приобретает резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 23 декабря 2003 года о создании глобальной культуры кибербезопасности и защите важнейших информационных инфраструктур, которой определены общие контуры защиты важнейших инфраструктур прежде всего за счет своевременного выявления угроз, уменьшения уязвимости информационных инфраструктур, минимизации причиняемого ущерба, сокращения времени восстановления, выявления и устранения причин повреждения.

Определенные меры принимаются и на внутригосударственном уровне, о чем свидетельствует принятие Федерального закона от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [24]. Его положения направлены на обеспечение безопасности критической информационной инфраструктуры государства, создание условий для ее устойчивого функционирования при осуществлении в отношении нее компьютерных атак.

Названные правовые угрозы являются далеко не исчерпывающими и могут пополняться или утрачивать свою актуальность в процессе цифровизации здравоохранения.

Список источников

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 381 с.
2. Юридическая техника: Ежегодник, № 13. Риски в законодательстве, правореализации, юридической науке: техника формирования и функционирования системы управления, 2019. 794 с.

3. Орленко В. Административно-правовые риски при осуществлении медицинской деятельности // Административное право. 2018. № 1. С. 79—88.

4. Тимофеев И. В. Риски оказания медицинской помощи: конституционно-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 8. С. 39—46.

5. Нюрнбергский кодекс // Врач. 1993. № 7.

6. Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации. Этические принципы проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта: принята в г. Хельсинки в июне 1964 года на 18-ой Генеральной Ассамблее ВМА. URL: <http://acto-russia.org>. (дата обращения: 27.01.2022).

7. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164): заключена в г. Овьедо 4 апреля 1997 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.01.2022).

8. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

9. Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) качества и безопасности медицинской деятельности: постановление Правительства РФ от 29 июня 2021 г. № 1048. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.01.2022).

10. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

11. Стефанова Н. А., Андропова И. В. Проблемы цифровизации сферы здравоохранения: российский и зарубежный опыт // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2018. Т. 9. № 3. С. 31—35.

12. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения: распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2021 г. № 3980-р. URL: <http://pravo.gov.ru>, 31.12.2021 (дата обращения: 27.01.2022).

13. Говорухина Ю. В. Стратегия как правовой документ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. 31 с.

14. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления: распоряжение Правительства РФ от 22 октября 2021 г. № 2998-р // Собрание законодательства РФ. 2021. № 44. Ч. III, ст. 7467.

15. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32, ст. 5138.

16. О признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р: распоряжение Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 195-р // Собрание законодательства РФ. 2019. № 8, ст. 803.

17. Каюмова А. Р. Защита прав человека в контексте применения современных биотехнологий: некоторые проблемы // Юрист. 2019. № 1. С. 64—71.

18. Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации: принят Первым национальным съездом врачей Российской Федерации 5 октября 2012 г. (документ опубликован не был). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.01.2022).

19. Баранова М. В. Опережающее правотворчество в правовой системе современности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 1 (108). С. 43—45.

20. Варюшин М. С. Правовое регулирование телемедицины в России и ЕС: два шага вперед и один назад // Закон. 2018. № 1. С. 165—174.

21. Пикуров Н. И. Риски медицинского вмешательства: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2018. № 3. С. 86—92.

22. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ч. 1, ст. 5017.

23. Макарейко Н. В. Проблемы юридической ответственности государства // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 137—142.

24. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31. Ч. 1, ст. 4736.

References

1. Beck W. Risk society. On the way to another modernity. Moscow: Progress-Tradition Publ., 2000. 381 p. (In Russ.)

2. Legal technique: yearbook, no. 13. Risks in law-making, law enforcement, legal science: the technique of formation and functioning of the management system, 2019. 794 p. (In Russ.)

3. Orlenko V. Administrative and legal risks in the implementation of medical activities. *Administrative law*, 2018, no. 1, pp. 79—88. (In Russ.)

4. Timofeev I. V. Risks of medical care: constitutional and legal aspect. *Constitutional and municipal law*, 2017, no. 8, pp. 39—46. (In Russ.)

5. Nuremberg Code. *Doctor*, 1993, no. 7. (In Russ.)

6. Declaration of Helsinki of the World Medical Association. Ethical principles for conducting medical research involving a person as a subject: adopted in Helsinki in June 1964 at the 18th WMA General Assembly.

URL: <http://acto-russia.org>. (accessed 27.01.2022). (In Russ.)

7. Convention for the Protection of Human Rights and Human Dignity in Connection with the Application of Biology and Medicine: convention on Human Rights and Biomedicine (ETS no. 164): concluded in Oviedo on April 4, 1997. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 27.01.2022). (In Russ.)

8. On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: federal law no. 323-FZ of November 21, 2011. *Collection of legislative acts of the RF*, 2011, no. 48, art. 6724. (In Russ.)

9. On the approval of the Regulations on the federal state control (supervision) of the quality and safety of medical activities: decree of the Government of the Russian Federation no. 1048 of June 29, 2021. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 27.01.2022). (In Russ.)

10. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017—2030: decree of the President of the Russian Federation no. 203 of May 9, 2017. *Collection of legislative acts of the RF*, 2017, no. 20, art. 2901. (In Russ.)

11. Stefanova N. A., Andronova I. V. Problems of digitalization of the healthcare sector: Russian and foreign experience. *Bulletin of Samara University. Economics and Management*, 2018, vol. 9, no. 3, pp. 31—35. (In Russ.)

12. On the approval of the strategic direction in the field of digital transformation of healthcare: decree of the Government of the Russian Federation no. 3980-r of December 29, 2021. URL: <http://pravo.gov.ru>, 12/31/2021 (accessed 27.01.2022). (In Russ.)

13. Govorukhina Yu. V. Strategy as a legal document. Dissertation... candidate of legal sciences. N. Novgorod, 2021. 31 p. (In Russ.)

14. On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of public administration: order of the Government of the Russian Federation no. 2998-r of October 22, 2021. *Collection of legislative acts of the RF*, 2021, no. 44, part III, art. 7467. (In Russ.)

15. On the approval of the program “Digital Economy of the Russian Federation”: decree of the Government of the Russian Federation no. 1632-r of July 28, 2017. *Collection of legislative acts of the RF*, 2017, no. 32, art. 5138. (In Russ.)

16. On the invalidation of the Decree of the Government of the Russian Federation no. 1632-r of July 28, 2017: decree of the Government of the Russian Federation no. 195-r of February 12, 2019. *Collection of legislative acts of the RF*, 2019, no. 8, art. 803. (In Russ.)

17. Kayumova A. R. Protection of human rights in the context of the application of modern biotechnologies: some problems. *Lawyer*, 2019, no. 1, pp. 64—71. (In Russ.)

18. Code of professional ethics of a doctor of the Russian Federation: adopted by the First National Congress of Physicians of the Russian Federation on October 5,

2012 (the document was not published). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 27.01.2022). (In Russ.)

19. Baranova M. V. Anticipatory lawmaking in the modern legal system. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2016, no. 1 (108), pp. 43—45. (In Russ.)

20. Varyushin M. S. Legal regulation of telemedicine in Russia and the EU: two steps forward and one back. *Law*, 2018, no. 1, pp. 165—174. (In Russ.)

21. Pikurov N. I. Risks of Medical Intervention: Criminal Law Aspects. *Criminal Law*, 2018, no. 3, pp. 86—92. (In Russ.)

22. On experimental legal regimes in the field of digital innovation in the Russian Federation: federal law no. 258-FZ of July 31, 2020. *Collection of legislative acts of the RF*, 2020, no. 31, part I, art. 5017. (In Russ.)

23. Makareiko N. V. Problems of legal responsibility of the state. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2019, no. 5, pp. 137—142. (In Russ.)

24. On the security of the critical information infrastructure of the Russian Federation: federal law no. 187-FZ of July 26, 2017. *Collection of legislative acts of the RF*, 2017, no. 3, part I, art. 4736. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. В. Макарейко — доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

N. V. Makareyko — Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 343.3
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-75-80>

**О возможности применения искусственного интеллекта
в управленческой деятельности
в органах внутренних дел Российской Федерации**

Морозов Олег Леонидович¹, Корелов Олег Анатольевич², Маркушин Анатолий Григорьевич³

^{1, 2, 3}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹kafuprna@gmail.ru

²olkor2006@mail.ru

³kafuprna@gmail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются организационно-управленческие и правовые вопросы использования искусственного интеллекта для дальнейшего совершенствования управленческой деятельности в МВД России. На основе анализа различных источников и управленческой деятельности органов внутренних дел, общих целей и задач правоохранительной направленности выявлены возможные сферы применения систем искусственного интеллекта. Основное внимание уделено организационным и общесоциальным проблемам внедрения данных систем. На этой основе предложены некоторые меры по совершенствованию действующей системы управления в органах внутренних дел.

Ключевые слова: органы внутренних дел, система управления, правовое обеспечение, системы искусственного интеллекта

Для цитирования: Морозов О. Л., Корелов О. А., Маркушин А. Г. О возможности применения искусственного интеллекта в управленческой деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 75—80. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-75-80>.

Original article

**On the possibility of using artificial intelligence in management activities
in the internal affairs bodies of the Russian Federation**

Oleg L. Morozov¹, Oleg A. Korelov², Anatoly G. Markushin³

^{1, 2, 3}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹kafuprna@gmail.ru

²olkor2006@mail.ru

³kafuprna@gmail.ru

Abstract. The article discusses organizational, management and legal issues of the use of the art of intelligence to further improve the management activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Based on an analysis of various sources and management activities of the internal affairs bodies, common goals and objectives of law enforcement activities, possible applications of artificial intelligence systems have been identified. The focus is on the organizational and social problems of implementing these systems. On this basis, the some measures to improve the current Internal Affairs management system has been proposed.

Keywords: internal affairs, system of management, legal support, artificial intelligence systems

For citation: Morozov O. L., Korelov O. A., Markushin A. G. On the possibility of using artificial intelligence in management activities in the internal affairs bodies of the Russian Federation. *Legal Science*

© Морозов О. Л., Корелов О. А., Маркушин А. Г., 2022

and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022, no. 1 (57), pp. 75—80. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-75-80>.

Формирование основ правового и организационно-управленческого регулирования системы общественных отношений, возникающих в связи с разработкой и использованием систем искусственного интеллекта (далее — СИИ), в том числе в управленческой деятельности в МВД России, а также снятие правовых барьеров, препятствующих разработке и применению указанных систем, являются актуальными и важными задачами [1, 2].

По словам Президента России В. В. Путина, именно разработка и внедрение СИИ, «борьба за технологическое лидерство — прежде всего в сфере искусственного интеллекта — уже стала полем глобальной конкуренции, а скорость создания новых продуктов и решений растет в геометрической прогрессии... Эти технологии не имеют аналогов в истории по своему влиянию на экономику и производительность труда, эффективность управления» [3].

Термин «управление» применительно к специфике деятельности органов внутренних дел употребляется в двух аспектах. В широком смысле — как содержание деятельности по переводу реальности из текущего состояния в новое, желаемое, чем-то лучшее, и в узком смысле — как разработка планов и контроль за их исполнением.

В современную эпоху любое позитивное изменение в сфере общественного развития, в том числе в правоохранительной деятельности, может быть достигнуто только в результате социального управления — целенаправленной и целесообразной деятельности уполномоченного обществом субъекта по реализации некоторого проекта будущего, переводу реальности (или ее подсистемы) в новое состояние, лучшее, нежели предшествующее (с точки зрения хотя бы этого субъекта) [4], в том числе финансирования, кадрового, ресурсного обеспечения и т. д.

В связи с этим более актуальной представляется проблема применения СИИ для управления именно в указанном выше широком смысле, в проектном управлении, направленном на комплексное преобразование реальности в соответствии с поставленными целями.

Достаточно развитой практики такого применения СИИ в деятельности органов внутренних дел нет, поэтому необходимо рассмотреть некоторые концептуальные ограничения на такое использование СИИ и выявить общие требования к ним, прежде чем их внедрить.

Уровнями проектирования, образующими его иерархическую структуру, выступают политика, стратегия, оперативный маневр и тактика (табл. 1).

Таблица 1

Содержание социального управления по уровням проектирования

Содержание деятельности	Уровни социального управления (проектирования)		Что исследуется
Выработка целостного мировоззрения	ПОЛИТИКА	Идеал	Смысл деятельности
		Цели	Проблемы, подлежащие решению
Системный анализ реальности, определение приоритетов, разработка критериев	СТРАТЕГИЯ	Задачи	Результаты, которых следует добиться
		План мероприятий	Меры, которые следует осуществить
Маневр ресурсами	ОПЕРАТИВНЫЙ МАНЕВР	Методика выполнения	Как осуществлять эти меры
Воплощение замысла в реальности	ТАКТИКА		

При этом в любом случае применение методов социального управления предполагает: разработку понятий объекта управления (той реальности, которую надлежит преобразовывать, состояния, как исходного, так и текущего), выявление комплекса проблем, которые препятствуют достижению желаемого или необходимого

результата (постановку целей), принятие системы правил (ограничений на действия при достижении целей), формирование совокупности необходимых для достижения целей результатов (постановку задач), составление плана мероприятий по их достижению, создание алгоритмов и методик их осуществления.

Необходимо на основе общих возможностей СИИ (например, возможности работы в реальном времени с системами «Big data») обеспечить рост эффективности управления на стратегическом уровне — перевод целей деятельности (проблем, которые нужно решить) в задачи (совокупность результатов, которых можно и нужно добиться при заданном ресурсном обеспечении и других внешних условиях).

Такой подход получает все более широкое распространение. Так, например, в приказе МВД России от 1 октября 2020 года № 683 «Об организации планирования в органах внутренних дел Российской Федерации» дано определение планирования, в том числе заложены основы для разработки понятия стратегического планирования (решение задач для достижения поставленных целей, в том числе в рамках государственных программ, сфера компетенции, субъекты), изложена методика планирования как неотъемлемая часть управленческой деятельности.

Отметим важное обстоятельство. Из содержания пункта 3 Инструкции, утвержденной указанным приказом, а равно пункты 5.2, 5.3 «Методических основ по организационному обеспечению в системе МВД России подготовки, корректировки и реализации документов стратегического планирования», утвержденных распоряжением МВД России от 16 октября 2020 года № 1/11674, следует, что органы внутренних дел, как правило, действуют в условиях, когда и желаемый результат, и комплекс проблем, препятствующих его достижению, для них уже заданы в рамках общегосударственной правоохранительной политики. Это, как будет показано, имеет важное значение для перспектив применения современных информационных технологий в управлении правоохранительной деятельностью.

Социальное управление, помимо указанного выше общего аспекта, следует также понимать как решение задач:

- оптимизации (достижения максимально эффективного результата при затрате минимума ресурсов);
- устойчивости;
- соотношения задуманного и исполненного и внесения на этой основе необходимых корректив в управленческие решения [5].

При этом в свете рассматриваемой темы принципиально важным является следующее.

Во-первых, во всех случаях речь идет об использовании информации. Это процессы, идущие с понижением энтропии, неопределенности, созданием «порядка» из «хаоса», что подобно решению задачи об использовании тепла,

распределенного в окружающем нас мире, для совершения механической работы, и требует надлежащих технических устройств и технологий [6].

Во-вторых, происходит формализация отношений, что предполагает разработку некоторой модели реальности и исследование в ее рамках соотношений «количество — качество — мера». Например, при уяснении совокупности задач, решение которых необходимо для достижения цели, корректная постановка вопроса предполагает разработку совокупности количественно определенных пороговых значений показателей, отделяющих состояние «задача не решена» от состояния «решена». Аналогично — при разработке правил — для различения «допустимо» и «недопустимо».

Задача формализации в общем виде не решается, любая модель в чем-то неадекватна, элементы случайности присутствуют всегда — указанные выше элементы управления должны осуществляться перманентно и в режиме реального времени, что качественным образом усложняет проблему.

В свете рассматриваемых вопросов информация — это не просто совокупность сведений. Это в первую очередь сведения, которые могут порождать и порождают новые сведения, самовозрастающая субстанция, наконец, это сведения, ценность которых определяется мерой их использования в реальном социальном управлении. При этом следует различать: количество информации вообще; количество воспринимаемой информации; количество используемой информации.

Разрыв между этими категориями также быстро растет. Информация появляется быстрее, чем мы можем ее осознать, а новые технологии управления — быстрее, чем существующие модели управления успевают воспринять и тем более использовать их.

Преобразуемую органами внутренних дел реальность надо рассматривать в виде сложнейшей системы взаимоотношений с наличием обратных связей, как положительных, так и отрицательных, как жестких, так и с фазовыми запаздываниями.

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод: в современных условиях решение проблем управления без применения адекватных технологий работы с информацией невозможно. Внедрение современных информационных технологий — это прежде всего разработка, освоение и использование СИИ.

Общепринятого понимания термина «система искусственного интеллекта» в настоящий момент нет [7, с. 14; 8, с. 37]. Обобщая

приведенные в нормативных правовых актах и научной литературе данные, можно выделить следующие характерные черты СИИ [9]:

— является самообучающейся компьютерной программой;

— использует технологические инновации в связи с применением технологии больших данных (big data, BD) и концепции открытых данных (open data, OD);

— при наличии заданного описания преобразуемой реальности, цели ее преобразования и правил допустимых действий самостоятельно разрабатывает перечень задач по достижению этой цели и предлагает возможные пути ее решения;

— работает по принципу «черного ящика», то есть алгоритм ее работы и, соответственно, происхождение результата не выявляются и «вручную» не проверяются, принципиально невозможно установить, как входные данные превратились в предложенный вариант решения.

СИИ уже нашли достаточно широкое применение как в России, так и за рубежом, в том числе в правоохранительных органах. По оценкам международных экспертов, инвестиции в технологии искусственного интеллекта выросли с 2014 по 2017 год в три раза и составили около 40 млрд долларов США [8, с. 36]. Однако, насколько можно судить по открытой печати, в деятельности правоохранительных органов СИИ применяются почти исключительно для решения тактических, сугубо локальных задач, например, распознавание образа, извлечение данных из мобильного телефона, поиск людей по социальным сетям и т. д. [10]

Между тем, как следует из вышеизложенного, СИИ можно использовать на более высоких уровнях управления — оперативного и отчасти стратегического маневра для решения следующих задач:

— первого уровня сложности: выявление и классификация потоков информации; деление рабочего процесса на простейшие операции; составление сетевых графиков;

— второго уровня: прямая обработка больших объемов данных; установление неочевидных связей между людьми, событиями, явлениями; создание общей приближенной модели реальности;

— третьего уровня: определение совокупности задач, необходимых для достижения поставленных целей; создание моделей реальности, адаптированных под решение задач; оценка степени их адекватности и выбор оптимального плана (алгоритма) действий в рамках этой модели; расчет необходимого объема ресурсов для решения задач; определение совокупности параметров, показателей и критериев оценки

эффективности правоохранительной деятельности; сопоставление результатов оперативно-служебной деятельности с запланированными и предложение необходимых корректив в планы; автоматическое проектирование нормативной документации, например, приведение в систему отдельных нормативных актов, подготовка их в форме текущих инструкций конкретным исполнителям; оценка реальности на устойчивость, прогноз возможности «катастрофы» — качественной смены тенденций развития.

Задачи четвертого уровня (в перспективе): на основе проведенной работы синтез нового образа реальности и при необходимости корректировка поставленных целей.

Технические возможности для этого (кроме задач четвертого уровня) есть уже сейчас. Проблема внедрения СИИ в управление деятельностью органов системы МВД России и их использования — не техническая. Проблема — организационная. Действительно, что конкретно мешает полномасштабному использованию СИИ в управленческой деятельности в системе МВД России?

Существующие СИИ, как отмечалось, не могут сами формулировать цели развития, они должны быть им заданы. Между тем формулировка цели возможна только как результат сопоставления реальности с идеалом, тем состоянием, которое мы хотим получить в результате. Но такой идеал — в форме, которая может быть сообщена СИИ, — не сформулирован для системы органов внутренних дел. Решение этой проблемы, как прямо следует из содержания упомянутого выше приказа МВД России от 1 октября 2020 года № 683, выходит за рамки компетенции органов внутренних дел.

Формулировка цели невозможна без комплексного, всестороннего исследования действительности (как отмечалось выше). С точки зрения заявленного идеала, но даже безотносительно к содержанию последнего, такое исследование чисто технически затруднено без СИИ. А для них цель уже должна быть. Получается замкнутый круг. Разрешение этой коллизии — проблема организационная.

Работая с системами «Big data» и «Open data», СИИ вторгаются в сферу личной жизни человека и гражданина, поэтому для их применения должен существовать определенный уровень доверия друг другу личности, институтов гражданского общества и государства.

Кроме того, СИИ не являются субъектами права: они не правоспособны, не дееспособны и не деликтоспособны. И в ближайшее время не будут таковыми. Вместе с тем в сфере

правоохранительной деятельности СИИ роботы просто физически не могут провести всю совокупность необходимых организационных, оперативно-разыскных или следственных действий. Они, например, могут выявить факты недобросовестного исполнения служебных обязанностей в таком-то подразделении, но приехать туда и навести порядок — нет, для этого нужен уполномоченный руководитель.

К этой организационной проблеме естественным образом примыкает комплекс проблем естественно-научного плана.

Прежде всего, как это следует из второй теоремы Геделя в применении к управлению правоохранительной деятельностью, создание полных, однозначно определенных и непротиворечивых правил поведения невозможно. Кроме того, работая в рамках Булевой алгебры, в парадигме однозначно определенных «да» — «нет» компьютерная программа неизбежно будет сталкиваться с парадоксами и антиномиями. Для их преодоления ей придется выходить за рамки «чистой науки», например, привлекать соображения этики и морали. Но своих правил в этой сфере машина не имеет, они суть итог осмысления человеческой истории, а задать их извне в формах, воспринимаемых машиной, — задача в общем виде нерешаемая в силу все той же упомянутой теоремы.

Ситуация усложняется еще и тем, что любая сложная, многомерная нелинейная система, даже при отсутствии воздействия на нее случайных сил, приобретает поведение, мало отличимое от хаоса. Наличие же случайных сил увеличивает неопределенность поведения системы в виде проявления еще и стохастических свойств [5, с. 18].

Это приводит к тому, что объем подлежащей обработке информации быстро возрастает, компьютер рискует оказаться переполненным в этом потоке, а чисто программные, без участия человека, методы защиты от такого развития событий пока недостаточно надежны [8, с. 156].

Кроме того, СИИ сейчас беззащитны от ангажированно-мотивированной интервенции и не способны отличать фейковую информацию, поэтому проблема внедрения и использования СИИ, подчеркнем, — это, помимо прочего, проблема конструирования человеко-машинных комплексов.

СИИ — это не просто аппаратура и программное обеспечение. Это люди, которые умеют с ней взаимодействовать, одновременно социологи и политологи, математики и менеджеры. Таких людей в системе органов внутренних дел сейчас в достаточном количестве, в том числе для комплектования органов управления на региональном уровне, нет.

Данную ситуацию нужно исправлять, поскольку это одно из ключевых условий успешного применения СИИ. А значит, как минимум должна быть создана система подготовки кадров, способных взаимодействовать с СИИ, вести с ними диалог, принимать решения (не имея возможности напрямую проверить выдаваемые машиной рекомендации) и отвечать за их последствия.

Это требует повышения общего уровня подготовки кадров в системе органов внутренних дел, роста общей управленческой культуры полицейских кадров как в сфере теории, так и в сфере умений и навыков практического применения имеющихся знаний. Ситуация, когда руководящий сотрудник не имеет представления о том, что такое математическая модель и как с ней работать, достаточно распространена сейчас, но не терпима в перспективе.

Возможна, в частности, ситуация, когда СИИ приходят к выводу о необходимости срочного принятия мер, выходящих за рамки компетенции правоохранительных органов (например, социально-экономических или культурно-просветительных). Следовательно, во-первых, в системе МВД России должны быть специалисты также по данным отраслям социального управления и, во-вторых, должны быть отработаны механизмы оперативного выхода на другие уровни системы управления.

В связи с этим необходимо уже сейчас упорядочить взаимодействие СИИ в МВД России между собой и с сотрудниками, определить место СИИ в общегосударственной системе управления.

Таким образом, внедрение СИИ чрезвычайно важно для повышения эффективности управленческой деятельности в системе органов и подразделений МВД России. Однако решение этой задачи, в свою очередь, предполагает разрешение ряда принципиальных управленческо-организационных проблем, основные из которых были описаны выше.

Список источников

1. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628/> (дата обращения: 09.01.2021).
2. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Паспорт национального проекта утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому

развитию и национальным проектам (протокол от 4 июня 2019 г. № 7). URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 09.01.2021).

3. Выступление В. В. Путина на совещании в школе программирования «Школа 21» 30 мая 2019 года. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6491392> (дата обращения: 09.01.2021).

4. Лиддел-Гарт Б. Стратегия не прямых действий // Энциклопедия военного искусства / сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. М.: ООО «Издательство АСЕ»; СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 386—388.

5. Афанасьев В. Н., Колмановский В. Б., Носов В. Р. Математическая теория конструирования систем управления. М.: Высш. шк., 2003. С. 10—11.

6. Афанасьев В. Г. Об управлении высшим организмом // Вопросы философии. 1969. № 5. С. 43—49.

7. Девятков В. В. Системы искусственного интеллекта / гл. ред. И. Б. Федоров. М.: Изд-во МГТУ имени Н. Э. Баумана, 2001.

8. Мередит Бр. Искусственный интеллект. Пределы возможного. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.

9. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 09.01.2021).

10. Искусственный интеллект в полицейской работе: плюсы и минусы (материалы The Royal United Services Institute). URL: <https://ceur.ru/news/921/item358862/?selectcity=87> (дата обращения: 09.01.2021).

References

1. On approval of the Concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence technologies and robotics until 2024: decree of the Government of the Russian Federation no. 2129-r of Au-

gust 19, 2020. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628/> (accessed 01.09.2021). (In Russ.)

2. National program “Digital Economy of the Russian Federation”. The passport of the national project was approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects (Minutes no. 7 of June 4, 2019). URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (accessed 01.09.2021). (In Russ.)

3. V. V. Putin’s speech at a meeting at the School 21 programming school of May 30, 2019. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6491392> (accessed 01.09.2021). (In Russ.)

4. Liddell Hart B. Strategy of indirect actions. *Encyclopedia of military art* / comp. S. Pereslegin, R. Ismailov. Moscow: ASE Publ.; St. Petersburg: Terra Fantastica Publ., 1999, pp. 386—388. (In Russ.)

5. Afanasiev V. N., Kolmanovsky V. B., Nosov V. R. Mathematical Theory of Designing Control Systems. Moscow: Higher School Publ., 2003, pp. 10—11. (In Russ.)

6. Afanasiev V. G. On the management of a higher organism. *Questions of Philosophy*, 1969, no. 5, pp. 43—49. (In Russ.)

7. Devyatkov V. V. Artificial intelligence systems / gen. ed. by I. B. Fedorov. Moscow: MSTU named N. E. Bauman Publ., 2001. (In Russ.)

8. Meredith Br. Artificial Intelligence. Limits of the possible. Moscow: Alpina non-fiction Publ., 2020. (In Russ.)

9. National strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030, approved by decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 no. 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (accessed 01.09.2021). (In Russ.)

10. Artificial intelligence in police work: pros and cons: materials from The Royal United Services Institute. URL: <https://ceur.ru/news/921/item358862/?selectcity=87> (accessed 01.09.2021). (In Russ.)

Информация об авторах

О. Л. Морозов — кандидат экономических наук;

О. А. Корелов — кандидат физико-математических наук;

А. Г. Маркушин — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the authors

O. L. Morozov — Candidate of Sciences (Economy);

O. A. Korelov — Candidate of Sciences (Physics and Mathematics);

A. G. Markushin — Doctor of sciences (law), Professor, Honored Lawyer Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 13.03.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 13.03.2022.

Научная статья
УДК 340.111
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-81-86>

Цифровизация кадровой работы в органах внутренних дел Российской Федерации

Ольшевский Андрей Витальевич

Служебно-правовое управление Договорно-правового департамента МВД России, Москва, Россия, ols24@yandex.ru

Аннотация. В представленной статье освещены отдельные моменты, связанные с внесением в трудовое законодательство изменений, направленных на организацию дистанционной работы и введение электронного документооборота, рассмотрена возможность и необходимость внесения аналогичных изменений в законодательство о прохождении службы в органах внутренних дел.

Ключевые слова: цифровизация, трудовое законодательство, кадровая работа, органы внутренних дел, служба в органах внутренних дел, дистанционное получение информации, социальные гарантии сотрудникам органов внутренних дел

Для цитирования: Ольшевский А. В. Цифровизация кадровой работы в органах внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 81—86. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-81-86>.

Original article

Digitalization of personnel work in internal affairs bodies of the Russian Federation

Andrey V. Olshevsky

Service-legal Unit of the Treaty and Law Department of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ols24@yandex.ru

Abstract. The presented article highlights certain points related to the amending the labor legislation aimed at organization of remote work and introduction of electronic document management, the possibility and necessity of making similar changes to the legislation of service in the internal affairs bodies are considered.

Keywords: digitalization, labor legislation, personnel work, internal affairs bodies, service in internal affairs bodies, remote receiving the information, social guarantees for employees of internal affairs bodies

For citation: Olshevsky A. V. Digitalization of personnel work in internal affairs bodies of the Russian Federation. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 81—86. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-81-86>.

Казалось бы, недавно принят Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о службе) [1]. Данный Закон был разработан в 2011 году в целях повышения эффективности профессиональной служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел, а также в целом работы соответствующих

органов по обеспечению законных прав и интересов граждан.

Закон о службе с 2012 года заменил для сотрудников органов внутренних дел постановление Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 года № 4202-1 «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» (далее — Положение

© Ольшевский А. В., 2022

о службе) [2], нормы которого не отвечали современным требованиям, предъявляемым к такого рода актам. Указанный Закон комплексно урегулировал правоотношения, связанные с поступлением граждан на службу в органы внутренних дел и ее прохождением [3].

При подготовке проекта названного Закона был учтен положительный отечественный и зарубежный опыт, наиболее передовые идеи, содержащиеся в иных актах, связанных с кадровой работой в «силовых» органах.

Закон о службе безусловно оказал огромное положительное влияние на органы внутренних дел Российской Федерации и на момент принятия являлся наиболее передовым и современным законодательным актом, связанным с кадровой работой и регламентацией трудовых отношений.

Вместе с тем любой закон устаревает в момент его подписания полномочным должностным лицом. Это аксиома законотворчества. Динамизм социальной, политической, экономической, правовой жизни общества, постоянно происходящие в ней изменения, требуют соответственно и корректировки законодательства [4].

Законом о службе прямо установлено, что к связанным со службой в органах внутренних дел правоотношениям в определенных случаях применяются нормы трудового законодательства (в случаях, не урегулированных нормативными правовыми актами Российской Федерации, указанными в ч. 1 ст. 3 названного Федерального закона). При этом именно положения принятого в далеком 2001 году Трудового кодекса [5] в последнее время претерпели наиболее грандиозные изменения, связанные с общей цифровизацией общества.

Так, в целях реализации федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в 2019 году Трудовой кодекс был дополнен [6] статьей 66.1, согласно которой работодатель должен представлять для хранения в информационные ресурсы Пенсионного фонда Российской Федерации в электронном виде основную информацию о трудовой деятельности и стаже работника. Названной статьей Трудового кодекса также определено, что работник должен представлять работодателю сведения о трудовой деятельности вместе с трудовой книжкой или взамен ее.

С учетом начала пандемии, связанной с распространением Covid-19, которая в том числе привела к масштабному распространению

дистанционного режима работы (режиму работы вне стационарных рабочих мест) и к бурному развитию взаимодействия между сторонами трудовых отношений с использованием информационно-коммуникационных технологий в 2020 году глава 49.1 Трудового кодекса также дополнена рядом новых положений [7], в том числе и в виде отдельных статей, посвященных труду дистанционных работников [8] (ст. 312.6—312.9).

Обозначенные изменения законодательства предусматривают возможность постоянного, временного (до 6 месяцев) или комбинированного режима дистанционной работы. При этом предусматриваются максимальные возможности электронного документооборота с обоюдного согласия сотрудника и работодателя [9].

Наиболее революционные в этой сфере изменения были внесены в Трудовой кодекс в 2021 году [10]. Так, глава 2 была дополнена статьями 22.1 (Электронный документооборот в сфере трудовых отношений), 22.2 (Порядок введения электронного документооборота и приема на работу к работодателю, использующему электронный документооборот) и 22.3 (Взаимодействие работодателя и работника посредством электронного документооборота), а также были внесены значительные изменения в статью 68 (Оформление приема на работу) Трудового кодекса.

При этом определено, что электронный документооборот может осуществляться работодателем посредством:

— единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России»;

— информационной системы работодателя, позволяющей обеспечить подписание электронного документа в соответствии с требованиями Трудового кодекса, хранение электронного документа, а также фиксацию факта его получения сторонами трудовых отношений.

Внесенные изменения предоставляют работникам больше возможностей для удаленного трудоустройства: соискатель сможет подобрать себе работодателя из другого региона, дистанционно пройти собеседование и заключить трудовой договор. Предоставление возможности работодателям ведения электронного документооборота повышает оперативность оформления трудовых отношений. Работники могут без посещения кадровой службы подписывать документы, связанные с их работой, поданные ими или предназначенные для них, электронной подписью, имеют быстрый доступ к необходимым

документам. Внесенные изменения позволяют работникам оперативно получать государственные, муниципальные, банковские и иные услуги, где требуется предоставление данных от работодателя. Реализация внесенных изменений также позволяет обеспечивать на должном уровне межведомственное электронное информационное взаимодействие, исключить часть нарушений трудового законодательства, дает возможность проведения автоматизированным способом контроля трудовых отношений и формирования аналитической информации за счет автоматизированной обработки электронных кадровых документов [11].

Названные предписания Трудового кодекса, предусматривающие возможность электронного документооборота, в целом не применимы к кадровой работе в органах внутренних дел. При этом аналогичные изменения в федеральные законы, регламентирующие порядок прохождения федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью, в том числе в Закон о службе в настоящее время не внесены.

На первый взгляд это закономерно. При приеме на службу в органы внутренних дел проводится более тщательный отбор, включающий в том числе проверку уровня физической подготовки, медицинское освидетельствование (обследование), проведение мероприятий по профессиональному психологическому отбору, которые требуют очного участия кандидата на службу в указанных мероприятиях [1]. Требуют очного участия и иные кадровые процедуры, используемые в деятельности кадровых подразделений органов внутренних дел. Информация об отдельных сотрудниках органов внутренних дел отнесена к государственной тайне [12], что предъявляет дополнительные требования к конфиденциальности информации о сотрудниках.

Вместе с тем цифровизация различных процедур позволяет экономить время и ресурсы, а это именно то, чего всегда не хватает для полноценной организации работы. Более того, пользование цифровыми ресурсами позволяет сделать различные процедуры, в том числе и кадровые, более удобными как для сотрудников и руководителей, так и для представителей кадровых подразделений.

В этой связи полагаем, что вопрос о цифровизации значительной части кадровых процедур в органах внутренних дел может быть рассмотрен.

Так, Законом о службе предусмотрено множество положений о необходимости издания

соответствующих правовых актов, ознакомления с ним сотрудников либо о получении у сотрудника необходимой информации или согласия. Например, Законом о службе предусмотрено, что перевод сотрудника органов внутренних дел на иную должность в органах внутренних дел оформляется соответствующим актом, который доводится до сведения сотрудника под расписку (ст. 30); возложение на сотрудника временного исполнения обязанностей осуществляется с его согласия приказом уполномоченного руководителя (ст. 31); сотрудник должен быть ознакомлен с мотивированным отзывом о выполнении служебных обязанностей не менее чем за один рабочий день до проведения аттестации, с аттестационным листом под расписку до представления его соответствующему руководителю (ст. 33); уполномоченный руководитель обязан в течение трех рабочих дней ознакомить сотрудника органов внутренних дел под расписку с приказом о наложении на него дисциплинарного взыскания (ст. 51); сотруднику, увольняемому со службы в органах внутренних дел по указанным в Законе основаниям, по его рапорту могут быть предоставлены предусмотренные законодательством неиспользованные отпуска за предшествующий и текущий годы (ст. 56).

Полагаем, что указанные и подобные им процедуры могут быть переведены в цифровой формат.

В итоге, на наш взгляд, может быть рассмотрен вопрос о создании и в МВД России информационной системы, представляющей собой электронный ресурс, где сотрудник может получить информацию о своей службе, ознакомиться с документами, запросить дополнительную информацию, довести необходимую информацию до руководителей (начальников) и иных подразделений (кадровых, финансовых, тыловых) и т. д.

Внедрение подобной системы позволит создать в МВД России удобную цифровую среду, что, в свою очередь, как было уже отмечено, позволит экономить время сотрудников, в том числе кадровых подразделений, так как многие процессы, ранее выполняемые вручную, будут автоматизированы и выполняться без непосредственного участия сотрудников кадровых подразделений (например, сотрудник может в электронном личном кабинете подать рапорт на отпуск или на материальную помощь, при этом ему не придется посещать кадровое подразделение, искать образцы

рапортов, а также вводить дополнительные данные, так как большинство из них уже будут введены в систему).

При этом без работы сотрудники кадровых подразделений, безусловно, не останутся, так как, на наш взгляд, ряд кадровых процедур все же не удастся перевести в электронный формат. Например, в полном объеме не удастся перевести в дистанционную форму также морально-психологическое обеспечение и социальную работу. Предлагаемые нововведения позволят сотрудникам кадровых подразделений уделить больше внимания проведению мероприятий, которые будут проводиться в очной форме, что положительно скажется на деятельности органов внутренних дел в целом.

У некоторых может возникнуть вопрос о порядке работы с предполагаемой системой, например, сотрудников строевых подразделений, у которых нет своего личного кабинета и автоматизированного рабочего места. Они, на наш взгляд, могут пользоваться рабочим местом, оборудованном в подразделении, получая информацию по личному логину и паролю. Более того, в настоящее время все больше сотрудников оснащаются мобильными компьютерами — планшетами, которые также могут быть подключены к соответствующей системе.

Полагаем, что разработка предлагаемой системы может быть начата в рамках реализации положений статьи 40 (Реестр сотрудников органов внутренних дел) Закона о службе, согласно которой во всех подразделениях органов внутренних дел должен вестись реестр сотрудников органов внутренних дел.

Отметим, что правовая природа реестра сотрудников органов внутренних дел отличается от правовой природы списков личного состава воинской части. Так, согласно пункту 11 статьи 38 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» окончанием военной службы считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части. Таким образом, в отличие от законодательства о прохождении военной службы Законом о службе наличие сведений о сотруднике в реестре и исключение их не влечет для сотрудника правовых последствий, что, на наш взгляд, облегчает работу с ним.

В последующем безусловно потребуются определенные корректировки Закона о службе и Федерального закона от 19 июля 2011 года № 247-ФЗ «О социальных гарантиях

сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13].

Вместе с тем наивно думать, что достаточно внести необходимые изменения в законодательство и подобная система будет разработана и внедрена уже завтра.

Учитывая значительную численность сотрудников органов внутренних дел, подразделений и организаций системы МВД России, предъявляемые требования к конфиденциальности информации о сотрудниках органов внутренних дел, на разработку, апробирование, обучение работы с системой сотрудников, ее наполнение информацией и запуск могут потребоваться месяцы, а может быть и годы.

При этом в наше время цифровизация иных сфер жизни, в том числе государственных, движется гигантскими темпами.

Вот почему мы полагаем, что уже сегодня необходимо как минимум начать проработку указанного вопроса, в том числе хотя бы на теоретическом уровне, задуматься над возможными параметрами цифровизации кадровой работы в органах внутренних дел.

Список источников

1. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2021).
2. Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: постановление Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2021).
3. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный) / Т. С. Горбунова [и др.]. М.: Проспект, 2021. 672 с.
4. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю. Е. Аврутин [и др.]. М.: Проспект, 2012.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2021).
6. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде: феде-

ральный закон от 16 декабря 2019 г. № 439-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2021).

7. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях: федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2021).

8. Скачкова Г. С. Дистанционный труд: некоторые вопросы практики применения // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 3.

9. Володина И. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // Трудовое право. 2021. № 4.

10. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 22 ноября 2021 г. № 377-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2021).

11. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации: пояснительная записка к федеральному закону от 22 ноября 2021 г. № 377-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2021).

12. Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне: указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2021).

13. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2021).

References

1. On service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: federal law no. 342-FZ of November 30, 2011. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.12.2021). (In Russ.)

2. On approval of the Regulations on Service in the internal affairs Bodies of the Russian Federation and the text of the Oath of an Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation: resolution of the supreme council of the Russian Federation no. 4202-1 of December 23, 1992. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.12.2021). (In Russ.)

3. Gorbunova T. S. [and others]. Scientific and practical commentary on the federal law "On Service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" (article by article). Moscow: Prospect Publ., 2021. 672 p. (In Russ.)

4. Avrutin Yu. E. [and others]. Commentary on the federal law "On Police" (article by article). Moscow: Prospect Publ., 2012. (In Russ.)

5. Labor Code of the Russian Federation no. 197-FZ of December 30, 2001. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.12.2021). (In Russ.)

6. On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation regarding the formation of information on labor activity in electronic form: federal law no. 439-FZ of December 16, 2019. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.12.2021). (In Russ.)

7. On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation regarding the regulation of distant (remote) work and temporary transfer of an employee to distant (remote) work on the initiative of the employer in exceptional cases: federal law no. 407-FZ of December 8, 2020. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.12.2021). (In Russ.)

8. Skachkova G. S. Distant labor: some issues of practical application. *Labor law in Russia and abroad*, 2021, no. 3. (In Russ.)

9. Volodina I. Federal law no. 407-FZ of December 8, 2020 "On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation regarding the Regulation of remote work and temporary transfer of an Employee to remote work on the initiative of the employer in exceptional cases". *Labor law*, 2021, no. 4. (In Russ.)

10. On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation: federal law no. 377-FZ of November 22, 2021. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.12.2021). (In Russ.)

11. On amendments to the Labor Code of the Russian Federation: explanatory note to federal law no. 377-FZ of November 22, 2021. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.12.2021). (In Russ.)

12. On approval of the list of information classified as a state secret: decree of the President of the Russian Federation no. 1203 of November 30, 1995. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.12.2021). (In Russ.)

13. On social guarantees to employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: federal law no. 247-FZ of July 19, 2011. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.12.2021). (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Ольшевский — кандидат юридических наук.

Information about the author

A. V. Olshevsky — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 343
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-87-91>

Об эффективности правовой экспертизы уголовно-процессуального законодательства

Поздышев Роман Сергеевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, rmanpzdyshhev@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется эффективность правовой экспертизы уголовно-процессуального законодательства на примере реализации норм, регламентирующих изъятие электронных носителей информации по уголовным делам. Данный вопрос рассматривается в своем развитии с момента возникновения данных правовых норм, их последующей эволюции и реального действия на практике. Исследуются документы, отражающие правотворческий процесс, а также материалы судебно-следственной практики, связанной с производством следственных действий, в ходе которых изымаются электронные носители информации. В результате исследования делаются выводы о несоответствии содержания нормы в представлениях законодателя и ее фактической реализации на практике, а также о недостаточной эффективности правовой экспертизы законов в сфере уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: правовая экспертиза, электронный носитель информации, изъятие, обыск, выемка

Для цитирования: Поздышев Р. С. Об эффективности правовой экспертизы уголовно-процессуального законодательства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 87—91. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-87-91>.

Original article

On the effectiveness of legal expertise of criminal procedure legislation

Roman S. Pozdyshev

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, rmanpzdyshhev@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the effectiveness of the legal expertise of criminal procedure legislation on the example of the implementation of the norms governing the seizure of electronic media in criminal cases. This issue is considered in its development, from the moment of the emergence of these legal norms, their evolution and operation in practice. Documents reflecting the law-making process, as well as materials of judicial and investigative practice related to the production of investigative actions, during which electronic media are seized, are examined. As a result of the study, conclusions are drawn about the discrepancy between the content of the norm in the representations of the legislator and its actual implementation in legal practice, as well as about the insufficient effectiveness of legal expertise of laws in the field of criminal proceedings.

Keywords: legal expertise, electronic media, seizure, search

For citation: Pozdyshev R. S. On the effectiveness of legal expertise of criminal procedure legislation. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 87—91. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-87-91>.

В уголовно-процессуальном законе немало противоречий, неточностей и спорных положений. Внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1], к сожалению, не всегда их

устраняет, а, напротив, порождает новые проблемные моменты. В связи с такими обстоятельствами возникают основания сомневаться в надлежащем качестве правовой экспертизы, предваряющей изменения законодательства об

© Поздышев Р. С., 2022

уголовном судопроизводстве. Одной из проблемных точек действующего закона являются нормы, регламентирующие порядок изъятия электронных носителей информации по уголовным делам, которые впервые были имплементированы в УПК РФ в 2012 году, а затем изменены в 2018 году. На примере возникновения и развития данных норм в рамках настоящей статьи предпринята попытка рассмотреть эффективность правовой экспертизы уголовно-процессуального законодательства.

Федеральным законом от 27 декабря 2018 года № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 533-ФЗ) [2] введена в действие статья 164.1 УПК РФ, которой установлены три случая, когда возможно изъятие электронных носителей информации по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности.

Во-первых, это случаи, когда вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации. Возможность возникновения такого юридического факта представляется невероятной, поскольку нарушает общую логику процесса назначения экспертизы. Перед тем, как организовать производство данного следственного действия, следователь должен изъять объекты, которые будут предоставлены эксперту, но не наоборот. Кроме здравого смысла, на это указывает пункт 4 части 1 статьи 195 УПК РФ. Единственным возможным вариантом возникновения данного случая является реализация экспертом права, предусмотренного пунктом 2 части 3 статьи 57 УПК РФ, о предоставлении дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения. Однако, если законодатель имел в виду такие обстоятельства, то следовало бы так и указать в норме закона для обеспечения правила юридической техники о ясности правовых предписаний.

Во-вторых, изъятие электронных носителей информации возможно на основании судебного решения. Исчерпывающий перечень решений суда, принимаемых в ходе досудебного производства, закреплен в статье 29 УПК РФ. Здесь отсутствует такой вид правоприменительного акта, как судебное решение об изъятии электронных носителей информации. Если же законодатель имел в виду любое решение суда, на основании которого производится следственное действие, тогда возникает вопрос о том, каким образом производить изъятие данных предметов, например в ходе обыска в организации, который производится по постановлению следователя.

В-третьих, изъятие электронных носителей информации возможно, когда на них содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владелец носителя не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой по заявлению специалиста может повлечь за собой ее утрату или изменение. Последнее условие представляется наиболее интересным. Оно, по всей видимости, нивелирует все ранее названные ограничения на изъятие данных предметов, поскольку утрата или изменение компьютерной информации возможна практически от любых действий с компьютерным устройством, даже от простого его включения, так как заранее органу следствия не известно программное обеспечение, установленное на нем. На данном устройстве может размещаться программа, форматирующая носитель информации при наступлении определенного события, например при введении заранее установленного пароля при включении.

Обозначенные трудности толкования рассматриваемой статьи УПК РФ возникают не только у автора настоящей статьи, но также нашли свое подтверждение в ходе проведенного интервьюирования следователей органов внутренних дел (в ходе проведения данного исследования проведено интервьюирование 35 представителей следственных подразделений МВД России, представляющих различные территориальные органы нескольких регионов). Примечательно, что в отличие от правоприменителей, у представителей законодательного органа таких проблем не возникало. В ходе первого чтения проекта Федерального закона № 533-ФЗ 6 декабря 2018 года на заседании Государственной думы Российской Федерации (далее — ГД РФ) № 169 председатель Комитета по государственному строительству и законодательству П. В. Крашенинников заявил, что рассмотренные случаи изъятия электронных носителей информации «очень правильны и очень понятны» [4].

Во второй части статьи 164.1 УПК РФ закреплено, что электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста. При интерпретации содержания данной нормы права возникают два вопроса: 1. Всегда ли необходимо участие специалиста при изъятии данных предметов? Представляется очевидным, что, например, при изъятии ноутбука или карты памяти без нарушения их целостности никаких специальных познаний не требуется и следователь способен это сделать самостоятельно.

2. Распространяется ли данное требование на все уголовные дела или только о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, как это указано в первой части рассматриваемой статьи? Для получения ответа на данные вопросы предлагаем использовать диалектический метод познания и рассмотреть это правовое предписание в его развитии и взаимосвязи с позициями субъектов законодательной, судебной и исполнительной властей.

Впервые норма, устанавливающая необходимость участия специалиста при изъятии электронных носителей информации, появилась в российском законодательстве об уголовном судопроизводстве в 2012 году с принятием Федерального закона от 28 июля 2012 года № 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [5] (далее — Федеральный закон № 143-ФЗ).

Соответствующие положения появились в статьях, регламентирующих проведение обыска и выемки. Данные изменения вносились по законодательной инициативе Президента Российской Федерации. Полномочный представитель в ГД РФ Г. В. Минх 25 апреля 2012 года в ходе первого чтения проекта данного закона на заседании № 22 заявил, что «при производстве обыска или выемки, изъятие электронных носителей информации — речь идет о компьютерных блоках, серверах, ноутбуках, картах памяти и так далее — производится с участием специалиста в этой сфере» [6]. В 2018 году при обсуждении проекта Федерального закона № 533-ФЗ, с принятием которого данные нормы утратили юридическую силу и трансформировались в отдельную статью 164.1 УПК РФ, эти вопросы не обсуждались. Однако, учитывая факт того, что данные изменения были произведены также по инициативе Президента Российской Федерации, можно предполагать, что позиция по данному вопросу не изменилась. Таким образом, при имплементации рассматриваемой нормы права законодатель предусматривал обязательное участие специалиста при любом изъятии любого электронного носителя информации, независимо от его вида и способа производства данного действия.

Правоприменительная практика иначе смотрит на данный вопрос. Так, 22 из 35 интервьюируемых следователей органов внутренних дел заявили, что с участием специалиста в обязательном порядке изымаются электронные носители информации, когда требуется их отключение от компьютерной сети, а также в случаях, осложненных иными обстоятельствами.

Изъятие же системных блоков, иных носителей информации, как правило, производится без участия специалиста.

Данная позиция поддерживается и судебными органами. Мурманский областной суд, рассматривая апелляционную жалобу адвоката, указал, что «нарушений требований УПК РФ ввиду непривлечения специалиста при изъятии системного блока не допущено, поскольку в ходе производства осмотра кабинета бухгалтера копирование информации, содержащейся на изъятых системном блоке, на другие электронные носители не производилось» [7].

Аналогичная позиция прослеживается и в других судебных решениях, например, в приговоре Соломбальского районного суда г. Архангельска, согласно которому «по смыслу ст. 170 ч. 1.1, 183 ч. 3.1 УПК РФ изъятие электронных носителей информации производится с участием специалиста в тех случаях, когда с этих носителей производится копирование информации по ходатайству их владельца» [8]. При этом интересным представляется, что суд ссылается на часть 3.1 статьи 183 УПК РФ, которая к моменту вынесения данного приговора была утратившей юридическую силу уже более одного года.

Напротив, Верховный суд Республики Крым указал, что «не принимает во внимание указание заявителя апелляционной жалобы на нарушения положений ч. 9.1 ст. 182 УПК РФ о том, что при производстве обыска электронные носители информации изымаются с участием специалиста, поскольку указанная норма закона утратила силу на основании Федерального закона от 27 декабря 2018 года № 533-ФЗ» [9]. Хотя с утратой юридической силы данной части статьи 182 УПК РФ сама норма не исчезла из уголовно-процессуального законодательства и нашла свое отражение в статье 164.1 УПК РФ.

В некоторых решениях суды подчеркивают право следователя в рамках принципа независимости (ч. 1 ст. 168 УПК РФ) самому определять, в каком случае обстоятельства требуют участия специалиста, а в каком — нет [10]. Однако системный анализ УПК РФ говорит о том, что законодатель различает случаи, когда участие специалиста является обязательным, а когда остается на усмотрение следователя. Например, часть 7 статьи 186 УПК РФ содержит правовое предписание, согласно которому при осмотре и прослушивании фонограммы переговоров следователь привлекает специалиста лишь при необходимости, а не в любом случае.

Отвечая на второй вопрос, связанный с неясностью обязательного участия специалиста

при изъятии электронных носителей информации исключительно по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности или по всем уголовным делам, предлагаем также рассмотреть смысл, предполагаемый законодателем, и ее толкование субъектами правоприменения.

Г. В. Минх 25 апреля 2012 года в ходе первого чтения проекта Федерального закона № 143-ФЗ на заседании № 22 также заявил, что нормы по обязательному участию специалиста при изъятии электронных носителей информации при обыске и выемке распространяются на все уголовные дела [6]. В 2018 году данный вопрос не обсуждался.

Суды иначе толкуют закон. Например, Мурманский областной суд в апелляционном постановлении указал, что «ссылка адвоката Д. на ст. 164.1 УПК РФ является несостоятельной, поскольку данная статья устанавливает запрет на изъятие электронных носителей информации при производстве следственных действий по конкретному перечню уголовных дел» [11].

Выявленные противоречия между значением правовой нормы, предполагаемым на стадии законотворчества, и ее реальным влиянием на правоотношения вызывает серьезную обеспокоенность и наводит на мысль о необходимости использования пояснительных записок к законопроекту и стенограмм его обсуждения, если не в роли источника права, то как минимум в качестве актов его официального толкования, наравне с постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Кроме вышеназванных проблемных точек нормативной регламентации изъятия электронных носителей информации, свидетельствующих о дефектах правотворческого процесса, обращают на себя внимание и ошибки, которые можно отнести к категории технических. Например, несмотря на то, что часть 3.1 статьи 183 УПК РФ утратила силу с принятием Федерального закона № 533-ФЗ, ссылка на нее осталась в части 1 статьи 170 УПК РФ. Данная ошибка, хотя и не влечет каких-либо правовых последствий, но дополнительно подтверждает умозаключение о недостаточном качестве изменений, вносимых в законодательство об уголовном судопроизводстве.

Проекты вышеназванных федеральных законов успешно прошли правовую экспертизу, которую проводили компетентные подразделения Федерального собрания Российской Федерации, в том числе Правовое управление Аппарата ГД РФ, Правовое управление Аппарата Совета Федерации, Комитет Совета Федерации по экономической политике, Комитет Совета

Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству. Все субъекты правовой экспертизы не имели замечаний правового, юридико-технического и лингвистического характера. Однако, представляется, что если бы по данным законопроектам свою позицию высказали правоприменители, чья профессиональная деятельность непосредственно затрагивается внесенными изменениями, можно было бы своевременно устранить выявленные проблемы.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие предложения. Во-первых, для соответствия фактической реализации права воле законодателя целесообразно рассматривать пояснительные записки к законопроектам, а, возможно, и стенограммы заседаний ГД РФ в качестве официальных правоинтерпретационных актов. Во-вторых, качественная и эффективная правовая экспертиза не представляется возможной без включения в этот процесс субъектов права, чьи интересы затрагиваются изменениями, вносимыми в правовую действительность, в связи с чем следует трансформировать содержание статьи 112 Регламента ГД РФ [12], указав в качестве обязанности комитета, отвечающего за рассмотрение законопроекта, направление в заинтересованные государственные органы и другие организации писем для подготовки соответствующих отзывов, предложений и замечаний.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ст. 4931.
2. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53, ст. 8459.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.
4. Стенограмма обсуждения законопроекта № 593998-7 «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (об освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба)» // Интернет-портал. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/593998-7> (дата обращения: 14.12.2021).
5. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31, ст. 4332.

6. Стенограмма обсуждения законопроекта № 20801-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Об уточнении порядка изъятия, хранения и возвращения законным владельцам в ходе расследования уголовных дел электронных носителей информации)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/20801-6> (дата обращения: 14.12.2021).

7. Апелляционное постановление Мурманского областного суда № 22к-1391/2019 от 15 октября 2019 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WTLdVg0Ku6ZN/> (дата обращения: 05.12.2021).

8. Приговор Соломбальского районного суда г. Архангельска № 1-10/2020 от 14 мая 2020 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ln4YhzKmfBHP/> (дата обращения: 05.12.2021).

9. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Крым № 22-2783/2019 от 24 сентября 2019 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wKtPWNpUmRZO/> (дата обращения: 05.12.2021).

10. Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 7 октября 2013 г. по делу № 10-9861. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EmrOjKn4X5Zm/> (дата обращения: 05.12.2021).

11. Апелляционное постановление Мурманского областного суда № 22к-1391/2019 от 15 октября 2019 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WTLdVg0Ku6ZN/> (дата обращения: 05.12.2021).

12. О регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7, ст. 801.

References

1. The code of criminal procedure of the Russian Federation no. 174-FZ of December 18, 2001. *Collection of legislative acts of the RF*, 2001, no. 52, art. 4931. (In Russ.)

2. On amendments to the articles 76.1 and 145.1 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedure code of the Russian Federation: federal law no. 533-FZ of December 27, 2018. *Collection of legislative acts of the RF*, 2018, no. 53, art. 8459. (In Russ.)

3. Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996. *Collection of legislative acts of the RF*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)

4. Transcript of the discussion of draft law no. 593998-7 "On Amendments to Articles 76.1 and 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (on exemption from criminal liability in connection with compensation for damage)". URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/593998-7> (accessed 12.14.2021). (In Russ.)

5. On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal law no. 143-FZ of July 28, 2012. *Collection of legislative acts of the RF*, 2012, no. 31, art. 4332. (In Russ.)

6. Transcript of the discussion of draft law no. 20801-6 "On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (On clarifying the procedure for the seizure, storage and return to legal owners during the investigation of criminal cases of electronic media)". Internet portal System of Legislative activity. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/20801-6> (accessed 14.12.2021). (In Russ.)

7. Appeal decision of the Murmansk Regional Court no. 22к-1391/2019 of October 15, 2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WTLdVg0Ku6ZN/> (accessed 05.12.2021). (In Russ.)

8. Verdict of the Solombalsky District Court of Arkhangelsk no. 1-10/2020 of May 14, 2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ln4YhzKmfBHP/> (accessed 05.12.2021). (In Russ.)

9. Appeal resolution of the Supreme Court of the Republic of Crimea no. 22-2783/2019 dated September 24, 2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wKtPWNpUmRZO/> (accessed 05.12.2021). (In Russ.)

10. Appeal decision of the Judicial Board for Criminal Cases of the Moscow City Court of October 7, 2013 in case no. 10-9861. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EmrOjKn4X5Zm/> (accessed 05.12.2021). (In Russ.)

11. Appeal decision of the Murmansk Regional Court no. 22к-1391/2019 of October 15, 2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WTLdVg0Ku6ZN/> (accessed 05.12.2021). (In Russ.)

12. On the Regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation no. 2134-II of January 22, 1998. *Collection of legislative acts of the RF*, 1998, no. 7, art. 801. (In Russ.)

Информация об авторе

Р. С. Поздышев — кандидат юридических наук.

Information about the author

R. S. Pozdyshev — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 15.12.2021; одобрена после рецензирования 15.01.2022; принята к публикации 13.03.2022.

The article was submitted 15.12.2021; approved after reviewing 15.01.2022; accepted for publication 13.03.2022.

Научная статья
УДК 34.03
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-92-97>

Безопасность несовершеннолетних: угрозы и приоритеты обеспечения

Репьев Артем Григорьевич¹, Репьева Анна Михайловна²

^{1,2}Академия управления МВД России, Москва, Россия

¹repev-artem@yandex.ru

²anna-repeva@yandex.ru

Аннотация. В работе авторами выявляются современные угрозы окружающей действительности, создающие опасность для несовершеннолетних, проводится их научный и практико-прикладной анализ. В ходе исследования проблематики аргументируются тенденции, связанные с приоритетными направлениями обеспечения безопасности подростков. Выдвигается гипотеза о том, что базовым условием эффективного формирования безопасной среды подростка становится межведомственное взаимодействие всех органов власти в контакте с институтами гражданского общества. Авторами предложены основные составляющие опасности, в которую попадает ребенок. Установлены проблемы реализации деятельности по обеспечению безопасности подростка, предложены пути их решения.

Ключевые слова: несовершеннолетний, безопасность, опасные социальные увлечения, травля, деструктивное поведение, зацепинг

Для цитирования: Репьев А. Г., Репьева А. М. Безопасность несовершеннолетних: угрозы и приоритеты обеспечения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 92—97. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-92-97>.

Original article

Juvenile safety: threats and priorities provision

Artem G. Repev¹, Anna M. Repeva²

^{1,2}Academy of management Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

¹repev-artem@yandex.ru

²anna-repeva@yandex.ru

Abstract. In the work of the authors, modern threats to the environment of reality are revealed, which pose a danger to minors, their scientific and practical-applied analysis is carried out. In the course of the study of issues, trends related to priority areas for ensuring the safety of adolescents are argued. It is hypothesized that the basic condition for the effective formation of a safe environment for adolescents is the interdepartmental interaction of all authorities in contact with civil society institutions. The authors propose the main components of the danger to which the child falls. Problems have been identified in the implementation of activities to ensure the safety of adolescents, and ways have been proposed to solve them.

Keywords: minor, safety, dangerous social hobbies, bullying, destructive behavior, hooking

For citation: Repev A. G., Repeva A. M. Juvenile safety: threats and priorities provision. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 92—97. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-92-97>.

Введение. Очевиден тот факт, что положение подростка в современном мире выходит за рамки его восприятия исключительно с точки зрения возрастного аспекта. На сегодняшний момент среда несовершеннолетних — это еще

и специальный конгломерат, отличающийся своим особым социальным и правовым статусом, характеризующимся в том числе становлением в качестве полноценных участников жизни общества. Особенностью жизнедеятельности

© Репьев А. Г., Репьева А. М., 2022

детей и подростков является столкновение с опасностями, характерными и для жизни взрослого человека. При этом фактором, повышающим степень риска, является невысокая готовность несовершеннолетнего к безопасному поведению.

Нельзя не сказать о том, что безопасность несовершеннолетних — это не только один из приоритетов государственной политики Российской Федерации, но и ключевой, комплексный показатель благополучия общества в целом. Полагаем уместным остановиться на дефиниции рассматриваемого понятия. Убеждены, что *безопасность несовершеннолетних* определяется не только как *совокупность факторов, обеспечивающих защищенность этой социальной группы*, но еще и как *сформированный комплекс условий, необходимых для полноценного развития молодого поколения, не вызывающих риска (предупреждающих риски) причинения вреда жизни, физическому и психическому здоровью детей и подростков*.

На уровень безопасности влияют действия практически всех органов власти и подведомственных им организаций, контрольных и надзорных структур, а также применяемые ими правовые средства воздействия. Программы, планы, мероприятия, нацеленные на обеспечение безопасности молодежи, а также общие показатели результативности этой работы должны носить межведомственный характер.

Для выработки наиболее эффективного подхода при формировании средств воздействия на обеспечение безопасности предлагаем оттолкнуться от антитезиса, то есть установить угрозы окружающей действительности, создающие опасность, среди которых: а) травматизм и гибель подростков вследствие опасных социальных увлечений; б) травля в подростковой среде, а также попытки самоубийств несовершеннолетних, этим обусловленные; в) влияние медиаконтента, в том числе в части распространения террористических и экстремистских материалов, вербовки вступления в преступные сообщества.

Безусловно, в рамках научной статьи сложно очертить полный перечень проблемных зон обеспечения безопасности молодежи, поэтому нами выделены лишь основные, наиболее «острые» на сегодняшний момент.

Травматизм и гибель детей и подростков вследствие опасных социальных увлечений. За последнее время получили широкую популярность молодежные движения «смертельное селфи», «зацепинг» и пр. Стоит

отметить, что такое поведение можно охарактеризовать как «неосторожное самоубийство». Несмотря на кажущуюся противоположность двух составных используемого нами словосочетания, анализ поведения несовершеннолетнего при рассматриваемом девиантном поведении указывает на тот факт, что опасность абсолютно очевидна, однако подросток относится к ней легкомысленно, пренебрежительно.

Движимые желанием самоутвердиться среди окружения, получить желанные «лайки» в социальных сетях за экстрим-видео подростки идут на неоправданный риск. Россия — одна из антилидеров среди стран по числу погибших в результате попыток сделать опасное селфи, уступая лишь Индии [1]. Однако принимаемых мер по закреплению правовых средств воздействия на вышеуказанный фактор девиантного поведения несовершеннолетних на сегодняшний день недостаточно. К примеру, 2017 год был ознаменован дополнением Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) статьей 267.1 «Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств» [2]. По своей сути, исходя из толкования объективной стороны рассматриваемого преступления, действия так называемых «зацеперов» входят в ее состав [3, с. 162; 4, с. 113—114]. Однако на данный момент отсутствуют как законодательное закрепление перечня конкретных действий, угрожающих безопасности эксплуатации транспортных средств, так и разъяснения Пленума Верховного суда Российской Федерации, что порождает проблемы правоприменения статьи 267.1 УК РФ.

Стоит обратить внимание также на тот момент, что согласно части 2 статьи 20 УК РФ рассматриваемое преступление предусматривает общий возраст наступления уголовной ответственности за его совершение, в частности — 16 лет. В свете анализа субъектного состава совершения действий, подпадающих под понятие «зацепинг», не совсем ясна логика законодателя, не снизившего возраст наступления уголовной ответственности до 14 лет. Учитывая сказанное, дополнение УК РФ статьей 267.1 было положительным шагом в направлении улучшения, расширения правовых средств воздействия на девиантное поведение несовершеннолетних. Однако проблемы конструирования правовой нормы, ее толкования и правоприменения сделали указанное положительное начинание малоэффективным.

Травля в подростковой среде, а также попытки самоубийств несовершеннолетних,

этим обусловленные. Психологическое и физическое третирование в обучающей или иной устойчивой социальной среде (секции, клубе) со стороны третьих лиц, именуемое термином «буллинг», весьма распространено сегодня [5]. Травля (это буквальное значение английского термина *bullying*) оставляет неизгладимый след в психике человека, в особенности не сформировавшейся. Самые частые психологические нарушения — это снижение самооценки, закрепление статуса «жертвы», различные психосоматические расстройства, формирование неврозов и фобий. Как результат, возрастание противоправных форм защитной реакции (как один из примеров, «*school shooting*» в переводе с английского «школьная стрельба»), а также аутоагрессивное поведение, в том числе суициды.

На сегодняшний момент одним из правовых средств воздействия на суицидальное поведение несовершеннолетних является криминализация в УК РФ таких деяний, как доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ). В структурах данных статей посягательства в отношении несовершеннолетнего образуют квалифицированные или особо квалифицированные составы (п. «а» ч. 2 ст. 110, п. «а» ч. 3 ст. 110.1, ч. 5 ст. 110.1 УК РФ), что абсолютно логично и обоснованно. Несмотря на значительное преобразование уголовного закона в 2017 году, в части стремления к предотвращению большего круга возможных случаев негативного влияния на несовершеннолетнего, все же данные нормы по прошествии нескольких лет изобличили ряд изъянов законодательного и правоприменительного плана [6, с. 18—19].

К примеру, речь идет об отсутствии в диспозиции части 1 статьи 110 УК РФ определения формы вины по отношению к последствиям, что вызывает разночтения в ее толковании; о существовании исключительного перечня способов доведения до самоубийства (или покушения на него) в статье 110 УК РФ, что значительно сужает возможность ее правоприменения; о сложностях в понимании признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 110.2 УК РФ, разграничении со статьей 110.1 УК РФ при отсутствии «конкретной жертвы» и пр.

Причины суицидального поведения в большей степени возникают из-за ошибочного содержания ценностных ориентаций,

неблагополучных, а зачастую и деликтных, семейно-бытовых отношений, отсутствия контроля родителей за поведением детей. Ошибки семейного воспитания нередко дополняются воздействием извне на личность молодого человека: негативное влияние на подрастающее поколение средств массовой информации, социальная дифференциация и разрыв общества по материальному признаку. Исследования показывают, что самоубийства совершаются часто при наличии не одной, а нескольких причин.

Следует отметить, что отсутствие надлежащего внимания со стороны сверстников и взрослых, так называемое социальное отторжение личности, неограниченное использование подростками средств массовой информации и интернет-ресурсов деструктивного содержания также способствуют аутоагрессивному поведению подростков, о чем речь более подробно пойдет далее.

Обеспечение информационной безопасности в подростковой среде, противодействие распространению терроризма и экстремизма среди несовершеннолетних. Отдельного внимания заслуживают информационные угрозы безопасности. Речь идет прежде всего о слабо урегулированном с правовой и социальной точек зрения интернет-пространстве. Ситуация на сегодняшний момент складывается таким образом, что несовершеннолетний имеет относительно свободный доступ к интернет-ресурсам различного содержания, в том числе и опасного для его психологического состояния.

Информация, содержащаяся в сети «Интернет», к сожалению, часто имеющая деструктивный характер, значительно влияет на формирование негативных внутренних установок и убеждений молодого человека. Подростковая среда — исторически благодатная почва для насаждения, к примеру, правового нигилизма, вовлечение в секты деструктивного толка и иные субкультурные сообщества (АУЕ, неонацисты и т. д.). Современный информационный период развития государства не только не стал исключением, но и усугубил ситуацию. По итогам девяти месяцев 2021 года в нашей стране зафиксировано 1 243 факта вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий. Социальные и политические события и процессы (выборы в Государственную Думу Российской Федерации, введение режимов ограничений, обусловленных противоэпидемиологическими мероприятиями и пр.) детерминировали рост протестной

активности с вовлечением молодежи. Резко возросло количество общественно опасных деяний в виде хулиганства, совершенного с применением оружия, взрывчатых веществ, групповых форм данного общественно опасного деяния, по итогам октября 2021 года на 481,5 % (зарегистрировано 1 070 фактов) [7].

Стоит отметить, что в подавляющем большинстве случаев вышеуказанное вовлечение стало возможным в результате использования сети «Интернет», а именно социальных сетей, с помощью применения различного рода новейших методов психологии (программирование, гипноз, зомбирование, двадцать пятый кадр, иные техники суггестии) [8, с. 29—30].

Более того, информационное пространство сегодня создало реальную угрозу омертвления внутреннего мира. Подростки создают для себя другой, виртуальный мир, где каждый из них может выступать в любой желаемой роли. Чего только стоит воплощение в реальную жизнь эпизодов южнокорейского веб-сериала в жанре выживания «Игра в кальмара». Платформа «TikTok» уже сейчас пестрит роликами о подражании смертельному турниру подростками по всему миру, пожалуй, самые безобидные из которых демонстрируют, как за невыполнение задания несовершеннолетние получают удары палкой.

На сегодняшний момент государство, безусловно, пытается предпринимать шаги по совершенствованию правовых средств воздействия на рассматриваемое нами деструктивное поведение несовершеннолетних. Одним из таких примеров является Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [9]. Однако его содержательная составляющая, особенно в части классификации информационной продукции относительно возрастных ограничений, или конкретнее — информационные знаки о допустимости информационного продукта к восприятию несовершеннолетними определенных возрастных групп, подвергается значительной критике со стороны научного сообщества. Кроме того, данный нормативный правовой акт далеко не в полной мере регламентирует отношения, заявленные в его наименовании, в связи с чем нуждается в значительной корректировке и дополнении.

Одним из негативных факторов, влияющих на состояние общественной безопасности, в том числе безопасности молодежи, стало распространение различных экстремистских

проявлений. По итогам десяти месяцев 2021 года зарегистрирован существенный рост уголовно наказуемых деяний, предусматривающих ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или его пропаганду (ст. 205.2 УК РФ) — 306 деяний, данный показатель на 49,3 % выше аналогичного периода 2020 года. Идентичная ситуация сложилась с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ). Таких фактов за обозначенный временной период выявлено 419, что на 43 % больше, чем за десять месяцев 2020 года. Как следствие этого наблюдается увеличение общего количества преступлений экстремистской направленности на 29,2 % (915 деяний за январь-октябрь 2021 г.) [7].

Профилактика экстремизма среди несовершеннолетних, которые в силу психологии наиболее подвержены манипулированию и влиянию радикальных идей и настроений, должна иметь свои особенности с учетом нюансов распространения современного медиaprостранства. К примеру, популярная среди молодежи и подростков социальная сеть «ВКонтакте», объединяющая около 460 млн пользователей, насчитывает более полумиллиона различных групп и сообществ, в том числе и деструктивной направленности (сообщества в поддержку движений «Колумбайн», «School shooting» и пр.). Сотрудниками подразделений полиции на системной основе осуществляется мониторинг сети «Интернет» в целях выявления подобных групп, и ежедневно регистрируются материалы доследственных проверок.

Подчеркнем, что это лишь некоторые, наиболее приоритетные векторы создания безопасной среды подростков. Кроме того, безусловно, что и приведенные нами средства воздействия на девиантное и суицидальное поведение несовершеннолетних также не исчерпывающие.

Заключение. Безопасность несовершеннолетних — явление полярное. Если еще десять-двадцать лет назад подросток выступал в роли наблюдателя, то сегодня становится участником активной социально-политической жизни общества. Особенности психологического состояния современного несовершеннолетнего, его ценностные ориентации, открытые для внешнего воздействия, обуславливают потребность в формировании «новой безопасной среды». При отсутствии целенаправленного положительно-го влияния этот дефицит компенсируется наличием негативных факторов: деструктивных

политических движений, субкультурных сообществ, экстремистских организаций.

Опасность, в которую попадает ребенок, имеет, как правило, сочетание трех основных элементов: «опасная среда — деструктивное (возможно, виктимное) поведение — безнадзорность». Положительное влияние в направлении обеспечения безопасности несовершеннолетних возможно лишь при нивелировании факторов всех вышеуказанных составляющих.

Так, направления деятельности по формированию безопасной среды несовершеннолетних должны включать:

1) постоянный мониторинг и контроль, профилактику и своевременное устранение факторов, представляющих опасность для подростков в местах их постоянного или временного нахождения. Такая деятельность должна быть направлена на минимизацию деструктивного (в том числе виктимного) поведения как в повседневной жизни при социализации (при общении с незнакомыми и малознакомыми людьми, при массовом скоплении граждан; при угрозе чрезвычайной ситуации, насильственных действий, физическом и психологическом насилии со стороны других людей), так и в сети «Интернет». К примеру, в информационной среде особую актуальность приобретает государственная поддержка волонтерского движения «кибердружин», помощь в тренинге волонтеров, осуществляющих мониторинг медиапространства и своевременно информирующих правоохранительные органы о выявлении деструктивного контента;

2) разработку достаточной нормативной правовой базы, предусматривающей ответственность за нарушение требований, связанных с обеспечением безопасности несовершеннолетних; совершенствование существующей нормативной правовой базы путем внесения соответствующих изменений;

3) обеспечение сопровождения подростков в любых потенциально опасных ситуациях со стороны взрослых, обладающих высокой мерой ответственности и предусмотрительности, способностью к прогнозу негативного развития ситуации, а в ряде случаев и прошедших специальное обучение либо инструктаж. Данный посыл позволит свести к минимуму такую составляющую опасности, как безнадзорность в широком ее понимании;

4) формирование непосредственно в мышлении подростка навыков безопасного поведения, а также позитивного образа своего будущего. К примеру, путем использования потенциала специализированных учебных курсов, классных часов и дней правового информирования.

Список источников

1. Названы страны, лидирующие по числу смертей во время селфи // Российская газета. 2018. 4 октября.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22 августа 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2021. № 27, ст. 5090.

3. Голик Ю. В. Ответственность за хулиганство: изменение законодательства // Lex Russia. 2017. № 8 (129). С. 162—166.

4. Изгагина Т. Ю. Противодействие движению зацеперов // Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М.: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2020. С. 109—118.

5. Теоретические подходы к обоснованию существования буллинга в детской и подростковой среде: коллективная монография / под общ. ред. Е. В. Везетиу. Ялта: Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», 2021. 176 с.

6. Нуркаева Т. Н., Артамонова М. А. Спорные вопросы толкования нормы об организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства // Научный портал МВД России. 2020. № 2 (50). С. 16—22.

7. Состояние преступности в Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/27024130/> (дата обращения: 12.12.2021).

8. Воронцова М. А. Конституционно-правовые основы личной безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. 211 с.

9. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1, ст. 48; 2021. № 27, ст. 5092.

References

1. The countries leading in the number of deaths during selfies are named. *Rossiyskaya Gazeta*, 2018, October, 4. (In Russ.)

2. The Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended of July 1, 2021) (with amendments and additions, intro. effective of August 22, 2021). *Collection of legislative acts of the RF*, 1996, no. 25, art. 2954; 2021, no. 27, art. 5090. (In Russ.)

3. Golik Yu. V. Responsibility for hooliganism: changing legislation. *Lex Russia*, 2017, no. 8 (129), pp. 162—166. (In Russ.)

4. Izgagina T. Yu. Counteraction to the zatseper movement. *Criminological problems of behavior of minors and youth, ways to solve them: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Moscow: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation Publ., 2020. Pp. 109—118. (In Russ.)

5. Theoretical approaches to substantiating the existence of bullying in children and adolescents: a collective monograph / gen. ed. by E. V. Vesetiu. Yalta: Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) Federal State Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University" Publ., 2021. 176 p. (In Russ.)

6. Nurkaeva T. N., Artamonova M. A. Controversial issues of interpretation of the norm on the organization

of activities aimed at inducing suicide. *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2 (50), pp. 16—22. (In Russ.)

7. The state of crime in the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф/reports/item/27024130/> (accessed 12.12.2021). (In Russ.)

8. Vorontsova M. A. Constitutional and legal bases of personal safety of minors in the Russian Federation. Dissertation... candidate of legal sciences. Saint-Petersburg, 2018. 211 p. (In Russ.)

9. On the protection of children from information that harms their health and development: federal law no. 436-FZ of December 29, 2010 (as amended of July 1, 2021). *Collection of legislation of the RF*, 2011, no. 1, art. 48; 2021, no. 27, art. 5092. (In Russ.)

Информация об авторах

А. Г. Репьев — доктор юридических наук, доцент;

А. М. Репьева — кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. G. Repnev — Doctor of Law, Associate Professor;

A. M. Repyeva — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 27.12.2021; одобрена после рецензирования 13.01.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 27.12.2021; approved after reviewing 13.01.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 342
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-98-103>

Концепции конституционно-правового регулирования организации и функционирования муниципальной милиции в современной России

Русаков Михаил Иванович¹, Цветков Владимир Владимирович²

^{1,2}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹rusakovmikhail@gmail.com

²Tsvetkov_vv@mail.ru

Аннотация. В 2020 году в Конституцию Российской Федерации было внесено значительное количество поправок. Изменения затронули многие сферы правового регулирования, в том числе и перечень вопросов местного значения. В статье предпринята попытка системного осмысления несостоятельности реформирования правоохранительной системы и образования в ней новых звеньев без утвержденной концепции. Также оценивается опыт публичной власти в организации муниципальной милиции.

Ключевые слова: местное самоуправление, вопросы местного значения, организация муниципальной милиции, правовое регулирование муниципальной милиции в современной России

Для цитирования: Русаков М. И., Цветков В. В. Концепции конституционно-правового регулирования организации и функционирования муниципальной милиции в современной России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 98—103. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-98-103>.

Original article

Concepts of constitutional and legal regulation of the organization and functioning of municipal police in modern Russia

Mikhail I. Rusakov¹, Vladimir V. Tsvetkov²

^{1,2} Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹rusakovmikhail@gmail.com

²Tsvetkov_vv@mail.ru

Abstract. In 2020 a significant number of amendments were made to the Constitution of the Russian Federation. The changes affected many areas of legal regulation, including the list of issues of local importance. The article attempts to systematically comprehend the failure of reforming the law enforcement system and the formation of new links in it without an approved concept. The experience of public authorities in the organization of municipal police is also evaluated.

Keywords: local self-government, issues of local importance, organization of municipal militia, legal regulation of municipal militia in modern Russia

For citation: Rusakov M. I., Tsvetkov V. V. Concepts of constitutional and legal regulation of the organization and functioning of municipal police in modern Russia. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 98—103. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-98-103>.

Муниципальная милиция как самостоятельный орган местного самоуправления, выполняющий правоохранительные или правозащитные функции в истории России, не существовала

никогда. Прошлое и современное правовое регулирование организации и функционирования муниципальной (местной) милиции тесным образом связано с экспериментами в области

© Русаков М. И., Цветков В. В., 2022

обеспечения общественной безопасности, а также организации правопорядка и безопасности в общественных местах на территориях крупных населенных пунктов органами, выполняющими публичные функции. Основным условием, при котором подобный эксперимент таковым признавался, являлось непосредственное участие местных властей и местного населения в создании и функционировании негосударственных правоохранительных организаций.

Говоря о генезисе представлений создания и функционирования местной правоохранительной организации, можно углубиться в историю древности, но практического значения это иметь не будет. Также можно использовать в качестве примеров традиции организации правоохранительной службы на других материках, но требования к кандидатам на должность «местного шерифа» придется устанавливать с учетом российских реалий. Даже можно поспорить о правильном, социально адаптированном наименовании правозащитной организации, разработать законопроект [6], вносить его в Государственную Думу Российской Федерации в каждом созыве в качестве инициативного, планового и чрезвычайно важного этапа в давно назревшей модернизации правоохранительной системы. Однако все исследования окажутся тщетными, законопроекты «сырыми» [7], если априори не определиться с концепцией самой идеи необходимости образования местной полиции, перечня ее компетенции и организационного взаимодействия с другими субъектами публичного управления.

Тридцать лет — это незначительный этап для истории развития нашего могучего государства. Однако именно возраст государства традиционно закладывается современными учеными в характеристику неудачных попыток преобразования милиции, полиции и создания местных правоохранительных структур. Проанализировав недолгую «жизненную историю» негосударственных правоохранительных органов, самостоятельно занимающихся обеспечением правопорядка и безопасности в общественных местах, можно выделить и несколько концепций, идеи которых должны быть заложены в основу всей гипотетической правоохранительной реформы.

Первый концепт формируется из постулата представлений о возможности решать жителями населенных пунктов (местным сообществом) самостоятельно и (или) через специально создаваемые органы часть публичных дел, в том числе и в обеспечении общественного

порядка (правопорядка) и (или) безопасности в общественных местах.

Исходя из этой идеи, эффективность создания и функционирования муниципальной милиции обусловлена рядом факторов. Среди основных можно назвать необходимость четкого правового регулирования на федеральном уровне статуса муниципальной милиции. Только закон позволит распределить функции и компетенции в правоохранительной сфере между носителями государственной и муниципальной власти. К примеру, если в Конституции Российской Федерации используется грамматическая конструкция «охрана общественного порядка» [2], тогда необходимо отражение в законе не только понятия «общественный порядок», но и полного перечня субъектов, которые его осуществляют, их компетентностной характеристики и формы взаимодействия, а также создание реальных условий для полного финансового обеспечения муниципальной правоохранительной организации со стороны местного сообщества в объеме, равном существующему. К примеру, выплата пенсий бывшим сотрудникам муниципальной правоохранительной службы будет возложена на местный бюджет. Должна быть проведена совместная кадровая, материальная и технологическая работа государственных и муниципальных органов для интегрирования в правоохранительную систему нового субъекта защиты прав.

В соответствии с этим концептом местной (муниципальной) милицией (полицией) может называться самостоятельный орган, входящий в систему (структуру) органов местного самоуправления. Реализация идеи могла бы изменить множество существующих юридических положений, регламентирующих организационные формы местного самоуправления. К примеру, статья 34 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] (далее — ФЗ № 131) начиналась бы следующей формулировкой: «Структуру органов местного самоуправления составляют представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования), контрольно-счетный орган муниципального образования, муниципальная милиция, иные органы ...». Таким образом, *муниципальная милиция* должна представлять собой *орган местного самоуправления, наделенный собственными полномочиями в правоохранительной*

сфере. Перечисленные обстоятельства наглядно демонстрируют, что без серьезной, детально проработанной государственной программы реформирования правоохранительной службы реализовать идею не удастся.

Принцип организационной обособленности муниципальной милиции в системе органов местного самоуправления получил свое развитие в нескольких законопроектах. Их наличие определено законодательными актами, предметом регулирования которых является местное самоуправление. К примеру, почти 30 лет Конституция Российской Федерации указывала, что органы местного самоуправления самостоятельно осуществляют охрану общественного порядка. Статья 6 Федерального закона от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4] предусматривала в качестве предмета ведения местного самоуправления (вопроса местного значения) охрану общественного порядка, организацию и содержание муниципальных органов охраны общественного порядка, осуществление контроля за их деятельностью. Пришедший на смену ФЗ № 131 в целом ряде статей прямо предусматривает наличие такого органа, как муниципальная милиция. В соответствии с ФЗ № 131 основной функциональной характеристикой муниципальной милиции должна быть организация охраны общественного порядка на территории муниципального образования. Если быть точнее, на территории муниципального округа, муниципального района, городского округа и городского округа с внутригородским делением. Для других видов муниципальных образований создание муниципальной милиции не предусмотрено. В переходных положениях ФЗ № 131 указано, что порядок организации и деятельности муниципальной милиции должен регулироваться отдельным федеральным законом.

Отсутствие закона о муниципальной милиции не означает полное бездействие правотворца. В череде разработок наибольший интерес общественности вызвал законопроект, внесенный в Государственную Думу Российской Федерации осенью 2014 года [6]. Текст законопроекта получил широкое распространение в сети «Интернет» и электронных справочных правовых ресурсах. В соответствии с законопроектом муниципальная милиция должна была выполнять функции по охране общественного порядка; профилактике преступлений и административных правонарушений; предупреждения

и пресечения преступлений; производства по делам об административных правонарушениях; оказания помощи гражданам, должностным лицам, организациям и общественным объединениям в осуществлении их прав и законных интересов; охраны объектов муниципальной собственности; осуществления контроля выполнения муниципальных решений по вопросам охраны общественного порядка и ряд иных полномочий. Авторы законопроекта не видели необходимости создавать муниципальную милицию в городах федерального значения и закрытых административно-территориальных образованиях.

Несмотря на обособленность и самостоятельность как органа местного самоуправления, у муниципальной милиции просматривалась организационная зависимость от других органов публичного управления. Модель формирования и функционирования муниципальной милиции выглядела довольно сложно и подразумевала участие органов государственной власти как федерального, так и регионального уровня, а также органов местного самоуправления и жителей муниципального образования. К примеру, жители муниципального образования с помощью прямого избрания замещали бы должности начальника муниципальной милиции и участковых уполномоченных муниципальной милиции. Органы местного самоуправления назначали бы заместителей начальника муниципальной милиции, а также присваивали ряд званий муниципальной службы. Законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации формировалась бы квалификационная комиссия по приему экзаменов у кандидатов на должность начальника муниципальной милиции.

Поскольку в структуру муниципальной милиции предлагалось включить дежурные части, подразделения патрульно-постовой службы, участковых уполномоченных муниципальной милиции, инспекции (участковые инспекторы) по делам несовершеннолетних, исполнения административного законодательства и другие подразделения, считаем, что принятие этого законопроекта положило бы начало реформированию самой крупной по численности правоохранительной организации, то есть полиции. Факторный анализ показывает, что к такому шагу федеральная исполнительная власть того периода была просто не готова. Формально законопроект получил отрицательное заключение Правительства Российской Федерации и был отправлен на доработку. Неформально

законопроект не получил поддержку в Администрации Президента Российской Федерации.

Та же участь постигла и законопроект, внесенный в Государственную Думу Российской Федерации осенью 2016 года [7].

В основе второй концепции представления о муниципальной милиции заложен принцип современного понимания и функционирования муниципальной милиции. В подавляющем большинстве случаев никакой муниципальной милиции как самостоятельного правоохранительного муниципального органа вообще не существует. В качестве типичного примера обычно ссылаются на наличие в структуре местной администрации городского округа «Город Шахты» Ростовской области «инспекционного отдела» [11]. На отдел возлагается ряд полномочий правоохранительной направленности, именуемых в статутных муниципальных правовых актах функциями отдела. Среди прочих особого внимания заслуживают предупреждение, выявление и пресечение на территории муниципального образования отдельных видов административных правонарушений; применение мер административного воздействия к физическим и юридическим лицам, их совершившим, а также составление протоколов об административных правонарушениях по выявленным фактам нарушений.

Муниципальная милиция (инспекция, полиция) — это не самостоятельный орган в структуре органов местного самоуправления, а функциональный орган, выполняющий часть полномочий, возложенных на исполнительно-распорядительную власть при осуществлении муниципальной демократии. В довольно абстрактном виде можно сказать, что муниципальная милиция представляет собой наименование управления, департамента, отдела, группы и т. п., входящего в систему местной администрации. По такому типу создано Управление муниципальной милиции в Златоустовском городском округе Челябинской области [8]. Несмотря на семилетнюю историю ее функционирования, это скорее «исключение из правил», чем общероссийский тренд. Даже если и создаются подобные подразделения, существуют они, как правило, не долго. К примеру, в городе Ижевске Удмуртской Республики Управление муниципальной милиции Администрации города Ижевска перестало существовать в 2020 году [9]. В ходе административного реформирования ее полномочия в области охраны общественного порядка теперь осуществляет Управление общественной безопасности

Администрации города Ижевска. В той же республике функционирует муниципальное казенное учреждение «Муниципальная милиция» г. Сарапула [10]. Среди привычного перечня полномочий местных администраций в правоохранительной сфере в уставе муниципального учреждения выделяются организация деятельности административной комиссии в городском округе в качестве переданного государственно-полномочия, а также охрана здания администрации города.

Концепция понимания муниципальной милиции как самостоятельного структурного подразделения в местной администрации не получила широкого распространения. В общем виде все правоохранительные или правозащитные полномочия местной администрации можно разделить на три большие группы. Первую группу будут образовывать полномочия по реализации контрольных функций в жилищной, земельной, градостроительной, экологической, дорожной и иных сферах деятельности местной администрации. Во вторую будут входить полномочия по самостоятельному созданию и обеспечению функционирования подконтрольных учреждений и структурных подразделений местной администрации, целью которых является обеспечение общественного порядка, а также взаимодействие с системой правоохранительных органов государственной власти и гражданского общества. В третью группу войдут отдельные государственные полномочия, осуществление которых связано с обеспечением безопасности. Таким образом, *муниципальная милиция — наименование функционального органа местной администрации, имеющего набор полномочий в правоохранительной сфере.*

Третий концепт выстраивается на понимании невозможности государственного и муниципального паритета в организации и функционировании правоохранительной системы. Правоохрана, правозащита, а равно и применение принуждения для обеспечения права — задача, форма реализации, функция, компетенция лишь только государственных органов. Ответственные объединения правоохранительной направленности, адвокатура и т. п. традиционно относятся к квазиправоохранительным органам. Исходя из формальных признаков, к ним тяготеют и органы местного самоуправления.

Принцип территориальной организации правоохранительной системы представляет собой создание и функционирование, к примеру, органов внутренних дел на определенной территории с определенным количеством

проживающего населения. Низшими звеньями такой организации на сегодняшний день выступают управления, отделы, отделения МВД России по муниципальным образованиям. Ступенчатость правового регулирования организации деятельности этих подразделений замыкается на типовом положении о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне [5]. Таким образом, *муниципальная милиция — это совокупность территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне.*

Четвертый концепт сегодня выглядит довольно утопично. Он характерен для общества с высочайшим уровнем правосознания, выражающегося в реальной и легально закрепленной возможности жителей населенных пунктов (части территории населенного пункта) самостоятельно выявлять и пресекать нарушения законности, правопорядка, осуществлять контроль за обеспечением общественной безопасности.

По сути, речь идет о наименовании одной из форм общественного объединения, целью которой является не только содействие государственным правоохранительным органам, но и при необходимости частичное выполнение их функций, полномочий. К формам такой деятельности можно отнести патрулирование в общественных местах; выявление нарушителей правил выгула домашних животных, курения, распития алкоголя в общественных местах; гражданское задержание и доставление в органы внутренних дел правонарушителей; розыск правонарушителей и безвестно отсутствующих; сообщение о фактах нарушения антикоррупционного законодательства и многое другое.

Самоорганизация или самодеятельность местных жителей в правоохранительной сфере по своей сути закладывает понимание *муниципальной милиции как особой разновидности общественных объединений, основной уставной целью которых является обеспечение правопорядка и общественной безопасности на территории (части территории) муниципального образования.*

Несовершенство правового регулирования на государственном уровне не позволило выработать единое представление о создании и функционировании муниципальной (местной) милиции по сегодняшний день. Проведенная конституционная реформа 2020 года позволяет исследователям правовой материи по-новому взглянуть на перспективы создания

и функционирования муниципальной милиции в современной России. Исключение из текста Конституции Российской Федерации охраны общественного порядка как вопроса местного значения [1] подчеркивает, что время для реформирования самого важного звена правоохранительной системы еще не настало.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.12.2021).
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ (утратил силу) // Российская газета. 1995. 1 сентября.
5. Об утверждении Типового положения об отделе (отделении, пункте) полиции территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне: приказ МВД России от 1 сентября 2017 г. № 690. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
6. О муниципальной милиции в Российской Федерации: проект федерального закона № 621910-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/621910-6> (дата обращения: 14.12.2021).
7. О муниципальной милиции в Российской Федерации: проект федерального закона № 385-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/385-7> (дата обращения: 14.12.2021).
8. Официальный сайт Златоустовского городского округа. URL: https://www.zlat-go.ru/municipal_police/ (дата обращения: 14.12.2021).
9. Глава Ижевска опроверг слухи о расформировании муниципальной милиции. URL: <https://udm-info.ru/news/city/28-01-2021/glava-izhevskia-oproverg-sluhi-o-rasformirovanii-munitsipalnoy-militsii> (дата обращения: 14.12.2021).
10. Устав муниципального казенного учреждения «Муниципальная милиция г. Сарapulа» от 19 июля 2016 г. URL: <http://www.adm-sarapul.ru/city/bezopasnost-i-pravoporyadok/mku-mun-militsiya/ustav-mkumm.PDF> (дата обращения: 14.12.2021).
11. Официальный сайт Администрации города Шахты. URL: <http://www.shakhty-gorod.ru/municipal-inspection/> (дата обращения: 14.12.2021).

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote of December 12, 1993 (with changes approved during the all-Russian vote of July 1, 2020). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/0001202007040001> (accessed 14.12.2021). (In Russ.)
2. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote of December 12, 1993. *Rossiyskaya Gazeta*, 1993, December 25. (In Russ.)
3. On the General principles of the Organization of Local Self-government in the Russian Federation: federal law no. 131-FZ of October 6, 2003. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 14.12.2021). (In Russ.)
4. On the general principles of the Organization of local self-government in the Russian Federation: federal law no. 154-FZ of August 28, 1995 (expired). *Rossiyskaya Gazeta*, 1995, September 1. (In Russ.)
5. On approval of the Model Regulation on the department (department, point) of the police of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the district level: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 690 of September 1, 2017. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 14.12.2021). (In Russ.)
6. On Municipal Police in the Russian Federation: draft federal law no. 621910-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/621910-6> (accessed 14.12.2021). (In Russ.)
7. On Municipal Police in the Russian Federation: draft federal law no. 385-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/385-7> (accessed 14.12.2021). (In Russ.)
8. Official website of Zlatoust city district. URL: https://www.zlat-go.ru/municipal_police/ (accessed 14.12.2021). (In Russ.)
9. The head of Izhevsk denied rumors about the disbandment of the municipal police. URL: <https://udm-info.ru/news/city/28-01-2021/glava-izhevsk-a-oproverg-sluhi-o-rasformirovanii-munitsipalnoy-militsii> (accessed 14.12.2021). (In Russ.)
10. The Charter of the municipal state institution "Municipal Militia of Sarapul" dated July 19, 2016. URL: <http://www.adm-sarapul.ru/city/bezopasnost-i-pravoporyadok/mku-mun-militsiya/ustav-mkumm.PDF> (accessed 14.12.2021). (In Russ.)
11. Official website of the Administration of the city of Shakhty. URL: <http://www.shakhty-gorod.ru/municipal-inspection> (accessed 14.12.2021). (In Russ.)

Информация об авторах

М. И. Русаков — кандидат юридических наук;
В. В. Цветков — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

M. I. Rusakov — Candidate of Sciences (Law);
V. V. Tsvetkov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 343.7
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-104-108>

Посягательство на жизнь мнимо беременной женщины

Ситникова Александра Ивановна

Юго-Западный государственный университет, Орел, Россия, orcrimpravo@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть доктринальные взгляды на квалификацию посягательства, причинившего смерть мнимо беременной женщине, и внести предложение по разрешению данной проблемы. В качестве методологической основы данного исследования использован диалектический метод в совокупности с инструментальными методами познания.

В ходе изучения данного проблемного вопроса установлено, что более предпочтителен вариант квалификации убийства мнимо беременной женщины при ошибке в ее физиологических свойствах, предложенный представителями объективного подхода, и подтвержденный материалами судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. Подвергнута критике квалификация убийства мнимо беременной женщины в виде покушения на жизнь заведомо беременной женщины, а также в качестве совокупности преступлений по различным основаниям, высказанным в данной статье. Показано, что вариант квалификации мнимо беременной женщины в виде совокупности преступлений, разработанный представителями объективно-субъективного направления, вызывает ряд неразрешимых проблем. По результатам работы автор приходит к выводу, что для осуществления адекватной уголовно-правовой оценки действий виновного, посягнувшего на жизнь женщины при наличии субъективной ошибки в ее физиологических свойствах, необходимо, чтобы Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал разъяснение по поводу квалификации убийства по пункту «г» части 2 статьи 105 УК РФ.

Ключевые слова: мнимо беременная женщина, доктринальные подходы к квалификации, отличие оконченного и неоконченного посягательства на жизнь мнимо беременной женщины

Для цитирования: Ситникова А. И. Посягательство на жизнь мнимо беременной женщины // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 104—108. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-104-108>.

Original article

Encroachment on the life of an allegedly pregnant woman

Alexandra I. Sitnikova

Southwest State University, Orel, Russian Federation, orcrimpravo@yandex.ru

Abstract. In article is attempted to consider the doctrinal views on the qualification of an assault that caused the death of an allegedly pregnant woman and to make a proposal to resolve this problem. The dialectical method in combination with instrumental methods of cognition is used as the methodological basis of this study.

Studying this problem, it is established that the variant of the qualification of the murder of an allegedly pregnant woman with an error in her physiological properties, proposed by representatives of the objective approach, and confirmed by the materials of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation is more preferable. The qualification of the murder of an allegedly pregnant woman in the form of an attempt on the life of an obviously pregnant woman, as well as a set of crimes on various grounds specified in this article is criticized. It is shown that the variant of the qualification of an allegedly pregnant woman in the form of a set of crimes developed by representatives of the objectively- subjective direction, causes a number of unsolvable problems.

Thus, in order to carry out an adequate criminal legal assessment of the actions of the perpetrator who encroached on the life of a woman in the presence of a subjective error in her physiological properties, it

© Ситникова А. И., 2022

is necessary that the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation give an explanation about the qualification of murder according to paragraph “g” of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code.

Keywords: an imaginary pregnant woman, doctrinal approaches to qualification, the difference between completed and unfinished encroachment on the life of an imaginary pregnant woman

For citation: Sitnikova A. I. Encroachment on the life of an allegedly pregnant woman. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 104—108. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-104-108>.

Законодатель вполне оправданно признал жизнь беременной женщины более ценным объектом, чем жизнь небеременной женщины, и в этой связи предусмотрел квалифицированный вид убийства, который сформулирован в пункте «г» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Квалификация действий виновного в виде оконченных составов по данному пункту не вызывает затруднений в двух случаях: во-первых, субъект, достоверно зная о наличии беременности у женщины, убивает ее; во-вторых, субъект, желая лишить жизни знакомую беременную женщину, совершает посягательство на жизнь другой беременной женщины в силу фактической ошибки в личности потерпевшей. Присутствие этой двойственной ситуации не вызывает затруднений у правоприменителя и при квалификации действий виновного, частично реализовавшего умысел на убийство беременной женщины при наличии или отсутствии ошибки в ее личности. Уголовно-правовая оценка действий посягающего осуществляется по части 3 статьи 30 и пункту «г» части 2 статьи 105 УК РФ как покушение на жизнь беременной женщины.

Длительная научная полемика, трудности правоприменительной практики при оценке действий лица, посягнувшего на жизнь женщины с учетом ошибки в ее физиологических свойствах, обусловили неразрешенность данной проблемы при уголовно-правовой оценке действий субъекта. При этом возможно наличие двух видов ошибок, связанных с физиологическими свойствами потерпевшей: 1) умысел у виновного возник на убийство беременной женщины, а в действительности он лишил жизни небеременную (мнимо беременную) женщину (термин «мнимо беременная женщина» введен в научный оборот в 2007 г. и утвердился в литературе [1, с. 20—31], 2) виновный имел намерение посягнуть на жизнь женщины, не находящейся в состоянии беременности, а фактически лишил жизни беременную женщину.

Проблемы квалификации посягательства на жизнь мнимо беременной женщины. По данному вопросу в доктрине уголовного права велась и ведется многолетняя дискуссия, в ходе

которой сформировались три научных подхода: объективный, субъективно-объективный и субъективный.

Сторонники объективного подхода (Л. А. Андреева и ее последователи) предлагают квалифицировать действия виновного, причинившего смерть потерпевшей и заблуждавшегося в отношении ее беременности, как оконченное убийство без отягчающих признаков по части 1 статьи 105 УК РФ [2, с. 15]. Свою позицию указанный автор аргументирует необходимостью толкования в пользу субъекта преступления его неосведомленности относительно реальных физиологических свойств потерпевшей. Данный подход к квалификации содеянного отражен в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2004 года № 361п04пр.

В ходе рассмотрения материалов уголовного дела судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации установила, что знакомая виновного К. сообщила ему, что она беременна и потребовала деньги, угрожая в противном случае заявить о том, что К. якобы ее изнасиловал. К. воспринял сообщение потерпевшей о беременности как состоявшийся факт и совершил убийство.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что потерпевшая в состоянии беременности не находилась. Президиум Верховного Суда Российской Федерации квалифицировал действия К. по части 1 статьи 105 УК РФ и исключил часть 3 статьи 30 и пункт «г» части 2 статьи 105 УК РФ, обосновав тем, что умысел К. на лишение жизни потерпевшей был полностью реализован и квалификация его действия в качестве покушения на убийство беременной женщины является излишней [3].

Представители условно субъективного подхода (А. В. Наумов, А. Н. Попов, А. И. Коробеев, С. В. Бородин, Г. Н. Борзенков, И. Я. Козаченко и другие ученые-криминалисты) главенствующим при квалификации признают субъективный признак, закрепленный в пункте «г» части 2 статьи 105 УК РФ, заведомое знание о наличии беременности у потерпевшей. В рамках этого подхода сформулированы два варианта

квалификации посягательства на жизнь мнимой беременной женщины: содеянное квалифицируется как покушение на убийство с отягчающими признаками по части 3 статьи 30 и пункту «г» части 2 статьи 105 УК РФ либо как оконченное квалифицированное убийство беременной женщины по пункту «г» части 2 статьи 105 УК РФ.

Сторонники квалификации действий виновного при посягательстве на жизнь мнимой беременной как покушения на жизнь беременной женщины в первую очередь учитывают содержание и направленность умысла, что соответствует принципу субъективного вменения [4, с. 344—345; 5, с. 217—218; 6, с. 465]. Эту позицию полностью поддерживает А. И. Рарог, который фактически допускает наличие юридической фикции при квалификации преступлений с ошибочным предположением о существовании квалифицирующего признака [7, с. 183]. На наш взгляд, такой подход создает квалификационную фикцию. Приверженцы этого взгляда на квалификацию мнимой беременной обосновывают признание в действиях субъекта покушения наличием обстоятельства, не зависящего от посягающего. Таким обстоятельством они признают ошибку в физиологических свойствах потерпевшей.

Однако аксиоматичными в легальной формуле покушения являются: 1) прерванность преступных действий; 2) наличие не зависящих от лица обстоятельств, в силу которых преступление не доводится до конца; 3) обязательность осознания виновным возможности доведения преступления до конца; 4) при покушении имеет место сохранность жизни потерпевшей при различной степени тяжести вреда ее здоровью.

При совершении посягательства на жизнь мнимой беременной женщины отсутствуют такие объективные признаки, как прерванность преступных действий и воздействие на неполную завершенность посягательства не зависящих от лица обстоятельств. Кроме того, виновное лицо осознает возможность доведения преступления до конца и причиняет смерть потерпевшей.

Полагаем, признание обстоятельством не доведения посягательства до конца выступает субъективной ошибкой в физиологических свойствах потерпевшей, которая не является внешним обстоятельством и как таковая не может быть признаком покушения в случае убийства мнимой беременной женщины.

Вариант квалификации убийства потерпевшей как покушения на преступление с отягчающим признаком не учитывает реально наступившего последствия в виде смерти мнимой беременной женщины.

В судебной практике могут иметь место случаи реального покушения на жизнь мнимой беременной женщины. При этом умысел виновного не будет реализован до конца не в связи с субъективной ошибкой в физиологических свойствах потерпевшей, а по не зависящим от посягающего внешним обстоятельствам, например, в случае оказания успешного сопротивления женщиной либо вмешательства третьих лиц или своевременного оказания медицинской помощи потерпевшей. Таким образом, следуя подходу субъективистов, квалификация посягательства на жизнь мнимой беременной женщины будет неразрешенной, поскольку фактическое покушение на жизнь женщины, ошибочно принятой за беременную, придется квалифицировать как «покушение на покушение», сочетающее в себе реальное и фиктивное покушения.

Считаем, фактически наступившее последствие в виде смерти небеременной женщины отражает большую степень общественной опасности посягательства, чем наличие умысла на убийство беременной. Умысел в силу субъективных причин изменчив, может трансформироваться или осуществляется частично, а последствие в виде смерти в случае убийства мнимой беременной женщины всегда реально имеет место.

Кроме того, вызывает интерес соотношение максимальных санкций в виде лишения свободы за убийство по ч.1 ст.105 УК РФ и покушения на жизнь по пункту «г» части 2 статьи 105 УК РФ. Максимальное наказание по части 1 статьи 105 УК РФ — 15 лет лишения свободы, а за покушение на жизнь мнимой беременной женщины максимальное лишение свободы не должно превышать 14 лет. Исходя из этого, возникает вопрос: стоит ли квалифицировать посягательство на жизнь мнимой беременной женщины как покушение, если максимальный срок лишения свободы за неоконченное преступление и максимальный срок лишения свободы за оконченное «простое» убийство практически равны?

Ученые (С. В. Бородин, Г. Н. Борзенков, В. И. Шиян, В. Г. Гриб), будучи приверженцами квалификации посягательства на жизнь мнимой беременной женщины в виде оконченного квалифицированного состава, считают объективным подход к квалификации содеянного при субъективной ошибке более адекватным, поскольку он учитывает реальный факт в виде смерти потерпевшей, а не субъективную ошибку виновного лица. Последователи этого варианта квалификации полагают, что субъект может действовать и с косвенным умыслом, то есть

безразлично относиться к состоянию беременности. Следует согласиться с мнением С. В. Бородина, согласно которому заведомость знания о биологическом состоянии потерпевшей имеет отношение не к действительности, а лишь к ничем не подтвержденному заявлению женщины о состоянии беременности [8, с. 135].

Поддерживая наличие косвенного умысла у субъекта, совершившего причинение смерти мнимо беременной женщины, отметим, что субъект не только желает причинения смерти женщине при наличии ошибки в ее биологических свойствах, но и сознательно допускает данное состояние в силу того, что беременность является презюмируемым состоянием женщины в возрасте деторождения. В этой связи сторонники варианта квалификации в виде оконченного убийства с косвенным умыслом исключают возможность квалификации в виде покушения на жизнь небеременной женщины по части 3 статьи 30 и пункту «г» части 2 статьи 105 УК РФ.

Представители объективно-субъективно-го варианта квалификации причинения смерти женщине, ошибочно принятой за беременную (Э. Ф. Побегайло, Н. К. Семернева, М. В. Архипова), полагают, что более точной является признание в действиях посягнувшего лица совокупности преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 105, частью 3 статьи 30 и пункту «г» части 2 статьи 105 УК РФ. Эта группа ученых делает попытку объединить заведомость наличия беременности у потерпевшей и причинение ей смерти.

Из предложенной квалификационной записи следует, что посягательство совершено на двух женщин, в результате чего одной причинена смерть, а на другую совершено покушение. В действительности потерпевшей является одна женщина, а виновный привлекается к уголовной ответственности за двойное преступление, что противоречит принципу справедливости (ч. 2 ст. 6 УК).

Отметим, что предложенный сторонниками объективно-субъективного подхода вариант квалификации не позволяет дать точную уголовно-правовую оценку действиям виновного, совершившего покушение на жизнь мнимо беременной женщины, поскольку в данном случае имеет место нонсенс: «квазипокушение на совокупность преступлений».

В заключение отметим, что в доктрине уголовного права существуют различные взгляды относительно уголовно-правовой оценки действий виновного, причинившего смерть женщине при наличии ошибки в ее физиологических

свойствах. В правоприменительной практике имеют место противоречивые варианты квалификации действий субъекта, посягнувшего на жизнь мнимо беременной женщины, а Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК)» от 27 января 1999 года обошел вниманием единственный квалифицированный состав убийства, сформулированный в пункте «г» части 2 статьи 105 УК РФ — «Убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности».

На наш взгляд, для решения насущной проблемы квалификации убийства, предусмотренного пунктом «г» части 2 статьи 105 УК РФ, необходимо, чтобы Пленум Верховного Суда Российской Федерации рассмотрел данный вопрос и восполнил пробел, имеющий место в постановлении, а также дал разъяснения нижестоящим судам по квалификации оконченных и неоконченных видов убийства женщины при наличии фактической ошибки в ее личности и физиологических свойствах. Нам представляется необходимым из пункта «г» части 2 статьи 105 УК РФ исключить субъективный признак заведомого знания о наличии беременности у потерпевшей, которой причинена смерть. Переформулировка квалифицирующего признака позволит устранить непреодолимое препятствие при уголовно-правовой оценке действий виновного, совершившего посягательство на жизнь женщины при наличии субъективной ошибки в личности потерпевшей и ее физиологическом состоянии. Достаточно того, что признак заведомости содержится в пункте «з» части 1 статьи 63 УК РФ и может быть учтен при назначении наказания как отягчающее обстоятельство. Учет указанного обстоятельства, отягчающего наказание при посягательстве на жизнь заведомо беременной женщины, дает возможность применить принцип субъективного вменения и адекватно оценить действия виновного, причинившего смерть беременной женщине.

На наш взгляд, предложенное изменение в пункте «г» части 2 статьи 105 УК РФ позволит внести необходимые дополнения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года и разрешить проблему квалификации действий субъекта, посягнувшего на жизнь женщины при наличии ошибки в ее физиологических свойствах:

1) при посягательстве на жизнь мнимо беременной женщины действия виновного подлежат квалификации по части 1 статьи 105 УК РФ;

2) при посягательстве на жизнь небеременной женщины, фактически находившейся в состоянии беременности, содеянное следует квалифицировать по пункту «г» части 2 статьи 105 УК РФ.

Предложенные варианты квалификации с учетом содержания пункта «з» части 1 статьи 63 УК РФ дают возможность оценить действия виновного лица в соответствии с принципом субъективного вменения, а также отразить реальные последствия и тем самым обеспечить квалификацию посягательства при наличии не только прямого, но и косвенного умысла в случае ошибки в физиологических свойствах потерпевшей.

Список источников

1. Ситникова А. И. Оконченное и неоконченное посягательство на жизнь мнимой беременной женщины // Российский следователь. 2007. № 14. С. 29—31.
2. Андреева Л. А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах. СПб., 1998. 56 с.
3. URL: <https://base.garant.ru/135848/#friends> (дата обращения: 07.12.2021)
4. Попов А. Н. Убийство при отягчающих обстоятельствах. СПб.: Юридический центр прессы, 2003. 898 с.
5. Наумов А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М.: Волтерс-Клувер, 2005. 1024 с.

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Чучаева. М.: Проспект, 2018. 1536 с.

7. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 304 с.

8. Бородин С. В. Преступления против жизни. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 467 с.

References

1. Sitnikova A. I. Completed and unfinished encroachment on the life of an imaginary pregnant woman. *Russian investigator*, 2007, no. 14, pp. 29—31. (In Russ.)
2. Andreeva L. A. Qualification of murders committed under aggravating circumstances. St. Petersburg, 1998. 56 p. (In Russ.)
3. URL: <https://base.garant.ru/135848/#friends> (accessed 07.12.2021). (In Russ.)
4. Popov A. N. Murder under aggravating circumstances. St. Petersburg: Legal center press Publ., 2003. 898 p. (In Russ.)
5. Naumov A. V. The practice of applying the Criminal Code of the Russian Federation: a commentary on judicial practice and doctrinal interpretation. Moscow: Volters-Kluver Publ., 2005. 1024 p. (In Russ.)
6. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / ed. by A. I. Chuchavaeva. Moscow: Prospekt Publ., 2018. 1536 p. (In Russ.)
7. Rarog A. I. Qualification of crimes on subjective grounds. St. Petersburg: Legal Center Press Publ., 2002. 304 p. (In Russ.)
8. Borodin S. V. Crimes against life. St. Petersburg: Legal Center Press Publ., 2003. 467 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. И. Ситникова — доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

A. I. Sitnikova — Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.12.2021; одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 16.12.2021; approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 342
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-109-112>

Военная безопасность: проблемы правового регулирования

Станкин Алексей Николаевич

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия, ans77@list.ru

Аннотация. Целью работы является исследование проблем правового регулирования в сфере военной безопасности. Предметом исследования являются нормативные правовые акты, регламентирующие военную безопасность Российской Федерации. В ходе исследования применены методы: диалектический, логический, системный, формально-юридический. Выявлены отдельные проблемы правового регулирования в сфере военной безопасности, в частности диссонанс между положениями федеральных законов «О безопасности» и «Об обороне», проблемы «узкого» и «широкого» понимания законодательства в данной сфере. Исследование может послужить импульсом для совершенствования законодательства в соответствующей сфере, а также основой для дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: безопасность, военная безопасность, законодательство, оборона, коллизия норм

Финансирование: статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-011-00083 А «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности».

Для цитирования: Станкин А. Н. Военная безопасность: проблемы правового регулирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 109—112. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-109-112>.

Original article

Military security: problems of legal regulation

Alexey N. Stankin

Tolyatti State University, Tolyatti, Russian Federation, ans77@list.ru

Abstract. The purpose of the work is to study the problems of legal regulation in the field of military security. The subject of the study is the normative legal acts regulating the military security of the Russian Federation. In the course of the research, the following methods were applied: dialectical, logical, systematic, formal and legal. Some problems of legal regulation in the field of military security are identified, in particular, the dissonance between the provisions of the federal laws “On Security” and “On Defense”, the problems of “narrow” and “broad” understanding of legislation in this area. The study can serve as an impetus for improving legislation in the relevant field, as well as a basis for further scientific research.

Keywords: security, military security, legislation, defense, conflict of norms

Funding: the article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project № 19-011-00083 A “Legal responsibility in the mechanism of ensuring national security”.

For citation: Stankin A. N. Military security: problems of legal regulation. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 109—112. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-109-112>.

В силу своей важности законодательство в сфере военной безопасности имеет особое значение. Вместе с тем законодательное регулирование сферы военной безопасности

вызывает ряд вопросов. В частности статья 5 Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ (редакция от 9 ноября 2020 г.) «О безопасности» [1] в правовую основу обеспечения

© Станкин А. Н., 2022

безопасности включает как законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, так и законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. А пункт 1 статьи 3 Федерального закона 31 мая 1996 года № 61-ФЗ (редакция от 11 июня 2021 г.) «Об обороне» [2] к законодательству относит только законодательные акты федерального уровня; в то же время законом делегируется решение части вопросов на уровень Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Тем самым в законодательстве об обороне до сих пор презюмируется узкое понимание законодательной основы как совокупности нормативных правовых актов, принятых высшим законодательным (представительным) органом государственной власти. Но в правотворческой практике законодатель уже давно отошел от узкого понимания законодательства к более широкому, как совокупности не только законов, но и иных нормативных правовых актов, в том числе принимаемых на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Широкий подход применяется не только в изложении кодифицированных актов, но и в более узкоспециализированном законодательстве, например определяющем основы обеспечения пожарной безопасности [3].

Р. Л. Иванов отмечает, что применение различных подходов для определения объема понятия «законодательство» приводит к усложнению правореализации, вынуждая заинтересованных субъектов выяснять, какие нормативные правовые акты в него включены [4, с. 9]. В частности, пункт 27 Положения о проведении военных сборов предусматривает распространение статуса военнослужащих на граждан, которые на них призваны, в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации в области обороны [5]. Однако абзац 2 пункта 2 статьи 2 Федерального закона от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» устанавливает, что такие случаи и порядок могут определяться не только федеральными законами, но и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации [6], которые формально в состав законодательства об обороне не входят.

Для квалифицированного юриста не составляет труда понять, что никакой коллизии в данном случае нет, поскольку должны применяться положения нормативного правового акта,

имеющего большую юридическую силу. Тем не менее сложилась судебная практика, при которой суды отказывались применять подзаконные акты в связи с тем, что они «не входят в состав законодательства» [7—9]. Как представляется, во избежание подобных проблем целесообразно в статье 3 Федерального закона «Об обороне» осуществить изменение правовой основы путем ее дополнения нормативными правовыми актами, принимаемыми Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления.

В научной литературе отмечается, что правотворческая деятельность органов публичной власти в сфере обеспечения военной безопасности далека от совершенства, поскольку привела к возникновению следующих проблем:

— принято множество нормативных правовых актов, но они не образуют единую, взаимосвязанную, иерархически выстроенную и соподчиненную систему; в то же время до сих пор отсутствуют такие важные законодательные акты, как, например, Федеральный закон «О вооруженных силах Российской Федерации»;

— понятийный аппарат слабо развит, противоречив, имеет пробелы и характеризуется юридическими коллизиями;

— положения принятых законодательных актов в недостаточной степени отражают состояние военной безопасности и не в полной мере научно обоснованы;

— законодательная база нестабильна, подвержена частым изменениям, в том числе в целях удовлетворения интересов отдельных государственных органов, не соответствует уровню современных угроз и предъявляемым руководством страны требованиям;

— правовые нормы зачастую противоречивы, фрагментарны, имеют двоякое толкование, созданы с несоблюдением правил юридической техники, многие из них являются бланкетными [10, с. 18—19].

К указанным проблемам можно добавить наличие такого негативного фактора в правотворческой деятельности по обеспечению военной безопасности, как декларативность.

Одним из примеров правотворческой недоработки являются положения Федерального закона «Об обороне» и Федерального конституционного закона от 30 января 2002 года № 1-ФКЗ (редакция от 1 июля 2017 г.) «О военном положении» относительно организации территориальной

обороны. В 2017 году Правительство Российской Федерации подготовило законопроект о внесении изменений в статью 22 Федерального закона «Об обороне» в части создания штабов территориальной обороны с момента введения военного положения. После принятия проекта закона в первом чтении обнаружилось, что Федеральный конституционный закон «О военном положении» вообще не содержит упоминаний о территориальной обороне, что на практике может привести к рассогласованию в управлении мероприятиями территориальной обороны и мероприятиями по обеспечению и поддержанию режима военного положения. В результате закон был дополнен статьей 10.1 о введении территориальной обороны в местностях, где введено военное положение.

По сути, система мероприятий по территориальной обороне должна дополнять меры, применяемые для обеспечения режима военного положения. Однако часть из них совпадает, например, меры по охране важных объектов, по борьбе с диверсионными формированиями, по организации снабжения населения товарами. При этом органы местного самоуправления, организующие деятельность штабов территориальной обороны в муниципальных образованиях, к субъектам обеспечения режима военного положения не отнесены.

Не добавляет ясности в вопросе о том, какие органы за что отвечают, мобилизация, объявляемая параллельно с введением военного положения, для организации которой предусматривается создание отдельных мобилизационных органов. Какой-либо комплексный законодательный подход в определении функций, полномочий, ответственности публичных органов в военное время отсутствует, что чревато пересечением их компетенции и спорами о ней. Несовершенство федерального законодательства находит отражение на нижестоящих уровнях власти. Например, глава администрации г. Красноперекоска наделил штаб территориальной обороны муниципального образования правом принятия актов, обязательных для исполнения «всеми без исключения органами управления и организациями, размещаемыми на территории муниципального образования городской округ Красноперекоск Республики Крым, независимо от их подчиненности, организационно-правовых форм и форм собственности, а также должностными лицами и гражданами». При этом штаб территориальной обороны также имеет право привлекать силы и средства для обеспечения режима военного положения, подменяя соответствующие субъекты.

Очевидно, что подобные негативные результаты правотворческой деятельности в сфере обеспечения военной безопасности в случае агрессии против нашей страны или ее непосредственной угрозы могут иметь серьезные последствия. Исследователи отмечают, что неразбериха в вопросах компетенции, дублирование функций были присущи органам власти в прежние периоды вооруженной борьбы [12, с. 50—52]. Тем более важно в мирное время устранить имеющиеся недостатки правотворчества, что позволит повысить уровень защищенности от военных опасностей, угроз и конфликтов. Как представляется, мероприятия по обеспечению военного положения и организации территориальной обороны непосредственно связаны друг с другом, поэтому следует наделить органы местного самоуправления полномочиями по обеспечению режима военного положения, для чего целесообразно внести соответствующие изменения в части 2 статьи 6 Федерального конституционного закона «О военном положении» и исключить из нее часть 3.

Параллельно необходимо уточнить компетенцию штабов территориальной обороны, поскольку не совсем понятно, каким образом они могут обеспечить выполнение всех мероприятий по территориальной обороне на своей территории, если осуществляют руководство и контролируют состояние только тех сил и средств, которые создаются органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации или муниципального образования (пп. 2, 3 п. 8, п. 10 ст. 22 Федерального закона «Об обороне»).

Список источников

1. О безопасности: федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1, ст. 2.
2. Об обороне: федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 23, ст. 2750.
3. О пожарной безопасности: федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35, ст. 3649.
4. Иванов Р. Л. Понятие законодательства в современном российском праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 3. С. 6—16.
5. О военных сборах и некоторых вопросах обеспечения исполнения воинской обязанности: постановление Правительства РФ от 29 мая 2006 г. № 333 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 23, ст. 2525.
6. О статусе военнослужащих: федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22, ст. 2331.

7. По жалобе гражданки Ивановой Ирины Николаевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 119 Налогового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2003 г. № 316-О. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102081749&backlink=1&nd=102087089&rdk=/> (дата обращения: 23.12.2021).

8. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 12 февраля 2015 г. № 10АП-16815/2014 по делу № А41-36288/14. URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 23.12.2021).

9. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 21 сентября 2015 г. № 10АП-9158/2015 по делу № А41-16275/15. URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 23.12.2021).

10. Вылугин В. В. Проблемные вопросы законодательной базы Российской Федерации в области обеспечения военной безопасности государства и возможные пути их решения // Совершенствование военного законодательства. По материалам научно-практической конференции на тему «Развитие российского военного законодательства на современном этапе (итоги, проблемы, перспективы)». М.: Издание Государственной Думы, 2013.

11. О создании штаба территориальной обороны муниципального образования городской округ Красноперекопск Республики Крым: постановление Администрации г. Красноперекопска Республики Крым от 24 ноября 2017 г. № 981. URL: <http://krp.rk.gov.ru> (дата обращения: 14.12.2021).

12. Румянцев П. А. Становление органов власти Среднего Поволжья в переходный период российской государственности 1990-х гг.: монография. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2012.

References

1. On security: federal law no. 390-FZ of December 28, 2010. *Collection of legislative acts of the RF*, 2011, no. 1, art. 2. (In Russ.)

2. On defense: federal law no. 61-FZ of May 31, 1996. *Collection of legislative acts of the RF*, 1996, no. 23, art. 2750. (In Russ.)

3. On fire safety: federal law no. 69-FZ of December 21, 1994. *Collection of legislative acts of the RF*, 1994, no. 35, art. 3649. (In Russ.)

4. Ivanov R. L. The concept of legislation in modern Russian law. *Bulletin of Omsk University. The series "Law"*, 2013, no. 3, pp. 6—16. (In Russ.)

5. On military training and some issues of ensuring the performance of military duty: decree of the Government of the Russian Federation no. 333 of May 29, 2006. *Collection of legislative acts of the RF*, 2006, no. 23, art. 2525. (In Russ.)

6. On the status of military personnel: federal law no. 76-FZ of May 27, 1998. *Collection of legislative acts of the RF*, 1998, no. 22, art. 2331. (In Russ.)

7. On the complaint of the citizen Ivanova Irina Nikolaevna in violation of her constitutional rights by paragraph 2 of article 119 of the Tax code of the Russian Federation the constitutional Court of the Russian Federation no. 316-О of July 10, 2003. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102081749&backlink=1&nd=102087089&rdk=/> (accessed 23.12.2022). (In Russ.)

8. The ruling of the Tenth arbitration appeal court no. 10АП-16815/2014 of February 12, 2015 in case no. А41-36288/14. URL: <http://www.garant.ru/> (accessed 23.12.2022). (In Russ.)

9. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal no. 10АП-9158/2015 of September 21, 2015 in case no. А41-16275/15. URL: <http://www.garant.ru/> (accessed 23.12.2022). (In Russ.)

10. Vylugin V. V. Problematic issues of the legislative framework of the Russian Federation in the field of ensuring the military security of the state and possible ways to solve them. Improvement of military legislation. Based on the materials of the scientific and practical conference on the topic "The development of Russian military legislation at the present stage (results, problems, prospects)". Moscow: Edition of the State Duma Publ., 2013. (In Russ.)

11. On the establishment of the territorial defense headquarters of the municipal formation Krasnopereokopsk City District of the Republic of Crimea: resolution of the Administration of the City of Krasnopereokopsk of the Republic no. 981 of Crimea of November 24, 2017. URL: <http://krp.rk.gov.ru> (accessed 14.12.2021). (In Russ.)

12. Rumyantsev P. A. Formation of the authorities of the Middle Volga region in the transitional period of Russian statehood in the 1990s: monograph. Togliatti: Togliatti State University Publ., 2012. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Н. Станкин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. N. Stankin — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.12.2021; одобрена после рецензирования 17.01.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 23.12.2021; approved after reviewing 17.01.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 343.9.018
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-113-119>

Современные тенденции зарубежных исследований терроризма

Ульянов Михаил Владимирович

Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, m.ulyanov2@yandex.ru

Аннотация. В статье приводятся данные зарубежных исследований терроризма. Рассматриваются последствия террористических актов 2001 года для сферы научного обеспечения. Отмечается значительная интенсификация научных исследований, выразившаяся в увеличении количества научных публикаций, тематических журналов, профильных институтов. Акцентируется внимание на основных направлениях научного поиска и научных работах, которые в наибольшей степени отражают характер современных зарубежных исследований террористической деятельности. Приводятся распространенные замечания критического характера, предъявляемые к работам в сфере противодействия терроризму, в том числе ограниченное использование первичного материала.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, международная террористическая организация, COVID-19, определение терроризма, типология, виды терроризма

Для цитирования: Ульянов М. В. Современные тенденции зарубежных исследований терроризма // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 113—119. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-113-119>.

Original article

Modern trends in foreign studies of terrorism

Mikhail V. Ulyanov

University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, m.ulyanov2@yandex.ru

Abstract. The article presents data from foreign studies of terrorism. The consequences of the terrorist acts of 2001 for the sphere of scientific support are considered. There is a significant intensification of scientific research, expressed in an increase in the number of scientific publications, thematic journals, specialized institutes. Attention is focused on the main directions of scientific research and scientific works, which to the greatest extent reflect the nature of modern foreign studies of terrorist activities. Common criticisms of work in the field of countering terrorism, including the limited use of primary material, are given.

Keywords: terrorism, terrorist activity, international terrorist organization, COVID-19, definition of terrorism, typology, types of terrorism

For citation: Ulyanov M. V. Modern trends in foreign studies of terrorism. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 113—119. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-113-119>.

Террористические акты 11 сентября 2001 года, послужившие поводом для военных вторжений на территории ряда стран, в значительной мере изменили характер зарубежных научных исследований терроризма.

Учитывая реальное влияние академического комплекса США на внешнеполитический курс [1, с. 11], завершение военной операции

и сопутствующих миссий НАТО на территории Афганистана в 2021 году, вероятно, сыграет роль этапного события для сферы научного обеспечения.

Данные изменения могут быть актуальны в отношении целого ряда государств, в том числе и Российской Федерации. Так, по мнению Т. И. Шутовой, после терактов в Нью-Йорке

© Ульянов М. В., 2022

американский дискурс противодействия терроризму принял глобальный характер, чему способствовало соответствующее освещение связанных с этим событий в политическом, медийном и академическом пространствах [2, с. 37].

За двадцать лет после терактов исследования терроризма на Западе продолжали расширяться, привлекая представителей разных сфер научного знания, количество научных публикаций, посвященных феномену терроризма, увеличилось в кратном размере. Опубликовано тысячи монографий, статей, тезисов, докладов, материалов конференций. Расширилась база тематических журналов. В ряде науковедческих работ анализировались количественные данные, методология, тематика, используемый инструментарий научных исследований.

Из ста наиболее цитируемых тематических научных статей за период 1952—2014 годов 63 были опубликованы после 2001 года. Подобная динамика позволила некоторым авторам охарактеризовать два последних десятилетия как период наибольшего расцвета исследований терроризма за рубежом [3].

Более того, активно обсуждался и обсуждается вопрос выделения исследований терроризма (terrorism studies) в отдельную самостоятельную дисциплину [4]. Несмотря на то, что необходимость подобного вычленения оспаривается, исследователи констатируют, что изучение терроризма имеет немало черт, присущих академической дисциплине [5]. Так или иначе проблемы терроризма по-прежнему относятся к междисциплинарной области и на сегодняшний день анализируются в рамках прежде всего политологии, криминологии, психологии, лингвистики, истории, социологии и т. д.

Заинтересованность в изучении терроризма выразилась в увеличении финансирования и вследствие этого расширении круга исследователей, а также организации новых институтов, кафедр учебных заведений и общественных организаций.

Так, например, государством выделялись средства исследовательской организации RAND на поддержание международной базы данных терроризма и на проведение исследований, в том числе для целей различных программ профилактики терроризма [6]. Министерством внутренней безопасности США был создан аналитический центр (Homeland Security Operational Analysis Center), организация деятельности которого с 2016 года также осуществляется корпорацией RAND [7].

В то же время рост интереса и большие денежные вливания породили и ряд проблем, которые в начале 2000-х годов проявились особенно остро. В их числе зарубежные ученые отмечают большой приток случайных людей, в том числе экспертов, выступающих на телевидении и в интернете по вопросам противодействия терроризму, что отразилось на качестве проводимой работы [8].

Среди других вопросов выделяются отсутствие долгосрочных исследований, недостаточное внимание к результатам контртеррористической политики, взаимосвязи терроризма и организованной преступности, влиянию Интернета и отдельным видам терроризма.

К проблемам методологического характера прежде всего относят ограниченное использование первичных материалов, включая статистические сведения, данные интервьюирования и прочее, а также низкий уровень сотрудничества специалистов [9]. Предпочтение зачастую отдается обзорам научной литературы и материалов СМИ по данной тематике.

Изложенное во многом сохраняет свою актуальность и по сей день. В то же время исследователи отмечают значительные шаги в сторону совершенствования, а именно использование более широкого спектра инструментов, финансирование деятельности исследовательских коллективов, увеличения использования методов статистического анализа террористической преступности [10].

Необходимо оговориться, что одной из новых тем в западных исследованиях терроризма, безусловно, стал феномен COVID-19. Широкое применение антиковидных мер с 2019 года очевидным образом нашло свое отражение в работах, оценивающих использование темы коронавирусной инфекции в экстремистской и террористической пропаганде, в том числе в Интернете, влияние на рост радикализации [11]. В долгосрочной перспективе прогнозируется трансформация террористической деятельности, обусловленная длительным периодом экономической стагнации и восстановления, использованием успешного опыта по радикализации и вербовке в период пандемии, осмыслением негативного потенциала биотерроризма [12].

Об основном векторе научного поиска красноречиво говорят результаты анализа, проведенного Б. Шуурманом (Bart Schuurman) [13]. Им было изучено более двух с половиной тысяч статей, опубликованных в 2007—2016 годы в девяти ведущих западных журналах антитеррористической направленности [14], на

предмет использования ключевых слов, анализа террористической деятельности в региональном аспекте и аспекте террористических организаций.

Среди основных ключевых слов, используемых в статьях в это время, выделяются «Аль-Каида» (“Al-Qaeda”), «Джихадизм» (“Jihadism”) и «Ирак» (“Iraq”). Немного реже в качестве ключевых слов употреблялись «Соединенные Штаты» (“United States”), «Противодействие терроризму / война с терроризмом» (“CT // WOT”) и Афганистан (“Afghanistan”).

Конфликт в Сирии и деятельность международной террористической организации «ИГИЛ» стали интересовать западных ученых с 2014 года. Соответствующее ключевое слово (“Islamic State”) в 2016 году встречалось в 5,3 % публикаций (в 2015 г. — 4,4 %).

Среди иных ключевых слов в разные годы в течение относительно коротких интервалов времени выделялись «террористы-одиночки» (“lone-actors”), «иностранные боевики» (“foreign fighters”), «Интернет» (“Internet”) и «радикализация» (“radicalization”).

Исследование регионального аспекта позволило сделать вывод о том, что более 40 % публикаций посвящены Ближнему Востоку и Северной Африке (Middle East & North Africa). Около 20 % — Азии (Asia), под которой понимается территория от Афганистана до Японии. После терактов 11 сентября 2001 года возросло количество публикаций, касающихся Северной и Западной Европы (North & Western Europe), доля таковых составила 15,7 %.

Значительно меньший интерес вызывали остальные регионы мира, включая Южную Америку, Восточную Европу (в том числе Россию и постсоветское пространство), Австралию и Карибский бассейн, на которые приходилось менее 2 % публикаций.

Анализ научных материалов на предмет упоминаемых международных террористических организаций продемонстрировал следующее.

Чаще упоминались так называемые джихадистские группировки (Jihadist), а именно ИГИЛ, ХАМАС, Аль-Каида и другие, которым посвящено 74,5 % работ.

Группам, нацеленным на получение национальной автономии (National liberation), а именно ЭТА, ИРА, ФАТХ и другие, уделялось внимание в 7,8 % статей.

Примерно столько же (7,6 %) посвящено так называемому левому экстремизму (LWEX), под которым подразумевается терроризм в Российской империи в XIX веке и современные

террористические организации леворадикального толка.

Менее чем в 3 % работ приводились сведения о религиозных группах (Religious), государственном терроризме (State terrorism), терроризме правых экстремистов (RWEX) и так называемых проправительственных ополченцах (Pro-government). В западных исследованиях под последними подразумеваются, например, иранские группировки в Ираке, военизированные формирования юнионистов в Северной Ирландии и др.

Еще меньший интерес вызывала террористическая деятельность преступных группировок (Criminal), например мексиканских наркокартелей, экологических активистов (Eco) и организаций с иными мотивациями (Single-issue), например такие, как движение против абортов в США.

Зарубежными авторами прежде всего теми, кто придерживается критических взглядов на исследования терроризма, обращается особое внимание на почти полное игнорирование государственного терроризма в качестве темы исследований [15, с. 20]. Соответствующие публикации практически исчезли еще в 90-х годах прошлого столетия. Между тем данная категория была одной из самых востребованных и занимала прочное место в западной литературе.

Оформление теории государственного терроризма на Западе относится к началу 1970-х годов. Одной из первых и самых известных работ данной направленности является монография Даллина и Бреслауэра (Dallin, Breslauer) «Политический террор в коммунистических системах» [16].

Ужесточение политики в отношении СССР в период президентства Р. Рейгана в начале 1980-х годов обусловило увеличение количества политически ангажированных статей и монографий. Государству вменялось спонсорство международного терроризма, поддержка и подготовка террористов на территориях Кубы, Восточной Германии, Ливии, Сирии, Чехословакии, Ближнего Востока и др. [17, с. 12]

В этот период, как указывает С. И. Грачев, на западе в целом и особенно в США возобладала тенденция ставить знак равенства между международным терроризмом и терроризмом, поддерживаемым государством [18].

Критика механизмов и характера деятельности экспертного сообщества и различных профильных институтов, иных государственных и негосударственных организаций на ниве исследований террористической деятельности того периода содержится в книге 1989 года издания

«Индустрия терроризма», которая до сих пор активно дискутируется [19].

Изменения геополитической обстановки в мире в 1989—1991 годы и падение коммунистических режимов обусловили переоценку и пересмотр прежних концепций на Западе. Так, В. В. Чеботарев и А. В. Ивлева обращают внимание на использование западными исследователями концепта «новый терроризм» (new terrorism). Причем под «традиционным терроризмом» понимаются действия террористов, имевшие место в 1960—1980 годы и ассоциировавшиеся во многом с социалистическим блоком. «Новый терроризм» стал ассоциироваться преимущественно с терроризмом 1990—2000 годов и иными идеологами [20].

С учетом этого вопросам государственного терроризма очевидным образом стало уделяться значительно меньше внимания в научных исследованиях. В то же время имеется ряд работ критического характера, указывающих на использование террористических методов во внешнеполитической деятельности [21].

Не лишним будет отметить, что, несмотря на отсутствие широкого употребления в российских исследованиях непосредственно самого понятия «новый терроризм», данный концепт в целом, по нашему мнению, находит в них свое отражение [22].

К числу основных научных проблем, затрагиваемых в западных исследованиях, традиционно относится дефиниция терроризма, являющаяся фундаментом каждого исследования.

Как отмечает В. В. Меркурьев, от правильно построенной дефиниции во многом зависит достоверность научных исследований, которые в свою очередь оказывают влияние на выявление детерминант, закономерностей террористической деятельности, построение стратегии и тактики борьбы с терроризмом [23, с. 31—32].

Неслучайно определение терроризма находит свое отражение в каждой серьезной работе. Именно поиски общего определения терроризма стоят на первом месте в перечне актуальных вопросов исследований терроризма в ходе анкетирования среди западных ученых в 2021 году [24].

В настоящее время насчитывается не менее 250 определений терроризма. Дискуссии ведутся в аспекте того, является ли терроризм политически мотивированным действием, может ли осуществляться государствами или тайными агентами государств, может ли быть ненасильственным. Дискутируются законодательные определения терроризма.

К проблемам дефиниции терроризма при- мыкают вопросы классификации терроризма по видам. Еще одним важным вопросом выступает история развития такого негативного явления, как терроризм. Узловыми моментами для западных ученых традиционно выступают события, связанные с Французской революцией XVIII века и террористической деятельностью в Российской Империи XIX века.

Среди научных исследований, в наибольшей степени отражающих современные тренды в сфере противодействия терроризму, специалисты, принимавшие участие в тематическом опросе, проведенном в 2021 году [25], назвали монографию Б. Хоффмана «Терроризм — взгляд изнутри» [26] и «Справочник по исследованиям терроризма» под редакцией А. Шмидта [27].

В книге Б. Хоффмана, одно из последних изданий которой относится к 2017 году, анализируется эволюция террористической деятельности, виды терроризма, освещаются различные аспекты, включая использование средств медиа (средств коммуникации, Интернета, видео, социальных медиа, телевидения, видеопроизводства) в террористической деятельности и др.

Терроризм рассматривается автором как преднамеренная и планируемая деятельность, состоящая из процессов, направленных на последовательное достижение террористами следующих целей:

- внимание (стремление привлечь внимание к себе и своим мотивациям прежде всего со стороны СМИ);
- благодарность (стремление трансформировать приобретенную известность в признание и сочувствие);
- признание (достижение признания конкретной организации);
- власть (получив признание, террористы стремятся к получению власти, что может повлиять на изменение всего государственного управления);
- управление (получив власть, террористы стремятся к укреплению своего контроля в государстве).

По мнению автора, все международные террористические организации стремятся к достижению последних двух целей. Тогда как некоторые организации смогли достичь первых трех целей [28].

В Справочнике под редакцией А. Шмидта уделено внимание дефиниции терроризма, в том числе даны обобщение существующих определений и анализ легальных определений и проблем международного консенсуса; приведены

обзоры основных типологий, видов терроризма и баз данных по террористической деятельности.

Еще одним популярным исследованием феномена терроризма является монография Л. Ричардсон «Чего хотят террористы». Автором приводятся характеристики терроризма и противодействия терроризму [29]. Причины терроризма дифференцируются на индивидуальный уровень, уровне террористической организации и уровне государства.

В заключение необходимо отметить, что за рубежом научные исследования, посвященные данной проблематике, существенно интенсифицировались после террористических актов 11 сентября 2001 года, развивая наработки, заложенные в 90-х годах прошлого века. Изменения отразились на характере научного поиска целого ряда государств с учетом глобального характера американского дискурса противодействия терроризму. Возросло финансирование данных исследований, что отразилось на количестве научных публикаций, тематических журналов, науковедческих работ, а также обусловило создание новых профильных институтов, кафедр учебных заведений и общественных организаций. Чаще всего предметом научных исследований становилась деятельность международных террористических организаций, в региональном аспекте исследователи выделяли Ближний Восток и Северную Африку. В настоящее время в западных исследованиях терроризма находит отражение феномен COVID-19 в аспектах увеличения возможностей по вербовке в террористические организации и негативного потенциала биотерроризма [30].

Одновременно с этим имелся ряд недостатков, выражавшихся в обзорном характере научных статей, ограниченном использовании статистических сведений, данных интервьюирования и т. д.

Представляется, что изложенное отчасти относится и к отечественным исследованиям терроризма. Научные публикации нередко носят обзорный характер, использование статистики ограничивается данными по выявленным преступлениям. Исходя из этого, критически важным представляется изучение широкого спектра первичных данных, касающихся террористической деятельности и ее участников.

Список источников

1. Истомин И. А. Научное обеспечение внешней политики США: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012.
2. Шутова Т. И. Дискурс противодействия терроризму в американской политической риторике

(1972—2012 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2018.

3. Silke A., Schmidt-Petersen J. The golden age? What the 100 most cited articles in terrorism studies tell us // *Terrorism and Political Violence*. 2017. Vol. 29. No. 4. Pp. 692—712.
4. Silke A. The impact of 9/11 on research on terrorism // *Mapping terrorism research*. Routledge, 2006. Pp. 89—107.
5. Youngman M. Building «terrorism studies» as an interdisciplinary space: Addressing recurring issues in the study of terrorism // *Terrorism and political violence*. 2020. Vol. 32. No. 5. Pp. 1091—1105.
6. Jenkins B. M., Ronfeldt D. The Origin and Evolution of the RAND Corporation's Terrorism Databases. 2021. Pp. 20—21.
7. URL: <https://www.rand.org/hsrcd/hsoac.html> (дата обращения: 20.01.2022).
8. Silke A. *Routledge handbook of terrorism and counterterrorism*. Routledge, 2019.
9. Schuurman B. Research on terrorism, 2007—2016: A review of data, methods, and authorship // *Terrorism and Political Violence*. 2020. Vol. 32. No. 5. Pp. 1011—1026.
10. Silke A. The impact of 9 // 11 on research on terrorism // *Mapping terrorism research*. Routledge. 2006. Pp. 89—91.
11. Silke A. COVID-19 and terrorism: Assessing the short-and long-term impacts? 2020.
12. Gary A., Hayley P. Terrorism and COVID-19: Actual and Potential Impacts // *Perspectives on Terrorism*. 2020. Vol. 14. No. 3. Pp. 59—73.
13. Schuurman B. Topics in terrorism research: reviewing trends and gaps, 2007—2016 // *Critical Studies on Terrorism*. 2019. Vol. 12. No. 3. Pp. 463—480.
14. *Terrorism and Political Violence; Studies in Conflict & Terrorism; Perspectives on Terrorism, the Combating Terrorism Center Sentinel; Critical Studies on Terrorism; Dynamics of Asymmetric Conflict: Pathways Toward Terrorism and Genocide; Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression; Journal of Terrorism Research; the Journal for Deradicalization*.
15. Jackson R. *Routledge handbook of critical terrorism studies*. Abingdon: Routledge, 2016; Wright J. State terrorism: are academics deliberately ignoring it? // *Journal of Global Faultlines*. 2019. Vol. 6. No. 2. Pp. 204—214.
16. Dallin A. *Political terror in communist systems*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1970. Pp. 1—11.
17. Livingstone N. C. *The war against terrorism*. Lexington, MA: Lexington Books, 1982.
18. Грачев С. И. Ретроспективно-правовой обзор понятия «государственный терроризм» // *Юридический мир*. 2007. № 10.
19. Herman E. S., O'Sullivan G. *The terrorism industry: The experts and institutions that shape our view of terror*. Pantheon, 1989.

20. Чеботарев В. В., Ивлева А. В. Концепт «новый терроризм»: за и против // *Дискуссия*. 2015. № 1 (53).
21. Blakeley R. State terrorism and neoliberalism: The north in the south. Routledge, 2009.
22. Лощаков Д. Г. Террор и терроризм в исторической ретроспективе: методологические аспекты // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты. 2015. С. 108—115.
23. Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы: монография / под общ. ред. В. В. Меркурьева; Университет прокуратуры Российской Федерации. М.: Проспект, 2019.
24. Terrorism Studies: A Glimpse at the Current State of Research (2020 / 2021) by Alex P. Schmid, James J. F. Forest, and Timothy Lowe.
25. Schmid A. P., Forest J. J. F., Lowe T. Terrorism Studies // *Perspectives on Terrorism*. 2021. Vol. 15. No. 3. Pp. 142—152.
26. Hoffman B. Inside terrorism. Columbia university press Publ., 2018, 2006. Pp. 68—69.
27. Schmid A. P. The Routledge handbook of terrorism research. Taylor & Francis, 2011.
28. Bruce Hoffman, Inside Terrorism (New York: Columbia University Press, 2006), Pp. 240—241.
29. Richardson L. What terrorists want: Understanding the enemy, containing the threat. Random House Incorporated, 2007.
30. Gary A., Hayley P. Terrorism and COVID-19: Actual and Potential Impacts // *Perspectives on Terrorism*. 2020. Vol. 14. No. 3. Pp. 59—73.
8. Silke A. Routledge handbook of terrorism and counterterrorism. Routledge, 2019.
9. Schuurman B. Research on terrorism, 2007—2016: A review of data, methods, and authorship. *Terrorism and Political Violence*, 2020, vol. 32, no. 5, pp. 1011—1026.
10. Silke A. The impact of 9 / 11 on research on terrorism. *Mapping terrorism research*. Routledge, 2006, pp. 89—91.
11. Silke A. et al. COVID-19 and terrorism: Assessing the short-and long-term impacts, 2020.
12. Gary A., Hayley P. Terrorism and COVID-19: Actual and Potential Impacts. *Perspectives on Terrorism*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 59—73.
13. Schuurman B. Topics in terrorism research: reviewing trends and gaps, 2007—2016. *Critical Studies on Terrorism*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 463—480.
14. Terrorism and Political Violence; Studies in Conflict & Terrorism; Perspectives on Terrorism, the Combating Terrorism Center Sentinel; Critical Studies on Terrorism; Dynamics of Asymmetric Conflict: Pathways Toward Terrorism and Genocide; Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression; Journal of Terrorism Research; the Journal for Deradicalization.
15. Jackson R. Routledge handbook of critical terrorism studies. Abingdon: Routledge, 2016; Wright J. State terrorism: are academics deliberately ignoring it? *Journal of Global Faultlines*, 2019, vol. 6, no. 2, pp. 204—214.
16. Dallin A. Political terror in communist systems. Stanford, CA: Stanford University Press Publ., 1970. Pp. 1—11.
17. Livingstone N. C. The war against terrorism. Lexington, MA: Lexington Books, 1982.
18. Grachev S. I. Retrospective legal review of the concept of “state terrorism”. *Legal World*, 2007, no. 10. (In Russ.)
19. Herman E. S., O’Sullivan G. The terrorism industry: The experts and institutions that shape our view of terror. Pantheon, 1989.
20. Chebotarev V. V., Ivleva A. V. The concept of “new terrorism”: pros and cons. *Discussion*, 2015, no. 1 (53). (In Russ.)
21. Blakeley R. State terrorism and neoliberalism: The north in the south. Routledge, 2009.
22. Loshchakov D. G. Terror and terrorism in historical retrospect: methodological aspects. *Counteraction to extremism and terrorism: philosophical, sociological and political aspects*, 2015. Pp. 108—115. (In Russ.)
23. Fight against terrorism: new challenges and threats: monograph / ed. by V. V. Merkuriev; University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation. Moscow: Prospekt Publ., 2019. (In Russ.)
24. Terrorism Studies: A Glimpse at the Current State of Research (2020 / 2021) by Alex P. Schmid, James J. F. Forest, and Timothy Lowe.
25. Schmid A. P., Forest J. J. F., Lowe T. Terrorism Studies. *Perspectives on Terrorism*, 2021, vol. 15, no. 3, pp. 142—152.

Reference

1. Istomin I. A. Scientific support of US foreign policy. Author’s abstract... candidate of polit. sciences. Moscow, 2012. (In Russ.)
2. Shutova T. I. The Discourse of Countering Terrorism in American Political Rhetoric (1972—2012). Author’s abstract... candidate of philology sciences. Nizhny Novgorod, 2018. (In Russ.)
3. Silke A., Schmidt-Petersen J. The golden age? What the 100 most cited articles in terrorism studies tell us. *Terrorism and Political Violence*, 2017, vol. 29, no. 4, pp. 692—712.
4. Silke A. The impact of 9 / 11 on research on terrorism. *Mapping terrorism research*. Routledge, 2006, pp. 89—107.
5. Youngman M. Building «terrorism studies» as an interdisciplinary space: Addressing recurring issues in the study of terrorism. *Terrorism and political violence*, 2020, vol. 32, no. 5, pp. 1091—1105.
6. Jenkins B. M., Ronfeldt D. The Origin and Evolution of the RAND Corporation’s Terrorism Databases, 2021.
7. URL: <https://www.rand.org/hsrc/hsoac.html> (accessed 20.01.2022).

26. Hoffman B. Inside terrorism. Columbia university press Publ., 2018, 2006. Pp. 68—69.

27. Schmid A. P. The Routledge handbook of terrorism research. Taylor & Francis, 2011.

28. Bruce Hoffman, Inside Terrorism (New York: Columbia University Press Publ., 2006). Pp. 240—241.

29. Richardson L. What terrorists want: Understanding the enemy, containing the threat. Random House Incorporated, 2007.

30. Gary A., Hayley P. Terrorism and COVID-19: Actual and Potential Impacts. *Perspectives on Terrorism*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 59—73.

Информация об авторе

М. В. Ульянов — кандидат юридических наук.

Information about the author

M. V. Ulyanov — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 340.111
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-120-127>

К вопросу о возможности законодательного разделения досудебного и судебного производства по уголовным делам

Шарипова Алия Рашитовна

Институт права Башкирского государственного университета, Уфа, Россия, nord-wind23@mail.ru

Аннотация. Существенные проблемы уголовного процесса связываются с тем, что на законодательном уровне досудебное производство и суд по уголовным делам регулируются «в едином ключе». Предопределенность «обвинительного уклона» возникает из-за сходства структуры действующего закона с его советским предшественником. Распространение единых принципов судопроизводства на разные разнородные его элементы приводит к выхолащиванию их смысла. Предлагается разделение уголовно-процессуального закона на «Кодекс расследований» и «Судебный кодекс».

Ключевые слова: уголовный процесс, судебное право, правосудие, арбитражный процесс, процессуальное право, досудебное производство

Для цитирования: Шарипова А. Р. К вопросу о возможности законодательного разделения досудебного и судебного производства по уголовным делам // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 120—127. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-120-127>.

Original article

On the issue of the possibility of legislative separation of pre-trial and trial proceedings in criminal cases

Aliya R. Sharipova

Institute of Law Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, nord-wind23@mail.ru

Abstract. Significant problems of the criminal process are associated with the fact that at the legislative level, pre-trial proceedings and the court in criminal cases are regulated in the same way. The predetermination of the “accusatory bias” arises from the similarity of the structure of the current law to its Soviet predecessor. The extension of the uniform principles of legal proceedings to its various heterogeneous elements leads to the emasculation of their meaning. It is proposed to divide the criminal procedure law into “Investigation Code” and “Judicial Code”.

Keywords: criminal process, judicial law, justice, arbitration process, procedural law, pre-trial proceedings

For citation: Sharipova A. R. On the issue of the possibility of legislative separation of pre-trial and trial proceedings in criminal cases. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 120—127. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-120-127>.

Широкое сравнение универсальных процессуальных институтов [1] в рамках обоснования концепции судебного права привело нас к мысли о не в полной мере оцененной роли одного очень существенного «видимого» отличия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)

от Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ). Мы предположили, что масса неочевидных, но необоснованных

© Шарипова А. Р., 2022

отличий судебных институтов УПК РФ связана с тем, что в нем судебное производство регулируется в концептуальном единстве с досудебным. Стадийность уголовного процесса полностью воспринята уголовно-процессуальным законом: вся процессуальная деятельность, от проверки сообщения о преступлении и возбуждения уголовного дела до исполнения приговора регламентирована единым УПК РФ. Это кажется абсолютно естественным, проверено временем и не имеет альтернативы ни в одной континентально-европейской системе уголовного процесса.

Осознаем, что идея отделения от УПК некоего особого «Кодекса расследований» и сохранение в УПК только судебной части звучит максимально фантастически, и попытки единовременного разрыва проникающих друг в друга «досудебных» и «судебных» норм навредят гораздо больше, чем помогут. Но многое из того, что сегодня существует (например, использование видео-конференц-связи в российских судах), когда-то было лишь набором теоретических гипотез.

Обосновать право подобным предположением мы и попытаемся. Попутно заметим, что идея создания единого судебного-процессуального кодекса хоть и кажется желанной сторонникам концепции судебного права, но всерьез никогда не предлагалась. Стоит только заикнуться — и предлагающего подобное предадут уголовно-процессуальной анафеме. Между тем в Финляндии единый судебно-процессуальный закон для гражданских и уголовных споров (Code of Judicial Procedure или Oikeudenkäymiskaaren [2]), и он вообще не затрагивает вопросы предварительного расследования. В Шведском Code of Judicial Procedure (Rättegångsbalk [3]), тоже едином, предварительному расследованию посвящена одна глава из 59. Это не единственные в мире примеры, которые упомянуты здесь без прямых аналогий, поскольку не пригодны для заимствований ни в силу иных правовых и особенно культурно-правовых традиций этих стран, ни в силу несовременной юридической техники документов (первоначальные их редакции приняты соответственно в XVIII и первой половине XX века). Они лишь свидетельствуют о том, что годами и веками гражданские и уголовные дела рассматривались судами в рамках единой процедуры, урегулированной единым актом, посвященным единственно этой процедуре, без ее досудебных предвестников.

Разделение уголовно-процессуальных норм, регулирующих досудебное и судебное производство,

по разным правовым актам может быть целесообразно по следующим причинам: предопределенность «обвинительного уклона» суда сходством (близким к тождеству) структуры действующего закона с его советским предшественником; распространение единых принципов судопроизводства на разные разнородные его элементы; субсидиарное по отношению к предварительному расследованию уголовно-процессуальное положение суда; объективно процедура судебного разбирательства по уголовным делам гораздо ближе к процедуре разбирательства по любым другим судебным делам (гражданским и арбитражным спорам и административным спорам с государственными органами), нежели к процедуре предварительного расследования преступлений.

Понимая крайнюю нетрадиционность такой постановки вопроса, тем не менее развернем эти тезисы более подробно.

Унификации судебных институтов процессуального права со стороны уголовного процесса препятствуют присутствующие в них отголоски досудебного производства. Подчеркиваем, единообразие универсальных институтов мешает не факт наличия досудебного производства в уголовном процессе (то есть не сама его сущность), а ненужная преемственность судебного производства по отношению к досудебному.

По большей части канва современного уголовно-процессуального закона сформировалась в советские годы, когда на всех уровнях, включая законодательный, была реализована идея суда как правоохранительного органа, борющегося с преступностью наравне с милицией и прокуратурой. Несмотря на то, что официально «единая упряжка» суда и обвинительной власти расформирована, нам еще долго предстоит добиваться состязательного процесса, независимого суда, реального благоприятствования защите в силу не оспариваемой сегодня никем презумпции невиновности в уголовном процессе и т. д.

В 1985 году выдающийся и известный своими редкими для той поры демократическими взглядами советский процессуалист А. М. Ларин писал о необходимости наделить суд полномочиями отстранения обвиняемого от должности (по собственной инициативе) на случай, если он обнаружит соответствующее упущение следователя [4, с. 157]. Спустя 35 лет так откровенно «дорабатывать» за следствие суду уже не предлагают, хотя принимаемые в УПК РФ с 2003 года изменения направлены на последовательное расширение возможностей стороны

обвинения компенсировать недостатки своей работы с помощью суда. Науке стоило бы абстрагироваться от идеи возложения на суд задачи борьбы с преступностью и задаться вопросом: какая печаль суду от того, что следствие что-то упустило? Ведь суд — это не орган уголовного преследования, это орган, призванный разрешить правовой спор.

Принципы и отдельные нормы уголовно-процессуального права с тех пор изменились, но внутренняя логика и структура кодексов — одинаковы. Подобно кораблю Тесея, в котором по очереди поменяли все доски, спровоцировав спор о том — прежний это корабль или уже другой, в советском УПК заменили множество норм, но, покинув закон, они оставили старую структуру, старую «форму», лишая возможности законодателя создать подлинно современный закон. Б. Н. Лапин так охарактеризовал постсоветское реформирование законодательства: «из... тысяч законов изымались прежде всего такие расхожие термины, как «советское» государство и право, «социалистическая законность», «советский суд и правосудие». Все же остальное оставлялось фактически без изменений» [5].

Особое отношение к стороне обвинения выдает себя в тексте УПК РФ рядом деталей. Так, обжалование судебных актов государственным обвинителем осуществляется в форме представления, а всеми остальными участниками — в форме жалобы. Для пересмотра дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам предусмотрено обращение заинтересованного лица не напрямую в суд, а к прокурору для возобновления им производства (ст. 415).

Нормы УПК РФ сконструированы универсально — для досудебного и судебного производства: властные органы — уголовного преследования и суда — состоят в единых перечнях без разделения по функциям. Например, в нормах о мерах процессуального принуждения обладателями соответствующих полномочий названы «дознаватель, следователь, суд» (ст. 97). Но следователь и дознаватель принимают меры по собственной инициативе и в интересах собственного расследования, а суд — по их ходатайству и в интересах их расследования. В статье 86 в таком же едином перечне названы субъекты собирания доказательств, хотя очевидно, что роли стороны обвинения и суда в этом процессе не могут совпадать по определению.

В производстве по делам о налоговых правонарушениях налоговые органы тоже вправе принимать меры по обеспечению исполнения

обязанности по уплате налогов (пеня, арест) по собственному усмотрению. Существует у них и право обратиться к суду за обеспечительной мерой в виде ареста (ст. 48 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ)). Однако две этих разновидности мер обеспечения разделены по разным нормам по критерию того, к чьим полномочиям они отнесены.

Несмотря на то, что к органам уголовного преследования должны предъявляться высочайшие требования по соблюдению прав личности в уголовном процессе, реальность такова, что это органы обвинения, сколько бы ученые не называли их независимыми исследователями [6]. Процедуры формулирования и предъявления обвинения, обоснования его в направлении последовательного опровержения презумпции невиновности сами по себе превращают следователя и дознавателя в обвинителей. Действуя от имени государства, должностное лицо в принципе не вправе быть субъективно или односторонне действующим, но это не меняет обвинительной направленности его деятельности. К тому же, говоря об уголовных делах, дошедших до суда, в обвинительном характере деятельности органов предварительного расследования вообще не приходится сомневаться — он зафиксирован в итоговом процессуальном решении.

Совместная для суда и органов уголовного преследования регламентация каких-либо институтов ориентирует суд на одни общие с этими органами цели и задачи. Действительно, в любой стране в любое время даже в условиях репрессий очень значительная доля уголовно преследуемых лиц является преступниками, тогда зачем суду вести себя с ними, будто они не таковы? Однако день за днем видя в подозреваемых, обвиняемых и подсудимых установленных правонарушителей, суд теряет шансы разглядеть того, кто попал в эти ряды незаслуженно, или хотя бы просто не пойти на поводу у стороны обвинения, приняв сформированный ею обвинительный тезис, игнорируя все доводы защиты. Между тем игнорирование доводов защиты причиняет очевидный вред делу противодействия преступности, ибо неразрешенные сомнения в виновности либо в меньшей виновности конкретного обвиняемого — это нередко спутник ухода от заслуженной ответственности настоящего преступника или соучастника в совершении преступлений. Презумпция невиновности — это гарант меткости уголовной репрессии, поскольку позволяет применять её только в отношении несомненно виновных.

Преимственность структуры и внутренней логики уголовно-процессуальных законов нашей страны сгладила эффект коренных изменений, реализованных в УПК РФ. Наполнение тех же отдельно взятых норм, что и были раньше, находящихся в тех же главах и статьях закона, абсолютно иным смыслом в духе новых принципов уголовного процесса и новых задач судопроизводства — очень затруднительно для правоприменителя. Даже наука, куда более свободная в поиске смыслов, привычно и до сих пор ищет следы всесторонности в кодексе, критикует составительности и пассивный суд под лозунгом необходимости достижения истины [7].

Таким же искусственным и выхолащивающим смысл выглядит распространение составительности на предварительное расследование. Кто и с кем там «состязается», кто определяет победителя в «состязании»? То, что наука назвала «элементами состязательности», можно назвать и по-другому: элементами права на защиту, элементами судебного контроля и т. п. В современной литературе не без оснований подчеркивается, что попытки придать «сквозной» характер принципу состязательности, распространив его действие и на досудебное производство в континентально-европейской модели уголовного процесса, едва ли могут быть успешными [8, с. 103].

В производстве по делам об административных правонарушениях, о налоговых правонарушениях есть те же элементы (например, участие в назначении экспертизы лица, в отношении которого ведется производство), но принцип состязательности не закреплен ни Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ), ни Налоговым кодексом Российской Федерации, и эти «элементы» существуют и без «состязательности».

Существует еще один подход, позволяющий сохранять смысл принципов, не растягивая его беспредельно. Так, в главе 2 «Задачи и принципы уголовного процесса» УПК Беларуси обязанность всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела возложена только на орган уголовного преследования (ст. 18). А состязательность названа основой правосудия (ст. 24), а не судопроизводства, включающего вопреки буквальному смыслу слова и предварительное расследование, как в ст. 15 УПК РФ.

Рассмотрение уголовного дела судом представляется каким-то формальным этапом придания требуемой юридической силы обвинительному заключению, а не состязательным

процессом. Будь часть 3 УПК РФ полноценным судебным кодексом по уголовным делам, она бы содержала указание на какое-либо «защитительное заключение» в противовес обвинительному, как предусмотрен обязательный отзыв в АПК РФ (ст. 131), возражения в КАС РФ (ст. 135).

Конечно, с учетом специфики презумпции невиновности в уголовном процессе нельзя обязывать обвиняемого представлять что-либо, включая письменное обоснование своей позиции, но законодателю при подготовке УПК РФ как будто вовсе не пришло в голову, что защите будет, что сказать. К тому же обязательным «защитительное заключение» могло бы быть для защитника, поскольку он не связан с позицией подсудимого «не оправдываться», а профессиональным долгом адвоката является убедительное обоснование любого процессуального заявления по делу доверителя. Понимаем, что отсутствие указания в законе на «отзыв» на обвинение не препятствует защитнику и подсудимому его подать (так и делается по делам, где защита осуществляется качественно). Роль такого «защитительного заключения» (или «отзыва на обвинение») может играть ходатайство о прекращении дела, обращенное к суду на стадии подготовки к судебному заседанию, сопровождаемое ходатайством о проведении предварительного слушания для решения вопроса о прекращении дела. Профессиональный защитник даже в имеющихся законодательных условиях найдет способ изложить и обосновать собственную правовую позицию в наиболее благоприятный для своего доверителя момент. Однако основная масса уголовных дел явно не такова: письменного обобщения возражений стороны защиты в них нет ни в каком виде. Результаты опросов адвокатов дают нам основания утверждать, что главная причина отсутствия подобных документов в их практике — это осознание бесполезности подобных действий, притом что они требуют от адвокатов времени и усилий. Выявлены нами и другие мотивы адвокатской пассивности в этой части: нежелание обнародовать свои самые сильные аргументы до суда или даже неуверенность в сохранении юридических отношений с доверителем и связанное с этим нежелание делиться с ним и с его будущим другим защитником плодами собственных усилий. Однако полагаем, что все другие мотивы, кроме уверенности в том, что суд все равно проигнорирует позицию защиты, — второстепенные, подспудные, специфичные для очень небольшой части адвокатов.

Вероятность того, что суд все в точности воспримет на слух и запомнит, снова прослушает или перечитает по протоколу, не слишком высока, либо это, по крайней мере, гораздо сложнее, чем изучить один консолидирующий идеи защиты документ.

По какой причине судебное производство в большинстве случаев принимает заключение эксперта, полученное на досудебном производстве? Как суд может быть уверен в том, что назначение и производство экспертизы были таковы (законны, с соблюдением прав всех участников, не предвзято, не с целью получить определенный результат, вне «контроля» за экспертом со стороны должностных лиц правоохранительных органов), как если бы экспертиза проводилась в суде?

С точки зрения содержания судебных актов можно заключить, что вывод о «надежности» экспертного заключения как доказательства делается на основании материалов дела, исходящих исключительно от органов предварительного расследования. Было бы странно, если бы их постановления о назначении экспертизы содержали процессуальные изъяны, ведь бумага все стерпит, и именно поэтому в других процессуальных отраслях результаты экспертиз, проведенных вне рамок судебного разбирательства, суды принимают неохотно [9].

Если бы производство в суде осуществлялось на основании исключительно судебного уголовно-процессуального кодекса, едва ли можно было бы себе представить разнообразные проявления направления дела для дополнительного расследования, маскирующиеся под поиски объективной истины и активную роль суда, а в действительности, обеспечивающие государственному обвинению «вторую попытку».

К уголовному процессу есть множество претензий, связанных с неравенством сторон в доказывании. Этому посвящаются отдельные исследования, существует обширная практика Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) [10]. Международные стандарты справедливой судебной процедуры сориентированы на уголовно-процессуальные понятия «обвинение», «заключение под стражу», «защитник», «обвиняемый» лишь потому, что уголовное преследование предполагает наиболее энергичное вторжение в сферу основных прав и свобод человека в сравнении с другими сферами правосудия. Собственно же процедурная составляющая этих стандартов не имеет выраженной «уголовной специфики»: суд не

вправе до разрешения им дела занимать позицию ни одной из спорящих сторон, суд обязан обеспечить «симметричную» реализацию прав на представление доказательств, на заявление ходатайств и выражение своего мнения и на личное участие во всех процедурах обеим со-
стягающимся сторонам.

Одна из причин этой масштабнейшей проблемы видится в положении судебного производства как второго, преемственного этапа некоего общего процесса. Более равному положению сторон способствовало бы не получение судом готового уголовного дела, а формирование им собственного, как это происходит во всех остальных процессах: истец обращается в суд с заявлением (в т. ч. иском), а не с делом.

Для сравнения: при производстве по административным правонарушениям (т. е. при привлечении к административной ответственности судом) АПК РФ предусматривает для органа, составившего протокол и собравшего материалы, обращение *с заявлением* о привлечении к ответственности (ст. 204), сохраняя общесудебное правило рассмотрения спора по просьбе истца. Аналогия с уголовными делами здесь достаточно прямая, но для арбитражного суда АПК РФ не предусмотрел роль «получателя» готового дела, в отличие от УПК РФ.

Колко, но справедливо назвала С. В. Власова критику теории уголовного иска «правилом хорошего тона правоверного советского процессуалиста» [11, с. 307]. Но, если сегодня в уголовно-процессуальной науке эта теория заслужила поддержку, то нужно признать, что «иск» — это не просто слово. Общая природа иска и обвинения дает обвинителю право распоряжаться его судьбой, но ставит в положение просителя перед судом, а не чиновного распорядителя.

По уголовным делам сейчас ситуация такова: обвинение формирует необходимую ему доказательственную базу в течение всего досудебного производства с использованием властных полномочий и приобщает собранные им полноценные процессуальные доказательства к направляемому в суд уголовному делу. Защитник, и сторона защиты в целом, участвует в процессе доказывания до суда исключительно как заявитель ходатайств перед следователем или дознавателем, то есть перед противоположной стороной в процессе, а в суде, в отличие от уже имеющих процессуальное закрепление доказательств стороны обвинения, впервые ходатайствует перед судом об их собирании, а суд может эти ходатайства и отклонить, в том числе и сочтя убедительными возражения стороны обвинения. Трудно в

такой ситуации говорить о процессуальном равенстве состоящих сторон — до суда ходатай по определению не может быть равен тому, перед кем он ходатайствует. Таким образом, в суд стороны выходят с очень не равным «доказательственным багажом».

Полагаем, что добиваться равноправия и состязательности бесперспективно попытками введения симметричных полномочий для обвинения и защиты до суда. Какими бы атрибутами вроде услуг частных детективов ни украсили «адвокатское расследование», это всегда будет более гипотетическая возможность, чем реальная сила. Следовательно, уравнивание возможностей в доказывании должен взять на себя суд. Но в действительности, суд ожидает от защиты только таких ходатайств о вызове свидетелей, которые уже прошли предварительный отбор: нужны только те люди, которые наверняка что-то знают. Суд не будет организовывать для стороны защиты множество допросов в попытке найти иголку в стоге сена, он рассчитывает, что защита уже знает местоположение своих «иголок».

Второе. Практика такова, что суд вызывает для допроса всех свидетелей, указанных в обвинительном заключении, т. е. сторона обвинения имеет возможность представить суду все доказательства, которые считает нужными. Защита должна ходатайствовать, просить о том же самом, а суд может ей отказать (и отказывает, ссылаясь на неотносимость их показаний к делу). Подчеркнем, что речь идет не о частном случае, когда адвокат просил допросить какого-то архиважного свидетеля (само по себе маловероятно, что в ходе расследования о нем не стало известно), а суд ему отказал. Речь идет о глобальной тенденции: уведомительном порядке представления доказательств стороной обвинения и разрешительном порядке — стороной защиты.

Третье. О том, что представленные в суд обвинением материалы носят именно характер готового «дела», а не аналога иска и ходатайств об истребовании доказательств, говорит судьба показаний неявившихся в суд свидетелей и потерпевших, допрошенных на предварительном расследовании. Несмотря на установки ЕСПЧ, на периодически принимаемые законодателем (ч. 2.1 ст. 281 УПК, введенная Федеральным законом от 2 марта 2016 г. № 40-ФЗ) и разрабатываемые Верховным Судом Российской Федерации ограничения «оглашений», политика судов всегда стремится к расширению перечня их оснований. И это означает следующее: показания свидетеля, допрошенного на предварительном расследовании и указанного стороной

обвинения, если он не явился в суд, будут доказательствами по делу, а о показаниях свидетеля, не допрошенного на досудебном производстве (т. е. свидетеля защиты), не явившегося в суд, — никто не узнает. Нужно отметить, что некоторые причины неявки свидетелей, которые обнаруживаются исследователями в материалах практики, очень далеки от чрезвычайных причин, позволяющих оглашать показания без согласия стороны защиты. Если «нахождение свидетеля на вахте» или «в местах лишения свободы» [12] рассматриваются судами как обстоятельства, делающие их допрос невозможным, становится понятно, что обвинение уже полагает все требуемое от него доказанным протоколами допросов в досудебном производстве, а требование непосредственности исследования доказательств судом касается только того, что представляет защита.

Полагаем, что одна из причин неухаживающих споров по поводу состава принципов уголовного судопроизводства связана с демонстрируемыми выше попытками их универсализации для досудебных и судебных стадий процесса, что является бесперспективным. Состязательность (являющаяся судебным принципом) попала в УПК РФ в перечень общих, а гласность осталась просто нормой, предусмотренной статьей 241. Можно предположить, что если бы правило о ней попало в главу о принципах, наука бы уже разработала «элементы гласности» подобно «элементам» состязательности на этапе расследования.

Структурное усложнение отраслей права является причиной использования не только классической отраслевой, но и институциональной кодификации [13], примеры ее известны — Лесной кодекс Российской Федерации, Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации и др. Традиционно материальное право отреагировало на ситуацию быстрее процессуального и признало возможность «дробления» предмета отрасли ради более качественной кодификации.

Полагаем, что уголовный процесс в силу внутренней разнородности двух его важнейших составляющих — досудебного и судебного производства должен «готовить почву» для их отдельного законодательного регулирования. Есть основания утверждать, что у судебного производства по уголовным делам гораздо больше общего с судебным же производством по любым другим судебным делам (гражданским, арбитражным, административным), нежели с досудебным производством по уголовным делам. Реализация властного начала одной из

сторон в процессе ни при каких условиях не сделает сам этот процесс состязательным, а значит — частью справедливой процедуры судебного разбирательства, к международным стандартам которой Россия недвусмысленно обозначила свое стремление.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шарипова А. Р. Качество правосудия по уголовным, арбитражным, гражданским и административным делам: сравнение по отдельным параметрам // *Lex Russica*. 2020. № 11. С. 53—61.

2. URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1734/en17340004_20150732.pdf, https://www.finlex.fi/fi/laki/kokoelma/2015/?_offset=10 (дата обращения: 10.01.2022)

3. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/rattgangsbalk-1942740_sfs-1942-740 (дата обращения: 10.01.2022)

4. Ларин А. М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М. 1985.

5. Лапин Б. Н. Проблемы институционализации судебного права в научной и практической юриспруденции государств Евразии // Проблемы современной экономики. 2004. № 1—2. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=383> <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=383> (дата обращения: 10.01.2022)

6. Шейфер С. А. Российский следователь — исследователь или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 34—36.

7. Победкин А. В. Традиции доказывания в отечественном уголовном процессе (почему состязательность не принцип уголовного процесса) // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича: материалы конференции 24—25 октября 2019 г. М., 2020. С. 78—83.

8. Соловьев С. А. Благоприятствование защите (favor defensionis): монография. М., 2021.

9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 июля 2015 г. № 308-ЭС15-10659 по делу № А61-709/2013.

10. Трубникова Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации. Томск, 2011.

11. Власова С. В. Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики: монография. М., 2020.

12. Маркова Т. Ю. Оглашение в суде показаний свидетелей и потерпевших, данных на стадии предварительного расследования // *Lex russica*. 2016. № 9. С. 163—177.

13. Чухвичев Д. В. Особенности законодательной техники при проведении кодификации // *Право и политика*. 2005. № 10.

References

1. Sharipova A. R. The quality of justice in criminal, arbitration, civil and administrative cases: comparison by individual parameters. *Lex Russica*, 2020, no. 11, pp. 53—61. (In Russ.)

2. URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1734/en17340004_20150732.pdf, https://www.finlex.fi/fi/laki/kokoelma/2015/?_offset=10 (accessed 10.01.2022) (In Russ.)

3. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/rattgangsbalk-1942740_sfs-1942-740 (accessed 10.01.2022) (In Russ.)

4. Larin A. M. Criminal procedure: structure of law and structure of legislation. Moscow, 1985. (In Russ.)

5. Lapin B. N. Problems of institutionalization of judicial law in scientific and practical jurisprudence of the states of Eurasia. *Problems of the modern economy*, 2004, no. 1—2. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=383>, <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=383> (дата обращения: 10.01.2022). (In Russ.)

6. Shejfer S. A. Russian investigator — researcher or persecutor? *Rossiyskaya yusticiya*, 2010, no. 11, pp. 34—36. (In Russ.)

7. Pobedkin A. V. Traditions of proving in the domestic criminal process (why adversarial nature is not a principle of criminal procedure). The nature of the Russian criminal process and the principle of competitiveness: on the 125th anniversary of the birth of M. S. Strogovich: conference materials of October 24—25, 2019. Moscow, 2020, pp. 78—83. (In Russ.)

8. Solov'ev S. A. Fostering protection (favor defensionis): monograph. Moscow, 2021. (In Russ.)

9. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of July 28, 2015 no. 308-ES15-10659 in case no. A61-709 / 2013. (In Russ.)

10. Trubnikova T. V. The right to a fair trial: the legal positions of the European Court of Human Rights and their implementation in the criminal proceedings of the Russian Federation. Tomsk, 2011. (In Russ.)

11. Vlasova S. V. Theoretical concept of legal (criminal procedural) organization of combating crime in the field of economics: monograph. Moscow, 2020. (In Russ.)

12. Markova T. Yu. Publication in court of testimony of witnesses and victims given at the stage of preliminary investigation. *Lex russica*, 2016, no. 9, pp. 163—177. (In Russ.)

13. Chuhvichev D. V. Features of legislative technique when carrying out codification. *Pravo i politika*, 2005, no. 10. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Р. Шарипова — кандидат юридических наук.

Information about the author

A. R. Sharipova — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 343.132
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-128-133>

К вопросу о форме нормативной регламентации следственных действий, планируемых к проведению в дистанционном режиме

Абросимов Игорь Иванович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, abrosimov1969@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема проведения следственных действий с использованием дистанционных технологий. Анализируется подход законодателя, правоприменителя и уголовно-процессуальной доктрины к возможности проведения следственных действий, связанных с получением показаний, с использованием видео-конференц-связи. Приводится анализ точек зрения ученых, предлагавших дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) нормами, регламентирующими порядок и основания проведения дистанционных следственных действий. Делается вывод об отсутствии такой необходимости и предлагается снять рассматриваемую проблему посредством разъяснений, сформулированных в правовых позициях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, поскольку УПК РФ содержит все необходимые нормы, подлежащие применению в рассматриваемой ситуации.

Ключевые слова: следственные действия, видео-конференц-связь, дистанционное проведение следственных действий, невозможность подписания протокола, участие понятых, право на защиту, ограничение прав и законных интересов

Для цитирования: Абросимов И. И. К вопросу о форме нормативной регламентации следственных действий, планируемых к проведению в дистанционном режиме // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 128—133 <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-128-133>.

Original article

On the question of the form of regulatory regulation of investigative actions planned to be carried out remotely

Igor' I. Abrosimov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, abrosimov1969@bk.ru

Abstract. The article deals with the problem of conducting investigative actions using remote technologies. The author analyzes the approach of the legislator, the law enforcement officer and the criminal procedure doctrine to the possibility of conducting investigative actions related to obtaining testimony using videoconferencing. The analysis of the points of view of scientists proposing to supplement the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with norms regulating the procedure and grounds for conducting remote investigative actions is given. It is concluded that there is no such need and it is proposed to remove the problem under consideration by means of explanations formulated in the legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, since the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation contains all the necessary norms to be applied in the situation under consideration.

Keywords: investigative actions, video conferencing, remote conduct of investigative actions, impossibility of signing the protocol, participation of witnesses, right to protection, restriction of rights and legitimate interests

For citation: Abrosimov I. I. On the question of the form of regulatory regulation of investigative actions planned to be carried out remotely. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 128—133. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-128-133>.

© Абросимов И. И., 2022

В практической деятельности органов предварительного следствия и дознания зачастую возникает необходимость проведения следственных действий с участниками уголовного судопроизводства, присутствие которых невозможно обеспечить в разумный срок. Это в основном такие ситуации, когда участник досудебного производства проживает в другом регионе, выехал в длительную командировку, на отдых, а иногда и сменил место жительства на другой регион России или страну проживания.

Существующая проблематика, затронутая нами в данной статье далеко не нова, и получила свое развитие в исследованиях А. А. Афанасьевой [1]; А. А. Поддубняк, И. С. Евдокимовой [2]; С. П. Желтобрюхова [3]; А. Н. Мартынова, Е. Г. Кравеца, Н. В. Шувалова [4]; С. П. Щербь, Е. А. Архиповой [5]; В. Л. Будникова [6]; С. А. Новикова [7] и других.

Эти и другие авторы, анализируя возможность проведения дистанционных следственных действий с применением видео-конференц-связи и других технических средств в своих исследованиях, отмечают:

— что потребность в проведении ряда процессуальных и следственных действий в дистанционном формате уже давно сформировалась;

— разработан и предлагается примерный перечень оснований для применения видео-конференц-связи (дистанционного проведения следственного действия), в качестве которых могут выступать случаи нахождения лица — участника предполагаемого следственного действия в дальнем плавании, в научных и иных партиях или зимовках, на удаленных станциях, а также других местах, значительно удаленных от мест расположения органов предварительного следствия и дознания, а также за пределами Российской Федерации, в другой местности с отсутствующими средствами связи;

— подчеркивается возможность использования широкого перечня различных технических средств фиксации хода и результатов следственного действия;

— отмечается допущение законодателем использования видео-конференц-связи в стадии судебного разбирательства и предложение расширения использования технических систем дистанционного проведения следственных действий на досудебные стадии уголовного судопроизводства;

— исследуется положительный опыт деятельности правоохранительных органов республики Казахстан по использованию передовых достижений науки и техники, в том числе

и видео-конференц-связи в досудебном производстве;

— предлагаются изменения действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) (носящих, в целом, единообразный характер) с учетом сделанных выводов по нормативной регламентации проведения следственных действий в дистанционном формате.

С данными авторами мы, в целом, согласны. Действительно, производство следственных действий в рассматриваемых ситуациях возможно было бы с использованием видео-конференц-связи, что положительно может сказаться на сокращении срока расследования уголовного дела, и установлении обстоятельств предмета доказывания без умаления достоверности получаемых сведений. При этом еще раз подчеркнем, что на настоящем этапе развития уголовно-процессуального законодательства, проведение дистанционных следственных действий УПК РФ прямо разрешено только в ходе оказания международной правовой помощи по уголовным делам. Также УПК РФ предусматривает использование видео-конференц-связи в ходе судебного разбирательства.

Невозможность проведения следственных действий с применением дистанционных технологий получения и фиксации показаний следователем и дознавателем создавала известные трудности не только в последние годы. Однако существующая проблема еще более обострилась в период пандемии новой коронавирусной инфекции.

Законодатель пошел на встречу правоприменителю и в конце 2021 года был принят Закон о возможности проведения трех следственных действий (допроса, очной ставки и предъявления для опознания) с использованием видео-конференц-связи [8].

Возникают вопросы о том, на сколько органы предварительного расследования в своей деятельности имеют право использовать достижения науки и как данные технологии могут повлиять на доказательственное значение полученных сведений по уголовному делу.

Правоприменительная практика до принятия указанного Закона в данном вопросе была достаточно противоречива. Имеются практические примеры как того, что суды принимают в качестве допустимых доказательств результаты следственных действий, при проведении которых один из участников находился в другом месте, так и отрицают доказательственное значение полученной информации.

Это приводит к тому, что должностные лица органов предварительного расследования и дознания были вынуждены с целью реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства допускать известные отступления от требований норм УПК РФ, регламентирующих процессуальный порядок производства следственных действий, прибегая к определенным уловкам, а затем с опаской дожидаться судебного рассмотрения уголовного дела и рассчитывать, что допущенные отступления от буквы закона не будут выявлены.

В частности к таким случаям можно отнести проведение допроса участника досудебного производства по телефону с использованием мессенджера, приложения видеосвязи и т. п., с последующим направлением протокола следственного действия почтой адресату для подписания и возврата следователю (дознавателю). Оценивая данную практику, как не соответствующую требованиям закона, мы тем не менее относимся к ней с пониманием.

Вместе с тем полагаем возможным отметить, что в настоящее время в уголовно-процессуальном законе имеются все необходимые условия для использования дистанционного участия лиц при проведении следственных действий. Отметим лишь то, что использование исключительно ведомственной видео-конференц-связи, необходимость привлечения к проведению следственного действия другого сотрудника органа предварительного расследования, находящегося рядом с допрашиваемым или опознаваемым, значительно усложняет процессуальный порядок проведения данных следственных действий.

В качестве необходимых предпосылок любой дистанционной формы фиксации показаний участников, которые в любом случае должны быть исполнены, можно указать:

— по результатам проведения следственного действия должен составляться протокол независимо от того, получена или нет доказательственная информация, которая стороной обвинения может быть использована для доказанности причастности лица к совершенному преступлению. Мы полагаем, что в результате дистанционного проведения следственного действия также должен составляться протокол одновременно с видеофиксацией факта, хода и результатов данного мероприятия. С учетом положений статьи 166 УПК РФ протоколирование является основной формой фиксации следственного действия для нужд доказывания, но не исключительной. Однако другие формы

фиксации могут быть не вместо, а наряду с протоколированием;

— удостоверение согласия с содержанием протокола подписью участников следственного действия не является их обязанностью. Полагаем, что обязан подписать протокол следственного действия лишь следователь (дознаватель), а также адвокат, осуществляющие участие в следственном действии в силу закона или договора. Тем не менее практике известны не единичные случаи отказа адвоката-защитника от подписания протокола.

— возможность удостоверения правильности составления протокола следственного действия подписью понятых в случае невозможности его подписания основным участником проводимого процессуального действия. Таким образом, при проведении дистанционных допроса, очной ставки, возможно зафиксировать содержание показаний, факт разъяснения прав, обязанностей и ответственности участнику следственного действия подписью понятых, которые могут удостоверить не только факт составления протокола и невозможность подписания его текста лицом, давшим показания, но и соответствие текста протокола содержанию полученных от лица показаний;

— наличие в законе права следователя на применение технических средств. Это право следователя в широком смысле слова. Поэтому считаем возможным применять не только указанную в законе форму видео-конференц-связи, а любую, имеющуюся в распоряжении следователя. В случае применения любого вида конференц-связи осуществляется видеозапись с целью фиксации факта, хода и результата получения показаний. Отметим, что видеофиксация в данном случае может преследовать не только цель удостоверить факт проведения следственного действия, но и наравне с протоколом зафиксировать содержание показаний, а также дисциплинировать участников следственного действия;

— право следователя (дознавателя) составить протокол не только в ходе следственного действия, но и немедленно после его окончания. Таким образом, полученные показания можно будет зафиксировать в протоколе в ходе последующего просмотра видеозаписи в присутствии понятых, то есть тогда, когда следователь закончил ставить перед участником следственного действия вопросы.

Отметим, что невозможность непосредственного подписания протокола следственного действия лицом, присутствующим в другом месте,

не является в настоящее время препятствием для оценки допустимости данного доказательства. Уже сейчас, пока практика применения нового закона не наработана, применение видеоконференц-связи имеет место при проведении следственных действий уже в настоящее время и является формой использования технических средств при проведении расследования. Речь прежде всего идет о случаях проведения опознания лица в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, когда личность опознающего в целях обеспечения безопасности зашифрована. В этом случае опознающий подписывает протокол опознания от имени назначенного ему псевдонима, непосредственно с опознаваемым не встречается и не контактирует непосредственно в процессе самого следственного действия.

Не видит и непосредственно не контактирует в такой ситуации с опознающим и адвокат-защитник опознаваемого подозреваемого (обвиняемого). Как отметил в своем определении Конституционный Суд Российской Федерации, защитник присутствует в помещении, в котором находится его подзащитный [9]. Также судом отмечено, что из системного толкования положений УПК РФ следует, что при проведении такого опознания понятия находятся непосредственно возле опознающего. Полагаем, что подобная точка зрения суда вполне обоснована, поскольку функция понятий в подобной ситуации зафиксировать соответствие показаний их процессуальному закреплению в протоколе. Это также подтверждает нашу точку зрения о том, что возможно проведение следственных действий, при которых непосредственного визуального контакта между участниками не происходит, и они находятся на удалении друг от друга.

Отметим, что уголовно-процессуальный закон не ограничивает следователя (дознавателя) в использовании видекамеры и монитора при проведении такого опознания. УПК РФ не обязывает должностное лицо, проводящее опознание, использовать в подобных следственных действиях исключительно шторы или стекло со светопропусканием в сторону опознаваемого, а также специальное программное или техническое обеспечение.

Таким образом, в рассматриваемых ситуациях, и мы специально это подчеркнем, законодатель, как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, допускает проведение следственных действий без непосредственного обоюдного контакта его участников между собой.

При проведении опознания без визуального контакта следователю необходимо не только постараться, но и обеспечить возможность того, чтобы опознающий и опознаваемый непосредственно не контактировали между собой не только в ходе проведения следственного действия, но и после его проведения. Соответственно, и ознакомление с протоколом, и его подписание названными участниками осуществляется раздельно.

Указанное позволяет утверждать, что уже в настоящее время возможно проведение в досудебном производстве дистанционных следственных действий с использованием любого вида видеоконференц-связи.

Другим аспектом рассматриваемой проблемы является предлагаемые рядом авторов основания для дистанционного проведения следственных действий. В основном они состоят в удаленности участника от места проведения расследования или затруднительности транспортного сообщения в месте его нахождения. Мы не можем полностью согласиться с указанными обстоятельствами. Так, УПК РФ закрепляет возможность дистанционного проведения следственных действий при исполнении международного поручения, то есть нахождения участника планируемого следственного действия за рубежом.

Тем не менее указанное вряд ли может быть истолковано как удаленность участника от места проведения расследования. Возьмем, например, Казахстан и Оренбургскую область или Смоленскую область и Республику Беларусь. Между данными регионами России и другими странами проходит Государственная граница Российской Федерации и расстояние между населенными пунктами, где ведется расследование и проживают участники планируемых следственных действий, может измеряться десятками километров. А если рассмотреть необходимость проведения следователем органа, дислоцированного в Новгородской области, допроса участника, проживающего в Приморском крае, то не может быть препятствием удаленность указанных лиц друг от друга на расстояние около 10 тыс. километров.

Поэтому законодатель не должен устанавливать ограничений для лица, проводящего расследование уголовного дела, в виде определенного расстояния, конкретного аппаратного обеспечения, недостаточности транспортного сообщения или иных условий проведения дистанционного следственного действия, обусловленных внешними факторами. Во главу

угла должна быть поставлена необходимость и своевременность привлечения лица к участию в следственном действии, обусловленная исключительно нуждами расследования. Поэтому следователь должен иметь право выбирать форму производства следственного действия по своему усмотрению, с учетом мнения участников производства, которое ни в коем случае не может быть для него решающим.

Положение о подписи лица, не присутствующего в месте проведения следственного действия (возле следователя) не должно быть для уголовного судопроизводства «священной коровой». Известно, что сокращение законодателем случаев обязательного участия понятых в следственных действиях негативно не сказалось на уголовном судопроизводстве. Представляется, что в настоящее время не следует рассматривать как незыблемое положение УПК РФ о том, что участник следственного действия должен подписать лично расписку или протокол следственного действия, а в случае отсутствия подписи отрицать доказательственное значение соответствующего протокола.

Представляется, что для широкого применения дистанционного порядка проведения следственных действий достаточно разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, поскольку именно суды общей юрисдикции не принимают в качестве доказательств положительные примеры органов предварительного расследования, указывают на нарушение процессуального порядка проведения следственного действия, влекущего признание его результата недопустимым доказательством.

Полагаем, что если будет организовано обобщение судебной практики и сделаны необходимые разъяснения, то имеющаяся проблема может быть снята и без участия законодателя, проявляющего известную нерасторопность в условиях имеющихся потребностей и возможностей более широкого использования достижений науки и техники.

Полагаем, что при дистанционном проведении следственного действия необходимо обеспечить ряд принципиальных аспектов, которые должны найти свое закрепление в тексте протокола, и в случае видеофиксации в видеозаписи дистанционного проведения следственного действия, прилагаемой к протоколу:

— разъяснение участникам процессуального порядка проведения следственного действия и особенностей его дистанционного формата (использование технических средств, оснований и мотивов выбора формата следственного действия);

— мнение участников о дистанционном формате проведения следственного действия;

— использование понятых как лиц, подтверждающих невозможность подписания протокола следственного действия его участниками, содержание данных показаний и правильности их фиксации в протоколе;

— обеспечение возможности ознакомления участника с протоколом следственного действия, с обязательной фиксацией сделанных им заявлений и замечаний;

— разъяснение и фактическое обеспечение прав участников следственного действия в ходе его производства. В первую очередь речь идет об обеспечении права на защиту лица, привлекаемого к уголовному преследованию или к участию в следственном действии, ограничивающему или могущему ограничить его права и законные интересы. Это возможно сделать, в том числе и посредством организации конференции, если следователь, допрашиваемый участник и его адвокат защитник (представитель) находятся в разных местах.

С учетом положения о том, что УПК РФ не ограничивает следователя (дознателя) в вынесении постановления о проведении следственного действия даже в случаях, специально не предусмотренных на то законом, на первоначальном этапе проведения дистанционных следственных действий возможно вынесение об этом постановления. Однако оговоримся заранее, что это не должно быть обязательным.

В связи с указанными обстоятельствами считаем, что дистанционное проведение следственных действий в любом случае скажется положительно на сроках расследования, позволит проводить полноценное расследование в условиях пандемии коронавирусной инфекции, а также в известной степени сократит временные и судебные издержки, поскольку необходимость в оплате проезда и проживания в месте проведения следственных действий существенно сократится.

Список источников

1. Афанасьева А. А. Дистанционный допрос: состояние и перспективы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 3 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distantcionnyy-dopros-sostoyanie-i-perspektivy> (дата обращения: 22.11.2021).

2. Поддубняк А. А., Евдокимова И. С. Допрос свидетеля посредством видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования как новелла российского законодательства // Ученые запи-

ски Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. № 3.

3. Желтобрюхов С. П. О необходимости предоставления органу предварительного расследования возможности применения видеоконференцсвязи на стадии досудебного производства // Российская юстиция. 2016. № 1. С. 63—64.

4. Мартынов А. Н., Кравец Е. Г., Шувалов Н. В. Организационно-тактический модуль дистанционных следственных действий // Криминологические проблемы правоохранительной деятельности: Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 128—129.

5. Щерба С. П., Архипова Е. А. Применение видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: опыт, проблемы, перспективы: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 216 с.

6. Будников В. Л. Видеопоказания в уголовном процессе России // Журнал «Правовой аспект». 2010. № 9. С. 15—17.

7. Новиков С. А. Допрос с использованием систем видео-конференц-связи: завтрашний день российского предварительного расследования. URL: <http://vuzirossii.ru/publ/dopros/16-1-0-1842> (дата обращения: 22.11.2021).

8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405493/ (дата обращения: 22.11.2021).

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Орлова Дмитрия Игоревича на нарушение его конституционных прав положением части восьмой статьи 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2008 г. № 1090-О-О. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18122008-n/> (дата обращения: 22.11.2021).

References

1. Afanasyeva A. A. Remote interrogation: state and prospects. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 3 (45). URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/distsantsionnyy-](https://cyberleninka.ru/article/n/distsantsionnyy-dopros-sostoyanie-i-perspektivy)

[dopros-sostoyanie-i-perspektivy](https://cyberleninka.ru/article/n/dopros-svidetelya-posredstvom-video-konferents-svyazi-na-stadii-predvaritelnogo-rassledovaniya-kak-novella-rossiyskogo) (accessed 22.11.2021). (In Russ.)

2. Poddubnyak A. A., Evdokimova I. S. Interrogation of a witness by means of video conferencing at the stage of preliminary investigation as a novella of Russian legislation. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences*, 2018, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopros-svidetelya-posredstvom-video-konferents-svyazi-na-stadii-predvaritelnogo-rassledovaniya-kak-novella-rossiyskogo> (accessed 22.11.2021). (In Russ.)

3. Zheltobryukhov S. P. On the need to provide the preliminary investigation body with the possibility of using videoconferencing at the stage of pre-trial proceedings. *Russian justice*, 2016, no. 1, pp. 63—64. (In Russ.)

4. Martynov A. N., Kravets E. G., Shuvalov N. V. Organizational and tactical module of remote investigative actions. *Criminological problems of law enforcement: Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 4 (44), pp. 128—129. (In Russ.)

5. Shcherba S. P., Arkhipova E. A. The use of video conferencing in criminal proceedings in Russia and foreign countries: experience, problems, prospects: monograph. Moscow: Yurлитinform Publ., 2016. 216 p. (In Russ.)

6. Budnikov V. L. Video evidence in the criminal process of Russia. *Journal Legal aspect*, 2010, no. 9, pp. 15—17. (In Russ.)

7. Novikov S. A. Interrogation using videoconferencing systems: tomorrow of the Russian preliminary investigation. URL: <http://vuzirossii.ru/publ/dopros/16-1-0-1842> (accessed 22.11.2021). (In Russ.)

8. On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation: federal law no. 501-FZ of December 30, 2021. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405493/ (accessed 22.11.2021). (In Russ.)

9. The refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Orlov Dmitry Igorevich the violation of his constitutional rights by the provisions of part eight of article 193 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: constitutional Court of the Russian Federation no. 1090-Oh of December 18, 2008. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18122008-n/> (accessed 22.11.2021). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.12.2021; одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 01.12.2021; approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 343.573
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-134-139>

**Крупный и особо крупный размеры как конструктивные признаки
состава преступления, предусмотренного статьей 171³
Уголовного кодекса Российской Федерации**

Виссаров Василий Анатольевич

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, vissar2016@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуются вопросы, касающиеся определения стоимостных выражений крупного и особо крупного размеров как конструктивных признаков состава преступления, предусмотренного статьей 171³ Уголовного кодекса Российской Федерации. Сделаны выводы о том, что исследуемые признаки имеют немаловажное значение для квалификации преступления. Автором отмечается, что их определение в процессе квалификации вызывает затруднения. Это связывается с отсутствием нормативных регламентаций последовательности определения стоимости предмета преступления, предусмотренного вышеуказанной статьей. Для разрешения указанной проблемы автором проанализированы подходы к установлению стоимости предмета преступления в иных категориях общественных отношений, выполняющих охранительную функцию. По результатам проведенного анализа, руководствуясь положениями систематического подхода к толкованию уголовно-правовых норм, автором предложен механизм определения стоимости незаконно произведенных и находящихся в обороте этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Ключевые слова: этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, крупный размер, конструктивный признак, стоимость, установление крупного размера

Для цитирования: Виссаров В. А. Крупный и особо крупный размеры как конструктивные признаки состава преступления, предусмотренного статьей 171³ Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 134—139. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-134-139>.

Original article

**Large and especially large sizes as construction signs
of the crime under article 171³ of the Criminal Code of the Russian Federation**

Vasiliy A. Vissarov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V. Ya. Kikot'a, Moscow, Russian Federation, vissar2016@rambler.ru

Abstract. The article examines issues related to the definition of the value terms of large and especially large sizes as constructive signs of a crime under article 171³ of the Criminal Code of the Russian Federation. Conclusions are drawn that the studied signs are of no small importance for the qualification of a crime. The author notes that their determination in the process of qualification causes difficulties. This is due to the lack of normative regulation of the sequence of determining the value of the subject of the crime provided for by the above article. To resolve this problem, the author analyzed the mechanism for establishing the value of the subject of a crime in other categories of social relations that perform a protective function. Based on the results of the analysis, guided by the provisions of a systematic approach to the interpretation of criminal law, the author proposes a mechanism for determining the cost of illegally produced and circulating ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products.

Keywords: ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products, large size, design feature, cost, establishment of a large size

© Виссаров В. А., 2022

For citation: Vissarov V. A. Large and especially large sizes as construction signs of the crime under article 171³ of the Criminal Code of the Russian Federation. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 134—139. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-134-139>.

Для целей противодействия нелегальным сегментам алкогольного рынка в 2017 году уголовный закон был дополнен статьей 171³ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), предусматривающей уголовную ответственность за незаконное осуществление специальных видов предпринимательской деятельности в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Введенная норма запрещает совершение одного или нескольких альтернативных действий, выраженных в противоправных производстве, закупке и поставках (включающих экспорт и импорт соответственно), хранении, перевозках и розничной продаже, в отсутствие лицензионно-разрешительных документов.

Устанавливая противоправность вышеуказанных форм объективной стороны, законодатель использует такую стоимостную характеристику предмета, как крупный и особо крупный размеры. Указанный факт представляется вполне оправданным, поскольку анализируемая норма содержится в главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». По этой причине определение иным критерием, характеризующим масштабы и объемы незаконных производства и оборота рассматриваемой продукции, представляется невозможным.

Как совершенно справедливо отмечает Н. А. Лопашенко, легально истолкованные признаки размеров ущерба, дохода и так далее для уголовного законодательства имеют немаловажное значение, так как способствуют его уяснению и позволяют применять на практике, делая менее зависимым от субъективной оценки правоприменителя. По мнению названного автора, данное положение имеет место быть только в том случае, если их законодательно предложенные понимания вариативны; соблюден и очевиден переход от одного выражения (крупного размера) к другому (особо крупному размеру) [1]. Схожей с вышеприведенной точкой зрения придерживаются Ю. В. Трунцевский и И. В. Осипов [2, с. 127].

На наш взгляд, подобное понимание предмета для целей применения статьи 171³ УК РФ является приемлемым. В самом деле, четкое определение в уголовно-правовых нормах пределов стоимостных критериев рассматриваемых деяний позволит в достаточной мере определить границы действия уголовно-правовой нормы и будет способствовать устранению проблем дифференциации уголовной ответственности по степени общественной опасности.

Таким образом, обязательными признаками противоправности деяний, закрепленных в диспозиции анализируемой статьи уголовно-правовой нормы, являются крупный и особо крупный размеры. Правильность определения указанных признаков предмета преступления влечет за собой признание или не признание деяния преступным, что оказывает непосредственное влияние на процесс его квалификации. Так, статьями 14.16—14.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях установлена ответственность за правонарушения, являющиеся смежными с анализируемой статьей уголовного закона. Изучение положений указанных норм показывает, что критерием отграничения предусмотренных ими правонарушений от уголовно наказуемых деяний является размер продукции, участвующей в незаконных производстве и обороте.

Резюмируя, следует отметить, что размер произведенной и находящейся в незаконном обороте спиртосодержащей, алкогольной продукции и этилового спирта служит признаком, отграничивающим преступное деяние от административного правонарушения, кроме того, является квалифицирующим признаком рассматриваемого преступления.

Ретроспективный анализ уголовного законодательства в части привлечения к ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность в рассматриваемой сфере позволяет прийти к заключению о том, что ранее она предусматривалась статьей 171 УК РФ (табл.).

Таблица

№ п/п	Статья 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство»	Статья 171 ³ УК РФ «Незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции».
Крупный размер	Свыше 2 250 000 рублей	Свыше 100 000 рублей
Особо крупный размер	Свыше 9 000 000 рублей	Свыше 1 000 000 рублей

Сравнивая вышеприведенные нормы, следует отметить значительное понижение стоимостного предела крупного размера с одновременным повышением наказания за противоправное деяние. Данный факт обуславливается тем, что незаконные производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции относятся к тем видам деятельности, которые приносят стабильно высокие доходы. Деятельность, связанная с контрафактной алкогольной продукцией, наносит ущерб не только государственным интересам путем неполучения акцизных сборов в федеральный бюджет, но и дополнительно охраняемому благу — жизни и здоровью населения.

Указанные обстоятельства актуализируют вопрос о порядке установления крупного и особо крупного размеров, являющихся обязательными конструктивными признаками состава преступления, поскольку имеющееся примечание к указанной статье не позволяет установить последовательность определения стоимости предмета преступления.

Итак, в соответствии с положениями статьи Федерального закона от 22 ноября 1995 года № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» деятельность по регулированию цен на рассматриваемые виды продукции относится к компетенции органов государственной власти. Механизм ценообразования при закупке (кроме импорта) поставки (за исключением экспорта) этилового спирта, произведенного из непищевого сырья [3], этилового спирта, произведенного из пищевого сырья [4], розничной продажи алкогольной продукции крепостью свыше 28 % [5] за 0,5 литров готовой продукции, а также игристого вина (шампанского) [6] установлен Министерством финансов Российской Федерации (далее — Минфин России).

Вместе с тем изучение судебной практики показывает, что изымаемая из незаконного оборота продукция в большинстве случаев изготовлена кустарным способом, что не позволяет определить точный объем партии и крепость изъятой продукции. В связи с вышеуказанным стоит обратить внимание на проблему отсутствия легального определения понятия «стоимость». В то время как по делам о незаконном обороте наркотических средств [7], о контрабанде [8], о защите прав интеллектуальной собственности [9] порядок определения стоимости предмета преступления предусмотрен

соответствующими постановлениями государственных органов.

Нормативных правовых актов, регламентирующих порядок определения размера кустарной продукции, не имеется. Однако действующее законодательство, касающееся определения стоимости предмета рассматриваемой уголовно-правовой нормы, позволяет заключить следующее. Стоимость изъятой алкогольной и спиртосодержащей продукции крепостью более 28 % необходимо рассчитывать в соответствии с нормативными правовыми актами Минфина России. В случаях, когда минимальная стоимость изъятой продукции нормативными правовыми актами не определена, правоприменителю надлежит руководствоваться статьями 37—39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и определять порядок и способ расчета размера совершенного деяния самостоятельно. Следует учесть, что при незаконной реализации контрафактной продукции, поступление доходов в государственный бюджет в виде акцизных сборов и НДС не осуществляется. Следовательно, ее размер должен определяться с учетом рыночной стоимости такой продукции, включая сумму акцизного сбора и НДС. Аналогичной точки зрения придерживается А. А. Лихолетов, по мнению которого в случае отсутствия нормативного закрепления стоимости отдельных видов спиртосодержащей продукции при определении размера необходимо исходить из среднерыночной стоимости спиртосодержащей продукции на дату выявления признаков совершенного преступления [10, с. 204]. Вышеуказанные доводы по рассматриваемому вопросу подтверждаются и позицией Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России [11].

По этому же пути в настоящее время идет судебно-следственная практика. Так, по одному из изученных уголовных дел, возбужденному по статье 171³ УК РФ, размер предмета преступления устанавливался путем запроса сведений из ряда рознично-торговых сетей о стоимости интересующей следствие алкогольной продукции. Полученные ответы явились основой проведения стоимостной экспертизы незаконно произведенной и находящейся в обороте алкогольной продукции. Согласно заключению эксперта рыночная стоимость на дату совершения преступления составила: ликер BAILEYS Original Irish Cream алк. 17 % (Ирландия) 0,5 литра — 505,1 рублей; ликер BAILEYS Original Irish Cream алк. 17 % (Ирландия) 0,7 литра — 659,52 рублей; вино MARTINI

Мартини Пьемонте Бьянко белое сух. (Италия) 0,75 литра — 353,3 рубля [12].

Кроме того, для правильного определения стоимостного критерия предмета преступления необходимо также учитывать его биохимическую характеристику. Ее установление возможно только после проведения предусмотренных законом экспертиз. Основными целями биохимического исследования спиртосодержащей жидкости являются: 1) проверка соответствия предмета исследования требованиям ГОСТ; 2) установление крепости предмета исследования; 3) факт отождествления предмета исследования со спиртосодержащей жидкостью; 4) установление объема изъятой продукции и др. В случае неправильного установления биохимических свойств возможны квалификационные ошибки.

Так, судья Шадринского районного суда Курганской области постановил возвратить уголовное дело прокурору, поскольку в ходе осуществления оперативно-следственных мероприятий по делу был изъят фальсификат алкогольной продукции, стоимость которой определена, исходя из рыночных цен легально произведенной алкогольной продукции с аналогичным наименованием, вопреки положениям Федерального закона от 2 января 2000 года № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [13].

В тех случаях, когда объем изъятой продукции значительный, применяется методика случайного отбора образцов для проведения экспертизы по установленной специальной методикой формуле. По мнению Е. С. Крыловой, данный способ не может отражать объективных данных о количестве и крепости всего изъятого объема продукции, что, по мнению исследователя, порождает необходимость изменения методики проведения экспертизы [14, с. 16]. Эта позиция представляется недостаточно последовательной и убедительной, поскольку практика проведения экспертиз методом случайного отбора является устоявшейся и научно обоснованной.

Так, изучение судебно-следственной практики позволяет заключить, что в 90 % из 50 изученных уголовных дел при изъятии правоохранительными органами большого количества этилового спирта, алкогольной или спиртосодержащей продукции в ходе производства экспертиз применялась методика случайного отбора. Кроме того, анализ всей совокупности изъятой продукции порождает проблему продолжительности такого анализа, что в свою

очередь может привести к нарушению разумных сроков уголовного судопроизводства.

Таким образом, стоимостная характеристика предмета преступного посягательства служит критерием разграничения преступления от административного правонарушения, являясь при этом квалифицирующим признаком диспозиции уголовно-правовой нормы. Обозначенные в настоящей статье проблемные аспекты требуют законодательных разрешений, которые будут способствовать совершенствованию судебно-следственной практики и вместе с тем борьбе с преступлениями в сфере экономической деятельности.

Список источников

1. Лопашенко Н. А. Стоимостное выражение крупного (особо крупного) размера дохода, ущерба, задолженности применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности. DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(2).220-228 // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 2. С. 220—228.

2. Трунцевский Ю. В., Осипов И. В. Законодательное закрепление количественных параметров стоимостных критериев преступлений в сфере экономической деятельности: закономерности и методика подсчета // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 122—148.

3. Об установлении цены, не ниже которой осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и денатурированного этилового спирта, произведенного из пищевого и непищевого сырья (за исключением биоэтанола): приказ Министерства финансов Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 234н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.11.2021).

4. Об установлении цены, не ниже которой осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) этилового спирта, произведенного из пищевого сырья: приказ Министерства финансов Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 233н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.11.2021).

5. Об установлении цен, не ниже которых осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) и розничная продажа алкогольной продукции крепостью свыше 28 процентов: приказ Министерства финансов Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 235н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.11.2021).

6. Об установлении цен, не ниже которых осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) и розничная продажа игристого вина (шампанского): приказ Мини-

стерства финансов Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 232н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.11.2021).

7. Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. № 1002 (ред. от 29 июля 2020 г.) Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2021).

8. О судебной практике по делам о контрабанде: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 (ред. от 11 июня 2020 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2021).

9. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2021).

10. Лихолетов А. А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности: монография / под ред. Н. А. Егоровой. М.: Юрлитинформ, 2020. 288 с.

11. О полномочиях Росалкогольрегулирования на проведение исследований и экспертиз изъятой контрафактной алкогольной или спиртосодержащей продукции и методики расчета стоимости указанной продукции: письмо Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России от 20 апреля 2018 г. № 03-14-11/26736. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.11.2021).

12. Приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 4 февраля 2020 г. по делу № 1-6/2020. Архив Ленинского районного суда г. Чебоксары Чувашской республики за 2020 год.

13. Постановление Шадринского районного суда Курганской области от 26 октября 2018 г. по делу № 1-211/2018 / Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gnKfDkTnGrg8/> (дата обращения: 05.12.2021).

14. Крылова Е. С., Ефимов М. А. Незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции: вопросы расследования и квалификации: методические рекомендации. Казань: КЮИ МВД России, 2020. 36 с.

References

1. Lopashenko N. A. The value expression of a large (especially large) amount of income, damage, debt in relation to

crimes in the field of economic activity. DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(2).220-228. *Russian journal of criminology*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 220—228. (In Russ.)

2. Trencovski V., Osipov I. V. Legislative consolidation of the quantitative value of the criteria of crimes in the sphere of economic activity: patterns and counting technique. *Right. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, no. 3, pp. 122—148. (In Russ.)

3. On setting the price not lower than which the purchase (with the exception of imports), supply (with the exception of exports) of ethyl alcohol produced from non-food raw materials and denatured ethyl alcohol produced from food and non-food raw materials (with the exception of bioethanol) are carried out: order of the Ministry of Finance of the Russian Federation no. 234n of October 7, 2020. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 18.11.2021). (In Russ.)

4. On setting the price not lower than which the purchase (with the exception of imports), supplies (with the exception of exports) of ethyl alcohol produced from food raw materials are carried out: order of the Ministry of Finance of the Russian Federation no. 233n of October 7, 2020. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 18.11.2021). (In Russ.)

5. On setting prices not lower than which purchases (except for imports), deliveries (except for exports) and retail sale of alcoholic beverages with a strength of over 28 percent are carried out: order of the Ministry of Finance of the Russian Federation no. 235n of October 7, 2020. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 18.11.2021). (In Russ.)

6. On setting prices not lower than which purchases (excluding imports), deliveries (excluding exports) and retail sale of sparkling wine (champagne) are carried out: order of the Ministry of Finance of the Russian Federation no. 232n of October 7, 2020. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 18.11.2021). (In Russ.)

7. On approval of significant, large and especially large sizes of narcotic drugs and psychotropic substances, as well as significant, large and especially large sizes for plants containing narcotic drugs or psychotropic substances, or their parts containing narcotic drugs or psychotropic substances, for the purposes of Articles 228, 228.1, 229 and 229.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: decree of the Government of the Russian Federation no. 1002 of October 1, 2012 (ed. of July 29, 2020). Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 16.11.2021). (In Russ.)

8. On judicial practice in cases of smuggling: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 12 of April 27, 2017 (ed. of June 11, 2020). Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 16.11.2021). (In Russ.)

9. On the practice of the application by courts of legislation regulating the specifics of criminal liability for crimes in the field of entrepreneurial and other economic activities: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 48 of November 15, 2016.

Access from the reference legal system “Consultant-Plus” (accessed 16.11.2021). (In Russ.)

10. Likholetov A. A. Criminal-legal characteristics and problems of qualification of crimes in the sphere of special types of entrepreneurial activity: monograph / ed. by N. A. Egorova. Moscow: Yurlitinform Publ., 2020. 288 p. (In Russ.)

11. On the powers of Rosalkogolregulirovanie to conduct research and examinations of Seized Counterfeit alcoholic or alcohol-containing Products and Methods for Calculating the cost of these products: letter of the Department of Tax and Customs Policy of the Ministry of Finance of the Russian Federation of April 20, 2018 no. 03-14-11/26736. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 18.11.2021). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 07.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 29.12.2021; approved after reviewing 07.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

12. The verdict of the Leninsky District Court of Cheboksary of the Chuvash Republic of February 4, 2020 in case no. 1-6/2020. Archive of the Leninsky District Court of Cheboksary, Chuvash Republic for 2020. (In Russ.)

13. Resolution of the Shadrinsky District Court of the Kurgan Region in case no. 1-211/2018/ of October 26, 2018. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gnKfDkTnGrg8/> (accessed 05.12.2021). (In Russ.)

14. Krylova E. S., Efimov M. A. Illegal production and (or) turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products: issues of investigation and qualification: methodological recommendations. Kazan: Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2020. 36 p. (In Russ.)

Научная статья
УДК 342
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-140-146>

Технологии совершенствования антикоррупционного законодательства в Российской Федерации

Елисеева Вера Сергеевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, VSEliseeva@yandex.ru

Аннотация. В статье дается оценка состояния антикоррупционного законодательства в Российской Федерации и кратко анализируются правовое регулирование и практика реализации технологий его совершенствования. Среди подобных технологий автор выделяет правовую экспертизу и правовой мониторинг. Рассматриваются особенности осуществления правовой и антикоррупционной экспертиз, которые, по мнению автора, являются своеобразным «правотворческим барьером» для проектов нормативных правовых актов, не соответствующих требованиям юридической техники. Проанализированы такие виды правового мониторинга, как мониторинг правоприменения, антикоррупционный мониторинг и оценка фактического воздействия нормативных правовых актов. На основе проведенного исследования сделаны выводы о направлениях и пределах использования данных юридических технологий для целей совершенствования антикоррупционного законодательства.

Ключевые слова: антикоррупционное законодательство, нормативный массив, систематизация, правовая экспертиза, антикоррупционная экспертиза, правовой мониторинг

Для цитирования: Елисеева В. С. Технологии совершенствования антикоррупционного законодательства в Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 140—146. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-140-146>.

Original article

Technologies of anti-corruption legislation improving in the Russian Federation

Vera S. Eliseeva

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhniy Novgorod, Russian Federation, VSEliseeva@yandex.ru

Abstract. The state of anti-corruption legislation in the Russian Federation was considered in the article. Legal regulation and the practice of implementing technologies to improve anti-corruption legislation were briefly analyzed. The author highlighted legal expertise and legal monitoring in the range of such technologies. The features of the legal and anti-corruption expertise implementation were discussed. The author defined these kinds of expertise as a kind of “law-making barrier” for draft regulatory legal acts that do not fit the requirements of legal technology. Such types of legal monitoring as law enforcement monitoring, anti-corruption monitoring and assessment of the actual impact of regulatory legal acts were analyzed. According to the results of the research, the author proposed the directions and limits of these legal technologies use for the purposes of improving anti-corruption legislation.

Keywords: anti-corruption legislation, regulatory array, systematization, legal expertise, anti-corruption expertise, legal monitoring

For citation: Eliseeva V. S. Technologies of anti-corruption legislation improving in the Russian Federation. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 140—146. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-140-146>.

© Елисеева В. С., 2022

Противодействие коррупции — важное направление международной и национальной государственной политики. В Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию она рассматривается как угроза верховенству закона, демократии и правам человека [1]. Коррупция подрывает эффективное государственное управление, нарушает принципы равенства и социальной справедливости, ведет к искажению условий конкуренции, затрудняет экономическое развитие и угрожает стабильности демократических институтов и моральным устоям общества. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [2] укрепление законности и искоренение коррупции отнесены к национальным интересам Российской Федерации.

Присоединение России в 2007 году к группе стран против коррупции (ГРЕКО) предопределило формирование национальной системы правового регулирования противодействия коррупции. Принятый в 2008 году Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3] (далее — Федеральный закон «О противодействии коррупции») закрепил базовые понятия («коррупция», «конфликт интересов» и пр.), установил основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Предельно широкое толкование понятия «коррупция», широкий перечень адресатов антикоррупционных норм, включение соответствующих составов в законодательство об административной и уголовной ответственности, вовлечение органов публичной власти и их должностных лиц в осуществление дифференцированных мер противодействия коррупции — все это обусловило появление в стране существенного объема антикоррупционного законодательства, включающего в себя все уровни правового регулирования: от Конституции Российской Федерации (в части введения запрета для лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации) [4] до локальных нормативных правовых актов [5]. В докладе о мониторинге правоприменения в Российской Федерации за 2017 год [6] в разделе «Противодействие коррупции» отмечалось, что в целях

совершенствования законодательства Российской Федерации принято 12 федеральных законов, а также 381 подзаконный нормативный правовой акт (акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, органов с особым конституционно-правовым статусом).

Подобное видовое разнообразие нормативных правовых актов, проникновение антикоррупционных норм в разные отрасли права (конституционное, административное, уголовное, гражданское, финансовое и пр.) позволяют говорить об антикоррупционном законодательстве как о нормативном массиве, новом феномене российской правовой действительности, выявленном и определенном Т. Я. Хабриевой [7].

Соответственно, для российской науки и практики актуальным является вопрос совершенствования законодательства о противодействии коррупции. Следует подчеркнуть, что, с одной стороны, Федеральный закон «О противодействии коррупции» в числе мер профилактики коррупции называет антикоррупционную экспертизу правовых актов и их проектов, которая является одним из средств совершенствования российского законодательства. С другой стороны, само антикоррупционное законодательство, несомненно, является объектом применения подобных средств. Оптимальными инструментами подобного совершенствования являются правовая экспертиза и правовой мониторинг во всем многообразии их технологий.

Правовая экспертиза в разных формах и объемах сегодня является неотъемлемой частью правотворческого процесса в большинстве стран мира. Например, в Польше Законодательное Бюро Сейма и Аналитическое Бюро проверяют законопроекты на соответствие праву Европейского Союза и формальным элементам обоснования [8, с. 90]. Статья 30 Закона Республики Казахстан «О правовых актах» [9] устанавливает, что по проектам нормативных правовых актов может проводиться научная экспертиза, в том числе правовая и антикоррупционная. Целью ее проведения являются оценка качества, обоснованности, своевременности, правомерности проекта, соблюдения в проекте закрепленных Конституцией Республики Казахстан прав человека и гражданина; определение возможной эффективности нормативного правового акта, а также выявление возможных отрицательных последствий принятия проекта в качестве нормативного правового

акта. Статья 61 Конституции Франции [10] устанавливает требование о проверке конституционности органических законов до их промульгации и регламентов палат Парламента до их применения Конституционным советом; статья 69 в свою очередь устанавливает требование обязательного заключения Экономического и социального совета по проектам законов, ординансов или декретов.

В Российской Федерации правовая экспертиза как универсальная юридическая технология нормативно не определена. В федеральном законодательстве наиболее детально урегулирована антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [11]. В региональных актах, например г. Москвы [12], закреплено содержание понятий и особенности системы осуществления таких видов экспертиз, как антикоррупционная экспертиза правовых актов, лингвистическая экспертиза проектов правовых актов, независимая экспертиза проектов правовых актов, правовая экспертиза проектов правовых актов.

В федеральном законодательном процессе правовая экспертиза и лингвистическая экспертиза осуществляются Правовым управлением Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в соответствии с Регламентом Государственной Думы [13], при этом в пункте 7 статьи 121 устанавливается содержание лингвистической экспертизы, а в пункте 3 статьи 112 установлен перечень вопросов, которые должны быть отражены в заключении по итогам правовой экспертизы. Причем в пункте 8 статьи 119 отдельно названы правовая и юридико-техническая экспертиза, содержание которой и разграничение с собственно правовой экспертизой не определены. М. В. Деменков еще в 2016 году отмечал, что правовое управление не исчерпывает проведение экспертизы формальным подходом, но оценивает и предмет правового регулирования, и положения пояснительной записки, адекватность выбранных средств правового регулирования и т. п. [14, с. 66—67] Антикоррупционная экспертиза в свою очередь направлена на выявление коррупционных факторов, таких как юридико-лингвистическая неопределенность или широта дискреционных полномочий государственных органов.

В Федеральный закон «О противодействии коррупции» с 2011 года по ноябрь 2021 года изменения вносились 27 федеральными законами. Очевидно, что в их отношении проводилась и правовая, и антикоррупционная экспертиза.

Федеральный закон 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» оказался более стабильным: за период существования изменения в него вносились лишь 4 раза. Тем не менее любое внесение изменений в основополагающие акты правового массива неизбежно влечет за собой цепную реакцию изменения всего связанного объема нормативных правовых актов.

Экспертиза на коррупциогенность проектов нормативных правовых актов и иных документов проводится Министерством юстиции Российской Федерации и его территориальными подразделениями. Подчеркнем, что и в рамках деятельности Федерального Собрания Российской Федерации, и в деятельности Минюста России объектом экспертизы являются проекты правовых актов. Не углубляясь в тематику независимой антикоррупционной экспертизы, следует заметить, что сегодня это один из многочисленных вариантов осуществления экспертной деятельности в отношении уже действующего нормативного правового акта. Хотя на ее невысокую эффективность и необходимость совершенствования указывает подавляющая часть юридического научного сообщества [15, 16].

Соответственно, сегодня правовая экспертиза и антикоррупционная экспертиза являются своеобразным «правотворческим барьером», отсеивающим проекты нормативных правовых актов, не соответствующие требованиям юридической техники.

С точки зрения средств совершенствования действующего антикоррупционного законодательства и правоприменительной практики следует обратиться к технологиям правового мониторинга, среди которых следует назвать мониторинг правоприменения, антикоррупционный мониторинг и оценку фактического воздействия нормативных правовых актов.

Элементы антикоррупционного законодательства неоднократно становились объектом мониторинга правоприменения как на федеральном уровне [17], так и на уровне субъектов Российской Федерации [18]. Так, Закон Нижегородской области от 7 марта 2008 года № 20-3 «О противодействии коррупции в Нижегородской области» [19] стал объектом мониторинга правоприменения в 2016 году. По результатам мониторинга были даны поручения Законодательному Собранию Нижегородской области и его структурным подразделениям, а также рекомендации Правительству Нижегородской

области, направленные на совершенствование регионального антикоррупционного законодательства [20]. Центр мониторинга законодательства и правоприменения при Курганской областной Думе также обращался к антикоррупционной тематике: в 2019 году в рамках регионального правового регулирования проверки сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера [21].

Антикоррупционный мониторинг не имеет единого правового регулирования на федеральном уровне: Федеральный закон «О противодействии коррупции» не называет его среди мер противодействия коррупции. Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» [22] в структуру антикоррупционного мониторинга включает три элемента: мониторинг коррупции, коррупциогенных факторов и мер реализации антикоррупционной политики, но данный правовой акт носит рекомендательный характер, подход же субъектов Российской Федерации к определению содержания антикоррупционного мониторинга дифференцирован.

В частности в Нижегородской области антикоррупционный мониторинг как мера противодействия коррупции введен законом области, а порядок его осуществления установлен постановлением правительства субъекта; в Республике Башкортостан реализован программный подход к осуществлению технологии антикоррупционного мониторинга [23, 24] и т. д. При этом сводные отчеты о результатах проведения антикоррупционного мониторинга на территории Нижегородской области в 2018—2020 годы в качестве обязательного элемента включают «Совершенствование региональной правовой базы по противодействию коррупции» [25].

Система оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов [26] и оценки их фактического воздействия [27] направлена на регулирование достаточно узкой сферы общественных отношений: предпринимательскую и инвестиционную деятельность. Соответственно, во-первых, оценивается лишь экономическая составляющая, а во-вторых, собственно антикоррупционное законодательство не входит в предмет оценки.

Таким образом, из названных видов правового мониторинга в отношении антикоррупционного законодательства осуществляются мониторинг правоприменения и антикоррупционный мониторинг в отдельных регионах страны. При этом общим и довольно существенным недостатком данных юридических технологий

является неимперативность их результатов. Между тем систематизация и актуализация нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции, устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции были названы в качестве основных задач в Национальном плане противодействия коррупции на 2018—2020 годы [28]. В рамках координационного совещания по итогам выполнения названного Плана в том числе были предложены отдельные направления совершенствования антикоррупционного законодательства (например, законодательного закрепления вопроса о наделии следователей полномочиями по неотложному аресту имущества коррупционеров, не только подлежащего конфискации, но и для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа и иных имущественных взысканий) [29], но предложений о систематизации антикоррупционного законодательства не прозвучало.

Полагаем, основными направлениями совершенствования антикоррупционного законодательства должны стать обеспечение его определенности, сбалансированности и непротиворечивости, сокращение нормативного массива через укрупнение нормативных правовых актов, а также упразднение неэффективных правовых институтов и, следовательно, отмена устанавливающих их правовых актов.

Список источников

1. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 года). URL: <https://rm.coe.int/168007f58c> (дата обращения: 20.12.2021).
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2021. 3 июля.
3. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. Ч. 1, ст. 6228.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2020. 4 июля.
5. О Положении о конфликте интересов: приказ ННГУ им. Н. И. Лобачевского от 19 октября 2017 г. № 471-ОД. URL: <http://www.unn.ru/site/images/docs/local-norm-akts/471-OD.pdf> (дата обращения: 20.12.2021).

6. Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2017 г. URL: <http://government.ru> (дата обращения: 20.12.2021).
7. Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5—18.
8. Газизова Р. Г., Касаткина Н. М., Крысенкова Н. Б. [и др.]. Организация законодательного процесса в зарубежных странах. М.: Издание Государственной Думы, 2014. 112 с.
9. О правовых актах: закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 480-V // Казахстанская правда. 2016. № 66 (28192).
10. Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г. // Конституции зарубежных государств: учебное пособие / сост. проф. В. В. Маклаков. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ВолтерсКлувер, 2003. URL: <https://www.concourt.am> (дата обращения: 20.12.2021).
11. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29, ст. 3609.
12. О правовых актах города Москвы: закон г. Москвы от 8 июля 2009 г. № 25 // Ведомости Московской городской Думы. 2009. № 8, ст. 214.
13. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7, ст. 801.
14. Актуальные вопросы экспертно-правового обеспечения законодательного процесса: федеральный и региональный аспекты: материалы семинара с участием руководителей правовых служб законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации Москва 12 декабря 2016 г. М.: Издание Государственной Думы, 2017. 256 с.
15. Казанцева О. Л. Независимая антикоррупционная экспертиза: оправдались ли ожидания? // Евразийская адвокатура. 2015. № 1 (14). С. 51—53.
16. Долотов Р. О. Эффективность института независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // Russian Journal of Economics and Law. 2015. № 4 (36). С. 42—49.
17. Об утверждении плана мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2017 год: распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2016 г. № 1751-р // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2016. 24 августа.
18. План мониторинга правоприменения нормативных правовых актов Нижегородской области, принятых Законодательным Собранием Нижегородской области, на I полугодие 2016 года. URL: <http://www.old.zsno.ru/ru/monitoring/> (дата обращения: 20.12.2021).
19. О противодействии коррупции в Нижегородской области: закон Нижегородской области от 7 марта 2008 г. № 20-3 (принят постановлением Законодательного Собрания Нижегородской области от 28 февраля 2008 г. № 932-IV) // Правовая среда. 2008. № 21 (904).
20. О результатах мониторинга правоприменения Закона Нижегородской области «О противодействии коррупции в Нижегородской области»: постановление от 28 августа 2016 г. № 2274-V. URL: <http://www.old.zsno.ru/ru/monitoring/172/16780/> (дата обращения: 20.12.2021).
21. Об информации о работе Центра мониторинга законодательства и правоприменения при Курганской областной Думе за 2019 год: постановление Курганской областной думы от 24 декабря 2019 г. № 966. URL: https://docs.google.com/gview?url=http://kurganoblduma.ru/upload/docs/activity/control/monitoring/post_2019.pdf&embedded=true&chrome=true (дата обращения: 20.12.2021).
22. Основы законодательства об антикоррупционной политике: модельный закон (принят в г. Санкт-Петербурге 15 ноября 2003 г. постановлением 22-15 на 22-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2004. № 33. С. 225—260.
23. О противодействии коррупции в Республике Башкортостан: закон Республики Башкортостан от 13 июля 2009 г. № 145-з // Республика Башкортостан. 2009. 17 июля.
24. Об утверждении Программы противодействия коррупции в Республике Башкортостан на 2011—2013 годы: указ Президента Республики Башкортостан // Ведомости Государственного собрания — Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2011. № 11 (353). 2 июня.
25. Антикоррупционный мониторинг на территории Нижегородской области: 2018—2020 годы / сост. А. Р. Лаврентьев. Н. Новгород: НГЛУ имени Н. А. Добролюбова, 2021. 152 с.
26. О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 1318 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52, ст. 7491.
27. О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Рос-

сийской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 30 января 2015 г. № 83 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 6, ст. 965.

28. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018—2020 годы: указ Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2018. 30 июня.

29. Под председательством Игоря Краснова состоялось координационное совещание, на котором обсуждены итоги выполнения Национального плана противодействия коррупции 2018—2020 // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=56667277> (дата обращения: 20.12.2021).

References

1. Convention on Criminal Liability for Corruption (Strasbourg, January 27, 1999). URL: <https://rm.coe.int/168007f58c> (accessed 20.12.2021). (In Russ.)

2. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 400 of July 2, 2021. Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru), 2021, July 3. (In Russ.)

3. On combating corruption: federal law no. 273-FZ of December 25, 2008. *Collection of legislation of the RF*, 2008, no. 52, part 1, art. 6228. (In Russ.)

4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote of December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote of July 1, 2020). Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru), 2020, July 4. (In Russ.)

5. On Conflict of Interest Regulation: order of the UNN no. 471-OD of October 19, 2017. URL: <http://www.unn.ru/site/images/docs/local-norm-akts/471-OD.pdf> (accessed 20.12.2021). (In Russ.)

6. Report on the results of the law enforcement monitoring in the Russian Federation for 2017. URL: <http://government.ru> (accessed 20.12.2021). (In Russ.)

7. Khabrieva T. Ya. Cyclic normative arrays in law. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 12, pp. 5—18. (In Russ.)

8. Gazizov R. G., Kasatkina N. M., Krysanova N. B. [and others]. The organization of the legislative process in foreign countries. Moscow: Publication of The State Duma, 2014. 112 p. (In Russ.)

9. On legal acts: law of the Kazakhstan Republic no. 480-V of April 6, 2016. *Kazakhstanskaya Pravda*, 2016, no. 66 (28192). (In Russ.)

10. Constitution of the French Republic of October 4, 1958. Constitutions of foreign states: textbook / comp. prof. V. V. Maklakov. 4th ed., reprinted and extended. Moscow: Wolterskluwer Publ., 2003. URL: <https://www.concour.am> (accessed 20.12.2021). (In Russ.)

11. On anti-corruption expertise of normative legal acts and drafts of normative legal acts: federal law

no. 172-FZ of July 17, 2009. *Collection of legislation of the RF*, 2009, no. 29, art. 3609. (In Russ.)

12. On the legal acts: law of Moscow no. 25 of July 8, 2009. *Bulletin of the Moscow city Duma*, 2009, no. 8, art. 214. (In Russ.)

13. On the Regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation no. 2134-II of January 22, 1998. *Collection of legislation of the RF*, 1998, no. 7, art. 801. (In Russ.)

14. Topical issues of expert legal support of the legislative process: federal and regional aspects. Materials of the seminar with the heads of legal services of legislative (representative) and executive bodies of state power of the Russian Federation subjects participation. Moscow, December 12, 2016. Moscow: Edition of the State Duma, 2017. 256 p. (In Russ.)

15. Kazantseva O. L. Independent anti-corruption expertise: did the expectations come true? *Eurasian Advocacy*, 2015, no. 1 (14), pp. 51—53. (In Russ.)

16. Dolotov R. O. Efficiency of the Institute of independent anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts. *Russian Journal of Economics and Law*, 2015, no. 4 (36), pp. 42—49. (In Russ.)

17. On approval of the Law enforcement monitoring plan in the Russian Federation for 2017: decree of the Government of the Russian Federation no. 1751-r of August 19, 2016. Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru), 2016, August 24. (In Russ.)

18. Plan for the enforcement of regulatory legal acts of the Nizhny Novgorod region adopted by the Legislative Assembly of the Nizhny Novgorod Region monitoring for the first half of 2016. URL: <http://www.old.zsno.ru/ru/monitoring/> (accessed 12.20.2021). (In Russ.)

19. On combating corruption in the Nizhny Novgorod region: law of the Nizhny Novgorod region no. 20-Z of March 7, 2008 (adopted by the Resolution of the federal law no. 932-IV of February 28, 2008). *Legal Wednesday*, no. 21 (904). 2008. (In Russ.)

20. On the results of the enforcement of the Law of the Nizhny Novgorod region “On combating Corruption in the Nizhny Novgorod region” monitoring: Resolution no. 2274-V of August 28, 2016. URL: <http://www.old.zsno.ru/en/monitoring/172/16780/> (accessed 20.12.2021). (In Russ.)

21. On information about the work of the Center for Monitoring Legislation and Law Enforcement under the Kurgan Regional Duma for 2019: resolution of the Kurgan Regional Duma no. 966 of December 24, 2019. URL: https://docs.google.com/gview?url=http://kurganoblduma.ru/upload/docs/activity/control/monitoring/post_2019.pdf&embedded=true&chrome=true (accessed 20.12.2021). (In Russ.)

22. Fundamentals of legislation on anti-corruption policy: model law (adopted in St. Petersburg on November 15, 2003 by resolution 22-15 at the 22nd plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States). *Newsletter*. Interparliamentary

Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States, 2004, no. 33, pp. 225—260. (In Russ.)

23. On combating corruption in the Bashkortostan Republic: law of the Bashkortostan Republic no. 145-z of July 13, 2009. Republic of Bashkortostan. 2009. July 17. (In Russ.)

24. On the approval of the Anti-Corruption Program in the Bashkortostan Republic for 2011—2013: decree of the President of the Bashkortostan Republic. *Vedomosti of the State Assembly — Kurultai, the President and the Government of the Bashkortostan Republic*, 2011, no. 11 (353), 2 June. (In Russ.)

25. Anti-corruption monitoring in the Nizhny Novgorod Region: 2018—2020 / comp. A. R. Lavrentiev. N. Novgorod: Linguistics University of Nizhny Novgorod, 2021. 152 p. (In Russ.)

26. On the Procedure for the federal executive authorities to assess the regulatory impact of draft regulatory Legal acts, draft amendments to draft federal laws and draft Decisions of the Council of the Eurasian Economic Commission, as well as on Amendments to Certain Acts

of the Government of the Russian Federation: decree of the Government of the Russian Federation no. 1318 of December 17, 2012. *Collection of legislation of the RF*, 2012, no. 52, art. 7491. (In Russ.)

27. On the assessment of the actual impact of regulatory legal acts, as well as on amendments to some acts of the Government of the Russian Federation: decree of the Government of the Russian Federation no. 83 of January 30, 2015. *Collection of legislation of the RF*, 2015, no. 6, art. 965. (In Russ.)

28. On the National Anti-Corruption Plan for 2018—2020: decree of the President of the Russian Federation no. 378 of June 29, 2018. Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru), 2018, June 30. (In Russ.)

29. A coordination meeting was held under the chairmanship of Igor Krasnov, at which the results of the implementation of the National Anti-Corruption Plan 2018—2020 were discussed. *The Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=56667277> (accessed 20.12.2021). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.12.2021; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 25.12.2021; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 342.951:351.82
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-147-152>

**О перспективах использования цифровизации
и искусственного интеллекта в качестве технологий обеспечения
личной безопасности граждан и сотрудников полиции**

Кобленков Андрей Юрьевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, koblenkoff@yandex.ru

Аннотация. Прогрессивные технологии современности, которые являются основным звеном научно-технической революции, представлены во всех сферах жизни общества. Автор статьи обращает внимание на то, что правоохранительная функция МВД России в настоящее время является достаточно консервативной, а способы и методы охраны общественного порядка — инертными. В статье обосновывается необходимость внедрения в деятельность правоохранительных органов искусственного интеллекта и роботизированных комплексов, направленных на защиту граждан и сотрудников полиции от преступных посягательств.

Ключевые слова: технологии, цифровизация, автоматизация, роботизация, искусственный интеллект, обеспечение безопасности, биометрические данные, МВД России

Для цитирования: Кобленков А. Ю. О перспективах использования цифровизации и искусственного интеллекта в качестве технологий обеспечения личной безопасности граждан и сотрудников полиции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 147—152. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-147-152>.

Original article

**On the prospects of using digitalization and artificial intelligence
as a positive vector for the development of security technologies
of the Ministry of Internal Affairs of Russia**

Andrey Yu. Koblenkov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, koblenkoff@yandex.ru

Abstract. Progressive technologies of our time, which are the main link of the scientific and technological revolution, are represented in all spheres of society. However, the author draws attention to the fact that the law enforcement function of the Ministry of Internal Affairs of Russia is currently quite conservative, and the methods and methods of protecting public order are inert. The article substantiates the need to introduce artificial intelligence and robotic complexes into the activities of law enforcement agencies aimed at protecting citizens and police officers from criminal encroachments.

Keywords: technologies, digitalization, automation, robotics, artificial intelligence, security, the Ministry of Internal Affairs of Russia

For citation: Koblenkov A. Yu. On the prospects of using digitalization and artificial intelligence as a positive vector for the development of security technologies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 147—152. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-147-152>.

На современном этапе формирования государственности происходит активное внедрение высоких технологий во все сферы общественного развития, в том числе в

обеспечение безопасности граждан. Ярким примером технологического совершенствования является проникновение и функционирование в различных отраслях развития государства

© Кобленков А. Ю., 2022

информационной телекоммуникационной сети «Интернет», которая привела к тотальной компьютеризации абсолютно все сегменты экономики передовых стран. Необходимо отметить, что использование цифровых технологий и искусственного интеллекта, безусловно, на сегодняшний день является необходимым условием развития, улучшения и совершенствования правоохранительной функции МВД, обеспечивающей личную безопасность граждан и общества. Внедрение достижений научного прогресса для обеспечения деятельности полицейских позволит оперативно идентифицировать личность правонарушителей и принять меры к нейтрализации, в том числе с применением роботизированных комплексов и искусственного интеллекта.

В Российской Федерации основным нормативным правовым актом, давшим старт и определившим вектор информативной и высокотехнологичной безопасности, является утвержденная Указом Президента Российской Федерации «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» [1]. Указанная Стратегия определила применение научно-технических разработок не только в сфере экономического развития государства, но и в обеспечении правоохранительной функции МВД России. В соответствии со Стратегией информационного развития и цифровизации Правительством Российской Федерации разработана и утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [2], в которой регламентированы основные направления применения высоких технологий, в том числе для обеспечения безопасности правоохранителей.

Новые возможности, реализуемые с помощью информационных технологий, должны использоваться на государственном уровне для решения возникающих социальных проблем, обеспечения общественной безопасности населения. Развитие цифровых технологий представляет собой отражение своевременной потребности общества и граждан в реализации социальной защиты и общественной безопасности. Применение цифровых технологий является общепризнанным трендом развития, что находит подтверждение в действующих нормативных правовых актах. Согласно пункту 1 статьи 11 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»: «полиция в своей деятельности обязана использовать достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную

информационно-телекоммуникационную инфраструктуру» [3]. Роботизация и внедрение искусственного интеллекта в процесс обеспечения общественной безопасности требуют единого подхода к внедрению современных цифровых технологий, фиксации и законодательному закреплению правовых принципов предлагаемого технологического совершенствования процесса.

В этой связи необходимо обратиться к зарубежному опыту внедрения цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности человека, общества и государства. Так, в Китае органы государственной власти составляют цифровой рейтинг законопослушности граждан, в состав которого входят данные о количестве допущенных правонарушений и привлечению к ответственности, уровне образования, состоянию банковских вкладов и финансовых операциях, наличию недвижимости. На основании полученных данных делается вывод о социальной активности гражданина, степени их законопослушности, склонности к совершению противоправных действий, возможности получения банковских кредитов, улучшения уровня образования [4, с. 70]. В 2018 году в стране была принята программа развития и внедрения искусственного интеллекта нового поколения, на основании которой планируется модернизация различных сфер государственного управления: муниципальное хозяйство, экология, ликвидация последствий ЧС, личная безопасность граждан, взаимосвязь государства и общества [5, с. 125].

В США цифровая технология «Blue CRUSH», разработанная компанией IBM, на основании статистических данных совершения правонарушений за период продолжительностью один год (день недели, время, место, возраст, физиологические данные, наличие оружия) позволила сделать прогноз, на основании которого департаментом полиции была увеличена плотность патрульных нарядов в наиболее криминогенных кварталах. Результаты учета спрогнозированных данных позволили снизить уровень преступности [4, с. 68].

В Великобритании использование технологии БД (больших данных) позволяют среднестатистическому жителю Лондона попадать в объективы видеокамер около трехсот раз в сутки. Эффективность созданных цифровых платформ видеонаблюдения с возможностью архивирования является превентивным сдерживающим совершение правонарушений фактором. Плотность видеонаблюдения позволяет

полиции Скотленд-Ярда раскрывать около 3 % преступлений по физиологическим особенностям и биометрическим данным правонарушителей [6].

Таким образом, видится необходимым использовать позитивный международный опыт внедрения передовых технологий, цифровизации и искусственного интеллекта в деятельность правоохранительных органов России.

Важным этапом внедрения цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности человека, общества и государства является возможность применения цифровых программ и внедрение искусственного интеллекта в роботизированные комплексы и роботов, используемых для обеспечения охраны общественного порядка. Согласно Толковому словарю С. И. Ожегова понятие «робот» трактуется как «автомат, очертаниями напоминающий фигуру человека и своими действиями производящий впечатление человеческой работы» [7]. В отличие от робота роботизированный комплекс имеет ряд специфических признаков: визуально может не копировать фигуру человека, безусловным приоритетом является внешнее управление техническим специалистом-оператором, решение о выполнении каких-либо действий (например, применение огнестрельного оружия) принимается лицом, дистанционно управляющим комплексом. Последствия применения роботизированного комплекса возлагаются на руководящий и технический персонал, управляющий комплексом. Внешняя конструкция роботизированного комплекса и его размеры соотносятся с вариантами и ситуациями его применения (время суток, окружающее пространство, наличие укрытий и препятствий, погодные условия). В отличие от робота роботизированные комплексы создаются не с целью копии человека (размер, визуальное сходство и выполняемая работа), а с целью применения перечня определенных функций, которые они способны выполнять, например, визуальный контроль за гражданами с помощью беспилотных летательных аппаратов (дронов) при проведении общественных мероприятий (политических, спортивных, культурных) либо применение в качестве управляемой боевой единицы адресно поражающей заданный объект (автомобиль с террористами).

Следовательно, необходимо отметить, что боевые роботизированные комплексы правоохранительных структур (беспилотные летательные аппараты (далее — БПЛА), управляемые дроны с «боевой начинкой» и др.)

могут активно использоваться для обеспечения личной безопасности сотрудников полиции, особенно в ситуациях вооруженного сопротивления правонарушителей. На практике результаты использования роботизированных комплексов в ситуациях нейтрализации правонарушителей являются действенным инструментарием обеспечения охраны общественного порядка.

Следующим действенным высокотехнологичным этапом является применение цифровых программ и искусственного интеллекта при управлении роботизированными комплексами, которые позволяют гарантированно обеспечить безопасность полицейских при реализации специальных мероприятий по обезвреживанию вооруженных правонарушителей. Исследователь И. А. Зырянов справедливо указывает, что «цифровые технологии, революционно внедряемые в реальность, сегодня связаны с искусственным интеллектом, человеком сопряженным организмом с таким интеллектом или гаджетами, нейросистемами, нанотехнологиями [8, с. 41—42], которые позволяют обеспечить максимальную функциональность в обеспечении безопасности граждан и правоохранителей.

Согласно Толковому словарю С. И. Ожегова термин «интеллект» означает «мыслительную способность, умственное начало у человека» [7]. Принципиальным отличием искусственного интеллекта (далее — ИИ) является возможность имитировать (дублировать) работу человеческого мозга по реализации мысли и принятию решения. ИИ представляет собой не просто современную компьютерную программу с заложенным алгоритмом выполнения. Применяемые современные материалы (нейроны) и цифровые технологии предполагают способность ИИ развиваться и принимать самостоятельное решение для достижения поставленных целей и обеспечения охраны правопорядка (например, выбор поражаемой цели при захвате заложников или уничтожении заблокированных террористов). В этом видится принципиальное отличие ИИ от технически сложной компьютерной программы. Предполагается использование нейронов и нанотехнологий, дублирующих многогранные аспекты деятельности человеческого мозга.

Применение ИИ в работе боевого роботизированного комплекса позволит значительно расширить спектр применения во множестве ситуаций пресечения правонарушений и обеспечить личную безопасность полицейских в случаях оказания сопротивления. При

обезвреживании вооруженного правонарушителя гораздо безопаснее применить роботизированный комплекс с заложенной вариативной возможностью действий в зависимости от возникшей ситуации, чем направлять полицейских, в отношении которых может быть применено огнестрельное оружие.

Вариативность применения роботизированного комплекса обеспечивается наличием искусственного интеллекта и возможностью внешнего управления, которое производится специалистом-оператором. В зависимости от изменения обстановки и действий правонарушителя (забаррикадировался в здании, оказывает вооруженное сопротивление) оператор по видеоизображению, передаваемому роботизированным комплексом, может оперативно среагировать и скорректировать действия по нейтрализации правонарушителя. Например, специалист-оператор корректирует управляемый дрон с боевой «начинкой» в окно дома, где находятся вооруженные террористы. Личность террористов идентифицирована с помощью видеофиксации биометрических данных, установленных с помощью беспилотного летательного аппарата. В этой ситуации управляемый дрон с помощью выделенного канала связи адресно направляется в место нахождения террористов (окно заблокированного дома, здания, автомобиль).

Показательный пример применения робота-сапера, используемого армией США для разминирования (вопреки непосредственному назначению), произошло 8 июля 2016 года в городе Даллас. Преступник, устроивший стрельбу по полицейским во время демонстрации, оказался заблокирован в гараже и продолжал вести огонь, отказавшись сдаться. Законодательство США напрямую не запрещает использовать роботов при проведении специальных полицейских мероприятий. Поскольку вооруженный преступник представлял реальную опасность для правоохранителей, было решено применить робототехнический комплекс Remotec Model F-5, который был направлен оператором внутрь помещения и оснащен взрывным устройством массой 500 г с дистанционным взрывателем. В результате управляемого взрыва подозреваемый был уничтожен [9]. В связи с прецедентом применения можно констатировать приоритет обеспечения безопасности и сохранения жизни полицейских и случайных лиц.

Однако применительно к России возникает ряд проблемных вопросов, влияющих на принятие роботов и робототехнических комплексов

на вооружение полиции. Очевидно, что применение дронов, БПЛА, робототехнических комплексов должно происходить в «статичной» ситуации, когда вооруженный преступник заблокирован и не имеет возможности скрыться (использовать автомобиль).

Применение высокотехнологичных комплексов (роботов) является процессом продолжительным по времени, сложным по организации (доставка к месту происшествия и приведение в активное состояние) и дорогостоящим (учитывается стоимость самих роботов и БПЛА). Далее возникают вопросы о наличии соответствующего нормативного правового акта, регламентирующего применение робототехнических комплексов, а также кто персонально отдает приказ о применении робота и кто непосредственно его выполняет (гражданский специалист-оператор или аттестованный полицейский). Необходимо учитывать возможные этические и психологические проблемы, как последствия применения БПЛА или роботов. В случае если в результате применения БПЛА или роботов пострадают не причастные люди (при взрыве пострадали жильцы дома, в котором заблокирован преступник, либо цель была изначально ошибочно идентифицирована), как будет психологическое состояние оператора, который привел в действие высокотехнологичный аппарат.

В Кабуле 30 августа 2021 года боевым дронем армии США была уничтожена машина, в которой находился член «ИГ» (организация, признанная террористической, запрещена в России и других странах). В результате неверной идентификации цели был уничтожен не причастный сотрудник международной организации [10]. Очевидно, что пути решения выявленных проблем представляют дискуссионный и экономически затратный характер. Однако нельзя отрицать ценность и значимость человеческой жизни полицейских и случайных граждан, которые могут погибнуть при задержании преступника.

Для закрепления практической значимости применения высокотехнологичных робототехнических комплексов сотрудниками полиции автором статьи предлагается: 1) на федеральном уровне принять нормативный правовой акт, разрешающий применение БПЛА, роботов, робототехнических комплексов сотрудникам полиции; 2) в рамках опережающей правотворческой инициативы внести изменения в Федеральный закон «О полиции», дополнив его новой статьей, к примеру 23.1, регламентирующей боевое

применение (возможностью причинения смерти правонарушителю) БПЛА, роботов, робототехнических комплексов сотрудниками полиции (так как не являются огнестрельным оружием или огнестрельным оружием ограниченного поражения); 3) определить категорию сотрудников спецподразделений полиции («ГРОМ»), обученных и допущенных к управлению БПЛА, роботами и робототехническими комплексами; 4) организовать обучение и повышение квалификации сотрудников полиции, допущенных к применению БПЛА, роботами, робототехническими комплексами; 5) на федеральном уровне законодательно закрепить порядок ответственности должностных лиц полиции за непропорциональное применение БПЛА, роботов, робототехнических комплексов.

Законодательная реализация указанных мер позволит определить и закрепить пути развития и применения в ближайшей перспективе БПЛА, роботов и робототехнических комплексов сотрудниками полиции при пресечении правонарушений и нейтрализации вооруженных преступников. Возможности внедрения передовых технологий, несомненно, позволят сохранить жизнь граждан и сотрудников полиции и обеспечить безопасность граждан и общества на качественно новом, цифровом уровне.

В качестве резюме необходимо отметить, что глобальные экономические, социальные и информационные преобразования активно воздействуют на процесс обеспечения безопасности граждан. При этом способы и методы охраны общественного порядка остаются весьма консервативными и инертными ввиду чрезвычайной важности сохранения человеческой жизни. Тем не менее процесс цифровизации и внедрения искусственного интеллекта для создания роботизированных комплексов по применению огнестрельного оружия объективно соотносится с тенденциями и закономерностями промышленной революции. В этой связи прикладное значение будет иметь обеспечение личной безопасности сотрудников полиции при несении службы по обеспечению охраны общественного порядка, защита интересов личности и государства, решение которой видится в использовании возможностей современных цифровых технологий, искусственного интеллекта и роботизированной техники. Безусловно, реализация законодательных и практических предложений по внедрению современных цифровых технологий позволит обеспечить интеграцию технических инноваций в систему обеспечения

безопасности в рамках МВД в целом. Для внедрения цифровых инноваций и их систематизации необходимо взаимодействие и развитие различных направлений научной коммуникации в структуре МВД России.

Список источников

1. О Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017—2030 гг.: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2021).

2. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632—р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2021).

3. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2021 г. № 3-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2021).

4. Чайковский Д. С. Аналитика больших данных в государственном управлении // Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции / под ред. Н. Н. Ковалевой. 2019. С. 68—70.

5. Изотова Ф. В. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта киберфизических систем и робототехники // Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции / под ред. Н. Н. Ковалевой. 2019. С. 125—127.

6. Невидимое оружие Скотленд-Ярда. Как лондонцы относятся к жизни под прицелом видеонаблюдения. URL: https://moscowtorgi.ru/news/bolshaia_dvadcatka/64/ (дата обращения: 01.02.2022).

7. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. 940 с.

8. Зырянов И. А. К вопросу о принятии закона о цифровых гарантиях прав человека и гарантиях цифровой экономики // Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции / под ред. Н. Н. Ковалевой. 2019. С. 39—42.

9. Снайпера ликвидировал робот. URL: <https://www.computerworld.ru/articles/Snaypera-likvidiroval-robot> (дата обращения: 01.02.2022).

10. США признали, что их беспилотник по ошибке убил в Кабуле мирных афганцев. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-58604726> (дата обращения: 03.02.2022).

References

1. Strategy of information society development of the Russian Federation for 2017—2030 years: a presidential decree no. 203 of 9 May 2017. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 15.12.2021). (In Russ.)
2. Approval of the program "Digital economy Russian Federation": order of the Government of the Russian Federation no. 1632-R of July 28, 2017. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 15.12.2021). (In Russ.)
3. About the police: federal law no. 3-FZ of February 7, 2021. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 15.12.2021). (In Russ.)
4. Chaikovsky D. S. Big data analytics in public administration. Problems and challenges of the digital society: trends in the development of legal regulation of digital transformations. Collection of scientific papers based on the materials of the I International Scientific and Practical Conference / ed. by N. N. Kovaleva, 2019, pp. 68—70. (In Russ.)
5. Izotova F. V. Problems of legal regulation of artificial intelligence of cyber-physical systems and robotics. Problems and challenges of the digital society: trends in the development of legal regulation of digital transformations. Collection of scientific papers based on the materials of the I International Scientific and Practical Conference / ed. by N. N. Kovaleva, 2019, pp. 125—127. (In Russ.)
6. The invisible weapon of Scotland Yard. How Londoners relate to life under the guns of video cameras. URL: https://moscowtorgi.ru/news/bolshaia_dvadtcatka/64/ (accessed 02.01.2022). (In Russ.)
7. Explanatory dictionary of the Russian language / ed. by S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. 4th edition expanded. Moscow: Azbukovnik Publ., 2000. 940 p. (In Russ.)
8. Zyryanov I. A. On the adoption of the law on digital guarantees of human rights and guarantees of the digital economy. Problems and challenges of digital society: trends in the development of legal regulation of digital transformations. A collection of scientific papers based on the materials of the I International Scientific and Practical Conference / ed. by N. N. Kovaleva, 2019, pp. 39—42. (In Russ.)
9. The sniper was eliminated by a robot. URL: <https://www.computerworld.ru/articles/Snaypera-likvidiroval-robot> (accessed 02.01.2022). (In Russ.)
10. The US admitted that its drone mistakenly killed Afghan civilians in Kabul. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-58604726> (accessed 02.01.2022). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.12.2021; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 20.12.2021; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 340.111
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-153-159>

Соотношение права и нравственности в концепции Л. И. Петражицкого

Кравец Константин Викторович

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия, kravets_k@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме соотношения права и нравственности в правовой доктрине Л. И. Петражицкого (1867—1931) — основоположника психологической школы правовопонимания. Научная новизна концепции Л. И. Петражицкого проявилась в отрицании всех известных концепций о праве: позитивистской, социологической, естественно-правовой. Право и нравственность Петражицкий считал однородными по своей психической природе. Однако правовые эмоции имеют императивно-атрибутивный характер, предполагающий наличие субъектов прав и субъектов обязанностей, а нравственные — только императивный (односторонне-обязательный). Оригинальность эмоциональной теории Петражицкого отнюдь не свидетельствует о ее доказанности. В работах ученого нет ответа на вопрос: откуда берутся правовые эмоции?

Ключевые слова: Л. И. Петражицкий, политико-правовая доктрина, психологическая теория права, право, нравственность, соотношение права и нравственности

Для цитирования: Кравец К. В. Соотношение права и нравственности в концепции Л. И. Петражицкого // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 153—159. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-153-159>.

Original article

Relationship of law and morals in the concept L. I. Petrazhitzky

Konstantin V. Kravets

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation, kravets_k@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the correlation of law and morality in the legal doctrine of L. I. Petrazhitzky (1867—1931) — the founder of the psychological school of legal thinking. The scientific novelty of L. I. Petrazhitzky manifested itself in the denial of all known concepts of law: positivist, sociological, natural law. Petrazhitzky considered law and morality to be homogeneous in their mental nature. However, legal emotions have an imperative-attributive nature, which presupposes the presence of subjects of rights and subjects of obligations, while moral emotions are only imperative (one-sidedly obligatory). The originality of Petrazhitzky's emotional theory by no means testifies to its proof. In the works of the scientist, there is no answer to the question: where do legal emotions come from?

Keywords: L. I. Petrazhitzky, political and legal doctrine, psychological theory of law, law, morality, relationship of law and morals

For citation: Kravets K. V. Relationship of law and morals in the concept L. I. Petrazhitzky. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 153—159. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-153-159>.

Проблема соотношения права и морали выступает предметом философского и правового анализа в течение всей эволюции общественно-политической мысли.

Одним из первых тему соотношения права и морали в социальном регулировании поднял германский правовед Кристиан Томазий

(1655—1728), указавший, что нормы права носят внешний характер, а нравственности — внутренний. Первые регулируют межлические отношения и обеспечены принудительной силой, а вторые связаны с внутренним миром человека и не имеют внешних санкций. Аналогичной точки зрения придерживались Готфрид

© Кравец К. В., 2022

Вильгельм Лейпциг (1646—1716) и Иммануил Кант (1724—1804), отмечавшие их качественные различия. На количественные различия права и морали впервые обратили внимание английский философ Бентам Иеремия (1748—1832), немецкий государствовед Георг Еллинек (1851—1911), обосновавший теорию права как этического минимума, а также русский философ В. С. Соловьев (1853—1900).

Именно с именем последнего связано распространение в отечественном правоведении концепции моральной обусловленности правовых норм. Странники этой теории, которых в российском правоведении XIX века было большинство (В. Г. Михайловский, И. П. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой, В. Г. Щеглов, А. Н. Яценко и др.), видели в праве минимум нравственности.

Одной из самых оригинальных концепций определения права и нравственности, а также их соотношения в сфере социального регулирования явилась психологическая концепция Л. И. Петражицкого (1867—1931). Лев Иосифович Петражицкий, несомненно, один из самых интересных философов-правоведов в истории российской политико-правовой мысли. Нельзя не согласиться с высказыванием И. В. Пonsoва, что «его психологическая теория права шла вразрез с господствующим течением, но в силу своей неординарности, цельности и в чем-то даже эпатажности — она приковывала всеобщее внимание и достойно противостояла как целой школе так называемых “неоидеалистов”, так и их оппонентам: сторонникам социологического правоведения, с одной стороны, и защитникам правового этатизма — с другой» [1, с. 96].

В отечественной историографии не мало работ посвящено исследованию творческого наследия Л. И. Петражицкого, однако тема соотношения правовых и этических норм в поведенческой регуляции мало изучена.

Психологическая, а по выражению автора, эмоциональная теория права представлена широкому кругу исследователей в начале XX века, когда были опубликованы две работы Л. И. Петражицкого «Очерк философии права» [2] и «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» [3]. Акцент на изучение эмоциональной сферы был связан, на наш взгляд, во-первых, с выделением психологии в самостоятельную отрасль научных знаний; а, во-вторых, личной биографией ученого, два года учившегося на медицинском факультете Киевского Императорского университета.

Развитие психологического направления в юриспруденции шло и в Западной Европе в

трудах немецкого правоведа Людвиг Кнаппа (1821—1858), французского криминолога Габриеля Тарда (1843—1904) и др. В свою очередь, Л. И. Петражицкий некоторое время стажировался в Германии, где познакомился с трудами зарубежных коллег, развивавших идеи психологизма в правоведении.

Новизна его концепции проявилась в отрицании всех известных учений о праве: позитивистского (право как выраженная в законе воля государственной власти), социологического (как фактических отношений) и сферы реализации (прав), естественно-правовой (как нравственных принципов).

Несмотря на название его главной работы [3] и поставленный в ней акцент на соотношение теории права и нравственности, Л. И. Петражицкий выступил с критикой всех теорий соотношения права и нравственности, доказывая, что определять право и мораль необходимо, базируясь на содержании велений, их целей, практического значения.

В основе правовой концепции Петражицкого лежит утверждение, что источником права выступают эмоции человека. Право понимается, как реализация психической деятельности человека. Именно психологический метод был объявлен ученым в качестве основополагающего при исследовании правовых явлений. «Специфическая природа явлений права, нравственности, эстетики, их отличия друг от друга и от других переживаний коренятся не в области интеллектуального, а в области эмоционального» [4, с. 81].

Все поступки людей были вызваны, по его мнению, исключительно процессами, происходящими в психике. Он выделил целый ряд мотивационных процессов, которые складываются из сложных эмоциональных переживаний.

Целевой характер любой деятельности ставился Петражицким под сомнение. Преобладающее число человеческих действий имеет бесцельный характер. Большинство действий мотивировано прошлым. Он утверждал, что большинство поступков люди совершают, руководствуясь вопросом «не зачем?» («для того, чтобы»), а «потому, что» [5, с. 19]. Такая мотивация выступает основной.

Идею объяснения поступков через мотивацию, основанную на страдании или наслаждении (совершать что-либо, чтобы получить наслаждение; или не совершать, чтобы не страдать) ученый считал ошибочной. Роль побудителей действий играют эмоции, а наслаждение или страдание выступают мотивом для них. Стремление к наслаждению вызывает

аппульсивные эмоции; страдания — репульсивные. Аппульсивные и репульсивные эмоции являются объектной (обыденной и наиболее распространенной) мотивацией.

Еще одним видом эмоциональной мотивации он называл самодавлеющую мотивацию, основанную на образцах поведения — акционных представлениях. Такая классификация мотивационной сферы привела Петражицкого к выводу, что «суждения, в основе которых лежат такие сочетания акционных представлений и репульсий или апульсий, мы называем принципиальными практическими (т. е. определяющими поведениями) суждениями, или, короче, нормативными суждениями, а их содержания — принципиальными правилами поведения, принципами поведения, или нормами» [5, с. 23].

Оригинальность эмоциональной теории Петражицкого отнюдь не свидетельствует о ее доказанности. В работах ученого нет ответа на вопрос: откуда берутся правовые эмоции? Ряд постулатов концепции носит аксиоматический характер. Понятийный аппарат теории характеризуется авторской новизной. Основным понятием выступает этическая эмоция, в категориальный ряд которой включается классификация мотивов, которые ее вызывают, виды, функции и др.

Так, согласно природе, считал Петражицкий, эмоции бывают правовыми и нравственными. Правовая эмоция имеет императивно-атрибутивный характер, а нравственная — императивный. Эмоции порождают обязанности. Нравственные обязанности — это «обязанности, которые сознаются свободными по отношению к другим, по которым другим ничего не принадлежит, не причитается со стороны обязанных» [4, с. 47] (например, этическое сознание дать милостыню). Правовые обязанности — это те, что «сознаются несвободными по отношению к другим, закрепленными за другими, по которым то, к чему обязана одна сторона, причитается другой стороне, как нечто ей должное» [4, с. 47] (например, сознание расплатиться с должником).

Нравственным и правовым эмоциональным обязанностям соответствуют, по его мнению, два вида этических норм: правовые и нравственные. Используемую терминологию ученый считал не вполне удачной, но введение новой считал нецелесообразным. Содержание общепотребимых терминов «право» и «нравственность» было у Петражицкого новаторским.

Он писал, что «под правом в смысле особого класса реальных феноменов будем разумеать те

этические переживания, эмоции которых имеют атрибутивный характер. Все прочие этические переживания, то есть переживания с чисто императивными моторными возбуждениями, мы будем называть нравственными явлениями, отнести к нравственности» [4, с. 83].

Сравнение права и нравственности привело его к ряду интересных выводов.

Первая группа норм — это нравственные нормы. Они «односторонне-обязательные, беспритязательные, чисто императивные...» [4, с. 56]. Суть вида особенно ярко отражена в духе евангельской этики — этики беспритязательной.

«Нормы второго рода, обязательно-притязательные, императивно-атрибутивные нормы Петражицкий называет правовыми или юридическими» [4, с. 56].

Правовые нормы могут иметь различные формы выражения (сокращенно-императивную, сокращенно-атрибутивную и нейтральную), тогда как форма выражения нравственных норм гораздо проще. Она всегда односторонне-императивная.

Различие между нравственными и правовыми нормами коренится прежде всего в этических эмоциях, которые переживает человеческая личность. Ученый предлагает исследовать фактический материал — моторные раздражения, импульсы. Методами изучения должно, по его мнению, стать: самонаблюдение (простое и умышленно-осложненное); смешанное наблюдение (внешнее и внутреннее) с использованием метода аналогии, дедуктивных умозаключений и др.

Петражицкий выделил следующие виды правовых импульсов («импульсий»):

— положительно-притязательные — действия, порождаемые обязанностями (состоят в совершении поступков в пользу второй стороны);

— охранительные — порождают отрицательные действия (воздержания);

— уполномочивающие — вызывают претерпевание действий управомоченных (наказаний, например).

Петражицкий, базируясь на разных критериях, предложил целый ряд правовых классификаций. При этом право и нравственность в широком смысле он считал однородными по своей психической природе. Он полагал, что споры об общности и различиях двух видов этических явлений (права и нравственности) не имеет никакого научного значения. Более того, сами термины «право» и «нравственность» ученый не

считал научными и использовал их лишь, руководствуясь общеупотребимостью. По существу он давал классификацию этических переживаний, базируясь на характере этических эмоций. Различается, по его мнению, интеллектуальный состав этических (права и морали) переживаний. Природа правовых эмоций имеет более сложный интеллектуальный состав. Она двусторонняя и включает парные субъектные и объектные представления. Правовая эмоция предполагает наличие субъектов прав и субъектов обязанностей, а также объекты прав и объекты обязанностей. Интеллектуальный состав природы нравственных эмоций проще, она не имеет парного характера — «только субъекты обязанностей, только объекты обязанностей, без субъектов и объектов притязаний» [4, с. 135]. Нормы права, с одной стороны, налагающие, а с другой — предоставляющие, а нормы морали только налагающие.

С различием в характере правовых и нравственных норм и их интеллектуальном составе связаны и различия в «формах отражения и выражения правовых и нравственных переживаний» [4, с. 135].

Нравственные и правовые переживания, по мнению Петражицкого, имеют немалое воспитательное и мотивационное значение. Во-первых, они выступают в качестве мотивов, побуждающих к действию либо останавливающих его (воздерживающих); во-вторых, этические переживания приводят к изменению в психике индивидов, то есть усиливают или ослабляют какие-то склонности, оказывают воспитательное воздействие.

При этом право и нравственность в силу специфики их природы действуют на человеческое поведение по-разному. Петражицкий не разделял мнения, что право вторично и менее значимо по сравнению с нравственностью. «В обществе, — писал он, — принято относиться к праву, как к чему-то низшему по сравнению с нравственностью, менее ценному... В основе этих воззрений... лежит незнание природы и значения той и другой ветви человеческой этики» [4, с. 146—147]. Различия в мотивационном и воспитательном воздействии правовых и моральных эмоций проявляется в двух основных моментах.

Во-первых, атрибутивное правовое сознание долга оказывает более сильное воздействие на человеческое поведение, чем императивное нравственное сознание. Двусторонний характер воздействия императивно-атрибутивной эмоции оказывает, по мнению ученого, более сильное

воздействие на психику. Поведение на основе правовых эмоций более обыденно и социально разумно, а значит более мотивировано. Совершение нравственных поступков предполагает «чрезвычайный энтузиазм» и является чем-то исключительным. Данное умозаключение привело ученого к заключению, что «способность правовой, императивно-атрибутивной, психики вызывать относительную общность и неуклонность соблюдения соответствующих правил социального поведения следует признать великим достоинством и преимуществом этой ветви этической психики перед чисто императивной, нравственной психикой, которая такой мотивационной силы не имеет» [4, с. 139].

При этом формирование социально разумного поведения и массового правосознания, базирующегося на правовых эмоциях, опирается на исключительное поведение лиц с развитыми нравственными эмоциями. Немало примеров, когда выдающиеся люди совершали вдохновляющие поступки, которые позднее приобретали массовый характер и превращались в социальное явление. Так, принятая «величественная христианская, чисто императивная, этика, заключала и заключает в себе обильный источник и материал для образования соответственных императивно-атрибутивных принципов поведения» [4, с. 140].

Во-вторых, Петражицкий выделял две стороны правовой мотивации: пассивную и активную. Пассивная мотивация происходит от осознания долга. Ее порождают и правовые (атрибутивно-императивные), и нравственные (императивные) эмоции. Активную правовую мотивацию порождает не «наш долг», а «наше право». Активной этической мотивации «в области нравственности не существует; она представляет вообще специфическую особенность права» [4, с. 141].

Активное правосознание имеет, помимо мотивационного, и большое воспитательное значение. «Сознание своих прав оказывает на человека то важное воспитательное влияние, ... оно делает его «гражданином» по характеру, сообщает ему сознание собственного достоинства и предохраняет его от развития разных недостатков характера и поведения» [4, с. 144].

Л. И. Петражицкий пришел к выводу, что оптимальный социальный порядок должен базироваться на разумном сочетании активной и пассивной правовой мотивации. При этом развитие двух видов этических эмоций (правовых и нравственных) имеет чрезвычайно важное значение.

Важнейшим критерием для сравнения изучаемых явлений Л. И. Петражицкий считал также аспект их реализации, которая существенным образом отличается: по возможности делегирования обязанностей; допустимости представительства; возможности принуждения к исполнению; мотивам совершения.

Так, реализация нравственных эмоций связана исключительно с поведением обязанного, которое соответствует его нравственным принципам (императивам), тогда как удовлетворение правовых эмоций далеко не всегда связано с деятельностью обязанного. В связи с этим право допускает представительство (обязательства могут быть исполнены третьими лицами, например, возращение долга за родственника; юридические обязанности могут быть исполнены без фактического участия, например, представление интересов в суде), в то время как нравственная сфера не знает представительства (моральные обязательства не могут быть исполнены ни третьими лицами, ни представителями).

Существенным различием правовых и нравственных эмоций выступает возможность принудительного исполнения. Очевидно, исполнение моральных требований психики может быть только добровольным. Принуждение к нравственному поведению не свидетельствует о реализации нравственного императива. Обеспечение правовых эмоций принуждением явление неоспоримое, однако, по мнению Л. И. Петражицкого, допустимое не во всех правовых областях.

Важное отличие проявляется также в мотивационной сфере. Мотив поведения важен прежде всего в области морали. Человек, движимый корыстными мотивами, нравственные императивы не реализует. Для реализации права мотивы менее важны, но небезразличны. Например, мотивы совершения преступлений учитываются в сфере уголовного права; важны мотивы в деятельности государственных чиновников, опекунов, в сферах, требующих добросовестного усмотрения.

Л. И. Петражицкий одним из первых обратился к проблеме влияния неисполнения обязанностей на этическую сторону психики. Ученый считал важнейшей задачей науки изучение психических процессов, которые влекут за собой нарушение моральных и правовых обязанностей. Так, неисполнение долга порождает негативные процессы в правовой и в нравственной психике обязанных лиц. Однако влияние на психику окружающих и неисполнение долга

обязанными лицами в праве и нравственности не тождественны, но одинаково порицательны.

Так, праву присущи следующие психологические тенденции, отличающие его от морали. Первой особенностью правовых эмоций, по мнению Петражицкого, выступает стремление к реализации вне зависимости от устремлений обязанного; второй особенностью выступает репрессивный характер правовой психики.

Исполнение, а также неисполнение правовых и нравственных обязанностей порождает в психике разные эмоции. Так, исполнение долга в праве не порождает у обязанного дополнительных благ. По отношению к другой стороне исполнение обязанного своего долга также не означает благодеяния и не вызывает дополнительных позитивных эмоций; напротив, неисполнение правового долга воспринимается управомоченным как посягательство на свои права и порождает негативные (злостные) эмоциональные реакции.

В нравственной сфере реализация и неисполнение обязанностей порождает иные психические реакции. В частности исполнение нравственного долга, напротив, воспринимается как благодеяние, а неисполнение не причиняет ущерба и не вызывает негативных (мстительных) эмоциональных реакций.

Л. И. Петражицкий полагал, что в сфере правовых эмоций наблюдаются две тенденции.

Во-первых, тенденция к развитию правовых шаблонов. Позитивное право, по мнению ученого, играет моделирующую роль. Выработка позитивно-правовых шаблонов призвана устранять возможные разногласия в области определения прав и обязанностей.

Ученый не разделял упрощенного мнения, что различие между правом и моралью проявляется прежде всего в том, что право опирается на внешний базис, независимый от внутренних убеждений, а мораль, напротив, базируется на внутренних личностных убеждениях. Основные доводы неверности такой позиции сводились к следующему. Позитивным правом Л. И. Петражицкий считал не внешнюю идеологическую надстройку, призванную регулировать социальные отношения, а «внутренние императивно-атрибутивные переживания», базирующиеся на представлениях о внешних велениях (авторитетах). Наряду с позитивным правом ученый выделял интуитивное право, не ссылающееся на внешний авторитет. Кроме того, нравственность может быть позитивной, в частности опирающейся на авторитет предков. Л. И. Петражицкий пришел к выводу, что «без знания и признания

явлений интуитивного права и позитивной нравственности и соответственной классификации не может быть ни научной (адекватной) теории права, ни научной теории нравственности» [4, с. 168]. Ученый доказывал, что готовых унифицированных решений в области психики нет и быть не может.

Второй тенденцией в сфере права выступает идея формализации правовых представлений. Петражицкий считал эту тенденцию обоснованной, но недостаточной.

Интересен взгляд Л. И. Петражицкого на проблему социальной значимости правовой и нравственной этики, а также их функциональной роли в социальной сфере. Как отмечалось выше, право и нравственность имеют различную мотивацию. Для правовой психики характерно двустороннее мотивационное воздействие: активное (осознание управомоченности) и пассивное (сознание должностования), оказывающее влияние на индивидуальное и коллективное поведение. Под влиянием мотивационных процессов правовая психика развивается, и формируется согласованная система правового социального поведения.

Для нравственности характерно одностороннее мотивационное воздействие и, по мнению Л. И. Петражицкого, мораль не координирует поведения в социальной сфере. Она может регулировать лишь поведение отдельных лиц или влиять на него. В коллективном плане на общественную коммуникацию мораль, считал Петражицкий, мало влияет: «Она улучшает и смягчает социальное поведение...; но насущных и общих потребностей социальной жизни в прочной нормировке поведения (...) она не удовлетворяет» [4, с. 179]. Профессор Петражицкий пришел к выводу, что главную роль в социальном регулировании играет право, а не мораль.

Самой высокой и труднодостижимой этической системой ученый считал христианство. Он не был верующим христианином, поэтому описывал нравственные эмоции (мораль) без опоры на категории абсолюта, добра и зла. Нельзя не согласиться с профессором Б. А. Куркиным, что «теория Петражицкого, равно как и теории его современников и коллег (Муромцева, Коркунова, Шершеневича) носила ярко выраженный нерелигиозный, светский характер, претендуя тем не менее на полноту знания и всеохватность. Однако с ее помощью невозможно раскрыть то, что Гегель называл “тайной общества”, иными словами, тайну зарождения права и государства» [6, с. 23].

Психологическая теория Петражицкого была неоднозначно воспринята современниками. Его наиболее последовательным критиком был профессор В. И. Сергиевич (1832—1910), а учениками М. А. Рейснер (1868—1928), П. А. Сорокин (1889—1968) и Н. С. Тимашев (1886—1970), в трудах которых эмоциональная теория получила свое развитие [7, с. 331].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что стремление Л. И. Петражицкого создать универсальную правовую теорию, не могло быть реализовано по объективным причинам. Учение Петражицкого явилось одним из направлений в российском правоведении. Право и нравственность в широком смысле он считал однородными по своей психической природе. Однако правовые эмоции имеют императивно-атрибутивный характер, предполагающий наличие субъектов прав и субъектов обязанностей, а нравственные — только императивный (односторонне-обязательный).

Список источников

1. Поснов И. В. Соотношение права и нравственности в психологической теории права Л. И. Петражицкого. Вестник МГТУ, 2006. Т. 9. № 1.
2. Петражицкий Л. И. Очерки философии права СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1900.
3. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000.
4. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Слово, 1907. Т. 1.
5. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. М.: Издательство Юрайт, 2018. Ч. 1.
6. Куркин Б. А. Портреты российских ученых-юристов: Л. И. Петражицкий. Право. Журнал высшей школы экономики. 2008. № 1.
7. Ушкарев О. А. Учение Л. И. Петражицкого о праве и его оценка в российской юридической науке. Вестник ТГУ. 2012. Вып. 5 (109).

References

1. Posnov I. V. Correlation of law and morality in L. I. Petrazhitzky's psychological theory of law. *Bulletin of the Moscow State Technical University*, 2006, vol. 9, no. 1. (In Russ.)
2. Petrazhitzky L. I. *Essays on the Philosophy of Law*. St. Petersburg: Type. Yu. N. Erlich Publ., 1900. (In Russ.)
3. Petrazhitzky L. I. *Theory of law and the state in connection with the theory of morality*. St. Petersburg: Lan Publ., 2000. (In Russ.)

4. Petrazhitsky L. I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality. St. Petersburg: Slovo Publ., 1907. Vol. 1. (In Russ.)

5. Petrazhitsky L. I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality. Moscow: Yurayt Publ., 2018. Part 1. (In Russ.)

6. Kurkin B. A. Portraits of Russian legal scientists: L. I. Petrazhitsky. *Right. Journal of the Higher School of Economics*, 2008, no. 1. (In Russ.)

7. Ushkarev O. A. L. I. Petrazhitsky's Teaching on Law and its assessment in Russian Legal Science. *Bulletin of TSU*, 2012, issue 5 (109). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.11.2021; одобрена после рецензирования 20.12.2021; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 08.11.2021; approved after reviewing 20.12.2021; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 340
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-160-167>

Права коренных малочисленных народов России: теоретико-правовой аспект

Леонтенкова Елена Андреевна

Нижегородский областной суд, Нижний Новгород, Россия, superbegemot@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется современный уровень институционализации правового статуса коренных малочисленных народов в фокусе обеспечения их этнокультурной безопасности. В статье рассмотрен ряд предложений в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока, Северного Кавказа в составе многонационального народа России, их статуса и пределов реализации коллективных прав. Автор статьи считает, что эффективность защитных правовых механизмов зависит от того, насколько в правотворческой, законопроектной работе учитываются экономические, хозяйственные, социальные, этнические, культурные особенности жизни коренных малочисленных народов.

Ключевые слова: право этносов, права коренных народов, малочисленные этносы, правовой статус малочисленных этносов

Для цитирования: Леонтенкова Е. А. Права коренных малочисленных народов России: теоретико-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 160—167. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-160-167>.

Original article

Rights of Indigenous Peoples of Russia: theoretical and legal aspect

Elena A. Leontenkova

Nizhny Novgorod Regional Court, Nizhny Novgorod, Russian Federation, superbegemot@rambler.ru

Abstract. The article discusses the current level of institutionalization of the legal status of indigenous peoples in the focus of ensuring their ethno-cultural security. The article considers a number of proposals regarding the indigenous peoples of the North, Siberia, the Far East, the North Caucasus as part of the multinational people of Russia, their status and the limits of the implementation of collective rights. The author of the article believes that the effectiveness of protective legal mechanisms depends on how much economic, economic, social, ethnic, cultural features of the life of indigenous peoples are taken into account in law-making, legislative work.

Keywords: the law of ethnic groups, the rights of indigenous peoples, small ethnic groups, the legal status of small ethnic groups

For citation: Leontenkova E. A. Rights of Indigenous Peoples of Russia: theoretical and legal aspect. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 160—167. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-160-167>.

В Российской Федерации, как известно, проживает более 170 народов и народностей, именуемых этносами, национальностями, национальными группами, коренными народами. Если не погружаться глубоко в терминологические споры, то следует признать, что можно выделить четыре юридически значимые разновидности народов: государствообразующий

русский народ (супер этнос), титульные народы (этносы) субъектов Российской Федерации, коренные малочисленные народы, национальные меньшинства. При этом, как отмечается в литературе, коренные малочисленные народы представляют собой не более 0,5 % всего населения России [1, с. 23—30]. Однако проживают они на огромных просторах от Мурманска до Чукотки

© Леонтенкова Е. А., 2022

и занимают более 60 % территории Российской Федерации. Места их проживания — Север, Дальний Восток, Урал, Сибирь, Северный Кавказ. При этом всего в России — 47 малочисленных народов, общая численность которых почти 280 тысяч человек. Причем 40 народов, или 260 тысяч человек, — это коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Самый малочисленный народ России — керекы, их на территории нашей страны проживает всего 4 человека.

Современные государства и международные организации гарантируют особые права коренным народам. В Российской Федерации защищает права коренных малочисленных народов прежде всего Конституция Российской Федерации, статья 69 которой гласит: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации».

Важность данной статьи в условиях культурно-экономической гомогенизации мира и не защищенности традиционных обществ от современной индустриальной и постиндустриальной цивилизации трудно переоценить. Единство полиэтничного общества зависит от наличия норм, гарантирующих защиту ценностей, признаваемых этносами этого общества. Поэтому в последнее время наблюдается рост количества правовых механизмов, гарантирующих сохранение этнокультурной идентичности народов Севера и иных регионов традиционного проживания коренных малочисленных народов [2—4]. Так что актуальность ряда исследований правового статуса коренных малочисленных народов, к которым относится и диссертация Досакаева Алимберди Базарбиевича на тему «Коренные малочисленные народы Северного Кавказа в составе многонационального народа России (гарантии статуса и пределы реализации коллективных прав)» трудно переоценить.

Эффективность защитных правовых механизмов зависит от того, насколько в правотворческой, законопроектной работе учитываются экономические, хозяйственные, социальные, этнические, культурные особенности жизни коренных малочисленных народов. Устойчивое правовое развитие российского общества, его цивилизационная идентичность в XXI веке напрямую зависят от культурной адекватности и этнополитической оправданности принимаемых правотворческих и управленческих решений. Чем больше законодатель проявляет

уважения и терпимости этноконфессиональной самобытности и идентичности народов России, тем больше общество приобретает чувство правовой целостности, социально-правового единства, этнополитической устойчивости. Важно при этом разработать критерии и пределы учета правовой самобытности этносов. Правовой обычай, решение дела местным народным судом в соответствии с этнокультурными представлениями о правосудии и справедливости возможен только при условии четко разработанных процедур в рамках конституционного права России. Аргумент, что ритуалы и традиции собственного народа являются мощнейшим фактором правовой мотивации, так как действуют те структуры сознания индивида, которые составляют его желаемое право, «жизненный мир», лежат в фундаменте его мировоззрения и мышления, не может приводить к противоречиям. Автор указанной выше диссертации справедливо обращает внимание на то, что Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» конституционная норма, указанная выше, дополнена частью 2, устанавливающей обязанность государства защищать и гарантировать культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации. Важно отметить, что, помимо гарантий самобытности этносам России, данная статья обеспечивает в качестве ценности этнокультурное и языковое многообразие. Согласно статье 25 Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов коренные народы имеют право сохранять особую духовную связь с традиционно принадлежащими им или иным образом занятыми или используемыми ими землями, территориями, водами и морскими прибрежными водами [5]. Автор пытается решить целый ряд проблем конституционно-правового регулирования отношений с участием коренных малочисленных народов. Прежде всего ему представляется правильным обосновать конституционно-правовые гарантии статуса и пределы реализации коллективных прав коренных малочисленных народов Северного Кавказа в составе многонационального народа России. Обращает диссертант внимание и на сохранение и развитие национально-культурной и исторической самобытности, на выработку механизма реализации положений части 2 статьи 26, частей 2 и 3 статьи 44, части 3 статьи 68, частей 1 и 2 статьи 69 Конституции

Российской Федерации. Важным ему представляется и совершенствование, соответственно принципу правовой определенности, действующего в данной сфере законодательства об установлении пределов реализации коллективных прав в местах территорий традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Северного Кавказа. Нельзя не согласиться с диссертантом, что освещенные им проблемы имеют значение не только для коренных малочисленных народов Северного Кавказа, но и для остальных народов России.

Ключевой вопрос в исследовании гарантий коренным малочисленным народам — какие народы подходят под данное определение. В российском законодательстве дано определение коренных малочисленных народов Российской Федерации — это «народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» [6]. Таким образом, важным признаком коренного малочисленного народа следует признать численность менее 50 тысяч человек, связь с территорией предков, традиционный образ жизни (образ жизни, идентичный жизнедеятельности предков). Кстати, нормы данного закона распространяются и на тех лиц, которые относятся к малочисленным народам в силу того, что постоянно проживают в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, и для которых традиционная хозяйственная деятельность и занятие традиционными промыслами являются подсобными видами деятельности по отношению к основному виду деятельности в других отраслях народного хозяйства, социально-культурной сфере, органах государственной власти или органах местного самоуправления (ст. 3 ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»). По изначальному замыслу законодателя, данный статус необходим для сохранения традиционного природопользования и образа жизни определенных категорий граждан. Ведь правовые гарантии охватывают и лиц, не принадлежащих этнически к коренному малочисленному народу, но относящихся к малочисленным народам в силу того, что постоянно проживают в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных

народов. Это связано с тем, что первоначально в 1995 году был разработан законопроект, посвященный установлению основ правового статуса коренных малочисленных народов России. Этот законопроект определял следующие признаки коренного малочисленного народа: качественный (проживание на территории традиционного расселения своих предков, сохранение самобытного уклада жизни, осознание себя самостоятельной этнической общностью) и количественный (должны насчитывать не более 50 тысяч человек) [7]. Именно они и попали в указанный выше Федеральный закон.

Помимо коренных малочисленных народов, в федеральном и региональном законодательстве встречаются следующие понятия: «малочисленные этнические общности», «этнос», «национальные меньшинства», «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [8]. В юридической литературе понятия «малочисленные народы» и «национальные меньшинства» часто отождествляются [9; 10; 3]. Но практически все исследователи едины во мнении, что именно традиционные природопользование и хозяйствование составляют стержень самобытной культуры коренных малочисленных народов, как подчеркивает ведущий специалист в данной сфере профессор В. А. Кряжков [11, с. 105].

Привилегии коренных малочисленных народов обоснованы и очевидны: переход к индустриальной цивилизации уничтожает уклад и ведет к исчезновению этих народов. Кроме того, ряд традиционных промыслов предполагает нарушение общих правовых режимов: например, охота на некоторые виды рыб, в отношении вылова которых установлены ограничения законодательством. Однако В. А. Кряжков выделяет ряд условий предоставления этих привилегий. Во-первых, должна иметь место ограниченность природных ресурсов в местности коренных малочисленных народов и предоставление особых льготно-правовых режимов крайне необходимо для обеспечения традиционного природопользования коренных малочисленных народов. Во-вторых, в силу пункта «в» статьи 71 Конституции Российской Федерации, определяющей, что регламентация прав и свобод человека и гражданина является предметом ведения Российской Федерации, специальные права коренных малочисленных народов необходимо устанавливать на уровне федеральных законов. В-третьих, привилегии в сфере хозяйственной деятельности должны учитывать

иерархизированный характер пользователей ресурсами и целей природопользования: от непосредственного жизнеобеспечения до коммерческого или спортивно-оздоровительного использования. Наконец, необходимо учитывать опасность избыточного патернализма, приводящего к иждивенческому поведению коренных малочисленных народов, угрожающему снижению экономической активности его представителей [12, с. 21].

Следует иметь в виду, что далеко не все народы численностью менее 50 тысяч человек можно отнести к коренным малочисленным народам. Возможны еще варианты этносов с численностью менее 50 тысяч человек: национальные меньшинства, под которыми понимают, как правило, этнические группы, проживающие на территории других народов. «Национальные меньшинства — это часть представителей данной нации, проживающая в инонациональной среде за пределами традиционного поселения, но продолжающая сохранять свою самобытность, язык и культуру» [13, с. 10].

Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации утверждается Правительством Российской Федерации [14]. Единый перечень из 46 коренных малочисленных народов был утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 года № 25525. Далее произошло следующее: 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2006 года № 536-р 26 были выделены в отдельный перечень. Оставшиеся шесть коренных малочисленных народов из Единого перечня — бесермяне (Удмуртская Республика), води и ижорцы (Ленинградская область), нагабайцы (Челябинская область), сету (Псковская область), шапсуги (Краснодарский край) на сегодняшний день получают поддержку из бюджета субъектов Российской Федерации, где они проживают.

Следует особо указать на республику Дагестан. В юридической литературе уже обращалось внимание на то, что постановлением Государственного совета Республики от 18 октября 2000 года № 1927 был утвержден перечень коренных малочисленных народов, куда вошли народы с численностью более 50 тысяч человек [15]. В указанной выше диссертации такой подход не вызывает возражений, так как по замыслу ее автора важен не количественный критерий, а самосознание: «Конституционно-правовой статус коренных малочисленных народов России

должен определяться не только каким-то одним фактором — количественным составом этого народа (социальной общностью), а комплексом взаимосвязанных обстоятельств (факторов) как объективного (культура, быт, язык), так и субъективного характера, прежде всего внутреннее самоопределение этноса к его сопричастности к образу жизни, культуре, быту соответствующей социальной общности. К тому же в международной и зарубежной практике количественный критерий не является основополагающим и не рассматривается как принцип определения народа к малочисленному» [16, с. 43].

Автор диссертации полагает, что правовой статус народов Северного Кавказа остается пока не определенным. Он также обращает внимание на то, что по итогам Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 годов можно сделать вывод о наличии еще некоторых этносов, не указанных в Перечне. Это такие народы, как андийцы, багулалы, годоберинцы, дидойцы, каратинцы, кубачинцы, горские евреи и др. Диссертантом проанализировано законодательство нескольких субъектов Российской Федерации (Республики Дагестан, Карачаево-Черкесской Республики, Краснодарского края и др.), на территории которых проживают официально признанные в качестве малочисленных народов абазинцы и шапсуги, а также представители этнических общностей, не включенных в Единый перечень коренных малочисленных народов России, но имеющих некоторые черты, позволяющие их отнести к таковым фактически. Диссертантом проработаны теоретические аспекты конституционно-правового статуса коренных малочисленных народов Северного Кавказа на основе общих и особенных черт, выявленных в ходе сравнительно-правового анализа, предложено авторское понимание категории «коренные малочисленные народы Северного Кавказа». Во втором положении, выносимом на защиту, дается собственное, авторское определение коренных малочисленных народов.

В диссертации концепт «коренные малочисленные народы Северного Кавказа» интерпретируется как исторически сложившаяся устойчивая совокупность людей, проживающая на территории традиционного расселения своих предков, составляющая статистическое меньшинство в Российской Федерации или на территории ее субъектов, обладающая основными этническими характеристиками (национальной идентичностью) и осознающая себя в составе многонационального народа России самостоятельной этнической общностью.

В определенном смысле автор прав, когда говорит о том, что не менее значимым, чем «сохранение традиционного образа жизни и традиционными формами деятельности» является и такой субъективный признак отнесения народа к коренному малочисленному, как национальное самосознание» [16, с. 41]. В своем выводе автор придерживается свойственного целому ряду ученых принципа отрицания количественного критерия малочисленности народа [17, 18].

Однако в юридической литературе присутствует и иная точка зрения: по мнению одного из ведущих исследователей в данной области В. А. Кряжкова, «законодатель без достаточных оснований расширил традиционный для России перечень народов с особым статусом, включив в него, кроме северных народов, иные народы, в том числе Северного Кавказа» [3, с. 116]. Его аргументация, а также доводы академика Тишкова очевидны: перечень коренных малочисленных народов будет расти не обоснованно; у народов Северного Кавказа совсем иная степень модернизации, окружающая среда, система хозяйствования, системы жизнеобеспечения, чем у КМН Севера [19].

И действительно, в Республике Дагестан в соответствии с постановлением Государственного Совета (2000) к коренным малочисленным народам Дагестана отнесены этносы, численность которых в несколько раз превышает законодательный минимум, в то время как другие, подпадающие под нормативные критерии, отсутствуют в обозначенном Перечне. Однако сам В. А. Кряжков отмечает в своей статье, что в Конституции Российской Федерации используется также термин «малочисленные этнические общности» (п. «м» ч. 1 ст. 72), который, на его взгляд, «вполне справедливо признается адекватным термину “коренные малочисленные народы”» [15, с. 75]. Следовательно, возможно поставить вопрос о критериях относительности (внутри каждого субъекта Российской Федерации) численности народа при отнесении его к малочисленным. Кроме того, в условиях экономической глобализации, гомогенизации и унификации цивилизаций действительно требуется ряд дополнительных гарантий этносам, ведущим традиционный образ жизни, пусть и численность которых превышает 50 тысяч человек. Если в местах их проживания ведется традиционное землепользование, животноводство или растениеводство, то уже этим данные народы должны привлекать внимание государства в части защиты их традиционных ценностей и образа жизни.

В ряде исследований можно встретить и множество других важных предложений. Например, автор указанной выше диссертационной работы справедливо отмечает: «Доминантами установления пределов коренных малочисленных народов Северного Кавказа выступают такие факторы, как места их традиционного проживания и осуществления традиционной хозяйственной деятельности, исконная среда обитания малочисленных народов и необходимость ее защиты, сохранение этнокультурной и языковой идентичности. Установлением границ коллективного правопользования создаются прочные правовые основания противодействию злоупотреблению правами как со стороны малочисленных народов, так и со стороны лиц и органов, находящихся с ними в конституционно-правовой связи».

Однако трудно выполнимым представляется следующее предложение автора работы: ему представляется необходимым дополнить Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» императивным положением, обязывающим органы государственной власти субъектов Российской Федерации, на административных территориях которых расположены места традиционного проживания малочисленного народа, действовать согласованно по обеспечению прав коренных народов, признав за ними в собственном (региональном) законодательстве статус коренного малочисленного народа. Представляется такое предложение весьма трудновыполнимым, так как существует риск резкого увеличения числа новых коренных малочисленных народов в регионах. Было бы правильным сохранение федерального Перечня, добавлять в который народы возможно было бы после проведения целого ряда экспертиз по инициативе органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Далее автор в положении 4 автореферата отмечает, что во взаимоотношениях государства и публичных органов власти зарубежных стран с национальными меньшинствами, включая коренные народы, утвердился международно-признанный принцип недискриминации. Он предлагает учесть опыт конституционной практики ряда стран Северной и Южной Европы, государств Северной Америки в сфере сохранения и развития языка и самобытности (национальной идентичности) коренных народов. Однако автор предлагает учитывать не только опыт относительно данных сфер, связанных

с сохранением этнокультурной идентичности, но и опыт, связанный с практикой федеративного строительства. Между тем в Российской Федерации территориальные формы реализации права на самоопределение порождают серьезные территориальные споры и конфликты между народами, очень сильно смешанными и ассимилированными в период СССР, в котором проводилась политика надэтнического государственного строительства.

Как известно, Российская Федерация построена на совмещении административно-территориального и национально-территориального принципов формирования субъектов Федерации. При этом весьма конфликтным фактором является то, что национальных субъектов в Российской Федерации в десять раз меньше, чем этносов: только один из каждых десяти этносов имеет свою территориальную форму самоопределения.

Итак, на сегодняшний день имеется большое количество территориальных споров между титульными этносами в двусоставных субъектах (например, кабардинцами и балкарцами, карачаевцами и черкесами) или между субъектами Российской Федерации, имеющими и не имеющими этнонациональный принцип в основе своего региона (конфликт между Чеченской Республикой и Республикой Дагестан). Думается, напротив, постепенный отказ от этнонационального принципа построения Федерации в пользу экстерриториального самоопределения этносов в будущем может сыграть положительную роль.

Соискатель под предлогом защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов коренных малочисленных народов предлагает дополнить статьи 5—7 Федерального закона от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» положениями, предусматривающими возможность включать в состав рабочей группы профильные комитеты представительных органов всех уровней публичной власти представителей коренных малочисленных народов России (стр. 16—17 автореферата). Иными словами, к разработке и экспертизе проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации о защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов малочисленных народов привлекать уполномоченных представителей малочисленных народов. Это предложение является,

безусловно, важным, однако не произойдет ли в данном случае рост конфликтности в процессе политизации данных вопросов, особенно с учетом территориальных споров и конфликтов в Дагестане, Чечне, Ингушетии?

И хотелось бы обратить внимание на то, что этнологическая экспертиза и так существует. В статье 8 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», перечисляющей права малочисленных народов, объединений малочисленных народов и лиц, относящихся к малочисленным народам, на защиту их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов, говорится о праве малочисленных народов, объединений малочисленных народов в целях защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов участвовать в проведении экологических и этнологических экспертиз при разработке федеральных и региональных государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей среды в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов [20].

Некоторые исследователи, в том числе и указанный выше диссертант, предлагают считать в современных условиях развития российской государственности приоритетным объектом конституционно-правового регулирования статуса коренных малочисленных народов Северного Кавказа защиту их специальных прав, а также права на культурное наследие, сохранение этнокультурного и языкового многообразия. Однако данное положение представляется не вполне корректным по отношению к этносам, не имеющим статуса «коренные малочисленные народы». Думается, все этносы Российской Федерации должны рассчитывать на данные права и гарантии их этнокультурной самобытности. Дополнительные привилегии коренным малочисленным народам могут привести к дополнительным спорам с другими этносами, не относимым к малочисленным по количественному признаку.

Впрочем, эти и другие вопросы, возникающие в ходе рассмотрения доктринальных оснований правового регулирования жизнедеятельности коренных народов укрепляют убежденность в актуальности дальнейших исследований их правового статуса, в их своевременности и теоретической, концептуальной, а также практической важности и значимости. Тема еще требует

значительных усилий по оптимизации конституционно-правовой политики в сфере защиты коренных малочисленных народов, а также этнической (национальной) правовой политики государства в целом.

Список источников

1. Гарипов Р. Ш. Государственная политика в сфере обеспечения прав коренных малочисленных народов России: история и современность // Российский юридический журнал. 2010. № 3. С. 23—30.

2. Андриченко Л. В., Постников А. Е. Проблемы разграничения законодательных полномочий в сфере защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов России // Журнал российского права. 2008. № 5. С. 10—14.

3. Кряжков В. А. Дело о традиционной охоте, или Первый опыт защиты прав коренных малочисленных народов в Конституционном Суде России // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 4. С. 116—130.

4. Кряжков В. А. Конституционно-правовые статусы финно-угорских народов в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 24—32.

5. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: резолюция № 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.07.2020).

6. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 13 июля 2020 г.) // Российская газета. 1999. № 90. 12 мая.

7. Кряжков В. А. Право коренных малочисленных народов на земли (территории) // Государство и право. 1996. № 1. С. 69—73.

8. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.07.2020).

9. Ирхин И. В. Конституционно-правовой статус лиц, постоянно проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов России // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 31—39.

10. Крылов Б. С. Проблемы защиты прав национальных меньшинств в Российской Федерации // Журнал российского права. 2001. № 8.

11. Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010.

12. Кряжков В. А. Права коренных малочисленных народов России: методология регулирования // Государство и право. 1997. № 1.

13. Тэпс Д. Соотношение понятий национальных меньшинств и коренных малочисленных народов // История государства и права. 2006. № 1. С. 10—13.

14. О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255 (ред. от 18 декабря 2021 г.) // Российская газета. 2000. № 66. 5 апреля.

15. Кряжков В. А. Конституция Российской Федерации о правах коренных малочисленных народов: намерения и реальность // Государство и право. № 12. 2018 С. 74—76.

16. Досакаев А. Б. Коренные малочисленные народы Северного Кавказа в составе многонационального народа России (гарантии статуса и пределы реализации коллективных прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021).

17. Андриченко Л. В., Белоусова Е. В. Основы правового статуса национальных меньшинств в Российской Федерации: сборник обзоров и статей / отв. ред. Б. С. Крылов. Серия «Отечественный и зарубежный федерализм». ИНИОН РАН. М., 1995.

18. Схатум Б. Ю. Конституционно-правовые вопросы защиты прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

19. О ратификации Российской Федерацией Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах»: материалы круглого стола 23—24 ноября 2006 г. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2006.

20. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 13 июля 2020 г.). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.07.2020).

References

1. Garipov R. Sh. State policy in the field of ensuring the rights of indigenous peoples of Russia: history and modernity. *Russian legal journal*, 2010, no. 3, pp. 23—30. (In Russ.)

2. Andrichenko L. V., Postnikov A. E. Problems of delineation of legislative powers in the sphere of protection of the original habitat and traditional way of life of the indigenous peoples of Russia. *Journal of Russian Law*, 2008, no. 5, pp. 10—14. (In Russ.)

3. Kryazhkov V. A. The case of traditional hunting, or the first experience of protecting the rights of indigenous peoples in the Constitutional Court of Russia. *Comparative constitutional review*, 2019, no. 4, pp. 116—130. (In Russ.)

4. Kryazhkov V. A. Constitutional and legal statuses of the Finno-Ugric peoples in the Russian Federation. *Constitutional and municipal law*, 2015, no. 5, pp. 24—32. (In Russ.)

5. United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples: resolution no. 61/295 of the UN General Assembly. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 13.07.2020). (In Russ.)
6. On Guarantees of the Rights of Indigenous Minorities of the Russian Federation: federal law no. 82-FZ of April 30, 1999 (as amended on July 13, 2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 13.07.2020). (In Russ.)
7. Kryazhkov V. A. The right of indigenous peoples to land (territories). *State and law*, 1996, no. 1, pp. 69—73. (In Russ.)
8. On the territories of traditional nature management of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation: federal law no. 49-FZ of May 7, 2001 (as amended on December 8, 2020). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 13.07.2020). (In Russ.)
9. Irkhin I. V. The constitutional and legal status of persons permanently residing in places of traditional residence and traditional economic activities of the indigenous peoples of Russia. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 5, pp. 31—39. (In Russ.)
10. Krylov B. S. Problems of protecting the rights of national minorities in the Russian Federation. *Journal of Russian law*, 2001, no. 8. (In Russ.)
11. Kryazhkov V. A. Indigenous peoples of the North in Russian law. Moscow, 2010. (In Russ.)
12. Kryazhkov V. A. The rights of the indigenous peoples of Russia: the methodology of regulation. *State and law*, 1997, no. 1. (In Russ.)
13. Taps D. Correlation between the concepts of national minorities and indigenous peoples. *History of State and Law*, 2006, no. 1, pp. 10—13. (In Russ.)
14. On the Unified List of Indigenous Peoples of the Russian Federation: decree of the Government of the Russian Federation no. 255 of March 24, 2000 (as amended on December 18, 2021). *Rossiyskaya Gazeta*, 2000, no. 66, April 5. (In Russ.)
15. Kryazhkov V. A. The Constitution of the Russian Federation on the rights of indigenous peoples: intentions and reality. *State and Law*, no. 12, 2018, pp. 74—76. (In Russ.)
16. Dosakaev A. B. Indigenous peoples of the North Caucasus as part of the multinational people of Russia (guarantees of the status and limits of the implementation of collective rights. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2021. (In Russ.)
17. Andrichenko L. V., Belousova E. V. Fundamentals of the legal status of national minorities in the Russian Federation. Collection of reviews and articles / gen. ed. by B. S. Krylov. Moscow: INION RAN Publ., 1995. (In Russ.)
18. Skhatum B. Yu. Constitutional and legal issues of protecting the rights of indigenous peoples in the Russian Federation. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2002. (In Russ.)
19. On the ratification by the Russian Federation of ILO Convention no. 169 "On indigenous peoples and peoples leading a tribal way of life in independent countries": materials of the round table November 23—24, 2006. Moscow: Public Chamber of the Russian Federation Publ., 2006. (In Russ.)
20. On Guarantees of the Rights of Indigenous Minorities of the Russian Federation: federal law no. 82-FZ of April 30, 1999 (as amended on July 13, 2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 13.07.2020). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 340
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-168-177>

Особенности правовой оценки субъективных элементов составов преступлений, содержащих признаки специальных организованных форм экстремистской деятельности

Магнатов Юрий Сергеевич

Борский городской суд Нижегородской области, Бор, Россия, magnutov_u_s@mail.ru

Аннотация. В статье обращено внимание на особые, юридически значимые характеристики субъективных элементов преступлений, содержащих признаки специальных организованных форм экстремистской деятельности. Определено содержание форм вины, с выделением общих и специальных характеристик, вытекающих из положений Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Отдельно представлены характеристики общего и специального субъектов, совершающих деяния, с признаками специальных организованных форм экстремистской деятельности.

Ключевые слова: экстремизм, специальные организованные формы экстремистской деятельности, вина, субъективная сторона, субъект

Для цитирования: Магнатов Ю. С. Особенности правовой оценки субъективных элементов составов преступлений, содержащих признаки специальных организованных форм экстремистской деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 168—177. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-168-177>.

Original article

Peculiarities of legal assessment of subjective elements of offenses containing signs of special organized forms of extremist activity

Yury S. Magnutov

Bor City Court of the Nizhny Novgorod Region, Bor, Russian Federation, magnutov_u_s@mail.ru

Abstract. The article draws attention to the special, legally significant characteristics of the subjective elements of crimes containing signs of special organized forms of extremist activity. The content of the forms of guilt is determined, with the allocation of general and special characteristics arising from the provisions of the Federal Law “On countering extremist activity” and the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On judicial practice in criminal cases on crimes of extremist orientation”. Separately, the characteristics of general and special subjects committing acts are presented, with signs of special organized forms of extremist activity.

Keywords: extremism, special organized forms of extremist activity, guilt, subjective side, subject

For citation: Magutov Yu. S. Features of the legal assessment of the subjective elements of crimes containing signs of special organized forms of extremist activity. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 168—177. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-168-177>.

Субъективные признаки преступлений, содержащих признаки специальных организованных форм экстремистской деятельности, с момента криминализации статей 282¹ и 282² Уголовного кодекса Российской Федерации

(далее — УК РФ) находятся в секторе особого внимания как среди ученых, так и представителей законодательных, правоприменительных и интерпретационных органов при формировании соответствующего курса государственной

© Магнатов Ю. С., 2022

политики [1, с. 101—106]. Это обусловлено значительным количеством обстоятельств. Во-первых, наличием специальной мотивационной основы, подталкивающей лиц к совершению различного рода действий с признаками экстремизма. Во-вторых, ограниченность определения круга деяний экстремистского толка, вытекающих из положений примечания 2 к статье 282¹ УК РФ. В-третьих, возможность совершения исследуемой группой общественно опасных форм поведения специальным субъектом, что ставит вопрос о более четком установлении его индивидуально-юридических характеристик.

Учитывая, что исследуемые составы преступления сконструированы по типу формальных, общепринятым считается, что их совершение возможно только с прямым умыслом, что структурно предполагает доказывание одного (первого) интеллектуального и волевого признаков [2, с. 101]. Именно они раскрывают осознанность общественной опасности таких деяний и желания их совершения. Осознание предполагает понимание субъектом фактического содержания совершаемых им действий, их отрицательное социальное значение, тем самым он предвидит спектр нарушаемых общественных отношений. Волевой признак в рассматриваемом аспекте подкрепляется особым рода мотивацией, подтверждающей желание на совершение действий в составе организованных форм экстремистской деятельности, на детальном анализе которой мы и остановимся на страницах этой статьи.

Мотив (от лат. *moveo* — «двигаю») — это побудительная причина любого преступного поведения. Его содержанию и юридическому значению уделяется особое внимание не только в уголовном праве, но и в уголовном процессе. Сверхзначимым данное направление видится в области противодействия экстремизму, так как наблюдается широкомасштабное распространение преступлений, основанных на особом рода экстремистской мотивации. Основа представляемой позиции, на наш взгляд, заключена в словах Жан-Поля Сартра: «... достаточно, чтобы один человек ненавидел другого, — и ненависть, переходя от соседа к соседу, заражает все человечество» [3, с. 26]. Их содержание позволяет говорить о том, что мотивация и формирует основной базис будущего криминального поведения, так как именно она толкает субъекта на нарушение закона. В этой связи можно утверждать, что мотив фактически определяет и объект преступного посягательства. Полагаем, что с такой позицией согласен сам

законодатель, закрепив особый мотив экстремистских деяний в главе 29 УК РФ, включившей в себя деяния с признаками экстремизма, тем самым выделив основы конституционного строя и безопасности государства в качестве базового (видового) объекта общественно опасных деяний, конструктивными признаками которых выступают разные вариации экстремистской деятельности. На особое мотивационное поведение в рамках противодействия экстремизму акцентируют внимание и международные организации [4, с. 373—377].

Показательным является и тот факт, что мотив имеет межотраслевое значение. Являясь неотъемлемым элементом субъективной стороны в разрезе материального права, особый акцент на его установление сделан и в уголовно-процессуальном законодательстве, вводя его в систему обязательных обстоятельств, подлежащих доказыванию. Законодатель, закрепляя их в статье 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, выводит мотив на второе место, тем самым определяя его особый уровень значимости в области противодействия преступности.

Особо это осознается в рамках противодействия экстремизму. На этом и базируется вся государственная стратегия снижения экстремистской активности, нацеленной на повышение уровня конфликтности в современном обществе, построенной на протестной деятельности. Начало было положено в 2007 году в результате принятия двух документов: Федерального закона от 10 мая 2007 года «О внесении изменений в статьи 214 и 244 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [5] и Федерального закона от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» [6].

Сформированное в нем понятие преступлений экстремистской направленности, содержание которого в настоящее время не охватывает весь спектр общественно опасных деяний с признаками экстремизма, в качестве ключевого, юридически значимого критерия закрепило ненависть или вражду. То есть мы приходим к выводу, что концепт, представленный в примечании 2 к статье 282¹ УК РФ, прямо свидетельствует о том, что преступления экстремистской направленности и общественно опасные деяния с признаками экстремистской деятельности

соотносятся как часть и целое. Поэтому вторая, то есть более общая группа деяний, может включать в себя и другую мотивационную основу. Вместе с тем это не лишает их статуса экстремистских деяний в более широком понимании, нежели это представлено в примечании к статье 282¹ УК РФ, что можно продемонстрировать в том числе и на примере статей, расположенных в главе 29 УК РФ.

Так, статьи 280¹, 280² УК РФ охватывают более широкую мотивационную основу, нежели указанную в вышеотмеченном примечании. Хотя Пленум Верховного Суда Российской Федерации статью 280¹ УК РФ относит к преступлениям экстремистской направленности [7], что, с нашей точки зрения, дискуссионно по причине излишне расширительного толкования понятия такого рода деяний. Однако в статье 282¹ УК РФ, закрепляющей одну из специальных организованных форм экстремистской деятельности, в качестве обязательного, криминообразующего признака закреплена цель его создания, ограничивающаяся экстремистской мотивацией.

На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, что наличие иного мотива, ставшего побуждением для создания такой группы в целях совершения преступлений с признаками экстремистской деятельности, не входящих в группу общественно опасных деяний экстремистской направленности, с учетом буквального толкования положений уголовного закона, не образует состава преступления, отраженного в статье 282¹ УК РФ. Считаем это существенным пробелом уголовного законодательства, разрешение которого будет представлено далее. Вместе с тем, учитывая действующую редакцию статьи 282¹ УК РФ, нельзя не остановиться на рассмотрении мотивов, изложенных в примечании к ней.

Такого рода размышления хотелось бы начать с констатации излишней репрессивности юридико-технического приема, определяющего понятие преступлений экстремистской направленности. Он видится нам не совсем обоснованным, так как дает официальное основание для отнесения к исследуемой группе деяний, любого умышленно совершенного преступления и обремененного экстремистской мотивацией. Анализируемый прием дискуссионен по следующим причинам. Во-первых, он затрудняет понимание явления, с которым предложенный подход и нацелен бороться, так как до безграничности размывает границы экстремизма. По решению отмеченной проблемы в доктрине

существует много авторских подходов. Наиболее приемлемой для нас является позиция, ограничивающая круг таких деяний положениями Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», то есть отнесения к таковым только тех общественно опасных форм поведения, которые закреплены в главах 24, 29 и 34 УК РФ [8, с. 12].

Во-вторых, как верно подчеркнул И. М. Мацкевич, репрессии не должны быть основным инструментом борьбы с деяниями, основанными на экстремистской мотивации [9, с. 3—5]. Именно эта позиция очень активно поддерживается в науке, так как его поступательная реализация не повлечет достижения желаемого результата, а, наоборот, усугубит его [10, с. 104—107].

С учетом того, что ненависть или вражда — это взаимодополняемые понятия [11, с. 96], обратим внимание на их этимологическое содержание. Ненависть — отвращение, нетерпение, невыносимость, чувство сильной вражды [12, с. 523; 13, с. 106]. Вражда — несогласие, неприязнь, ненависть [12, с. 523; 13, с. 106]. Отмеченное указывает на их возможную синонимичность [14, с. 21]. С нашей же точки зрения, их главное отличие видится в форме выражения. Так, если ненависть — это более пассивная форма поведения, характеризующая просто чувство, и эту позицию поддерживают психологи [15, с. 206], то вражда выражается в действиях, демонстрирующих это состояние. Как верно отмечается в научных исследованиях, именно мотив ненависти порождает вражду, то есть выступает в качестве побудительного стимула для совершения преступных действий, обремененных ими [16, с. 39]. Следовательно, рассматривать их в отдельности методологически неверно, так как они всегда встречаются в комплексе при совершении разного рода экстремистских деяний. В этой связи, как верно подчеркивает С. М. Кочои, использование союза «или» при юридико-техническом конструировании рассматриваемого примечания излишне по причине отсутствия принципиальной разницы [17, с. 330—332].

Остановимся на рассмотрении их разновидностей, закрепленных в примечании 2 к статье 282¹ УК РФ, фактически выражающих самостоятельные формы нетерпимости.

Политическая ненависть или вражда предопределена самой сущностью политики как искусства управления государством [18, с. 453—454], то есть деятельность субъекта, испытывающего ее, как верно отмечает П. А. Кабанов, предопределяет, например, выбор потерпевшего, (политический лидер, политический

противник и т. п.), а также цели противоправной деятельности (принятие необходимого политического решения, победы на выборах и т. п.) [19, с. 57]. Полагаем, что примером такого рода экстремистской деятельности может стать деятельность общественного движения «Штабы Навального».

Идеологическая (идеология — это система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности) ненависть или вражда нацелена на разрушение тех идей, которые представляют полный противоположный базис как в развитии отдельной личности, так и группы людей, ими объединенных. Чаще всего, если мы говорим об экстремизме, идеология воспринимается как миссия, выполнение которой является неотъемлемым и обязательным элементом деятельности такого рода общности [20, с. 61—68]. Примером идеологической ненависти или вражды в исследуемой нами области может выступать деятельность движения АУЕ, пропагандирующего распространение криминальной идеологии.

Мотив расовой ненависти или вражды формируется на основании внутренних побуждений, выражающихся в желании продемонстрировать не только свое превосходство, а и неполноценность представителей иной расы путем совершения в отношении них противоправных действий, нацеленных на нарушение основных прав и свобод. Ярчайший пример такого рода ненависти или вражды может быть представлен в деятельности ультраправого экстремистского движения «Скинхеды» [21, с. 42—46].

Ненависть или вражда, основанная на религии, также имеет свои конструктивные особенности. Превосходство и неприятие других групп строится на основе радикальных религиозных взглядов, приветствующих не только унижение, но и уничтожение представителей других религиозных конфессий. Примером такого рода ненависти или вражды выступает деятельность запрещенных на территории Российской Федерации таких международных религиозных объединений, как «Нурджулар», «ТаблигиДжамаат» и др.

Еще раз обратившись к буквальному толкованию примечания 2 к статье 282¹ УК РФ, приходим к следующему выводу. Только наличие специального рода мотивации доказывает цель созданной организованной группы, что дает основание для признания ее экстремистским сообществом. Соответственно, его отсутствие

при совершении иных деяний, относящихся к категории экстремистских, также в составе организованной формы совместной деятельности (например, статья 280¹ и 280² УК РФ) не дает нам возможности квалифицировать такого рода поведение по статье 282¹ УК РФ. Это существенный пробел в области противодействия организованным формам экстремистской деятельности. Решение данного вопроса лежит в плоскости дополнения диспозиции статьи 282¹ УК РФ еще одной категорией преступлений, ради которой и создается экстремистское сообщество, тем самым подтверждая альтернативность целей. В науке сложилось устоявшееся мнение о том, что, например, экстремистское сообщество может быть создано не только для возбуждения ненависти или вражды, но и для подрыва и ослабления власти [22, с. 93]. В этой связи, как уже ранее нами было отмечено, наиболее емким понятием, характеризующим исследуемую группу общественно опасных форм поведения, выступает категория «преступления с признаками экстремистской деятельности». Полагаем, что такой прием прямо корреспондируется как с положениями статьи 282² УК РФ, так и профильным федеральным законом, также используется формулировка «экстремистская деятельность», а не «преступления экстремистской направленности». Схожий прием реализован в рамках смежных деяний в статьях 205⁴ и 205⁵ УК РФ, что еще раз подтверждает правильность нашего предложения.

На основании вышеизложенного на обсуждение научного сообщества выносятся следующая редакция диспозиции статьи 282¹ УК РФ: «Создание экстремистского сообщества, то есть организованной группы лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности и (или) преступлений с признаками экстремистской деятельности, а равно руководство таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности и (или) преступлений с признаками экстремистской деятельности»

Предлагаемый юридико-технический прием будет наиболее оптимальным, так как не исключает использование уже наработанного законодательного, правоприменительного и интерпретационного опыта в области борьбы с

криминальными формами экстремизма, обремененного специальной мотивацией. Вместе с тем он расширяет возможности уголовного законодательства в противодействии организованным формам экстремистской деятельности, не обремененным такого рода побуждениями, но при этом создаваемым в целях совершения деяний с признаками экстремизма.

Симметрично вышеизложенному должны быть изменены и пункты 12 и 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Обращаясь к примечанию 2 к статье 282¹ УК РФ, мы обнаруживаем еще одну возможную внутриотраслевую коллизию. Фактически преступной может быть ненависть или вражда, лишенная отмеченной выше мотивации, выражаемая в отношении каких-либо социальных групп. Такая законодательная интерпретация породила серьезную дискуссию. Использование термина «каких-либо» не дает ясности в характеристиках таких групп, что, по нашему мнению, опять же повышает уровень репрессивности уголовной политики в данной области [23, с. 14—20], что неоправданно, а также в очередной раз подтверждает неопределенность законодателя в существенных характеристиках экстремизма.

Вышеизложенное, по мнению уважаемых ученых, может повлечь два существенных отрицательных эффекта. Во-первых, рост псевдоэкстремистских деяний. Во-вторых, злоупотребление правом [24, с. 97—110], что, конечно, недопустимо. В судебно-следственной практике встречаются следующие наиболее яркие примеры результатов такой полисемии мнений правоприменителя. Так, например, к социальным группам отнесены представители движений «Готы», «Эмо», «Антифашисты» [25, с. 323—324].

Полагаем, что с такой позицией сложно согласиться в соответствии со следующими позициями. Учитывая месторасположение рассматриваемого примечания, мы должны понимать, что содержание социальной группы должно четко корреспондироваться с теми благами и ценностями, которые находятся под непосредственной охраной главы 29 УК РФ. В этой связи охрана конституционного строя и безопасности государства должна строиться на основополагающих идеях, задекларированных в Конституции России. Исходя из ее текста, мы приходим к выводу о том, что охрана деструктивных, асоциальных течений не входит в круг общественных отношений, охватываемых главой 29 УК РФ. Вместе с тем мы не говорим о том, что представители таких движений не должны охраняться

нормами уголовного закона. Учитывая наличие у их представителей, как и у любого другого человека, основных прав и свобод, считаем, что посягательства на них должны оцениваться в соответствии с разделом VI УК РФ, но без учетаотягчающего признака, закрепленного в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ. Для обоснования представленного вывода приведем следующие наукоемкие аргументы.

Во-первых, исходя из общей стратегии противодействия экстремизму, к социальным группам могут быть отнесены только те объединения, которые имеют существенное социальное значение, например сотрудники полиции. Именно такой прием и был использован в одном из последних государственных решений при признании движения АУЕ экстремистской организацией [26]. Во-вторых, их деятельность корреспондируется с современными задачами развития российского общества, представленными в Конституции Российской Федерации.

В этой связи, кроме общепринятых признаков [27], социальная группа в разрезе проводимого нами исследования должна быть социально положительно направленной и значимой [28, с. 4—9], то есть правомерно взаимодействовать как внутри, так и за пределами группы.

Насчет признаков социальной группы в науке существует масса авторских подходов, от наиболее емких до более конкретных. Подчеркнем, что с данной проблемой не разобрался пока еще и Верховный Суд Российской Федерации [29, с. 417—420].

Например, З. М. Бешукова считает, что социальная группа в рамках примечания 2 к статье 282¹ УК РФ представляет собой совокупность индивидов, находящихся в определенном взаимодействии и тем самым формирующих определенные социальные отношения [10, с. 104—107]. В целом соглашаясь с тем, что представленная позиция сходится с общим мнением социологов, подчеркнем, что в рамках проводимого исследования такого рода унификация не приемлема. Связано это с особой мотивационной основой, подталкивающей преступников на совершение деяний именно в отношении конкретной социальной группы, тем самым раскрываются признаки экстремистской деятельности.

Более четкие признаки социальной группы в разрезе противодействия экстремизму также представлены в уголовно-правовой доктрине. К ее наиболее характерным чертам предлагается относить мотив, отраженный в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ, что и становится

причиной выбора оппонентов и главной детерминантой преступного поведения в отношении них [8, с. 290].

В целом не исключая представляемый мотив, подчеркнем, что он должен быть существенно расширен в целях охвата всех форм общественно опасного поведения с признаками экстремистской деятельности.

Рассмотрев общий и частный подходы к пониманию признаков социальной группы, считаем, что под ней следует понимать группу из двух или более человек, сформированную на основе пола, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, осуществляющим совместную социально полезную деятельность, вступающим (способным вступить) в общественные отношения именно как представители группы, т. е. устанавливающим в качестве таковых социальную связь с другими субъектами. Данные характеристики выступают в качестве главной детерминанты совершения в отношении них преступления (преступлений) с признаками экстремистской деятельности.

Следующим элементом, входящим в систему субъективных признаков, являются характеристики субъектов преступлений, отраженных в статьях 282¹ и 282² УК РФ. Отдельной категорией, входящей в их систему, наравне с основным субъектом становятся лица, наделенные дополнительным правовым статусом, позволяющим использовать свое служебное положение в криминальных целях. Такой признак отражен в части 3 статьи 282¹ и части 3 статьи 282² УК РФ.

Как верно отмечено в пункте 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», представленное понятие является собирательным и охватывает всех лиц, входящих в круг должностных, а также выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, то есть соответствует критериям, указанным в примечаниях к статьям 201 и 285 УК РФ. Но этим позиция специальных субъектов не ограничивается. По мнению высшей судебной инстанции, представленная в части 3 статьи 282¹ и части 3 статьи 282² УК РФ форма отягчающего признака должна толковаться более расширительно и охватывать в том числе и лиц, не являющихся должностными, но при этом являющихся муниципальными или государственными служащими. Если с первыми

двумя группами есть ясность в том, что их специальные полномочия могут способствовать совершению преступлений экстремистской направленности, то в рамках последней фактически отягчающим является сам статус такого субъекта, так как сложно предположить, каким же служебным положением он может воспользоваться для совершения таких деяний. Хотя в науке наиболее распространенный подход, встречающийся при разъяснении отмеченной выше позиции, предполагает не просто выполнение такими субъектами объективной стороны преступлений, предусмотренных статьями 282¹ или 282² УК РФ, но и обязательное использование принадлежащих им полномочий, в том числе и путем оказания влияния, исходя из авторитета и значимости занимаемой должности [30].

Полагаем, что по данному вопросу можно вступить в дискуссию путем демонстрации частично иного вектора развития уголовной политики в борьбе с преступлениями, совершающимися специальными субъектами. Продемонстрируем мы ее на примере пункта «о» части 1 статьи 63 УК РФ (Совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел), где наличие самого специального статуса отягчает вину в независимости от наличия или отсутствия факта использования имеющихся у данного субъекта полномочий при совершении общественно опасного деяния.

В рамках определения Конституционного Суда Российской Федерации изложена позиция по запросу нижестоящей судебной инстанции с акцентом на возможное нарушение принципа равенства перед законом или судом, что может привести к дискриминации по профессиональному признаку, то есть нарушению статьи 19 Конституции России [31].

Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении не согласился с отмеченной выше позицией, приведя следующие аргументы. Во-первых, со ссылкой на свое постановление 2003 года было подчеркнуто, что признаки субъекта преступления, а особенно дополнительно его характеризующие, должны способствовать адекватной оценке общественной опасности деяния, им совершенного. В этой связи именно их неучет противоречит запрету на дискриминацию и принципам гуманизма и справедливости [32].

Во-вторых, федеральный законодатель, определяя статус сотрудника органа внутренних дел как отягчающий вину, исходил из того, что на него возложены особые конституционно значимые функции.

В-третьих, совершение таким лицом деяний указывает на противопоставление себя целям и задачам выполняемой профессиональной деятельности.

В-четвертых, подобное поведение формирует негативное отношение в обществе к представителям и институтам государственной власти в целом, что требует поиска более адекватных мер реагирования на такого рода поведение.

То есть прием, изложенный в пункте «о» части 1 статьи 63 УК РФ, не выходит за рамки полномочий федерального законодателя, обладающего значительным усмотрением при определении содержания и приоритетов проводимой в условиях конкретной социально-экономической ситуации уголовной политики и не может расцениваться как противоречащее конституционному принципу равенства всех перед законом [31]. В этой связи в очередной раз сложно согласиться с мнением ученых, настаивающих на возможности квалификации преступлений по части 3 статьи 282¹ и части 3 статьи 282² УК РФ только в случае использования представленных государством полномочий в криминальных целях [33]. В целом наличие такого спецсубъекта дает основание отнести исследуемые деяния в том числе и к группе служебных преступлений.

В этой связи нам импонирует позиция А. Г. Безверхова, предлагающего в императивном формате учитывать наличие таких полномочий, как отягчающее вину обстоятельство, независимо от наличия или отсутствия факта их использования при совершении преступлений [34, с. 12]. Как верно, с нашей точки зрения, указывал Б. С. Утевский, использование служебных полномочий может выражаться в совершении действий, которые не связаны с выполнением служебных обязанностей, но осуществляемых благодаря должностному авторитету и влиянию, возникших в результате приобретения такого особого правового положения. Таким образом, наличие статуса должностного лица, лица, выполняющего управленческие функции в коммерческих или иных организациях, государственного служащего или служащего органов местного самоуправления, предопределяет необходимость его учета в качестве усиливающего наказание.

Учитывая, что от экстремизма исходит не меньшая опасность для интересов государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления, в целом ставя в опасность государственную власть, считаем целесообразным использовать такой прием и при рассмотрении положений части 3 статьи 282¹ и части 3 статьи 282² УК РФ.

Подводя итог в исследовании особенностей правовой оценки субъективных элементов состава преступлений, содержащих признаки специальных организованных форм экстремистской деятельности, отметим следующее. Во-первых, с учетом необходимости расширения мотивационной основы преступлений, предусматривающих ответственность за особые виды организованных форм экстремистской деятельности, необходимо включение в Уголовный кодекс еще одного понятия — «преступления с признаками экстремистской деятельности». Во-вторых, необходима реализация более конкретизированного приема при определении признаков специальных субъектов, участвующих в деятельности специальных организованных форм экстремистской деятельности.

Список источников

1. Востриков П. П., Петрянин А. В. Концептуальные особенности государственной политики противодействия экстремизму: теоретико-правовые аспекты // Власть. 2014. № 3. С. 101—106.
2. Уголовное право. Часть общая / под ред. проф. Б. В. Здравомыслова. М., 2001. 550 с.
3. Борисов С. В., Жеребченко А. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности. М.: Издательский дом «Юриспруденция», 2015. 264 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.01.2022).
4. Петрянин А. В. Международное регулирование борьбы с экстремизмом: преемственность и перспективы // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 373—377.
5. О внесении изменений в статьи 214 и 244 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 10 мая 2007 г. № 70-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 21, ст. 2456.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31, ст. 4008.
7. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8, август.
8. Петрянин А. В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2015. 490 с.

9. Мацкевич И. М. О предложениях, направленных на дальнейшее совершенствование законодательства об экстремизме // Юридическое образование и наука. 2014. № 2. С. 3—5.
10. Бешукова З. М. К вопросу о понятии преступления экстремистской направленности // Общество и право. 2011. № 1. С. 104—107.
11. Ревина В. В. Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 188 с.
12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 2. 780 с.
13. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1992. 955 с.
14. Кунашев А. А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
15. Краткий психологический словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
16. Соловьева С. В. Преступления, совершаемые по мотивам ненависти или вражды: вопросы квалификации, пенализации и назначения наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 195 с.
17. Кочои С. М. Мотив национальной или расовой ненависти или вражды в УК РФ // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сборник научных трудов. Саратов: Сателлит, 2008. С. 330—332.
18. Политика: Толковый словарь: Русско-английский / под ред. А. Маклина. М.: ИНФРА-М; Весь мир, 2001. 762 с.
19. Кабанов П. А. Политическая ненависть или вражда как один из мотивов преступлений экстремистской направленности // Следователь. 2008. № 2.
20. Макеева И. С. Экстремизм как уголовно-правовая категория // Законодательство и экономика. 2014. № 6. С. 61—68.
21. Агапов П. В. Движение скинхедов как проявление ультраправого экстремизма в современной России (социально-политический и криминологический анализ) // XVI Царскосельские чтения: Человек — гражданин — гражданское общество — правовое государство: материалы международной научной конференции, 24—25 апреля 2012 г. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012, Т. I. С. 42—46.
22. Зубалова О. А. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013. 180 с.
23. Кибальник А., Соломоненко И. «Экстремистское» хулиганство — нонсенс уголовного закона // Законность. 2008. № 4. С. 14—20.
24. Наумов А. В. Уголовно-правовая борьба с преступлениями на почве расовой, национальной, религиозной и иной ненависти в США: опыт законодательства и правоприменительных органов (сравнительно-правовое исследование) // Общество и право. 2009. № 4. С. 97—110.
25. Агапов П. В., Борисов С. В., Васнецова А. С. и др. Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор: монография. М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2015. 428 с.
26. Решение Верховного Суда РФ от 17 августа 2020 г. по делу № АКПИ20-514с. URL: <https://www.vsrf.ru/lk/practice/cases/10730656> (дата обращения: 16.01.2022).
27. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 873 с.
28. Борисов С. В. Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2013. № 6. С. 4—9.
29. Цепелев В. Ф. Преступления экстремистской направленности: общие подходы и проблемы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (29—30 января 2015 г.). М.: РГ-Пресс, 2015. С. 417—420.
30. Борисов С. В., Жеребченко А. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография / отв. ред. С. В. Борисов. М.: Юриспруденция, 2015. 264 с.
31. По запросу Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 г. № 1623-О-О. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 16.01.2022).
32. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1—8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 14, ст. 1302.
33. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М.: Юрист, 2000. 368 с.
34. Безверхов А. Г. Должностные (служебные) преступления и проступки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1995. 20 с.

References

1. Vostrikov P. P., Petryanin A. V. Conceptual features of the state policy of countering extremism: theoretical and legal aspects. *Power*, 2014, no. 3, pp. 101—106. (In Russ.)
2. Criminal law. Part general / ed. by prof. B. V. Zdravomyslova. Moscow, 2001. 550 p. (In Russ.)

3. Borisov S. V., Zhrebchenko A. V. Incitement of hatred, enmity, humiliation of human dignity: problems of establishing and implementing criminal liability. Moscow: Jurisprudence Publ., 2015. 264 p. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 16.01.2022). (In Russ.)
4. Petryanin A. V. International regulation of the fight against extremism: continuity and prospects. *Legal Technique*, 2011, no. 5, pp. 373—377. (In Russ.)
5. On Amendments to Articles 214 and 244 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 20.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: federal law no. 70-FZ of May 10, 2007. *Collection of Legislation of the RF*, 2007, no. 21, art. 2456. (In Russ.)
6. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the improvement of public administration in the field of countering extremism: federal law no. 211-FZ of July 24, 2007. *Collection of Legislation of the RF*, 2007, no. 31, art. 4008. (In Russ.)
7. On judicial practice in criminal cases on crimes of an extremist orientation: decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 11 of June 28, 2011. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2011, no. 8, August. (In Russ.)
8. Petryanin A. V. Conceptual bases of counteraction to crimes of an extremist orientation: theoretical and applied research. Dissertation... doctor of legal sciences. N. Novgorod, 2015. 490 p. (In Russ.)
9. Matskevich I. M. On proposals aimed at further improvement of legislation on extremism. *Legal education and science*, 2014, no. 2, pp. 3—5. (In Russ.)
10. Beshukova Z. M. To the question of the concept of extremist crime. *Society and Law*, 2011, no. 1, pp. 104—107. (In Russ.)
11. Revina V. V. Extremism in Russian criminal law. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2010. 188 p. (In Russ.)
12. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Moscow, 1995. Vol. 2. 780 p. (In Russ.)
13. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language / ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, 1992. 955 p. (In Russ.)
14. Kunashev A. A. Motives of hatred or enmity in the criminal law of Russia. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2012. (In Russ.)
15. Brief psychological dictionary / ed. by A. V. Petrovsky, M. G. Yaroshevsky. Moscow: Politizdat Publ., 1985. 431 p. (In Russ.)
16. Solovieva S. V. Crimes committed motivated by hatred or enmity: issues of qualification, penalization and sentencing. Dissertation... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2014. 195 p. (In Russ.)
17. Kochoi S. M. The motive of national or racial hatred or enmity in the Criminal Code of the Russian Federation. Criminal law prohibition and its effectiveness in the fight against modern crime: collection of scientific papers. Saratov: Satellite Publ., 2008, pp. 330—332. (In Russ.)
18. Politics: Explanatory Dictionary: Russian-English / ed. by A. McLean. Moscow: INFRA-M Publ.; Whole world Publ., 2001. 762 p. (In Russ.)
19. Kabanov P. A. Political hatred or enmity as one of the motives for extremist crimes. *Investigato*, 2008, no. 2. (In Russ.)
20. Makeeva I. S. Extremism as a criminal law category. *Legislation and Economics*, 2014, no. 6, pp. 61—68. (In Russ.)
21. Agapov P. V. The Skinhead Movement as a Manifestation of Ultra-Right Extremism in Modern Russia (Socio-Political and Criminological Analysis) // XVI Tsarskoye Selo Readings: Man — Citizen — Civil Society — Law-based State: Proceedings of the International Scientific Conference, April 24—25, 2012, St. Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkina, 2012. Vol. I. Pp. 42—46. (In Russ.)
22. Zubalova O. A. Criminal law measures to combat the organization of an extremist community. Dissertation... candidate of legal sciences. N. Novgorod, 2013. 180 p. (In Russ.)
23. Kibalnik A., Solomonenko I. "Extremist" hooliganism is the nonsense of the criminal law. *Legitimacy*, 2008, no. 4, pp. 14—20. (In Russ.)
24. Naumov A. V. Criminal-legal fight against crimes motivated by racial, national, religious and other hatred in the USA: experience of legislation and law enforcement agencies (comparative legal research). *Society and Law*, 2009, no. 4, pp. 97—110. (In Russ.)
25. Agapov P. V., Borisov S. V., Vasnetsova A. S. and others. Extremism: strategy of counteraction and prosecutor's supervision: monograph. Moscow: Acad. Gen. Prosecutor's Office RF, 2015. 428 p. (In Russ.)
26. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of August 17, 2020 in case no. AKPI20-514s. URL: <https://www.vsrp.ru/lk/practice/cases/10730656> (accessed 16.01.2022). (In Russ.)
27. Merton R. Social theory and social structure. Moscow, 2006. 873 p. (In Russ.)
28. Borisov S. V. Problems of determining the content and correlation of motives in the qualification of extremist crimes. *Criminal Law*, 2013, no. 6, pp. 4—9. (In Russ.)
29. Tsepelev V. F. Extremist Crimes: General Approaches and Problems. Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference (January 29—30, 2015). Moscow: RG-Press Publ., 2015, pp. 417—420. (In Russ.)
30. Borisov S. V., Zhrebchenko A. V. Incitement of hatred, enmity, humiliation of human dignity: problems of establishing and implementing criminal liability: monograph / ed. by S. V. Borisov. Moscow: Jurisprudence Publ., 2015. 264 p. (In Russ.)
31. At the request of the Labytnangsky City Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug to verify the constitutionality of paragraph "o" of the first part of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation:

ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 1623-O-O of December 8, 2011. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 16.01.2022). (In Russ.)

32. On the case of checking the constitutionality of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the legal consequences of a person's conviction, repeated and recidivism of crimes, as well as paragraphs 1-8 of the Decree of the State Duma of May 26, 2000 of the year "On the announcement of an amnesty in connection with the 55th anniversary of the Victory in the

Great Patriotic War of 1941—1945" in connection with the request of the Ostankino Intermunicipal (District) Court of the City of Moscow and the complaints of a number of citizens: decree of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 3-P of March 19, 2003. *Collection of legislative acts of the RF*, 2003, no. 14, art. 1302. (In Russ.)

33. Volzhenkin B. V. Official crimes. Moscow: Lawyer Publ., 2000. 368 p. (In Russ.)

34. Bezverkhov A. G. Official (official) crimes and misdemeanors. Author's abstract... candidate of legal sciences. Kazan, 1995. 20 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.01.2022; одобрена после рецензирования 24.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 20.01.2022; approved after reviewing 24.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 343.241
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-178-183>

Наказание в виде штрафа по уголовному законодательству России и Монголии: истоки и современность

Огорелков Дмитрий Алексеевич

Омская академия МВД России, Омск, Россия, ogorelkov97@yandex.ru

Аннотация. В статье затрагиваются отдельные исторические аспекты уголовного наказания в виде штрафа. Раскрывается содержание схожих и отличительных признаков штрафа в современном российском уголовном законе в сравнении с уголовным законом Монголии. Отмечаются положительные и негативные стороны, существующие в механизмах назначения и исполнения штрафа, приводятся статистические сведения о практике его исполнения, представлено сравнение минимальных и максимальных пределов штрафа в нормах общей части и санкциях особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовного кодекса Монголии.

Ключевые слова: имущественные наказания, штраф, уголовно-правовое воздействие, система наказаний, зарубежное законодательство

Для цитирования: Огорелков Д. А. Наказание в виде штрафа по уголовному законодательству России и Монголии: истоки и современность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 178—183. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-178-183>.

Original article

Penalty in the form of a fine under the criminal legislation of Russia and Mongolia: origins and modernity

Dmitriy A. Ogorelkov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation

Abstract. The article touches upon certain historical aspects of criminal punishment in the form of a fine. The content of similar and distinctive features of a fine in the modern Russian criminal law, in comparison with the criminal law of Mongolia, is revealed. The positive and negative aspects existing in the mechanisms for the appointment and execution of a fine are noted, statistical information on the practice of its execution is provided, a comparison of the minimum and maximum limits of a fine in the norms of General Parts and sanctions of Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Code of Mongolia is presented.

Keywords: property punishments, fines, criminal legal influence, system of punishments, foreign legislation

For citation: Ogorelkov D. A. Penalty in the form of a fine under the criminal legislation of Russia and Mongolia: Origins and modernity. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 178—183. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-178-183>.

Одним из самых «ранних» наказаний, закрепленных уже в первых памятниках письменного права Древнего мира, является наказание имущественного характера в виде штрафа. С течением времени под воздействием социально-политических факторов уголовное законодательство дополнялось различными

средствами уголовно-правового воздействия. Наказания, не соответствующие мировоззренческим картинам мира новых исторических этапов, уступали место другим, однако штраф на протяжении всей человеческой истории был и остается действенным инструментом государственного принуждения, способным в полной

© Огорелков Д. А., 2022

мере обеспечить реализацию стоящих перед ним целей.

Датированные XX веком до н. э. Законы Билаламы (правителя небольшого государства Эншунны, находящегося на территории современного Багдада), которые считаются одним из первых памятников права, доступных для понимания современного человека, содержат (уже в то время!) штраф как определенную меру воздействия за негативно отклоняющееся от стандартных норм поведение члена общества. В частности в статье 35 упоминается штраф за укрывание у себя для воспитания сына дворцовой рабыни. При этом размер штрафа равнялся цене раба [1, с. 8].

Конечно, законодательство Древнего мира четко не разграничивает нормы уголовного, административного, гражданского и иных отраслей законодательства, равно как и не отличает нормы материального права от норм права процессуального. Однако краткость и лаконичность таких законов подчеркивают, что закреплению подлежали только нормы, регулирующие наиболее значимые общественные отношения, защита которых нуждалась в государственном контроле и участии.

Спустя довольно непродолжительный промежуток времени создаются Законы царя Вавилона и Месопотамии Хаммурапи (правившего в 1792—1750 гг. до н. э.). Законник Хаммурапи сохранился практически полностью и считается одним из выдающихся памятников истории права. Наиболее часто среди наказаний в его нормах встречается смертная казнь. Так, данная мера воздействия назначалась за очень широкий круг преступлений: хищение имущества (ст. 6—9), лжесвидетельство (ст. 1—3, 11), укрывательство беглых рабов (ст. 16), порчу жилища (ст. 21), супружескую измену (ст. 129). Наказание в виде штрафа встречается в Законах Хаммурапи значительно реже в основном за причинение различной тяжести вреда здоровью. Например, статья 198 гласит: «Если он (преступник) повредит глаз мушкенума (неполноправного свободного человека) или сломает кость мушкенума, то он должен отвесить 1 мину (504 грамма) серебра». За причинение вреда здоровью беременной женщины, повлекшее выкидыш ее плода, назначался штраф в размере 10 сиклей (1 сикль = 8,4 грамма) серебра. И даже за причинение вреда здоровью женщине, повлекшее смерть, согласно статье 212 был предусмотрен денежный штраф в размере 0,5 мины серебра [1, с. 21]. Как видно, уже в то время осуществлялись попытки соотнести

характер и степень причиненного вреда с размером наказания в виде штрафа.

Имущественные взыскания являются одним из наиболее ранних наказаний, закрепленных и в известных нам первых памятниках права Древней Руси. Русская Правда в своей Краткой редакции X века н. э. содержит в качестве самостоятельного наказания денежный штраф, назначаемый за весьма различные преступления. В том числе за совершение одного из наиболее тяжких преступлений — убийства — был предусмотрен штраф в размере 40 гривен в качестве реальной альтернативы кровной мести. Интересно отметить, что даже за убийство представителя власти, в частности огнищанина, княжеского подъездного, княжеского тиуна или старшего конюха, в качестве санкции предусмотрен только (!) штраф в размере 80 гривен (ст. 19—23). Существование подобных норм подчеркивает, что штраф как самостоятельное средство уголовно-правового воздействия в полном объеме отражал концепцию целей и функций наказания, присущих правоохранительной системе того времени. За совершение иных преступлений, например причинение вреда здоровью, кражу коня либо оружия, предусматривался существенно меньший штраф — в размере трех гривен [2, с. 4—6].

В системе уплаты штрафа по Русской Правде наблюдается интересный факт. Как прямо указано в тексте данного закона, за совершение некоторых преступлений сумма штрафа состоит из двух частей: первая часть выплачивается непосредственно потерпевшему, вторая — князю. Например, в статье 35 указано, что за хищение ладьи предусмотрен штраф в размере 30 резан хозяину ладьи и 60 резан в пользу князя. Таким образом, штраф выступает в качестве средства возмещения ущерба потерпевшему, несмотря на то, что часть, выплачиваемая князю во всех предусмотренных в Правде случаях, значительнее, чем часть, уплачиваемая непосредственно потерпевшему.

В настоящее время такая практика в отношении наказания не применяется, из подобных санкций имущественного воздействия выделен самостоятельный институт возмещения вреда в порядке гражданского иска в уголовном судопроизводстве либо возмещения вреда при применении положений уголовного закона об освобождении от уголовной ответственности.

С укрупнением государства Древней Руси и вовлечением в ее территориальное и правовое пространство новых племен и народов Русская Правда, в том числе посредством

регламентации штрафа, сыграла важную роль в процессе вытеснения разрозненных частноплеменных обычаев, которые зачастую императивно предусматривали кровную месть за обиду (преступление), тем самым гуманизируя общественные отношения как внутри малых общин, так и на общегосударственном уровне. Еще одной целью широкого применения штрафа в то время, на наш взгляд, можно считать пополнение государственной казны. Налоговая система того времени была крайне несовершенна, хотя, безусловно, предпринимались попытки ее универсального построения (система уроков и погостов княгини Ольги). Государству для содержания армии, военных походов и строительства новых городов требовались различные источники пополнения бюджета. Преступник же был на виду у общества и осознавал необходимость уплаты штрафа, если хотел продолжать оставаться частью своей общины. В предусмотренных Русской Правдой случаях община могла уплатить часть штрафа за преступника, ослабив тем самым индивидуальное карательное воздействие, но при этом усилив функцию предупреждения совершения новых преступлений лицом, совершившим преступление и осознающим ответственность перед обществом.

Что касается раннего законодательства Монголии, то одним из самых первых значимых правовых источников истории считают Великую Ясу, созданную во время правления Чингисхана (1162—1227). Существенный вклад в исследование норм Ясы внес ученик В. О. Ключевского, отечественный историк Г. В. Вернадский, который также осуществил перевод Ясы на русский язык. Он указывал, что Яса была монгольским императорским законом, сформулированным Чингисханом. И хотя оригинальный письменный источник не дошел до нашего времени, многие историки, начиная с XIII века и в более позднее время, отмечают наличие большого количества списков с оригинала и копий, распространившихся по многим государствам Востока и применяемых даже при составлении собственных законодательных актов.

Согласно нормам Ясы штрафу принадлежит второстепенная роль при осуществлении уголовного преследования преступника. Основной целью наказания было физическое воздействие на нарушителя закона. Поэтому центральное место в системе наказаний принадлежало смертной казни. В качестве менее распространенных наказаний существовали (в современном наименовании): лишение свободы в виде

тюремного заключения, депортация, лишение должности (для преступников из знатных родов), а также «запугивание» посредством причинения физической боли, штраф. В то же время за некоторые преступления штраф (как имущественный, так и денежный) был предусмотрен в качестве основного наказания.

По описаниям персидского историка Мирхонда, в соответствии со статьей 28 от наказания за совершения убийства в некоторых случаях можно откупиться. За убийство мусульманина выплата составляла сорок золотых монет, а за убийство китайца предусматривался штраф в натуральном виде и составлял одного осла. Видимо, объект данных преступлений (потерпевший) признавался незначительным.

Путешественник Ибн-Баттута описал статью 29, в соответствии с которой при обнаружении у лица похищенной лошади он должен вернуть ее законному владельцу, а также передать ему еще десять подобных лошадей (возвращение похищенного с имущественным штрафом в десятикратном размере). Если же он не в состоянии уплатить этот штраф, то вместо лошадей предписывалось брать у него детей, «а когда не было детей, то самого зарезать» [3, с. 108—130].

В то же время более мелкое хищение, например, кража одного барана, каралось телесным наказанием в виде ста ударов палкой, если при этом человек ранее несколько раз не был уличен в совершении аналогичного преступления [4, с. 79].

Как видно из представленного исторического и правового материала, несмотря на ограниченное, по сравнению со смертной казнью, применение штрафа, его размеры выглядели существенными, особенно учитывая кратный способ его исчисления за некоторые преступления.

Сравнивая раннее русское и монгольское законодательство, можно отметить схожие черты в регламентации штрафа. Во-первых, такой чертой является само закрепление штрафа как уголовного наказания уже в первых письменных источниках права, о чем свидетельствует возможность его назначения, в том числе за самые тяжкие преступления, к которым относились убийство, различные квалифицированные виды хищений. Во-вторых, обе системы применения штрафа предусматривали строгие меры, в случае его неуплаты, тем самым мотивируя нарушителя закона к полному погашению суммы штрафа в установленный срок. Однако согласно Русской Правде применение штрафа было более распространенным, учитывая, что

возможность его назначения предусматривалась за большую часть преступлений.

Рассмотрев истоки наказания в виде штрафа, обратимся к его регламентации в настоящее время и выясним, прослеживаются ли обозначенные тенденции сегодня.

Согласно части 1 статьи 46 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) штрафом признается денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных Уголовным кодексом [5]. Штраф может назначаться в трех законодательно предусмотренных способах исчисления:

1. В твердой денежной сумме в размере от 5 тыс. до 5 млн рублей. При этом в размере свыше 500 тыс. рублей штраф может быть назначен, только если такая сумма предусмотрена в соответствующих статьях Особенной части УК РФ.

2. В размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет. При этом штраф в размере заработной платы или иного дохода за период свыше трех лет также может назначаться, только если такие сроки предусмотрены соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

3. В величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа, подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок и иных уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, подкупа арбитра (третейского судьи), взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов. При данном способе исчисления размер штрафа может достигать стократной суммы подкупа, взятки или суммы незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов. Кратный штраф не может составлять менее 25 тыс. рублей и быть более 500 млн рублей.

При уплате суммы штрафа существует возможность применения рассрочки на срок до 5 лет (ч. 3 ст. 46 УК РФ). Для этого рассматривается: 1) тяжесть совершенного преступления; 2) имущественное положение осужденного и его семьи; 3) возможность получения осужденным заработной платы или иного дохода.

В случаях злостного уклонения от уплаты штрафа при исполнении в абсолютной денежной сумме или размере заработной платы или иного дохода данное наказание заменяется на

иной вид, за исключением лишения свободы. При исполнении штрафа в кратном размере он заменяется наказанием в пределах санкции статьи Особенной части.

Согласно статье 5.3 Уголовного кодекса Монголии (далее — УК Монголии) штраф определяется как возложение денежного взыскания на лицо, совершившее преступление, измеряемое в штрафных единицах [6, с. 20]. Размер штрафа может составлять от 100 до 40 тыс. единиц. При этом одна штрафная единица равна одной тысяче тугриков.

Как можно заметить, способы исчисления штрафа в России и Монголии различны. Плюсом системы исчисления штрафа в Монголии, на наш взгляд, является тот факт, что существует возможность регулировать денежный эквивалент штрафной единицы в одной норме Общей части, не внося при этом многочисленные изменения в Особенную часть. В России при любом изменении верхнего или нижнего пределов штрафа или его сроков при исчислении в размере заработной платы или дохода осужденного за определенный временной период приходится корректировать санкции всех статей Особенной части, в которых предусматривается данный вид наказания (таких санкций большинство). Конвертировать штраф в зависимости от экономической ситуации по УК Монголии значительно проще.

Сравним размеры штрафа, переведя штрафные единицы в денежный эквивалент. По валютному курсу на 30 октября 2021 года 1 российский рубль равен 40,2 монгольских тугриков [7], следовательно:

1. Минимальная сумма штрафа по системе исчисления Монголии в рублях: 100 (min размер штрафных единиц)*1000 (размер одной единицы) = 100 000 тугриков или = 2 487,56 рублей.

2. Максимальная сумма штрафа по системе исчисления Монголии в рублях: 40 000 (max размер штрафных единиц)*1000 (размер одной единицы) = 40 000 000 тугриков или = 995 024,88 рублей.

Теперь сравниваем полученные значения с пределами штрафа в твердом денежном выражении в России. Как можно заметить, минимальная граница штрафа в Монголии на сегодняшний день меньше почти в два раза, а максимальная граница меньше почти в пять раз. Таким образом, размеры штрафа в настоящее время в Монголии значительно ниже, чем в России.

Однако несмотря на положения Общей части, в санкциях статей Особенной части УК РФ и

УК Монголии размеры штрафа зачастую схожи. Например, за умышленное причинение легкого вреда здоровью человека в соответствии со статьей 11.6 УК Монголии размер штрафа составляет от 450 единиц до 1 350 единиц. В соответствии со статьей 115 УК РФ за аналогичное деяние предусмотрен штраф в размере до 40 тыс. рублей. При конвертации верхний предел санкции по УК Монголии составляет 33 575,57 рублей.

В то же время присутствуют и совершенно различающиеся санкции. Так, санкция статьи 17.7 УК Монголии «Неправомерное завладение транспортным средством» предусматривает штраф от 450 до 1 350 единиц, то есть до 33 575, 57 рублей. За совершение аналогичного деяния (ст. 166 УК РФ) размер штрафа составляет до 120 тыс. рублей, то есть больше чем в 3,5 раза.

Различия наблюдаются и в институте предоставления рассрочки штрафа. УК Монголии предоставляет возможность рассрочки, учитывая: 1) имущественное положение осужденного; 2) возможность получения осужденным заработной платы или иного дохода. Срок рассрочки составляет три года.

Российский законодатель обращает внимание, что должно учитываться имущественное положение не только непосредственно осужденного, но и его семьи. Полагаем, что благодаря этому не будут излишне ограничены права и имущественные блага невиновных в совершении преступления лиц.

Монгольский закон не указывает на учет тяжести совершенного преступления, полагаем, что это обусловлено назначением штрафа в основном за преступления небольшой тяжести (в УК Монголии всего две категории преступлений). Срок рассрочки по УК РФ больше на два года, что отражает гуманистические начала, с помощью этого создаются условия для полной уплаты штрафа гражданами, имеющими низкие доходы. С другой стороны, таким существенным сроком «размывается» строгость уголовного наказания.

Согласно исследованиям Ж. Энхтура после уголовно-исполнительной реформы в Монголии количество назначенных и исполненных штрафов существенно увеличилось. Если в 2017 году штраф был назначен 3,7 % от общего числа осужденных, то в 2018 году этот показатель возрос до 26,5 % (за один год показатель увеличился в семь раз!). При этом значительно возрос и показатель его реальной исполняемости. В 2017 году он был равен 68 %, а в 2018 году

достиг отметки, равной 85 % (за один год увеличился в 1,25 раз). Для сравнения: процент исполненных штрафов в России в 2018 году составил 29 %. По мнению Ж. Энхтура, данный положительный результат связан с изменениями в законодательной регламентации назначения штрафа, а также с переходом на систему штрафных единиц [8, с. 167—174].

Таким образом, можно сделать вывод, что наказание в виде штрафа имеет многовековую историю. Штраф существовал уже в первых памятниках права человечества, не стало исключением раннее законодательство Древней Руси (Русская Правда) и Монголии (Великая Яса). С течением времени штраф не только не уступил места иным (новым) видам наказания, но и продолжает оставаться актуальным средством уголовно-правового воздействия, как в Российской Федерации, так и в Монголии, о чем свидетельствует его широкое применение на протяжении всего исторического развития.

В уголовно-правовых системах России и Монголии штраф имеет как схожие черты, так и существенно различающиеся. К наиболее схожим положениям относятся: отнесение штрафа к наиболее мягкому виду наказаний; возможность применения рассрочки при уплате штрафа, рассмотрение при этом имущественного положения осужденного и возможности получения им дохода; аналогичные размеры штрафа в некоторых санкциях статей Особенной части; замена штрафа на более строгое наказание в случае его неуплаты.

Среди основных современных различий можно выделить: существование различных способов исчисления штрафа; больший срок рассрочки при уплате штрафа по УК РФ и рассмотрение при этом имущественного положения не только самого осужденного, но и его семьи. По монгольскому законодательству в случае неуплаты штраф заменяется лишением свободы, в то время как российский уголовный закон предусматривает замену штрафа иным наказанием, за исключением лишения свободы (последнее применяется только за неуплату кратного штрафа и только если такое наказание предусмотрено в санкции статьи Особенной части УК РФ). По УК РФ штраф может применяться и как основное, и как дополнительное наказание, по УК Монголии штраф относится только к основным видам наказаний.

Считаем, что при дальнейшем совершенствовании системы наказаний, в частности наказания в виде штрафа, отечественному законодателю необходимо учитывать положительный

зарубежный опыт, в особенности опыт тех стран, государственно-правовые системы которых имеют аналогичные черты. В связи с этим система исчисления штрафа в штрафных единицах представляет интерес для дальнейшего изучения в доктрине уголовного права. Штрафные единицы позволяют соотносить конкретное преступление не с суммой денежных средств, которая вследствие колебаний рынка, процесса инфляции и девальвации слишком склонна к изменчивости (что порождает постоянные споры о соразмерности и справедливости той или иной суммы), а с установленным на основе общественной опасности преступления количеством штрафных единиц. Вопрос же о денежном эквиваленте одной единицы при этом остается в рамках Общей части уголовного закона или определяется бланкетной нормой.

В то же время следует отметить, что в настоящее время в России значительная доля населения получает неофициальный доход: так называемые «серые зарплаты», доход от незарегистрированной предпринимательской и иной деятельности, вследствие чего классическая система штрафных единиц (расчет количества единиц при учете среднедневного заработка) не приведет в короткое время к желаемым последствиям.

Список источников

1. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учебное пособие: в 2 т. Т. 1 / под ред. К. И. Батыра и Е. В. Поликарповой. Москва: Проспект, 2014.
2. Хрестоматия по истории государства и права России: учебное пособие / сост. Ю. П. Титов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010.
3. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Великая Яса. Тверь; Москва, 1997.
4. Рубрук В., Карпини И. П. История Монголов. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в

Статья поступила в редакцию 03.11.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 13.03.2022.

The article was submitted 03.11.2021; approved after reviewing 10.01.2022; accepted for publication 13.03.2022.

силу с 22 августа 2021 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Уголовный кодекс Монголии / пер. с монг. Батболд Галбадрах, Амарсанаа Вандан-Иш; науч. ред. перевода и предисл. М. В. Бавсуна, А. А. Нечепуренко. Омск: Омская академия МВД России, 2020.

7. Конвертер валют. URL: <https://kursolog.com/mnt/rub/1> (дата обращения: 30.10.2021).

8. Энхтур Ж. Правила назначения уголовного наказания в виде штрафа в России и Монголии: сборник материалов международной научно-практической конференции «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития». Новосибирск, 2019.

References

1. Anthology on the history of state and law of foreign countries: textbook: in 2 vol. Vol. 1 / ed. by K. I. Batyr and E. V. Polikarpova. Moscow: Prospect Publ., 2014. (In Russ.)
2. Textbook on the history of state and law of Russia: textbook / comp. Yu. P. Titov. 3d edition, reprint and expanded. Moscow: Prospect Publ., 2010. (In Russ.)
3. Vernadsky G. V. Mongols and Rus. The Great Yasa. Tver; Moscow, 1997. (In Russ.)
4. Rubruk V., Karpini I. P. History of the Mongols. Travel to the Eastern countries. St. Petersburg, 1911. (In Russ.)
5. The Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996 (with amendments and additions, intro. effective of August 22, 2021). Access from the reference legal system "ConsultantPlus". (In Russ.)
6. The Criminal Code of Mongolia / trans. from Mongolian Batbold Galbadrah, Amarsanaa Vandan-Ish; scientific ed. of translation and preface by M. V. Bavsun, A. A. Nечepurenko. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2020. (In Russ.)
7. Currency converter. URL: <https://kursolog.com/mnt/rub/1> (accessed 10.30.2021). (In Russ.)
8. Enchtur Zh. Rules for the imposition of criminal penalties in the form of fines in Russia and Mongolia. Collection of materials of the international scientific and practical conference "Law and Economics: national experience and development strategies". Novosibirsk, 2019. (In Russ.)

Научная статья
УДК 343.136
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-184-188>

К вопросу о дифференциации предварительного расследования

Тангриева Валерия Николаевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, tangri01@yandex.ru

Аннотация. Автором проведен сравнительный анализ таких форм предварительного расследования, как предварительное следствие и дознание, затронуты проблемные вопросы, возникающие в практической деятельности дознавателей, предлагаются возможные пути их решения.

Ключевые слова: предварительное расследование, предварительное следствие, орган дознания, дознаватель, предъявление обвинения, гарантии прав, дознаватель, процессуальная компетенция, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Тангриева В. Н. К вопросу о дифференциации предварительного расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 184—188. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-184-188>.

Original article

To the question of differentiation of the preliminary investigation

Valeria N. Tangrieva

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, tangri01@yandex.ru

Abstract. The author carried out a comparative analysis of such forms of preliminary investigation as preliminary investigation and inquiry, touched upon problematic issues arising in the practical activities of interrogators, suggested possible ways of their solution.

Keywords: preliminary investigation, preliminary investigation, body of inquiry, interrogator, indictment, guarantees of rights, interrogator, procedural competence, criminal proceedings

For citation: Tangrieva V. N. To the question of differentiation of the preliminary investigation. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 184—188. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-184-188>.

В разделе VIII Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) описана одна из важных стадий уголовного судопроизводства — стадия предварительного расследования, которая традиционно проводится в двух формах: предварительного следствия и дознания. Указанные формы различаются между собой процессуальными сроками, кругом лиц, проводящих расследование, а также названием итоговых процессуальных решений, принимаемых по результатам расследования. В научных кругах дифференциация досудебных форм объясняется тем, что выделение дознания в свое время было призвано «разгрузить» органы предварительного следствия от расследования уголовных

дел незначительной сложности, не требующих больших процессуальных затрат. В первоначальной редакции УПК РФ срок дознания составлял 15 суток и производство по уголовному делу велось в отношении конкретного лица, что и позволяло расследовать преступление в сжатые сроки. Такая оптимизированная форма расследования полностью отвечала изначальному предназначению дознания — ускоренному производству в упрощенной форме. Однако законодателем не был учтен тот факт, что на срок расследования могли повлиять многие факторы, например такие, как длительность проведения судебных экспертиз. Из-за этого дознаватели не укладывались в процессуальные сроки расследования и уголовные дела направлялись в

© Тангриева В. Н., 2022

следственные органы для производства предварительного следствия. Таким образом, изначальная идея «разгрузки» следственного аппарата провалилась и обернулась его «загрузкой». Вместо того, чтобы создать новый механизм правового регулирования института дознания, законодатель пошел по иному пути, внося поправки в УПК РФ в 2007 году, которые устанавливали срок дознания 30 суток, с возможностью пролонгирования срока расследования.

Вернемся к сравнению процессуальных статусов следователя и дознавателя.

В пункте 41 статьи 5 УПК РФ приводится понятие следователя, используемое в уголовно-процессуальном законе, согласно которому следователем является должностное лицо, уполномоченное проводить предварительное следствие по уголовному делу, а также даны иные полномочия, предусмотренные УПК РФ. На самом деле производство по уголовному делу охватывает все полномочия следователя. В отличие от следователя вопрос с процессуальным статусом дознавателя не так однозначен, поскольку, согласно пункту 8 статьи 5 УПК РФ, дознавателем является должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания проводить дознание по уголовному делу.

Рассмотрим значения слов «правомочный» и «уполномоченный». Согласно Толковому словарю Т. Ф. Ефремовой, под словом «правомочный» понимается «обладающий законным правом, полномочием». Слово «уполномоченный» трактуется в указанном словаре, как «доверенное лицо, действующее на основании каких-либо полномочий, либо наделенный какими-либо полномочиями» [1]. Таким образом, процессуальным статусом дознавателя в отличие от процессуального статуса следователя может быть наделено иное должностное лицо, кроме штатного дознавателя подразделения дознания. Возникает справедливый вопрос: с какой целью процессуальным статусом дознавателя может быть наделено иное должностное лицо? Как лицо, не обладающее специальными познаниями, может осуществлять предварительное расследование по уголовному делу?

При исследовании этого вопроса мы столкнулись с определенной юридической коллизией. Разберем это на примере органов внутренних дел, которые согласно пункту 1 части 1 статьи 40 УПК РФ являются органом дознания. К ним отнесены территориальные, а также линейные управления (отделы, отделения, пункты) полиции. Согласно части 1 статьи 25

Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» «сотрудником полиции является гражданин Российской Федерации, который осуществляет служебную деятельность на должности федеральной государственной службы в органах внутренних дел и которому в установленном порядке присвоено специальное звание». Таким образом, к сотрудникам полиции отнесены такие должностные лица, как сотрудники ДПС, ППС, сотрудники кадровых и тыловых подразделений и служб. Являясь сотрудниками полиции, они согласно статье 40 УПК РФ являются органами дознания, а значит могут быть уполномочены начальником органа дознания проводить расследование в форме дознания по уголовному делу. Проведя анализ действующих нормативных правовых актов МВД России, регулирующих деятельность подразделений и служб, входящих в состав полиции, можно сделать вывод о том, что в их компетенцию также не входит расследование уголовных дел в форме дознания, даже при делегировании им полномочий дознавателя начальником органа дознания [2, с. 127]. Данная коллизия законодательно никак не устранена.

На наш взгляд, процессуальный статус дознавателя обстоятельно не определен и не до конца понят в процессуальном смысле. Как показывает анализ практики деятельности подразделений дознания, отсутствует единообразное применение норм уголовно-процессуального законодательства, касающихся производства расследования в форме дознания.

Для органов дознания расследование преступлений не является единственной функцией, что подтверждается положениями приказа МВД России № 444 от 2 июня 2005 года (приложение 1). Так, к Перечню должностных лиц системы МВД России, уполномоченных составлять протоколы по делам об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ, также отнесены дознаватели.

Процессуальная абракадабра, возникшая в отечественном судопроизводстве из-за семантики термина «дознание», усложняет понимание процессуальных функций органа дознания и штатного дознавателя. Законодателем не были четко разграничены функции дознавателя, являющегося сотрудником подразделения дознания, и остальных органов дознания, в полномочия которых не входит расследование преступлений.

Возникновение дифференциации форм предварительного расследования в советский период началось сразу после революции. Так, в

УПК РСФСР 1922 года в главе VIII «О дознании» к органам дознания отнесены «органы милиции и уголовного розыска, органы Государственного Политического Управления, а также органы податной, продовольственной, санитарной, технической, торговой инспекции и инспекции труда по делам, отнесенным к их ведению, правительственные учреждения и должностные лица, по делам о проступках, подлежащих дисциплинарному взысканию, могут производить дознание о таковых с тем, что дело в течение 3 суток передается по подсудности, если оно не направлено в административном порядке». Таким образом, дознание носило характер доследственной проверки, то есть не выходило за рамки современной стадии возбуждения уголовного дела.

Дознание, претерпевшее многочисленные преобразования за период своего становления, в настоящее время отличается от предварительного следствия в основном лишь процессуальной зависимостью субъекта расследования, сроками расследования и названием итогового процессуального документа. В остальном указанные формы предварительного расследования имеют больше схожих черт, нежели различий. Например, и предварительное следствие, и дознание начинаются с момента возбуждения уголовного дела. Участвующие в уголовном судопроизводстве лица наделены одинаковыми процессуальными статусами: потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и т. д. Следователь и дознаватель в одинаковой мере проводят следственные действия, избирают меру пресечения при необходимости. Итоговым процессуальным решением является вынесение обвинительного заключения при окончании предварительного следствия и вынесение обвинительного акта (постановления) при окончании расследования в общей форме дознания (сокращенной форме), форма и содержание которых идентичны. Таким образом, можно сделать вывод о том, что по своему механизму дознание не отличается от предварительного следствия. На чем была основана логика законодателя при дифференциации предварительного расследования на формы? На основании каких критериев преступления разделены на те, по которым производство предварительного следствия обязательно и необязательно? На наш взгляд, преступления небольшой и средней тяжести, с точки зрения доказывания, могут быть достаточно сложными.

Таким примером может послужить уголовное дело по обвинению П., который 11 июня 2016 года совершил преступление, квалифицированное

органами дознания по статье 213 части 1 пункта «а» УК РФ, — «Хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия» [3]. Следует обратить внимание, что преступление было совершено 11 июня 2016 года, приговор суда был провозглашен лишь 18 июля 2017 года, что говорит о том, что срок расследования по данному уголовному делу составил более 30 суток.

Уголовное дело по обвинению Д. в совершении нескольких эпизодов преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 119, статьи 116 УК РФ, рассмотрено судом 26 октября 2020 года, тогда как преступление совершено 23 июля 2020 года (дело №1-61/2020) [4].

Относительно применения в отечественном судопроизводстве института сокращенного дознания хочется отметить, что имеет место низкая эффективность применения усеченной формы уголовного судопроизводства. Так, в процентном соотношении, доля уголовных дел, направленных дознавателями в суд с обвинительным постановлением, от общего числа уголовных дел, расследованных в форме дознания, направленных в суд в 2018 году, составила только 28 %. Это позволяет сделать вывод о том, что применение сокращенной формы дознания в практической деятельности связано с процессуальными сложностями ее реализации.

Мы полагаем, что данная форма расследования «не пользуется популярностью» у сотрудников практических органов, поскольку не отвечает законным интересам всех участников уголовного судопроизводства, не соответствует критериям «оперативного» (ускоренного) расследования.

Обобщая ключевые недостатки сокращенной формы дознания, рассмотрим проблематику в двух аспектах: первый — анализ проблем нормативно-правового регулирования, второй — исследование проблемных ситуаций правоприменительной практики.

Анализ материалов и статистических данных позволяет выделить следующие ключевые проблемные аспекты нормативной модели сокращенной формы дознания:

1) правило о том, что сокращенное дознание может проводиться только в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица;

2) право заинтересованных участников уголовного разбирательства практически на любом этапе производства отказать от производства по уголовному делу в сокращенной форме дознания;

3) формализованный срок составления обвинительного постановления;

4) усложненная процедура окончания сокращенной формы дознания;

5) неопределенность статуса сведений, полученных и закрепленных до возбуждения уголовного дела;

6) избыточность ведомственного контроля и прокурорского надзора [5].

Изложенное выше логически подводит нас к необходимости дальнейшего кардинального совершенствования процедуры осуществления сокращенной формы дознания с таким расчетом, чтобы создать оптимальные условия для скорейшего расследования преступлений и направления уголовного дела для судебного разбирательства, при обеспечении неукоснительного соблюдения конституционных прав и свобод граждан независимо от их процессуального положения.

Подводя итог вышесказанному, хочется привести статистические показатели результатов деятельности подразделений, осуществляющих предварительное расследование, приведенные ГИАЦ МВД России.

Принято к производству:

— в 2019 году следователями ОВД — 1 458 563 уголовных дел; дознавателями — 1 029 896 уголовных дел;

— в 2020 году следователями ОВД — 1 517 059 уголовных дел; дознавателями — 990 681 уголовных дел;

— за 6 месяцев 2021 года следователями ОВД — 716 520 уголовных дел; дознавателями — 478 810 уголовных дел.

Направлено в суд с обвинительным заключением либо актом:

— в 2019 году следователями ОВД — 263 521 уголовных дел; дознавателями — 323 013 уголовных дел;

— в 2020 году следователями ОВД — 252 289 уголовных дел; дознавателями — 315 004;

— за 6 месяцев 2021 года следователями ОВД — 136 287; дознавателями — 167 131.

Статистические данные наглядно показывают, что нагрузка по расследованию уголовных дел на штатных дознавателей подразделений дознания вполне сопоставима с нагрузкой следователей. В связи со складывающейся в последнее время непростой кадровой обстановкой в правоохранительных органах, а также исходя из процессуальной экономии, мы считаем, что было бы возможным избрать путь подобный киргизскими процессуалистами, которые разделили полномочия должностных лиц,

проводящих предварительное расследование и уполномоченных должностных лиц органа дознания.

Согласно статье 38 УПК Кыргызской Республики уполномоченное должностное лицо органа дознания проводит проверку сообщений о преступлениях, осуществляет производство по делам о проступках. Следователь, являясь должностным лицом, осуществляет следствие по уголовному делу. Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что настоящее деление предварительного расследования на формы нецелесообразно.

Примером тому может служить судебное разбирательство, разделенное на формы: полную и сокращенную (особый порядок судебного разбирательства, в котором отсутствует этап судебного следствия). В данном случае законодатель не выделил сокращенную форму судебного разбирательства в обособленную модель, как это произошло с выделением в отдельную форму — дознание. Мы поддерживаем мнение С. В. Супруна, который считает, что нельзя, исключив институт предъявления обвинения при производстве дознания, выделить из предварительного следствия самостоятельную форму, тем самым формулируя гипотезу о том, что сокращение содержания деятельности не образует новую форму [6, с. 138].

На наш взгляд, считалось бы более правильным обозначить дознание, как деятельность уполномоченных лиц по проведению доследственной проверки с целью установления события преступления, а производство предварительного расследования по категориям всех уголовных дел, в том числе небольшой и средней тяжести — разновидностью предварительного следствия или досудебного расследования. Производство дознания в сокращенной форме можно считать упрощенной (ускоренной) формой расследования. Мы считаем, что разграничение полномочий должностных лиц, производящих предварительное расследование, не должно служить мерилom для дифференциации предварительного расследования на формы.

Список источников

1. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 16.10.2021)

2. Шараева Я. А., Тангриева В. Н. Процессуальный статус дознавателя: мифы и реальность // Философия права. 2021. № 3 (98).

3. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-213-uk-rf-huliganstvo/>

prigovor-suda-po-ch.-1-st.-213-uk-rf--1-5432017--huliganstvo.html (дата обращения: 16.10.2021)

4. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/o9k4FkuYVDUu/> (дата обращения: 16.10.2021)

5. Ангриева В. Н. Дознание в сокращенной форме: проблемы, пути совершенствования: информационно-аналитический обзор Договорно-правового Департамента МВД России, 2019.

6. Супрун С. В. Дознание — сокращенное следствие? Российский юридический журнал. 2010. № 5.

2. Sharaeva Ya. A., Tangrieva V. N. The procedural status of the investigator: myths and reality. *Philosophy of Law*, 2021, no. 3 (98). (In Russ.)

3. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-213-uk-rf-huliganstvo/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-213-uk-rf--1-5432017--huliganstvo.html> (accessed 16.10.2021). (In Russ.)

4. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/o9k4FkuYVDUu/> (accessed 16.10.2021). (In Russ.)

5. Tangrieva V. N. Inquiry in abbreviated form: problems, ways of improvement: information and analytical review of the Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. (In Russ.)

6. Suprun S. V. Inquiry — abbreviated investigation? *Russian Law Journal*, 2010, no. 5. (In Russ.)

References

1. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (accessed 16.10.2021). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 343.132
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-189-194>

Особенности изъятия и осмотра средства мобильной связи

Телевицкая Юлия Андреевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, miss.umniagina@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время средства сотовой связи используются не только по своему прямому назначению. В мобильных телефонах содержится огромный объем информации: данные о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, сведения, составляющие банковскую тайну, персональные и т. д. В статье автор обосновывает необходимость осмотра электронной памяти средств мобильной связи по решению суда, предлагает внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в контексте рассматриваемого вопроса.

Ключевые слова: электронные носители информации, средства мобильной связи, осмотр, изъятие, конституционные права, уголовный процесс

Для цитирования: Телевицкая Ю. А. Особенности изъятия и осмотра средства мобильной связи // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 189—194. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-189-194>.

Original article

Features of withdrawal and inspection of mobile communication equipment

Yulia A. Televitskaya

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, miss.umniagina@yandex.ru

Abstract. Currently, the means of cellular communication have ceased to be used for their intended purpose. Mobile phones contain a huge amount of information: data on connections between subscribers and subscriber devices, information constituting bank secrecy, personal data, etc. In the article the author justifies the need to inspect the contents of mobile communication facilities by court decision, proposes to amend the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the context of the issue under consideration.

Keywords: electronic media, mobile communications, inspection, seizure, constitutional rights, criminal proceedings

For citation: Televitskaya Yu. A. Features of withdrawal and inspection of mobile communication equipment. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 189—194. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-189-194>.

В соответствии со статистическими данными, предоставленными МВД России, с начала 2020 года почти на 100 % увеличилось количество преступлений с использованием средств мобильной связи и на 90 % — совершаемых через сеть «Интернет» [1]. Развитие технических устройств и телекоммуникационной среды привело не только к глобальной информатизации, но и к появлению новых видов и форм преступных посягательств, совершаемых с помощью информационных технологий и современных технических средств, самым доступным

и распространенным из которых является мобильный телефон. Мобильные телефоны перестали использоваться по своему прямому назначению. Помимо осуществления телефонной связи, в памяти сотовых телефонов содержится информация о частной и профессиональной деятельности его владельца. Мобильные устройства вмещают в себя мобильные банки, всевозможные приложения и мессенджеры (Viber, Whatsap, Telegram и др.), которые по своему содержанию более информативны, чем почтовые отправления и телефонные переговоры,

© Телевицкая Ю. А., 2022

осуществляемые со стационарных устройств. Таким образом, в памяти мобильных телефонов находится огромный объем различной информации, часть из которой относится к сведениям, составляющим ту или иную охраняемую законом тайну, и не может быть получена без судебного разрешения, однако на практике дело обстоит совсем иначе.

Согласимся с мнением Е. И. Третьяковой о том, что развитие технических возможностей мобильных устройств привело к тому, что сотовые телефоны в последнее время все чаще становятся средством совершения преступления, а не предметом преступного посягательства [2, с. 49]. Увеличение процента уголовных дел, в которых сотовый телефон становится средством совершения противоправного деяния, еще раз указывает нам на необратимость технического прогресса. Если ранее мобильный телефон чаще всего выступал предметом преступного посягательства по имущественным преступлениям, то в настоящее время технические возможности сотовых телефонов привели к возникновению новых преступных схем. Изучив судебную практику, приведем следующие примеры.

Так, например, С. Ю. Булгаков был осужден за незаконное распространение сведений о частной жизни лица, составляющих личную тайну потерпевшего. С помощью мобильного телефона марки «HONOR» осужденный разместил на странице социальной сети «ВКонтакте» 5 графических файлов с изображением потерпевшей в обнаженном виде [3]. Бердским городским судом было рассмотрено уголовное дело по факту совершения преступления, предусмотренного частью 2 статьи 280 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

И. В. Донских, используя мобильный телефон марки «Lenovo», разместил на странице сообщества в социальной сети «ВКонтакте» надписи, которые в соответствии с заключением эксперта содержат призывы к осуществлению насильственных действий в отношении лиц еврейской национальности [4].

В рассмотренных примерах мобильный телефон выступает как средство совершения преступления, следовательно, в ходе производства по уголовным делам он был соответствующим образом изъят, осмотрен и направлен на судебную экспертизу. Беспрепятственный доступ сотрудников правоохранительных органов к памяти мобильного устройства существенным образом затрагивает конституционные права граждан, так как указанные электронные

носители информации были изъяты без судебного разрешения. Считаем, что рассмотренную проблему нельзя обойти стороной. Уголовно-процессуальное законодательство следует привести в соответствие с Конституцией Российской Федерации, тем самым обеспечив гражданам защиту принадлежащих им прав.

Личные права граждан, гарантируемые Основным законом нашей страны, являются высшей ценностью и охраняются государством [5]. Статья 18 Конституции Российской Федерации устанавливает, что деятельность исполнительной и законодательной власти базируется на основных правах и свободах человека и гражданина, которые в свою очередь обеспечиваются правосудием. В соответствии с частью 2 статьи 23 Конституции Российской Федерации тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений является незыблемым правом каждого человека и гражданина, ограничение которого возможно только по судебному решению [5]. В соответствии со статьей 26 Федерального закона Российской Федерации от 2 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности» и пунктом 7 части 2 статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) доступ к сведениям, составляющим банковскую тайну, возможен только на основании судебного решения [6; 7]. Следует отметить, что в памяти мобильных устройств могут находиться все перечисленные выше сведения.

Невозможность получения необходимой информации из мессенджерных сообщений и пробел в уголовно-процессуальном праве приводят к действиям, противоречащим нормам Конституции Российской Федерации со стороны правоохранительных органов. В то время как сторона защиты отстаивает права путем подачи жалоб в судебные инстанции, однако суд оставляет их без удовлетворения.

В Верховный суд Российской Федерации поступила кассационная жалоба с просьбой признать осмотр изъятого мобильного телефона незаконным, так как в ходе осмотра сотового телефона следователь получил доступ к данным о телефонных соединениях владельца, которые в последующем легли в основу обвинения. Суд, сославшись на статью 176 УПК РФ, отказал в удовлетворении жалобы [8]. Следует отметить, что в соответствии со статьей 186.1 УПК РФ информация о телефонных соединениях между абонентами может быть получена на основании судебного решения. В рассмотренном выше примере следователь получил аналогичную

информацию в ходе осмотра мобильного телефона без предварительного судебного контроля. Возникает противоречие: с одной стороны, информация о соединениях между абонентами, в которую в соответствии со статьей 5 УПК РФ входят данные о продолжительности соединения, дате, времени и номерах абонентов, можно получить исключительно по решению суда, а с другой — из памяти мобильного устройства без какой-либо санкции. Информация, находящаяся в памяти мобильных устройств, аналогична информации, получаемой при производстве специального следственного действия — получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Следовательно, конституционное право на тайну телефонных переговоров должно быть соблюдено во всех случаях, и санкция суда необходима для получения информации о телефонных соединениях из памяти мобильных устройств.

Некоторые отечественные ученые, анализируя рассмотренное противоречие, ссылаются на обязанность сохранения тайны связи исключительно операторами и учреждениями связи. К примеру, А. Н. Яковлев считает, что сообщения, передаваемые по электронной почте, перестают охраняться тайной связи в момент получения сообщения на устройстве пользователя, так как операторы связи передали информацию на устройство пользователя, тем самым сняли с себя ответственность по ее сохранности. По мнению автора, судебное решение необходимо только в тех случаях, когда информация находится в технической ответственности операторов связи. В иных случаях данные могут быть получены в порядке статьи 86 УПК РФ в ходе производства следственных действий без судебного санкционирования. Не согласимся с представленным мнением. Тайна связи не должна ограничиваться технической ответственностью оператора. Конституционный суд Российской Федерации в делах о тайне телефонных переговоров указывает, что под тайной связи, охраняемой Конституцией, понимаются любые сведения, передаваемые посредством связи, в том числе электросвязи, а также ознакомление с такими сведениями и иные ограничения тайны связи [9]. Принимая во внимание прямое действие Конституции Российской Федерации, и, исходя из ее расширительного толкования, становится очевидно, что тайна связи не находится во взаимосвязи с технической ответственностью операторов, а распространяется на любые сведения, связанные с передачей,

получением и сохранностью данных, передаваемых посредством телефонных переговоров и электронной связи.

Если исходить из того, что обязанность по сохранности тайны связи лежит исключительно на операторах, то в случае ее нарушения ответственности по статье 138 УК РФ должны подлежать исключительно операторы связи. В судебной практике дела обстоит немного иначе.

Так, например, гражданин Р. Х. А., используя личный сотовый телефон, вошел в электронную почту гражданки А. с помощью программы автоматического сохранения паролей в кэш-памяти электронного устройства. Р. Х. А., действуя умышленно и без согласия потерпевшей, ознакомился с ее личной перепиской, на которую распространяется специальный режим правовой защиты. Тем самым Р. Х. А. совершил преступление, предусмотренное частью 1 статьей 138 УК РФ [10].

Кроме того, гражданин Д. был осужден по части 1 статьи 138 УК РФ за незаконный доступ и распространение сведений, сохраненных в памяти мобильного телефона потерпевшего, который, находясь на суточном дежурстве в подчинении гражданина Д., одолжил последнему сотовый телефон для совершения звонка жене. Гражданин Д., не имея на то законных оснований, прочитал переписку потерпевшего, а также ознакомился с данными о входящих / исходящих звонках. Потерпевший И. осознавая, что гражданин Д. без разрешения прочитал сообщения и посмотрел книгу звонков в его телефоне, высказал свое недовольство и потребовал вернуть мобильное устройство назад. Гражданин Г. отказался возвращать телефон, а также переписал текст SMS-сообщений в журнал оперативного дежурного таможи, на которой Д. и И. несли службу [11].

Анализируя практику, сделаем вывод, что статья 138 УК РФ признает субъектами преступления не только операторов связи (специальный субъект), но и иных лиц (общий субъект). Следовательно, тайна связи распространяется не только на сведения, находящиеся под защитой операторов, но и на сведения, сохраненные в памяти электронных носителей информации. Именно поэтому мнение ученых, выступающих за то, что обязанность по охране тайны переписки, телефонных переговоров и т. д. лежит исключительно на операторах, по нашему мнению, является ошибочным. Таким образом, данные, полученные из памяти электронных носителей информации, в том числе мобильных телефонов, подлежат защите. Право граждан

на тайну связи не может быть ограничено иначе как по судебному решению независимо от того, находятся ли сведения под охраной операторов связи или нет.

В определении Конституционного суда Российской Федерации от 26 января 2017 года № 204-О суд признает мобильные телефоны электронными носителями информации и допускает, что в их памяти находится информация, содержащая охраняемую законом тайну. Согласно данному определению: «...в ходе производства обыска не допускается произвольное изъятие электронных носителей информации, на которых могут содержаться сведения, содержащие охраняемую законом тайну». Однако несмотря на согласие с тем, что современные мобильные устройства содержат в себе большой объем различной информации, в том числе содержащей сведения, относящиеся к личным правам, охраняемым Конституцией Российской Федерации, суд отказывает в принятии к рассмотрению жалобы. Аргументом Конституционного суда для отказа в принятии требования гражданки И. С. С. является то, что мобильный телефон был изъят в ходе производства обыска в жилом помещении, который в соответствии с пунктом 5 части 2 статьи 29 УПК РФ производится на основании судебного решения. Следовательно, одного судебного разрешения достаточно для производства обыска и изъятия мобильного устройства в ходе его производства и дополнительного санкционирования суда не требуется [12]. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в ходе производства обыска, не требующего судебного санкционирования, для изъятия мобильного телефона потребовалось бы отдельное судебное разрешение. Однако прямого указания на рассматриваемое правило Конституционный суд не дает.

Логично, что на современном этапе развития процессуального законодательства суды отказывают в принятии жалоб к рассмотрению либо не удовлетворяют просьбы заявителей о незаконном, по их мнению, изъятии сотовых телефонов, так как законодательство Российской Федерации в настоящее время не содержит нормы, обязывающей получать судебное решение, разрешающее доступ к памяти мобильных устройств. Суды в своих решениях ссылаются на нормы УПК РФ, которые не в полной мере соответствуют развитию современного общества.

На основании проанализированных примеров из судебной практики следует вывод, что мнение судов достаточно противоречиво относительно рассматриваемого вопроса, однако

неутешительная практика получения доступа к информации, находящейся в памяти мобильного устройства, поддерживается правоохранительными органами и судами.

Примечательно, что все же существуют решения судов, которые признают ограничением конституционных прав граждан осмотр памяти мобильных устройств. Примером может послужить кассационное определение Омского областного суда, удовлетворившего жалобу заявителя о незаконном осмотре мобильного телефона, в результате которого следователь получил доступ к SMS-сообщениям. Несмотря на то, что суд признал действия следователя не противоречащими нормам УПК РФ, предусматривающим правила производства выемки и осмотра сотового телефона, он указал на их несоответствие статье 23 Конституции, статье 13 УПК РФ, а также статье 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Чем же должны руководствоваться органы предварительного расследования при решении вопроса о получении доступа к сведениям, хранящимся в памяти мобильных устройств? Деятельность Конституционного суда Российской Федерации регламентируется Федеральным конституционным законом [13] также, как и деятельность судов общей юрисдикции [14]. Однако Конституционный суд Российской Федерации, ссылаясь в своих решениях на нормы уголовно-процессуального законодательства, идет вразрез с нормами Конституции, отрицая ее прямое действие на территории нашей страны. Поэтому, по нашему мнению, решение Омского областного суда должно стать примером разрешения вопросов относительно осмотра памяти мобильных устройств, до момента принятия изменений в УПК РФ, прямо закрепляющих обязанность лиц, ведущих расследование, получать судебное разрешение на производство осмотра содержимого средств мобильной связи. На данном этапе основной задачей является создание правового механизма, который будет обеспечивать неприкосновенность конституционных прав граждан и найдет свое отражение в нормах уголовно-процессуального права.

На основании изложенного предлагаем ввести часть 4 статьи 164.1 УПК РФ следующего содержания: *«При наличии достаточных оснований полагать, что в памяти электронных носителей информации могут содержаться сведения, доступ к которым может ограничить конституционные права граждан, получение следователем указанной информации,*

допускается только на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 165 настоящего Кодекса».

Предлагая изменения в статью 164.1 УПК РФ мы умышленно не затронули вопрос изъятия электронных носителей информации, так как считаем, что сам процесс изъятия не может ограничивать конституционные права граждан, потому что не предусматривает доступ к информации, находящейся в памяти технических устройств, в отличие от осмотра, что подтверждается судебной практикой, проанализировав которую становится очевидно, что большой объем жалоб на ограничение конституционных прав связан именно с осмотром информации на электронных устройствах.

Таким образом, следует дифференцировать характер действий органов, ведущих расследование, с мобильными устройствами, в зависимости от того, представляет ли интерес для предварительного расследования информация, находящаяся в его памяти или нет.

С целью обеспечения сохранности информации и невозможности ее уничтожения, а также недопущения искусственной загруженности правоохранительных органов и судов предлагаем следующий механизм изъятия и осмотра электронных носителей информации.

В случае возникновения необходимости изъятия мобильного устройства, оно может быть изъято в предусмотренном законом порядке в рамках производства следственного действия без судебного решения. Если электронная информация, находящаяся в памяти технического устройства, интереса для следствия не представляет, оно может быть осмотрено и направлено на экспертизу как материальный объект. Однако, если органы предварительного расследования имеют своей целью осмотр информации, находящейся в памяти мобильного устройства, и получение доступа к мессенджерам, соцсетям, электронной почте, банковским приложениям, SMS-сообщениям и сведениям о соединениях абонента и т. д., эти действия должны быть произведены исключительно по решению суда.

В исключительных случаях осмотр электронных носителей информации, содержащих в своей памяти сведения, доступ к которым может ограничить конституционные права граждан, проводится без судебного разрешения, но с обязательным последующим уведомлением суда, в порядке части 5 статьи 165 УПК РФ. В этой связи предлагаем внести изменения в часть 5 статьи 165 УПК РФ, добавив к перечню

следственных действий, *осмотр электронных носителей информации, указанных в части 4 статьи 164.1 УПК РФ.*

Не стоит забывать, что статьей 29 УПК РФ регламентирован перечень следственных и процессуальных действий, по которым правомочен принимать решения исключительно суд. Ввиду предлагаемых изменений целесообразно дополнить часть 2 статьи 29 УПК РФ пунктом 7.1 следующего содержания: *«об осмотре электронных носителей информации в соответствии с частью 4 статьи 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».*

Список источников

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь—декабрь 2020 г. URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 05.10.2021).
2. Третьякова Е. И. Мобильный телефон как источник криминалистически значимой информации // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2018. № 3 (13). С. 49—51.
3. Приговор Оренбургского районного суда № 1-49/2020. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.10.2021).
4. Постановление № 1-350/2020 Бердского городского суда. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.10.2021).
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/0001202007040001> (дата обращения: 25.10.2021).
6. О банках и банковской деятельности: федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2021).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2021).
8. Кассационное определение Верховного суда РФ от 30 сентября 2014 г. по делу № 2-18/08. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 13.10.2021).
9. Яковлев А. Н. Правовой статус цифровой информации, извлекаемой из компьютерных и мобильных устройств: «Электронная почта» // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 42—48.
10. Приговор Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан № 1-193/2017. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.10.2021).
11. Кассационное определение Астраханского областного суда № 22-3103/2011. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.10.2021).

12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сандаковой Ирины Сергеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 5 части второй статьи 29 и частью третьей статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 204-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2021).

13. О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2021).

14. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2021).

References

1. January—December 2020. URL: <https://мвд.рф/reports/1> (accessed 05.10.2021). (In Russ.)

2. Tretyakov E. I. Mobile phone as a source of criminalistically important information. *Bulletin of the Ural Financial and Legal Institute*, 2018, no. 3 (13), pp. 49—51. (In Russ.)

3. Verdict of the Orenburg District Court no. 1-49/2020. URL: <https://sudact.ru> (accessed 05.10.2021). (In Russ.)

4. Resolution no. 1-350/2020 of the Berdsk City Court. URL: <https://sudact.ru> (accessed 05.10.2021). (In Russ.)

5. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote of December 12, 1993 (with changes approved during the all-Russian vote of July 1, 2020). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/0001202007040001> (accessed 25.10.2021). (In Russ.)

6. On banks and banking activities: federal law no. 395-1 of December 2, 1990. Access from the

reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.10.2021). (In Russ.)

7. The code of criminal procedure of the Russian Federation. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.10.2021). (In Russ.)

8. The appeal decision of the Supreme court of the Russian Federation in case no. 2-18/08 of September 30, 2014. URL: <https://sudact.ru> (accessed 13.10.2021). (In Russ.)

9. Yakovlev A. N. Legal status of digital information extracted from computer and mobile devices: “E-mail”. *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 4, pp. 42—48. (In Russ.)

10. Verdict of the Leninsky District Court of Ufa, Republic of Bashkortostan no. 1-193/2017. URL: <https://sudact.ru> (accessed 13.10.2021). (In Russ.)

11. Cassation ruling of the Astrakhan Regional Court no. 22-3103/2011. URL: <https://sudact.ru> (accessed 13.10.2021). (In Russ.)

12. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sandakova Irina Sergeevna about the violation of her constitutional rights by paragraph 5 of the second part of Article 29 and part three of Article 182 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 204-О of January 26, 2017. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.10.2021). (In Russ.)

13. On the Constitutional Court of the Russian Federation: federal constitutional law no. 1-FKZ of July 21, 1994. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.10.2021). (In Russ.)

14. On the courts of general jurisdiction in the Russian Federation: federal constitutional law no. 1-FKZ of February 7, 2011. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.10.2021). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.12.2021; одобрена после рецензирования 09.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 15.12.2021; approved after reviewing 09.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 34
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-195-200>

О понятии обеспечительных мер в праве

Фомин Виктор Юрьевич^{1, 2}

¹Нижегородский районный суд г. Нижнего Новгорода, Нижний Новгород, Россия, dozor8888@gmail.com

²Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

Аннотация. До настоящего времени проблема обеспечительных мер с позиции общей теории права не исследована. Как следствие, отсутствует общеправовое определение понятия обеспечительных мер в праве. В настоящей публикации предлагаются конституирующие признаки обеспечительных мер, на основе их синтеза формулируется авторское определение таковых. В статье особо отмечается, что предложенное определение понятия обеспечительных мер в праве обогащает не только отраслевые науки, но и обладает общетеоретическим потенциалом. Автор резюмирует, что дефиниция может быть положена в основу общетеоретического исследования всего феномена обеспечительных мер в праве.

Ключевые слова: обеспечение, обеспечительные меры, гарантия, реализация права, правовой риск

Для цитирования: Фомин В. Ю. О понятии обеспечительных мер в праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 195—200. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-195-200>.

Original article

On the concept of interim measures in law

Viktor Yu. Fomin^{1, 2}

¹Nizhny Novgorod District Court of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, dozor8888@gmail.com

²Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. Until now the problem of interim measures from the standpoint of the general theory of law has not been studied. As a result there is no general legal definition of the concept of interim measures in law. In this publication the constituent signs of interim measures in law are proposed, on the basis of their synthesis, the author's definition of such is formulated.

Keywords: security, interim measures, guarantee, exercise of the right, legal risk

For citation: Fomin V. Yu. On the concept of interim measures in law. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 195—200. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-195-200>.

Теоретическое познание правовых явлений невозможно без соответствующих понятий, выступающих концентрированным словесным выражением их сущности и закономерностей. Правовые понятия представляют собой один из инструментов теоретического познания правовой действительности, а равно средство и результат постигающего мышления, без которых,

как справедливо заметил А. М. Васильев, невозможно правовое познание [1, с. 70]. В связи с тем, что проблема обеспечительных мер с позиции общей теории права до сих пор не исследована представителями отечественной юридической мысли, отсутствует и общеправовое определение понятия обеспечительных мер в праве. В настоящей публикации предлагаются

© Фомин В. Ю., 2022

конституирующие признаки обеспечительных мер, на основе их синтеза формулируется авторское определение таковых.

Первый признак. Содержание обеспечительных мер образуют способы (приемы, средства, методы) личного, имущественного и (или) организационного воздействия на субъектов правоотношений.

Обеспечительные меры весьма многообразны по своему содержательному наполнению. Изучение обеспечительных мер, предусмотренных действующим российским законодательством, показывает, что они могут быть выражены в следующем: наложении ареста на денежные средства или иное имущество; запрещении совершать определенные действия; возложении обязанности совершить определенные действия; приостановлении реализации имущества; приостановлении взыскания по исполнительному документу; передаче спорного имущества на хранение; изъятии вещей и документов; задержании транспортного средства; аресте товаров, транспортных средств и иных вещей; временном запрете деятельности; приостановлении операций по счетам в банке; установлении неустойки; залоге; удержании вещи; поручительстве и т. д. Безусловно, данный перечень является открытым.

Воздействие, оказываемое обеспечительными мерами, как и любое другое социальное воздействие, достигает цели с помощью способов, средств и методов. Обращение к ряду толковых словарей и словарей синонимов русского языка показывает, что такие слова, как «средство», «способ», «метод», «прием» допустимо использовать в качестве взаимозаменяемых: 1) средство — прием, способ действия для осуществления, достижения чего-нибудь; то, что служит какой-либо цели, необходимо для достижения, осуществления чего-либо; 2) метод — способ действовать, поступать каким-нибудь образом, прием; 3) прием — способ, образ действий при выполнении чего-либо; 4) способ — образ действий, прием, метод для осуществления, достижения чего-либо; возможность, средство, реальные условия для осуществления чего-либо; действие или система действий, применяемые при осуществлении чего-нибудь; тот или иной порядок, образ действий, метод в достижении какой-нибудь цели [2—4]. На основании представленных определений понятий можно сделать вывод о соотношении таковых: в объем понятия «способ» входят и средство, и прием, и метод. Подтверждение нашего вывода находим в отечественной юридической мысли. Так,

Б. М. Гонгало заключает, что «понятие «обеспечительные меры» шире понятия «средства (способы, меры, методы) обеспечения обязательств» [5]. В этой связи видится возможным определять обеспечительные меры через «способы воздействия», то есть такие средства, приемы и методы, с помощью которых оказывается влияние на сознание и, как следствие, поведение субъекта права, для достижения юридически значимого результата.

Воздействие, оказываемое обеспечительными мерами, может носить личный, имущественный и (или) организационный характер в зависимости от того, что выступает объектом такового. На личность воздействие может оказываться как на уровне сознания (психическое, моральное), так и на уровне тела (физическое). Воздействие на имущественную сферу предполагает связь с неким материальным притязанием. В свою очередь, организационное воздействие видится в изменении объема прав и обязанностей у лица, в отношении которого применяется обеспечительная мера. Как правило, выражается в возложении определенной обязанности, предполагающей активные действия либо, напротив, воздержание от совершения таковых. Безусловно, воздействие, оказываемое обеспечительными мерами, носит комплексный характер, вычленение его подвидов необходимо в исследовательских целях для понимания содержательного наполнения таковых.

Второй признак. Обеспечительные меры выступают дополнительной гарантией реализации субъективных прав и (или) юридических обязанностей.

Ценность права для отдельно взятого человека тем выше, чем выше его (права) способность удовлетворять возникающие потребности. Когда же оно не отвечает запросам личности либо делает это крайне неэффективно, отпадает и необходимость прибегать к использованию подобного регулятора социальных отношений. Человек ищет иные инструменты, порой противоправные, позволяющие достигнуть желаемого результата. В этой связи право должно строиться таким образом, чтобы позволяло лицам, его использующим, получать желаемое посредством реализации прав и обязанностей. Должны существовать и гарантии таковой реализации. В их числе находятся обеспечительные меры в праве.

Кроме того, в правовой жизни, как и в иных ее сферах, существуют определенные риски, предполагающие возможное отклонение от должной модели правовой реализации. Вероятность

возникновения таковых различна, как и различные факторы, их детерминирующие. Наиболее типичные из рискованных ситуаций находят свое отражение в законодательстве, а также на уровне индивидуально-правового регулирования. В этой связи предусматривается возможность прибегнуть к антирисковым мерам, то есть таким действиям, которые призваны предотвратить, уменьшить или устранить риски [6, с. 12]. В качестве антирисковой меры видится справедливое рассматривать и обеспечительные меры в связи с тем, что они позволяют снизить вероятность понесения субъектами правоотношений негативных последствий вплоть до сведения их к нулю.

Иначе говоря, обеспечительные меры выступают своеобразной «подушкой безопасности» в тех случаях, когда с определенной долей уверенности существует вероятность того, что правореализация может быть затруднена и даже невозможна в силу объективных либо субъективных факторов. Например, обеспечительные меры в арбитражном процессе применяются судом с тем, чтобы при вынесении по итогам рассмотрения спора решения в пользу истца у последнего была *реальная* возможность получить исполнение присужденного. В противном случае, как констатирует Верховный Суд Российской Федерации, принятое в пользу истца судебное решение, действительная реализация которого становится невозможной, например ввиду отсутствия у ответчика денежных средств, по существу представляет собой фикцию судебной защиты. Кроме того, когда истец не имеет фактической возможности реализовать правовые притязания, возникшие на основании судебного акта, под сомнение ставится и сам смысл судебного разбирательства: судебный процесс реализуется, затрачиваются ресурсы государства, тяжущихся сторон, а на выходе — истец не может получить взыскание от ответчика [7]. Приведенный пример ярко демонстрирует гарантирующее воздействие обеспечительных мер на реализацию правовых притязаний посредством создания условий для исполнения судебного решения.

В отраслевых исследованиях также признается, что «обеспечение как правовой институт предполагает *установление* специальными (обеспечительными) правовыми средствами (мерами, способами) *большой степени возможности* (гарантированности) *достижения* *правовых целей* (курсив наш. — В. Ф.), в том числе и установление большей степени гарантированности реальной защиты прав и

охраняемых законом интересов обратившегося за защитой лица» [8, с. 37].

Обеспечительные меры, выступая гарантией надлежащей реализации субъективных прав и юридических обязанностей, в глобальном плане являются гарантом реальности права в целом: «Обеспечительные меры, — пишет Б. М. Гонгалло, — одно из правовых средств, призванных гарантировать реальность права» [5]. Необходимость такой гарантии возникает при появлении в правовом пространстве определенного юридического факта.

В этой связи справедливо говорить, что *обеспечительные меры устанавливаются с целью сделать возможной реализацию прав и обязанностей при наступлении определенного юридического факта в будущем.*

Уникальность правовой природы обеспечительных мер видится в том, что они всегда принимаются с расчетом на будущее, в том числе противоправное поведение субъектов права. И это важный момент, который нельзя упускать из виду, характеризуя обеспечительные меры. В момент установления обеспечительных мер нет стопроцентной уверенности в том, что правореализация действительно отклонится от должной модели. Однако наличие ряда факторов субъективного и объективного свойства позволяет усомниться в том, что в заданный момент времени не возникнут препятствия к их реализации, то есть такие факторы, которые ставят преграду упорядоченности социальных связей и действуют в противоречии с правовыми целями и принципами [9, с. 7]. Наличие обеспечительных мер необходимо для преодоления таковых, именно их действие «выправляет» правореализацию в должное русло. Так, кредитор, не получивший удовлетворения требования от должника, может получить его от поручителя, когда такая возможность предусмотрена соглашением сторон.

Запускает механизм действия обеспечительных мер юридический факт, возникающий в ходе реализации основного правоотношения. Категория «юридический факт» является одной из центральных в общей теории права. Согласно одному из распространенных подходов под юридическим фактом принято понимать «конкретные жизненные обстоятельства, вызывающие в соответствии с нормами права наступление тех или иных правовых последствий — возникновение, изменение или прекращение правового отношения» [10, с. 10]. Юридический факт, порождающий обеспечительное правоотношение, в то же время выступает правоизменяющим по отношению к основному правоотношению.

Данный юридический факт с материальной стороны представляет обстоятельства, выражающиеся как в наличии, так и в отсутствии явления материального мира. Рассмотрим на примерах. Так, в рамках существующего договорного обязательства неисполнение или ненадлежащее исполнение должником обязательства как то невозвращение займодавцу полученной суммы займа в срок и в порядке, которые предусмотрены договором займа, образуют негативный юридический факт, который породит действие обеспечительной меры, если таковая была предусмотрена сторонами при заключении займа. Процессуальные обеспечительные меры возникают на основании позитивного юридического факта — судебного акта (например, в ходе гражданского судопроизводства выносится соответствующее определение (ст. 141 ГПК РФ)).

От наличия данного факта зависит, будет ли реализована обеспечительная мера либо нет. Именно он выступает «спусковым крючком», запускающим воплощение обеспечительной меры в объективном правовом поле. Если же юридический факт не возникнет в действительности, то необходимость действия обеспечительной меры не наступит. И, казалось бы, обеспечительная мера была предусмотрена «вхолостую». Но это не совсем верно. Ведь сам факт наличия возможности запустить действие обеспечительной меры при наличии известных обстоятельств также воздействует на поведение субъектов обеспечительных правоотношений, и прежде всего обеспечивающей стороны. Ибо само знание о наличии обеспечительной меры дисциплинирует, мотивируя к правомерному поведению. Таким образом, справедливо признать за обеспечительными мерами статус мотивационного правового средства, оказывающего информационно-психологическое воздействие.

Третье. Обеспечительные меры реализуются в обеспечительных правоотношениях.

Исследование обеспечительных мер с позиции правоотношения видится важным для установления правовых связей, которые при применении обеспечительных мер носят своеобразный характер, так как идет переплетение с основным правоотношением.

Кратко охарактеризовать обеспечительное правоотношение представляется возможным следующим образом:

1) правовая модель такого правоотношения может быть результатом как нормативно-правового регулирования и, соответственно, возникать на основе норм права, так и индивидуально-правового,

и возникать в силу соглашения сторон, правоприменительного акта;

2) в обеспечительном правоотношении устанавливается индивидуализированная связь между его субъектами: стороной обеспечительного правоотношения, в интересах которой установлены обеспечительные меры (обеспеченной стороной), и стороной, за счет воздействия на которую реализуется обеспечительная мера (обеспечивающая сторона);

3) объектом обеспечительных правоотношений выступает обеспечительный интерес, то есть интерес обеспеченной стороны, для гарантирования которого и устанавливаются конкретные обеспечительные меры;

4) обеспечительные правоотношения всегда возникают в рамках уже существующих правовых отношений, которые автор предлагает именовать как «обеспечиваемые правоотношения», или «основные правоотношения».

Четвертый признак. Обеспечительные меры имеют ярко выраженный темпоральный (временной) характер.

Выделение темпорального характера обеспечительных мер в самостоятельный признак обусловлено необходимостью подчеркнуть тот факт, что действие обеспечительных мер специфично ограничено временными рамками — на временной оси можно выделять момент начала и момент окончания такового. Другой аспект темпоральности данного явления прослеживается во временной взаимосвязи с обеспечиваемым правоотношением: они могут как возникать одновременно, так и во временном разрыве. И третий аспект данного признака выражается в обеспечении надлежащей реализации субъективных прав и юридических обязанностей в будущем, что было рассмотрено выше.

Соответственно, когда речь идет о временных характеристиках обеспечительных мер, следует принимать во внимание существующий на временной оси разброс. А также необходимо отличать момент возникновения обеспечительных мер от момента начала действия обеспечительных мер, а момент прекращения обеспечения от момента окончания действия такового. Они могут как совпадать, так и не совпадать.

Пятый признак. Направленность обеспечительных мер на стимулирование правомерного поведения.

Побуждение к правомерному поведению происходит на психоэмоциональном уровне. Поступающая к личности информация, преломляясь через призму тонких внутренних психических процессов, оказывает влияние его на

поведение: «...осознание субъектом факта существования обеспечительных мер, — пишет Б. М. Гонгало, — придает ему уверенность в осуществимости его права, защищенности его интереса. Одновременно уже только наличие обеспечительных мер стимулирует лиц, обязанных к исполнению своих обязанностей» [5]. Одно лишь знание о наличии обеспечительных мер, потенциальной возможности их «включения» уже оказывает воздействие не только на внутреннее, то есть психоэмоциональное состояние субъектов обеспечительных правоотношений, но и на их внешнее проявление, то есть конкретные действия, предпринимаемые ими, либо бездействия.

Вместе с тем в аспекте раскрытия природы исследуемого правового явления необходимо осветить тот факт, что обеспечительные меры представляют диалектическое единство правового стимулирования и правового ограничения: ограничения, дополнительные обременения, возникающие у обеспечивающей стороны в связи с действием обеспечительных мер (потенциальной возможностью такого действия), стимулируют ее (обеспечивающую сторону) к законопослушному поведению. Соответственно, обеспечительные меры создают условия для удовлетворения интересов обеспечиваемой стороны посредством побуждения лица к определенному варианту правового поведения, с одной стороны, и сдерживания противозаконного деяния — с другой.

В стимулирующем воздействии обеспечительных мер имеют место ограничивающие моменты, которые, как доказано А. В. Малько, не только «не ликвидируют и не преуменьшают его побудительную сторону, а, наоборот, способствуют осуществлению стоящих перед правовым стимулированием целей, в определенной мере «продолжают» его» [11, с. 242]. Ограничения, порождаемые действием обеспечительных мер, проявляются в сдерживании осуществления обеспечивающей стороной собственных интересов, и в то же время в стимулировании этого лица к удовлетворению интересов обеспечиваемой стороны прямо либо косвенно, что демонстрирует направленность обеспечительных мер на блокирование отрицательной активности субъектов права. Своевременное, разумное и соразмерное применение соответствующих обеспечительных мер способствует устранению препятствий к реализации субъективных прав и юридических обязанностей в будущем, тем самым повышая эффективность правореализации в целом.

На основании синтеза исследованных признаков обеспечительных мер автором предлагается следующее определение понятия обеспечительных мер в праве: *обеспечительные меры — это способы личного, имущественного и (или) организационного воздействия на субъектов правоотношения, направленные на гарантию реализации их субъективных прав и юридических обязанностей и стимулирование правомерного поведения.* Предложенное определение понятия обеспечительных мер в праве обогащает не только отраслевые науки, но и обладает общетеоретическим потенциалом [12, с. 38]. Полагаем, что данное определение может быть положено в основу общетеоретического исследования всего феномена обеспечительных мер в праве.

Список источников

1. Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права: монография. Репр. изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 264 с.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 11.09.2021).
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Ин-т русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (дата обращения: 11.09.2021).
4. Толковый словарь русского языка (4 т.) / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935—1940. Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (дата обращения: 11.09.2021).
5. Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств, вопросы теории и практики. М.: Статут, 2004. 222 с.
6. Тихомиров Ю. А. Риск в праве: природа и причины // Право и современные государства. 2016. № 6. С. 10—19.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2018 года № 305-ЭС17-4004(2) по делу № А40-80460/2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.
8. Кузнецов С. А. Судебные обеспечительные средства в российском гражданском праве: монография. М.: Волтерс Клувер, 2008. 304 с.

9. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995. 362 с.

10. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве: монография. Репр. изд. М.: Норма; ИНФРА-М, 2020. 144 с.

11. Малько А. В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. 238—248.

12. Хужин А. М. Реформа гражданского законодательства как предпосылка развития общей теории цивилистики // Гражданское право. 2016. № 4. С. 37—39.

References

1. Vasiliev A. M. Legal categories: methodological aspects of developing a system of categories of the theory of law: monograph. Moscow: Norma; Infra-M Publ., 2021. 264 p. (In Russ.)

2. Efremova T. F. New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational. Moscow, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (accessed 09.11.2021). (In Russ.)

3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions. Russian Academy of Sciences Institute Russian language named V. V. Vinogradov, 4th edition, expanded. Moscow: Azbukovnik Publ., 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (accessed 09.11.2021). (In Russ.)

4. Explanatory dictionary of the Russian language / ed. by D. N. Ushakov. Moscow: State Institute "Sov. Encycl."; OGIZ; State. Foreign and national words Publ., 1935—1940. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (accessed 09.11.2021). (In Russ.)

5. Gongalo B. M. The doctrine of securing obligations, questions of theory and practice. Moscow: Statut Publ., 2004. 222 p. (In Russ.)

6. Tikhomirov Yu. A. Risk in law: nature and causes. *Law and modern states*, 2016, no. 6, pp. 10—19. (In Russ.)

7. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation no. 305-ES17-4004 (2) of December 27, 2018 in case no. A40-80460/2015. Access from the reference legal system "ConsultantPlus". URL: <http://www.consultant.ru>. (In Russ.)

8. Kuznetsov S. A. Judicial security in Russian civil law: monograph. Moscow: Wolters Kluwer Publ., 2008. 304 p. (In Russ.)

9. Malko A. V. Incentives and restrictions in law: theoretical and informational aspect. Dissertation... doctor of legal sciences. Saratov, 1995. 362 p. (In Russ.)

10. Isakov V. B. Legal facts in Soviet law: monograph. Moscow: Norma; Infra-M Publ., 2020. 144 p. (In Russ.)

11. Malko A. V. Restrictions in law: problems of theory, practice, politics. *Legal technology*, 2018, no. 12, pp. 238—248. (In Russ.)

12. Khuzhin A. M. Reform of civil legislation as a prerequisite for the development of the general theory of civil law. *Civil law*, 2016, no. 4, pp. 37—39. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 22.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 22.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 343
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-201-207>

Перспективы развития уголовной политики в области противодействия массовым беспорядкам: теория, техника, практика

Хабибуллин Линар Ринатович

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, Linar-7771@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы неработоспособности действующего уголовно-правового механизма противодействия массовым беспорядкам и приводятся юридико-технические причины его несовершенства. Продемонстрированы события на территории постсоветского пространства, свидетельствующие о необходимости выработки новых юридико-технических инструментов борьбы с массовыми беспорядками. В статье предложена авторская модель совершенствования уголовного законодательства и интерпретационной практики во взятой для рассмотрения области. Представлена авторская гипотеза о том, что массовые беспорядки представляют угрозу не только для общественной безопасности, а и конституционного строя, и безопасности государства.

Ключевые слова: массовые беспорядки, дифференциация ответственности, позитивное право, объект преступления, преступления против государственной власти, преступления против общественной безопасности, экстремизм

Для цитирования: Хабибуллин Л. Р. Перспективы развития уголовной политики в области противодействия массовым беспорядкам: теория, техника, практика // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 201—207. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-201-207>.

Original article

Prospects for the development of criminal policy in the field of combating riots: theory, technique, practice

Linar R. Khabibullin

Kazan Law Institute of the Ministry of internal affairs of Russia, Kazan, Russian Federation, Linar-7771@mail.ru

Abstract. The article examines the problems of inoperability of the current criminal law mechanism for counteracting mass riots and provides legal and technical reasons for its imperfection. Events on the territory of the post-Soviet space are demonstrated, indicating the need to develop new legal and technical tools for combating riots. The article proposes the author's model for improving the criminal legislation and interpretive practice in the area taken for consideration. The author's hypothesis is presented that riots pose a threat not only to public safety, but also to the constitutional order and state security.

Keywords: riots, differentiation of responsibility, positive law, object of crime, crimes against state power, crimes against public safety, extremism

For citation: Khabibullin L. R. Prospects for the development of criminal policy in the field of combating riots: theory, technique, practice. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 201—207. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-201-207>.

Начало 2022 года на постсоветском пространстве ознаменовалось чередой политических протестов на территории Казахстана, получивших широкую огласку в средствах массовой информации (далее — СМИ), а равно приведших к затяжным спорам в

© Хабибуллин Л. Р., 2022

международно-правовом поле. Подобное событие не должно оставаться и без внимания юридической научной мысли, обязывающей нас более объективно и рассудительно обратить внимание не столько на конкретно названные инциденты, сколько на явление самого протеста в целом. Зачастую в тех же СМИ и во множестве оппозиционно ориентированных интернет-ресурсах различными активистами, имеющими в силу своей публичности влияние на формирование общественного мнения [1], подразумеваемые происшествия освещались если не с положительной, то с нейтральной коннотацией, а где-то и вовсе напрямую высказывались слова поддержки, адресованные напрямую участникам протестных акций. И на сегодняшний день появляются новые призывы к воспроизводству такого аполитичного движения.

Аналогичные события происходили безотнositельно недавно на территории Республики Беларусь в 2021 году в связи с социальным недовольством, вызванным официально заявленными результатами президентских выборов. Кроме того, все мы помним про осуществленную толпой насильственную смену власти в Украине в 2013—2014 годах [2]; про антиправительственные волнения в Киргизии 2005 и 2010 годов [3, с. 151]; протестные акции в Молдавии в 2009 году, спровоцированные неприятием обществом результатов парламентских выборов; протесты в Тбилиси 2003 года, когда Верховный суд Грузии был вынужден аннулировать итоги выборов в парламент. И это лишь политически мотивированные массовые беспорядки, в этот весьма короткий, но заставляющий задуматься перечень не включены различные массовые беспорядки, организуемые, например, спортивными фанатами и иными социальными (или корректнее было бы употребить термин «ассоциальными») группами.

Не является чем-то инородным столь деструктивное явление и для российской действительности, следует хотя бы вспомнить массовые волнения 2020—2021 годов [4] или беспорядки, получившие известность как события на болотной площади [5].

Учитывая последствия, которые повлекли за собой перечисленные прецеденты (не только для политической жизни граждан, но и общественного порядка, собственности, жизни и здоровья граждан) крайнюю степень настороженности или даже опасения вызывают распространяющиеся в обществе воззрения на эти события как на законные и справедливые в естественно-правовом понимании, что

свидетельствует о слабой информированности граждан относительно тяжести последствий таких мероприятий. Так, ущерб от массовых беспорядков в Казахстане, согласно словам президента Токаева, составил от 2 до 3 млрд долларов. Это ущерб, причиненный в первую очередь самому обществу. Однако социальное правосознание преломляется под воздействием не вполне добросовестных, но публично доступных источников. На наш взгляд, очевидна неспособность граждан в большинстве своем разграничивать массовые мероприятия и массовые беспорядки, осознавать общественную опасность последних и, соответственно, юридически корректно воспринимать ответную реакцию государств на факт участия в них.

Массовые беспорядки как понятие является сугубо уголовно-правовой категорией, и противодействие таковому должно рассматриваться через призму уголовной политики, а грамотное профилактическое информирование общества в разрезе науки криминологии с учетом того, что криминологические характеристики лиц, в них участвующих, очень схожи с характеристиками экстремистов [6]. Вместе с тем обнаружив эту проблему вследствие критического рассмотрения все еще бесспорно актуальных событий в Казахстане, мы, учитывая общий для государств — участников СНГ генезис уголовно-правовой реальности, должны заключить, что имеющийся уголовно-правовой механизм противодействия массовым беспорядкам является недостаточно эффективным и даже устаревшим.

Хотя последнее видится несколько парадоксальным, поскольку исторически сложилось так, что в дореволюционный период массовые беспорядки в отечественном законодательстве рассматривались как преступления, посягающие в первую очередь на интересы государственной власти, что мы считаем достаточно обоснованным.

Уголовный закон выделял такой вид массовых беспорядков, который выражался в «публичном скопище, заведомо собравшемся с целью выразить неуважение верховной власти или порицание установленных законами образа правления или порядка наследия престола, или заявить сочувствие к бунту или измене, лицу, учинившему бунтовщическое или изменническое деяние, или учению, стремящемуся к насильственному разрушению существующего в государстве общественного строя...».

Позднее в Положении о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо

для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) деяния, подпадающие под признаки массовых беспорядков, обозначались как особо опасное преступление, «колеблющее основы государственного управления и хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик». С этого времени подход к формулированию запрета на массовые беспорядки практически не претерпевал никаких преобразований и почти в неизменном виде был перенят законодателем при разработке УК РФ 1996 года. Новый уголовный закон содержал в себе отдельную главу — «Преступления против общественной безопасности», в которой содержалась норма о массовых беспорядках. Но важно заметить, что здесь имеется существенное противоречие, которое заключается в том, что новая глава содержит старую конструкцию состава преступления, который столетиями в законодательстве относился к деяниям против государства.

В этой части обнаруживается фундаментальная проблема — определение объекта массовых беспорядков как многообъектного преступного деяния. Нам несколько претит расположение запрета на массовые беспорядки в разделе IX уголовного закона. Приведенные ранее по тексту настоящей статьи события являются не просто массовыми беспорядками, а политически мотивированными массовыми беспорядками. Такие протесты направлены либо на дестабилизацию государственной власти, либо имеют своей целью воздействие на принятие решений органами государственной власти. Учитывая правила определения характера общественной опасности, приведенные в преамбуле постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58, следовало бы предположить, что политическое целеполагание организаторов и участников массовых беспорядков определяет направленность такого преступного поведения на причинение вреда общественным отношениям, охраняемым разделом X УК РФ, а именно главой 29 (Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства).

В то же время исторический и зарубежный опыт подсказывают нам, что не все массовые беспорядки обусловлены политической жизнью государства. Сопровождаемые насилием массовые беспорядки могут быть продиктованы межнациональной, межрелигиозной и подобной им рознью, иной враждой по отношению к какой-либо социальной группе. Наверяд ли, например, имевшие место в отечественной истории

еврейские погромы [7] можно отнести к преступлениям, посягающим на государственную власть в традиционном смысле. Вместе с тем совершение массовых беспорядков на почве национальной нетерпимости позволяет расценить это как преступление, совершенное по экстремистским мотивам, которые, как правило, рассматриваются законодателем как раз через главу 29 УК РФ.

Учитывая природу субъективного вменения (ст. 5 УК РФ) и его значение при конструировании уголовного законодательства, логично было бы предположить, что состав преступления, предусмотренный статьей 212 УК РФ, должен быть в главе 29 УК РФ. Однако, как показывает следственно-судебная практика, к массовым беспорядкам относятся в том числе и групповые протесты заключенных, осуществляемые ими в местах лишения свободы, когда по количественным признакам это позволяет квалифицировать содеянное не по статье 321 УК РФ, а по статье 212 УК РФ [8, с. 48]. Однако, учитывая, что виной участников подобных действий охватывается в первую очередь посягательство на общественные отношения, охраняемые главой 32 УК РФ, необходимо отметить, что данный вид массовых беспорядков следовало бы рассматривать как преступления против порядка управления.

С одной стороны, законодатель прибегнул к упрощению — он включил норму об ответственности за участие и организацию массовых беспорядков именно в главу, посвященную охране общественной безопасности, поскольку статьей 212 УК РФ подразумевается полиобъектное преступление. В то же время мы склонны считать, что такое обобщение, во-первых, недопустимо для отечественного уголовного права, в основу которого положен неопозитивистский подход, во-вторых, не оставляет достаточных возможностей для дифференциации ответственности, оставляя вопрос о соблюдении принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) на откуп исключительно индивидуализации наказания судом. Являются ли тождественными по общественной опасности массовые беспорядки, направленные на подрыв государственной власти, и массовые беспорядки, выразившиеся в конфликте футбольных болельщиков? Вопрос о наличии проблемы с определением объекта массовых беспорядков видится умозрительным, но для того, чтобы развеять возможные сомнения и предупредить упрек в необоснованности наших суждений, нами было проведено социологическое исследование в этой области.

В частности предлагаем укрепить выдвинутое нами сомнение относительно состоятельности или осуществимости дифференциации ответственности за массовые беспорядки посредством обращения к мнению самого общества, безопасность которого ставится под угрозу при проведении массовых беспорядков. Так, нами был организован и проведен формализованный социологический опрос (очное анкетирование) на тему общественного мнения о массовых беспорядках как преступном деянии. В процессе ознакомления с результатами исследования мы получили ответы от 220 граждан. В ходе дальнейшей выборки мы исключили из массива анализируемых анкет ответы граждан, не обладающих хотя бы средним специальным образованием, не достигших возраста 16 лет, а равно ответы граждан, не указавших свой возраст или образование. По итогу мы получили совокупность из 147 анкет, составивших репрезентативное мнение успешно социализировавшихся в обществе респондентов. В этой группе на вопрос: «Понимаете ли вы различия между такими понятиями, как массовые беспорядки (преступное деяние) и массовые мероприятия (собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования и т. п.)» 65,3 % респондентов ответили утвердительно, и около 34,64 % граждан имеют сомнения (22,4 % понимают, но смутно, 12,24 % затруднились с ответом). Полученные результаты не гарантируют, что граждане действительно юридически корректно понимают разницу между двумя приведенными в анкете понятиями, однако демонстрируют, что большинству из них хотя бы на бытовом уровне очевиден факт наличия соответствующих различий.

Примечательно, когда первой группе (ответивших утвердительно) предложили оценить по десятибалльной шкале общественную опасность массовых беспорядков (рис. 1), средний показатель при его конвертации в процентное отношение составил 58 %, что является весьма ценной информацией, если рассматривать ее вкуче с результатами, полученными по следующему вопросу, где 32,37 % респондентов ответили, что, по их мнению, массовые беспорядки посягают в первую очередь на государственную власть, а не на общественную безопасность.

Вопрос 5.1. Если Вы ответили «да», то обратите внимание на представленную ниже

шкалу. Укажите на ней (обведите цифру или любым иным образом) оценку общественной опасности, где «0» это преступление небольшой тяжести, а «10» это особо тяжкое преступление.

Учитывая выборку, произведенную нами по уровню образования, считаем эти цифры весьма достоверными с позиции их соответствия реальному общественному мнению. Предвидя упрек в том, мы считаем этот показатель за достоверный, хотя ранее нами отмечалось сомнение в способности граждан юридически корректно разграничить массовые беспорядки и массовые мероприятия. Обращаем внимание, что, учитывая конструкцию диспозиции статьи 212 УК РФ, осуществить такое разграничение весьма затруднительно и для практикующих юристов, если правильно сформулировать вопрос. Если описательные диспозиции статей 105, 128¹, 131, 136, 158, 159—159⁶, 160, 161, 162, 163, 185³, 196, 197, 204¹, 205⁴, 213, 214, 275, 276, 282¹, 291¹, 292, 293, 304, 330, 338 УК РФ построены вполне логичным образом, включая в себя пояснение употребляемого понятия (например, «убийство, то есть...; разбой, то есть...») и нет необходимости с точки зрения юридической техники в дополнительном раскрытии смыслового содержания употребляемых терминов, то применение статьи 212 УК РФ требует определения юридического содержания понятия «массовые беспорядки» и отражение в материалах дела или конкретном процессуальном решении результата сопоставления признаков этого понятия с фактическими обстоятельствами оцениваемого события.

Однако в законе нет дефинитивного определения этого понятия, а указание на насилие, использование оружия и иные, помещенные в диспозицию, признаки выполняют скорее дополнительную или вспомогательную роль, являясь своего рода условием признания массовых беспорядков уголовно наказуемым деянием, т. е. дополнением к гипотезе, представленной в статье 8 УК РФ. В этом ключе обнаруживается крайне важный нюанс, которому в научной литературе не уделено должного внимания — *диспозиции уголовно-правовых норм по частям 1—4 статьи 212 УК РФ являются простыми, но никак не описательными*. И насколько бы абсурдным не казалось данное утверждение, оно подтверждается при более кропотливом

Рис. 1. Выдержка из анкеты: «Исследование общественного мнения о массовых беспорядках как криминальном явлении»

юридическом анализе указанной нормы по объективным и субъективным признакам состава преступления.

Соответственно, как мы можем вести речь о совершенствовании уголовно-правового механизма противодействия массовым беспорядкам, если до сих пор не можем прийти к единообразному пониманию этой категории в условиях отсутствия какого-либо ее дефинитивного определения в уголовном или специальном законодательстве? Конечно, этот нюанс может показаться несущественным ввиду того, что не оказывает реального влияния на правоприменение. Но придерживаться этой позиции недопустимо, поскольку она свидетельствует о поверхностном понимании самой сути уголовного закона и позитивного права в целом. Да, правоприменение по рассматриваемой уголовно-правовой норме действительно работает, но работает со словами «закон не совершенен, все и так все знают и понимают». То есть суды просто вынуждены закрывать глаза на юридико-технические даже не коллизии, а явные пробелы. Поправить эту ситуацию можно двумя путями:

1) правотворческое преобразование:

а) изменить формулировку диспозиции, сделав ее описательной;

б) закрепить дефиницию массовых беспорядков в примечании к статье;

2) правоинтерпретационное решение: посредством разработки акта судебного толкования.

После нормативно-правового определения понятия массовых беспорядков мы можем уже более предметно вести речь как об усилении ответственности за участие в них, так и разрабатывать начала для более специализированной дифференциации.

В частности обобщение судебной практики последних лет позволяет нам с уверенностью утверждать, что по направленности деяния массовые беспорядки можно классифицировать на следующие виды:

1) политические (характерные черты: цель — воздействие на принятие решений государственными органами или дестабилизация их деятельности). Массовые беспорядки, организуемые или хаотично проводимые в целях принуждения государственной власти к принятию определенных решений, а равно к воздержанию от принятия каких-либо решений, в некоторой степени образуют *de facto* политический экстремизм — явление, о котором авторский коллектив в числе А. В. Петрянина, И. А. Коннова

и М. В. Кузнецова писал: «особенностью политического экстремизма является **выбор** непосредственного объекта посягательства, в качестве которого выступает область политики. При этом обосновывается **применение насилия** как инструмента борьбы за власть» [9, с. 46];

2) общеэкстремистские (характерные черты: мотивы ненависти или вражды по отношению к какой-либо социальной группе по признаку пола, расы, национальности и т. п.) [10, с. 591—596];

3) пенитенциарные (характерные черты: субъект — лица, отбывающие наказания в исправительных учреждениях; место — учреждения уголовно-исполнительной системы, обеспечивающие отбывание наказания в виде лишения свободы).

Мы считаем необходимым разграничить ответственность за массовые беспорядки с учетом целей, мотивов и места их проведения. Так, ответственность за политические массовые беспорядки, а равно за «погромы» по мотивам национальной розни должна быть установлена в главе 29 УК РФ, за пенитенциарные беспорядки — в главе 32 УК РФ. Надо учитывать, что посягательство не общественный порядок зачастую не является самоцелью организации или участия в массовых беспорядках. Напротив, посредством посягательства на массовые беспорядки виновные пытаются достигнуть конкретного, например политического, результата. Мы не отрицаем, что угроза создается в том числе и общественной безопасности (не столь выражено как по ст. 205 УК РФ), но дифференцировать ответственность необходимо, исходя из субъективных признаков. Если подобное мнение вызывает у кого-то недоумение или подобное ему чувство, то предлагаем вспомнить, почему состав разбоя, одним из признаков которого является опасное для жизни насилие, расположен в главе 21 УК РФ (преступления против собственности), а не, скажем, в главе 16 УК РФ (преступления против жизни и здоровья). А ответ в том, что основной непосредственный объект должен определяться в первую очередь исходя из подразумеваемого нормой психического отношения виновного к совершенному или совершаемому правонарушению.

При разработке возможностей для дифференциации ответственности за массовые беспорядки не лишним будет и обращение к зарубежному опыту. В частности в уголовном законе Канады (п. 2 ст. 65) в законодательстве Великобритании, в Уголовном кодексе Франции (абзац второй ст. 431-4) в качестве квалифицирующих

признаков или обстоятельств, влекущих более строгое наказание, рассматривается использование участником массовых беспорядков масок или прочих маскирующих средств, препятствующих его идентификации. Так, если по законодательству Франции просто участие в массовых беспорядках влечет наказание в виде штрафа в сумме до 15 тыс. евро, то наличие обозначенного признака увеличивает верхний предел штрафа вплоть до 45 тыс. евро.

Таким образом, совершенствование уголовной политики в области противодействия массовым беспорядкам подразумевает:

1) правотворческую работу, в рамках которой необходимо:

а) дать дефинитивное определение массовым беспорядкам или привести статью 212 УК РФ в соответствие с юридико-техническими правилами составления описательных диспозиций;

б) дифференцировать ответственность за массовые беспорядки, закрепив в главу 29 УК РФ и главу 32 УК РФ нормы, которые будут специальными по отношению к статье 212 УК РФ;

в) адаптировать положительно расцениваемый зарубежный опыт под отечественное законодательство;

2) правоинтерпретационную работу: правоприменение остро нуждается в разъяснениях суда высшей инстанции, отсутствие которых может привести к различного порядка злоупотреблениям и политическим преследованиям. В частности проблемным видится вопрос о разграничении массовых беспорядков от преступлений, совершаемых группами лиц при проведении массовых мероприятий (митингов, шествий, пикетирований), а также от преступлений, совершаемых при массовых беспорядках.

Список источников

1. Ушкин С. Г. Вовлеченность пользователей социальных сетей в протестное движение // *Власть*. 2014. № 8. С. 138—142.

2. Панченко П. Н. Майдан: истоки и последствия криминальных проявлений // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2015. № 1 (29). С. 143—148.

3. Наумов А. О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: взгляд десять лет спустя // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2014. № 45. С. 148—178.

4. Давыдова М. А. Массовые политические протесты в Российской Федерации 2020—2021 годов: триггеры, технологии, инфраструктура информационного потока // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021. № 4. С. 162—168.

5. Ризккинен М. А. К вопросу о санкциях за неконструктивное протестное поведение: анализ судебной практики в рамках «Болотного дела» // *Актуальные проблемы российского права*. № 58. 2015. № 3. С. 38—45.

6. Петрянин А. В. Личность экстремиста: криминологический аспект // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2012. № 4 (20). С. 104—109.

7. Малахов В. А. Региональная локализация еврейских погромов 1881—1882 гг. в Российской империи // *Вестник БГУ*. 2012. № 2 (1). С. 55—69.

8. Быков А. И. К вопросу о разграничении составов преступлений, предусмотренных статьями 212 и 321 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Групповые неповиновения и массовые беспорядки в учреждениях УИС: сборник материалов круглого стола (30 ноября 2017 г., г. Москва)*. М.: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2018. С. 46—49.

9. Петрянин А. В., Коннов И. А., Кузнецов М. В. Понятие, признаки и виды экстремизма: учебное пособие. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2019. 128 с.

10. Петрянин А. В. Юридическая конструкция статьи 213 УК РФ «Хулиганство»: особенности и проблемы правоприменения // *Юридическая техника*. 2013. № 7-2. С. 591—596.

References

1. Ushkin S. G. Involvement of social network users in the protest movement. *Power*, 2014, no. 8, pp. 138—142. (In Russ.)

2. Panchenko P. N. Mайдan: the origins and consequences of criminal manifestations. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 1 (29), pp. 143—148. (In Russ.)

3. Naumov A. O. “Color revolutions” in the post-Soviet space: a look ten years later. *Public administration. Electronic Bulletin*, 2014, no. 45, pp. 148—178. (In Russ.)

4. Davydova M. A. Mass political protests in the Russian Federation in 2020—2021: triggers, technologies, information flow infrastructure. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 2021, no. 4, pp. 162—168. (In Russ.)

5. Riekkinen M. A. On the issue of sanctions for non-constructive protest behavior: an analysis of judicial practice in the framework of the “Bolotnaya case”. *Actual problems of the Russian Federation Resolution*. 2015, no. 3, pp. 38—45. (In Russ.)

6. Petryanin A. V. The personality of an extremist: a criminological aspect. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 4 (20), pp. 104—109. (In Russ.)

7. Malakhov V. A. Regional localization of Jewish pogroms in 1881—1882 in the Russian Empire. *Bulletin of BSU*, 2012, no. 2 (1), pp. 55—69.

8. Bykov A. I. On the issue of delineating the elements of crimes provided for by Articles 212 and 321 of the Criminal Code of the Russian Federation. Group disobedience and riots in penitentiary institutions: a collection of round table materials (November 30, 2017, Moscow). Moscow: FKU NIIIT FSIN of Russia Publ., 2018. Pp. 46—49. (In Russ.)

9. Petryanin A. V., Konnov I. A., Kuznetsov M. V. Concept, signs and types of extremism: study guide. N. Novgorod: NRU RANEPA Publ., 2019. 128 p. (In Russ.)

10. Petryanin A. V. Legal construction of article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation “Hooliganism”: features and problems of law enforcement. *Legal technique*, 2013, no. 7-2, pp. 591—596. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 340.111
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-208-212>

Понятие унификации предварительного расследования в свете многомерности идеи унификации

Шишев Виталий Сергеевич

Отделение по противодействию преступности в сферах санаторно-курортного, потребительского рынка, интеллектуальной собственности и оборота алкогольной продукции отдела экономической безопасности и противодействия коррупции УВД по г. Сочи, Сочи, Россия, polmihpet@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к пониманию унификации предварительного расследования. По мнению автора, понятие унификации может иметь разные трактовки. Исходное понимание унификации как приведения формы к единству вполне применимо для понимания унификации отдельных институтов, производств и всего судопроизводства в целом. Подобный взгляд помогает лучше понять диалектическую связь унификации и дифференциации, представить их взаимосвязанные явления.

Ключевые слова: унификация предварительного расследования, дифференциация предварительного расследования, досудебное производство

Для цитирования: Шишев В. С. Понятие унификации предварительного расследования в свете многомерности идеи унификации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 208—212. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-208-212>.

Original article

The concept of unification of the preliminary investigation in the light of multidimensionality unification ideas

Vitaly S. Shishev

Department for combating crime in the areas of sanatorium, consumer market, intellectual property and alcohol turnover of the Department of Economic Security and Anti-Corruption of the Department of Internal Affairs of Sochi, Sochi, Russian Federation, polmihpet@rambler.ru

Abstract. The article discusses approaches to understanding the unification of the preliminary investigation. According to the author, the concept of unification can have different interpretations. The initial understanding of unification, as bringing the form to unity, is quite applicable to understanding the unification of individual institutions, proceedings and the entire judicial process as a whole. Such a view helps to better understand the dialectical connection of unification and differentiation, to imagine their interrelated phenomena.

Keywords: unification of the preliminary investigation, differentiation of the preliminary investigation, pre-trial proceedings

For citation: Shishev V. S. The concept of unification of the preliminary investigation in the light of multidimensionality unification ideas. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 208—212. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-208-212>.

В современных условиях, требующих научно обоснованного подхода к организации досудебного производства, возникает необходимость в тщательном теоретическом прояснении понятий, имеющих важнейшее практическое

значение. На первом месте в этом списке находятся понятия унификации и дифференциации предварительного расследования. В свою очередь, постичь указанные понятия невозможно без прояснения сущности общих идей

© Шишев В. С., 2022

унификации и дифференциации уголовного судопроизводства, рассматриваемых в их диалектическом единстве.

В теории уголовного процесса анализируемые идеи позиционируются как конкурирующие и даже взаимоисключающие. Полагаем, что подобный взгляд на отношения указанных идей является неточным и, более того, принципиально неверным. Научное подчеркивание противоположности идей унификации и дифференциации носит по большей части идеологический характер. В технологическом же смысле конкуренция идей вовсе не предполагает, что какая-то из них может быть полностью исключена из сферы конструирования уголовного судопроизводства. Подобная категоричная постановка вопроса случается лишь в запале научных дискуссий, да и то в значительно смягченной форме.

Нередко за глобальные дискуссии о методологической сути дифференциации и унификации выдаются локальные теоретические споры о частных процедурных моментах указанных идей. В качестве примера можно привести легендарное противостояние М. С. Строговича и П. Ф. Пашкевича, имевшее место на страницах журнала «Социалистическая законность» в конце семидесятых годов прошлого века. По сути, это был научный спор об уместности упрощения уголовно-процессуальной формы и исключения из нее важнейших процессуальных гарантий. Однако в историю уголовного процесса эта дискуссия была вписана как принципиальная полемика вокруг конкуренции методов унификации и дифференциации судопроизводства.

Указанная дискуссия положила начало современной тенденции подозрительного отношения к унификации и одобрительного подхода к дифференциации предварительного расследования. Заметным формальным итогом победы идеологов дифференциации стал институт протокольной формы досудебной подготовки материалов. Данный институт впоследствии попытались реанимировать через первоначальную форму дознания, предложенную новым УПК РФ. Все чаще протокольную форму вспоминают и сегодня.

Противоречивое отношение к этим методологическим принципам организации уголовного процесса является признаком того, что отсутствует их глубокое теоретическое понимание. На первый невооруженный взгляд унификация и дифференциация действительно ведут себя как конкурирующие противоположности. Но эта противоположность, образно говоря, из разряда той же природы, что и противоположность

вдоха и выдоха — одно непременно предполагает другое. По нашему мнению, унификацию и дифференциацию можно обозначить не только как разные принципы организации судопроизводства, но и как постоянно сменяющиеся и предполагающие друг друга циклы конструирования уголовно-процессуальной формы. Иными словами, эти идеи можно представить как противоположности, но только как противоположности, находящиеся в диалектическом единстве; противоположности, которые себя взаимно обуславливают и не могут существовать друг без друга.

На диалектическую сторону взаимоотношений указал профессор М. П. Поляков. По его заключению, дифференциация и унификация взаимодействуют подобно дуальным элементам знаменитой китайской монады — «инь» и «ян» [1]. Автор попытался раскрыть диалектику взаимодействия указанных явлений в русле принципа единства и борьбы противоположностей. Правда, развернутой диалектической характеристики взаимоотношений указанных идей в статье не содержится, поскольку главной установкой статьи является критика дифференциации. А критический настрой, как известно, обнажает не все стороны истины. И тем не менее здесь важен не столько результат, сколько сам подход. У статьи М. П. Полякова есть важное достоинство: здесь предложена схема, которая может быть использована для объективного понимания сущности унификации.

Мы акцентировали внимание на понятии унификации, поскольку в современной юридической науке ему уделяется гораздо меньше научного внимания, нежели понятию дифференциации. К примеру, в весьма глубокой монографии сибирских авторов, посвященной дифференциации уголовного процесса, об унификации было сказано вскользь и лишь в контексте критического заявления, что ее сторонники «напрочь отвергали возможность дифференциации уголовного судопроизводства» [2, с. 5].

Бесспорно, что изучение понятия дифференциации создает необходимый смысловой фон и для понимания унификации. Не напрасно эти идеи обычно исследуют комплексно [3; 4]. Вместе с тем понятие унификации предварительного расследования не может быть осознано со всей глубиной без уяснения различных оттенков самой идеи унификации, которых в теории сегодня обозначено немало. Однако констатация этих нюансов еще не привела к их систематизации и интегрированию в учение об унификации предварительного расследования.

На некоторые принципиальные аспекты унификации обращается внимание в указанной статье М. П. Полякова. «Нам представляется, — пишет он, — что общей животворящей идеей уголовно-процессуальной формы изначально служит именно унификация. Унификация уголовно-процессуальной формы — общее правило, дарованное «древними богами правосудия». Дифференциация же лишь исключение из правил. Но в наше время унификация и дифференциация поменялись местами. И на «процессуальном троне» находится именно дифференциация. Под прикрытием красивых теоретических обоснований того, что дифференциация есть благо, она плодит и множит уголовно-процессуальные формы и институты. И создается иллюзия того, что сама история уголовного судопроизводства есть эмпирическое доказательство того, что дифференциация есть единственная движущая сила развития уголовного процесса не только на его досудебном этапе, но и в целом» [1, с. 302].

Приведенная цитата интересна содержащимися в ней концептуальными положениями. Первое положение — уголовный процесс в основе своей есть выражение именно идеи унификации. Как видим, нам предлагается принять за аксиому, что уголовный процесс задумывался «неведомым интеллектом» как производство, призванное быть унифицированным по форме. Думаем, что в этом взгляде есть определенный смысл, не лишенный практической пользы. Но смысл этот можно разглядеть только с большой методологической высоты и огромной исторической широты. Если посмотреть с этих позиций на усилия человечества, то можно увидеть, что почти любой культуре присуще уголовное судопроизводство как форма реагирования на преступление. Процедурные вариации, приверженность к состязательности или розыску и иные типологические особенности здесь не имеют принципиального значения. Главное — это потребность в единой форме реагирования на преступление, которая именуется судопроизводством. Подобная глобально-формальная унификация неизбежна и объективно предопределена, поскольку сама идея преступления (как некий элемент осознания и упорядочения общественной жизни) неизбежно влечет за собой появление особой формы воздаяния за преступное действие. Причем воздаяние это при всех возможных нюансах конкретного случая должно быть унифицированным по сути своей. То есть уголовный процесс (а изначально просто судебный процесс) возникает в

пространстве, предполагающем единую форму правосудия. Подобно тому, как идея преступления неизбежно влечет за собой принцип наказания, применение наказания неизбежно предполагает появление судебной формы. И сама констатация того, что такая процедурная форма должна быть, вполне может рассматриваться как мысленный акт провозглашения унификации как принципа организации процесса. Без процесса, облаченного в единую форму, власть не может реализовать свое право на наказание. Уголовно-процессуальная форма здесь и является специфической формой выражения власти. И здесь мы можем согласиться с М. П. Поляковым в том, что изначально программирует уголовно-процессуальную форму именно идея унификации.

Но в подобном широком первоначальном представлении идея унификации может существовать лишь в отвлеченном концептуальном состоянии. Таким образом, ее можно понимать только как изначальный замысел. Как только единая уголовно-процессуальная форма начинает воплощаться в реальную жизнь и применяться к конкретным делам, включается потребность в ее дифференциации. Эту мысль можно развить и сформулировать взаимоотношение унификации и дифференциации парадоксальным образом, подчеркнув, что при определенном взгляде дифференциацию допустимо представить формой реализации общей идеи унификации. Возможно, слова «форма реализации» слишком остро обозначают проблему, но именно так и обстоят дела в сфере реального строительства уголовного судопроизводства — унификация всегда является предпосылкой дифференциации и одновременно (это тоже явный парадокс) выступает ее условным итогом.

Исторический экскурс позволяет нам увидеть следующее. Изначально уголовный процесс может рассматриваться как результат дифференциации общей судебной процедуры на процесс уголовный и гражданский. Этой дифференциации предшествовала градация правонарушений на уголовные преступления и гражданские деликты. Но даже в рамках далекой ретроспективы нетрудно заметить, что единый уголовный процесс, получившийся в итоге этой отраслевой дифференциации, тот час же начинает делиться по «вертикали» и «горизонтали», то есть включает метод дифференциации.

Первое, что можно констатировать — уголовный процесс структурно делится на стадии с присущими им особыми формами решения стадийных задач. Подобная этапная организация

есть ни что иное как следствие включения метода дифференциации, который отталкивается от предшествующей ему унификации. Далее мы наблюдаем, как эта дифференцированная система стадий начинает унифицировано работать в отношении почти всех уголовных дел. И это дает основание для того, чтобы представить уголовный процесс уже как процесс унифицированный, представляющий собой единообразную систему стадий. Но, глядя на каждую стадию индивидуально, мы легко обнаруживаем, что внутри этих стадий начинает творить свое дело дифференциация. В каких-то стадиях это не особо заметно, в каких-то заметно очень хорошо. Дифференциация форм предварительного расследования как раз представляет яркий пример этой очевидности.

Но деление форм расследования на предварительное следствие и дознание как проявление метода дифференциации является необходимым прологом к унификации производства в рамках этих форм. Иными словами, к этим дифференцированным формам начинает применяться метод унификации. Таким образом, можно говорить о том, что понятие унификации предварительного расследования может в различных контекстах наполняться как весьма широким, так и очень узким смыслом.

Представляется, что в этих «плавающих» пределах и следует толковать обыденное значение унификации, очень часто принимаемое за основу научной интерпретации этого термина. О смысловом наполнении этого значения мы можем судить по разъяснению, предложенному «Википедией» — унификация (от лат. *unus* «один» + *facio* «делаю»; объединение) — используется в значении: приведение к единообразной системе или форме [5].

Однако современная наука очень редко применяет такой «плавающий» подход. По сложившейся традиции значение «приведение к единообразной системе или форме» применяется к унификации максимально широко, отчего случаются отдельные недопонимания между исследователями. Так, С. И. Гирько в одной из своих статей указывает на то, что рецензент незаслуженно упрекнул его в том, что он необоснованно применяет формулу «унификация ускоренного дознания», поскольку «термин унификация применяется в случае приведения отдельных процессуальных производств к единообразной системе или форме, то есть с точностью до наоборот» [6, с. 119].

Иными словами, оппонент С. И. Гирько (в статье он называется лишь «рецензент») приводит

распространенную позицию, согласно которой об унификации предварительного расследования можно говорить исключительно в широком масштабе. Мы с этим не согласны. Нам ближе позиция С. И. Гирько, настаивающего на том, что такой узкий подход к трактовке унификации не приемлем, и что соответствующее понятие имеет и другие значения, раздвигающие рамки его интерпретации. Соглашаясь с этим, мы хотим сказать, что исходное понимание унификации как приведения формы к единству вполне применимо для понимания унификации отдельных институтов, производств и всего судопроизводства в целом.

Подобный взгляд помогает лучше понять диалектическую связь унификации и дифференциации, представить их как переливающиеся и взаимно перетекающие явления. Исходя из этого, мы не можем полностью согласиться с М. П. Поляковым в том, что унификация является общим правилом конструирования уголовного судопроизводства, а дифференциация является исключением из него. Нам ближе все-таки позиция авторов, которые видят в унификации и дифференциации два полноценных метода организации уголовного судопроизводства [7, с. 70].

Формула взаимодействия этих равноправных и равноценных методов укладывается в классический закон материалистической диалектики — единства и борьбы противоположностей. Этот закон с вытекающими из него особенностями понимания общей идеи унификации следует положить в основание обновляемой теории унификации предварительного расследования.

Список источников

1. Поляков М. П. Дифференциация и унификация как «инь» и «ян» современной проблематики предварительного расследования // Актуальные проблемы предварительного расследования: сборник научных статей по итогам Всероссийской конференции (18 октября 2018 г.). Н. Новгород, 2019. С. 298—304.
2. Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М. С. Свиридова. Томск: Изд-во ТГУ, 2001.
3. Великий Д. П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
4. Цыганенко С. С. «Общий и дифференцированный порядок уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.
5. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Унификация#cite_note-bse-1 (дата обращения: 10.01.2022).

6. Гирько С. И. Унификация и дифференциация процессуальной формы применительно к ускоренному дознанию // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 1. № 1 (1). С. 118—127.

7. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017.

References

1. Polyakov M. P. Differentiation and unification as “yin” and “yang” of modern problems of preliminary investigation. Actual problems of preliminary investigation. Collection of scientific articles on the results of the All-Russian Conference (October 18, 2018). N. Novgorod, 2019. Pp. 298—304. (In Russ.)

2. Yakimovich Yu. K., Lensky A. V., Trubnikova T. V. Differentiation of the criminal process / ed. by

M. S. Sviridov. Tomsk: Publishing House of TSU, 2001. (In Russ.)

3. Velikiy D. P. Unity and differentiation of the criminal procedural form: history, modernity, prospects. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2001. (In Russ.)

4. Tsyganenko S. S. General and differentiated procedures of criminal proceedings. Dissertation... doctor of legal sciences. St. Petersburg, 2004. (In Russ.)

5. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Unificationof#cite_note-bse-1 (accessed 10.01.2022). (In Russ.)

6. Girko S. I. Unification and differentiation of the procedural form in relation to the accelerated inquiry. *Modern criminal procedure law — lessons of history and problems of further reform*, 2019, vol. 1, no. 1 (1), pp. 118—127. (In Russ.)

7. Course of criminal procedure / ed. by prof. L. V. Golovko. 2nd edition, revised. Moscow: Statute Publ., 2017. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья
УДК 342.951
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-213-217>

Подготовка кадров системы Министерства внутренних дел Российской Федерации: задачи и перспективы развития

Элизбарян Артур Сосович^{1, 2}

¹Юридический институт Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, Artur99999_93@mail.ru

²Управление Росгвардии по Алтайскому краю, Барнаул, Россия

Аннотация. Статья посвящена оценке кадровой системы Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД РФ). Даны общие теоретические характеристики кадровой системы МВД РФ, сформирована система задач этой системы на современном этапе развития. Благодаря теоретическому и нормативно-правовому анализу кадровой системы МВД РФ выявлены место и роль кадровой политики в органах внутренних дел в системе единой государственной кадровой политики.

Установлена прямая зависимость между эффективностью функционирования органов внутренних дел и четкостью, конкретностью, качеством подготовки кадровой системы. Подготовка системы кадров МВД РФ представляет организованный и целенаправленный процесс овладения и постоянного совершенствования профессиональных навыков, знаний и умений, которые необходимы для успешного выполнения задач, возложенных на органы внутренних дел Российской Федерации.

В ходе оценки внутреннего содержания кадровой системы МВД РФ выделены принципиальные ее аспекты, а также сформированы направления работы с кадрами органов внутренних дел. В соотношении теории вопроса с нормативно-правовым регулированием и задачами подготовки кадров системы МВД РФ, обозначены перспективные направления развития в данной области.

Ключевые слова: МВД РФ, кадровая система, кадры, подготовка, органы внутренних дел, служба, прохождение, отбор, кадровый резерв, эффективность

Для цитирования: Элизбарян А. С. Подготовка кадров системы Министерства внутренних дел Российской Федерации: задачи и перспективы развития // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 213—217. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-213-217>.

Original article

Training of Personnel for the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: problems and development prospects

Artur S. Elizbaryan^{1, 2}

¹Law Institute of Altai State University, Barnaul, Russian Federation, Artur99999_93@mail.ru

²Rosgvard department of Altai region, Barnaul, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the evaluation of personnel system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. General theoretical characteristics of the personnel system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation are given, the system of tasks of this system at the present stage of development is formed. Thanks to the theoretical and normative-legal analysis of the personnel system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation the place and the role of personnel policy in the system of unified state personnel policy has been revealed.

A direct correlation between the efficiency of functioning of internal affairs bodies and the clarity, specificity, and quality of training of the personnel system has been established. Training of the personnel system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation is an organized and purposeful process

© Элизбарян А. С., 2022

of mastering and constantly improving professional skills, knowledge and skills that are necessary for the successful performance of tasks assigned to the internal affairs bodies of the Russian Federation.

During the assessment of the internal content of the personnel system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation its principal aspects are highlighted, as well as formed directions of work with cadres of internal affairs bodies. In correlation of the theory of the question with the normative-legal regulation and the tasks of personnel training in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation prospective directions of development in this area have been determined.

Keywords: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, personnel system, personnel, training, internal affairs bodies, service, passing, selection, personnel reserve, efficiency

For citation: Elizbaryan A. S. Training of Personnel for the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: problems and development prospects. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 213—217. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-213-217>.

Функционирование государственного аппарата в соответствии с высокими стандартами не может быть обеспечено при отсутствии качественных организационно-правовых основ прохождения службы, в том числе и в органах внутренних дел. Одним из основных направлений службы в органах внутренних дел является формирование кадрового состава органов внутренних дел.

Органам внутренних дел традиционно отводится ключевая роль в правоохранительной системе. Реализация правоохранительной функции в правовом и демократичном государстве необходима, потому что это позволяет решать комплекс задач по защите прав и свобод. Поэтому к сотрудникам органов внутренних дел должны предъявляться специфические требования, и кадровая работа в такой сфере требует исключительно качественного нормативно-правового регулирования, а также особого подхода.

Существует прямая зависимость между эффективностью функционирования органов внутренних дел и четкостью, конкретностью, качеством организационно-правовых основ кадровой работы. Уровень правотворческой и правоприменительной техники правовых норм, посвященных организации кадровой работы в органах внутренних дел, также оказывает влияние на эффективность деятельности органов, когда они выполняют возложенные на них функции и задачи. Практика последних лет показывает, что, несмотря на кардинальные преобразования законодательных и нормативных основ организации основ кадровой работы, ожидаемого результата достигнуть пока что не удается. Более того, продолжает существовать ряд системных проблем. Сказанное указывает на актуальность данной темы.

Вопрос кадровой работы независимо от того, о какой именно сфере деятельности идет речь, в России на протяжении продолжительного

периода времени представляется одновременно как достаточно актуальный и дискуссионный. Реформирование органов внутренних дел в последнее десятилетие показывает, что кадровая работа в этой сфере также требовала кардинального изменения на уровне политики и этот процесс по-прежнему далек от завершения.

По утверждению А. В. Вольшевой, кадровая политика должна признаваться достаточно важным и приоритетным направлением деятельности не только отдельно взятого предприятия, учреждения или организации, но всего государства по воплощению мероприятий, направленных на формирование кадрового состава, а также совершенствования трудового потенциала [6, с. 72]. Следует согласиться с этой позицией, поддерживаемой рядом других авторов и в дополнение отметить, что эффективность службы в органах внутренних дел сводилась бы к минимуму при некачественной кадровой работе. В таких же условиях было бы достаточно проблематично привлекать на службу компетентных сотрудников и осуществлять их подготовку в рамках реализуемой кадровой работы.

Основу нормативно-правового регулирования подготовки кадров для МВД РФ на уровне специального федерального закона становится Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. Хотя речь идет о самостоятельной главе в рамках названного Закона, с терминологической точки зрения кадровая работа раскрыта крайне слабо. При этом судить о понятии подготовки кадров для системы МВД РФ, как и о задачах, целях такой подготовки, направлениях ее практической реализации все же возможно, но судить косвенным образом, оценивая представленные нормы.

Немаловажную роль в понимании подготовки кадров, помимо понятия, целей и задач, направлений реализации, играет в первую очередь кадровая политика МВД РФ. Более того, как представляется, именно от кадровой политики должно идти построение нормативно-правовых основ такой работы.

Хотя концептуальный документ о кадровой политике в системе МВД РФ пока что так и не принят, на основе той работы, которая велась в данной сфере в последние годы, могут быть сделаны выводы о том, что собой представляет кадровая политика МВД РФ. При анализе положений проекта Концепции кадровой политики МВД РФ в органах внутренних дел раскрыто понимание ее в этой системе как комплекса идей, принципов и норм, предназначенных для регулирования деятельности руководителей органов, организаций и подразделений МВД РФ по формированию кадрового состава, управлению сотрудниками, федеральными государственными гражданскими служащими, работниками органов внутренних дел [4]. Хотя рассматриваемый документ не приобрел статус официального, подобная трактовка видится вполне соответствующей модели понимания любой разновидности государственной политики. А кадровая политика МВД РФ является именно элементом государственной кадровой политики.

На неотъемлемость и значимость кадровой политики в системе МВД РФ указывают концептуальные основы такой политики. Первично вся совокупность человеческих ресурсов в МВД РФ признана как генеральный фактор повышения эффективности деятельности правоохранительных органов. В данном виде сформировано главное направление развития кадровой политики, но и ряд вспомогательных направлений, без которых достижение единого результата невозможно, также положен в основу кадровой политики: систематическое обновление кадрового потенциала, формирование нового профессионально-нравственного облика сотрудника и т. д. Но основы кадровой политики, предлагаемые в таком виде, как представляется, должны усматриваться скорее как индикаторы качества кадровой политики, а основы кадровой работы должны строиться от той цели, которую она преследует.

Цель кадровой работы в системе МВД РФ коррелирует с задачами такой работы и ее направлениями. В унифицированном виде ни один из этих вопросов не раскрывается федеральным законодательством в качестве обособленного.

Функционирование МВД РФ невозможно без кадров. Эффективность функционирования системы МВД РФ не может быть обеспечена без развития этих кадров. Поэтому вполне логично предположить, что целью подготовки кадров в системе МВД РФ должна быть признана деятельность комплексного характера, предусматривающая следующие задачи: формирование состава кадров, их укрепление, усовершенствование, воспроизводство, поддержка, сохранение, что проявляется в рациональном и эффективном использовании кадрового потенциала для удовлетворения интересов оперативно-служебной деятельности. В таком виде и концентрируется целевое назначение кадровой работы.

Хотя направления подготовки кадров в системе МВД РФ являются достаточно многочисленными в силу сложности такой деятельности, вероятно, в общем виде о таких направлениях можно судить на основе оценки положений федерального законодательства. В частности в статье 76 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» отмечен вопрос о подготовке кадров для органов внутренних дел и в части 1 формируется система путей соответствующей подготовки. Таким образом, направлениями подготовки кадров в системе МВД РФ могут быть признаны:

- обучение по основным образовательным программам;
- обучение по дополнительным профессиональным программам;
- профессиональная служебная и физическая подготовка.

Причем если говорить именно о направлениях подготовки, такой перечень может быть признан как закрытый. Но количество видов деятельности в пределах каждого из направлений достаточно многочисленно.

В условиях кадровой работы постоянно должен идти процесс по комплектованию и прохождению службы личным составом. Вследствие деятельности организационно-штатного характера гарантируется создание условий для комплексного кадрового планирования, формирования структурных подразделений, наиболее оптимального распределения штатной численности. Профессиональная подготовка осуществляется не только по служебному и физическому направлению, сама специфика деятельности органов внутренних дел предъявляет

достаточно очевидные и оправданные требования к подготовке морально-психологического характера и др.

Задачи в области подготовки кадров в системе МВД РФ также отличаются комплексностью. Если говорить о той задаче, которая в пределах рассматриваемой системы может быть признана главенствующей, то наиболее удачным образом, как представляется, она сформулирована в приказе МВД России от 5 мая 2018 года № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» [3]. Так, приоритетной задачей в области кадровой работы следует признать обеспечение качества кадрового потенциала путем комплектования органов специалистами, которые соответствуют правовым условиям прохождения службы, общественным ожиданиям, проявляющими способность, а также готовность противодействовать преступности, защищая права и свободы граждан.

Подготовка кадров включает в себя следующие немаловажные задачи:

- проведение обновления кадрового состава органов;
- принятие мер по стабилизации кадрового профессионального кадрового состава органов;
- комплектование, обучение, эффективное использование многоуровневого кадрового резерва в системе МВД РФ и др.

С учетом очевидной значимости подготовки кадров в системе МВД РФ, как представляется, терминология в этой части должна получить отражение на уровне федерального законодательства. В частности предлагается в статью 1 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» включить пункт 6 и изложить его в такой редакции: «кадровая работа — деятельность руководителей органов внутренних дел, подразделений по работе с личным составом, направленная на формирование состава кадров, их сохранение, воспроизводство, развитие, укрепление, рациональное и эффективное использование кадрового потенциала для удовлетворения интересов оперативно-служебной деятельности».

Еще одним актуальным направлением для совершенствования в рассматриваемой сфере, как представляется, должна быть система принципов, причем не кадровой работы, а в первую очередь службы в органах внутренних дел, так как от этой системы должна строиться

подготовка кадров в максимальном слаженном и качественном виде.

Принципы являются важнейшей категорией, определяющей направления правового регулирования во многих сферах. Поэтому вполне объективно, что в законодательстве выделены и принципы службы в органах внутренних дел. Помимо прочего, одним из принципов назван обязательный профессиональный отбор, прямо связанный с кадровой работой. В то же время этот принцип связан еще и с равенством [5, с. 160]. Сравнив содержание названного выше принципа с иными конституционными принципами, которые должны быть основой для всех действующих законов, обнаруживаются некоторые противоречия. В таком смысле противодействия обнаруживаются в соотношении с принципом равенства.

Гарантированный Конституцией Российской Федерации принцип равенства относится в том числе и к вопросам прохождения государственной службы в органах внутренних дел [1]. Равные возможности на службе могут быть созданы, вытекая из принципа равенства. Если равные условия нормативным образом не фиксируются, вероятность коррупционных проявлений будет существенно повышаться, так как фактически для этого будет создаваться не отслеживаемая возможность. Подготовка кадров в том числе должна быть полностью лишена подобных угроз. Таким образом, в части 2 статьи 4 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» следует внести такие редакционные изменения:

- ...профессионализм и компетентность сотрудников органов внутренних дел;
- взаимодействие с общественными объединениями и гражданами;
- защищенность сотрудников органов внутренних дел от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность...».

Анализ особенностей подготовки кадров в системе МВД РФ позволяет отметить следующие значимые моменты о ее месте и роли.

Среди центральных направлений подготовки кадров в системе МВД РФ установлены такие структурные элементы: обучение по основным образовательным программам; обучение по дополнительным профессиональным программам; профессиональная, служебная и физическая подготовка.

Основная задача подготовки кадров в системе МВД РФ — обеспечение качества кадрового потенциала путем комплектования органов специалистами, которые соответствуют правовым условиям прохождения службы, общественным ожиданиям и проявляющим способность, а также готовность противодействовать преступности, защищая права и свободы граждан. Все иные задачи кадровой работы должны строиться на этом. Подготовка кадров, если выводить систему задач, может быть представлена в таком виде: проведение обновления кадрового состава органов; принятие мер по стабилизации кадрового профессионального кадрового состава органов; проведение мероприятий, направленных на комплектование личного состава, его обучение, а также эффективное использование многоуровневого кадрового резерва в системе МВД РФ и др.

Оценив все названные направления подготовки кадров и преследуемые в этой сфере задачи, под кадровой работой в системе МВД РФ предложено понимать организованную и целенаправленную деятельность руководящего состава органов внутренних дел, подразделений по работе с личным составом, устремленную на приемлемое формирование, усиленное развитие и обоснованное использование кадрового состава в условиях обеспечения усвоения и непрерывного повышения качества профессиональных знаний, умений и навыков, потребных сотрудникам органов внутренних дел с целью выполнения возложенных на них задач.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) URL: <http://publication.pravo.gov.ru/0001202007040001> (дата обращения: 25.10.2021).

2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49, ст. 7020.

3. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах

внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 (ред. от 25 января 2021 г.) URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877330> (дата обращения: 13.01.2022)

4. Концепция кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации в органах внутренних дел. URL: https://17.mvd.rf/slujba/Gosudarstvennaja_grazhdanskaja_sluzhba/Koncepcija_kadrovoj_politiki_Ministerstv (дата обращения: 01.06.2021).

5. Железкин Н. В. Содержание и концептуальные основы кадрового менеджмента в органах внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. С. 158—164.

6. Ольшевская А. В. О сущности и назначении работы с кадрами органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 70—73.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote of December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote of July 1, 2020). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/0001202007040001> (accessed 25.10.2021). (In Russ.)

2. On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Individual Legislative Acts of the Russian Federation: federal law no. 342-FZ of November 30, 2011 (as amended of December 8, 2020). *Collection of legislative acts of the RF*, 2011, no. 49, art. 7020. (In Russ.)

3. On Approval of the Procedure for Organizing Training for Filling Positions in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 275 of May 5, 2018 (as amended of January 25, 2021) URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877330> (accessed 13.01.2022) (In Russ.)

4. The concept of personnel policy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the internal affairs bodies. URL: https://17.mvd.rf/slujba/Gosudarstvennaja_grazhdanskaja_sluzhba/Koncepcija_kadrovoj_politiki_Ministerstv (accessed 01.06.2021). (In Russ.)

5. Zhelezkin N. V. Content and conceptual foundations of personnel management in the bodies of internal affairs. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, pp. 158—164. (In Russ.)

6. Olshevskaya A. V. On the essence and purpose of work with cadres of internal affairs bodies. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 5, pp. 70—73. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.01.2022; одобрена после рецензирования 14.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 15.01.2022; approved after reviewing 14.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Всемирный день философии

18 ноября 2021 года кафедра философии Нижегородской академии МВД России при поддержке нижегородского отделения Российского философского общества организовала и провела межвузовский круглый стол, посвященный Всемирному дню философии.

В работе круглого стола приняли участие ученые из Нижнего Новгорода, Москвы, Волгограда, Иркутска, Екатеринбурга, Орла, Омска, представители духовенства, а также учащиеся Нижегородской академии МВД России.

Научные мероприятия, посвященные Всемирному дню философии являются традиционными для Нижегородской академии. В этом году общей для обсуждения стала тема «Право в системе коллективной социально-исторической памяти: к 800-летию Нижнего Новгорода».

World philosophy day

On November 18, 2021, the Department of philosophy of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia with the support of the Nizhny Novgorod branch of the Russian philosophical society organized and held an interuniversity round table dedicated to the World philosophy day.

The round table was attended by scientists from Nizhny Novgorod, Moscow, Volgograd, Irkutsk, Yekaterinburg, Orel, Omsk, representatives of the clergy, students of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Scientific events dedicated to the World Philosophy Day are traditional for the Nizhny Novgorod Academy. This year, the general topic for discussion was “Law in the system of collective socio-historical memory: to the 800th anniversary of Nizhny Novgorod”.

Дахин Андрей Васильевич,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Россия как правовое государство: проблема конституционной идентичности и роль коллективной памяти

Современная Россия на протяжении тридцати лет движется по пути формирования себя в качестве суверенного государства. В современном мире — это достаточно важное обстоятельство, поскольку современная Европа, в сравнительный контекст с которой часто попадает наше государство, находится в совершенно противоположном транзите — в процессе растворения государственных суверенитетов традиционных национальных государств в системе Европейского союза, а также в системе НАТО. Это обстоятельство усиливает значимость наших самостоятельных ресурсов регулирования отечественного социального порядка и снижает значимость практик заимствования готовых «образцов для подражания» со стороны. Одним из таких предметов, требующих самостоятельного и внимательного для себя осмысления является конституционное положение о том, что Россия — это «правовое государство» (п. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации). «Принцип верховенства (господства) права как меры (нормы) свободы в его логическом развертывании» предопределяет то, в какой мере могут быть реализованы конституционные положения о России как социальном и демократическом государстве¹. В частности, В. Зорькин показывает, что российское правовое государство недостаточно сильно и последовательно срабатывает в плане обеспечения приоритетов социального государства.² Проблемный статус понятия «правовое государство» усиливает критический анализ сферы российского права. Так, профессор Р. З. Рувинский отмечает такие явления, как фетишизация института права, избыточность и чрезвычайность национального

¹ Зорькин В. Социальное государство в России: проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1 (62). С. 46—50.

² Там же. С. 49.

законодательства, тенденция очищения права от связи с моралью и доминирование «права-техники», своеобразная мода на технологическую нормативность, которая стремится действовать в обход воли социального субъекта, не обращается к его субъективной сознательности человека¹. Ситуацию вытеснения человека из системы правового регулирования социального порядка усиливает цифровизация². В результате правовая норма становится «означающим без означения»³.

Дефиниция «пустое означающее» (Э. Лаклау) хорошо знакома философии: сформированная в стримах постмодернистской философии. Оно предлагает радикальную деонтологизацию человеческого знания. Популяризации этого концепта способствует глобализация знания, в поле которой генерируется устойчивый плюрализм подходов, в котором растворяется смысловой суверенитет любого научного понятия. Глобальная кипящая среда научных публикаций, стремящихся к вершинам рыночной популярности, кишит десятками и десятками различных определений, приходящихся на каждое отдельно взятое понятие, и массой своего большинства они «голосуют» за лишение любого понятия его собственного, субстантивного, сущностного смысла. Поэтому привычное для середины двадцатого века представление об «общепринятости» научных и конституционных понятий теперь растворено в агрессивной среде плюрализма, а общепринятые значения терминов оборачиваются «пустыми означающими». Такие понятия, как «народ», «порядок», «демократия» становятся «полностью открытыми для множества реартикуляций»⁴ в современной публичной политике, и поэтому представляют собой «пустые означающие», то есть наименования, которые «характеризуются не столько насыщенностью значения, сколько отсутствием содержания»⁵. В особенности это касается обобщающих, универсальных понятий, которые характеризуются как «пустые универсальности»⁶. К этой категории относится и понятие «правовое государство», для которого в данной ситуации требуется своеобразное переоткрытие, перепоясание того, что мы называем им в Российской Федерации. Проблема «пустой универсальности» позволяет показать, что вопросы совершенствования российского правового государства содержат философский бэкграунд, «цокольный этаж», без уточнения смысловых составляющих которого конституционное понятие «правовое государство» не сможет стать суверенно-устойчивым в России. Основное направление работы, которая обеспечит защиту отечественных конституционных понятий от постмодернистского опустошения, состоит в том, чтобы сделать их «укорененными» в российском социуме, то есть создать и поддерживать такой статус в системе государственного управления и в среде отечественного гражданского общества, в которых конституционное понятие становится элементом общероссийской гражданской идентичности, устойчиво держаться в качестве элемента имени «гражданин России».

Значение вопросов «укорененности» конституционной нормы в отечественном социуме становится ясным, как на ладони, если перевести внимание в регистр столетия российского конституционализма. Боле 100 лет назад в России начался отсчет современной конституционной истории (в 1905 г. был подписан «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка»), который стал частью одного из величайших уроков для России — Октябрьской революции 1917 года. В этом поле в центр внимания попадает понятие «псевдоконституционализма», которое использовал М. Вебер, характеризуя реформы власти в России в 1905—1907 годах.⁷ Современные исследования отмечают, что проблемы конституционализма как «нормативной политической теории» имеют значение для современных «молодых, зрелых и “перезрелых” демократий»⁸. М. Вебер

¹ Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы / СПб.: Алетей, 2020. С. 197—338.

² Ястребов О. А. Искусственный интеллект в правовом пространстве: дискуссия ... и перспективы развития. // Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой / М.: Проспект. 2021. С. 278—309.

³ Рувинский Р. З. Цит.соч. С. 335.

⁴ Лаклау Э. О популизме // Вестник Московского государственного университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 3. С. 63.

⁵ Слободяник Н. Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) // Политическая лингвистика. Вып. 2 (22). Екатеринбург, 2007. С. 65.

⁶ Torfing Y. Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges // Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance. NY: Palgrave Macmillan publ., 2005. Pp.1—32.

⁷ Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Полис. 2006. № 2. С. 77—79.

⁸ Кустарев А. С. Макс Вебер о модернизации русского самодержавия // Полис. 2006. № 2. С. 60—76.

интересен тем, что, наблюдая политическую практику российских реформ начала XX века, как социолог, он высвечивал также состояние ее связей с российской бюрократией и с большим российским социумом. В его контенте связка понятий «конституционализм — псевдоконституционализм» отражает дилемму связи конституции и социума страны. Вынесение в заглавие текста М. Вебера понятия «псевдоконституционализм» отражает основную идею немецкого социолога: «Официально даруются свободы, а затем, когда ими хотят воспользоваться, оказывается, что эти свободы — иллюзия»¹. Другими словами, октроированная конституционная норма, не укорененная в структурах большого социума и бюрократии, дает обществу не социальное согласие, а становится основой социального конфликта и ведет к революции. Псевдоконституционализм наносит ущерб авторитету исполнительной власти («... авторитету же короны наносится ущерб»), разрушает социальное партнерство исполнительной и законодательной власти («Теперь уже парламент имеет возможность внушать массам, что попытка править вместе с короной “не удастся”»²), а также повышает недоверие граждан («... Они не видят в применении силы ничего “благого” — лишь жесткую реальность произвола власти, находящейся в руках их заклятых врагов»³).

Признаком того, что современная власть проявляет чувствительность к проблеме октроированности конституционных норм, является референдум по поправкам к Конституции Российской Федерации, принятым в 2020 году Президент Российской Федерации В. В. Путин был инициатором этого референдума, хотя статус поправок вполне допускал их принятие на уровне треугольника «Государственная Дума — Совет Федерации — Президент Российской Федерации». Миссия конституционного референдума 2020 года состояла в том, чтобы не допустить сдвига конституционных норм в сторону «октроированных норм» и обеспечить их сближение с комплексом гражданской идентичности в России. Таким образом, след дилеммы между дарованным (октроированным) и выстраданным / воспринятым (социально укорененным) законодательством тянется из эпохи первых конституционных реформ России начала XX века до наших дней⁴. Она и составляет одну из ключевых дилемм общепризнанного в России смысла нашего конституционного понятия «правовое государство». В регистре нормативной политической теории дилемма сводится к тому, каково платформенное понимание механизма конвертации нормы закона в действующий социальный порядок, в практику массового поведения граждан России? Если рассуждать предельно схематично, то в октроированной версии — это будет механизм, согласно которому законодатель издает (в т. ч. публикует) закон, а в качестве основного способа его имплементации в массовую практику рассматриваются институты государственного принуждения и насилия (доминирует принцип «незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение»). Предполагается, что государство-законодатель устанавливает нормы социального порядка «сверху» и основные усилия затрачивает на принуждение граждан к его исполнению. При этом допускается (считается нормальным) отчуждение в отношениях «государство — гражданское общество». В альтернативной версии — это будет механизм, согласно которому законодатель издает нормативный акт, который предварительно согласован в поле публичной политики, отражает консенсус отношений «государство — гражданское общество» и / или имплементируется через систему приучения граждан к новому социальному порядку посредством программ повышения правовой грамотности граждан, системы образования и пр. Здесь, таким образом, предполагается, что государство-законодатель, устанавливая нормы социального порядка, основные усилия тратит на согласование их с обществом и / или на образовательно-воспитательное приучение к ним. При этом не допускается (считается ненормальным) отчуждение в отношениях «государство — гражданское общество».

В противоположность октроированной платформенной философии (октроированная модель) альтернативную платформу можно маркировать понятием «согласованная». Тогда согласованное законодательство (согласовательная модель), в том числе Конституция, отличается от октроированного тем, что и отечественная государственная бюрократия, и отечественное гражданское общество в одинаковой степени воспринимают правовые нормы как «свои»; отчуждение в полях отношений

¹ Вебер М. Цит. соч. С. 77.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 82.

⁴ Советский государственный строй: реалии, проекты, идеи, споры (1917—1940) / отв. ред. Ю. Л. Шульженко. М., 2010. С. 18; Шульженко Ю. Л. Конституционализм периода развитого социализма в СССР // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2020. № 2 (54). С. 8; Межуев Б. Столетие псевдоконституционализма // АПН. 15.09.2005. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=1561>

«государственная бюрократия — государственные законы», «гражданское общество — государственные законы», «государство — гражданское общество» обнуляется. Данная дилемма созвучна таким известным концептуальным альтернативам, как «позитивное право — традиционное право», «право — мораль», «социальный конструктивизм — социальный детерминизм» и др.

Представленное описание дилеммы «правового государства» очень схематично, реальные практики законотворчества и правоприменения устроены сложнее. Тем не менее можно вести речь о том, к какой платформенной схеме тяготеет действующая в России система правового государства? Так, проблемы фетишизации института права¹, избыточности² и чрезвычайности национального законодательства³ при избирательности, «релятивизме» правоприменения⁴, иллюзия всемогущества позитивного права⁵, блокировка обычая как иного источника права⁶ и другие позволяют заключить, что отечественная платформа понимания «правового государства» заметно сдвинута в сторону модели октроированного права. Особенность современной ситуации в том, что российское государство не берется за принудительное воздействие по всем случаям нарушения закона, действует выборочно, по «образцово-показательным» случаям, избыточно усиливая силу принуждения в выбранных точках реагирования, «чтобы другим не повадно было».

Другой стороной той же медали является то, что государство допускает необязательность исполнения своих собственных законов, по умолчанию «идя навстречу» массовому неприятию установленного законом социального порядка: ситуация пускается «на самотек» везде, где отсутствует прямой контроль «первых лиц». Так было с законом «о запрете курения» (курения в общественных местах), с попытками регламентировать торговлю алкоголем и пр. Однако, если точка социального пространства (город или предприятие) берется под личный контроль «первого лица», система принуждения к исполнению норм законов приводится в «боевое положение» и правоохранители действуют «образцово-показательно». Такова недавняя ситуация со взрывом на шахте «Лисвяжная» (Кемеровская область, 2021), тот же почерк прослеживается в борьбе с коррупцией, в борьбе с «лихачами» на дорогах и пр. Особенности правового поля, которые высвечивают названные проблемы, дают серьезные поводы рассматривать их в качестве признаков того, что М. Вебер называл псевдоконституционализмом, — признаками того, что отечественная платформа конституционного понятия «правовое государство» сдвинута в сторону октроированной модели.

Этот сдвиг, однако, не является устойчивой позицией, она периодически подвергается импульсам смещения в сторону согласовательной модели. Эпизод с разработкой нормативного порядка вакцинации от Covid-19 в 2021 году позволяет увидеть секторальный возврат российского законодателя в точку альтернативного выбора: Президент В. В. Путин утверждает принцип добровольности этого порядка в противоположность позиции государственной бюрократии и фарм-бизнеса, который продвигает принцип обязательной вакцинации. Случай федерального закона об антиковидных QR-кодах второй половины 2021 года также позволяет видеть, как первая попытка «даровать» антиковидный закон «сверху», в том числе закон об антиковидных мерах на транспорте, смягчается пониманием того, что необходима его гармонизация с массовым пониманием и восприятием механизмов ограничения социальных контактов в период эпидемии. В совокупности со случаем референдума о поправках к Конституции Российской Федерации 2020 года эти и целый ряд иных эпизодов законотворчества и правоприменения позволяют говорить о том, что в российской политической элите нет устойчивого платформенного выбора между моделями октроированного права и согласованного права, но есть случайные колебания между двумя платформами. От этого российское конституционное понятие «правовое государство» остается неопределенным, находится в состоянии «пустой универсальности».

Без исправления этого положения дел невозможно решать задачу формирования «конституционной идентичности» граждан России⁷, невозможно преодолеть отчуждение в отношениях граждан

¹ Рувинский Р. З. Цит. соч. С. 197—198, 205, 215.

² Там же. С. 211.

³ Там же. С. 210.

⁴ Там же. С. 211, 228.

⁵ Там же. С. 224.

⁶ Там же. С. 226.

⁷ Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. Федеральный выпуск № 7689(226). 09.10.2018. URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html> (дата обращения: 01.11.2021)

к отечественному законодательству и, в конечном счете, невозможно преодолеть элементы отчуждения граждан России от российского государства. Для переноса центра тяжести отечественного законодательства в сторону согласовательной модели, требуется большая подготовительная работа структур отечественного государственно-гражданского партнерства разных уровней, разной секторально-социальной принадлежности. Решение этой задачи неизбежно потребует освоения разнообразных механизмов совещательной демократии, социальная миссия которых сводится к генерации консенсуса, взаимного доверия в системе отношений «российское государство — российское гражданское общество» на разных уровнях единой системы публичной власти России. Одним из конкретных результатов должно стать конституционное определение понятия «правовое государство» — дефиниция, которая оформит отказ России от «октроированной» конституционной модели и выбор в пользу модели «согласовательной», а также станет неотъемлемой частью глоссария основных терминов Конституции, который, к сожалению, в современной Конституции Российской Федерации пока отсутствует.

Перевод дефиниции «правовое государство» из состояния «пустого означающего» в состояние общепринятого в России понятия требует, с одной стороны, широкого распространения механизмов совещательной демократии, которые институционально обеспечивают практики государственно-гражданского партнерства на этапе выработки правовой дефиниции (институт правотворческой инициативы, институт общественных слушаний и др.). С другой стороны, на этапе имплементации, публичной легитимации правовой дефиниции, утвержденной законодателем, необходима широкая публичная образовательно-просветительская практика (общество «Знание», институты повышения гражданской грамотности и пр.), которая обеспечит массовое знание и понимание смыслов правовой дефиниции в России. Конечной целью деятельности всей совокупности совещательных и просветительских институциональных систем и практик является решение задачи интеграции правовой дефиниции в структуру общероссийской гражданской идентичности гражданина России. Другая сторона этого процесса состоит в том, что вся совокупность совещательных и просветительских процедур обеспечивает интеграцию правовой дефиниции в структуру коллективной социальной памяти российского гражданского общества. Как предмет коллективного памятования и элемент общероссийской гражданской идентичности, правовая дефиниция становится «своей» для граждан России: «своим» становится конституционное понятие «правовое государство», «своими» становятся конституционные и иные законы. Словосочетание «наш закон», если его используют граждане России для характеристики своего отношения к правовой норме, отражает достижение конечной цели публичной имплементации правовой нормы, ее духа и ее буквы. Достижение такого глубокого публичного восприятия правовой нормы позволяет интегрировать гражданина в число заинтересованных сторонников конституционной или иной правовой нормы. Более того, гражданин, если конституционная норма становится достоянием коллективной памяти отечественного гражданского общества и элементом общероссийской гражданской идентичности, входит в правовое пространство в новом качестве — рядового гаранта Конституции Российской Федерации и российского законодательства. Речь идет о том, что в случае последовательной реализации модели согласованного права граждане страны из состояния «социального планктона», который надо постоянно принуждать к исполнению законов, переходят в состояние рядового гаранта законодательства, когда каждый гражданин самостоятельно старается следовать духу и букве закона прежде всего потому, что в этом он видит способ самореализации своей российской гражданской идентичности.

Подводя итог, можно заключить, что связь правовой системы России со структурами отечественной коллективной социально-исторической памяти непосредственно зависит от того, какая платформенная модель «правового государства» принята для суверенной России. Если конституционная норма «Россия — это правовое государство» будет опираться на октроированную модель, то связь правовой системы с коллективной памятью будет слабой, граждане будут отчуждены от системы права, а основным способом поддержания социального порядка будет силовое принуждение. При этом надо понимать, что наше гражданское общество является предметом конкурентной борьбы, в которой участвуют центры внешнеполитического влияния в союзе с «иностранными агентами». Дилемма в следующем: либо государство вкладывается в укрепление своей партнерской связи с отечественным гражданским обществом, либо в закрепление привязанности нашего гражданского общества к себе вложатся внешнеполитические центры политического влияния, как правило, враждебно настроенные по отношению к России. Если конституционная

норма «Россия — правовое государство» будет опираться на согласовательную модель, то связь отечественной правовой системы с коллективной памятью отечественного гражданского общества будет сильной, граждане станут рядовыми гарантами российской системы права, а основным способом поддержания социального порядка будет государственная совещательно-просветительская практика.

Еще один вывод, который необходимо отметить, состоит в том, что переход на платформу согласовательной модели функционирования правовой системы потребует принятия нового стандарта для раздела, касающегося вопроса о затратах на разработку и имплементацию каждого нового закона. Современные практики обнуляют эти затраты, что характерно для октроированной модели правового государства. Для движения в сторону согласовательной модели российского правового государства необходимо планировать затраты как на публичные согласовательные процедуры, так и на публичные просветительские процедуры (все процедуры также должны быть определенным образом регламентированы законами о системе публичной власти в России). Новые затраты — это и есть цена, которую надо заплатить за интеграцию конституционной нормы, иной нормы права в структуру коллективной памяти российского гражданского общества. Такие затраты представляют собой лишь частный пример инвестиций в социально-гуманитарный бэкграунд отечественной системы конституционализма и одновременно в профилактику, обнуление рисков псевдоконституционализма и рисков влияния «иностранных агентов», в том числе террористического толка, в перспективе XXII века.

Фатенков Алексей Николаевич,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского национального исследовательского государственного университета имени Н. И. Лобачевского; профессор кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета

Право на прошлое: вечное возвращение и лабиринты памяти

В данной статье автор преследует — очертить смысловые границы понятия «право на прошлое» и концептуально соотнести его с понятиями вечного возвращения, памяти и истории.

К прошлому апеллируют чаще всего из-за явного или неявного недовольства настоящим и отсутствия перспектив в будущем. Подобное умонастроение сегодня нередкость, что, без сомнения, закономерно. Существование человека как существа биосоциального и экзистенциального поставлено под угрозу инновационным безумием одних и пассивным принятием этого безумия другими. Отсюда ментальный, по крайней мере, разворот к прошлому. По своему характеру он может быть очень разным: и с искренним стремлением отдать должное прошлому и свои долги, насколько таковое возможно; и с корыстным намерением поживиться его авторитетом. В любом случае неизбежно встает вопрос о праве человека на прошлое.

Вопрос не простой. С очевидностью ясно, что человек имеет право на настоящее, теперешнее — и получает это право сполна, получает и реализует его самим своим существованием в данный момент. Весьма вероятно, хотя уже и не вполне, право человека на ближайшее будущее, в которое неуловимо перетекает настоящее. С отдаленным будущим все заметно пессимистичнее. Ну а с прошлым ситуация запутана до предела. Что вообще означает право на прошлое? Это владение им? Но скорее прошлое само владеет нами. Нынешние наши соображения и поступки во многом детерминированы прежними действиями и давними интуициями, при том что никому и никогда не удавалось сделать бывшее небывшим, несуществовавшим. Может, право на прошлое это распоряжение им, установление в нем своих смысловых порядков? Однако толку от такого своеобразничания немного, как ни усердствуют тут по обыкновению «заказчики-политики» и их дипломированная «обслуга». На потребу переписывать историю можно десятки раз, но человек живет не историей, всегда искореженной идеологией, а памятью (в том числе генетической памятью), до которой официозу дотянуться куда труднее. Может, прошлое надо хранить? Однако каждое мысленное его воспроизведение так или иначе меняет все же смысловую конфигурацию произошедших

некогда событий. Остается, похоже, одно: с прошлым надо жить, как живешь с человеком, отношения с которым не прояснены до конца. И хорошо, кстати, что исчерпывающе не прояснены. Иначе и тот человек, и прошлое перестанут тебя волновать, сделаются безразличными.

Линейная модель времени и событийного ряда, характерная для авраамической религиозной традиции и ее секулярного извода, скрадывает онтологические основания и ценность всего случившегося ранее. Возвращение к нему в мире необратимых процессов возможно только в мыслях, причем в мыслях, падких на спекуляции, податливых к банальной конъюнктуре и никак не дотягивающих до статуса своевременных или несвоевременных. Плоскостная циклическая модель с тривиальным повтором всего и вся, предоставляя, казалось бы, прошлому не сугубо интеллигентные, но куда более прочные подпорки (тиражируется ведь и каждое физическое состояние), на деле, перемешивая временные регистры, напрочь лишает их, в том числе и прошлое, а также зависимость от времени событийности какой бы то ни было ценности. Онтологически и аксиологически фундаментальное обращение к прошлому — как, впрочем, и к настоящему с будущим — требует в качестве концептуального вспоможения неординарной объемной, сферической модели. И она выработана человечеством.

Один из базовых смыслообразов мировой культуры, доверимся здесь интуиции и вкусу Х. Л. Борхеса, закреплена в формуле: *сущее есть сфера, центр которой везде, а окружность нигде*¹. Эта модель пульсара с блуждающим центром и подвижными границами, пришедшая к нам из древности, оказалась эвристически ценной в современном естествознании, прежде всего в астрофизике. Да и хорошо знакомый гуманитариям герменевтический круг — смысловая взаимозависимость текста и его фрагментов и контекстов — это, собственно, и не круг, а опять-таки шар: концептуально энергичная сфера, препятствующая проведению редукционистских процедур, или во всяком случае затрудняющая их. Плоскостной срез шара, то есть окружность, графически символизирует скорее не *понимающий*, а *объясняющий* тип дискурса, который подразумевает подгонку фактов (точек внутри окружности) под определенную неизменную регулярность (граничную линию). Сама же по себе немаленькая сфера, чуть только придать ей объемную динамику, позволяет схватить и выразить уникальность каждой смысловой композиции, ничуть не уступая той же линии в плане демонстрации событийной неповторимости.

Особое место в философии сферы принадлежит Ф. Ницше, который концептуально подбегает к вершинам *вечного возвращения*. Впрочем, эта идея немецкого интуитивиста остается неоднозначно толкуемой в его текстах и порождает немало вопросов. Равносильно все-таки возвращение повторению или же нет? Возвращается-повторяется все подряд либо лишь некоторое, эксклюзивное? Каждая из возможных интерпретаций по-своему привлекательна и берется на вооружение, как правило, конкурирующими стратегиями — сам Ницше предпочитает то ту, то другую, не исключая, видимо, возможность их парадоксального симбиоза. Возвращение всего без разбору — полный повтор, цикл как таковой — делает фрагменты сущего равноценными, выводя их и нас вместе с ними за рамки оцениваемых действий и оценочных суждений к строго объективной реальности. Для корректного описания мира объектов, надо подчеркнуть, оказывается достаточной плоскостная система координат с предметно нанесенной на расчерченное поле окружностью или ее разрозненными фрагментами. Возвращение отдельного, избирательного, культивируя иерархию, предрасполагает к появлению и укреплению позиций субъекта и к формированию ценностной грани сущего. Тут для адекватного описания никак уже не обойтись без объемной оптики.

В ситуации с объектом — скажем, стрелками у часов — возвращение равно повторению. В ситуации с субъектом — скажем, караульным на часах — возвращение повторению не равно: с каждой новой сменой меняются и обстоятельства. Объект возвращается кому-то или к чему-то. Субъект способен возвращаться еще и к самому себе. Это его атрибутивное качество². Мир (сущее) как субъект *вечно*, в буквальном смысле, возвращается к самому себе. Применительно к человеку *вечность* возвращения, естественно, метафорична, что, однако, никак не умаляет значимость концептуально емкой идеи. Мы возвращаемся к себе из инобытийной повседневности от случая к случаю — и притом мгновенно, а мгновение и есть временной слепок с вечности. Важно и другое. Вечность, даже безусловная, ограждает нас от тотального диктата времени, от жесткой

¹ См.: Борхес Х. Л. Сфера Паскаля / пер. с исп. Е. Лысенко. Проза разных лет: сборник. М.: Радуга, 1090. С. 200–202.

² Подробнее см.: Фатенков А. Н. Субъект: парадигма возвращения // Человек. 2011. № 5. С. 5–20.

зависимости «ранее — позднее»: возвращение мыслями и чувствами к давнему и недавнему вариативно и по затрачиваемым усилиям, и по содержательно-ценностному итогу.

Человеческая память сродни вечному возвращению в самой заманчивой его версии, без редукции возвращения к повтору. То, что «памятью» называют в компьютере, это аппарат повторения и хранилище информации, могущей в идеальном варианте неограниченно накапливаться и воспроизводиться. Человеческая память не автоматизированный склад и хранит не только информацию, но прежде всего совестливые смыслообразы. Она беспокойна, требовательна... и вместе с тем щадяща. Невыносимо помнить все: остроту невосполнимых потерь, скудость мелочных обид и льстивых похвал. Забыванием, фрагментарным конечно, память приходит нам на выручку. В проявлениях своих она не показушна: обитая в лабиринтах сознания, не просится на экран монитора и тусовочный подиум. Демонстративной ее пытается сделать история.

В отличие от памяти история говорлива, плакатно разрисована. Безмолвные пыльные архивы и стерильные спецхраны не должны вводить в заблуждение. Там покоятся исторические останки, ждущие своего помпезного перезахоронения. История с необходимостью нуждается в освидетельствовании, то есть в историографии. Памяти же не требуется дополнительное удостоверение (дневниковая запись настроена уже на исторический дискурс). История, притязая на внешнее признание, всегда готова пожертвовать и сокровенностью, и правдой. Память не отрекается от сокровенного и уживается, хоть и не без ссор, с правдой, они многое прощают друг другу. Не в пример памяти история беспощадна. Лишь немногих в своем сценарии она наделяет собственно субъектной ролью личности, остальным уготовлен статус объективированной массовки.

Историзм как мировоззренческий феномен и профессионально-цеховой инструментарий окончательно складывается в Новое время, в эпоху «смерти Бога» и линейно-прогрессистского ража, когда поклонение объективной закономерности оказалось вперемешку со «все дозволено». Отсюда и вытекающие несообразности. Историю пишут и переписывают победители-временщики. Сравнительное чтение их опусов вызывает горькую усмешку. Возьмем нашу страну. Три ныне живущих поколения учились по концептуально разным учебникам и оперируют некомплементарными историческими смыслами, что явно не добавляет согласия ни в семью, ни в большое общество. Сплачивает людей, по-настоящему сближает не история, а память, хотя она от человека к человеку содержательно уникальна, неповторима. Общая история не гарантирует единой судьбы — не обобщаемая память единой судьбе не препятствует.

История, не уразумевающая шаткость своих онтологических оснований, бесцеремонно предъявляет права на прошлое. Будучи ориентированной на общезначимость, она озабочена не столько прояснением своевременно непроявленных и непроясненных смыслов, сколько подгонкой интерпретируемых фактов под доминирующую на сегодняшний день интеллектуальную парадигму и господствующую идеологию. Память, обладая прочным субъектного толка основанием, не бравирует, тем не менее, правом на прошлое и не бежит от обязанностей перед ним. Память прошлому соперничает.

Треушников Илья Анатольевич,

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Рефлексия правосознания сквозь призму религиозной философии

Формирование правосознания в качестве формы общественного сознания представляется достаточно сложной и заслуживающей отдельного исследования проблемой, обратим внимание на отдельные проблемные аспекты в рамках обозначенной темы.

В настоящий период времени вопросы социальной исторической памяти становятся все более актуальными. С ними связаны процессы национальной идентификации, приобретающие сейчас все большее значение. Интенсификация социальных коммуникаций с применением современных цифровых технологий может создавать впечатление о том, что формируется своего рода единая и однородная социальная общность. Но это впечатление иллюзорно. Для того, чтобы в глобальном масштабе сформировалось идентификационное единство, требуется трансляция значимой частью социума одинаковых в общем и целом смысловых значений. При этом очевидно то, что культурно-цивилизационные различия будут сохраняться в современном мире, несмотря

на глобализацию и информатизацию. Процессы дифференциации распространенных в социальной среде смысловых значений могут даже усиливаться под влиянием современных технологий. Не следует забывать того, что социальная память формируется не только и не столько спонтанно, сколько под воздействием целенаправленных усилий со стороны субъектов, которые профессионально интерпретируют исторические факты, феномены культуры и т. п. Таким образом, вопрос об особенностях социальной памяти народов России, о тех смысловых константах, которые в нее включены, выступает одним из самых значимых, особенно в условиях серьезнейшего информационного давления, оказываемого на страну и ее общественное сознание.

Ранее отмечалось, что на современном этапе развития в качестве одной из первостепенных потребностей общества и актуальных задач научных исследований выступает поиск и формирование нравственно-правовых ориентиров, которые бы позволили добиться активного развития народов России¹. При этом особо значима идея сохранения национальной самобытности и цивилизационной самодостаточности той социокультурной общности, которая сложилась в рамках «России — Евразии». Это определяет актуальность обращения к самостоятельной духовной традиции, сформировавшейся в контексте развития российской государственности².

Полагаем, при анализе особенностей правосознания, будет уместно обратить внимание на русскую философскую традицию. Не умаляя авторитет и значение отечественной юридической мысли, все же отметим, что создатели философских систем рассматривают правосознание в качестве элемента духовной культуры народа, зачастую не выделяя в качестве узкого предмета исследования, что придает еще большую системность осмыслению данного феномена. При этом сама философская мысль выступает не только комплексом методологических установок, на основе которых мы можем подойти к анализу феномена правосознания и его национальных особенностей. Философские системы в нашем случае могут сами стать предметом специального исследования, и мы можем обнаружить в них и проанализировать представления мыслителей о сущности, природе, роли и значении права в общественном сознании. Представители философской мысли сами выступают носителями генерализирующих смыслов, распространенных в национальной духовной культуре. При этом они так же выполняют функцию трансляции правовых смыслов и значений, способствуют формированию вполне определенных представлений об особенностях национального правосознания. Русская (в собственном смысле этого слова) философская мысль выступает в качестве религиозной философии. Она опирается прежде всего на православную вероучительную традицию. Расцвет русской религиозной философии пришелся, как известно, на рубеж XIX—XX столетий, но воззрения мыслителей этой эпохи сохраняют свою актуальность до настоящего времени и продолжают оказывать влияние на современное общественное сознание.

Обращая внимание на их воззрения, можно заметить, что они, признавали законодательное регулирование, полагая позитивное право в основу свободного развития индивида в обществе, роль правовых гарантий в жизни современного им общества, имеет большое значение. Именно энергичным поддержанием правового порядка государство и общественный организм могут гарантировать свободу личности. Анализ сущности права не выступал непосредственным предметом их исследований, но в тех случаях, когда развертывание философских систем позволяло им обратить внимание на данный вопрос, представители русской религиозной философии, конечно, занимали сторону идеалистических направлений, чаще всего тяготеющих к естественно-правовой линии.

При этом, ориентируясь на укрепление, а на рубеже XIX—XX веков уже и на возрождение национально-духовных ценностей, исходя из логико-теоретических оснований их учений (идея всеединства, софийности, православная догматика и др.), мыслители подвергли критике духовные основы светской культуры Нового времени (западного образца). Выход из духовного кризиса периода революций, Первой мировой и гражданской войны они искали на пути религиозно-нравственного совершенствования личности и общества. Правовым конструкциям на этом пути не отводилось центрального места. Более того, в работах представителей русской религиозной мысли мы встречаем явно уничижительные оценки роли и значения права в общественном сознании народа.

¹ Треушников И. А. Правовые аспекты проблемы «Запад-Восток» в философии всеединства // Философия права. 2009. № 2 (33). С. 17.

² Треушников И. А. Философское обоснование российской государственности // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 2 (2). С. 42.

В частности С. Н. Булгаков «вкладывает» в уста одного из героев своих «современных диалогов» следующую мысль: «“Правовой строй” да “правовое государство” — на эту удочку наш народ не подцепишь. Ему нужна личная, конкретная государственность, связанная с его душой. Вот когда освободится эта душа от революционного дурмана, тогда она изнутри актом творчества всенародного возродит и утраченную власть, тогда восстановится сама собой и Россия»¹. И. А. Ильин в своей работе «О сущности правосознания» дает глубокую, но, на наш взгляд весьма типичную, характеристику отечественного правосознания. Он обращает внимание на то, как «образованные», так и «необразованные» круги народа в одинаковой степени «не верят в объективную ценность права и не уважают его предписаний». Определенная часть российского общества, по мысли И. А. Ильина, рассматривает право как «неприятное стеснение» или в качестве инструмента, который можно использовать как «удобное средство защиты и нападения». Мыслитель, говоря о правосознании русского народа, с горечью констатирует: «Правосознание... укрывает в себе глубочайшие недуги и дефекты, внутреннее вырождение и духовное бессилие»². Приведенные примеры показывают каким образом большинство мыслителей, указанного выше направления, рассматривали особенности отношения к праву в России.

Данное представление не только фиксируется в их трудах, но и транслируется в рамках осмысления отечественной духовной традиции.

Справедливости ради необходимо отметить, что сами представители религиозно-философской мысли не игнорировали задачи формирования «правильного» правосознания. Они придавали существенное значение проблеме обоснования права, поиску его онтологических оснований и закреплению в общественном сознании. И. А. Ильин называет искомое правосознание «нормальным». Он формирует представление о нем как о задании для отечественного общественного сознания, полагая, что основной его характеристикой является «воля к цели права». Цель права, — отмечает мыслитель, — в конечном счете, обосновывает само право. В его интерпретации (мы рассматриваем ее в качестве примера рассмотрения права сквозь призму религиозной философии) высшей целью выступает реализация установок, которые продиктованы религиозными идеалами. В общем и целом правовой порядок лишается самостоятельного значения, но в этом нет ничего опасного для духовной сферы и регулирования социальных отношений, так как опора на абсолютный авторитет придает позитивной нормативности дополнительную устойчивость.

Современные авторы близкие к церковной среде отмечают (вполне в духе русских религиозных мыслителей начала XX столетия), что современный человек (особенно представитель образованного слоя) оторвался от «реалий церковной жизни». Как следствие, широкое распространение получили нигилистические настроения, отрицание традиционной национальной духовности. Сформировать здоровое правосознание на этой основе, по мнению авторов, невозможно. В качестве необходимой основы для оздоровления правосознания народа предполагается «религиозное чувство в его воцерковленной форме». И делается «вывод в духе полисиллогизма»: «Религиозное чувство — фактор, формирующий мировоззрение. Мировоззрение — детерминанта правосубъектности. Правосубъектность — стержень правовой культуры. Правовая культура — основа гражданского общества. Гражданское общество — главное условие правового государства»³. В общем и целом с этим можно согласиться. Религиозность позволяет утверждать абсолютный авторитет в качестве источника правовых смыслов и значений, что, несомненно, укрепляет саму иерархию позитивных норм. А в последнем конкретном случае идеал правового государства и, по всей видимости, конкретно-историческое его воплощение.

Положительная роль религиозности в деле укрепления авторитета законности отмечается и специалистами в отдельных отраслях права. Включенность религиозной веры в правосознание личности рассматривается в качестве фактора, который способствует формированию «стереотипа законопослушной жизни», обеспечивает складывание «правильного правового сознания»⁴.

¹ Булгаков С. Н. На пиру богов (современные диалоги) // Сочинения: в 2 т. Т. 2. С. 587.

² Ильин И. А. О сущности правосознания // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 1994. С. 160.

³ Кольбанов А. В. Правосознание и религия: взаимосвязь и социальное значение // Научные труды Самарской Православной Духовной семинарии. Сборник трудов посвящается 160-летию со дня образования Самарской и Сызранской Епархии. Самара, 2011. С. 230, 232.

⁴ Лещенко О. В. Влияние религии на правосознание несовершеннолетних осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 1 (23). С. 73.

Очевидно то, что позитивный нормативный порядок в конечном итоге оказывается подчиненным религиозно-нравственным установкам.

Формирование правосознания религиозного характера и вообще распространение религиозности в современном общественном сознании вопрос отдельный. Однако в современном правовом сознании, на наш взгляд, могут формироваться конструкции, которые по своим характеристикам приближаются к религиозным. Они воспринимаются основной массой носителей общественного сознания некритично, причем как на низшем, так и на высшем уровне. Роль этих идеологов (мифологов) в общественном сознании достаточно велика. Они несут значимые для идентифицирующих себя с определенной социальной общностью индивидов смыслы.

На настоящем этапе общественного развития, как это не странно на первый взгляд звучит, по мнению некоторых современных исследователей, мифологические конструкции могут занимать определенное место в общественном сознании и даже собственно в правовом сознании, выполняя определенную функцию. Достойна внимания достаточно интересная мысль, в работе Ф. Б. Рахманова, посвященной анализу мифологической составляющей права. Автор обратил внимание на то, что для человека современной эпохи, которая ориентирует нормативность на защиту прежде всего персональных ценностей атомизирует социальную действительность, выступает актуальной ориентацией на надындивидуальные конструкции. Они позволяют «одухотворить» правовую реальность, освободить человека от сомнений. В современном правосознании, по мысли автора, можно обнаружить различные «фигуры мифомышления». В частности духовная апелляция к высшему авторитету (выражающаяся в ориентации на легитимирующие нормативную систему феномены, которые определяются в зависимости от методологической установки). Кроме того, апелляция к «высшей справедливости» («чуду»). Также «апелляция к тайне» (осознание непостижимости мира права в его «конечной глубине»)¹. Несмотря на дискуссионность общей установки и используемой терминологии, наличие в правовом сознании устойчивых представлений, принимаемых и транслируемых значимым большинством, как обычных носителей общественного сознания, так и профессионалами-исследователями, не вызывает сомнений.

Следует обратить внимание на то, что идеологемы в правосознании (вне зависимости от того носят они мифологический или религиозный характер) могут оказывать на коллективно-историческую социальную память различное влияние: возможно, положительное, в том случае, когда они способствуют укреплению общего представления о значимости иерархии норм, но, возможно, и отрицательное в том случае, когда они затрудняют осмысление сущности правового феномена или закрепляют комплексы отрицательных представлений об особенностях национального правосознания. Эти представления объективируются и оказывают существенное влияние на оценки тех или иных феноменов правовой реальности, да и на саму логику их исследования. Вырваться из смыслового поля этих представлений часто весьма сложно, но, на наш взгляд, необходимо (что периодически наблюдается)².

Анисин Андрей Леонидович,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России

Правотворчество как память и как продуктивное воображение

Всякий социальный процесс включает в себя как элементы традиции, так и элементы новаторства. Никакой, даже самый последовательный консерватизм не может не откликаться на новые вызовы, перед которыми встает общество. Никакой, даже самый безоглядный революционный прогрессизм никогда не может отвергнуть в прошлом все и начать с нуля. Эти истины достаточно тривиальны и вполне распространяются на право как социальный институт. С одной стороны,

¹ Рахманов Ф. Б. Взаимосвязь права и мифологии // Право и современные государства. 2016. № 1. С. 39–40.

² Марченя П. П. Массовое правосознание как критерий идентичности: «две России» и миф о русском нигилизме // Групповая идентичность в истории и культуре: этнос, религия, социальный организм. сборник научных статей. Московский гуманитарный университет, Кафедра истории, Кафедра философии, культурологии и политологии; ред. кол.: С. В. Алексеев (отв. ред.) и др., Москва, 2011. С. 110–115.

право имеет в качестве одной из основных своих функций поддержание стабильности общества. Но, с другой стороны, правовая система во все времена очень живо откликалась на злобу дня, на актуальные изменения в общественной жизни. И это вполне естественно: обеспечивать стабильность общества всегда приходится в меняющихся исторических условиях, и, следовательно, необходимо обеспечить в этих новых условиях сохранение и воспроизводство базовых параметров общественного уклада.

Описанный механизм «естественной эволюции» права, сочетающий элементы традиционализма и новаторства, успешно действовал на протяжении всей истории человечества. В современном мире правотворчество по своей форме также вполне укладывается в эту схему: на основе имеющейся политико-правовой традиции вырабатываются новые правовые нормы, относящиеся к изменившимся или впервые возникающим социальным реалиям. Однако целый ряд современных тенденций правовой политики заставляет серьезно задуматься о соответствии этой формы реальному содержанию происходящих процессов. Слишком многое указывает на то, что речь сегодня идет о некоем *кризисе* правового сознания. Констатируя этот факт, мы имеем в виду прежде всего изначальное значение слова «κρίσις» (в переводе с греческого языка «суд»), необязательно осуждение, но, как минимум, разбирательство.

Начать наше *критическое* рассмотрение современных проблем правосознания и правотворчества стоит с вопроса о том, чем является право по своему онтологическому и аксиологическому смыслу. Хотя бы некоторые ориентиры в этом вопросе наметить надо. Примечательно, например, что во многих языках право как форма регламентирования жизни выражается тем же словом, что и правая сторона. К этому же корню восходят и слова «править», «исправить», «управление», «правота». За исключением условных политических ярлыков «правых» и «левых», все непространственные значения слова «правый» имеют позитивную ценностную окраску и ассоциируются с причастностью к порядку и истине. В чем же причины такой связи правой стороны с идеей правильной организации жизни? Эту логику не так-то просто объяснить. Если, например, отталкиваться от того, что у большинства людей правая рука более развита, чем левая, то из этого скорее следовала бы связь правой стороны с понятием силы или ловкости. И действительно, такое употребление имеется: *десница* (то есть правая рука) поэтически и метафорически выражает идею силы, мощи, власти. Правая *рука* символизирует силу, далеко не всегда совпадающую с правильным порядком и праведностью. А в чем же смысловой исток правоты, правильности и праведности?

Позволим себе высказать гипотезу, для доказательства которой мы не имеем достаточных филологических данных, но которая представляется весьма основательной с философских позиций. Смысловым корнем права как системы правильной регуляции общественной жизни является не статичное расположение «справа» или «слева» (которое, отметим, принципиально относительно), а движение «направо» или «налево»: отсюда глаголы «править», «исправлять», «выправить» и т. д. На первый взгляд, это тоже вызывает недоумение: с правильностью и праведностью, казалось бы, больше ассоциируется «прямота» без уклонов вправо или влево, — «золотая середина», «царский путь», избегающий крайностей. Невозможно было бы объяснить, почему «уклоняться на правые стези» лучше, чем «ходить налево», — если не вспомнить, что Солнце по небу ходит *слева направо*. По крайней мере, в северном полушарии и в средних широтах это очевидно так. Представляется, что именно этот образ движения Солнца (владыки неба) слева направо лежит в основе символики правильного хода вещей в мире и правового порядка в обществе.

Итак, право называется правом потому, что в нем закладывается идея исправления жизни по абсолютному образцу, идея сознательного следования тем путем, который онтологически первичен. Мировоззренческая легитимация права первоначально имеет религиозный характер: идет ли речь об апелляции к верховной воле Бога-Творца или же о следовании безличному и непостижимому Дао. «Божественное право» мыслится как отражение в человеческом обществе либо тех законов бытия, которые дал Творец, либо принципов пантеистической божественности в том случае, если Абсолют понимается безлично.

Концепция «естественного права» является первым шагом в процессе секуляризации правового сознания, хотя — парадоксально — берет свое начало этот процесс в период резкого всплеска религиозной пассионарности в Европе. XVI и XVII века европейской истории — это эпоха религиозных войн, именно в это время закладываются основания представлений о неотчуждаемых естественных правах человека. Эмансипация правосознания от религиозных обоснований происходит постепенно. С одной стороны, уже в первой четверти XVII века Гуго Гроций больше апеллирует

к природной справедливости, чем к божественному установлению¹, но, с другой стороны, даже в последней четверти XVIII века авторы «Декларации независимости США» пишут: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»².

Дальнейшая секуляризация идеи права связана с переносом смыслового центра этой идеи «внутрь человека»: с переходом от утверждения объективных внеположных человеку оснований права к его обоснованию, исходя из внутренней личной убежденности. Так, например, Гегель в «Философии права» пишет: «Человек не останавливается на налично существе, а утверждает, что внутри себя обладает масштабом правого: он может подчиниться необходимости и власти внешнего авторитета, но никогда не подчиняется им так, как необходимости природы, ибо его внутренняя сущность всегда говорит ему, как должно быть, и он в себе самом находит подтверждение или неподтверждение того, что имеет силу закона»³. Однако при этом не следует забывать, что эта «внутренняя сущность», обладающая «масштабом правого», есть, по Гегелю, одна из форм объективного духа, иначе говоря, — степень самопознания Абсолютной идеи.

И, наконец, в своем финальном, хрестоматийном виде «естественное право» понимается в правовой мысли как «сумма требований, по своей исходной основе непосредственно, без какого-либо прямого людского участия рожденных самой натуральной жизнью общества, «природой», «естественным» человеческого бытия, объективными условиями жизнедеятельности, естественным ходом вещей»⁴. Если у Гегеля «масштаб правого», которым внутренне обладает каждый человек, возводится так или иначе к Абсолюту (к Абсолютной идее, ко всеобщему разуму), то здесь речь идет именно о рождении правовых требований из «натуральной жизни общества», из «естественного хода вещей».

Сегодняшнее правосознание далеко ушло от установок не только «божественного», но уже и «естественного» права. То право, которое формируется в современном мире, за неимением более подходящих слов, следует назвать «виртуальным». Речь не идет о технологиях виртуальной реальности (хотя некоторые параллели здесь возможны). Речь не идет о классическом понимании виртуальности как возможных или воображаемых объектах и состояниях, которые могут при определенных условиях возникнуть (хотя именно этот корневой смысл нам нужно иметь в виду).

Речь о том, что в современном мире право все больше лишается какой бы то ни было реальной основы. Этот процесс еще только начинается, он существенно сказывается пока только в сфере правовой идеологии, но уже переходит и в практическое законодотворчество. Наиболее прогрессивная правовая мысль отбрасывает не только идею божественной санкции права, но и его обоснование с позиций «натуральной жизни общества» и «естественного хода вещей». Основой правосознания отныне должны стать ценности трансгуманизма и постгуманизма, ориентированные на свободу преодоления собственной человеческой природы.

Возможно было бы более содержательно назвать эти новые горизонты права «трансгуманным» или «постгуманным» правом, однако, во-первых, такие наименования невольно несут оценочный смысл (не исключено, что верный, но неуместный в рамках разбирательства по существу). Во-вторых, никакого трансчеловека и постчеловека не существует в реальности, а разговоры о «трансгуманном / постгуманном праве» навязывают обсуждение о нем как о чем-то реально существующем. Постчеловек или трансчеловек (приверженцы соответствующих течений современной мысли сами до конца не разобрались в различиях своих позиций) является виртуальностью, паранаучной фантастикой, однако именно этот виртуальный объект является определяющей фигурой в наиболее передовой политической и правовой философии современности. Следовательно, на наш взгляд, правильно будет сказать, что на смену «божественному праву» и «естественному праву» приходит в современном мире «виртуальное право». Это виртуальное право основано не на исторической традиции, не на абсолютных ценностях и не на естественном порядке вещей, а на полном произволе продуктивной силы воображения.

¹ См.: Гроций Г. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Гуго Гроций; пер. с латин. А. Л. Саккетти. М.: Ладомир, 1994. 867 с.

² Декларация независимости США // Википедия. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Декларация_независимости_США (дата обращения: 01.11.2021).

³ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 57.

⁴ Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // Сочинения. М.: Паритет, 1995. С. 418.

Виртуализация права наиболее ярко проявляется в тех сферах, где прямо затрагивается статус человека в качестве человека: проблема клонирования человека, проблема эвтаназии, проблема абортов, проблема смертной казни, проблема однополых браков, проблема гендерной идентичности. В основу решения этих проблем передовая правовая мысль кладет произвол грядущего постчеловека, не связанного никакими объективными ценностями. Самого этого постчеловека еще нет, а его воля уже предлагается в качестве обязательной к исполнению. При этом самообожествление человека в лице этого грядущего пост(сверх)человека на деле уже теперь оборачивается самоуничтожением, если не в физическом смысле, то в смысле сущностном.

Еще в первой половине XX века Клайв Стейплз Льюис описывает процессы эмансипации человечества от объективных абсолютных основ регулирования жизни (которые он образно называет «дао»: «это — путь, по которому движется мир. Но это и путь, которым должен следовать человек, подражая порядку Вселенной»¹). В качестве грядущего итога этой линии развития говорит о тех трансляциях, которые навязуют нам нормы, не обоснованные ничем, кроме чистого произвола. «В старом смысле слова они вообще людьми не будут. Если хотите, они — люди, отдавшие принадлежность к роду человеческому за право решать, каким быть человеку»². Процесс эмансипации человека от абсолютных ценностей приводит в своем финале не к возвышению человека, а к низведению его до уровня природы, «низводит же себя, человека, на уровень природы дурно вот почему: если ты сочтешь себя сырьем, ты сырьем и станешь, но не себе на пользу. Тобю будет распоряжаться та же природа в лице обезчеловеченного человекодела»³. Таким образом, оказывается, что «победив природу, человек отменил человека»⁴.

Логический выбор, как это поясняет К. С. Льюис, очень прост: «Одно из двух: или мы разумные, духовные существа, подчиненные навек абсолютным ценностям дао, или мы «природа», которую могут кромсать и лепить некие избранные, руководимые лишь собственной прихотью. Только дао объединяет едиными правилами властвующих и подвластных. Без догмата объективной ценности невозможна никакая власть, кроме тирании, и никакое подчинение, кроме рабства»⁵.

Вместо выводов. Исходя из всего сказанного, что же делать тем, кому категорически не нравится «отмена человека» в пользу «пост(транс)человека» и переход от естественного и божественного права к праву виртуальному, реализующему на деле принцип «Если Бога нет, то — все позволено»? Несколько опорных тезисов можно сформулировать так.

Необходимо исходить из того, что история не имеет законов, понимаемых в русле классического детерминизма (как признает уже больше полувека современная наука, даже в естествознании «детерминизм является ошибочной позицией»⁶). История движется свободной человеческой волей, которая имеет, конечно, свою специфику реализации на индивидуальном и на коллективном уровне, но не перестает от этого быть принципиально свободной. Это означает, что ничего фатального в жизни человеческих сообществ и человечества в целом нет. Виртуализация права — тенденция, но не неизбежность.

Идеология гуманизма, провозгласившая когда-то человека как высшую ценность, логически приходит к отрицанию человека как ценности, к идее его «преодоления» и «отмены». Право должно обрести настоящую онтологическую опору в ценностях абсолютных.

Рационализм, призванный эмансипировать человека от власти религиозных ценностей и слепых законов природы, оборачивается дегуманизацией человека. Право должно основываться не на рассудке, а на цельном разуме, к имманентным способностям которого относятся и религиозная вера, и нравственное самоопределение, и эстетическое чувство.

Материалистический натурализм, также положенный в основание научного мировоззрения и прогрессивного развития, ведет к нивелированию человеческого достоинства и к беспочвенности в вопросах культуры, правовой в том числе. Право должно исходить из презумпции человека как духовного существа, а также из реальности духовных традиций народов, представленных в актуальной культурно-исторической памяти.

¹ Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 379.

² Льюис К. С. Человек отменяется // Льюис К.С. Собр. соч. в 8 т. Т. 3 / пер. с англ. М.: Фонд имени Александра Меня; СПб.: Библия для всех, 2003. С. 398.

³ Там же. С. 401.

⁴ Там же. С. 398.

⁵ Там же. С. 401.

⁶ Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 48.

Зубкевич Лада Альбертовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Нижегородской академии МВД России

**Субъект общественного развития и переходные состояния исторического процесса
в контексте социально-исторической памяти**

В настоящий период познавательной значимостью обладает вопрос об особенностях субъекта общественного развития в ситуации переходных состояний исторического процесса. Эти особенности становятся очевидны при рассмотрении их в контексте социально-исторической памяти.

Вопрос о субъекте общественного развития хорошо исследован в науке, но, несмотря на это, остается дискуссионным. Можно выделить как минимум три подхода в определении субъекта общественного развития: 1) «народы делают историю»; 2) «классы делают историю»; 3) «личности делают историю» (здесь могут рассматриваться социальные группы, великие и не очень личности, или иные «акторы»). Мы не будем занимать чью-либо сторону в этой дискуссии, так как в ситуации переходных состояний субъектом выступают все перечисленные выше феномены.

В переходном состоянии в обществе возникает множество переходных форм, которые сочетают в себе «старое» и «новое» качество исторического процесса. Это замкнутые, самодостаточные факторы, которые также являются субъектами переходных процессов в обществах, так как субъект развития это тот, кто совершает поступки, мыслит, влияя на окружающую его действительность.

В переходном состоянии (переход от одного качества общественного развития к другому) роль субъективного фактора становится определяющей. Это значит, что все без исключения выше перечисленные субъекты становятся носителями «символической власти», если приобретают доверие и авторитет в обществе, если закреплены в социально-исторической памяти. Эта власть делает ее обладателей объективными по отношению к другим членам общества. Но одновременно «символическая власть» сама становится неумолимой действительностью для субъекта, обладающего ею, посредством своей символичности, которая становится ресурсной, организационной, информационной поддержкой. Ни традиции, ни законы, ни социальные институты не обладают властью вообще, если они не «символичны». Именно переходные формы из-за своей внутренней противоречивости, аналогичной противоречивости переходных процессов в обществе, в ситуации переходного состояния исторического процесса из-за своей адекватности действительности обладают наибольшей символичностью (доверием, авторитетом).

Но переходные формы конкурируют между собой за эту «символическую власть», определяющим фактором здесь является условное соотношение «старого» и «нового» в этих формах. Побеждает тот, кто наиболее адекватен к новым возникающим потребностям развития. В рамках переходных форм институционализируются и регулируются культурные практики, образуются собственные идентичности. По мере углубления переходных процессов в обществе все субъекты развития становятся переходными формами, так как «старое» качество со всеми своими атрибутами уходит постепенно в прошлое, но оставаясь в социально-исторической памяти, сохраняют свой «символизм», а «новое» возникает только посредством переходных форм через регулирование этих новых идентичностей.

Примером этого процесса может служить переходное состояние российского общества начала XX века. Возникающей тогда переходной формой и субъектом общественного развития стали «Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов», позднее «Советы народных депутатов». Она сочетала в себе старые общинные устои общих собраний, а теперь членов общества, дифференцированных по социально-классовому признаку (позже он был заменен на производственный), а также относительно новый для России парламентаризм, с его принципом представительной власти и выборности. В результате институционализации этой формы на государственном уровне сложилась новая иерархическая система управления, где на базовом уровне управление осуществлялось общими собраниями трудовых коллективов, а далее на более высоких уровнях (районы, города, области, республики, страна) — собраниями представителей. Эта система управления соединяла в себе законодательную и исполнительную власть. Собрания принимали решения, которые становились законами, выбранные здесь же представители между собраниями выполняли роль исполнительной власти.

Кроме революционности в этой форме присутствует традиционность, так как «Советы» стали продолжением культурно-исторической традиции Руси, где «русский народ всегда и во все эпохи

вырабатывал одну и ту же схему управления. Об этом писали такие идеологически различные люди, как Алкснис и Константинов, Хасбулатов и митрополит Иоанн. Всегда в России управление включало в себя как бы три ствола: исполнительную власть, народовластие и систему святынь. Исполнительная власть внешне наиболее бросается в глаза, и она всегда достаточно жесткая (иначе анархически-свободолюбивый народ не подчинишь). Но она будет делать только то, что обсуждено в другом стволе народовластия. Этот ствол был в России всегда: вече и народные собрания, мирские сходы, земские соборы, дворянские собрания, партийные и профсоюзные собрания и т. п. Обсуждалось все, и здесь вырабатывались все решения. Однако душой и сердцевинкой всего являлся третий ствол святынь или ценностей¹. Таким образом, происходит «метаморфоза»: субъективизация объективного и, наоборот, объективизация субъективного, в зависимости от ситуации субъект и объект обращаются друг в друга. Конечно, конкретные проявления переходных состояний исторического процесса зависят от предыдущей истории, от этнических социокультурных особенностей народа, от социального пространства, экономического развития и т. д., но прежде всего они в большей степени случайны (в рамках необходимости развития) из-за описанной «метаморфозы».

Современное переходное состояние исторического процесса сочетает в себе в качестве «старого» этногенез, а «новым» является тенденция, выражающаяся в глобализации. Современные субъекты общественного развития аналогично сочетают в себе глобальное и этническое. Главной целью любых переходных состояний является приобретение устойчивости в общественном развитии. В этом случае она может быть обеспечена способностью конкретного этноса уравновесить в своем развитии эти две противоположности. Под этой способностью С. М. Широкогоров понимал «импульс», «мощь этноса», его характер. Однако автор считал, что равновесие нарушает высокая степень развития культуры этноса, под последним он понимал усложнение социального устройства, этнических связей, другими словами — полиэтничность². Эта идея подтверждается. Наиболее равновесными сегодня являются малые этносы. Они и другие этнические образования могут рассматриваться как переходная форма общественного развития и, одновременно, как субъекты этого развития. На практике мы наблюдаем сильные дезинтеграционные тенденции в их развитии, даже стремление к изолированности, что, конечно, фатально для них и для полиэтнических обществ, в состав которых они входят, так как это также нарушает принцип уравнивания «старого» и «нового».

Ю. В. Бромлей, напротив, с нашей точки зрения, в своем представлении о развитии этносов был более близок к уравнивающей модели. Началом развития считал «элементарные этнические единицы» как предел делимости, финалом представлялись «макроэтнические единицы». Они сочетают в себе базовые единицы, соединенные между собой культурными и социальными связями, и, что не менее важно, — общим самосознанием. Поэтому усложнение социального устройства и прогрессивное культурное развитие выступают здесь гарантом равновесия при любых изменениях состояний³. Советский этнограф предполагал, что внутри макроэтнических общностей происходит переход «элементарных этнических единиц» к все более прогрессивным уровням культуры под давлением самосознания макроэтнической доминанты (потребность соответствовать).

Описанные процессы развития происходят на определенной территории, в пространстве в природно-географическом и социальном смысле. Оно напрямую влияет на этногенез, глобализацию, культурное и социальное развитие. «Социальная организация построена так, чтобы ее порядок соответствовал принципам гомеостаза, а значение энтропии было минимальным. Всякое чрезмерное сближение или расслоение элементов способны привести к дезорганизации»⁴. Поскольку социокультурное пространство двойственно: оно внешнее (человек в нем) и внутреннее (сфера отношений между людьми), постольку двойственно понимание свободного и не свободного пространства. А. М. Бекарев считает, что свобода «возникает в условиях такого пространства, где человек беспрепятственно действует и живет. Свобода требует распространения»⁵. С нашей точки зрения, это и есть двигатель глобализации. В современных условиях переходного состояния

¹ Бенедиктов Н. А. Русские святыни. М.: Алгоритм, 2003. 272 с.

² Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. URL: <http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications/ethnos> (дата обращения 03.03.2021).

³ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981. С. 47.

⁴ Бекарев А. М. Свобода человека в социальном пространстве. 2-е изд. Н. Новгород: Из-во Нижегородского университета, 2000. С. 10.

⁵ Там же. С. 6.

подобное «распространение» применительно к субъекту развития приводит к появлению лишних людей, этносов, социальных групп и пр. Причем такое дихотомическое деление относительно конкретного субъекта, позиции этого субъекта в обществе и т. д., так как переходный процесс многофакторный. Поэтому «объективная видимость вещей (хотя бы временно), ... порождает в обществе массу «перевертышей», когда самые необходимые люди кажутся лишними, а действительно лишние — необходимыми»¹.

Следовательно, чем больше свободы, тем больше не нужных никому людей. Это проявляется очень наглядно при реализации либерально-глобалистического сценария развития, осуществляемого сегодня в мире. Описанная Бекаревым А. М. ситуация традиционно для мировой политической терминологии называется проблемами миграции, неравенства, бедности, за этими простыми словами стоит история противостояния двух противоположностей в этносах как субъектах развития: глобального и локального.

Как мы видим, главной особенностью субъекта общественного развития в условиях переходных состояний исторического процесса является свойственная этим процессам двойственность (сочетание «старого» и «нового» в развитии). Характерна также способность к уравниванию бинарных оппозиций за счет усреднения показателей этих оппозиций, и, посредством этого, возможность компенсации и нейтрализации противоположных тенденций в развитии общества в целом. Сегодня основным наиболее результативным и адекватным субъектом развития видится этнос (в любых его формах: народность, нация, и пр.), но только если он способен противопоставить неустойчивости переходных состояний свое ядро (территория, язык, самосознание, этноним), периферию своей системы социальных связей, сочетающих традицию и инновацию, с его правовой системой, которая должна ориентироваться на уравновешенное сочетание этнических и общечеловеческих морально-нравственных, правовых констант.

Поскольку причиной неустойчивости современного этапа развития являются бедность и глобальное неравенство, то культурное и этническое многообразие мира не угрожает устойчивости мирового развития. В современном переходном состоянии исторического развития культурная самобытность формируется и изменяется, со временем меняется и ее влияние. Культура не только наследуется, она также создается и выбирается. В современном мире большинство людей имеет множественную самобытность, что может даже снизить риск конфликта, так как затрудняет фрагментацию общества.

Синченко Георгий Чонгарович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

Закон и память

Мотив взаимополагания ценностного и аналитического измерений права идет из недр национального мировосприятия, на что указывает русская лексема *право*, в чьей семантике заданное и предписанное перекликается со справедливым и оправданным. Такую идею, методологически преемственную еще с рассуждениями Н. К. Михайловского о правде-истине и правде-справедливости, я расслышал в докладе А. Л. Анисина. Не отрицая ее, задумаемся: верно ли, что внутренняя ценностно-аналитическая сопряженность концепта право — это явление специфически русское? Согласно Оксфордскому справочнику по праву — нет: «...В тех языках, в которых существуют разные термины для обозначения частного, конкретного (*lex, loi, gesetz, legge, ley* и т. п.) и общего, абстрактного (*jus, droit, Recht, diritto, dereho* и т. п.) смыслов права, термин право, применяемый в общем, абстрактном смысле, обозначает также идеи правого и справедливого». Причем полностью подняться над диалектикой описательного и валюативного не смог и автор этого наблюдения Д. Уолкер, говорящий и пишущий по-английски, то есть на языке другой группы. На взгляд Уолкера, двойственность семантики *права* «создает новые возможности для смешения понятий»² (т. е. это плохо), а согласно русской

¹ Бекарев А. М. Свобода человека в социальном пространстве. 2-е изд. Н. Новгород: Из-во Нижегородского университета, 2000. С. 65.

² Walker D. M. The Oxford Companion to Law. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press publ., 1980. P. 716.

философии нравственного идеализма тесная связь нравственного и правового концептуальных рядов способствует обращению к первому в поисках критериев для второго (т. е. это хорошо), что отчетливо выразилось в творчестве В. С. Соловьева и его последователя А. С. Яценко¹.

Что мы обнаружим, если применим тот же самый подход к базовой единице лексического фонда англоязычной философии права и юриспруденции — лексеме *law*, которая с разными артиклями используется для обозначения и закона, и права? По словам известного американского теоретика Р. Дворкина, его соотечественник юрист Р. Паунд, выступавший с социологических позиций, объяснял этим склонность английского правоведения думать о праве как совокупности норм. Сам Дворкин высказался сдержаннее: «Это могло оказать влияние на англоязычных позитивистов, поскольку выражение закон (*a law*) несомненно внушает мысль о норме».² Далее *law* через древнеанглийское *lagu* (постановление) и древненорвежское *lag* (слой, мера, нечто заложенное, зафиксированное) восходит к протогерманскому *lagam* (положить). Получается, что на роль русского эквивалента этически нейтрального *law* в значении закона лучше всего подходит *уложение*. Кроме того, что оно, скорее всего, состоит в дальнем родстве с *law*, его аналитическая семантика столь же очевидна, в то время как ценностно-оценочная не лежит на поверхности. Конечно, последняя легко вскрывается, скажем, через переход от *положенного* к *положительному* (положительное решение etc.), а путь к идентификации ценностной «инфраструктуры» *law* сложнее и долгие. Но следует ли из этого, что английский язык объективно подталкивает к аналитическому (позитивистскому) философско-правовому дискурсу?

Не уверен. Вряд ли методологически корректно ограничиваться одной лексемой и одним понятием. Например, под русским предложением *это наше право* может подразумеваться как право (законы) страны, так и право на жизнь (здоровье, образование...). Поэтому ясное понимание нуждается в дополнительных факторах в виде фонетики (родительный падеж единственного числа права и именительный падеж множественного числа прав), терминологии (право в объективном смысле, право в субъективном смысле), контекста. Напротив, в английском путаница исключена уже на уровне лексических единиц *law* и *right*, благодаря чему исключается интерпретация выражений наподобие *human rights* как обозначений объективного права и (или) законодательства. Русский каламбур право противоречит правам по-английски невыразим и немислим. Что же касается ценностной нагруженности *right*, *rights*, то она не менее рельефна, чем у русского «правый». Итак, то, что английский «проигрывает» ценностно артикулированному мышлению в *law* (праве), он, по-моему, в полной мере «отыгрывает» в *rights* (правах).

Пожалуй, верно не столько то, что один язык и национальный образ это ценностно аскетичнее (либо, наоборот, раскрепощеннее) другого, сколько то, что универсальную диалектику познавательной и ценностной установок разные национальные стили мышления и языки разыгрывают уникальным образом. Цитирую Х. Ортегу-и-Гассета: «...Каждый язык — это особое уравнение между тем, что сообщается, и тем, что умалчивается. Каждый народ умалчивает одно, чтобы суметь сказать другое».³

Несколько слов о треугольнике «история — память — право (закон)». Тезис А. Н. Фатенкова о противопоставлении истории и памяти является, на мой взгляд, замечательной чуткой реакцией на особенности нашего времени. На поверхности история как совокупность знаний о прошлом и память как определенный объем информации, почерпнутой из уже состоявшихся (и в этом смысле принадлежащих прошлому) контактов с миром, кажутся неразрываемой связкой. Однако в отборе и осмыслении накапливаемых в памяти данных всегда так или иначе участвуют социокультурные факторы. В эпоху же тотального конструирования реальности, в частности индустрии сознания, интерпретативное начало не просто опосредствует восприятие и понимание, но предопределяет и, более того, подменяет собой истолковываемые явления. Соответственно, исторический нарратив из линейно-повествовательной формы презентации памяти становится одновременно и сторителлингом, то есть способом ее монтажа и заполнения, и вкладываемым в нее содержанием, которое, учитывая специфику данного новообразования, может быть, лучше называть контентом

¹ См.: Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Российская академия правосудия, 2012. С. 177.

² Дворкин Р. О правах всерьез. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 66–67.

³ Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. С. 345.

и когнитивным фастфудом. Нарратив вызрел в инфраструктуре связки «память — история» и подчинил ее себе. В результате память вроде есть, но — фантомная, поскольку история тоже вроде есть, но — сфабрикованная и постоянно перезагружаемая (как в зацитированном буквально до дыр оруэлловском романе-пророчестве «1984»).

В то же время нарратив не суверенная самостоятельная инстанция, а инструмент влияния и власти. Этим вводится в игру фактор правового регулирования. Соблазн превратить нарратив выгодный в нарратив титульный — велик, а грань между законодательным увековечением памяти и героизацией, между запретом на отрицание и давлением на свободу слова и публичный формат критического мышления — тонка. Однозначные формализованные критерии здесь вряд ли возможны. Но есть ориентир, вытекающий из того принципиального положения, что «правовые гарантии, скорее, страхуют от будущего с его превратностями, чем кредитуют некоторое более совершенное грядущее состояние».¹ Думаю, остается актуальным отношение к закону не как способу провести тот или иной нарратив «в дамки», а как средству против искусственной гегемонии тех или иных нарративов. Таков рациональный смысл конституционных норм об идеологическом разнообразии и запрете на государственную идеологию. Кого-то они стесняют, но отдаем ли мы себе отчет, какой ящик Пандоры может открыться, если не будет и их?

Ивашевский Станислав Леонидович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Память о социальном порядке и порядок социальной памяти

Все мы слышали и (или) произносили такую фразу: «Вот раньше был порядок!». Как бы кто не объяснял ее истоки, устойчивость и мировоззренческую значимость, она прежде всего указывает на наличие в памяти общества представлений о прошлом социальном порядке.

Социальный порядок, понимаемый как состояние жизнеспособности общества на основе социальной интеграции, обеспечиваемой наличием объединяющих, общезначимых идеалов, ценностей, норм и институтов, общественных практик их поддержания, является неотъемлемой целью развития любого общества. Стремление к порядку естественно для человека, но нуждается в образе (модели) желаемого, становление которого опирается на опыт человечества, требует обращения к прошлому.

Социальный порядок, как характеристика состояния общества, фиксирует наличие сложившихся механизмов поддержания устойчивых связей между элементами социальной системы, обеспечивающих взаимное признание логики общественных отношений, их естественности для данного сообщества людей, принятие заданного порядка каждым членом общества в качестве значимого вектора своего жизненного пути.

Порядок в обществе формируется на основе становления единой системы ценностных приоритетов, которые, по природе своей, носят побудительный характер, определяя мысли и поступки людей, формируя ожидаемые в обществе образцы поведения и стремление личности им соответствовать. Нормативный характер ценностей особенно ярко проявляется в морали и праве, выступающими в качестве ведущих средств поддержания социального порядка. В них находят закрепление базовые основания сложившегося или строящегося порядка, основополагающие принципы жизни общества на данном этапе его исторической эволюции.

Сложившийся социальный порядок образует смысловую среду своего существования, которая принимает или отторгает при встрече новые для данной общественной системы явления. Смыслы, операционализируясь, создают верифицируемые символы заданного порядка, определяют его реперные точки. Именно они становятся основаниями для оценки обществом всего происходящего, включая само состояние порядка.

Символический ряд системы социального порядка становится главным в его характеристике и передается как опыт человечества посредством различных институтов социализации. Глубинное

¹ Соловьев Э. Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Филос. альманах. М.: Политиздат, 1990. С. 188.

знание о прошлом доступно немногим, лишь профессионалам историкам. Большая часть общества (образованного общества) ориентируется лишь в области исторических символов. Этому способствует схематизация в знакомстве с историей, преобладающая на уровне общего образования. Отточенная десятилетиями нашей идеологической и педагогической практикой марксистская интерпретация истории превратилась в застывшую схему последовательной замены форм собственности и антагонистических классов. Цивилизационный подход к истории также трансформировался в общем образовании в совокупность символов актуальных цивилизационных типов (Россия — духовность, коллективизм, иррациональность; Запад — корысть, индивидуализм, рациональность).

В этом ключе действуют и уже традиционные источники массового исторического знания — литература и кинематограф. Они продуцируют вымышленные сюжеты в предзаданных смысловых и символических границах. Сюжет позволяет ярче пережить, прочувствовать эпоху, но растворяется во времени, смыслы же в своих символических формах остаются как ключ к отношениям с прошлым. Символизация мифологизирует прошлое, делая его доступней для коллективной памяти. Как отмечают специалисты, эти процессы имеют важную социализирующую роль, воплощаясь в идеологических, философских и правовых конструкциях, обеспечивающих интеграцию общества и связь поколений¹. Но порядок памяти, основанный на мифах, представляется крайне неустойчивым. Он нуждается в укреплении серьезными научными знаниями и правовыми нормами, определяющими сочетание порядка коллективной памяти и общих приоритетов развития государства и всего человечества.

По заданным в сложившихся условиях реперным точкам (основополагающие ценности и нормы) потомки будут судить о прошлом, выделяя (при наличии условий для этого, связанных прежде всего с возможностью объективного анализа) его преимущества и недостатки. Таким образом и память о социальном порядке формируется исходя из передаваемого между поколениями опыта, в виде символических значений эпохи, ее культурных кодов, констант социального порядка ушедших эпох. Различия в вариантах дешифровки культурного кода социального порядка обусловлены, прежде всего, культивированием исторического разлома, противопоставлением настоящего прошедшему, либо поддержанием исторической преемственности, утверждением неразрывности связи времен.

В первом варианте символический ряд прошлого порядка будет идеализироваться (романтизм, благородство, нравственность, имперское величие — для XIX в.; стабильность, правопорядок, патриотизм, справедливость — для советского этапа XX в.) при развитии негативных тенденций в жизни современного социума, либо подвергаться беспощадной критике (бесправие, эксплуатация, неравенство — для XIX в.; тоталитарность, идеологизация, бюрократизация, дефицит — для советского этапа XX в.). Очевидно, что исторический разлом стимулируется актуализацией негативных характеристик эпохи, а историческое единство формируется через гордость за общее прошлое и ответственность в настоящем перед великими предками.

Такой подход к вопросу о порядке социальной памяти позволяет сделать, на наш взгляд, важные выводы из результатов ряда социологических исследований. Так, по данным Фонда «Общественное мнение» 19 % молодых людей нашей страны хотели бы жить в другое время. При этом, выбирают будущее как альтернативу своему времени совсем немногие — 3 %².

Согласно результатам опроса «ВЦИОМ-Спутник», 28 % наших сограждан не исключают жизни при монархии, которая привлекает их наличием порядка и преемственности³.

Другой опрос ВЦИОМ показал, что 40 % респондентов хотели бы видеть себя гражданами современной России, но 37 % — хотели бы вернуться в эпоху Л. И. Брежнева, а 5 % россиян хотели бы жить во времена И. В. Сталина. В советском прошлом этих людей более всего привлекает порядок и стабильность⁴.

В качестве заявленных выводов отметим прежде всего отсутствие устойчивого характера современной социальной памяти, то есть отсутствие ее порядка. При этом значительной представляется

¹ Ломкина И. Б. Мифологизация как способ переживания исторических событий/ Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллективная монография / под ред. С. В. Бочкарева. СПб.: Астерион, 2020. С. 53.

² Опрос молодых о желании жить в другом месте и в другое время (28.09.2016). URL: <https://fom.ru/TSennosti/12875> (дата обращения: 02.11.2021).

³ Монархия для России: сто лет спустя (23.03.2017). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/monarkhiya-dlya-rossii-sto-let-spustya> (дата обращения: 02.11.2021).

⁴ Опрос показал, сколько россиян хотели бы жить в эпоху Сталина (18.04.2019). URL: <https://ria.ru/20190418/1552824590.html> (дата обращения: 02.11.2021).

совокупность людей, противопоставляющих настоящее и прошлое. Стоит, конечно, согласиться с мнением о том, что «ностальгия по СССР — это ностальгия по солидарным общественным отношениям, по обществу без социальных рисков и с высоким уровнем социальных гарантий..., по привлекательным для большинства наших сограждан человеческим качествам»¹. Несовершенство наличных форм общественной жизни и неопределенность, даже боязнь будущего порождает ретропонию, идеализацию прошлого как лучшего, которое можно самостоятельно конструировать путем отбора угодных фактов и отсеивания неугодных. Но отметим, что, во-первых, создание исторических иллюзий и уход таким образом от реальности, отказ от усилий по ее совершенствованию не способствует общественному развитию и, во-вторых, деформирует коллективную память о социальном порядке, лишает ее значимых для понимания и объяснения прошлого элементов, что делает коллективную память уязвимой перед лицом сил, стремящихся к манипуляции общественным сознанием, перед напором политических спекуляций.

Память о социальном порядке упорядочивает историю, ее понимание и оценки, дает видение закономерностей, позволяет выстраивать прогнозы и формировать стратегии поведения. Если эта память нарушена история превращается в хаос, без возможности выполнять свою функцию — быть наставницей жизни. Для полноценного развития общества необходим порядок его социальной памяти, то есть четкость ее структур, принципов, оценок.

Порядок социальной памяти имеет большое значение для всего общества, обеспечивая связь поколений, национально-культурную идентификацию, чувство единства, взаимной ответственности за свои поступки. Разобщенное общество имеет множественную память, порождает различные версии восприятия прошлого, что безмерно его ослабляет, создает реальные угрозы для дальнейшего существования. Понимая эту взаимосвязь, заинтересованные силы проводят целенаправленную политику по разрушению порядка социальной памяти у своих оппонентов. В свою очередь, любое общество, осознавая эту угрозу, передает значительный груз ответственности государственным структурам для принятия политико-правовых мер поддержания порядка социальной памяти как условия сохранения суверенитета, независимости, своей национальной идентичности.

В новейшей истории государств появилась практика мемориального законодательства. В различных странах мира появляются правовые нормы, регламентирующие интерпретацию особо значимых для них исторических событий, запрещающие пропаганду определенных политических идеологий, действий, направленных на реабилитацию преступлений против человечности.

Эта тенденция не обошла стороной и Россию. Так, например, в 2014 году у нас появилась статья 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Реабилитация нацизма». Она запрещает «реабилитацию нацизма», а также «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны» и «осквернение символов воинской славы»².

С обновлениями 2020 года Конституция Российской Федерации в статье 67.1 подчеркнула значение общей истории для поддержания единства российского государства, провозгласила государственную защиту «исторической правды», недопущение умаления значения подвига народа при защите Отечества³.

Очевидно, что в условиях обострения политической борьбы за прошлое, мемориальное законодательство будет развиваться. Это вызывает не только надежду на восстановление порядка нашей памяти, но и порождает сомнения в целесообразности решать подобные проблемы правовыми средствами. Так, П. В. Векленко, рассматривая проблему избыточного законотворчества, которое, как считает ученый, наносит ущерб ключевым социальным системам: здравоохранению, науке, образованию, правоохранительной деятельности, отмечает, что «в этот ряд следует поместить и

¹ Андреев А. Л. Российское общество постсоветской эпохи: социальное самочувствие, историческая память, идеалы и ценности // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.16 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 329.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22 августа 2021 г.). Статья 354.1. Реабилитация нацизма (введена ФЗ от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/be763c1b6a1402144cabfe17a0e2d602d4bb7598/ (дата обращения: 02.11.2021).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Статья 67.1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/ (дата обращения: 02.11.2021).

нормативное «наступление» на свободу личности в выборе убеждений, право самостоятельно изучать и критически оценивать отечественную историю».¹ Стоит согласиться, что избыточность регламентации данной сферы недопустима. Правовая норма мемориальной направленности должна быть действительно необходимой и соразмерной. Но она должна быть. В обеспечении порядка памяти она занимает важное место.

Право в его соотношении с коллективной социально-исторической памятью может играть созидающую роль, закрепляя определенную систему ценностей, регулируя общественные отношения, формируя представления о должном. Право может играть и разрушающую роль в политике памяти. Оно способно запретить какую-либо систему ценностей, разрушить традиции, привычный образ жизни, оторвать людей от «корней», разрушить представления о сложившихся приоритетах общественного развития, заменив их иными.

Возможности влияния права на коллективную память велики и это определяет рост интереса к манипуляциям с памятью посредством нормативно-правового воздействия. Часто это используется для размежевания народа, порождения ненависти и страха. Отметим, что эти манипуляции могут носить и позитивный характер, если направлены на укрепление социального единства, формирование гордости за свою страну и народ.

Коллективная память рождается и существует на обыденном уровне в виде психических реакций, общих переживаний событий прошлого, вненаучных знаний, в формах доступной для общества культуры и на научно-теоретическом, идеологическом уровне, включающем научные знания, политику и право. Коллективно значимое на обыденном уровне закрепляется в традиции, на идеологическом уровне закрепляется в правовой норме. В заданной системе особенности права видятся в том, что оно призвано учитывать все иные формы — и обыденные и научно-теоретические, то есть быть интегрирующей силой.

Значимое в прошлом могут по-разному трактовать различные группы граждан, государственная власть, политические силы и их идеологии. Интегрирующей силой в данном вопросе, основой для социального консенсуса является право. При этом отметим, что право здесь понимается нами не как исключительно инструмент в руках действующей власти, а как форма существования научно-обоснованного, объективного знания о необходимом для общества. Такой подход позволяет выйти на решение дилеммы, существующей в процессе формирования коллективной социально-исторической памяти — что является определяющим: научная объективность или политический интерес? Право призвано закрепить государственный интерес к объективному научному знанию о прошлом, формирующему единство и обеспечивающему безопасность общества, способному силой своей аргументации противостоять любым деструктивным интерпретациям исторических фактов.

Супрунов Александр Германович

кандидат юридических наук, первый заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по учебной работе);

Васильев Вячеслав Вениаминович,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Нижегородской академии МВД России

**Развитие исторической памяти в образовательном пространстве вуза МВД России:
методические и аксиологические аспекты**

Прекращение существования Советского Союза как федеративного государства повлекло за собой не только образование пятнадцати самостоятельных государств, но и слом существовавшего десятилетиями единой советской идеологии и единого исторического пространства, объединявшего население 1 / 6 части суши Земли. Каждое новообразованное на постсоветском пространстве

¹ Векленко П. В. Правовое регулирование интерпретации исторических событий: проблема целесообразности / Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллективная монография / под ред. С. В. Бочкарева. СПб.: Астерион, 2020. С. 362.

государство столкнулось с рядом проблем не только политического и экономического порядка, но и с необходимостью поиска, формулирования и обоснования ценностных оснований своей исторической памяти. За исключением Российской Федерации, провозгласившей себя во внешней и внутренней политике правопреемником Союза ССР, бывшие союзные республики принялись конструировать свою национально-историческую память, базирующуюся прежде всего на исключительности одной — титульной нации. То, что еще вчера рассматривалось в качестве «роли республики и ее населения в победе в Великой отечественной войне 1941—1945 годов», сейчас в ряде государств трактуется не иначе как насильственное вовлечение той или иной нации в «чужую войну», а даты освобождения от войск нацистской Германии как начало советской оккупации. Перед Российской Федерацией, ее философской, исторической и социологической наукой стоит архиважная задача не только формулирования и обоснования аксиологических (ценностных) основ исторической памяти российского государства и социума, но и создание системы мер, направленных на полноценную защиту отечественной исторической памяти.

Перед любой образовательной организацией в данном случае не являются исключением, стоит задача формирования и совершенствования всесторонне развитой личности выпускника. Решение данной задачи означает, что обучающийся приобретает не только необходимые для осуществления профессиональной деятельности по избранной специальности (направлению подготовки, профилю и пр.) компетенции профессионального характера, но и компетенции, относящиеся к категориям «общекультурные» и «универсальные».

Образовательные организации высшего образования, входящие в систему Министерства внутренних дел Российской Федерации, осуществляют подготовку достаточно широкого спектра специалистов для территориальных органов МВД России. Несмотря на разницу в учебных планах, осваиваемых обучающимися основных профессиональных образовательных программ, значительное внимание как в воспитательном, так и в обучающем компоненте образовательного воздействия на будущих оперуполномоченных, следователей, психологов, экспертов и прочих специалистов уделяется совершенствованию исторических знаний и формированию личности патриота своего государства у каждого выпускника вуза МВД России. В данном кратком исследовании мы намерены рассмотреть вопрос ценностных и методических составляющих совершенствования исторической памяти в образовательном пространстве вуза МВД России.

По мнению И. Л. Беккер и В. Н. Журавчик, в качестве образовательного пространства необходимо рассматривать педагогическую среду, обладающую определенной структурой, организованную в соответствии с заранее утвержденным планом, предназначенную для всестороннего и полного обеспечения процесса воспитания и обучения личности. К специфическим признакам образовательной среды указанные авторы относят наличие прямых и обратных связей между образующими ее элементами, нацеленность на его долгосрочное использование, а кроме того, субъективно воспринимаемая как объектами, так и субъектами образовательного процесса определенного рода экстерриториальность такого пространства, выделяющегося из окружающей его среды¹. Последний признак особенно характерен для вузов МВД России, которые, располагаясь на обособленной территории, демонстрируют свою определенную схожесть с классическими образцами западно-европейских и североамериканских студенческих городков. На единой территории сосуществуют учебные корпуса, спортивные сооружения, библиотеки, полигонные комплексы, места культурного проведения досуга и общежития. Такая достаточно автономная среда создает близкие к идеальным, возможности и для создания специфической социокультурной среды, в рамках которой наиболее плодотворно реализуется концепция непрерывности воспитательно-обучающего процесса, и для планомерного воспитания в обучающемся сотруднике органов внутренних дел осознанного патриота своей страны.

Прежде чем подвергнуть изучению специфику методических и ценностных особенностей развития в указанном образовательном пространстве вуза МВД России исторической памяти, полагаем рассмотреть саму трактовку понятия «историческая память». При отсутствии законодательной дефиниции мы можем рассматривать различные авторские концепции социальной памяти, памяти народа, коллективной памяти и пр. В наиболее общем понимании память представляет собой определенный объем информационных данных о событиях, явлениях, личностях, имевших место в прошлом,

¹ Беккер И. Л., Журавчик В. Н. Образовательное пространство как социальная и педагогическая категория // Известия ПГПУ имени В. Г. Белинского. 2009. № 12 (16). С. 134.

сохраняемых и передаваемых различными способами¹. Историческая память в таком случае есть систематизированное единство не просто данных о значимых с точки зрения социума исторических событиях прошлого, сохраняемого, изучаемого и анализируемого для дальнейшей передачи последующим поколениям, но и методологии обработки таких информационных данных, различных социальных институтов (например; Всероссийское военно-историческое общество), обеспечивающих указанную обработку и контроль сохранности ценностных оснований (непосредственных исторических событий, объектов, личностей и др.) исторической памяти российского общества и государства.

Мы полагаем, что организация развития исторической памяти в рамках реализуемого в образовательной организации высшего образования МВД России воспитательно-образовательного воздействия на лиц, получающих высшее профессиональное образование, может реализовываться по двум основным направлениям: развитие у обучающихся общесоциальной исторической памяти (коллективной памяти российского народа) и развитие исторической памяти в рамках реализуемой вузом концепции непрерывного патриотического воспитания будущих и действующих сотрудников органов внутренних дел. В каждом направлении существуют свои специфические методические и ценностные особенности.

Для развития у обучающихся в образовательном пространстве вуза МВД России общесоциальной исторической памяти используются традиционные «вузовские» методики воспитательно-образовательного процесса, базирующиеся прежде всего на умелой организации руководством образовательной организации аудиторного и внеаудиторного образовательного процесса в ведомственном правоохранительном вузе. Аксиологическая составляющая данного развивающего процесса находит свое проявление в четком формулировании и обосновании тех ценностных основ исторической памяти российского общества и государства, на базе которых строится вся концепция воспитательно-образовательной деятельности в вузе.

В целях генезиса исторической памяти, проводимого в рамках реализуемой вузом концепции непрерывного патриотического воспитания будущих и действующих сотрудников органов внутренних дел работа строится по нескольким направлениям:

- реализация непрерывного воспитательно-образовательного воздействия;
- преподавание обучающимся сотрудникам органов внутренних дел обязательных учебных дисциплин историко-правовой направленности;
- формирование у обучающихся в рамках освоения как учебных дисциплин обязательной части, так и учебных дисциплин специализации общекультурных и универсальных компетенций;
- вооружение педагогических работников новейшими, апробированными практикой, методиками развития исторической памяти у обучающихся как в ходе проведения учебных занятий, так и при внеаудиторной работе.

В завершении хочется отметить тот факт, что качественное привитие сотруднику органов внутренних дел знаний об исторической памяти российского общества и государства, их поддержание и совершенствование в рамках реализации концепции непрерывного образования в системе МВД России служат залогом формирования личности современного правоохранителя как культурного, грамотного представителя государства, исполняющего свои обязанности в строгом соответствии с принципом законности.

Сулима Игорь Иванович,

доктор философских наук, доцент, *заведующий кафедрой философии и теологии Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина*

Коллективная память в современных философских исследованиях

Проблема правопонимания в юридической науке поднята фактически с зарождения этой науки и решается по сей день. Сущность права видится в свете философских мировоззренческих позиций. Позитивистская позиция позволяет в праве видеть систему правил, регулирующих конкретные

¹ Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. № 2. С. 25.

правоотношения, видеть право как инструмент в конкретной спорной ситуации. Герменевтическая позиция видит правоотношение текстом, который интерпретируется и понимается (вновь понимается) в постоянно меняющемся (множественном) контексте. Главное для исследователя и правоприменителя — найти смысл в поступках действующих лиц, интерпретировать смысл действий субъектов правоотношений. Марксист видит в праве волю экономически господствующих классов, детерминированность содержания права экономическими интересами и борьбой за них. Феноменолог видит в праве устойчивые оформленные образы, возникшие у того, кто мыслит о праве, о его сущности...

Вне философии взгляды на природу права иные. Сущность права видится в свете целей управления инструментально, в свете религиозного взгляда на мир — как часть установленного свыше порядка. Как взглянуть на сущность права — выбор, стоящий перед исследователем в рамках юридической науки, который в науке (при понимании разных мировоззренческих установок теоретического и прагматического характера) должен быть мотивирован¹.

В философии права уделено заметное внимание связи общей позиции, определяющей сущность мира, человека и общества, и правопонимания, связи картины мира и истории права. В методологии науки эта связь тоже достаточно хорошо раскрыта. А вот правоприменитель (если речь идет об органах управления, следствия, суде первой инстанции), на наш взгляд, бесконечно далек от проблемы правопонимания. Между тем, результаты творчества философов и теоретиков права ценны не только сами по себе (знание о сущности права — благо). Ценность познания сущности права реализуется через осмысленное правопонимание у правоприменителя. Необходимо, но недостаточно, осознанное правопонимание в случае совпадения теоретика и правоприменителя. Это крайне редкий, если не уникальный (и широко известный в этой связи), случай², на практике не определяющий тенденций в повседневности правоприменения. Только в случае осмысленного понимания правоприменителем сущности права в целом и отдельных его принципов, институтов и норм можно проводить результативную правовую политику и относиться к праву не как к инструкции («это делать можно, а это делать нельзя»), а как к феномену культуры, исторически сформировавшемуся и отражающему национальную специфику.

Осмысленное отношение к праву, на наш взгляд, невозможно без понимания права в системе коллективной социально-исторической памяти. Этот аспект понимания права, в отличие от философско-правовых вопросов и проблем теории государства и права, исследован недостаточно. Исследование истории права не всегда интегрировано в понимание непрерывности и целостности исторического процесса, в понимание истории и судьбы народа, в видение масштабных цивилизационных процессов. Особенно противостоит такому интегральному подходу позитивистская позиция, невнимательная к концептуальности и пониманию смысла и назначения истории как культуры.

Конечно, нельзя утверждать, что история как коллективная память в современных исследованиях, посвященных методологии³ изучения исторических явлений (в том числе правовых), никак не рассматривается. Существуют программные концептуальные исследования, например, диссертация Ф. В. Николаи⁴, монография В. В. Сорокина, содержащая разделы, посвященные исследованию проблем истории права в призме духовной эволюции России и Запада⁵. Важны исследования, посвященные темпоральной природе права, открывающие инструменты изучения коллективной памяти о правовых явлениях⁶. Право как явление культуры, развертывающееся в пространстве

¹ См.: Кулаков В. В. Проблемы выбора типа правопонимания в научном исследовании // Актуальные проблемы науки гражданского права на современном этапе / под общ. ред. В. В. Кулакова, М. В. Ульяновой. М.: «Проспект», 2021. С. 16–25.

² См.: Зорькин В. Д. Суть права // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 5–16.

³ См.: Иващенко Т. С. Историческая память как исследовательская проблема // Осмысливая современность: сб. мат. I Международной научно-практической конференции / под общ. ред.: Т. В. Ткачевой, Т. В. Козыревой. Ханты-Мансийск: Изд-во ЮГУ, 2017. С. 153–156.

⁴ См.: Николаи Ф. В. Polemika o travme i pamiaty v amerikanskoi filosofii kul'tury: dis. d-ra filosof. nauk. N. Novgorod: NGPU imeni K. Minina, 2018. 335 s.

⁵ См.: Сорокин В. В. Типы правопонимания и сущность права: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. 275 с.

⁶ См.: Сигалов К. Е. Позиционирование правовых цивилизаций в пространстве и времени: сборник Тенденции развития права в социокультурном пространстве. Жидковские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. М. В. Немытина. М.: Изд-во РУДН, 2018. С. 388–396.

государства, во времени¹ жизни народа, необходимо рассматривать в сотворчестве исторической науки и юридической науки. Такой подход хоть и сложен в контексте современного проблемного состояния исторической науки², но необходим для преодоления разделенности «общей истории» и истории права. Интеграция позволит выработать эффективные подходы к решению научных и методических проблем формирования коллективной исторической памяти. Интеграционные процессы исторической науки и юридической науки методологически важно вести в контексте сотрудничества науки и образования³. Результаты научных изысканий исторической науки и юридической науки, безусловно, должны реализоваться в воспитательной деятельности, что позволит формировать и поддерживать коллективную память народа. Коллективная память — условие жизни народа как единства всегда очень разных людей. Это условие силы народа. Поэтому проблематика коллективной памяти должна присутствовать не только в современных научных исследованиях специалистов, но и в учебно-исследовательской деятельности учащихся. Память народа — это не только память специалистов.

Закунов Юрий Александрович,

кандидат философских наук, доцент, руководитель отдела наследования культуры Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева

Ценность правосознания в наследовании культурных традиций российской цивилизации

Коллективная социально-историческая память функционирует в процессе наследования культурных традиций в рамках того или иного типа цивилизации, основой которой является система ценностей. Российская цивилизация предлагает миру принципы социальной организации, базирующейся на фундаментальных духовно-нравственных основах, предполагающие логически, исторически и духовно оправданный выбор. Интегративной основой наследования культуры в системе формирования национальной идентичности как трансляции цивилизационных ценностей полагается совокупность *ценностной культуры личности*, передаваемая и осваиваемая в виде национально-культурного духовного акта, на освоение которого должна быть направлена государственная национальная культурная политика. Ключевую роль здесь играет единство основных институтов социализации, прежде всего системы образования, просвещения, средств массовой коммуникации, сфер культуры и искусства, физкультуры и спорта, молодежной и национальной политики, гражданского общества как на этапах первичной социализации, так и на протяжении всей жизни, объединенных единым правовым пространством.

В системе наследования ценностей российской цивилизации особая роль принадлежит воспитанию правосознания, которое, пронизывая все аспекты социального бытия, акцентирована в России не столько в природной **данности** «даров», присущих нашему народу, сколько в национальном **задании**, воспитании культуры заданного внутреннего акта, его интериоризации, выработке исторических форм его осуществления. Здесь важно обозначить основополагающие принципы правосознания во взаимосвязи с культурными традициями и ценностями российской цивилизации и обращение к обобщающей модели наследования ценностей, в основу которой положены, в частности идеи И. А. Ильина и православная философия соборности.

Наследование культуры есть процесс критического восприятия, освоения и творческого внедрения культурных ценностей прошлого в социальную и личностную практику, в систему социальных и межличностных отношений, является непосредственным деятельностным опытом переживания, объединяющий и мысли, и чувства, и волю личности и поколений в единое целое. При этом субъектно-объектная логика рассуждений в вопросах культуронаследования (и не только), диктуемая господствующей западной гносеологической парадигмой, вступает в противоречие

¹ См.: Репина Л. П. Память о событиях в измерениях пространства и времени // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 34–40.

² См.: Репина Л. П. Историческая наука и общественная жизнь: парадоксы современной исторической культуры // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. 2020. Т. 1. № 1. С. 44–54.

³ См.: Ивашевский С. Л. Политика памяти в российском образовании // Философия образования. 2016. № 1 (64). С. 92–101.

с духовно-ценностной природой процесса наследования культуры, природой нашего национального бытия, традициями искусства и творчества, имеющими преимущественно софийный теургический характер. Особенно это важно в деле наследования традиций воспитания правосознания.

Как известно, существует общая основа и среда у раздельно существующих субъектов исторического процесса. Как носители определенных воли и сил, выражающие начало Свободы (самобытие), они имеют круги своего самоутверждения, которые соприкасаются, конфликтуют. Так встает вопрос о пределах притязаний, равновесии или их правоте, правильности, праве¹. Сам дискретный способ социального бытия, при котором человек человеку будет всегда инобытием, дан как раз для его «преодоления». Все «проблемы нуждаются для своего разрешения в объективном критерии, который обладал бы не только строгим содержанием и убедительностью, но и живою, творческою силою»². Такой критерий видится в духовно-здоровом и верном правосознании, связующем «свою волевою природу с единою, объективною целью человеческой жизни и созерцающее право, и государство как порождение и орудие человеческого духа в его безусловном и священном значении». То, что правосознание, как и все остальные духовные акты, должно покоиться на любви к духу и на воле к безусловному благу, подтверждается всем ходом истории, а всю историю можно рассматривать при свете такого правосознания «как длинный ряд его побед и его поражений»³. Постановка этой проблемы видится как всевозможные отклонения от объективного предметного содержания, когда «сверхличная очевидность подменяется личной уверенностью» и возникают всевозможные соблазны релятивизма и индивидуализма, а антитеза свободы (права) и силы (государства), отражая расчлененность человеческого сознания, призвана к преодолению и обретению синтеза. Сила как действие (осуществление) и право как задание (идеал) находят в правосознании благой источник, где перерождаются *бесправная сила* и *бессильное право*, обретая совершенный синтез в *правой силе*: право становится реальной силой осуществления, а сила обретает духовную мощь правоты. И. А. Ильин отмечал, что правосознание образует необходимую цельность, своеобразную духовную дисциплинированность инстинкта, которая вызывает в нем живое чувство ответственности и сообщает ему известное чувство меры во всех социальных проявлениях человека.

Здесь равенство в духовном значении и объеме как заданность, призванная к осуществлению в форме положительного права, не устраняет естественное данное неравенство по возрасту, полу, физическому и душевному развитию и прочему своеобразию, но утверждает равенство или нарушает его лишь в сторону справедливости. Истинное естественное право является не «формальным» абстрактным обобщенным, а содержательным как устанавливающее систему прав и обязанностей, главным смыслом которых является создание условий для живого духовного бытия, преобразования человека в его стремлении к совершенству, утверждению объективных ценностей.

Ценностная идея российской цивилизации: *свободная любовь к совершенному*, где культура деятельности требуют не формального рационализма, но полноты и цельности, творческого осуществления, живого образного непосредственно личного участия. Ей противостоит дух формального законничества.

Восприятие, переживание и осуществление верховных объективных ценностей нуждается в соответствующих необходимых социальных формах, которые закрепляются в конкретных нормах и образцах и применительно к праву могут осуществляться как способы бытия, мотивирования и действия, выраженные в правосознании. Наиболее полноценно в теоретическом плане они могут быть сформулированы, по мнению И. А. Ильина, в виде аксиом правосознания, первая из которых — закон духовного достоинства — связана с тем, что ценность права определяется ценностью духовных предметных содержаний, способов жизни и духовных состояний, которые должны пронизывать все социальные формы, субъектов и различные аспекты жизни. Дух есть цель права, а право есть форма духа и его средство. Отсюда преимущество в высших, безусловных объективных целях над условным, временным, лично или корпоративно «полезным», осмысление и освящение через эту призму всех своих полномочий, обязанностей и запретностей. Существенна не формально-правовая, а естественно-духовная правота деятельности. Положительное право призвано к тому, чтобы существовать как «своеобразная форма поддержания естественного права». Жизнь должна быть организована как школа самоуправления, направленного к духовному

¹ См.: Ильин И. А. О сущности правосознания. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1994. С. 195.

² Там же. С. 413.

³ Там же. С. 413, 156.

совершенству, то есть внешнее регулирование оправдано в силу самой природы права только ради охраны автономии духа и воспитания личной души к верному самоуправлению в осуществлении высших ценностей.

Ценность правосознания в наследовании культурных традиций должна быть проектируема и верифицируема как на основе закрепления и функционирования социальных норм, основанных на ценностях российской культуры, так и на основе воспитания ценностной культуры личности: ее (1) предметно-информационного (рационального) компонента (интеллектуальной компетентности, просвещенности); (2) инструментального (действенного) компонента (практической компетентности, волевой готовности их соблюдать и защищать); (3) смыслового (мировоззренческого) аспекта преемственности традиционных ценностей в их связи с личными ценностными ориентациями, внутренней убежденностью, мотивами, нравственными, эстетическими и религиозными чувствами. В свою очередь, ценностно-нормативные целевые показатели, отражающие преемственность и закрепление социальных норм, уровень общественной легитимации традиционных ценностей российской культуры и результативности культурной политики могут быть сгруппированы по следующим основаниям:

- источник социальной нормы (народная традиция, духовный авторитет, совесть, государство);
- существующие масштабы распространения социальной нормы (социальная группа, этнокультурная или религиозная общность, нация в целом);
- механизм действия социальной нормы (привычка, вера, законопослушность);
- контролирующая функция социальной нормы (характер санкций, поощрений);
- целостность нормативного регулирования (наличие или отсутствие диспропорций, расчлененности структурных элементов: гипотезы, собственно исполнения и мер воздействия) в освоении традиционных ценностей, взаимосвязь и взаимодополнение норм;
- функциональность нормы (осуществление главных функций разрешения, предписания и запрещения) и наличие дисфункций;
- реальность, формальность, идеальность нормы;
- прочность и глубина освоения российских ценностей и смыслов в процессе усвоения нормы (наличие обоснования, понимание ценностного основания нормы);
- соответствие традиционным ценностям новых норм.

При этом важнейшая роль в обеспечении полноценной социальной регуляции в единстве с культуронаследованием принадлежит правосознанию.

Парилов Олег Викторович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

О соотношении традиционного и общечеловеческого в праве

Отражение национальных традиций и общечеловеческого в государственно-правовых системах — одна из современных актуальных проблем. С одной стороны, национальное право исторично, формируется в процессе развития государства, отражает интересы этносов, теснейшим образом связано с национальными традициями. С другой стороны, современность характеризуется унификацией национальных культур на основе европейско-американской культурной парадигмы, что находит свое воплощение в следующих тенденциях: попытка возвысить международное право над национально-государственным, безосновательные претензии провинциальных судов США, а также Евросоюза на статус абсолютных правовых арбитров (чего стоит адресованное России директивное предписание наших европейских «партнеров» срочно легализовать однополые браки).

О важности обозначенной проблемы, в частности, свидетельствует круглый стол «Право и национальные традиции», проведенный в 2016 году журналом «Вопросы философии». В конференции приняли участие ведущие российские мыслители.

Проблема соотношения традиционного и общечеловеческого в праве порождает массу вопросов. Традиционное означает ориентацию на культурное наследие народа, фундаментальные

ценности и нормы; традиция ассоциируется с устоявшимся, аутентичным национальной ментальности, передающимся от поколения к поколению. В преамбуле Конституции Российской Федерации найдено отражение опора закона на традицию: тезисы об общей судьбе многонационального народа России, почитание памяти предков. Но история порой совершает крутые виражи, формируя и актуализируя новые традиции. И, если мы говорим о связи права с традицией, возникает вопрос, на какой ее пласт ориентироваться? Конституцией Российской Федерации семья объявлена традиционной ценностью, но, как верно отмечает Г. А. Гаджиев, в процессе нашей истории формируются принципиально различные семейные традиции, между которыми отсутствует преемственность¹. До революции традиционным и законным был церковный брак. В советское время ему на смену пришел брак, регистрируемый государством. Торжественный обряд в ЗАГСе является светской альтернативой церковному венчанию. В настоящее время все больше укореняется среди молодежи традиция гражданского брака. Помимо исторического, следует учитывать и этнический аспект семейных традиций и их легализации. У исламских народов Кавказа принят брак на основе законов шариата. Красочную палитру дополняют специфические семейные традиции российских иудеев, бурят-буддистов, малых этносов Сибири — неоязычников с проснувшимся национальным самосознанием.

Еще проблема: когда мы говорим об опоре на традицию, по умолчанию предполагаем исключительно положительную ее коннотацию, что в принципе неверно. Если традиция есть нечто устоявшееся, то устояться в истории может что угодно, с любым ценностным знаком, к примеру, вековые воровские традиции, претендующие на свой альтернативный неписанный закон (жизнь «по понятиям»).

Гораздо больше вопросов возникает в связи с проявлением общечеловеческого в праве.² Само понимание общечеловеческого весьма размыто. Такие базовые правовые ценности, как справедливость, равенство, претендующие на общечеловеческий статус, вне национально-культурных контекстов, — всего лишь пустые абстракции. Даже в рамках развития одной цивилизации (европейской, к примеру) в различные периоды они приобретают принципиально разное содержательное наполнение. В античности справедливость и равенство были актуальны для граждан полисов, но не для рабов, положение которых было на уровне животных. Христианское Средневековье утверждает идею равенства людей, по убеждению В. С. Степина, — равенства в «первородном грехе»³, с чем мы не согласны. По словам Апостола Павла, речь идет о равенстве всех во Христе (Гал. 3: 28). Верно то, что равенство перед Богом входило в противоречие с социальным (сословным) неравенством. В эпоху Нового времени (а его новизна определялась именно претензией на отмену традиционного миропонимания) выдвигается идея правового государства, равенства всех перед законом. Но и в этом случае равенство, а значит и справедливость, условны: перед законом все равны, но силы и возможности людей разные. Закон не в силах уравнивать то, что разделила сама природа.

На наш взгляд, проявление общечеловеческого в праве продуктивно рассматривать лишь в контексте действия общемировых тенденций. По убеждению В. С. Степина, таковой является формирование социальной техногенной цивилизации, западной по происхождению, но реализуемой в настоящее время во всех регионах планеты⁴. Основой унификации культур, традиций современный философ считает универсальный по своей природе научно-технический прогресс. Не отрицая этого, мы бы на первое место поставили такие общемировые тенденции, как глобализация и постмодерн. Взаимосвязанные, они одинаково агрессивны по отношению ко всему традиционному.

Особенно враждебен к традиции постмодерн, ибо он есть логическое завершение модерна, постулировавшего отмену традиционного миропонимания. Постмодерн стремится размыть коллективную историческую память, базовые ценности и нормы жизни народов, объявляя их атавизмом, тоталитарным рудиментом. В противовес им постмодерн абсолютизировал идею прав и свобод атомизированных индивидов, тотальное раскрепощение под лозунгом толерантности.

¹ См.: Право и национальные традиции. Материалы «круглого стола». Участники: А. А. Гуссейнов, В. С. Степин, А. В. Смирнов, Г. А. Гаджиев, Н. С. Бондарь, Э. Ю. Соловьев, В. М. Межуев, П. Д. Баренбойм, В. В. Лапаева, С. Л. Чижков // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 8.

² Ивашевский С. Л., Саборова М. Ш. Национально-культурные особенности развития современной юридической науки в России // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 130–135.

³ Право и национальные традиции. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 14.

⁴ Там же.

Яркий пример: активное разрушение в США на законодательном уровне половых различий в угоду непомерно раздуваемым правам личности на гендерное самоопределение.

Глобализационная стратегия по-прежнему заключается в луковом стремлении навязать ценности, нормы жизни, в том числе и правовые, европейско-американской цивилизации в качестве общечеловеческих всем остальным народам. Если говорить о глобализации, то это объективный процесс, который уже невозможно повернуть вспять. Мир действительно стал единым, особенно этому способствовал интернет. Хотим мы того или нет, процесс культурного усреднения необратим. Другое дело — глобализм, разрушительная насильственная стратегия насаждения американско-европейской культурной матрицы в качестве универсальной. Ее западные инициаторы и вдохновители не приемлют никаких альтернатив, кроме однополярного мира. О глобалистской стратегии говорили еще во второй половине XIX века русские философы Н. Данилевский и К. Леонтьев. А в современной истории западную культурную агрессию детально описал С. Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций?». Гарвардский профессор предсказал и три возможных варианта реакции других цивилизаций на ассимиляционную стратегию: самый лучший путь — модернизироваться, но не вестернизироваться (по этому пути идет Китай), второй путь — достойный, но чрезвычайно трудный, почти самоубийственный — сохранять традиционные ценности, коллективную историческую память ценой изоляции, жить с клеймом страны-изгоя (Северная Корея); третий путь — предательский, капитулянтский: «вскочить на подножку поезда», то есть некритично принимать европейско-американские ценности и стандарты жизни. В 90-е годы XX века С. Хантингтон был убежден, что по этому пути пошла наша страна¹. Но за четверть века многое изменилось. Сегодня на подъеме тема патриотизма, сохранения национальных традиций. Очевидно стремление возвысить национальную правовую систему над международной. Нет сомнений, что активное противодействие глобализму есть единственный путь сохранения коллективно-исторической памяти российской цивилизации.

Денисова Любовь Владиленовна,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России

Науки о праве в системе гуманитарного знания

Юриспруденция представляет собой систему наук, в которых производится изучение разнообразных аспектов функционирования правовой реальности. В фокус внимания юридических наук попадают юридически значимые факты, особенности правоотношений, правоприменительная и правотворческая деятельность. Спектр изучаемых областей можно продолжать и далее. В науковедческом контексте юриспруденция относится к классу социально-гуманитарных наук, которые обрели свою научную идентичность сравнительно недавно и характеризуются большим разнообразием методологических приемов и техник.

История юриспруденции часто выводится из развития философских учений о праве и государственном устройстве, а потому исходным пунктом ее появления как науки считают древнегреческую мудрость. «Не вызывает особых сомнений соображение о том, что юриспруденция как теоретическая наука гуманитарного цикла начинает складываться именно в античный период истории из повседневной практики применения «живого» обычного права», — резюмирует И. В. Галкин². Однако уже в момент своего появления юридическое знание было, с одной стороны, знанием философским, то есть в современной классификации — это была философия права, а с другой — чисто практическим, рецептурным, привязанным к решению определенных юридических коллизий, возникающих в повседневной жизни. Эта поляризация в юридической науке сохранялась на протяжении всей ее истории и остается актуальной до настоящего времени.

В этой своей специфике юридическая наука должна была в первом случае решать задачи демаркации с философией (в части развития теоретико-правовых концепций), а в эпоху развития

¹ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.

² Галкин И. В. Методологические особенности античной юриспруденции // Lex russica (Русский закон). 2017. № 8 (129). С. 195.

социологии — еще и с социологией. В противоположной части своего проблемного поля юридическая наука должна была отделиться от техники правотворчества, правоприменения и других действий юридического характера, которые можно рассматривать как юридические факты (разновидность социальных фактов по Э. Дюркгейму, или социальных действий в терминологии М. Вебера). Эти фактологические сведения были и остаются эмпирическим базисом для получения нового знания, но сами по себе они еще не могут быть квалифицированы как знания научные. Последние появляются с формированием теории или, хотя бы, как выразился К. Поппер, чего-то похожего на нее. Когда же можно говорить о появлении собственно теоретического уровня знаний в юриспруденции, такого, которое не сливается уже с философскими концепциями, а содержит именно юридические теоретические конструкты и способно формировать объяснительные схемы в отдельных отраслях права?

В эпоху античности в сфере права уже сложился огромный пласт знаний, включавший инструментарий различных систем обычного права и развивающихся специализированных систем права (частного, публичного и т. д.). Но самое главное, как в Римской империи, так и на территориях, оставшихся после ее падения, наблюдалось параллельное действие разных систем. Взаимопереплетение этих систем составляло, вплоть до позднего средневековья, большую проблему в реальной жизни. «Общеизвестен партикуляризм права в средневековых государствах, где в границах одного государства одновременно действовало несколько правовых систем: королевское право, обычное, городское, ленное, торговое, морское, каноническое. Но вместе с тем было и нечто общее, пусть и не объединяющее, но создающее почву для будущей единой правовой системы Европы, — это реципированное римское право», — отмечает В. Б. Романовская¹.

В эпоху позднего средневековья и затем Возрождения происходит, на наш взгляд, формирование собственно теоретического фундамента юридической науки, отдельного от философско-правового основания и заключающегося в выделении идеализированных объектов, систематизации понятийного аппарата, классификации основных юридических концептов. Эту чисто теоретическую работу начали глоссаторы Болонского университета, приступившие к комментированию Дигест Юстиниана и нашедшие в них «*ratiocripta*, писанный разум, тонко разработанную дедуктивную систему, которая опирается на универсальные справедливые принципы»². Деятельность Ирнерия была продолжением практики, сложившейся и в более ранних юридических школах, возникших еще в раннем средневековье в Риме, Бейруте, Карфагене, Константинополе. Слабо мерцавшая, но не прерывавшаяся традиция теоретического осмысления правовых явлений была продолжена с новой силой и энергией в средневековых европейских университетах. Следует добавить, что Дигесты (Пандекты) — собрание мнений древнеримских юристов по различным законодательным вопросам — стали важным источником и энергетическим импульсом научного теоретизирования. Таким образом, развернувшуюся в Болонье деятельность Ирнерия и его учеников по праву можно оценить, как «первую научную революцию» в юриспруденции, положившую начало возникновению подлинной науки о праве. «Случайное открытие старых римских рукописей в одной итальянской библиотеке в конце XI века... повлекло за собой такие масштабные последствия, о которых в те времена не могли бы помыслить самые смелые умы»³.

Использование логических методов и герменевтических приемов послужило методологическому самоопределению юриспруденции. Большинство современных теоретических учений в специализированных отраслях юридической науки (цивилистике, науках уголовного права, административного права и других) опираются на техники толкования норм, сложившиеся в далеком средневековье и относящие юриспруденцию к числу «лингвоинтенсивных специальностей»⁴. К сожалению, этот факт самоопределения юриспруденции в ее близости филологическим наукам до сих пор плохо воспринимается в научно-исследовательской институциональности, но этому имеются, на наш взгляд, свои исторические причины, которые должны стать вопросом отдельного исследования.

¹ Романовская В. Б. Период высокого средневековья в Европе – век инноваций в юридическом образовании // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2013. № 3 (2). С. 174.

² Синченко Г. Ч. Парадокс правоблудителя. Философско-правовые эссе. Омск. 2010. С. 99.

³ Романовская В. Б. Период высокого средневековья в Европе – век инноваций в юридическом образовании // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 3 (2). С. 174.

⁴ Славова Н. А. Юридическая наука: понятие, возникновение, развитие, функции и содержание // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2019. № 2. Т. 1. С. 25.

Поляков Михаил Петрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России

Уголовно-процессуальное право: вечный потенциал забытых концепций

В системе коллективной исторической памяти у права есть не просто особая роль, но, несомненно, и своя выдающаяся миссия. Вглядываясь в сущность права через призму его путешествия сквозь времена и эпохи, можно понять, что право было изобретено не для сиюминутных прагматических нужд социума. Оно понадобилось человечеству не только для того, чтобы регулировать современные общественные отношения, вносить мир и равновесие в человеческое общежитие. Право изначально было призвано и для другого: закреплять, сохранять и передавать от поколения к поколению ключевые идеи, таящие в себе суть и душу права. Право было избрано в качестве хранителя принципов. Причем принципов специальных, общих и даже всеобщих. Принципов, которые оправдывали бы не только правовые установления, ну и отражали социально культурные аспекты определенной исторической эпохи.

Право — это ключ к пониманию тайн истории человечества. Поэтому не только нормы права наиболее полно раскрываются в историческом контексте, но и сам этот контекст становится доступным через глубокую и творческую интерпретацию закона, опирающуюся на широкое философское видение социальной природы правотворчества. Именно это свойство права в любом его отраслевом проявлении и дает нам основание для формирования и продвижения нового научного направления, которые мы назвали — «уголовно-процессуальная концептология». Указанное направление имеет своей первейшей задачей — через право, правовые памятники, парадоксы современных законов проникать в социально-историческую память для обнаружения там особых концептов, в которых и хранятся ключи к пониманию сути современных правовых и социальных явлений. Уголовно-процессуальная концептология пробивается к концептам, которым нипочем века и эпохи. Она позволяет освежить историческую память не ради праздного любопытства. Уголовно-процессуальная концептология призвана сделать так, чтобы память прошлого была поставлена на службу созидания будущего. А для этого концептология замахивается не только на информационные, но и на идеологические поиски. Первейшая задача современной уголовно-процессуальной науки заключается не только в том, чтобы с платформы исторической ретроспективы понять существо современных правовых институтов, но главным образом в том, чтобы вернуть уголовно-процессуальному праву особый животворящий дух. Сегодня многие правовые явления представляют собой пустые юридические оболочки. В них отсутствуют зернышки одухотворенной социально исторической памяти, столь необходимой для душевного принятия права социумом. Поэтому крайне необходимо вернуть современному праву его концептуальную насыщенность, связать его золотыми нитями исторической преемственности с концептами, хранящими в себе крупницы подлинного величественного духа права.

Уголовно-процессуальная концептология призвана реанимировать историческую память и ключевые концепции, хранящиеся в этой памяти; представить право как калейдоскоп идей. В рамках этого методологического направления многие кажущиеся тривиальными правовые конструкции обретают глубокий исторический смысл. В качестве примера можно привести такое заметное правовое явление, как добровольное признание обвиняемым своей вины. Современная идеология уголовного процесса пытается придать признанию обвиняемого минимальное значение. Феномен, ранее почитавшийся теорией и правом как «царица доказательств», сегодня сведен к статусу рядового доказательства. Законодатель, косвенно признавая значение признательных показаний, оговаривается, что в основу приговора оно может быть положено лишь в том случае, если оно подтверждается другими доказательствами.

Однако сама технология современного уголовного процесса дает понять, что данное признание является крайне желательным для судопроизводства. Государство вновь проявило глубокий и широкий функциональный интерес к сотрудничеству обвиняемого с правосудием. Концепт признания обвиняемым своей вины стал ключевым в концепции дифференциации уголовного судопроизводства. Все ускоренные досудебные и судебные производства опираются на этот концепт. Однако опора эта стыдливая, лишенная позитивной исторической памяти, отражающей глубину этого правового феномена. Многим ученым и практикам здесь видится тень злого умысла. Не

зря Верховный суд Российской Федерации и Генеральная Прокуратура Российской Федерации несколько лет назад предприняли попытку урезонить экспансию особого порядка судебного разбирательства (глава 40 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации). Сейчас критический взор этих ведомств обращен на институт судебного штрафа, в основе которого тоже лежит концепт признания обвиняемым своей вины.

Все это говорит о том, что присутствует прагматическое (экономическое) признание концепта признания обвиняемым своей вины, а вот истинная идеология этого вопроса остается за кадром. Речь идет о той идеологии, которая содержится в глубокой исторической памяти, в том удивительном седом средневековом контексте, который окружает признательные показания. В наше время идеологическое понимание концепта признания обвиняемым своей вины подменяется по большей части пониманием политическим. Шлейф этого понимания тянется из тех времен, когда наука уголовного судопроизводства готовила идеологическую платформу для широкого внедрения составительного начала. Поскольку признание обвиняемым своей вины в раннем уголовном процессе розыскного типа было технологически тесно связано с пыткой, критика и осуждение пытки были перенесены и на сам феномен признания. Признательные показания априори провозглашались вымученными. Акцент в критике был сделан на зверства самой системы розыскного процесса. И самое удивительное, что подход этот до сих пор не преодолен. В контексте доминирующей уголовно-процессуальной идеологии исключения и издержки, касающиеся признания обвиняемым своей вины, по-прежнему преподносятся как общее правило.

И здесь на помощь теории и праву должна прийти уголовно-процессуальная концептология, как основание продуктивной методологии, прокладывающей пути к истокам, хранящим дух права. Проблемы и сложности движения по этому пути выражаются в господстве определенных исследовательских установок. В науке уголовного процесса всегда было много политики. Причем это было свойственно не только уголовному процессу советского периода. Политически окрашенной теория уголовного процесса была во все времена. Труды современников Устава уголовного судопроизводства Российской Империи тоже пропитаны идеологическими предпочтениями не в пользу уголовного процесса розыскного (инквизиционного) типа.

Теоретическая пристрастность неизбежно приводила и приводит к избирательности исторической памяти. Как это не прискорбно, но юридической науке свойственен такой метод, как забвение. Многие явления живут в памяти лишь благодаря тому, что они являются «дровами», необходимыми для пламени критики. Однако кроме имен, со временем от этих объектов критики ничего не остается. В качестве примера можно привести формальную теорию доказательства. Она сегодня поминается как убогая, однако, история говорит о другом: это был шедевр коллективного научного разума, отточенный и отшлифованный веками. И в этом смысле данная теория представляет интерес как феномен культуры. Однако до сих пор нет ни одного современного исследования, которое бы донесло до нас красоту этой теоретической концепции и юридической конструкции.

По сути, к такому усердному забвению были приговорены и другие важнейшие методологические основания и идеологические предпосылки инквизиционного уголовного процесса. Сам этот тип процесса был ошельмован, на него были повешены звонкие негативные идеологические ярлыки, вызывающие не только сомнение в концепции розыскного (инквизиционного) уголовного процесса, но и отвращения к ней. В настоящее время эта очернительная тенденция начинает преодолеваться усилиями немногочисленных исследователей. Их стараниями начинают открываться хранилища исторической памяти, таящие глубокие и красивые знания об истоках розыскного (инквизиционного) процесса и целого ряда его ключевых концептов, в том числе и исторической сущности признания обвиняемым своей вины.

И тут на выручку теоретикам уголовного процесса приходят философы. Им удается более глубоко внедряться в материю исторической памяти правосудия, поскольку они в большинстве своем имеют иммунитет к отраслевым «идеологическим инфекциям», которые очень часто поражают ученых-юристов. Философам удается смотреть на историческую ретроспективу правовых явлений относительно беспристрастно, а, следовательно, видеть в исторической памяти то, что не могут разглядеть корифеи науки. Им удается разглядеть концепты. Кроме того, философы склонны с присущей им любовью к истине и мудрости далеко углубляться в историю. И видеть там не только тьму отсталости, но и свет великолепных культурных и правовых открытий.

Большую помощь нашему концептуальному анализу исторических предпосылок уголовного процесса розыскного типа оказал французский философ Мишель Фуко. Речь идет о его работе:

«Надзирать или наказывать. Рождение тюрьмы». В этом сочинении был вскрыт целый ряд важнейших концептов, позволяющих понять и розыск, и специфику ценности феномена признания обвиняемым своей вины. Понять именно в концептуальном смысле.

И здесь мы хотим обратить внимание на один из важнейших концептов, которые современным процессуалистам следует держать не только в сознании, но и в душе. Это идея величайшей культурной ценности уголовного процесса инквизиционного типа с присущим ему специфическим методом дознания. Дознание обоснованно возводится в статус великих изобретений средневековья. Это очень важный концепт. Важный в широком культурно-историческом поле. В последние двести лет исторические основания розыска подвергались критике и даже осмеянию. Философ же занимает совершенно иную позицию, уважительную. Он показывает насколько глубока и широка сама по себе идея розыска. Подчеркнем, дознание определяется им, как великое изобретение средневековой эпохи. Причем величие этого открытия сказывается не только на юриспруденции. В историческом ключе дознание представлено как основополагающая идея, давшая рождение многим значимым социальным институтам. В частности, Мишель Фуко связывает инквизиционный метод (дознание) с появлением методологии естественных наук. Из пытки, как инструмента дознания, вырастает столь любимый естествоиспытателями эксперимент. Природа, если присмотреться, тоже подвергается дознанию. Экспериментом, образно говоря, у нее вырываются нужные «показания» об ее же законах.

Мишель Фуко наводит нас на мысль о том, что исконная идея, лежащая в основе любого правового института, может быть в историческом разрезе чрезвычайно велика и значима. Установка на поиск величия и принимается в арсенал уголовно-процессуальной концептологии. Именно величие и значимость идей и концепций нужно загружать в историческую память, именно гордость сохранять и доносить до потомков. Историческая гордость, как правило, с трудом прорывается через волну современной критики, зачастую оторванной от сути явления. Но историческая память, генерирующая гордость за предшественников, очень важна для современников, для тех, кто строит идеальную модель уголовно-процессуального права.

Только в широком историческом контексте возможно формирование и реальной конструкторской основы для совершенствования современного уголовного судопроизводства. Тот, кто не помнит ничего бывшего, не в состоянии изобрести ничего хорошего для грядущего. Поэтому задача юристов заключается в том, чтобы с почтением и благоговением посмотреть в прошлое, в том числе и на великое изобретение средневековых юристов, каковым является розыскной уголовный процесс, и его важнейшие инструменты. Величие, а не убогость надлежит черпать в исторической памяти. И задача права хранить это величие, создавать все условия для того, чтобы оно проросло в современных научных концепциях и законах.

Марченя Павел Петрович,

кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;

Стрелкова Нина Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

**Право и смута: массовое правосознание в контексте формирования
и преодоления системных кризисов в России**

В рамках темы приуроченного к «Всемирному дню философии» в 2021 году круглого стола «Право в системе коллективной социально-исторической памяти: к 800-летию Нижнего Новгорода» считаем уместным особо выделить как минимум три значимых повода для предметной постановки специальной философской и междисциплинарной проблемы о неразрывной связи феноменов Права и Смуты в отечественной истории государства и права и той (на наш взгляд, все еще не вполне оцененной и осмысленной) детерминирующей роли в формировании и преодолении

всевозможных «смут» и «смутных времен» в судьбе России, которая принадлежит именно традиционному правовому сознанию масс и его взаимодействию с различными правовыми «инновациями» властных элит.

Во-первых, вопрос о реальном взаимовлиянии объективно существующих цивилизационных особенностей русского правосознания и периодически повторяющихся системных кризисов (смут и революций¹) в жизненных циклах российской цивилизации, увы, своей болезненной актуальности к настоящему времени не утратил² и до сих пор является, без преувеличения, одним из главных теоретических / фундаментальных и практических / прикладных вызовов для современных политических элит и экспертного (пожалуй прежде всего философского) сообщества России, в контексте обеспечения ее социальной стабильности³, государственной / общественной / национальной безопасности⁴ и политического / духовного / культурного / цивилизационного суверенитета⁵. В том числе — и об этом уже неоднократно упоминалось и в дискуссиях предыдущих, ранее посвященных «Дням философии» круглых столов, организованных кафедрой философии Нижегородской академии МВД России, многие современные специалисты подчеркивают, что отказ от собственного объективного правового идеала грозит серьезной опасностью всему обществу, а само функционирование всей правовой системы в целом остро нуждается в мировоззренческом — в философском обосновании, с обязательной опорой на отечественную интеллектуально-духовную традицию⁶, позволяющую обрести праву надежную поддержку в народном правосознании как источнике взаимообусловленных «права на власть» и «власти права»⁷. Справедливо говорилось не раз и о том, что сложившаяся после отказа от идей, лежавших в основе разваленной советской государственности, ситуация полного отсутствия идеологии, объединяющей народ и власть идейной позицией государства, фактически дискредитирует само государство и его право⁸, порождает (как в индивидуальном, так и в общественном сознании) чувство страха, подрывает сущностную основу целеполагания общества и его безопасности⁹, вступает в антирезонанс с мировоззренческими императивами самого бытия российской цивилизации и всей государственной политики в России¹⁰.

¹ См.: Марченя П. П. К вопросу о соотношении концептов смуты и революции в современном отечественном социогуманитарном знании // *Философские исследования и современность*: Вып. 10. М.: ИПЛ, 2021. С. 87–94.

² См.: Дворниченко А. Ю. Смута как фактор российской истории // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 677–701; Марченя П. П. «Смута» как проблема отечественной истории: Чему учат системные кризисы России? // *История в подробностях*. 2010. № 5. С. 86–91; *Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»* // *Власть*. 2010. № 4. С. 14–17; № 5. С. 10–14; № 6. С. 13–17; № 7. С. 9–14; № 8. С. 9–13; № 9. С. 16–21.

³ См.: Столетие Русской революции в контексте проблем социальной стабильности и безопасности: материалы Всероссийского круглого стола // *Философские исследования и современность*: Вып. 6. М.: ИПЛ, 2017. С. 292–322.

⁴ См.: Марченя П. П. Массы и массовое сознание: фактор социальной стабильности или угроза национальной безопасности? Уроки истории русских революций. М.: Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2017. 123 с.

⁵ См.: Золкин А. Л. Цивилизационный суверенитет, культурная идентичность и этическая позиция. М.: Шелест, 2021. 308 с.

⁶ Треушников И. А. К вопросу о философском обосновании функционирования правовой системы // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 1 (41). С. 283–286.

⁷ Треушников И. А. Право на власть или Власть права // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2019. № 1 (45). С. 265–267.

⁸ Дахин А. В. Правовая норма, идейная позиция государства и мировоззренческий выбор в современном социальном контексте // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 1 (41). С. 286–288; Париков О. В. Трансформация институтов государства и права в результате смены мировоззренческих парадигм // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 1 (41). С. 296–298; Париков О. В. Статья 13 Конституции Российской Федерации и формирование государственной идеологии // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2019. № 1 (45). С. 285–287.

⁹ Ивашевский С. Л. Безопасность как политическая идеология и фактор формирования современного правосознания // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2019. № 1 (45). С. 283–285.

¹⁰ Марченя П. П. Империя как форма бытия российской цивилизации (к вопросу о мировоззренческих императивах государственной политики в России) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2021. № 1 (53). С. 315–317.

Поэтому вопрос о философском осмыслении идей и ценностей, которые лежат в основе массового правосознания, и их сопоставлении с соответствующими установками элит — это и есть предположительно главный из всех возможных предметов исследования, где осуществляется «встреча философии и права в контексте системных кризисов государства и общества»¹.

Во-вторых, каждая из так называемых «великих русских смут» (в современной отечественной историографии их принято насчитывать, по крайней мере, три²: «Смута семнадцатого века», в ходе которой оказались сотрясены все основания государственности, подвергшейся соблазну самозванцев, хаосу децентрализации, интервенции и предательским действием прозападнических элит средневековой Московской Руси; «Смута семнадцатого года», «модернистская», рассыпавшая прежнюю империю, и воссоздавшая ее в ином качестве, определившем ход истории в Новейшее время; и, пока (на день сегодняшний) последняя — но все еще так и не преодоленная — «постмодернистская» Смута, которая три десятилетия назад разрушила Империю СССР и окунула «новую Россию», а вместе с ней и все постсоветское пространство (да и многие другие, как соседние, так и дальние государства)³ в продолжившееся теперь уже в новом тысячелетии «смутное время», приобретающее в последние годы все более глобальные очертания⁴) занимает исключительно важное место «в системе коллективной социально-исторической памяти», фактически, служит так называемым «местом памяти», являющимся не просто символом прошлого, но организующем систему духовно-нравственных и политико-правовых ориентиров человека и общества в их настоящем и будущем.

В-третьих, отметивший в 2021 году свой восьмивековой юбилей Нижний Новгород сыграл поистине памятную роль в преодолении той самой первой «Великой русской смуты» — Смуты XVII века — парадигмальной, во многом обусловившей параметры всей дальнейшей российской истории. И было бы странно, если эта выдающаяся историческая роль Нижнего Новгорода и нижегородцев⁵ в том выходе из глубочайшего системного кризиса России осталась без упоминания на круглом столе «Право в системе коллективной социально-исторической памяти: К 800-летию Нижнего Новгорода». Представляется очевидным, что для спасения от нынешней глобальной смуты нам необходимо вспомнить и переосмыслить собственный исторический опыт, как говорится, «нужно встать на плечи предков»⁶.

В условиях переживаемого сейчас беспрецедентного кризиса нам жизненно важно обратиться к этому опыту своих предков и сделать выводы из всех прежних смут: наш народ вовсе не «правонигилистичен», его правовое чувство живо и остро реагирует на попытки разрушения цивилизационной идентичности со стороны ориентированных на ценности иной цивилизации элит.

Матвиенко Евгений Алексеевич,

кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры философии Волгоградской академии МВД России

Права человека в XXI столетии: новые вызовы и угрозы

Проблематика, так или иначе связанная с закреплением, соблюдением и защитой прав человека, занимает значительное место как в медийном пространстве современного общества, так и в политическом, правовом и философском дискурсах. К сожалению, политизированность данной

¹ Марченя П. П., Стрелкова Н. В. Русский марксизм и массовое правосознание в России: встреча философии и права в контексте системных кризисов государства и общества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 289–290.

² Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии. М.: Моск. ун-т МВД России имени В. Я. Котля, 2018. С. 54–112.

³ См.: Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» // Новый исторический вестник. 2013. № 3. С. 98–147.

⁴ Россия и глобальный кризис современности: материалы межведомственного круглого стола // Философские исследования и современность: Вып. 10. М.: ИПЛ, 2021. С. 202–255.

⁵ См.: Селезнев Ф. А. Нижегородцы и преодоление Смуты (1606–1618). Н. Новгород: Деком, 2015. 144 с.

⁶ Бельский В. Ю., Марченя П. П. Нужно встать на плечи предков // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 3 (28). С. 28–28 (1–10). DOI: <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-28-28>.

темы достигла в последнее время пиковых значений. Проблема «прав человека» нередко превращается в разменную монету в экономическом и идеологическом противостоянии различных стран и их объединений. С упорством, достойным лучшего применения, ведущие геополитические игроки обвиняют друг друга в пренебрежении базовыми правами и свободами личности, фиксируя многочисленные факты вопиющих нарушений в регулярно публикуемых докладах и дипломатических нотах. Все это привело к заметной девальвации проблемы с точки зрения непредвзятого наблюдателя.

Однако, если отбросить в сторону политические игры, то на первый план выдвигается ряд действительно важных и глубоких проблем, заслуживающих самого пристального внимания как философов, так и юристов. Эти проблемы фиксируются правосознанием общества и выступают важным фактором, влияющим на ход и результаты социального развития.

Отправной точкой рассуждений в этом вопросе должно, на наш взгляд, стать безусловное признание историчности прав человека, а также их органической связи с культурой общества (с правовой культурой — в особенности). Такое видение принципиально отличает современную повестку дня от классической европейской. Мыслители Нового времени рассматривали естественное-правовые постулаты как абсолютные и незыблемые, утвержденные раз и навсегда, аналогичные в этом смысле законам природы или законам формальной логики. Так, один из пионеров естественно-правовой теории Гуго Гроций подчеркивает: «Естественное право... столь незыблемо, что не может быть изменено даже самим Богом».¹ Соответственно, будучи сформулированы в философских трактатах и закреплены в конституциях и кодексах, права человека не нуждались более ни в изменении, ни в каком-то дополнительном обосновании или особой защите — как не нуждались в них, к примеру, законы Ньютона.

Сегодня ограниченность такого подхода очевидна. Признание прав и свобод человека в качестве основополагающего принципа общественного устройства есть историческое завоевание человечества. Как и все историческое, такое признание имеет преходящий характер. Однако, на наш взгляд, на сегодняшний день (да и на обозримое будущее) потенциал концепции прав человека далеко не исчерпан. Следовательно, эта идея и основанная на ней социальная практика нуждается в дальнейшем обосновании и защите (в том числе и с помощью интеллектуального арсенала философии).

Долгое время основной угрозой правам и свободам человека считался (вполне обоснованно) политический деспотизм, характерный для авторитарных и тоталитарных режимов. Им противопоставлялся и противостоял «Свободный мир», исторически представленный западными демократиями. Теоретическая антиномия «открытых» и «закрытых» обществ, доведенная до апогея в известной работе Карла Поппера,² удачно дополнялась глубоким художественным осмыслением тоталитаризма в ставшем со временем хрестоматийном романе Джорджа Оруэлла «1984». Образ всевидящего и всезнающего «Большого брата» на десятилетия стал кошмаром для прогрессивно мыслящих западных интеллектуалов.

Конец восьмидесятых — начало девяностых годов XX века характеризовались кратковременной всеобщей эйфорией, связанной с крахом коммунистической идеологии, распадом СССР и ожиданием провозглашенного Фукуямой скорого и неизбежного «конца истории». Казалось, права человека больше ничего не угрожает. Но отрезвление наступило очень быстро. Собственно, наиболее проницательные представители западной цивилизации и раньше прекрасно видели опасности и угрозы «дивного нового мира». На них указывал в одноименной антиутопии Олдос Хаксли, их подробно описывал (в частности, в «Одномерном человеке») Герберт Маркузе. Последний прекрасно уловил тоталитарные тенденции, все более явно проглядывающие за демократическими декорациями общества потребления, одним из первых указал на опасность (тогда только набравшей обороты) индустрии сознания.³

Однако предупреждения Хаксли и Маркузе услышаны не были, по крайней мере, широкими массами и управляющей ими экономической и политической элитой. Казалось, что развитие науки, техники и технологии, экспоненциальный рост производства материальных и духовных благ (качество последних — вопрос отдельный), повышение продолжительности и качества жизни

¹ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 71,72.

² Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. М., 1992.

³ Маркузе Г. Одномерный человек // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М., 2003.

действительно все шире приоткрывают ворота в прекрасный новый мир, где не будет места кровавым конфликтам, бесправию и нищете. Страны Западной цивилизации, а вслед за ними и многие другие (включая и Россию), попытались в эти ворота войти.

К сожалению, человечество ожидало глубокое разочарование. Права и свободы личности отнюдь не стали реальной (а не декларируемой) основой принятия ключевых общественных решений.

Сохранились, а во многом и усилились, прежние угрозы для их признания и реализации. Как и столетия назад, во многих регионах мира процветают политический террор и репрессии, коррупция и nepотизм, дискриминация по расовому, национальному, конфессиональному, гендерному признаку. Конфликты на этнической и религиозной почве, фанатизм и нетерпимость остаются обычным явлением.

Однако возникают и угрозы принципиально новые. Их на наш взгляд, можно разделить на две большие группы. К первой из них следует отнести накрывшую Запад и постепенно распространяющуюся за его пределы настоящую «вакханалию толерантности». Происходящее прекрасно иллюстрирует известный тезис, что любая идея, будучи доведена до абсурда, превращается в свою противоположность. Изначально благородная идея борьбы с любыми формами дискриминации и защиты прав меньшинств превратилась в орудие дискриминации большинства, которому агрессивно навязываются небесспорные, мягко говоря, представления и ценности. В «либеральной» среде складывается настоящий «культ девиации», успешно вытесняющий «культ нормы». «Либерализм» адептов этого культа мы берем в кавычки, потому что подлинный (увы, давно и видимо безвозвратно утраченный Западом) либерализм исходил из права каждого иметь и отстаивать любую (за исключением, возможно, откровенно деструктивных) точку зрения, право «плыть против течения». Сегодня такого права среднестатистический американец или немец практически лишены. Человеку приходится бороться за право быть нормальным. Пресловутая «культура отмены» способна практически мгновенно «вычеркнуть» человека из социальной жизни — причем совершенно независимо от его прежних заслуг или наличия реальной вины. Обозначенные процессы принимают все более абсурдные формы. Производители отказываются от использования брэндов типа Geisha или Uncle Ben's как якобы унижающих достоинство японских женщин и афроамериканцев. В то же время откровенно расистское движение BLM (Black Lives Matter) провозглашается носителем прогрессивных ценностей...

Другая угроза связана с развитием новой техники и технологий прежде всего цифровых. Можно согласиться с И. А. Гусейновой в том, что «глобальный поворот к цифре требует переосмысления всех видов деятельности человека, а также пересмотра его коммуникативной, профессиональной и социальной активности».¹

Стремительно формируются новые формы социального неравенства как межличностного, так и межстранового, причем последнее демонстрирует устойчивую тенденцию к углублению. Исследователи подчеркивают, что «в глобально-цифровом обществе возрастает угроза потери не только гражданами, но и отдельными государствами своего суверенитета... Государство может превратиться в средство тотального контроля, называемое некоторыми авторами электронным концлагерем».² «Онлайн-бытие» человека сегодня практически прозрачно для того, кто обладает необходимыми для проникновения в него технологическими и экономическими ресурсами. Сфера же этого бытия (в том числе под влиянием пандемии) постоянно расширяется. Да и в формате офлайн личное пространство индивида неуклонно сжимается. Оруэлловский «Большой брат» благодаря цифровизации обрел сегодня невиданные ранее возможности, которые с неизбежным прогрессом цифровых технологий будут только возрастать, превращая его власть практически в абсолютную.

Здесь, правда, следует указать на еще одну тревожную тенденцию — тенденцию нарастающей «приватизации государства». О ней достаточно откровенно пишет, например, известный теоретик постиндустриализма К. Шваб.³ Традиционно публичные функции, ранее бывшие монополией государства, все более отдаются на откуп частному бизнесу. На смену «Большому брату», хотя бы

¹ Гусейнова И. А. Цифровизация и ее моделируемые последствия (на примере социокультурного взаимодействия в институциональной коммуникации) // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2020. № 4. С. 92.

² Даллакян К. А. Трансформация права и свободы в эпоху цифровизации // Онтология и аксиология права. Тезисы докладов и сообщений десятой международной научной конференции. Омск, 2021. С. 12.

³ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2017. С. 85.

номинально пекущемуся об общем интересе, приходит несколько десятков корпораций, которые озабочены исключительно получением прибыли. Права и свободы личности им не интересны, более того, являются препятствием для максимизации этой самой прибыли. Впрочем, это препятствие вполне преодолимо.

Мы вынуждены сделать вывод, что хотя права и свободы человека декларируются большинством современных государств как высшая ценность, до воплощения этих деклараций в жизнь еще очень далеко. На этом пути мы сталкиваемся с массой вызовов и угроз, в том числе принципиально новых. Их устранение требует активной совместной работы как государства, так и прежде всего гражданского общества.

Зуева Ольга Владимировна,

кандидат социологических наук, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России;

Демидов Николай Николаевич,

кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии Волгоградской академии МВД России

**Мониторинг общественного мнения о деятельности полиции:
история развития системы исследования**

Изучение общественного мнения социологическими методами исследования является относительно новой научной процедурой. Начало было положено в первой половине XX века в связи с утверждением в научном поле эмпирической социологии. Но проблема общественного мнения во всех обществах и во все времена была насущной в связи с необходимостью реагировать на желания и потребности различных слоев общества. Властвующие элиты различных типов государств обращали внимание на общественное мнение. Даже самые авторитарные правители прислушивались к голосу угнетенных масс так как «правительства должны интересоваться о мнениях своих граждан, хотя бы в качестве основы для подавления недовольства».¹

Теоретически явление общественного мнения было обосновано на протяжении двадцатого столетия многими философами и социологами. Существует довольно большое количество определений данного явления. Одной из распространенных дефиниций является представление общественного мнения Б. А. Грушина, который определяет его как состояние массового сознания, выражающее явное или скрытое отношение общественности к социальным процессам и явлениям, которые затрагивают ее интересы и потребности.² Таким образом, опираясь на авторитетную позицию, можно сказать, что общественное мнение определяет точку зрения общества на общественно значимые вопросы.

Вопрос совершенствования деятельности органов внутренних дел (далее — ОВД) является одним из таких. Общество всегда чутко реагирует на изменения в работе этого важнейшего правоохранительного органа. В свое время именно результаты опросов общественного мнения о деятельности, на тот момент еще милиции, стали отправной точкой начала реформирования ОВД в современной России. А с момента вступления в законную силу Федерального закона Российской Федерации «О полиции» общественное мнение приобрело официальный статус критерия оценки деятельности полиции.

История проведения массовых опросов граждан с целью выявления их мнения о деятельности ОВД берет начало еще в период существования советского общества. Можно условно выделить четыре периода исследования отношения населения к милиции/полиции.

Первый период хронологически охватывает 70-е годы XX века по 1991 год и характеризуется отсутствием единой системы в изучении этого вопроса. Как правило, в тот период опросы

¹ Брукер Р. Дж., Шефер Т., Методы измерения общественного мнения // Общественное мнение в XXI веке. URL: <http://www.uky.edu/AS/PoliSci/Peffley/pdf/473Measuring%20Public%20Opinion.pdf> (дата обращения: 15.07.2021)

² Грушин Б. А., Горшков М. К., Голдберг Ф. И. Общественное мнение. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7106/> (дата обращения: 20.07.2021)

общественного мнения носили инициативный характер, и подчас результаты были недоступны для широкой общественности. Субъектами изучения общественного мнения об эффективности функционирования органов государственной власти, к числу которых относилась и милиция, являлись институты Академии наук СССР, образовательные и научные организации и отдельные специализированные учреждения. Данные, полученные в ходе этих опросов, имели закрытый характер и могли быть использованы только в служебных целях.

Позитивные сдвиги в изучении общественного мнения в сторону системности и открытости произошли во второй половине 80-х годов. Эти изменения отразились и на характере исследования ОВД. В 1987 году начинает свою деятельность Научный центр управления и социологии на базе Академии МВД СССР. Сотрудниками социологической лаборатории Научного центра начали проводиться исследования по актуальным проблемам в правоохранительной сфере, а также мониторинги криминальной ситуации и социально-политических событий в стране. В этот же период создается ряд социологических центров, которые наряду с другими проблемами изучают общественное мнение о деятельности милиции. Первый масштабный опрос граждан об эффективности деятельности милиции был проведен Академией МВД СССР совместно с Госкомстатом СССР в 1990—1991 годы.

Второй период, начавшийся в 1992 году и продлившийся до 2007 года, характеризуется регулярностью проведения опросов граждан о работе российской милиции. В связи с реорганизацией Академии в 1992 году основная работа по социологическому обеспечению деятельности ОВД стала проводиться Всероссийским научно-исследовательским институтом (ВНИИ) МВД России.

Ведомство создает собственную систему изучения общественного мнения о деятельности ОВД. Непосредственные полевые исследования проводятся сотрудниками штабных подразделений региональных ОВД, а также сотрудниками образовательных организаций МВД России.

В этот период создается методология и методика исследования, уточняется инструментарий опросов населения и сотрудников органов внутренних дел. Приказом МВД от 22 августа 1992 года № 295 «Об организации изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел» формируется нормативная база организации мониторинга.

На базе учебных заведений системы МВД стали создаваться социологические группы по изучению общественного мнения. Так, например, такая группа была создана в 1993 году в Высшей следственной школе, а ныне в Волгоградской академии МВД России. Опросы населения Волгоградской области проводились силами курсантов и носили регулярный характер периодичностью два раза в год весной и осенью. Первые опросы показали не высокий уровень доверия граждан ОВД, что свидетельствовало о серьезных проблемах во взаимоотношениях между населением и милицией.

В 1995 году издается приказ МВД России № 473 от 12 декабря 1995 года «Об утверждении временной инструкции о порядке инспектирования и контрольных проверок, и временного руководства по оценке оперативно-розыскной деятельности органов и учреждений внутренних дел», который закрепляет значимость изучения общественного мнения о деятельности милиции, так как с этого времени социологические опросы населения становятся обязательным этапом оценки эффективности деятельности органов внутренних дел.

В этот же период предпринимаются последовательные шаги по совершенствованию методики проведения мониторинга. Устанавливается единый порядок осуществления полевого этапа социологического исследования, с одинаковым для всех регионов инструментарием. Были разработаны рекомендации по анализу первичной социологической информации. Это нашло свое отражение в приказе МВД «О мерах по совершенствованию организации изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел» № 337 от 4 июня 1997 года. Таким образом была сформирована целостная система социологического обеспечения деятельности ОВД.

Результаты социологических опросов стали активно использоваться как в рамках внутриведомственной оценки различных служб милиции, так и с целью выявления проблем во взаимоотношениях сотрудников милиции с гражданами. Кроме того, они ложились в основу разработки концептуальных программ развития МВД России.

Субъектами изучения общественного мнения на данном этапе являлись отделы ВНИИ в регионах и рабочие группы, созданные для проведения подготовительных и полевых работ в образовательных учреждениях МВД России. Главный информационный центр МВД России создает ресурс, где размещаются результаты опросов граждан в регионах. Информация на указанном ресурсе ежегодно актуализируется.

Такая система проведения мониторинга имела свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, там, где имелась возможность организовать социологические исследования с высоким уровнем репрезентативности и валидности, данные были достоверные и имели немалое практическое значение, в том числе и для территориальных органов. В основном это касается регионов, где были ведомственные учебные заведения. С другой стороны, обнаружено много регионов, где проведение таких исследований были связаны с большими организационными трудностями, что приводило к получению недостоверных данных. Независимая экспертиза организации мониторинга, проведенная в 2005 году, выявила все эти недостатки и рекомендовала ввести вневедомственный формат социологических исследований с целью улучшения его качества и достоверности.

Приказ МВД России «О повышении эффективности изучения общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности ОВД Российской Федерации на основе использования вневедомственных источников социологической информации» № 1246, изданный в 2007 году, положил начало **третьему периоду** истории изучения общественного мнения о деятельности ОВД. Наступил период использования вневедомственных социологических источников. Государственные контракты на проведение работ по изучению общественного мнения стали заключаться с Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Фондом «Общественное мнение» (ФОМ).

Исследования проводились по единой методике, позволяющей сравнивать результаты в разных регионах, находить общие закономерности. На данном этапе стали уделять внимание проблеме доверия ОВД, причинам, формирующим отношение граждан и другим вопросам. Полученные в ходе исследований аналитические материалы, обзоры стали размещаться на официальных сайтах МВД, озвучивались на пресс-конференциях, брифингах и в ходе выступлений в СМИ. Особую роль стали отводить использованию результатов опросов при принятии руководителями ОВД управленческих решений и планировании работы.

Несмотря на то, что организацией и проведением мониторингов в субъектах стали заниматься независимые социологические центры, функция по компоновке аналитических материалов, полученных в ходе исследования, оставалась за ведомственными службами. Кроме того, учебные заведения МВД России продолжали реализовывать собственные социологические проекты, используя свои собственные ресурсы. В частности, в ВА МВД России был продолжен мониторинг изучения общественного мнения о деятельности ОВД по собственной инициативе. Опросы продолжают проводиться ежегодно. Исключением стал 2020 год, когда исследование не состоялось в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции. В 2021 году социологическая группа продолжила свою работу.

Четвертый период связан с формированием нового подхода к социологическому обеспечению оперативно-служебной деятельности ОВД, который находит свое отражение в приказе МВД России «Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции» № 777 от 1 декабря 2016 года. В документе определен порядок мониторингов общественного мнения, предусматривающий участие образовательных организаций МВД России, общественных советов, территориальных органов и центрального аппарата МВД.

Целесообразно выделить два основных направления реализации мониторинга общественного мнения в современных условиях. Первое направление предполагает использование социологических данных, полученных ФСО в масштабах всей страны, второе — проведение исследований на местном уровне силами ВНИИ МВД России и рабочими группами, действующими на постоянной основе на базе образовательных организаций МВД России, а также представителей отдельных подразделений, прежде всего штабных, территориальных ОВД.

На втором направлении хотелось бы остановиться особо. Как показывает анализ результатов опросов, проведенных территориальными органами МВД России, во многих регионах обнаруживается не высокая достоверность исследований. Об этом говорит большое расхождение между показателями уровня доверия населением полиции по данным ФСО и территориальных органов. Анализ, проведенный сотрудниками НИЦ Академии управления МВД России, подтверждает это предположение.¹ В связи с этим возникает насущная необходимость серьезного совершенство-

¹ Латов Ю. В., Ситковский А. Л., Костин С. Г. Сравнение исследований общественного мнения о деятельности полиции на региональном уровне: ФСО versus МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). С. 194–206.

вания методов опросов на региональном уровне. Видимо, следует активно привлекать специалистов-социологов для осуществления мониторинга. Само по себе социологическое исследование на уровне региона можно осуществлять с достаточно большим объемом выборки, что делает их более репрезентативными.

Кроме того, это дает возможность учитывать местные особенности деятельности полиции и отношение населения данного региона к ОВД, что повышает эффективность использования социологической информации с целью совершенствования деятельности территориальных ОВД.

Сальников Евгений Вячеславович,

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова

Трансформация этических и методических принципов юридического образования: от философского многообразия к дистанционной монополии

Рассуждая на тему права в системе коллективной социально-исторической памяти, нельзя обойти стороной о конкретике механизмов сохранения права как формы профессионального сознания и особой деятельности обособленной группы лиц, именуемых юристами. Совершенно очевидно, что требования, выдвигаемые к допуску в профессиональное сообщество, механизмы кооптации в него и этические принципы поведения его членов во многом влияют на то самое место права в системе коллективной социально-исторической памяти.

Следует отдавать себе ясный отчет в том, что подготовка чиновников в лице, скажем, профессиональных сборщиков налогов, имевшая место быть в традиционных цивилизациях древнего мира, не может восприниматься как подготовка юристов. Право не выделялось в качестве самостоятельного регулятора социальных отношений и не представляло собой независимую совокупность норм, не только не сводимых к власти, их вводящей, но зачастую и противостоящей ей.

Античная Греция в лице полисной демократии являет собой уже пространство права, но эта цивилизация не знает юридических школ в собственном смысле слова, как не знает оно и судей как сословия, получающего профессиональную и даже теоретическую подготовку для этой деятельности. «Античное право — это право, созданное гражданами и для граждан»¹, но не для профессиональных юристов. Юридические проблемы обсуждались в рамках существовавших в то время форм образования — философских школ, изначально софистических, а впоследствии у перипатетиков, платоников, ранних стоиков, а также в ряде других школ, но направленность этого образования была не юридическая, а гносеологическая или же этическая, ибо участником правовых отношений была личность, гражданин. Как правильно отмечает Г. Берман: «греческие философы с удовольствием спорили по вопросам природы правосудия и должен ли правитель править по закону или по своей воле. Однако они совершенно не видели смысла обсуждать такой вопрос: должен ли закон защищать владельца товаров от того, кто их честно приобрел у третьего лица, причем это третье лицо мошеннически побудило владельца расстаться с ними? Когда они все-таки рассматривали подобные вопросы гражданского права, они обычно считали их вопросом личной этики»². Для древнего грека важно было не казуистическое применение закона, но логическое познание его этической природы, сущностных принципов, обеспечивших его существование. Юрист не мог быть вне этики, а потому вне юриспруденции не мог оказаться и ни один гражданин полиса.

Изменение взгляда на юриспруденцию в римскую эпоху привело к тому, что римские юристы отказываются от греческой системы подготовки кадров. Философские рассуждения об этических принципах законов уступают место практико-ориентированному обучению, направленному на формирование компетенций правоприменительной деятельности (как называли бы мы его сейчас). В эпоху классического римского права (I в. до н. э. — III в. н. э.) юридическое образование носила

¹ Шпенглер О. Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе / пер. с нем. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. С. 521.

² Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Инфра-М-Норма, 1998. 624 с. С. 137.

инструментальный характер¹ и состояло в основном из весьма неформального, частного обучения в доме одного из старших практикующих юристов. «[Римские] юрисконсульты не обсуждали со своими учениками такие базовые понятия, как правосудие, право, правоведение, хотя грекам эти проблемы казались чрезвычайно, даже единственно, важными. Студента сразу погружали в практику, где перед ним раз за разом вставал все тот же вопрос: «Что следует сделать, исходя из представленных фактов?»² Таким образом, право превращалось в механизм разрешения конфликтов между гражданами как субъектами права. Философский фундамент юридического образования существенно уменьшался, но сохранялось многообразие подходов. Некодифицированность норм права, отсутствие институтов публичного права вплоть до позднего императорского Рима и ряд других факторов исключали монопольное владычество одной точки зрения.

Возникновение западных правовых систем нового времени в конце XI и в XII веке было тесно связано с возникновением первых европейских университетов. Именно там впервые в Западной Европе право преподавалось как четко очерченный и систематизированный свод знаний, в котором отдельные юридические решения, нормы и законодательные акты изучались объективно и объяснялись с точки зрения общих принципов и истин, базовых для всей этой системы в целом. При этом в рамках университета происходит унификация программы подготовки, предваряющая собой монополию определенной правовой позиции. Все средневековое обучение праву есть комментарии к Дигестам Юстиниана — центральной книги, которая при этом истолковывалась не из правовой действительности, крайне узкой в определенные этапы Средневековья, а из принципов организации социального мира, заданных Откровением и Божьим промыслом.

Из принципа откровения следовало, что господствующим методом постижения права становился схоластический подход, представлявший собой глоссирование текста Дигест, в результате которого путем формально логических операций анализа и синтеза отдельные разорванные, казуистические компоненты сводились в некий единый свод.

Европейские средневековые профессора права смотрели на римское право, казуистичное и разрозненное, взглядом верующего, стремящегося к утверждению единой гармонии всего мира, сотворенного Богом. Этой связкой с подлинной Божественной реальностью, стоящей за налично данным правом, средневековые университеты возвращали, если не философичность праву, то как минимум приводили к его теологичности. В этом возникало пространство соединявшее доминанту Божественной истины о праве с множеством его разрозненных интерпретаций. Комментаторская деятельность глоссаторов не означала претензию на исправление первоисточника так же, как непогрешимость и святость канонических текстов писания и трудов святых отцов, не подвергаемая сомнению и абсолютно истинная, создавала пространство для богословия, Дигесты Юстиниана порождали пространства для диспута, который был призван закрыть лакуны и разрешить противоречия.

Осуществив рецепцию античной доктрины «естественного права», Г. Гроций внес в процесс подготовки юристов существенную деталь. Сохраняя преемственность юрист Нового времени продолжал видеть за пределами наличного права некие высшие истины, которые, однако, теперь уже нужно было не вывести из данности Божьего откровения, но обнаружить в результате научного поиска с той же точностью, с какой математик открывает числовые закономерности. С этого момента право сохраняется в социально-исторической памяти уже как наука, а сами юристы становятся учеными. Теперь подготовка юристов есть подготовка исследователей, правда результаты изучения мира, а равно и объект, оказывались в своем большинстве крайне оторванными от эмпирически данной правовой реальности. В результате такого подхода юристы хотя и обладали способностью вывести из норм естественного права все существующие правовые нормы, но оказывались неспособны разобраться в сложном материале как римского, так и действующего позитивного права. «Судьи терялись в массе разнородных определений Юстиниановой компиляции и в хаосе позднейших интерпретаций. Затруднения еще увеличивались тем, что, наряду с римским правом, приходилось иногда соотноситься с германским и каноническим. Понятно, почему в течение 17—18 столетий не прекращались жалобы на неопределенность права, на отсутствие правильной юстиции и произвол судей»³.

¹ Чернавин Ю. А. Философия права и теория права: проблема взаимоотношения // Философия права. 2019. № 1. С. 72–80. С. 73.

² Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Инфра-М-Норма, 1998. 624 с. С. 139.

³ Новгородцев П. И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба: Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М.: Унив. Тип., 1896. С. 28–29

Важнейшее влияние на дальнейший вектор изменения подходов в подготовке юристов оказала позитивистская школа. Сформированное в ее рамках представление о предмете правовой науки только как наличном позитивном праве приводило к тому, что право становилось исключительно профессиональной деятельностью, мастерством, обучению которому не идентично подготовке ученого. Как следствие, из юридического образования устранялась философия. Как писал в свое время Г. Ф. Шершневич: «В то время как юристы занимались исключительно толкованием и систематизацией норм положительного права, философия права разрабатывалась по преимуществу лицами, весьма мало или даже вовсе не причастными к правоведению. Одни изучали право, как оно им дано в нормах, не задаваясь мыслью о том, каким оно должно быть, и даже может ли оно быть иным, а философы создавали идеальное право, не зная, что такое право в действительной жизни и как применяются его нормы».¹ В конечном итоге позитивистский подход приводил к многообразию систем подготовки юристов в зависимости от специфики позитивного права того или иного государства. Предполагалось готовить профессиональных знатоков нормы, оставляя за скобками этико-философскую составляющую права. Именно этот взгляд на юриста широко разрекламировал голливудский кинематограф в XX веке.

Альтернативу данному подходу составляло марксистское понимание правоведения как частного случая реализации диалектики производительных сил и производственных отношений, где в борьбе классов конкретного способа производства — базиса — право выступает надстройкой. С этих позиций изучение норм позитивного права становится менее значимым в подготовке юриста, чем овладение им языком и логикой классовой борьбы. Как писал Ю. Домбровский, юридический факультет — это факультет ненужных вещей. Пролетарская логика должна подсказывать юристу суть права даже там, где она противоречит позитивно данному закону — рудименту буржуазного мира.

Таким образом, альтернативная позитивистской система подготовки юристов основывалась на философских принципах, но уже не подразумевавших многообразие, а сводимых к одной позиции, одной истине. Модель подготовки юристов предполагала их обращение к изучению принципов, лежащих за позитивно данными законами, но выраженными уже не в философском плюрализме, а в идеолого-философском диктате истмата и диамата.

Крушение советской правовой модели не привело к доминанте классического позитивистского юридического образования в силу развития технических средств обучения. Информатизация и цифровизация всех сфер общественной жизни коснулась и права, что воплотилось в роботизации ряда сфер правоприменительной практики. Специально разработанные компьютерные программы оказались способны в целом ряде юридических аспектов (составление договоров, регистрация прав, фиксация правонарушений и т. п.) заменить юриста.

При этом и в оставшемся исключительно для человека пространстве наблюдается компьютеризация и цифровизация процесса подготовки юриста. Речь идет о широком использовании дистанционного обучения и компьютерных технологий в подготовке юристов. Санитарно-эпидемиологические ограничения, вызванные пандемией COVID-19, потребовали практически повсеместного перехода организаций высшего образования на дистанционную форму обучения (e-learning). При этом следует отдавать себе полный отчет в том, что наблюдаемое сегодня массовое обращение к технологиям дистанционного обучения представляет собой не единичный вынужденный случай, но устойчивую тенденцию, которая с течением времени будет только возрастать. В последние тридцать лет дистанционное обучение (e-learning) приобрело значительную популярность и распространение. Современный этап в развитии онлайн-обучения связан с появлением многопользовательских онлайн-курсов (massive open online courses, MOOC) — площадок, которые предоставляют слушателям базу знаний, на которой размещаются учебные курсы преподавателей из различных университетов. Объемы лиц, получающих то или иное образование в дистанционной форме, уже сегодня достигают впечатляющих цифр.

Согласно показателям федеральных проектов «Молодые профессионалы» и «Цифровая образовательная среда», к концу 2024 года более 20 % студентов будут осваивать отдельные курсы, дисциплины (модули), в том числе в формате онлайн-курсов, с использованием ресурсов иных организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе университетов, обеспечивающих соответствие качества подготовки обучающихся мировому уровню.

¹ Шершневич Г. Ф. Избранные труды. М., 1995. С. 213.

Именно информационные технологии вносят определяющий вклад в трансформацию принципов подготовки юристов. Теперь они лишаются не только философского основания и не обращаются к тому, что лежит за пределами налично данного права. Наряду с этим устраняется и многообразие подходов. В конечном итоге дистанционное обучение предполагает единство логики, задаваемое с одной стороны используемым программным обеспечением, его возможностями и заложенной в нем логикой подачи материала. С другой стороны, это единство обеспечивается тем, что сама идея дистанционного обучения имеет в своей основе принцип единого центра обучения. Лишь в идиллической картине образовательного пространства рядом с крупными образовательными организациями будут существовать альтернативные мелкие центры обучения. В реальности логика дистанционного обучения приводит к формированию образовательных гигантов, контролирующих малым количеством игроков все образовательное пространство.

В конечном итоге это приводит к дистанционной монополии, задающей единую логику трактовки права, его исключительно позитивную данность вне этико-философских размышлений. Таким образом, от философского плюрализма как основы подготовки юристов, рассуждающих об этике и ищущих сущностные основания законов, мы приходим к роботизированным алгоритмам подготовки юриста-профессионала, на основе монополизированной трактовки фундаментальных принципов юриспруденции крупными образовательными центрами.

Горбачева Светлана Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Правовые проблемы развития института общественных инициатив в России и пути их решения в контексте реализации политики памяти

Основным связующим звеном гражданина с государством выступает институт общественных инициатив. Необходимо признать, что общественные инициативы являются действенным политико-правовым механизмом, посредством которого преодолеваются возможные разногласия между властью и обществом. Появление общественной инициативы является требованием времени, поскольку без разрешения противоречий между гражданами и государством невозможно дальнейшее развитие общества. Становление института общественных инициатив берет свое начало с самых ранних периодов возникновения прямой демократии в целом, которая выражается в реализации первых ее форм, а значит политики памяти.

Проблеме участия граждан в управленческой деятельности государства в настоящее время уделяется все больше внимания. Деятельность государственных органов ориентирована на сохранение и упрочнение общественных связей. Институт общественных инициатив играет важную роль в построении демократического государства и эффективной системы государственного управления. Статья 3 Конституции Российской Федерации включает в себя принцип народовластия, который стал основой проявления различных форм реализации общественных инициатив граждан. Конституционно-правовое преобразование форм общественных инициатив граждан положило начало комплексного исследования всех форм вовлечения граждан в политическую жизнь государства. Особое значение в развитии данного института имеет и международный опыт, поскольку в России общественные инициативы законодательное оформление получили относительно недавно. Так, во Всеобщей декларации прав человека закреплено: «Каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей»¹. Понятие общественной инициативы закрепляется в Указе Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 года № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» как «предложения граждан Российской Федерации по вопросам соци-

¹ Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ecad53d18192826d26cae3000ff90fa3e01b769b/ (дата обращения: 05.11.2021).

ально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления, направленные с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» и отвечающие установленным Правилами требованиям»¹. Принятие данного Указа является большим шагом вперед относительно демократизации общества и взаимодействия граждан и государственных и муниципальных органов. Указ содержит этапы рассмотрения общественной инициативы, причины отказа в рассмотрении инициативы и количество голосов, необходимое для рассмотрения инициативы. Кроме понятия общественной инициативы, данный документ содержит цензы представления общественной инициативы.

Данный институт является одной из основ построения демократического общества. Он позволяет участвовать гражданам в управлении государством, а государству получать обратную связь от граждан и лучше понимать желание общества.

В настоящее время выделяют следующие формы общественных инициатив:

- правотворческая инициатива граждан;
- законодательная инициатива граждан;
- обращение граждан в органы местного самоуправления и органы государственной власти.

Каждая форма позволяет гражданам участвовать в делах государства и фактически осуществлять свои конституционные права. Но каждая из форм содержит проблемы, которые необходимо решать, чтобы усовершенствовать систему подачи и рассмотрения общественных инициатив на всех уровнях власти.

Основной проблемой правотворческой инициативы граждан (подача инициативы на местном уровне) является слишком большое число инициативной группы, необходимой для подачи инициативы. В статье 26 Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закрепляется, что «минимальная численность инициативной группы граждан устанавливается нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования и не может превышать 3 процента от числа жителей муниципально-го образования, обладающих избирательным правом»².

В анализируемой форме общественной инициативы число граждан инициативной группы устанавливается с учетом особенностей развития муниципального образования. Такое ограничение объясняется желанием законодателя ограничить возможность подачи инициативы, которая будет удовлетворять требования узкого круга лиц. Но, с другой стороны, данное положение усложняет процедуру подачи инициативы и уменьшает возможность принятия ее к рассмотрению. Предлагается внести изменения в статью 26 и урегулировать положение о возможности внесения инициативы на рассмотрения единолично. При одобрении инициативы представительным органом данная инициатива выносится на голосование народа. В данном случае необходимо установить определенное число голосов, наличие которых позволит принять инициативу. Количество голосов может быть выражено как в процентном отношении, так в абсолютном. Видится возможным, выражение числа голосов в процентном отношении к общему количеству проживающих в муниципальном образовании.

По мнению В. В. Комаровой, «несмотря на то, что установление абсолютного числа граждан значительно упрощает дело, поскольку освобождает инициативную группу и представительный орган власти (или избирательную комиссию) от необходимости вычисления процентного отношения и ведения споров, от какого числа избирателей необходимо вычислять конкретный процент»³.

Сформированное процентное соотношение позволит наиболее всесторонне увидеть ситуацию и установить число голосующих с учетом демографических изменений. Кроме того, статья 26

¹ О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»: указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142909/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 05.11.2021).

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон № 131-ФЗ: принят Государственной Думой 16 сентября 2003 г., редакция от 30 сентября 2021 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/b4b9946f11d8e4758077c93f210340ab91e26b0c/ (дата обращения: 05.11.2021).

³ Комарова В. В. Народная правотворческая инициатива (история и практика регулирования в регионах). М., Юрист. 1999. № 1. С. 33–38. URL: http://www.islg.ru/islg/export/sites/islg/ru/publications/articles/komarova_05.html, (дата обращения: 05.11.2021).

Федерального закона № 131-ФЗ содержит положение о том, что «в случае отсутствия нормативно-правового акта представительного органа муниципального образования, регулирующего порядок реализации правотворческой инициативы граждан, принятие к рассмотрению и рассмотрение проекта муниципального правового акта, внесенного гражданами, осуществляются в соответствии с настоящим Федеральным законом»¹. Видится возможным, изменить данное положение, чтобы обязать муниципальные образования в обязательном порядке принимать нормативные акты, касающиеся принятия правотворческой инициативы. Данное изменение должно быть принято, так как Федеральный закон № 131 не содержит конкретной процедуры и определенного круга вопросов, по которым может приниматься правотворческая инициатива. Кроме того, порядок реализации правотворческой инициативы должен приниматься с учетом исторических и экономических особенностей данного муниципального образования.

Одной из проблем является отсутствие законодательного регулирования законодательной инициативы на уровне региона. В данном случае единственным возможным вариантом решения проблемы является принятие федерального закона, который позволит заложить основу дальнейшего развития законодательства субъектов, так как в данный момент регионы самостоятельно регулируют вопрос относительно законодательной инициативы. Данный закон включит в себя 6 статей, в которых будет определяться понятие законодательной инициативы, основные принципы ее реализации. Кроме этого, данный закон будет включать в себя процедуру принятия законодательной инициативы: способ ее подачи, условия рассмотрения представительным органом субъекта и сроки. Еще одним положением, которое будет содержаться в данном законе, является статья о круге вопросов, которые можно выносить на рассмотрение в виде законодательной инициативы. Кроме того, данный закон будет содержать положение об ответственности за его нарушение.

Еще одной проблемой является отсутствие законодательного регулирования коллективных обращений в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Данная проблема актуальна в наше время, так как вопросы, о которых все чаще заявляют граждане, являются масштабными и охватывают широкий круг лиц, и в этот момент законодательство нуждается в форме коллективных обращений, которыми могут стать петиции. Понятие петиции не установлено законом, но словарь А. П. Евгеньевой определяет ее как «официальную коллективную просьбу в письменной форме, обращенную к органам власти, к главе правительства, коллективное ходатайство»². Петиция является отличным способом удовлетворения потребности граждан в коллективных обращениях и упрощения обработки этих обращений органами власти. Видится приемлемым включение данного положения в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ как одну из важнейших форм обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления.

Еще одной проблемой является наличие дублирования инициатив. Наличие таких инициатив уменьшает возможность поддержки обеих инициатив, так как происходит распыление голосов. Данная проблема может быть решена посредством использования системы ссылок на аналогичные инициативы. На основании проведенного анализа констатируем, что институт общественных инициатив активно развивается в настоящее время. Он является одной из основ демократического построения государства, но в тоже время данный институт имеет ряд проблем, требующих оптимального поиска путей их решения.

Внесение изменений в статью 26 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ (редакция от 30 сентября 2021 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», принятие федерального закона относительно законодательной инициативы и законодательное закрепление петиции как одной из форм обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления будут являться большим шагом вперед в развитии законодательства об общественных инициативах, а также позволит усовершенствовать систему подачи и рассмотрения гражданских инициатив, что позволит органам власти оптимизировать свою работу, а гражданам больше возможностей для участия в жизни государства.

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон № 131-ФЗ: принят Государственной Думой 16 сентября 2003 г.: редакция от 30 сентября 2021 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/b4b9946f11d8e4758077c93f210340ab91e26b0c/ (дата обращения: 05.11.2021).

² Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

Зернов Дмитрий Васильевич,

кандидат политических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии ННГУ имени Н. И. Лобачевского

Медиатизация исторической памяти молодежи и проблемы регулирования фейковой информации

В сентябре 2021 года нами было проведено социологическое исследование учащейся молодежи, целью которого стало изучение трансформации исторической памяти под влиянием «новых медиа». В анкетном опросе приняло участие 849 студентов, представляющих разные группы учащейся молодежи. Сейчас нас интересуют только две группы, а именно студенты, получающие историческое образование в Мининском университете (их 133 человека) и студенты, получающие любое, но не историческое образование в вузах Нижнего Новгорода (их 320 человек). В выборке представлены студенты всех курсов, однако следует отметить, что отдельные выводы носят предварительный характер и требуют уточнения на более крупных выборочных совокупностях.

Исследования исторической памяти активно развиваются сегодня как в российской, так и в западной историографии¹. Особый интерес вызывают трансформации памяти в цифровом пространстве².

Согласно последним данным ежегодного статистического отчета Digital 2021: The Russian Federation всего лишь за год количество интернет-пользователей в России увеличилось на 6 млн. На начало 2021 года их число составило 124 миллиона человек, то есть почти каждый девятый из десяти человек в нашей стране сегодня пользуется интернетом. Социальные сети сегодня являются одним из самых популярных Интернет-ресурсов. По посещаемости они уступают лишь поисковым системам. Так, например, по данным SEMRUSH, самый популярный среди российских интернет-пользователей Яндекс в декабре 2020 года набрал 2,71 млрд визитов за месяц, а социальная сеть «ВКонтакте», которая в этом рейтинге на третьем месте, — 1,36 млрд. Количество пользователей социальными сетями за последний год также выросло на 5,1 %. На январь 2021 года их число составило 99 млн человек (при пересчете на все население, это почти семь из десяти человек).

По данным Digital 2021, среднестатистический пользователь интернета в России ежедневно проводит в интернете 7 часов 52 минут, что почти на час больше среднмирового значения (6 часов 54 минуты), из которых на социальные сети уходит 2 часа 28 минут. Согласно данным исследования, проведенного в ноябре 2021 года среди студентов нижегородских вузов (n=1464), студенты каждый день тратят на интернет в среднем не менее 7 часов, из которых почти пять часов приходится на социальные сети.

Еще одним важным моментом, на который хотелось бы обратить внимание, является очень ранний возраст начала активного пользования социальными интернет-сетями. Согласно данным исследования, проведенного среди учащейся молодежи (Нижний Новгород, 2019 г., n=742), средний возраст начала пользования социальными сетями составляет примерно 10,7 лет. Изучая в этом году студенческую молодежь, мы получили ту же самую цифру — 10,7 лет. При этом наблюдается тенденция к более раннему возрасту начала пользования. Сравнение двух крайних возрастных групп (21 год и 16 лет) показывает, что для старшей возрастной группы средний возраст начала пользования социальными сетями составляет 12,0 лет, тогда как для младшей — 9,6 лет.

Можно с уверенностью сказать, что современная молодежь уже с малых лет практически все свое свободное время проводит в социальных сетях, которые не только заменили традиционные формы коммуникации, но и стали одним из главных поставщиков информации на все случаи жизни,

¹ Репина Л. П. Прошлое в матрице памяти и традициях историописания // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. № 4 (102); Женин И. А. Исторические мифы и коллективная память в пространстве исследовательских практик // ШАГИ-Steps. 2021. № 1. С. 9–28.

² Толкачева В. А. Трансформация содержания культурной памяти в виртуальном пространстве: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2019. 142 с.; Зверева Г. И. Память о прошлом в цифровой среде: когнитивные ориентиры для исторического исследования // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. № 8 (106); Артамонов Д. С., Тихонова С. В. «Гараж» истории: цифровой поворот «независимых исторических исследований» // Диалог со временем. 2020. № 72. С. 237–254.

в том числе и исторических знаний. С другой стороны, мы наблюдаем высокий демонстративный интерес к истории студентов исторических и неисторических специальностей. Среди и тех, и других лишь единицы указали, что им история не интересна. Большинство студентов исторических специальностей заявляет, что им однозначно интересна и история России, и история зарубежных стран, и, конечно же, история своей семьи. Однако и для студентов, получающих другое, неисторическое образование, история также интересна: «однозначно» — история своей семьи, «скорее интересна» — России, родного края и даже зарубежных стран. О том, насколько демонстративный интерес соотносится с реальным желанием получить объективную историческую информацию, мы сейчас останавливаться не будем, это предмет отдельного разговора. Но в качестве иллюстрации необходимости этого разговора приведем число подписчиков нескольких популярных исторических групп в «ВКонтакте»: «История|History» — 2 833 625 (данные на 18.11.2021), «World of History» — 2 086 877, «История России» — 554 761, или группа, созданная студентами истфака МГУ, «СТУДЕНТ-ИСТОРИК» — 131 999.

Важно понимать, что за качество информации в интернете отвечает только ее автор, который во многих случаях не является профессиональным историком. Цели, которые преследует автор исторического интернет-контента, также могут варьироваться от бескорыстной просветительской миссии до желания заработать, продавая непроверенную или зачастую ложную, но привлекающую внимание информацию. На этом фоне показательным является то, что значительное число студентов уже сталкивалось с примерами фальсификации истории в интернете. Это почти 90 % студентов, получающих историческое образование (примерно треть из них сказали, что часто с этим сталкиваются) и более 60 % студентов неисторических специальностей (13 % — часто). Тогда как тех, кто с легкостью сможет отделать сознательную фальсификацию от субъективного мнения, совсем немного и среди студентов-историков, и среди остальных студентов (по 8 % в той и другой группе). Гораздо больше среди них тех, кто совсем не уверен, что сможет распознать фальсификацию истории в интернете: 41 % студентов-историков и 60 % студентов неисторических специальностей. И при этом все студенты, как историки, так и не историки, для проверки фейковой информации пользуются тем же интернетом: поисковыми системами и Википедией.

Многие студенты затруднились выразить свое мнение по вопросу, как же правильно реагировать на увиденную в интернете фальсификацию. Из тех, кто все же смог выразить свое мнение, большинство считает, что нужно просто самому критически оценивать поток информации и не предпринимать каких-то других действий (38 % историков, 35 % студентов неисторических специальностей). Одновременно с этим большинство студентов считает, что современная молодежь не очень критична в восприятии исторической информации из интернета. Среди студентов исторических специальностей согласились с этим тезисом почти 70 %, а среди остальных студентов — 57 %. То есть наблюдается явное расхождение в оценке возможностей как своих собственных, так и сверстников, распознать фейковую информацию и предполагаемой реакции на факт обнаружения фальсификации.

Сказали, что при обнаружении фальсификации нужно жаловаться в администрацию социальных сетей 20 % историков и 19 % остальных студентов, что почти вдвое меньше, чем тех, кто предпочел бы никак не реагировать.

Действия, направленные на пресечение поддельной исторической информации, молодежь скорее делегирует связанной с этим политике государства. Ответили, что полностью разделяют позицию государства, направленную на запрет искажения истории, 58 % студентов исторических специальностей и 65 % остальных студентов. Число занявших противоположную позицию среди тех и других невелико (12—14 %).

Еще одним аспектом, на который хотелось бы обратить внимание, является растущая роль интернета, как источника исторической информации. Среди источников исторической информации как у студентов исторических специальностей, так и у студентов неисторических специальностей находятся источники, связанные с вузовским образованием. Это лекции и семинары в вузе (у студентов-историков они на первом месте (72 %), у студентов других специальностей — на втором (44 %)), разговоры с преподавателями (у студентов неисторических специальностей они на первом месте (48 %), у студентов-историков — на третьем (54 %)). Однако уже в тройку лидирующих источников исторических знаний у студентов неисторических специальностей попадают художественные фильмы, на которые указывают столько же часто, как и на занятия в вузе (43 %). В пятерку лидеров у студентов-историков также входят источники, прямо или косвенно связанные

с «новыми медиа». Это документальные фильмы (47 %, а как показывают исследования, телевидение у молодежи давно уже перешло в интернет), и специализированные исторические сайты (36 %). Студенты неисторических специальностей также часто указывают на документальные фильмы, как на источник исторических знаний (40 % и пятое место в рейтинге), но специализированные исторические сайты у них популярностью не пользуются (11 % и шестнадцатое место в рейтинге). Зато за информацией по истории они часто обращаются в Википедию (38 %), представляющую собой «общедоступную многоязычную универсальную интернет-энциклопедию со свободным контентом», то есть ресурс, где практически каждый зарегистрированный пользователь может заполнять своим контентом тематические страницы. У студентов исторических специальностей Википедия, как источник знаний по истории только на двенадцатом месте (27 %).

Не останавливаясь на анализе остальных источников исторических знаний, которыми пользуются студенты, отметим, что цифровые источники знаний по истории сегодня вполне конкурентны традиционному вузовскому образованию. Если в целом на учебные источники указали 90 % студентов исторических специальностей, то на цифровые — 83 % (то есть разница составляет всего 7 %). У студентов неисторических специальностей разница между этими группами источников примерно та же (76 % — учебные и 70 % — цифровые).

О высокой значимости внеучебных источников исторической информации также свидетельствуют ответы студентов на вопрос о предпочтительном источнике, который предполагал выбор только одного варианта ответа. Согласно полученным результатам студенты исторических специальностей одинаково часто выбирают лекцию профессионального историка и художественный фильм на эту же тему (по 35 %). Выбор предпочтительного источника еще сильнее меняется, если сравнить группы студентов, которые тратят разное количество времени на социальные сети. Отберем из студентов-историков две группы, с одной стороны, тех, кто на социальные сети в день тратит не более часа (таковых 15 %), а с другой стороны, тех, кто сидит в социальных сетях семь и более часов в день (таковых 17 %). В группе студентов, проводящих в социальных сетях все свое свободное время, значение лекции профессионального историка немного снижается (до 30 %), зато значение художественного фильма стремительно возрастает (до 48 %). Тогда как в группе студентов, которые не тратят много времени на социальные сети, однозначно лидирует лекция профессионального историка (56 %).

У остальных студентов художественный фильм по интересующей их теме однозначно является лидером из предпочтительных источников (39 %). На лекцию профессионального историка указали только 16 %. За ней следует посвященный данной теме блог в интернете (13 %), компьютерная игра (12 %) или художественная книга (15 %). По сравнению с художественной литературой, научно-популярную называют втрое реже (4 %).

Таким образом, цифровые источники знаний по истории сегодня начинают занимать практически равные позиции с традиционным вузовским образованием. Но гораздо важнее то, что происходит девальвация исторического образования на фоне крайне упрощенных, но ярких и любопытных фактов об истории, ответственность за точность которых несет сама молодежь, размещающая их в виде мемов в социальных сетях.

Федосеева Ольга Игоревна,

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии и педагогики
Нижегородской академии МВД России

Идеи права и справедливости как культурные архетипы коллективной социально-исторической памяти русского народа

Обсуждение роли права в системе социально-исторической памяти хотелось бы начать с цитаты из книги основателя аналитического направления психологии Карла Густава Юнга: «Чем менее мы понимаем смысл существования наших отцов и прадедов, тем менее мы понимаем самих себя»¹. Столь глубокое высказывание вытекает из идеи существования коллективного бессозна-

¹ Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Минск: Харвест, 2003. С. 231.

тельного, в котором «содержится все духовное наследие человеческой эволюции, возродившееся в структуре мозга каждого индивидуума»¹. Основой коллективного бессознательного, согласно концепции К. Г. Юнга, являются архетипы (греч. αρχετυπον от «αρχη» — «начало» и «τιποζ» — «образ»), которые несут общий характер, то есть существуют у огромного количества индивидуумов, и возникают как «некий совокупный динамический паттерн»².

Важным, на наш взгляд, является выделение в концепции архетипов их динамической, действенной природы — об их существовании возможно судить по универсальным *моделям восприятия, мышления и действия* в ответ на какой-либо объект или событие. Юнг рассматривает архетипы как «вид энергии, как *causa efficiens* (лат. — действующую причину)»³. Архетипы, согласно Юнгу, «предваряя сознание, определяют его, реально проявляются там, где они существенны»⁴. Архетипами, по мнению К. Г. Юнга, являются религиозные представления, центральные научные, философские и моральные понятия.

Центральными моральными архетипами, описанными в его работах, являются архетипы добра и зла, *справедливости и несправедливости*, долга и чести. К. Г. Юнг рассматривает их как «противоположные полюсы» и приходит к выводу о том, что одно не может существовать без другого, зачастую «человек неспособен осознать возможность выбора, поэтому он все время с робостью оглядывается вокруг, пытаясь найти какие-либо внешние, общепринятые *законы и установления*, на которые он в его неуверенности мог бы опереться»⁵.

Характеризуя противоречивость человеческой природы, К. Г. Юнг приходит к выводу о неспособности человека оценивать себя объективно и предлагает рассматривать способность на добро как реальность, а возможность совершать преступления — как иллюзию: «Возможно и то и другое, он может оказаться тем или другим — такова его натура»⁶. Таким образом, *категория права для К. Г. Юнга становится мерилем выбора человеческих поступков в ситуациях морального выбора*. На основе проведенного анализа можно сделать вывод, напрямую связанный с темой нашего обсуждения: критериями морального действия будут выступать осознаваемые человеком положения права (*правовое сознательное*), а также архетипы справедливости / несправедливости и добра / зла (*правовое бессознательное*).

Идеи коллективного бессознательного были развиты последователями К. Г. Юнга Дж. Хендерсоном, Э. Нойманном, Х. Г. Байнесом, которые ввели понятия культурального (культурного) бессознательного и культурных архетипов⁷. Под культуральным бессознательным Дж. Хендерсон понимает область «*исторической памяти*, лежащей между коллективным бессознательным и существующим образцом культуры»⁸. Оно определяет «тип идентичности» больших социальных групп (наций, народов), основанный на архетипах коллективного бессознательного. Таким образом, *культурные архетипы влияют на самоидентификацию человека со своим народом, опираясь прежде всего на коллективную социально-историческую память*. Все «в итоге стремятся подчиниться законам групповой идентичности, хотя в этом случае начинает действовать механизм социальной дифференциации»⁹. Именно на этой основе, на наш взгляд, возникают понятия «национальный характер», «национальная идея», «историческая миссия народа», «национальная духовность».

Анализируя символическую природу культурных архетипов, Г. В. Драч приходит к выводу, что они обнаруживаются в области смысловых, ценностных ориентаций. Этнокультурные архетипы, по мнению исследователя, существенным образом определяют особенности мировоззрения, характера, устного народного творчества и исторической судьбы народа. Они представляют собой константы национальной духовности, выражающие и закрепляющие основополагающие свойства этого этноса как культурной целостности. Согласно А. Д. Тлеуж этнокультурные архетипы являются

¹ Теории личности. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008. С. 200.

² Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Минск: Харвест, 2003. С. 341.

³ Там же. С. 342.

⁴ Там же. С. 336.

⁵ Там же. С. 321.

⁶ Там же.

⁷ Хендерсон Дж. Культуральное бессознательное // Хендерсон Дж. Психологический анализ культурных установок. 2-е изд. М.: Добросвет, 2007. С. 149–164.

⁸ Там же. С. 155.

⁹ Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Минск: Харвест, 2003. С. 332.

базовой основой модели духовной культуры, включая этнический социально-исторический опыт народа в новый исторический контекст, способствуя его социальной адаптации в современном обществе и являясь тем самым проекцией в будущее¹. Схожие идеи высказывает и Н. П. Мони-на, утверждая, что «в каждой национальной культуре доминируют свои этнокультурные архетипы, существенным образом определяющие особенности мировоззрения, характера, художественно-го творчества и исторической судьбы народа. Они представляют собой константы национальной духовности»².

Культурные архетипы находят свое символическое отражение в народном творчестве (фольклоре, зодчестве, иконописи, шитье) и произведениях искусства (литературе, живописи, скульптуре) через описание ситуаций, характеров или образов. Архетипическими образами права и справедливости являются скульптуры богинь Фемиды у древних греков и Юстиции у древних римлян. Атрибутами этих архетипов являются весы (символ меры — на весах правосудия взвешиваются добро и зло, вина и невиновность), меч (символ правого дела и готовности не только карать, но и предупреждать преступления), мантия и повязка на глазах (символы неподкупности и беспристрастности). Интересно, что в Древней Греции существовало разделение порядка (правосудия) и справедливости. За справедливость отвечала богиня Дике, а за порядок — Фемида.

Архетипическим образом правосудия северных славян был бог Прове (или Пров, Проно). Свое имя Прове получил от языкового корня «вед» — знание. Этимологию имени можно проследить следующим образом: Прове — проведать — ведать — знать³. Бога Прове всегда окружали многоликие «глазастые» идолы (символ внимательного наблюдения за поступками людей), сам он изображался с очень длинными ушами (символ того, что Прове все слышит), держал в одной руке обломок камня (символ преступления и обвинения), в другой — копье (символ неотвратимости наказания).

В русском народном творчестве архетипические образы права и справедливости можно найти в былинах о Князе Владимире (архетипический образ права), Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче (архетипические образы справедливости). Русская пословица «Судья справедливый — ограда каменная» объединяет эти архетипы, отражая идею справедливого воздаяния за совершенное преступление. Действительно, в русском языке слова «ПРАВО», «сПРАВедливость», «ПРАВедный», «ПРАВый» имеют общую часть.

В русской литературе культурный архетип справедливости отражен в произведениях А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, А. М. Горького и многих, многих других. Каждый из них по-своему раскрывал социально-исторические особенности своей эпохи, создавал свои неповторимые образы, однако сквозь это многообразие проступали особенности русского национального характера, исторической судьбы народа. В «контрдансе национального характера», согласно Д. С. Лихачеву, могут выстраиваться как положительные, так и отрицательные черты. Развивая идеи автора фундаментальных трудов, посвященных истории русской литературы и русской культуры, о склонности русского народа «все доводить до крайности, до пределов возможного»⁴, можно заметить, что архетип справедливости в коллективной социально-исторической памяти русского народа нашел отражение в противоположных диссонирующих в своем воплощении тенденциях: от слепой веры в справедливость решений царя (государя, суда и т. д.) до полного отрицания справедливости их деяний и надежды на воздаяние, своего рода высший моральный суд. Скорее, не правовое сознательное, а правовое бессознательное, определяемое идеями справедливости, лежит в основе русских национальных традиций, русского национального характера.

Завершить обсуждение роли права в системе социально-исторической памяти тоже хочется цитатой: «Размышляя о нашей культуре, нашей истории, мы не можем уйти от памяти, как не можем уйти от самих себя. Ведь культура сильна традициями, памятью о прошлом. И важно, чтобы она сохраняла то, что ее достойно» (Д. С. Лихачев)⁵.

¹ Тлеуж А. Д. Этнокультурные архетипы адыгского народа: опыт философско-культурологического осмысления: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Краснодар, 2007. С. 17.

² Мони-на Н. П. Культурный архетип: современные подходы к осмыслению феномена // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 2 (27). С. 289–291.

³ Символы правосудия. Прове – славянский бог правосудия. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/6769-simvolny-pravosudiya> (дата обращения: 14.11.2021).

⁴ Лихачев Д. С. Нельзя уйти от самих себя // Об интеллигенции. СПб., 1997. С. 398–402.

⁵ Там же.

Фролова Татьяна Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Механизмы социальной памяти

Социально-историческая память во всех ее аспектах является актуальной темой дискуссий специалистов-теоретиков разных областей. В гуманитарном дискурсе проблема ставится философами, историками, социологами, психологами. С прошлого века феномен памяти становится особым объектом рефлексии и исследований.

Социально-историческая память не просто важнейший компонент общественного сознания, формирующий ценностную структуру личности и общества. Коллективная социальная память есть весь масштаб накопленного знания, ценностей, моральных и культурных норм общества, ее сбережение и передача следующим поколениям.

Вне социальной памяти невозможно говорить о социализации и социальной идентификации, единении социума и его скрепах, традициях, культуре в целом как передатчиках социально-исторической памяти. Механизмы памяти не только сберегают и структурируют знание о прошлом, но и актуализируют его, извлекая из глубин и воспроизводя в преобразованном современностью виде. Мирозидение современного человека и общества формируется благодаря механизмам социальной памяти, которая обеспечивает актуализацию ретроспективной информации.¹ В силу этого картина мира обретает целостность и историчность. Пройдя длительный исторический путь и будучи проверена временем, социальная память формирует тот феномен, который мы сегодня называем генетическим кодом нашего народа. Утратившее свою социальную память общество можно сравнить с человеком, тратившим собственное «Я».

В связи с этим сегодня возникает вопрос: является ли социально-историческая память неотъемлемым компонентом общества, его сознания. Или все-таки это ограниченный социальный ресурс, и ресурс не возобновляемый?

Социальная память, по мнению М. Хальбвакса, положившего начало дискуссиям о коллективной памяти, формируется и живет в социальных институтах и группах. К ним мы относим и семью, и религиозные институты, идеологию и государство. Современные интенсивно происходящие трансформации общества, смена, а часто подмена ценностей приводят к исчезновению традиционных институтов передачи коллективной памяти. А следом исчезает и коллективная память. На смену приходит историография, которая не может выполнить функции социальной памяти. Более того, «искусственный» характер исторической памяти и нерукотворность социальной неизбежно вступают в конфликт. Борьба с историей, ее переписывание, интерпретация и управление смыслами невозможны по отношению к памяти социальной.

Может ли сегодня общество говорить о существовании коллективной памяти? Не отождествляем ли мы социальную память с собственно историей, хотя они, безусловно, взаимосвязаны. И не подменяем ли мы ее историографическим дискурсом?

История сегодня становится предметом манипуляций, ведь контроль над прошлым — необходимое условие контроля над настоящим². Социальная же память свободна от политики и идеологии. Социальная память дает обществу возможность осмыслить ценность собственной культуры в ряду других, понимать собственное место в человеческой истории.³

Российское общество еще остается приверженцем традиций, но и в нем сильны тенденции определенной части социума к приобщению к «цивилизованному миру», к провозглашению «новых ценностей», отказа от исконных традиций и базовых ценностей. Однако, борьба идеологий, упадок культуры, нравственных ориентиров приводят к разрушению коллективной

¹ Галанина Н. В. Историко-философский анализ представлений о социальной монаде как саморазвивающейся целостности // Философские исследования и современность: Вып. 9. М., 2020. С. 29–31.

² Ивашевский С. Л. Политика памяти в российском образовании // Философия образования. 2016. № 1 (64). С. 92–101.

³ Треушников И. А. Онтогносеология философии единства // Философские исследования и современность: Вып. 8. М., 2019. С. 270.

памяти¹. Человечеству известны случаи полного забвения коллективного прошлого, истории, культуры, потери социальной преемственности и, как следствие, утраты целых народов.

Таким образом, проблема социальной памяти является не только предметом сугубо теоретического анализа, но и представляет практический интерес. Социальная память, будучи важнейшим элементом, обуславливающим настоящее социума, во многом закладывает основы его будущего. В равной степени она может способствовать как форсированию, так и сдерживанию различных социальных процессов, включая необходимые механизмы.

Знание этих механизмов, имеющих влияние на общество в целом или отдельные социальные группы, дает возможность понимания общества, социальной реальности и позволяет эффективно выстраивать социальное планирование и управление.

Галанина Наталия Викторовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Российская консервативная традиция XIX века о сущности права

Любая государственная идеология стремится к непрерывности социально-исторического бытия в осознанной деятельности социальных субъектов. Когда социальный субъект ощущает связь времен, он понимает, что его усилия, затраченные на строительство приемлемого порядка для него, народа, этноса или цивилизации имели не случайный и хаотичный смысл и значение, а представляли собой последовательное исполнение миссии какой-либо высшей идеи. Эта идея была и будет даже когда уйдут с жизненной сцены ее прародители и последователи. Ничто так не опустошает и не отравляет человеческое существование, как чувство бессмысленности и оторванности от Великого пути и Божественной идеи. Любому культурно обусловленному субъекту, как минимум важна связь с культурной традицией своего рода, этноса, нации, а разорванность с ней чревата непониманием и саморазрушением личностного как психического, так и обще культурного бытия. Понимание правовой реальности как традиционно детерминированной было свойственно русским консерваторам XIX века.

В этой связи, исследователь творчества славянофилов, И. А. Треушников справедливо заявляет, о том, что в России как в XIX веке, так и в современный период, поиск нравственно-правовых ориентиров, соответствующих русской ментальности, остается основной потребностью общества и актуальной задачей для философов и политических деятелей².

В русской консервативной традиции, начиная с Н. М. Карамзина, были сформулированы основные принципы консервативной идеологии: полное неприятие революционных действий, недоверие к рациональным идеям Просвещения, критика ценностей сугубо индивидуалистических, построенных на прагматизме и утилитаризме. Ссылаясь на эти принципы, русские консерваторы сформулировали основные положения права.

Во-первых, они считали заблуждением в правотворчестве опираться главным образом на разум. А. С. Хомяков в этой связи был решительно иррационален и считал, что все умственные теории удел книг, а древность и ее учреждения наполнены магической силой, не заменяемой умом³. Западные мыслители создают псевдо-право, которое никак в самобытное не превратить.

Во-вторых, особым объектом критики русских консерваторов было Гражданское уложение М. М. Сперанского. Карамзин был против того, что пример для уложения Сперанский брал у французов, а не опирался на органически русский традиционный фундамент обычаев и нравов российского народа.

В-третьих, консерваторы традиционно смотрели на правотворчество как на опосредованное моралью и обусловленное историческими нравами явление. Торопиться в правотворчестве не нужно, опережать свое время опасно и недальновидно. Все новое должно прийти органично в положенное самой социальной системой время, эволюционно.

¹ Вызовы современного мира и цивилизационный выбор России: материалы межведомственного круглого стола // Философские исследования и современность: Вып. 9. М., 2020. С. 191–230.

² Треушников И. А. правовые аспекты проблемы «Запад-Восток» в философии всеединства // Философия права. 2009. № 2 (33). С. 17.

³ Хомяков А. С. Мнение русских об иностранцах // О старом и новом. М., 1988. С. 265

Подобно «Философии жизни», русские консерваторы XIX века понимали природу общественных функций государства и права как исходящих не из какой-либо теории или доктрины, а рождающихся из социальных реалий и запросов самой жизни общества.

Консерваторы ратовали за преобладание правового обычая в государственном правотворчестве, так как он имманентно и органично ложится на жизнь большинства людей в сообществе, нежели какая-либо доктрина либо умозрительный закон. Они констатировали, что, невзирая на иррациональность отдельных своих элементов традиционный правопорядок есть во многом воплощенное совершенство структурированного бытия, потому обычай, который кажется уже устаревшим, оказывается более живым и полезным. «Уничтожение правового обычая традиции во имя призрачной «рациональности» лишает человека необходимых образцов правового поведения, созданных на протяжении веков, не давая ничего взамен»¹.

Консервативная правовая традиция в России критиковала либерализм за следование прогрессу, так как большинство граждан в России были крайне далеки от прогрессистских и просвещенческих идей, которые для национального правосознания являлись чуждыми. Как любое государственное право, российское право, должно находить отклик в национальном менталитете, присущем большинству граждан, а законодатели и исполнители должны искать опору на правовые идеи, которые соответствуют национальной культуре правосознания. Иначе право не сможет гармонировать с ответственностью и будет не способно объединить общество в единую духовно-идеологическую систему.

Консерваторы не желали рассматривать права отдельного человека как обособленного индивидуума, в России более характерно, по их мнению, рассматривать человека в связи с обществом как социального субъекта. Социальный субъект права у консерваторов не является просто абстрактным, он национально и культурно обусловлен, является носителем национального и корпоративного менталитета и традиций. Правовой социальный субъект отражает реальную национальную, государственную или цивилизационную общность как микрокосм. И. А. Треушников пишет о социальном субъекте, как сложившемся в рамках бурлящего этно котла Евразии типаже, называя его «симфонической личностью»². Человечество как некое абстрактное целое русскими консерваторами отвергалось, а рассматривалось и принималось во внимание как органичное целое — Российское государство.

В основе национальной правовой культуры в России консерваторы XIX века видели разные феномены: государство, народность, церковь, самодержавие. В современной правовой традиции эти основания правовой отечественной культуры по-прежнему актуальны. Консервативная линия сейчас в России имеет широкий резонанс и народную поддержку. Большинство наших граждан живут уже не в традиционном обществе, но и не в постиндустриальном. Вера в прогресс, науку и единение в глобальном пространстве пошатнулись из-за новых разновекторных национальных интересов государств, невозможности решения глобальных проблем и неизменно эгоистической природы человека.³

В связи с вышесказанным, можно говорить о консервативной революции в России, которая усматривает прогресс в движении к своим истокам, корням, особенностям менталитета и традиционности. Подобная консервативная революция — это достаточно смелое, но своевременное решение на фоне глобального давления на все сферы нашей общественной жизни извне.

Горбачев Владимир Викторович,

кандидат педагогических наук, начальник кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России

Ценностные и правовые основания социально-исторической памяти

Более 30 лет прошло с момента прекращения действия Варшавского договора, Совета экономической взаимопомощи Советского Союза, как системообразующего элемента этих военно-политической

¹ Галанина Н. В., Золкин А. Л. Национальная культура как основа права в доктрине русского консерватизма и формирование современной цивилизационной концепции развития общества // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 5–18

² Треушников И. А. Философское обоснование российской государственности // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 2 (2). С. 42

³ Ивашевский С. Л. Цели и средства развития российской науки // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2012. № 1–3. С. 110–113.

и социально-экономических организаций. С их исчезновением ушел в прошлое не только «социалистический лагерь», но и что, на наш взгляд, гораздо опаснее, признаваемый как странами «коллективного Запада», так и Россией, как правопреемницей Союза ССР единообразное понимание итогов второй Мировой войны, в частности и содержание института социально-исторической памяти в более глобальном понятии. В 21 веке данный институт подвергся чрезвычайно массовой информационно-пропагандистской атаке со стороны как научного сообщества, так и официально-политических структур США и их союзников. Целью данной атаки, на наш взгляд, стал полный слом социальной и исторической памяти не только о причинах, ходе и итогах второй Мировой войны, но и насаждение псевдопамяти, коренным образом искажающей и извращающей роль Советского Союза в победе над нацистской Германией и ее союзниками. В странах Восточной Европы, Прибалтики и Украине появились «институты национальной памяти», заявляемые задачи которых абсолютно расходились с теми исследованиями и результатами, которые продуцировались и продолжают производиться данными учреждениями. В настоящее время отношение исторической правде у наших «западных партнеров» и отдельных представителей «либеральной интеллигенции» напоминает высказывание персонажа одного из пьес Г. Горина «Правды вообще не бывает. Правда — это то, что в данный момент считается правдой...»¹. При таком подходе и социальная и историческая память уходят на задний план. В данном исследовании мы намерены рассмотреть аксиологические и правовые основания социально-исторической памяти и предложить возможные конкретные шаги по ее защите.

С точки зрения составителей большой российской энциклопедии, под памятью в максимально общем смысле необходимо понимать принадлежащую живым организмам способность не только осуществлять хранение, но и неоднократное воспроизведение сохраненных информационных данных. Анализируя понятие памяти с философских позиций, авторы энциклопедии понимают под таковой проистекающие в сознании человека процессы, обеспечивающие такую сохранность и внутреннюю организацию уже имеющегося у индивида опыта, которые позволяют ему использовать данный опыт вторично в процессе деятельности активности, а также возвращать данный опыт в область активного сознания².

Можно согласиться с мнением И. А. Чурсановой, что в самом расхожем понимании память воспринимается как некий чрезвычайно субъективный элемент каждого конкретного индивида, иллюстрирующий его прошлый опыт³. Применительно к содержательному наполнению понятия «социальная память», нам представляется интересной позиция И. Е. Козновой, рассматривающей данную разновидность памяти не только и не столько как воспоминание о прошедших событиях, сколько как процедуру избирательного воссоздания — «конструирования» прошедших событий. Такого рода процедура может реализовываться через воспоминания субъекта и фактическое создание «воображаемого прошлого». Полагая, что память являет собой определенный символ ранее произошедших событий, указанный автор делает вывод, что память существует единомоментно и в прошлом, и в настоящем⁴.

Обращаясь к научному пониманию такой категории, как историческая память, нам кажется интересной трактовка Л. П. Репиной. Данный автор предлагает рассматривать в качестве исторической правды или воспринимаемую определенной социальной группой ее коллективную память или признаваемую обществом в качестве исторической истины память социального характера, либо как максимально полное восприятие научных и околонучных знаний в совокупности с максимально распространенными в обществе представлениями о его (общества) прошлом⁵.

Под ценностными основаниями аксиологическая наука рассматривает те значимые и фактически неоспоримые для отдельного индивида, социальной группы, общества категории, на базе которых осуществляется построение и последующее поступательное развитие и совершенствование личности, общества и государства. В таком случае под ценностными основаниями социально-исторической памяти России и российского общества мы можем рассматривать те знаковые исторические события, имевшие место в истории нашего государства, безотносительно от формы

¹ Горин Г. Тот самый Мюнхгаузен. Комическая фантазия. М., Советский писатель, 1986.

² Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2701466> (дата обращения: 21.12.2021).

³ Чурсанова И. А. Проблема соотношения истории и социальной памяти: опыт теоретической реконструкции // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2012. № 2. С. 181.

⁴ Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003, № 2. С. 26.

⁵ Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 42.

правления и государственного устройства на момент их объективизации, которые получили однозначную оценку своей важности и «значимости» для России и мира, не только от официальной историографии и исторической науки, не только от мирового сообщества на определенном историческом этапе его развития, но прежде всего от отечественного социума — российского народа. Такого рода ценностные основания далеко не обязательно могут и должны оцениваться российским обществом с положительной стороны. Они могут носить и отрицательный характер, равно как и вызывать в обществе ожесточенные споры относительно положительности / отрицательности их воздействия на отечественную историю и общество. Главное, что общество и государство расценивало данное историческое событие, историческую личность как значимое. Как выразился один из персонажей английского бестселлера «Тот, чье имя нельзя называть, совершал великие дела... Ужасные, но великие!»¹.

Говоря о правовых основаниях социально-исторической памяти, мы считаем возможным отнести к ним те законодательные и подзаконные нормативные правовые акты, нормами которых опосредуется содержательная часть рассматриваемой нами памяти, ее ценностных оснований. Кроме того, данные правовые основания, на наш взгляд, могут и должны предусматривать нормы права, регламентирующие юридическую ответственность для лиц, осуществляющих посягательство на институт социально-исторической памяти России и российского народа. Как отмечают И. А. Попп и И. С. Шахнович, в целях правовой защиты исторической памяти о роли Советского Союза и его граждан в разгроме гитлеровской Германии, социальной защиты ветеранов и участников Великой Отечественной войны², Государственной Думой ФС Российской Федерации в 1995 году был принят федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941—1945 годов»³. В качестве ответа на посягательства со стороны отдельных государств и их социальных институтов на социально-историческую память российского народа о решающей роли советского народа в победе во второй Мировой войне, данный законодательный акт в 2021 году был дополнен статьей 6.1 о запрете самого факта отождествления в публичном пространстве действий Союза ССР, его вооруженных сил с нацистской Германией и вермахтом⁴.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в качестве административно наказуемого деяния рассматривает намеренно совершаемую пропаганду, а равно публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики. Ответственность за такую противоправную деятельность регламентирована частью 1 статьи 20.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. В качестве обязательного условия привлечения лица к административной ответственности за такого рода действия выступает умышленный характер совершаемых действий, прямо запрещенных статьей 6 ФЗ № 80 1995 года.

К более жесткой уголовной ответственности подлежит привлечение лицо, осуществляющее действия, направленные на реабилитацию нацизма, ответственность за совершение которых предусматривает статья 354¹ УК РФ. Применительно к анализируемой нами правовой основе социально-исторической памяти, наибольший интерес вызывает содержание диспозиции части 3 данной статьи, предусматривающее уголовную ответственность лица за публично совершаемое оскорбление памяти защитников Отечества.

Полагаем, наше краткое исследование было бы неполным без формулирования предложений по совершенствованию защиты социально-исторической памяти России и российского народа. Прежде всего патриотизм должен рассматриваться как один из важнейших приоритетов государственной социальной политики российского государства и общества⁵.

¹ Rowling J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. London, Bloomsbury, 1997. 223 p.

² Попп И. А., Шахнович И. С. Государственная политика по сохранению исторической памяти граждан Российской Федерации: нормативно-правовой аспект // Педагогическое образование в России. 2018. № 12. С. 44.

³ Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941—1945 годов: федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 22 мая 1995 г. № 21, ст. 1928.

⁴ О внесении изменения в Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов: федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 278-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27, ч. 1, ст. 5106.

⁵ Ивашевский С. Л. Особенности совершенствования нормативной базы патриотического воспитания в органах внутренних дел современной России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4 (20). С. 25—30.

Действующая редакция части 2 статьи 13 Конституции Российской Федерации закрепляет прямой запрет на установление любой идеологии как общегосударственной, а равно обязательной. Мы полагаем, что давно назрел вопрос о пересмотре данного императива и проведении широкой общероссийской дискуссии об оформлении в качестве государственной идеологии охраны и увековечивания ценностных оснований социально-исторической памяти российского социума.

Базурина Елена Николаевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Правовое сознание русских как проявление коллективной социально-исторической памяти

В последние десятилетия понятия органического, традиционного во всех аспектах нашей жизни обсуждаются активно в связи с регулярными противоречиями в понимании того, каким путем следует развиваться в дальнейшем. Актуальна эта тема не только в масштабах России или даже республик бывшего СССР. Те же проблемы актуальны и для стран Запада. Показательно, что в начале XXI века в Великобритании было проведено массовое исследование молодежи от 18 до 23 лет, этнических британцев с целью выяснить, насколько основные черты британского традиционного менталитета сохраняются в людях нового тысячелетия. Результат был получен однозначный: британский менталитет с его наиболее характерными чертами сохраняется, несмотря на все новые технологии, в полной мере. Аналогичные исследования проводятся и в нашей стране (всем заинтересованным лицам рекомендуем обратиться, например, к трудам профессора Ю. И. Александрова). Показательно, что результаты в нашей стране получены того же рода.

В общем контексте жизнедеятельности этноса мы предлагаем понимать традицию и менталитет как способ выживания конкретного народа в конкретных исторических условиях. Однако не будем забывать, что, говоря о традиции и менталитете, мы подразумеваем некие базовые, неизменяемые показатели. И, в первую очередь, имеем в виду, конечно, те показатели, которые относят в аксиологии к ценностям первого уровня, то есть тому, за что в критической ситуации человек готов отдать свою жизнь. В то же время ценности второго уровня (то, что «желательно», но «не обязательно»), безусловно, меняется и становится то критически важным, то не имеющим значения в жизни людей почти никакого.

В декабре 2021 года мы будем отмечать — кто-то радостно, а большинство с нескрываемой грустью тридцатилетие новой демократической с откровенно либеральным уклоном российской государственности. Специфика нашей государственности на протяжении всех этих лет — отсутствие какой-либо государственной идеологии. Невероятно, но факт — государство, просуществовавшее в качестве общепризнанного уже более четверти века, до сих пор существует в рамках навязанной извне (что признается всеми — и правыми, и левыми, и чиновниками, и публицистами) Конституции. В нашей Конституции до сих пор официально закреплено отсутствие государственной идеологии, а, следовательно, закреплено отсутствие ясного представления о цели государственного строительства как таковой, о том идеальном состоянии государства, к которому мы стремимся.¹

Система права в каждом государственном образовании существует и действует в тесной взаимосвязи с основным законом и целями, которые в нем провозглашаются. Как следствие, откровенно либеральный основной закон предполагает и систему права, ориентирующуюся на систему права, приветствуемую либералами. Однако в нашей стране эта налаженная англосаксонская схема управления извне дала сбой. Связано это оказалось с прямо противоречащей желаниям и настроениям либералов традиционной русской системой ценностей.

В последние годы все чаще система правосудия (в противоположность ситуации 1990-х годов) и действия правоохранительных органов приветствуются населением. Это относится и к

¹ См.: Треушников И. А., Ивашевский С. Л. Правовой идеал и качество отечественного законодательства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 210–212.

возобновлению практики конфискации при задержании взяточников и казнокрадов, это относится к практике выдворения из страны мигрантов, которые в той или иной степени замечены в неуважительном отношении к народам, населяющим нашу страну, и разжиганию ненависти прежде всего к русскому народу. Это относится к возбуждению дел против фактов коллективных нападения, практикуемых отдельными группами национальных меньшинств.

Почему же подобные действия правоохранительных органов всячески приветствуются населением? Проанализируем последовательно. Что касается взяточничества, то достаточно вспомнить сверхпопулярного героя «Белого солнца пустыни» Верещагина в исполнении великолепнейшего актера Павла Луспекаева с его знаменитой фразой: «Я мзду не беру, мне за державу обидно!» Сейчас этот фильм знают далеко не все представители молодого поколения, а вот фраза эта до сих пор известна и популярна настолько, что стала мемом. Откуда же такая известность? Все предельно просто: в традиционной русской культуре постоянно подчеркивается брэнность всего сущего и «настоящесть», «подлинность» всего, что связано с честью, честностью и любовью к Родине. Неслучайно в западной культуре ностальгию (тоску по родине) называют традиционной «русской болезнью». Любовь к родине проявляется по-разному, в том числе проявляется она и в честном служении ей. Отсюда восприятие взяточничества особенно в крупных размерах как вреда, наносимого и людям, и государству, которое в данном контексте воспринимается людьми русской культуры, как народное. Кстати, здесь следует, конечно же, отметить, что в традиционном русском восприятии есть два понятия государства: государства как родины (и тогда ущерб однозначно осуждается большинством населения) и государства как института политического, властного и потому антинародного (такое государство традиционно вызывает отторжение и неприятие, а потому никакого сочувствия не вызывает).

Высылка из России мигрантов, «отметившихся» крайне неуважительным отношением к нашему государству и государствообразующему народу, приветствуется вдвойне, поскольку за все время горбачевской «катастрофы», как окрестил перестройку народ, а также за все существование независимой от бывших республик СССР России, стало понятно, что долготерпение народа уже на исходе — почти 30 лет демонстрируют в отношении русских потребительское отношение отдельные представители бывших братских народов СССР.

Отдельного внимания заслуживает восстанавливающийся на наших глазах авторитет судебной системы как системы не только соблюдающей закон, но и восстанавливающей социальную справедливость. В данном случае речь идет о резонансном оправдательном приговоре в отношении мужчины, защитившего свою семью. Достаточно почитать комментарии и многочисленные статьи-посты-отзывы на это событие, чтобы понять, насколько был силен общественный запрос на подобного рода решения.

Все вышеперечисленные примеры, на наш взгляд, убедительно доказывают тезис о реальности существования коллективной исторической памяти народа, поскольку реакция современных россиян на то или иное событие ничем принципиально не отличается от чувств и чаяний их далеких и не очень предков.

Кобылкин Роман Александрович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России

Разумный опыт соотношения норм и ценностей культуры

В век информационной революции существенно изменилась жизнь человека. Многие проблемы нашли свое решение, но до сих пор, пожалуй, главным, является вопрос о сущности и предназначении homo sapiens. По нашему мнению, уместно сущность человека рассматривать как взаимосвязь трех структурных элементов: биологической, социальной и духовной. В данном контексте человек мыслится как трехстороннее существо биосоциокультурное. А если же рассматривать предназначение человека, то обращаясь к известному тезису «бытие определяет сознание», то формирующуюся личность определяет ближайшее окружение и социум на определенном историческом отрезке. Значительному влиянию становящийся человек подвергается ценностям и нормам, которые определяют систему координат жизненного пути.

Рассмотрение данной проблематики следует начать с дифференциации норм и ценностей. Нормы морали и права — это, по сути, правила, или инструкции, которые следует выполнять в своей повседневной деятельности. Они предписывают, как должен вести себя индивид в той или иной ситуации. Нормы и правила морали сопровождают человека всю жизнь, но для создания личности необходимо формирование ценностного ядра, умение выстраивать социальные отношения. Чтобы у растущего индивида выработалась шкала ценностей, одних законов мало, необходима всесторонняя воспитательная работа, пока молодой человек не научится понимать, что плохо, а что хорошо.

Ценностные ориентиры человека возникают под воздействием культуры. Рождаясь, человек оказывается в определенной социальной среде, в конкретный исторический период. По мере процесса социализации происходит формирование ценностного ядра. На становление молодого человека, помимо социального окружения, большое воздействие оказывает искусство и образование, которые транслируют общечеловеческие, так сказать, модельные ценности и ценности определенного типа культуры. Правда, это влияние не всегда оказывает полномасштабное воздействие на ценностное ядро становящейся личности. Часто в подростковом возрасте более авторитетными оказываются ближайшее окружение в виде старших товарищей, одноклассников и т. д. Пытаясь выделиться и как-то себя презентовать, молодежь игнорирует традиционную мораль и идеалы, а начинает заниматься пропагандой деструктивного или тотально конформного поведения.

Ценностные ориентиры личностного поля могут совпадать, а могут и не совпадать с ценностями данной культуры или с модельными ценностями. Под воздействием социального окружения происходит ценностный диссонанс. У такого типа человека формируются лжеценности, которые могут способствовать появлению и экспансии потребительских ценностей, распространяющихся не только на товары, имеющих не только непосредственный, но и континуальный характер. При этом общение с другими людьми выстраивается как способ достижения своих целей, в процессе которого происходит деструкция социальных идеалов. Потребительские ценности ограничивают временные и пространственные горизонты личности, блокируют ее коммуникацию с гуманистической культурой. Потребительские ценности — это всегда квазиценности, их воздействие деструктивно, поскольку формирует не личность, а человека-функцию.

Ценностное ядро ближнего окружения находится под воздействием СМИ и модных тенденций массовой культуры, которые в определенной степени сформировывают ценности и типы поведения. Оказываясь в плену ложных ориентиров, у молодежи формируется свое представление о жизни. Эти стереотипы часто вступают в конфликт с имеющимися модельными ценностями и вынужденно отступают на задний план. Находясь в поле идеологического вакуума, необходима продуманная воспитательная работа, направленная на рефлекссию универсальных ценностей человеческой культуры, а также осознание предельных ценностных состояний личности, то есть важно и познание, и самопознание. Экзистенция молодого человека направлена на усилия духовного роста, что необходимо не только для выяснения своего предназначения, выстраивания личности.

Первичные ценности, а именно: еда, ощущение безопасности, поощрение со стороны окружающих и т. п., которые закладываются ближним окружением, легко усваиваются и уясняются. В то же время в формирование молодежи закладываются ценности, которые соотносятся с модельными культурными ценностями: честь, бескорыстие, служение народу и т. п., и ценности, которые могут вступать в противоречие с модельными ценностями. Например, вещизм и потребительство явно находятся в противоречии с ними и усваиваются через непосредственное социальное окружение. Это могут быть близкие, испытывающие экономические проблемы, или ровесники, которые, находясь в состоянии формирования ценностных ориентаций, легко могут путать яркое, громкое, блестящее с подлинно ценным. Поколение, находящееся под воздействием интернет-блогеров, типа Дани Милохина, считает, что в жизни главное это найти хайп и таким образом суметь себя распиарить. Большое влияние на подростка оказывает школа, ориентирующаяся в последнее время не на истинные познавательные ценности, а исключительно на достижение успеха: «главная задача — поступить в вуз», «главное — успеваемость» и т. п.

В результате для нынешнего поколения тинэйджеров главными ценностями становятся понятия «успех», «удовольствие», «могущество», без осмысления путей для их достижения. На фоне огромного количества видеороликов из социальных сетей, где успешные молодые люди пропагандируют модели поведения и своими действиями пытаются показать, что надо максимально брать от жизни, достигать славы и богатства, жить в достатке. Молодежь, являясь потребителем материальных ценностей, формирует исключительно потребительские потребности. «Г. Маркузе,

описывая ситуацию с потребностями, разделяет их на ложные и истинные. Большинство преобладающих потребностей (расслабляться, развлекаться, потреблять и вести себя в соответствии с рекламными образцами, любить и ненавидеть то, что любят и ненавидят другие) принадлежат к категории ложных потребностей¹. На фоне меняющихся стандартов поведения и формирующихся новых идеалов общественной жизни, молодежь, на наш взгляд, должна опираться и чтить разумный опыт межличностных отношений предшествующих поколений, а также устоявшиеся моральные нормы. В условиях информационной революции, где каждый человек, подверженный влиянию интернета, находится под его воздействием, происходит формирование ложных потребностей. При этом традиционные ценности, которые формировали поведение, традиционный уклад жизни, остаются в реальной жизни и уходят на второй план.

Массовое общество, ориентирующееся на потребление, находится под воздействием «черных пятниц», вектор покупательского спроса направлен не для покупки товаров первой необходимости, а для престижа. Современный покупатель нацелен на потребление всех благ цивилизации, включающий в себя досуг, различные виды искусства, забота о человеческом теле. При этом традиционное понятие досуга ушло в прошлое. Чтение, как элемент отдыха, уходит из масс. А досуг теперь под воздействием СМИ, интернета часто понимается как то, что человек потребляет энное количество знаков: стремление получить хороший загар, включающий фото на пляже, или на фоне развалин какого-нибудь исторического объекта, а также фото блюд из ресторанов. В личном пространстве у человека все меньше личного времени, он больше не свободен. Люди включены в бесконечную гонку потребления, находясь под воздействием культа демонстративного массового стереотипа. При этом всю свою производительную мощь массового производства компании направляют на то, чтобы воспитать из нас образцовых потребителей. Умение анализировать информацию становится все трудней, в итоге сознание становится клишированным и иметь собственное мнение становится привилегией не многих.

Таким образом, система ценностей современного человека складывается под воздействием норм морали и права, а также традиционных ценностей данного типа культуры. На современном этапе истории отмечается разрыв между ценностями и моральными нормами традиционной культуры и так называемыми «первичными» ценностями, которые формируются ближайшим окружением. Отсутствие продуманной воспитательной работы со стороны государства ведет к нарастающему напряжению, которое может привести к краху всей ценностной системы личности. Замена традиционных ценностей на прагматические, потребительские заполняет сознание нормами и регламентациями на первичном уровне становления человека. При этом самореализация подменяется нетворческой функциональной активностью, постепенно общество наполняется людьми исполнителями, не умеющими и не желающими рефлексировать.

Собко Руслан Васильевич
(иеромонах Лаврентий),

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и богословия Нижегородской духовной семинарии

Нижегородские масоны: хранители или разрушители исторической памяти?

Нижегородское масонство не так широко известно, как московское или Санкт-Петербургское, а между тем благодаря своему географическому положению г. Нижний Новгород много раз становился, если не центром, то «запасным аэродромом» политической жизни Российской Империи. В контексте исторической памяти эту тенденцию можно проследить от нижегородского ополчения Минина и Пожарского в смутное время до организационных ячеек ВКП(б) в предреволюционный период².

Нижегородское масонство мы прежде всего знаем по известным масонам-декабристам С. П. Трубецкому, Ф. П. Шаховскому, братьям Крюковым, М. П. Бестужеву-Рюмину, В. И. Белавину

¹ Кобылкин Р. А. Трансформация ценностных установок в отношении молодежи к труду: философский анализ // Научно-теоретический журнал «Logos et Praxis». 2019. № 1. С. 35–40.

² Собко Р. Об общественно религиозном характере русской революции. Собко Л. Реформация 1517 и Революция 1917: проблема преемственности // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2018. № 16. С. 449–457.

и некоторым другим. Показательно, что именно внутри масонского движения родилась идея со временем перенести столицу в г. Нижний Новгород. С таким предложением выступали, например, П. И. Пестель и Н. М. Муравьев, а еще ранее также связанный с Нижним Новгородом М. А. Дмитриев-Мамонов. Масонским центром в Нижнем Новгороде стала так называемая соляная биржа. В конце 18 века ее возглавлял сторонник Новикова П. И. Прокудин. С гонениями на Новикова, видимо, была связана и отставка нижегородского епископа Дамаскина (Семенова-Руднева)¹.

Тот факт, что среди возможных нижегородских масонов упоминается православный архиерей, совсем не удивителен, в масонские ложи входили многие из представителей духовенства. Так, масоном был известнейший И. А. Фесслер, начавший свою карьеру в России с преподавания в Санкт-Петербургской духовной академии. Масоном был богослов и профессор академии Ф. А. Голубинский. По мнению некоторых исследователей, масоном был и покровительствовавший ему митрополит Филарет (Дроздов). Если же говорить о масонстве в других сословиях, то в определенный период легче будет сказать, кто не входил в масонские ложи, чем перечислять известных масонов — деятелей науки и культуры. Фактически масонство явилось для России чем-то вроде внеконфессиональной и внесловной общероссийской влиятельной организацией, членство в которой открывало определенные перспективы. Кто-то вступал в масоны надеясь найти возможности для карьеры, других привлекали просветительские или духовно-нравственные проекты. Нужно также упомянуть и о составлявших, если не значительную, то значимую часть российской элиты русских «иностранных»² — немцах, французах, итальянцах — для которых участие в ложах иногда составляло часть их исторической идентичности.

Все это привело к тому, что Фесслер и Сперанский в 1811 году попытались на базе российского масонства создать уже не «тайную», но общественную организацию, что, однако, встретило некоторое сопротивление как в среде самих масонов, так и со стороны правительства, а после 1812 года и вовсе стало невозможным. Неудачный политический опыт и антифранцузские настроения в обществе привели к возникновению в 1812 году нового патриотического ордена Черных рыцарей с М. А. Дмитриевым-Мамоновым, в который в последствии входили и другие нижегородцы.

Интересно, что запрет масонских лож — не исключительно российское явление. Так, первые антимасонские законы были изданы испанским королем для того, чтобы избежать французского постреволюционного влияния. Собственно, практически из тех же побуждений масонские ложи были закрыты и в России. Показательно, что одними из первых цензурой были запрещены сборники масонских песен.

Так, Пушкин А. С. писал: «Я был масон кишиневской ложи, т. е. той, за которой уничтожили в России все ложи»³. Принадлежностью к тем или иным тайным обществам отличились практически все последующие русские писатели, многие из масонов участвовали в восстании декабристов. И все же будет ошибкой считать масонство сугубо антигосударственным явлением. Так, нижегородский исследователь О. В. Париков пишет: «В русском масонстве 2-й половины XVIII века чрезвычайно ярко проявились социальные, духовные противоречия данного столетия. В отличие от масонов-радикалов, предтеч русского нигилизма, умеренные масоны-консерваторы выступили защитниками государства и православных устоев»⁴. Позднейший по отношению к нашему исследованию В. С. Арсеньев передает мнение одного из священнослужителей: «Святая Церковь и есть центр ордена»⁵. С. П. Карпачев и многие другие исследователи показывают, что масоны не только не были продекабристскими, но и открыто выступали против этого движения⁶. Все вышеуказанные явления на самом деле вполне укладываются в масонский канон: масон должен был обязательно верить в единого Бога⁷; на собраниях ложи запрещено было обсуждать религию и политику, кроме

¹ Исаков А. А. О причинах отставки епископа Нижегородского Дамаскина // Вопросы истории. 2021. № 6-2. С. 176–183.

² Российских граждан или наемных работников долгое время проживавших в Российской империи.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. XIII. М., 1937. С. 257.

⁴ Христианская антропология русского масона-консерватора И. Г. Шварца / О. В. Париков, Р. В. Собко, А. В. Вороховов, В. К. Спиринов // Евразийский юридический журнал. 2021. № 5 (156). С. 509–510.

⁵ Арсеньев В. С. Воспоминания. Дневник. Материалы семейного архива. Генеалогия рода Арсеньевых / В. С. Арсеньев. СПб.: Изд-во имени Н. И. Новикова, 2005. С. 304

⁶ Карпачев С. П. Масоны против декабристов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2013. № 1 (11). С. 26–32.

⁷ В правление или состав первых масонских лож обязательно входил христианский священник.

того, в ответ на соучастие французских масонов в Великой революции Объединенная великая ложа Англии запретила французскому Великому востоку называться масонской организацией.

Если актуализировать антимасонские законы, приведя их к современному историческому контексту, возможно с оговорками провести аналогию с действующим законодательством, касающимся НКО со статусом иностранного агента. Так, все государственные служащие Российской империи должны были дать обещание, что они не принадлежат ни к какой масонской организации, «если же кто так одного обязательства дать не пожелает, тот не должен оставаться на службе»¹, причем, учитывая иностранное происхождение многих сограждан, закон требовал даже такой оговорки: «Я нижеподписавшийся ни внутри Империи ни вне к оной не принадлежу»².

Масонское движение возможно сравнить еще с одним современным явлением, а именно с глобальной сетью «Интернет»³. В данном контексте имеется в виду не технология, а идеология или феноменология этого явления, а именно тот факт, что у сети «Интернет» фактически нет единого центра, а весь контент создается самими пользователями, которые группируются вокруг определенных реперных точек глобального «болота». Более того, так как содержанием или субъектом в этих отношениях является информация, ее носители со временем приобретают информационный аватар и превращаются в своеобразную икону, существующую отдельно от физического носителя. Распространение информации (вспомним другое название масонов — «иллюминаты»), иерархичность доступа к ней и даже популяризируемая «тайность» определенного сегмента, к которому, однако, при желании можно получить доступ, — фактически запрещающая масонство, чиновничество Российской империи попыталось запретить современный ему интернет.

Некоторых из масонов казнили, других сослали на каторгу, иные ушли в подполье, кто-то, как, например, нижегородец А. А. Карелин, попытался пересмотреть свои взгляды⁴. Запретив людей, государство не сумело запретить информацию, более того, лишившись носителей, она приобрела идеальный платоновский характер и для нее вскоре нашлись новые носители. Технология мини-сообществ была уже отработана и прекрасно показала себя в дальнейшем. Формализация лояльности — вспомним справку о благонадежности — привела к искренней «антилояльности».

Позволим себе высказать гипотезу: единственным возможным решением в данном контексте был бы не запрет «информации», а создание собственных «аватаров» и «цифровых икон», своих автономных, самовоспроизводящихся центров влияния — своего «масонства», что, однако, требовало и требует значительных средств и ресурсов. Продолжая аналогию, предположим, что как Российская империя, так и СССР отчасти погибли из-за нежелания тратить на гуманитарную сферу ресурсы, сопоставимые с военными расходами или добычей нефти. В заключение скажем, что масоны — причем не какие-то иностранцы, а патриоты и автохтоны — принимали активное участие в становлении и развитии государственности США⁵. Сопоставление американских и российских масонских мыслителей — интересная тема для дальнейших исследований.

Капитанова Надежда Валентиновна,

преподаватель кафедры психологии и педагогики
Нижегородской академии МВД России

Коллективная память в системе адаптационных ресурсов педагогических работников

Коллективная память — это общественный феномен, существовавший на каждом этапе исторического развития человечества, имеющий временную специфику и характерные черты. Основная особенность коллективной памяти в том, что с помощью нее на основе прошлого опыта человек

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 38: 1822–1823. С. 579–580.

² Там же.

³ Об этом мы говорили в рамках прошлого круглого стола: Собко, Р. В. Понятие deep state в контексте масонской антропологии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 240–243.

⁴ Сапон В. П. Боевая радуга новой культуры (Анархо-мистическое движение в нижегородской провинции) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 26–32.

⁵ Собко Р. В. Социальное государство: историческая и богословская ретроспектива // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 308–311.

конструирует актуальную картину мира. Однако развитие общества — процесс динамический, что приводит к тому, что социальная группа, общность, коллектив в разные исторические периоды имеет собственную трактовку прошлого. Как справедливо пишет Р. Коллингвуд, наше прошлое становится объектом нашей мысли с помощью исторического воображения¹.

Говоря о современном обществе, отметим, что сегодня для успешного существования человек вынужден адаптироваться не только к общественным, но и природным вызовам. Разумеется, чтобы преодолеть вновь возникшие социальные трудности, человек обращается к предыдущему опыту, который тесно связан с понятием адаптационного потенциала человека, его коммуникацией и общественными взаимоотношениями. Иными словами, адаптация индивида происходит в процессе его социализации, которая предполагает социальное познание, общение, овладение практическими навыками деятельности, овладение социальными функциями и ролями.

С другой стороны, в настоящее время в связи с актуальностью исследований адаптационных ресурсов возрастает интерес и к понятию коллективной памяти, поскольку данный общественный феномен связан с такими компонентами, как социальная самоидентичность личности, эмоциональная вовлеченность членов в группе, формирование и преемственность жизненных ориентиров, социальных ценностей и традиций². Благодаря коллективной памяти общность, группа, коллектив и т. д. оставляют свой след во временном и историческом пространстве.

Интересным этапом для исследования адаптационного потенциала педагогических работников стало начало пандемии COVID-19, когда весной 2020 года практически все сферы общественной жизни перешли в онлайн формат, и дистанционное обучение стало единственно возможным и адекватным ответом на вызов пандемии. Очевидно, что у большинства педагогических работников в этот период возникли сложности и вопросы, причиной которых являлось не только неприязненное отношение преподавателей к онлайн среде, но и тот факт, что в целом подобная форма жизни отсутствовала в нашем опыте. В тот временной момент в коллективной памяти преподавателей отсутствовала информация о том, как действовать в сложившихся условиях.

Сегодня, когда начало тотального дистанта стало частью прошлого, представляется возможным провести некоторый анализ определения места цифровых технологий в учебном процессе и выявления основных адаптационных ресурсов у педагогических работников. Для достижения цели исследования нами в 2021 году был проведен опрос преподавателей вузов МВД России (выборка — 420 человек), результаты которого позволяют сделать следующие выводы: 81 % опрошенных педагогических работников активно пользуются цифровыми технологиями в ежедневной педагогической практике; 47,6 % респондентов положительно относятся к применению цифровых технологий в образовательном процессе; 76,2 % убеждены, что в дальнейшем цифровые технологии будут признаны необходимой частью образовательного процесса.

На вопрос «Что способствует Вашей адаптации к цифровой образовательной среде?» были получены следующие результаты: 61,9 % — педагогический опыт и знания; 50 % — ответственность, профессиональный долг; 47,6 % — желание, стремление к овладению новым; 40,5 % — новые технологии, информация из сети «Интернет». Самым популярным условием успешной адаптации преподаватели называют взаимопомощь коллег — 64,3 %.

В ходе исследования выявлены следующие особенности развития адаптационного потенциала преподавателей вузов МВД России в условиях цифровой среды: повышение уровня дисциплины и личной ответственности преподавателей в условиях их снижения у учащихся, рост осознания необходимости повышения профессионального мастерства, развитие навыков работы с техническими устройствами, активизация процесса самообразования, повышенный запрос на профессиональную поддержку в решении новых педагогических проблем, рост взаимопомощи в служебных коллективах.

Итак, коллективная память способствует формированию сплоченного коллектива, дает его участникам основания для совместного продуктивного существования, формирует уверенность в собственных силах и делает эффективным дальнейшее существование человека и группы, то есть способствует успешной адаптации человека к изменяющимся общественным условиям. Таким образом, коллективная память является неотъемлемой частью адаптационного потенциала человека в процессе его социализации и жизнедеятельности.

¹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. Издательство «Наука». М., 1980. 486 с.

² Ивашевский С. Л. Политика памяти в российском образовании // Философия образования. 2016. № 1 (64). С. 92–101.

Строков Алексей Александрович,

кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии Нижегородской академии МВД России

**Роль искусственного интеллекта в сохранении исторической памяти:
философско-правовые аспекты**

Сегодня во время неконтролируемого потока информации, загромаждающей прежде всего интернет-пространство (а это самый популярный информационный ресурс, к которому приковано внимание большей части человечества), очень сложно ответить однозначно на вопрос о том, что есть правда, а что вымысел с позиции объективности, широты взглядов и неоднозначности событий прошлого.

Вольная интерпретация исторических событий представляет собой в настоящее время не всегда истинное направление в осмыслении событий и явлений прошлого. Мы полагаем, что факторы времени, смены политических режимов и политической идеологии позволяют вывести историческую переменную, которая будет всегда изменять значение при подаче фактов прошлого.¹ Сегодня без научного подхода в познании произошедших событий теряются смыслы и ориентиры не только в национально-культурной идентичности современного человека (можно говорить о выходе или исключении индивида из своей родной национальной культуры, деформации ценностных установок исторического наследия), но и непонимании закономерностей развития индивида в будущем.

Современное общество столкнулось с проблемой, связанной не только с сохранением коллективной памяти, но и с процессом познания прошлого, которая сегодня сводится к элементарным запросам пользователя в поисковых системах, что мешает ему мыслить свободно, критически и логически.

Парадоксальность обозначенной тенденции в технологизации процессов познания сводится к тому, что создание человеком artificial intelligence — искусственного интеллекта² (ИИ) и совершенствование его навыков в мышлении (речь идет о машинном обучении и формировании нейронных сетей, как функциональной части глубокого обучения ИИ) приводит к тому, что сам человек эти функциональные навыки постепенно утрачивает.

Для придания яркости позиции противникам исключения человека из исторического уравнения в части сохранения им социальной памяти Эдвард Форстрер писал: «Машина движется вперед, но не к нашей цели. У меня нет способа бороться с Машиной, вернее, я знаю только один способ: снова и снова рассказывать людям о том, что я видел...»³.

Следует обратить внимание на то, что ИИ — изначально проект крупных коммерческих корпораций (таких, как Amazon) и его появление как технического помощника в первую очередь было адресовано на раскрытие потенциала покупательской способности и последующее ее преобразование в финансовую выгоду для компании.

Со временем технологии ИИ стали востребованы при реализации обучения на частных образовательных платформах, в медицине, искусстве, полиции и т. д.

Сегодня специалисты утверждают, что технологии ИИ не являются чем-то недостижимым, нужен алгоритм и понимание его применения в той или иной области, ну и конечно же востребованность.

Позитивным примером использования ИИ может служить научная разработка, созданная советскими учеными при моделировании исторических процессов. Проблема, за которую они взялись, была направлена на рассмотрение сути конфликта «Пелопоннесской войны» (431—404 годы до н. э.). Источники, дошедшие до нас, охватывают не весь этот период, что неудивительно, ведь прошло столько столетий. Встал вопрос: «Можно ли, опираясь на существующие данные, написать компьютерную программу и с ее помощью восполнить пробелы?» В 1970-х годах сотрудники ВЦ АН СССР вместе с историками МГУ создали такую компьютерную модель — она воспроизводила

¹ Ивашевский С. Л. Политика памяти в российском образовании // Философия образования. 2016. № 1 (64). С. 92–101.

² Далее предлагаем придерживаться распространенной в отечественной науке аббревиатуры – «ИИ».

³ The Machine Stops by Edward Morgan Forster First published in the Oxford and Cambridge Review, November 1909. URL: https://www.cs.ucdavis.edu/~koehl/Teaching/ECS188/PDF_files/Machine_stops.pdf (антиутопия, где все потребности общества выполняла машина, а страх перед ней затмевал в людях все ценные человеческие качества) (дата обращения: 16.11.2021).

год за годом динамику показателей воюющих полисов. Благодаря этой модели удалось уточнить причины Пелопоннесской войны»¹.

Экспертное сообщество нацелено на создание информационной платформы, которая сосредоточит в себе основные вехи Европейской истории. Такие технологии позволят аккумулировать и анализировать «культурные, социальные и географические изменения»², рассматривая 2000 летнюю историю как динамическую систему с бифуркационными развилками, обоснованно регламентирующую развитие или упадок цивилизаций.

Специалисты при помощи ИИ пытаются защитить коллективную память, сегодня уже реализуется «сразу несколько проектов, посетителям которых с помощью VR-технологий можно погрузиться, например, в атмосферу Нюрнбергского процесса или пройтись по улицам блокадного Ленинграда»³, глубокие впечатления от реалистичности происходящих событий не позволят вычеркнуть увиденное из памяти.

ИИ может объединять архивные данные городов или же государств, «с помощью единого крупного хранилища историкам будет проще сравнивать информацию, анализировать изменения и получать новые данные из старинных текстов»⁴, открывая новое направление в герменевтике при сотрудничестве в этом процессе человеческого и искусственного разума.

Память о прошлом — это неотъемлемая составляющая духовной культуры отдельной цивилизации или даже всего человечества, если мы возьмемся утверждать, что существует мировая история, связывающая культуры и цивилизации на отдельных ее этапах. Исторически мы наблюдаем, как человек стремится ее объективизировать и запечатлеть при помощи письменности, живописи, скульптуры как языка передачи информации для будущих поколений, событий современности. Однако и это не дает гарантии того, что тексты, картины, скульптуры, фотографии, документальный кинематограф способны явиться безусловным интерпретатором исторических событий, так как они не всегда способны запечатлеть саму суть в моменте того или иного явления, а иногда такая фиксация проходит спустя только годы⁵.

Ни одна из ранее известных форм хранения социальной памяти не может претендовать на объективность. ИИ же сможет стать помощником человека, создать основу для изучения и анализа наследия предков, сопоставляя одни артефакты с другими, находя в них нечто общее. Полагаем, что сопротивление новым технологиям не является рациональным развитием событий, так как уже сегодня ИИ применяется для фиксации событий исторического и культурного наследия (виртуальные экскурсии по городам, музеям, реконструкция исторических событий, оцифрованные печатные исторические источники из архивов — это лишь немного, что способен сегодня предложить ИИ).

Правовое осмысление исторической памяти для российского многонационального народа можно начать с законодательного закрепления ее основ. Так, в части 2 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации она определяется с позиции: «объединенной тысячелетней историей, сохранении память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственности в развитии Российского государства, признании исторически сложившегося государственного единства»⁶.

В части мониторинга законодательства мы намеренно обходим проблемные вопросы уголовно-правового и гражданско-правового регулирования ИИ, например, в части защиты авторского права в глобальной информационной сети, которые неизбежно будут обработаны алгоритмами и

¹ Что сделали ЭВМ для исторической науки. URL: <https://arzamas.academy/materials/2284> (дата обращения: 12.10.2021).

² Искусственный интеллект в истории: как технология продвигает науку. URL: <https://aicongress.ru/ru/article/iskusstvennyy-intellekt-v-istorii-kak-tehnologiya-prodvigaet-nauku-97387> (дата обращения: 17.10.2021).

³ Специалисты Москвы и Санкт-Петербурга сохраняют историческую память с помощью новых современных арт-проектов, для реализации которых используют искусственный интеллект. URL: <https://tvzvezda.ru/news/202110171856-sJfwp.html> (дата обращения: 17.10.2021).

⁴ Искусственный интеллект в истории: как технология продвигает науку. URL: <https://aicongress.ru/ru/article/iskusstvennyy-intellekt-v-istorii-kak-tehnologiya-prodvigaet-nauku-97387> (дата обращения: 17.10.2021).

⁵ Например, Ксенофонт написал Анабасис Кира спустя 30 лет и для придания объективности, так как он был участником военного похода, изложил его под псевдонимом.

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/ (дата обращения: 10.11.2021)

объединены в общий информационный ресурс. Мы столкнулись с законодательным пробелом в части отсутствия передачи функции обработки, хранения и трансляции событий прошлого «машине» с претензией на интеллект, которая становится автономной. Указ Президента Российской Федерации № 490 от 10 октября 2019 года «**О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации**»¹, на основе которого строятся все пролонгированные стратегии, связанные с развитием ИИ, за исключением пункта 19, где речь идет о гарантиях на защиту прав и свобод человека и возможности получать знания и приобретать навыки посредством цифровых технологий, далее не раскрывая дефиниции, относящиеся к нашему исследованию.

Для пресечения хаотичного толкования рассматриваемого вопроса законодатель должен урегулировать сферу хранения исторической памяти с применением ИИ, определив его не как альтернативу человека, а как его помощника в познании и осознании событий прошлого.

Сохранение коллективной памяти, вне зависимости от источника ее хранения — не простая задача поколений, а от ее объективности зависит формирование духовно-нравственных ориентиров личности в современном и будущем социальном пространстве.

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 490 от 10 октября 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 14.11.2021).

Рецензия на учебник
УДК 340:167/168; 001.11;
001.2; 001.4—001.6; 001.8;
001.92:37; 340.115; 340.113.1
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-285-288>

**Качество научных исследований по юриспруденции
и эффективность руководства ими.
Рецензия на 2-е издание учебника И. В. Понкина и А. И. Лаптевой
«Методология научных исследований и прикладной аналитики»
(М.: Консорциум «Аналитика. Право. Цифра», Буки Веди, 2021, 567 с.)**

Баранова Марина Владимировна¹, Блинкова Елена Викторовна²

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, ORCID 0000-0001-6392-9843, qazxsw1232007@yandex.ru

²Академия права и управления ФСИН России, Рязань, Россия, elenablinkova@inbox.ru

Для цитирования: Баранова М. В., Блинкова Е. В. Качество научных исследований по юриспруденции и эффективность руководства ими. Рецензия на 2-е издание учебника И. В. Понкина и А. И. Лаптевой «Методология научных исследований и прикладной аналитики» (М.: Консорциум «Аналитика. Право. Цифра», Буки Веди, 2021, 567 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 285—288. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-285-288>.

Textbook review

**The quality of scientific research on jurisprudence and the effectiveness
of their management. Review of the 2nd edition of the textbook by I. V. Ponkin
and A. I. Lapteva “Methodology of scientific research and applied analytics”
(Moscow: Consortium “Analytics. Law. Digit”, Buki Vedi Publ., 2021, 567 p.)**

Marina V. Baranova¹, Elena V. Blinkova²

¹National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID 0000-0001-6392-9843, qazxsw1232007@yandex.ru

²Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, elenablinkova@inbox.ru

For citation: Baranova M. V., Blinkova E. V. The quality of scientific research on jurisprudence and the effectiveness of their management. Review of the 2nd edition of the textbook by I. V. Ponkin and A. I. Lapteva “Methodology of scientific research and applied analytics” (Moscow: Consortium “Analytics. Law. Digit”, Buki Vedi Publ., 2021, 567 p.). *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 285—288. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-285-288>.

Название рецензии сознательно несколько сужает (точнее, конкретизирует), но не обесценивает содержание и форму учебника И. В. Понкина и А. И. Лаптевой. Издание вполне можно «квалифицировать» в качестве пособия для председателей и членов диссертационных советов по всем социальным наукам, в том

числе по юридическим дисциплинам. Авторы рецензии постарались «вычлениить» основные проблемы методологии правоведения.

На современном этапе развития российского государства управление наукой претерпевает перманентные и порой весьма неоднозначные изменения. Так, в течение последнего

© Баранова М. В., Блинкова Е. В., 2022

десятилетия активно трансформируется организационная система в сфере правовой науки, о чем свидетельствует курс на сокращение диссертационных советов, жесткий контроль качества их деятельности, повышение требований к членам советов, соискателям. Преобразования неоднородны, сложно входят в отечественную научную жизнь. Острую дискуссию среди правоведов вызвало настойчивое позиционирование преимуществ публикационной активности в журналах, индексируемых за рубежом, возможность введения в диссертационные советы кандидатов наук, наравне с докторами наук, радикальный пересмотр номенклатуры специальностей научных работников (см. приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093»).

В научном сообществе, безусловно, есть четкое понимание направленности преобразований на повышение эффективности проводимых научных исследований и руководства ими, привлечение молодых кадров в эту сферу, но, наряду с этим, есть осознание некоторой непродуманности, недостаточной системности проводимых преобразований. Одной из ключевых причин проблем в реформировании науки в России видится недооценка роли научной методологии и науковедческого образования. Недостаточно внимания сегодня уделяется непосредственно обучению молодых исследователей методологии науки. В вузах на освоение этой сложной и нужной проблематики стандартно выделяется несколько «исследовательских семинаров», в рамках магистерской подготовки юристов — небольшой по объему специальных тематических знаний предмет «История и методология юридической науки». Сложен процесс подбора профессорско-преподавательского состава для таких дисциплин, подбор соответствующей целям и потребностям специальной учебной литературы.

В этой связи особый интерес представляет вышедшее в начале 2021 года 2-е издание учебника И. В. Понкина и А. И. Лаптевой «Методология научных исследований и прикладной аналитики» [1], всего через год после выхода в свет первого его издания [2], вызвавшего живой

отклик ученых-правоведов. Второе издание больше по объему и охвату тематических вопросов.

«Целью науки является не открывать дверь в бесконечную мудрость, но устанавливать предел для бесконечных ошибок», — мудро заметил когда-то Бертольд Брехт. И в этом смысле значение научной методологии трудно переоценить. Авторы учебника, раскрывая цель, ценность и назначение своего труда особо отмечают, что «учебник посвящен тематическому горизонту методологии научных исследований и прикладной аналитики. Учебник — увеличенного уровня сложности. Представлены объяснения сути, природы и онтологии аналитики как рода специфической мыслительной деятельности и как ее продукта. Детализированно описан и объяснен ряд методов научных исследований и прикладной аналитики, ряд значимых концептов в основе их организации и осуществления. Представлены линейки параметров проектирования и оценивания исследовательских продуктов» [1, с. 2].

Учебник охватывает своими разъяснениями множество исследовательских методов и вопросов организации и проведения научных и прикладных аналитических исследований, основан на широком спектре тематических источников, включает оригинальные авторские концепты и определения.

Учебник И. В. Понкина и А. И. Лаптевой нацелен на формирование конструктивно-критического восприятия и оценивания окружающего мира, учит получать и препарировать научное знание с помощью многочисленных исследовательских методов, подвергнутых детальному анализу на страницах издания. Интересен авторский подход, направленный на формирование знания не через механистическое повторение, не через заучивание больших объемов информации о философах прошлого и настоящего, что представляется малопродуктивным вне сочетания с иными методами и приемами познания, формирующими целостную личность правоведа-исследователя, а через научение думать, познавать, осмысливать, через научение способам постижения окружающего мира. Оригинальный авторский концептуально-педагогический замысел позволил предложить подход к созданию фундаментальной основы последующего генезиса и развития ученого, ум, талант и интуиция которого позволят вести самостоятельный эффективный научный поиск.

Любой креативный труд, содержащий новые авторские идеи, как правило, не лишен недостатков, спорных положений, так и учебник по

методологии науки и прикладной аналитике, безусловно, вызовет доктринальную дискуссию, что, полагаем, естественно, и послужит толчком для дальнейших исследований в данном ключе. Контрпродуктивно при знакомстве с новыми позициями, теориями акцентировать первичное внимание на недочетах, важным представляется отметить ценные моменты, увидеть связь с более ранними работами, распознать формирующиеся тренды. Не случайно русский писатель Николай Семенович Лесков еще в 1889 году в ответ на упрек, что он «сделал недостаточно», сказал: «Не видно ведь, сколько талантов я получил от моего Господина и на сколько сработал? Это только Он разберет. Может быть, я что-нибудь и зарыл, “закопал серебро Господина моего”, но я шел дорогой очень трудную, — все сам брал без всякой помощи и учителя и вдобавок еще при целой массе сбивателей, толкавших меня и кричавших: “Ты не так... Ты не туда... Это не тут... Истина с нами, — мы знаем истину”. А во всем этом надо было разбираться и пробираться к свету сквозь терние и колючий волчец, не жалея ни своих рук, ни лица, ни одежды» [3, с. 385].

Издание масштабного, сложного по структуре и содержанию, глубокого по своей сути учебника достойно уважения и обсуждения специалистами. Авторы щедро делятся знаниями и оригинальными представлениями о специфических аспектах мыслительной деятельности, методов научных исследований, прикладной аналитики, облегчая читателям путь к познанию. Глубокое освоение и оригинальная переработка обширного тематического материала, отраженного в тексте, новизна идей свидетельствуют о тщательном, длительном и сложном процессе исследования проблематики. Отраднее, что авторская работа по исследованию методологии научных исследований не ограничивается переработкой и дополнением учебника, а перманентно продолжается новыми научными статьями разработками, в том числе и не нашедшими отражения во втором издании учебника (см., например, [4—8]).

Особо следует отметить, что учебник действительно побуждает к научному поиску, формированию навыков сложного многоуровневого анализа, интеллектуальному самосовершенствованию. В работе, посвященной методам правовых исследований, профессора Khushal Vibhute и Filipos Aynalem отмечают особую важность вопроса о причинах, побуждающих ученого заниматься исследованиями: «... человек, которому любопытно узнать что-то еще о чем-то,

предпринимает систематическое изучение этого чего-то, чтобы убить свое любопытство. Его стремление узнать или получить знания о “чем-то” убедительно побуждает его провести исследование этого “чего-то”. Однако у него могло быть несколько других “мотивов”, чтобы увлечься исследованиями. К ним относятся: 1) желание получить ученую степень и связанные с этим выгоды; 2) его “беспокойство” по поводу “нерешенных” или “неизученных” “проблем” и его острое желание найти решение для них и быть гордым получателем этого вклада; 3) желание завоевать репутацию и признание своих собратьев; 4) желание получить интеллектуальную радость от выполнения “творческой” работы; 5) желание служить обществу.

Однако, когда речь идет о юридических исследованиях, ученый-юрист, кроме того, должен убедить себя, что его стремление к юридическим исследованиям проистекает из его решимости сделать что-то новое — смотреть на мир непредвзятым взглядом, пытаться открыто использовать пылливый ум, чтобы выяснить, как и почему закон обманывает, чтобы увидеть, действительно ли закон служит потребностям сегодняшнего дня. Иногда ему, особенно когда он заинтересован в выяснении общественной полезности закона, может потребоваться отойти от книжного самоанализа и отважиться на эмпирическое исследование» [9, с. 13—14]. Предложенный спектр мотивов воплощается в реальности системно, с преобладанием ключевой цели, соответствующей специфике личности исследователя (научного руководителя исследователя, направляющего молодого ученого), при этом любой мотив для воплощения требует специальных знаний, навыков и умений, «включенности» в мир научного поиска.

Учебник И. В. Понкина и А. И. Лаптевой «Методология научных исследований и прикладной аналитики» дает опору читателю, вводит его в мир сложных вопросов методологии правоведения, науковедения в целом.

Список источников

1. Понкин И. В., Лаптева А. И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. 2-е изд., дополн. и перераб. / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М.: Буки Веди, 2021. 567 с.
2. Понкин И. В., Редькина А. И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. М.: Буки Веди, 2020. 365 с.
3. Жизнь Николая Лескова: по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: Т. 2. М.: Художественная литература, 1984.

4. Понкин И. В., Лаптева А. И. Метод экстраполяции как метод научного исследования и прикладной аналитики, в том числе в сфере права // Юридическая орбита. 2021. № 1. С. 101—105.

5. Понкин И. В. По поводу некоторых секретов подготовки специалистов в прикладной аналитике // Аналитика на службе Отечеству: Сборник. Вып. 5 / под ред. Ю. В. Курносова / Серия «Русская аналитическая школа». М.: Ритм, 2021. С. 138—143.

6. Понкин И. В. Общая теория прикладной аналитики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2. С. 42—48.

7. Понкин И. В., Лаптева А. И. Теория и практика аргументации в структуре подготовки юристов // Российский юридический журнал. 2021. № 5.

8. Понкин И. В. Методология науки и прикладной аналитики: Фактография и прикладная аналитика // Право и образование. 2021. № 8. С. 4—12.

9. Vibhute K., Aynalem F. Legal Research Methods: Teaching Material / Prepared under the Sponsorship of the Justice and Legal System Research Institute. URL: <https://chilot.files.wordpress.com/2011/06/legal-research-methods.pdf>.

References

1. Ponkin I. V., Lapteva A. I. Methodology of Scientific Research and Practical Analytics: textbook. 2nd edition expanded and reworked. Consortium "Analytics. Law. Digital". Moscow: Buki Vedi Publ., 2021. 567 p. In Russ.)

2. Ponkin I. V., Redkina A. I. Methodology of Scientific Research and Practical Analytics: textbook. Moscow: Buki Vedi Publ., 2020. 365 p. (In Russ.)

3. The life of Nikolai Leskov: according to his personal, family and non-family records and memories. Vol. 2. Moscow: Artistic literature Publ., 1984. (In Russ.)

4. Ponkin I. V., Lapteva A. I. Extrapolation method as a method of scientific research and applied analytics, including in the field of law. *Legal Orbit. Article*, 2021, no 1, pp. 101—105. (In Russ.)

5. Ponkin I. V. Regarding some secrets of training specialists in applied analytics. *Analytics in the service of the Fatherland: collection. Issue 5 / ed. by Yu. V. Kurnosov*. Moscow: Ritm Publ., 2021. Pp. 138—143. (In Russ.)

6. Ponkin I. V. General theory of applied analytics. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Article*, 2021, no. 2, pp. 42—48. (In Russ.)

7. Ponkin I. V., Lapteva A. I. Theory and practice of argumentation in the structure of training lawyers. *Russian Journal of Law. Article*, 2021, no. 5. (In Russ.)

8. Ponkin I. V. Methodology of science and applied analytics: Factography and applied analytics. *Law and education. Article*, 2021, no. 8, pp. 4—12. (In Russ.)

9. Vibhute K., Aynalem F. Legal Research Methods: Teaching Material / Prepared under the Sponsorship of the Justice and Legal System Research Institute. URL: <https://chilot.files.wordpress.com/2011/06/legal-research-methods.pdf>.

Информация об авторах

М. В. Баранова — доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского;

Е. В. Блинкова — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Академия права и управления ФСИН России.

Information about the authors

M. V. Baranova — Doctor of Law, Candidate of Sciences (Cultural Studies), Professor of the department theory and history of state and law, Deputy Dean for Research at the Faculty of Law National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

E. V. Blinkova — Doctor of Law, Professor, Professor of the department civil law and process Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia.

Рецензия поступила в редакцию 05.03.2022, принята к публикации 10.03.2022.

Review was submitted 05.03.2022; accepted for publication 10.03.2022.

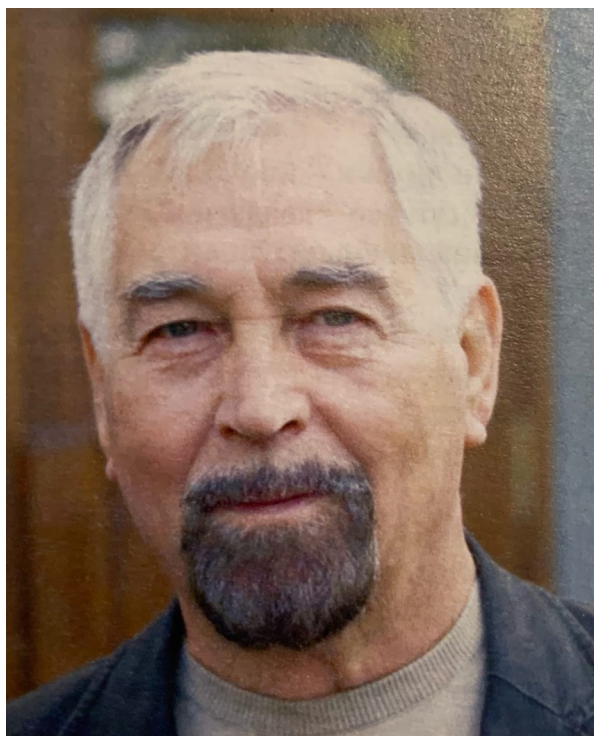
**Профессор А. И. Рарог — ученый, воплотивший свою мечту в реальность,
(к 85-летию со дня рождения)**

**Professor A. I. Rarog — a scientist turned his dream into reality
(to the 85th birthday)**

История развития человечества знает много примеров выдающихся, разносторонне одаренных, талантливых ученых, ставших символом самоотверженного служения науке и отчизне. Их жизнь, творческая деятельность прославляют целые эпохи, оставляют в них заметный, неизгладимый след. К числу таких ученых следует отнести и доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Алексея Ивановича Рарога, который относится к плеяде образованнейших людей, воплотившим свою мечту в реальность, является научным эталоном современной России.

Он родился 21 января 1937 года в городе Сочи в семье рабочих. Окончив среднюю школу с серебряной медалью, поступил в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова на юридический факультет. В университете, когда он обучался, работали лучшие ученые, преподававшие юридические дисциплины: В. П. Мазолин, В. П. Грибанов (гражданское право); Д. Л. Злотопольский, П. Т. Василенков (государственное право); Ю. М. Козлов (административное право); Н. Д. Дурманов, Г. А. Кригер, Ю. М. Ткачевский, А. Н. Трайнин (уголовное право); В. С. Андреев (трудовое право); П. Н. Галанза (история государства и права зарубежных стран); А. Г. Лашин (теория государства и права); В. В. Бесчеревных (финансовое право); С. С. Остроумов (судебная статистика); Н. С. Прозоров (история правовых и политических учений); М. П. Шаломов, Б. И. Шевченко (криминалистика). Они произвели на него неизгладимое впечатление, поразили своей приверженностью к юридической науке, привили ему любовь к юриспруденции. И он твердо решил, что после окончания университета будет заниматься практической деятельностью, которая позволит ему приобрести опыт для дальнейших научных исследований, поэтому во время учебы уделял особое внимание изучению дисциплин криминального цикла (уголовное право, уголовно-процессуальное право, криминалистика). Его первые студенческие работы были посвящены изучению проблем противодействия преступности и ее профилактике.

После завершения обучения в 1959 году А. И. Рарог был направлен в Рязанскую область, где до 1963 года работал следователем

прокуратуры, одновременно с этим готовился к поступлению в аспирантуру. В 1963 году поступил в аспирантуру на кафедру уголовного права Всесоюзного юридического заочного института (далее — ВЮЗИ), где под руководством профессора П. И. Гришаева подготовил и в 1967 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Принципы уголовного права в ФРГ: критический анализ».

После защиты диссертации с 1966 по 1972 годы А. И. Рарог работал в должности старшего преподавателя, а с 1972 по 1988 год в должности доцента, а затем профессора ВЮЗИ кафедры уголовного права, которой руководил доктор юридических наук, профессор Б. В. Здравомыслов. В то же время научно-педагогическую деятельность осуществляли М. А. Гельфер, П. И. Гришаев, Ш. С. Рашковская, И. А. Сперанский, С. Г. Келина, О. Ф. Шишов. Последние были кандидатами юридических наук, доцентами с докторскими амбициями, но уже достаточно известными в уголовно-правовой науке: на их счету было немало опубликованных учебных пособий и фундаментальных

статей в сборниках ученых трудов ВЮЗИ, общесоюзных журналах и других изданиях.

В рассматриваемый период А. И. Парог активно занимается научно-педагогической деятельностью, его знают как эрудированного, высокопрофессионального педагога, он пользуется уважением и авторитетом у студентов: читает лекции, проводит семинарские и практические занятия, ведет научные кружки. Его педагогическое мастерство получает высокую оценку: в рейтинге профессоров студенты ставят ему высший балл за умение донести до аудитории сложные проблемные вопросы в простой и доступной для понимания форме, увязать теоретические положения с практической деятельностью.

В указанное время значимым вкладом А. И. Парога следует признать подготовку научно-педагогических российских и зарубежных национальных кадров. Так, Министерство высшего и среднего специального образования СССР дважды направляло его для преподавательской работы в Народно-Демократическую Республику Йемен (1976—1977, 1982—1985), где он, занимаясь педагогической деятельностью, заведовал кафедрой уголовно-правовых дисциплин Аденского университета. В указанное время им был написан учебник «Уголовный процесс НДРЙ» (Аден, 1984, на арабском языке) и подготовлено большинство глав учебников «Уголовное право НДРЙ. Часть Особенная» (Аден, 1984, на арабском языке) и «Уголовное право НДРЙ. Часть Общая» (Аден, 1985, на арабском языке), а также монография «Вина в уголовном праве в НДРЙ и СССР» (Аден, 1985, на арабском языке).

Написанные А. И. Парогом или с его преобладающим участием учебники получили высокую оценку со стороны специалистов в области уголовного права указанного государства и активно использовались в учебном процессе студентами Аденского университета, которые изучали уголовное право и уголовный процесс, вплоть до окончательной унификации законодательства на территории всего Йемена.

В 1988 году А. И. Парог защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Теория вины в советском уголовном праве (общие и специальные вопросы)». В 1991 году ему присвоено звание профессора, с января 1998 по декабрь 2016 года он заведовал кафедрой уголовного права Московской государственной юридической академии (до 1989 г. — Всесоюзный юридический заочный институт, 1989—1994 г. — Московский

юридический институт, а затем Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)).

Научный путь профессора А. И. Парога — это путь поиска истины в уголовном праве. Природа наделила его удивительными способностями определять главное в науке и находить правильное решение. Будучи человеком яркого многогранного таланта, он много сделал в уголовно-правовой науке и продолжает без остатка использовать свои потенциальные возможности.

В процессе научной деятельности им опубликовано свыше 500 работ, в том числе 15 монографий и 20 учебников (в соавторстве). Он является автором книг: «Общая теория вины (1980)», «Вина и квалификация преступления» (1982), «Вина в советском уголовном праве» (1987), «Проблемы субъективной стороны преступления» (1991), «Консультации по основам государства и права» (1996), «Квалификация преступления по субъективным признакам» (2002), «Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам» (2015); соавтором монографий: «Настольная книга судьи по квалификации преступлений» (2006, 2009), «Настольная книга судьи по уголовным делам», «Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая» (2009), «Учение о наказании в уголовном праве России» (2011), «Уголовно-правовое воздействие» (2012), «Качество уголовного закона. Проблемы Общей части» (2016), «Качество уголовного закона. Проблемы Особенной части» (2017), «Фармацевтическое уголовное право России» (2019). Он является соавтором и ответственным редактором многих современных учебников по уголовному праву и комментариев к Уголовному кодексу Российской Федерации. Кроме того, ряд его статей помещены в Большую Российскую энциклопедию.

А. И. Парог удивительным образом сочетает в себе глубокие знания теории уголовного права с практикой применения уголовного законодательства. И это сочетание не какое-то искусственное, надуманное, а является вполне естественным, обоснованным, поскольку неразрывно связано и органически вписывается в жизнь, что, кажется, другого не должно и быть.

Научное признание А. И. Парог как ученый-организатор получил, выступив инициатором проведения международных научных форумов, выразившихся в установлении творческого сотрудничества с иностранными учебными заведениями в начале нынешнего столетия. По его инициативе были установлены научные связи кафедры уголовного права Московского государственного

юридического университета имени О. Е. Кутафина с многими учебными заведениями ближнего и дальнего зарубежья, выразившиеся в проводимых ежегодных международных научно-практических конференциях «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке».

На указанных форумах с участием представителей органов государственной власти, ученых, практических работников Российской Федерации, стран ближнего и дальнего зарубежья рассматриваются актуальные научные проблемы, где участники выступают с научными докладами, ведут дискуссии на актуальные проблемы законодательской и правореализационной практики.

Так, XVI международная научно-практическая конференция, проводимая в 2019 году, была посвящена четырем темам: «Уголовное право в условиях развития цифровых технологий», «Бизнес и уголовное право», «Современные подходы к реализации уголовной ответственности», «Медицинское уголовное право». Такой подход к подбору тематики позволил обсудить определенный круг научных вопросов, представляющих особую актуальность и практическую значимость.

На XVII международной научно-практической конференции, проведенной 23—24 января 2020 года, тематика определялась четырьмя блоками: «Уголовное право в эпоху больших вызовов», «Экономическое уголовное право и политика», «Наказания и иные меры уголовно-правового характера: состояние и перспективы», «Современные модели взаимодействия уголовно-правовой науки и правоприменения». В процессе организованных дискуссий удалось исследовать наиболее значимые в научном творчестве проблемы, имеющие немалое значение для дальнейшего развития уголовно-правовой науки.

Проводимые научные форумы стали возможными благодаря активной научной деятельности А. И. Рарога, они расширили сферу научного диалога ученых специалистов в области уголовного права разных стран. Его исключительно высокий научный авторитет позволил качественно осуществить реализацию совместных научных проектов, стимулировал российских ученых на их участие. Без организующей роли А. И. Рарога их проведение было бы просто не возможным.

Научная общественность высоко оценила ежегодно проводимые научные конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке». По мнению ученых, они являются не только российским научно-просветительским центром, но и

международным, позволяющим устанавливать прочные контакты с научной общественностью, находить единые решения по различным жизненно востребованным проблемам в области применения уголовного законодательства.

Одной из сфер приложения научного таланта служит организация совместных научных мероприятий с кафедрой уголовного и экономического уголовного права Потсдамского университета. Традиционными стали российско-германские круглые столы по актуальным проблемам уголовной политики в сфере экономики зарубежного и европейского экономического уголовного права, законодательной техники, экономической преступности и коррупции, предупреждения совершения экономических преступлений, а также семинары по актуальным проблемам российско-германского уголовного права с привлечением студентов Московской государственной юридической академии и юридического факультета Потсдамского университета. В процессе проводимых семинаров участники на немецком языке выступают с научными сообщениями и докладами, ведут сравнительно-правовые научные дискуссии. Результаты указанных научных мероприятий находят свое отражение в материалах издаваемых сборников.

В 2012 году юридический факультет Потсдамского университета за особые заслуги в развитии российско-германского сотрудничества в области юриспруденции, личный вклад в уголовно-правовую науку удостоил профессора А. И. Рарога звания почетного доктора Потсдамского университета.

В период работы заведующим кафедрой уголовного права Алексей Иванович установил творческие связи с учеными Казахстанской научной школы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права, сформированной на базе юридического факультета Казахского национального университета имени Аль-Фараби, в которую входили видные ученые юристы, доктора юридических наук, профессора А. Н. Агыбаев, З. О. Ашитов, С. Я. Булатов, Р. Е. Джанасараева, У. С. Джекебаев, Н. О. Дулатбеков, Г. Ф. Поленов, В. Н. Маркелов, Е. И. Каиржанов, И. И. Рогов, А. Х. Миндагулов, Г. С. Мауленов, Д. С. Чукмаитов, А. Б. Скаков, Г. Р. Рустемов, А. А. Темирбеков, К. С. Мауленов.

Кроме того, несмотря на большую трудовую нагрузку, А. И. Рарог поддерживает тесные творческие связи с Нижегородской академией МВД России: выступает в качестве официального оппонента по диссертационным исследованиям, проводит занятия в рамках

криминологических чтений на кафедрах криминального цикла, участвует в проведении научного форума «Юртехнетика», где выступает с научными докладами, осуществляет рецензирование научной и учебной литературы.

Научно-педагогическую деятельность А. И. Рагога невозможно представить без его общественной деятельности: он постоянно поддерживает тесные связи с практикой, с законодательской деятельностью. Еще в советское время принимал непосредственное участие в работе над проектами Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик, затем готовил предложения для подготовки нового Уголовного кодекса Российской Федерации. В течение ряда лет Алексей Иванович привлекался в качестве эксперта Комитетами Государственной Думы Российской Федерации. В настоящее время является членом Научно-консультационного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

Деловая репутация, непререкаемый авторитет, высокий профессионализм и принципиальность в оценке научного творчества служат основанием его деятельного и плодотворного участия в работе многочисленных редакционных коллегий, ведущих рецензируемых научно-практических и информационных изданий, выпускаемых в Российской Федерации, которые входят в перечень рекомендованных высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и Высшего образования Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук. К их числу следует отнести: «*Lex Russica*», «*Союз криминалистов и криминологов*», «*Уголовное право*», «*Общество и право*», «*Всероссийский юридический журнал*», «*Всероссийский криминологический журнал*».

Объективность и аргументированность в оценке подготавливаемых к публикации материалов, четкое отстаивание своей точки зрения позволяют повысить качество научных статей и, таким образом, решить сложные исследовательские теоретико-прикладные проблемы уголовного права, уголовного законодательства, криминологии.

Характерной особенностью научного творчества профессора А. И. Рагога является его взыскательность в оценке не только своих научных произведений, но и скрупулезное отношение к подготовке и изданию учебников, комментариев, научных статей, монографий других ученых.

В изданных научных сочинениях профессор А. И. Рагога детально изучает возникающие в

процессе применения уголовного законодательства проблемы. Используя нестандартные методологические приемы в оценке положений уголовно-правовой науки, уголовного законодательства, судебной практики, публицистической литературы, он выстроил целостную уголовно-правовую теорию субъективной стороны состава преступления, которая по многочисленным отзывам ученых-правоведов является сегодня доминирующей не только в отечественной, но и зарубежной доктрине уголовного права.

Большой заслугой профессора А. И. Рагога и научным результатом следует считать исследование многих значимых уголовно-правовых проблем, к числу которых относится проблема вины в уголовном праве, занимающая особое место в его творческой деятельности и представляющаяся наиболее значимой и перспективной для уголовно-правовой науки.

Подтверждением этому служит диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Теория вины в советском уголовном праве (общие и специальные вопросы)», в которой на высоком теоретическом уровне безупречно были решены многие вопросы, связанные с разработкой основ теории вины, содержанием и формой вины, степенью и объемом вины; обстоятельно исследовано понимание вины, мотива и цели совершения преступления как самостоятельных и отличающих друг от друга признаков состава преступления; выдвинуты и обоснованы основные постулаты квалификации преступлений по субъективным признакам, выстроена целостная теория субъективной стороны состава преступления.

Вряд ли кто из советских исследователей-специалистов в области уголовно-правовой науки так глубоко и детально начал проводить изучение института вины. Опубликованные им статьи свидетельствуют об огромном вкладе в осмысление проблем вины и послужили основой дальнейших исследований.

Подтверждением этому служат изданные монографические труды: «Вина в советском уголовном праве» (Саратов, 1997), «Общая теория вины в уголовном праве» (Москва, 1980), «Вина и квалификация преступлений» (Москва, 1982), «Проблемы субъективной стороны преступлений» (Москва, 1991), «Субъективная сторона и квалификация преступления» (Москва, 2002), «Квалификация преступлений по субъективным признакам» (Санкт-Петербург, 2002).

Диапазон его научной творческой деятельности не ограничивается проблемами вины. Им также исследованы система и виды наказания,

освобождение от уголовной ответственности и от наказания, судебское усмотрение при применении уголовно-правовых норм и др.

Заметен его вклад в теорию квалификации преступлений. Любая современная работа по этой проблеме обязательно содержит главу или параграф о принципах квалификации. Однако авторы почему-то не вспоминают о том, что первым (в опубликованной еще в 1991 г. статье «Понятие и принципы квалификации преступлений») А. И. Рагог поставил вопрос о том, что квалификация как процесс познания юридической сущности совершенного деяния осуществляется согласно определенным принципам.

Алексей Иванович на основе собранных материалов выстроил теоретическую концепцию уголовно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина как основополагающие идеи уголовного права, выделил приоритетные объекты общечеловеческих ценностей, которые стали господствующими в отечественной доктрине уголовного права.

Подтверждением этому служат изданные монографии: «Учение о наказании в уголовном праве России» (Москва, 2011), «Уголовно-правовое воздействие» (Москва, 2012), в которых он последовательно отстаивает использование в разумных пределах Института наказания в целях защиты прав и свобод человека и гражданина.

Широкую известность А. И. Рагог получил не только как высококвалифицированный, эрудированный педагог, но и ученый, внесший значительный вклад в подготовку научно-педагогических кадров. Высоким показателем его научной активности и воплощением творческих идей может служить работа с учениками, разрабатываемыми важнейшие направления в уголовно-правовой науке.

Под его научным руководством защищено 36 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук, в которых исследовались наиболее актуальные вопросы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права, уголовная ответственность юридических лиц, ответственность за превышение пределов необходимой обороны, источники уголовно-правовой системы Российской Федерации, угроза как преступление в уголовном праве России, уголовно-правовые средства противодействия терроризму, уголовно-правовые средства противодействия экстремизму, уголовно-правовые средства противодействия рабству и торговле людьми, уголовно-правовое значение орудий и средств совершения преступлений, уголовно-правовая оценка нападения, уголовно-правовое

значение хулиганских мотивов, мошенничество и его виды в российском уголовном праве, уголовно-правовое регулирование ответственности за бандитизм, уголовно-правовое обеспечение трудовых прав граждан и др.

При научном консультировании защищено 7 диссертаций на соискание ученой степени «доктор юридических наук» по специальности 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: С. М. Кочои «Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России» (1999), Л. Г. Мачковский «Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования» (2006), В. А. Нерсесян «Ответственность за неосторожные преступления» (2007), Г. А. Есаков «Учение о преступлении в странах семьи общего права» (2007), Т. И. Нагаева «Формы и виды преступного деяния» (2012), Э. Л. Сидоренко «Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования» (2013), А. Б. Баумштейн «Концептуальные начала уголовного права России» (2017).

Проводимые научные исследования отличаются практической направленностью и получили высокую оценку не только научной общественности, но и законодательных и правоприменительных органов.

Время неумолимо летит вперед, одна эпоха сменяет другую, и никто не может остановить этот естественный диалектический процесс, оказывающий свое влияние на все явления общественной жизни. Не является исключением и научное творчество. Характерным примером этому служит научная деятельность профессора А. И. Рагога, который своим творчеством объединил две значимые эпохи в развитии нашей страны. Символичным в этом случае является издание сборника избранных научных статей А. И. Рагога.

Идея издания сборника научных статей автора не является новой, но к ней приходится постоянно возвращаться, когда речь идет об известных ученых, прославивших российскую юридическую науку. Востребованность в такого рода научных сочинениях не подвергается сомнению и объясняется тем, что они становятся более доступными для широкого круга читателей, позволяют получить определенное представление о творчестве, взглядах, идеях ученого, прикоснуться к его научной деятельности.

Структура данной работы состоит из трех разделов, в которых включены ранее опубликованные статьи советского и постсоветского

периодов. В первом разделе размещены статьи по двум научным направлениям, в которых рассматриваются вопросы сравнительного правоведения («Критика “принципа вины” в уголовном праве ФРГ»), исследуются проблемы вины в советском уголовном праве («Вина, ответственность и наказание», «Понятие и сущность вины в советском уголовном праве», «Вина и перспектива развития советского уголовного законодательства», «Вина и вопросы общей части советского уголовного законодательства», «О видах умысла в особо опасных государственных преступлениях»), изучаются теоретические основы квалификации преступлений и дается обоснование классификации видов («Понятие и принципы квалификации преступлений», «Классификация видов хищений по размерам похищенного»).

Во втором и третьем разделах помещены статьи, написанные и опубликованные автором в сборниках научных трудов за последние два десятилетия по результатам международных научно-практических конференций, проведенных в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА) и Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, включающие следующие произведения: «Тенденции и перспективы развития уголовного законодательства», «Роль науки в развитии уголовного права», «Принцип системности права и развития уголовного законодательства», «Роль Верховного суда Российской Федерации в формировании судебной практики по уголовным делам», «Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства», «Роль судебной практики в развитии науки уголовного права», «Современное состояние учения о вине в российской науке уголовного права», «Российское уголовное законодательство: состояние и перспективы», «Нужен ли России новый Уголовный кодекс?», «Метаморфозы российской уголовно-правовой политики и системы наказаний», «Современные тенденции развития российского уголовного закона», «Приоритеты российской уголовно-правовой политики», «Уголовно-правовые амбиции российского законодателя», «Перспективы развития учения о вине в современной российской

науке уголовного права», «Новая подотрасль уголовного права», «Статья 235¹ УК РФ: достоинства и недостатки», «Законодательный процесс и ошибка законодателя».

В указанных сочинениях рассматриваются как общетеоретические, так и практические проблемы, касающиеся положений Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации, изучаются направления развития и совершенствования уголовно-правовой науки и уголовного законодательства. Ряд последних статей посвящен изучению правовых позиций законодателя и судебных органов — Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. По мнению автора, «у каждого из них должна быть своя правовая позиция, чтобы не было ситуации, когда в одних случаях они поступали так, а в другом — при таких же обстоятельствах — по иному. Уголовно-правовая позиция законодателя означает единообразное и незыблемое понимание фундаментальных основ уголовного права. Существующие примеры отступления от первоначальных воплощенных в законе идей создают возможность негативного влияния подобных отступлений на единообразие судебной практики и на соблюдение режима законности».

В частности А. И. Рарог уделяет особое внимание качеству уголовного закона, на допущенные законодателем правотворческие ошибки, приводящие к снижению эффективности его реализации, затрудняющие правильное его применение.

Включенные в сборник избранные научные статьи позволяют составить достаточно объемное представление о развитии уголовно-правовой науки в советский и постсоветский периоды, в эпоху коренных социально-экономических и политико-правовых изменений в России и, таким образом, оценить научный вклад профессора А. И. Рарога в исследование процессов, происходящих в обществе.

Публикуемые избранные научные статьи, написанные профессором А. И. Рарогом, представляют интерес для юристов, научных работников, преподавателей, студентов и слушателей юридических вузов, а также для широкого круга современного читателя.

Кузнецов Александр Павлович, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации

**Юбилей профессора Д. А. Липинского
(к 50-летию со дня рождения)**

**Anniversary of Professor D. A. Lipinsky
(to the 50th anniversary)**

Тридцатого марта 2022 года отмечает пятидесятилетний юбилей Дмитрий Анатольевич Липинский — профессор Тольяттинского университета. Юбиляр родился в г. Тольятти Куйбышевской области. Юридическое образование получил в Самарском государственном университете, который окончил в 1995 году. Свою профессиональную деятельность начал следователем органов внутренних дел в г. Тольятти. В 1996 году приступил к научно-преподавательской деятельности в учебных заведениях г. Тольятти.

С 2007 года и по настоящее время Д. А. Липинский работает в Тольяттинском государственном университете. Профессиональное становление Д. А. Липинского осуществлялось на протяжении четверти века, о чем свидетельствует его работа ассистентом, преподавателем, доцентом, профессором, заведующим кафедрой, заместителем ректора-директора института права. Сегодня он продолжает учебно-научную деятельность на кафедрах теории и истории государства и права; конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, где замещает должность профессора.

Д. А. Липинский удачно совмещает учебную и научно-исследовательскую деятельность. В 1999 году в признанном центре юридического образования и науки Саратовской государственной академии права под руководством профессора Р. Л. Хачатурова защитил кандидатскую диссертацию на тему «Формы реализации юридической ответственности». Выбор темы исследования был обусловлен как запросами практики, так и теории юриспруденции. Последовательность в исследовательской деятельности, стремление более детального изучения сущности избранной проблематики воплотилось в докторской диссертации на тему «Общая теория юридической ответственности», которую защитил в 2005 году (научный консультант Р. Л. Хачатуров).

Научную деятельность юбиляр совмещает с подготовкой студентов, магистрантов и других категорий обучающихся, о чем свидетельствуют присвоения ученых званий доцента (2002) и профессора (2009). Генерируя научные идеи, Д. А. Липинский щедро делится своими

знаниями и опытом с обучаемыми. Его успешное научное руководство позволило пополнить ряды ученых-исследователей десятью кандидатами юридических наук, которые являются проводниками идей и начинаний научного руководителя.

Профессор Д. А. Липинский активно занимается экспертной деятельностью, является экспертом Российского научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований и Республиканского исследовательского научно-консультационного центра экспертизы, в том числе неоднократно проходил переаккредитацию экспертом научно-технической сферы. О принципиальности и высокой профессиональной востребованности свидетельствует включение юбиляра в редколлегию журналов «Юридическая наука и правоохранительная практика», «Правовое государство: теория и практика», «Ex Jure», «Правовая культура», «Теория государства и права», которые входят в перечень Высшей аттестационной комиссии при Минобнауки России. С 2006 года Д. А. Липинский является приглашенным членом диссертационного совета при Казанском (Приволжском) федеральном университете.

Об интенсивности научно-исследовательской деятельности юбиляра свидетельствуют

показатели наукометрии: более 350 публикаций различных жанров, в том числе 4 индивидуальные и более 14 монографий, выполненных в соавторстве. Д. А. Липинским опубликовано 29 научных работ, индексируемых в Scopus, и 24 в Web of Science. Индекс Хирша составляет 31. О высоком качестве его научной деятельности свидетельствуют ссылки на его работы более чем в 3 200 научных публикациях различных авторов по самому широкому спектру юридических вопросов. География цитирований юбиляра простирается от Калининграда до Владивостока.

О востребованности научных работ юбиляра свидетельствуют публикации в таких известнейших отечественных периодических изданиях, как «Государство и право», «Известия вузов. Правоведение», «Журнал российского права», «Российская юстиция», «Юрист», «Законность». Д. А. Липинскому удачно удается сочетать высокие теоретико-правовые абстракции с отраслевой юридической проблематикой, обнаруживать и исследовать прикладные вопросы, требующие дополнительного доктринального осмысления.

Наибольшую известность Д. А. Липинскому принесли его работы, посвященные проблеме юридической ответственности, принципов и функций права, национальной безопасности. Не только взыскательному научному сообществу, но и широкой аудитории, интересующейся вопросами права, известны такие монографии, вышедшие из-под пера юбиляра, как «Проблемы юридической ответственности» (СПб.: Юридический центр Пресс, 2003), «Принципы и правоотношения юридической ответственности» (М.: NotaBene, 2003), «Общая теория юридической ответственности» (СПб.: Юридический центр Пресс, 2007) (в соавторстве с Р. Л. Хачатуровым); «Национальная безопасность, юридическая ответственность и безответственность: проблемы механизма взаимодействия и системных связей» (М.: РИОР, 2020, соавтор и научный редактор). Этот перечень далеко не исчерпывающий, а о высокой популярности монографий юбиляра свидетельствует их неоднократное переиздание, что предопределено очевидным читательским интересом.

По версии европейского рейтинга Rankingsfor Scientist Д. А. Липинский в 2021 году вошел в TOP-100 ученых-юристов, где занял 60-е место среди европейских ученых-юристов. Результаты научной деятельности юбиляра получили высокую оценку в профессиональном сообществе.

Самарское (региональное) отделение Ассоциации юристов России в 2015 году наградило Д. А. Липинского премией «Юрист 2015 года Самарской области» в номинации «Наука и образование». В этой же номинации в составе коллектива в 2016 году он был удостоен премии «Юрист года Самарской области».

За плодотворную научно-педагогическую деятельность Д. А. Липинский неоднократно награждался почетными грамотами Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, губернатора Самарской области, а также иными наградами органов государственной власти и местного самоуправления.

О высоком научно-организационном потенциале юбиляра свидетельствует успешное руководство рядом научных проектов в рамках Российского государственного научного фонда (РГНФ) и Российского фондам фундаментальных исследований (РФФИ). Другой проект под руководством Д. А. Липинского (подготовка и издание монографии) в 2021 году был поддержан грантом губернатора Самарской области. Следует отметить, что юбиляр умеет сочетать фундаментальную науку с исследованием прикладных проблем. Так, под его руководством на конкурсной основе было выиграно и проведено исследование сайтов представительных органов Самарской области на предмет соответствия федеральному законодательству. Инициатором конкурса научно-исследовательских работ выступила Самарская Губернская Дума.

Осознавая роль и значение активизации научной деятельности, юбиляр является организатором и соруководителем ряда международных и всероссийских научно-представительских мероприятий под эгидой журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь» и других периодических научных изданий. О высоком уровне проведенных мероприятий свидетельствует их систематическое освещение в виде обзоров в журнале «Государство и право».

Д. А. Липинский установил давние и прочные связи с Нижегородской академией МВД России. Признавая высокий научный потенциал нашего вуза, принципиальный подход нижегородских ученых к научной экспертизе, юбиляр неоднократно обращался с просьбой дать экспертную оценку его работам, в том числе и диссертационным исследованиям. В свою очередь, он неоднократно приглашался в качестве официального оппонента по исследованиям, защищаемым в диссертационном совете Нижегородской академии МВД России. Его глубинный,

объективный анализ диссертаций является широко востребованным, позволяет не только объективно оценить проделанную соискателями работу, но и наметить горизонты будущих исследований.

Сердечно поздравляем Дмитрия Анатольевича Липинского с юбилеем, желаем крепкого здоровья, творческого долголетия, бодрости духа, жизнелюбия, неиссякаемого вдохновения, профессиональной востребованности!

В. М. Баранов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»

Н. В. Макарейко, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России

**Требования к рукописям статей,
представляемым для опубликования в журнале
«Юридическая наука и практика:
Вестник Нижегородской академии МВД России»**

1. К опубликованию принимаются рукописи статей, соответствующие тематике Журнала.

2. Рукопись статьи должна содержать:

— **универсальный десятичный код (УДК)** (см.: <http://teacode.com/online/udc/>);

— **сведения об авторе на русском и английском языках** (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, рабочий адрес, адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), контактные телефоны);

— **заголовок на русском и английском языках;**

— **аннотацию на русском и английском языках;**

— **ключевые слова на русском и английском языках;**

— **список библиографических ссылок на русском и английском языках** (в журнале принята затекстовая система библиографических ссылок, оформленных в соответствии с ГОСТ 7.0.5—2008, с размещением в тексте номера источника и страницы в квадратных скобках; использование подстрочных ссылок не допускается).

3. Статья объемом **не более 12 машинописных страниц** направляется в редакцию в распечатанном и электронном вариантах (в формате RTF), которые должны быть идентичны.

4. Текст статьи печатается гарнитурой Times New Roman, размер шрифта — 14, интервал — 1,5. Поля — по 2 см с каждой стороны. Нумерация страниц обязательна.

5. Редакция оставляет за собой право осуществлять техническое редактирование (не меняющее смысла) авторского оригинала.

6. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

7. Автор несет ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, наличие сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати. После вычитки отпечатанного текста автор на последней странице собственноручно пишет: **«Рукопись вычитана, цитаты проверены (дата, подпись)»**.

8. При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи в сети «Интернет» (на сайте Нижегородской академии МВД России, сайтах научных электронных библиотек).

9. Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей.

Почтовый адрес:
603950, г. Нижний Новгород, Бокс-268,
Анкудиновское шоссе, д. 3,
Нижегородская академия МВД России (РИО).
Тел.: 8 (831) 421-73-21.
E-mail: rio_na@mvd.gov.ru
Сайт: na.mvd.rf